Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ.

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ И ВОЙНА.

РОМАНЪ.

Авторизованный переводъ съ англійскаго
М. Ликіардопуло.

Изд. „ПАРУСЪ", Птг.
1918.

Типографія издательства „ПАРУСЪ“. Петроградъ, Шпалерная, 26.

Часть первая.

ГЛАВА I.

М-ръ Дирекъ навѣщаетъ м-ра Бритлинга.

I.

Уже шестой день, какъ м-ръ Дирекъ прибылъ въ Англію, и съ каждымъ днемъ онъ все острѣе ощущалъ различіе между нею и Америкой. Онъ нашелъ Англію удовлетворительной во всѣхъ отношеніяхъ, противоположной всему американскому, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ этого ожидалъ.

Много лѣтъ онъ лелѣялъ мечту объ этомъ путешествіи, но, будучи скорѣе добродушно-веселаго, чѣмъ энергичнаго темперамента, онъ позволилъ цѣлому ряду причинъ и обстоятельствъ откладывать эту поѣздку въ Англію изъ года въ годъ. Но вотъ всѣ причины и обстоятельства были на время устранены, и м-ръ Дирекъ очутился въ Англіи...

Ему очень хотѣлось видѣть эту „древнюю" страну, откуда вели свой родъ его предки по матери. Развѣ и по сей день въ его спальнѣ въ Нью-Іоркѣ не виситъ еще акварельный рисунокъ церкви въ Маркетъ-Саффронѣ, на погостѣ котораго похоронена его бабушка? Да и вообще ему хотѣлось посмотрѣть Европу. А кромѣ того, въ видѣ своего рода безплатнаго приложенія, онъ надѣялся, въ качествѣ не слишкомъ обремененнаго работой и получающаго болѣе чѣмъ приличное вознагражденіе секретаря „Массачузетскаго Общества для изученія современной мысли" — повидать и побесѣдовать о разныхъ интересныхъ вещахъ съ м-ромъ Бритлингомъ, проживавшимъ въ Матчингсъ-Изи.

М-ръ Дирекъ былъ человѣкъ довольно распространеннаго въ Америкѣ типа. Чистенькій и пріятный на видъ, онъ напоминалъ своей наружностью тѣ картинки, какія можно

видѣть въ объявленіяхъ иллюстрированныхъ американскихъ журналовъ, образецъ того пріятнаго мужчины, который вѣчно улыбается и говоритъ:

„Да, это — папиросы Вилькинса, и поэтому онѣ лучше всѣхъ“, или: „Грудь моей сорочки никогда не морщится, такъ какъ это — сорочка Чессонъ“. Теперь онъ говорилъ, все съ тою же неизмѣнной улыбкой:

„Прекрасно, потому что это — англійское“. Ему доставляло удовольствіе все непохожее на американское, все, что такъ или иначе ему могло показаться „характернымъ“. Въ поѣздѣ, отъ пристани до Лондона, онъ громко смѣялся отъ удовольствія, наблюдая шахматную доску маленькихъ полей на чеширскихъ холмахъ; онъ самодовольно тихо захихикалъ, очутившись въ купэ вагона безъ коридора, щедро далъ „на чай“ добродушному кондуктору, поразмысливъ передъ этимъ на мгновеніе, полагается ли здѣсь вообще давать „на чай“; а по своему номеру въ лондонской гостиницѣ онъ ходилъ въ какомъ-то экстазѣ, бормоча про себя: „Господи! Господи! Вотъ здорово!“ — съ наслажденіемъ констатируя отсутствіе телефона, парового отопленія и ванной. За завтракомъ лакей, какъ-будто изъ Диккенса, отказался понять, что такое „cerea ls“ [1]) и принесъ ему яйцо въ фарфоровой подставкѣ, точь-въ-точь такой, какую можно видѣть въ рисункахъ „Пёнча“ [2]). Темза, когда онъ спустился къ ней, превзошла всѣ его ожиданія, оказавшись самой маленькой рѣченкой, какую онъ когда-либо видалъ, и онъ съ трудомъ сдержался, чтобы не остановить перваго попавшагося прохожаго и не спросить, съ подчеркнутымъ американскимъ акцентомъ:

„Скажите, неужели эта крошечная, грязная канавка и есть историческая рѣка Темза?“

Слѣдуетъ пояснить, что въ Америкѣ м-ръ Дирекъ всегда говорилъ на очень правильномъ англійскомъ языкѣ, но теперь онъ испытывалъ величайшее затрудненіе сдержать свое стремленіе говорить въ носъ и пользоваться, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, сухими „американизмами“. Когда люди задавали ему вопросы, ему хотѣлось отвѣтить имъ американскими жаргонными словечками, которыя ему и въ голову не приходило бы употреблять въ Америкѣ. У него было сознаніе принятой на себя роли. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ видѣли и слышали, что онъ — американецъ, пріѣхавшій посмотрѣть

---

[1]) Родъ овсянки.

[2]) „Пёнчъ“ — извѣстный англійскій юмористическій журналъ.

Англію. Онъ хотѣлъ быть въ точности тѣмъ, чѣмъ, какъ онъ предполагалъ, всякій англичанинъ ожидалъ его. По крайней мѣрѣ, его платье было нарочито заказано у типично-американскаго портного, и, на основаніи этого, шофферъ таксо-мотора вѣжливо, но твердо убѣдилъ его, что шиллинги, отсчитанные на таксометрѣ, были вовсе не шиллинги, а доллары; это былъ инцидентъ, въ значительной степени способствовавшій тому, что въ представленіи м-ра Дирека самъ м-ръ Дирекъ сталъ рисоваться, какъ нѣчто выдѣляющееся почти съ характерной отчетливостью на окружающемъ англійскомъ фонѣ. И въ результатѣ шофферъ получилъ свои доллары.

Дѣло въ томъ, что все время на пароходѣ, по дорогѣ въ Англію, м-ръ Дирекъ опасался, какъ бы Англія не оказалась просто легендой, Лондонъ — вторымъ Нью-Іоркомъ, а англичане — точными копіями американцевъ.

II.

И вотъ теперь онъ очутился на вѣткѣ крошечной старинной Великой Восточной желѣзной дороги, на пути въ Матчингсъ-Изи въ графствѣ Эссексъ и въ самомъ сердцѣ Англіи Вашингтона Ирвинга [1]).

Англія Вашингтона Ирвинга! Да, это было такъ, внѣ всякаго сомнѣнія. М-ру Диреку уже не сидѣлось, онъ не могъ удовольствоваться мелькающими въ окнѣ вагона намеками, онъ долженъ былъ встать — съ трудомъ — въ маленькомъ купэ и высунуть свое большое, съ твердыми чертами, добродушное лицо въ окно, какъ бы привѣтствуя проносящіеся ландшафты. Мѣстность, плывшая подъ лучами іюльскаго солнца, была аккуратна и ясна: старый садъ, крошечныя хлѣбныя поля, окаймленныя изгородями шиповника, рощи и маленькія пастбища безконечной аккуратности. Онъ увидалъ настоящій англійскій паркъ съ живыми оленями: у входа въ него — наполовину развалившіяся желѣзныя ворота, столбы съ высѣченными на нихъ гербами, а вдали, среди безъ сомнѣнія столѣтнихъ деревьевъ, знаменитый замокъ Брэсбриджъ-Холлъ. Онъ увидалъ коттеджи съ дубовыми перекладинами и соломенными крышами и съ полдюжины придорожныхъ постоялыхъ дворовъ со скрипящими на вѣтру вывѣсками; толстаго пастора,

---

[1]) Знаменитый американскій писатель (1783 — 1859), авторъ путевыхъ замѣтокъ объ Англіи (Sketch-Book).

ѣхавшаго по травянистой проселочной дорогѣ въ крошечномъ шарабанѣ, запряженномъ жирнымъ сѣрымъ пони. Это было такъ непохоже на то, что онъ зналъ раньше! Это ожившая литература!

М-ръ Бритлингъ жилъ въ Дауэръ-Хаузѣ, и, какъ объяснилъ онъ въ своемъ письмѣ къ м-ру Диреку, его домъ находился на краю парка Клаверингсъ. Клаверингсъ! Самое подходящее имя для англійскаго величественнаго загороднаго дома!..

А между тѣмъ, Матчингсъ-Изи находился всего въ сорока двухъ миляхъ отъ Лондона. Это, должно-быть, просто пригородъ. Если бы Матчингсъ-Изи находился въ Америкѣ, то тутъ жили бы мѣнялы. Но м-ръ Дирекъ этимъ предположеніемъ обнаружилъ незнаніе факта, очень существеннаго для пониманія Англіи. Пригородная полоса Лондона обрывается въ одномъ направленіи; пригородныя мѣста тянутся на западъ, на югъ и на сѣверо-западъ отъ Лондона: съ сѣверо-восточной же стороны пригородовъ нѣтъ. Тамъ — графство Эссексъ, съ его характерными, очень индивидуальными чертами и обаятельной природой. Тамъ нѣтъ ничего типично-пригороднаго. Очаровательный Эссексъ отдѣленъ отъ центра Лондона двумя большими преградами: Лондонскимъ Истъ-Эндомъ и Эппингъ-Форестомъ. Чтобы доѣхать до какого-нибудь центра пригородныхъ виллъ, поѣздъ, нагруженный пассажирами съ сезонными билетами, кружитъ по этой уцѣлѣвшей лѣсистой мѣстности на протяженіи двадцати неиспользованныхъ миль. За полотномъ Великой Восточной желѣзной дороги Эссексъ продолжаетъ жить мирной жизнью восемнадцатаго вѣка, и Лондонъ, этотъ современный Вавилонъ, кажется тамъ, подобно звѣздамъ, лишь яркой точкой на вечернемъ небѣ. А между тѣмъ, какъ ему вскорѣ объяснилъ самъ м-ръ Бритлингъ, въ Матчингсъ-Изи и по сей день живетъ еще съ полдюжины людей, которые никогда въ глаза не видали Лондона... и не желаютъ его видѣть.

На узловой станціи главной линіи м-ръ Дирекъ узналъ, что ему надо заранѣе предупредить главнаго кондуктора, чтобы тотъ остановилъ поѣздъ въ Матчингсъ-Изи. Поѣзда останавливались тамъ только „по требованію“. Часъ-отъ-часу все становилось интереснѣе и знаменательнѣе! И когда м-ръ Дирекъ открылъ дверцы купэ и вылѣзъ изъ поѣзда, онъ увидалъ только маленькаго древняго эссекскаго старожила, который совмѣщалъ въ своей особѣ и начальника станціи, и стрѣлочника, и носильщика, и все, что угодно. Старичокъ держалъ въ рукѣ красный флагъ и бесѣдовалъ съ м-ромъ Бритлингомъ о культурѣ душистаго горошка, составлявшаго гордость станціи.

А рядомъ съ нимъ стоялъ самъ м-ръ Бритлингъ, единственная дѣловая цѣль и предметъ величайшихъ ожиданій м-ра Дирека. Онъ былъ совершенно непохожъ на всѣ портреты, какіе видѣлъ м-ръ Дирекъ, а между тѣмъ это былъ, несомнѣнно, м-ръ Бритлингъ, такъ какъ больше никого не было на платформѣ, и, кромѣ того, онъ направлялся къ м-ру Диреку съ привѣтственнымъ жестомъ.

— Видали ли вы когда-нибудь такой душистый горошекъ, м-ръ Дирекъ? — сказалъ м-ръ Бритлингъ, взамѣнъ привѣтствій и представленій.

— Чудесный! Замѣчательный! — сказалъ м-ръ Дирекъ, стараясь придать голосу добрый англійскій оттѣнокъ.

— Да! Да! — прибавилъ начальникъ станціи неожиданно пронзительнымъ голосомъ. — На рѣдкость хорошій выдался нынче годъ для горошка.

И, захлопнувъ дверь купэ, старичокъ сталъ продѣлывать какія-то манипуляціи съ флагомъ, въ то время какъ оба джентльмена оглядывали, какъ говорится, другъ друга съ ногъ до головы.

III.

М-ру Диреку въ жизни вообще везло. На его долю всегда выпадали пріятныя вещи. Одной изъ такихъ пріятныхъ вещей въ жизни было его положеніе въ качествѣ секретаря — на жалованьѣ, и очень крупномъ, — того Общества мыслящихъ крупныхъ дѣльцовъ въ Массачузетсѣ, о которомъ выше было упомянуто. Цѣль Общества сводилась къ тому, чтобы какъ можно ближе и скорѣйшимъ путемъ входить въ соприкосновеніе съ лучшими представителями нашего вѣка.

Будучи слишкомъ занятыми практическими дѣлами, чтобы слѣдить обычнымъ путемъ за міровою мыслью во всѣхъ ея отвѣтвленіяхъ, эти дѣльцы изъ Массачузетса должны были изыскивать болѣе быстрые и экономные способы ознакомленія. И они рѣшили не обращать вниманія ни на какія новыя завоеванія въ области человѣческой мысли до той поры, пока эти завоеванія не станутъ общепризнанными фактами. И тогда, вмѣсто того, чтобы зарываться и углубляться въ отвлеченныя, уже подвергавшіяся оцѣнкѣ книги, — они обычно предлагали внушительный гонораръ новопризнанному мыслителю, съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ въ Америку прочитать лекцію, устроить бесѣду и разсказать имъ просто, ясно и исчерпывающе, изъ первыхъ рукъ, все, къ чему онъ стремится, чего онъ добивается.

Однимъ словомъ — пріѣхать и быть самимъ собою въ высокосконцентрированной формѣ. Такимъ образомъ значительное число очень интересныхъ европейцевъ получило возможность совершить весьма пріятныя экскурсіи въ Америку, а общество дѣльцовъ, въ свою очередь, получало возможность составить себѣ очень опредѣленныя мнѣнія объ ихъ ученіяхъ.

М-ръ Бритлингъ былъ какъ-разъ однимъ изъ такихъ выдающихся мыслителей, съ которыми Общество рѣшило непосредственно ознакомиться. И для того, чтобы лично передать приглашеніе и предложить тотъ внушительный гонораръ, которымъ Общество дѣлало честь не только своимъ гостямъ, но и самому себѣ, — и пріѣхалъ теперь м-ръ Дирекъ въ Матчингсъ-Изи. Онъ предварительно переслалъ м-ру Бритлингу рекомендательное письмо отъ одного общаго знакомаго въ Америкѣ. Въ письмѣ этомъ не была указана истинная цѣль путешествія м-ра Дирека, а говорилось только о желаніи м-ра Дирека познакомиться лично съ извѣстнымъ м-ромъ Бритлингомъ, но письмо было составлено въ такихъ удачныхъ выраженіяхъ, и авторъ его оставилъ въ памяти м-ра Бритлинга такое хорошее воспоминаніе о пріятномъ гостепріимствѣ, оказанномъ англійскому писателю во время его предыдущей поѣздки въ Нью-Іоркъ, что въ отвѣтъ на письмо послѣдовало немедленное приглашеніе м-ру Дireку не только пріѣхать повидаться съ м-ромъ Бритлингомъ, но даже провести у него „week-end“ [1]).

И вотъ теперь они стояли и пожимали другъ другу руки. М-ръ Бритлингъ оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ ожидалъ его увидать м-ръ Дирекъ. Онъ ожидалъ увидать англичанина въ костюмѣ для гольфа, съ коротенькими до колѣнъ спортивными брючками, однимъ словомъ, типичнаго англичанина въ деревенскомъ костюмѣ, какими ихъ рисуютъ въ иллюстраціяхъ къ американскимъ разсказамъ изъ англійской жизни. Онъ ожидалъ увидѣть поникшее, мягко-печальное лицо съ длинными, задумчиво опущенными усами, однимъ словомъ, то самое лицо, къ которому, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, американскій издатель сочиненій м-ра Бритлинга пріучилъ американскую публику. Вмѣсто этого, м-ръ Бритлингъ оказался одѣтымъ въ костюмъ весьма неопредѣленнаго вида, а выраженіе его лица меньше всего говорило о мягкости. Усы, волосы,

---

[1]) „Week-end“ — буквально „конецъ недѣли“. Въ Англіи принято ѣздить къ знакомымъ, живущимъ за городомъ, чтобы провести вторую половину субботы и цѣликомъ воскресенье и возвращаться въ городъ въ понедѣльникъ утромъ. *Прим. пер.*

брови торчали щетиной; красное, покрытое веснушками, лицо тоже какъ-будто готово было ощетиниться. Маленькіе каріе глазки быстро бѣгали по сторонамъ, пока, наконецъ, прочно не остановились на м-рѣ Дирекѣ. М-ръ Бритлингъ принадлежалъ къ той категоріи людей, которые при приближеніи фотографа словно мѣняютъ свои волосы, внѣшность, платье, свой духовный обликъ. Только фотографическій аппаратъ могъ заставить м-ра Бритлинга расчесать и пригладить свои волосы, и только на фотографическихъ снимкахъ имѣлъ онъ это выраженіе покорнаго мученичества, столь знакомое м-ру Диреку. М-ръ Дирекъ былъ также совершенно неподготовленъ къ нѣкоторой небрежности, которую можно было замѣтить въ костюмѣ м-ра Бритлинга, одѣтаго въ очень старую и потрепанную синюю фланелевую куртку, въ мѣшковатые у колѣнъ коротенькіе брючки, къ тому же, безъ шляпы. На ногахъ его были грубые и морщившіеся шерстяные чулки и тѣ поразительныя, изъ яркихъ цвѣтныхъ лоскутковъ, ночныя туфли, которыя можно купить лишь на сѣверѣ Франціи, алаго цвѣта съ зелеными переплетами. Объясняется это тѣмъ, что м-ръ Бритлингъ лишь въ послѣднюю минуту вспомнилъ, что надо ѣхать на станцію встрѣчать м-ра Дирека, и помчался прямо изъ своего кабинета въ томъ костюмѣ, который надѣлъ еще утромъ, вставая. Лицо его имѣло благодушное выраженіе дружественно настроеннаго длинношерстнаго фокстерръера, и м-ру Диреку бросилось въ глаза, что для человѣка столь интеллектуальной исключительности м-ръ Бритлингъ былъ необычайно малъ ростомъ.

М-ръ Бритлингъ былъ несомнѣнно выдающейся личностью. Его имя встрѣчалось во всѣхъ литературныхъ и научныхъ справочникахъ обѣихъ частей свѣта. За послѣдніе годы онъ довольно быстро выросъ въ писателя, признаваемаго и привѣтствуемаго наиболѣе культурной частью американской публики, и былъ даже извѣстенъ избранному кругу англійскихъ читателей, не говоря уже о томъ, что имя его было знакомо каждому грамотному человѣку въ Германіи и Россіи. Передъ своими американскими „открывателями“ онъ впервые предсталъ въ качествѣ автора серьезныхъ изслѣдованій по вопросамъ эстетики, восточнаго мышленія, національнаго характера, поэзіи и живописи. Онъ объѣхалъ Америку нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ одного изъ Кан'овскихъ стипендіатовъ, одного изъ тѣхъ обѣщающихъ писателей и одаренныхъ людей, которые, благодаря стипендіямъ оригинальнаго парижскаго благотворителя, Огюста Кана, имѣютъ возможность

путешествовать съ комфортомъ и удобствами по міру, дабы ознакомиться и усвоить духъ интернаціонализма. До этого онъ былъ художественнымъ и литературнымъ критикомъ — авторомъ вдумчивыхъ третьихъ „передовицъ Таймса". Началъ же онъ свою карьеру съ университетскихъ стипендій въ Пемброкѣ, въ Кэмбриджѣ и премированной поэмы. Послѣ своей поѣздки вокругъ свѣта онъ вернулся снова къ своему уголку въ „Таймсѣ" и къ писанью книгъ о національныхъ взаимоотношеніяхъ и соціальной психологіи. Эти-то книги и создали ему быстро извѣстность.

Умъ его, по природѣ своей, былъ раздражителенъ, что придавало его описаніямъ остроту и темпераментность. Кромѣ того, онъ обладалъ еще нѣкоторой упрямой оригинальностью и довольно великодушнымъ характеромъ. Поэтому онъ былъ всегда оживленъ, иногда всеобъемлющъ, но никогда рѣзокъ и грубъ. Онъ любилъ писать и говорить. Говорилъ онъ обо всемъ, на все имѣя свои собственные взгляды. Это послѣднее было для него столь же необходимо, какъ необходимо собакѣ понюхать ваши каблуки. И онъ вѣчно обнюхивалъ каблуки дѣйствительности. Многіе находили его интереснымъ и поучительнымъ, иные же — невыносимымъ. Онъ обладалъ весьма запутаннымъ клубкомъ идей и взглядовъ относительно расъ, имперій, соціальнаго строя, политическихъ учрежденій, садовъ, автомобилей, будущности Китая и Индіи, эстетики, Америки, воспитанія и образованія человѣчества вообще...

М-ръ Дирекъ, прочитавъ значительную часть всѣхъ разнохарактерныхъ писаній м-ра Бритлинга, находилъ ихъ занимательными, поучительными и съ искреннимъ восторгомъ пріѣхалъ въ Европу, чтобы познакомиться съ авторомъ. Во время путешествія на пароходѣ черезъ Атлантическій океанъ и во дни, непосредственно предшествовавшіе ихъ встрѣчѣ, онъ усердно репетировалъ эту встрѣчу въ различныхъ тонахъ, но всегда опираясь на предположеніе, что м-ръ Бритлингъ окажется большимъ, тихимъ, задумчивымъ человѣкомъ. И, на этотъ случай, м-ръ Дирекъ приготовилъ цѣлый рядъ пріятныхъ и занимательныхъ вступленій для ихъ будущей первой бесѣды. Но онъ совсѣмъ не принялъ въ разсчетъ ни порывистой живости м-ра Бритлинга, ни начальника станціи Матчингсъ-Изи. А эта особа, совершенно забывъ, что м-ръ Бритлингъ и м-ръ Дирекъ, по обычаю культурныхъ людей, должны, прежде всего, обмѣняться мнѣніями, схватилъ чемоданъ м-ра Дирека и, шагая рядомъ съ обоими джентльменами, направлявшимися къ воротамъ станціи, продолжалъ очевидно прерванное приходомъ

поѣзда разсужденіе о горошкѣ, обращенное главнымъ образомъ къ м-ру Бритлингу.

Это былъ небольшого роста старичокъ съ рѣшительнымъ лицомъ и голосомъ моряка; было ясно, что онъ плохо разсчитывалъ разстояніе, отдѣляющее его отъ своихъ слушателей.

— Мистеръ Дарлингъ,—знаете, садовникъ въ Клаверингсѣ,— онъ, какъ ни старается, а такого горошка не можетъ выраститъ... Онъ все перепробовалъ... И пескомъ обсыпалъ, и досталъ такія же сѣмена, какъ мои. Онъ тутъ третьяго дня былъ и говорилъ мнѣ: „Чортъ меня побери! Какимъ это образомъ простой начальникъ станціи можетъ перещеголять меня, профессіонала?“ А вотъ я и перещеголялъ. И въ часы досуга только, какъ говорится. Онъ все перепробовалъ... удобренія, все...

— Вы въ Англіи впервые?—спросилъ м-ръ Бритлингъ у своего гостя.

— Абсолютно,—отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— ...А я ему говорю: а вы вотъ одного не попробовали, говорю я ему,—продолжалъ начальникъ станціи, повышая свой голосъ.

— У меня тутъ стоитъ маленькій автомобиль,—сказалъ м-ръ Бритлингъ,—мы живемъ вѣдь въ двухъ миляхъ отъ станціи.

— ...Я ему и говорю: а вы попробовали вибрацію почвы, производимую поѣздами?..: Вотъ что я ему сказалъ... Вотъ чего вы не попробовали, м-ръ Дарлингъ. И вотъ чего вы не можете у себя попробовать, говорю я ему. Въ этой самой вибраціи поѣздовъ...

Выйдя за ворота, м-ръ Дирекъ отдалъ свой билетъ начальнику станціи, который все не переставалъ повторять свой анекдотъ, уже крича во весь голосъ, все время, пока м-ръ Бритлингъ устраивалъ себя и своего гостя въ автомобилѣ.

— Вы крыло совсѣмъ не повредили, сэръ, ни капельки!— кричалъ начальникъ станціи.—Я его осмотрѣлъ. Пострадалъ, главнымъ образомъ, мой заборъ. Да и то только одинъ столбъ. Вамъ чемоданъ поставить сзади, сэръ?

М-ръ Дирекъ отвѣтилъ утвердительно и послѣ минутной нерѣшительности вознаградилъ начальника станціи за его услуги.

— Готово?—спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Готово, сэръ!—крикнулъ начальникъ станціи.

И, сдѣлавъ довольно широкій поворотъ, м-ръ Бритлингъ вывелъ машину изъ станціоннаго двора на большую дорогу.

IV.

Теперь, казалось, наступило время м-ру Диреку начать свои столь долго обдуманныя рѣчи. Но непредвидѣнное осложненіе снова парализовало его намѣреніе. М-ръ Дирекъ почти съ первой же минуты убѣдился, что, по всей вѣроятности, м-ръ Бритлингъ лишь въ первый или во второй, въ крайнемъ случаѣ, въ третій разъ управляетъ автомобилемъ.

Это стало замѣтнымъ сразу же, какъ только м-ръ Бритлингъ попытался усилить ходъ, а вмѣсто этого совершенно остановилъ машину, — и опредѣлилось съ полной очевидностью, когда м-ръ Бритлингъ чуть-чуть было, поворачивая за уголъ, не въѣхалъ на всемъ ходу въ телѣгу булочника.

— Я вмѣсто „газа" — нажалъ тормозъ,—сталъ пояснять м-ръ Бритлингъ. — Такъ вначалѣ случается со всѣми!.. Да, мы прямо-таки чудомъ такъ счастливо отдѣлались!

Послѣ этого случая м-ръ Дирекъ рѣшилъ лучше не отвлекать вниманіе м-ра Бритлинга своими попытками завязать бесѣду. Обоими джентльменами овладѣло напряженное молчаніе, вскорѣ нарушенное внезапнымъ возгласомъ м-ра Бритлинга и необычайнымъ шумомъ мотора.

— Чортъ!.. — крикнулъ м-ръ Бритлингъ. — Какъ же это я?

И м-ръ Дирекъ замѣтилъ, что сначала его вожатый попытался было направить машину въ очень красивыя ворота. Потомъ, видимо, отъ этого намѣренія отказался, и въ концѣ концовъ они остановились, проѣхавъ саженъ пять мимо воротъ, по дорогѣ.

— Промахнулся! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, отнялъ руки отъ руля, громко отдышался, просвисталъ нѣсколько тактовъ какой-то неопредѣленной аріи и затихъ.

— Мы проѣдемъ черезъ эти древнія ворота? — спросилъ м-ръ Дирекъ послѣ маленькой паузы.

М-ръ Бритлингъ оглянулся черезъ правое плечо и сталъ мысленно разрѣшать задачи разстоянія и кривизны.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — я поѣду лучше не черезъ паркъ, а кругомъ, большой дорогой. Это возьметъ немного больше времени, но зато будетъ проще, чѣмъ осаживать здѣсь машину и маневрировать... Вы знаете, эти электрическіе зажигатели чрезвычайно удобны. Иначе мнѣ пришлось бы сейчасъ слѣзть и вертѣть ручку, чтобы пустить моторъ въ ходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ нимъ снова предсталъ уголъ, за который надо было завернуть, что, очевидно,

представляло не мало затрудненій, и м-ръ Бритлингъ снова вскрикнулъ:

— Эй! Эй! О... чортъ!

А черезъ мгновенье сильно накренившійся назадъ автомобиль стоялъ уже на насыпи дороги, зарывшись носомъ въ изгородь изъ шиповника и каприфолій, откуда въ испугѣ вылетѣла цѣлая стая воробьевъ.

V.

— Попробую, — сказалъ м-ръ Бритлингъ послѣ короткой паузы, — осадить машину и выбраться опять на дорогу. — Ему, видимо, хотѣлось какъ-нибудь оправдаться передъ м-ромъ Дирекомъ.

— Видите ли, — сказалъ онъ, — сначала заворачиваешь за уголъ. Это совсѣмъ просто. А потомъ забываешь дать прямой ходъ колесамъ и начинаешь ненужнымъ образомъ вертѣться. Это велосипедная привычка. Велосипедъ самъ выравнивается, и какъ-то ждешь того же и отъ автомобиля. Это я самъ виноватъ, конечно. Въ книгѣ все объяснено, но я забылъ въ нужную минуту всѣ правила.

Онъ началъ производить какіе-то опыты съ рычагами, отчего моторъ сталъ сердиться и урчать.

— Нѣтъ, ничего не выходитъ. Колеса слишкомъ глубоко зарылись въ песокъ. Можетъ-быть, вы будете любезны слѣзть и попробовать потянуть машину назадъ за колесо. А я тѣмъ временемъ дамъ задній ходъ, и тогда мы, быть-можетъ, двинемся.

М-ръ Дирекъ покорно слѣзъ, и нѣкоторое время они оба дѣлали молча огромныя усилія.

— А если бы вы взялись за спицы?! Вотъ такъ!.. Разъ, два, три... Нѣтъ, — ну, что жъ, придется посидѣть здѣсь, пока кто-нибудь не пройдетъ мимо и не поможетъ намъ. О! не бойтесь, это будетъ скоро, дорога здѣсь — людная. Садитесь пока опять на свое мѣсто.

Послѣ минутнаго размышленія м-ръ Дирекъ снова занялъ свое мѣсто рядомъ съ м-ромъ Бритлингомъ.

VI.

Оба джентльмена начали улыбаться другъ другу, чтобы разсѣять всякія подозрѣнія о взаимномъ недовольствѣ.

— Я еще очень плохо умѣю управлять автомобилемъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ тономъ откровеннаго безпристрастія; — дѣло въ томъ, что я недавно купилъ эту машину. До этого автомобиль поставлялъ мнѣ одинъ лондонскій гаражъ; знаете, есть такіе, которые за опредѣленную сумму въ мѣсяцъ поставляютъ вамъ все: машину, шоффера, бензинъ, шины, страховку, однимъ словомъ, все. Это было ужасно скучно. Я не понимаю, какъ я могъ такъ долго терпѣть это... И вотъ, видите, я имѣю очень недорогой, собственный, автомобиль съ электрическимъ зажигателемъ и — врядъ ли нужно добавлять — конечно, американскаго издѣлія... и могу ѣхать съ любой скоростью, могу выбирать самъ свою дорогу, а не зависѣть отъ какихъ-то шофферовъ.

М-ръ Дирекъ бросилъ бѣглый взглядъ на смятую изгородь, въ которой они застряли, и согласился, что, конечно, обходиться безъ шоффера гораздо пріятнѣе.

Но онъ не успѣлъ закончить своей фразы, какъ м-ръ Бритлингъ снова уже говорилъ.

Манера говорить у него была отрывистая, быстрая: онъ словно выстрѣливалъ словами каждую мысль, какъ только она приходила ему въ голову, и въ головѣ у него былъ цѣлый артиллерійскій складъ мыслей. Говорилъ онъ вдвое быстрѣе м-ра Дирека, глотая слова, употребляя сжатыя, компактныя фразы, перескакивая съ мысли на мысль, что окончательно сбило съ толку м-ра Дирека. Такая манера быстраго натиска, въ то время какъ заокеанскій собесѣдникъ хочетъ развить свою мысль, частый недостатокъ бесѣдъ между англичанами и американцами и является источникомъ многихъ недоразумѣній. Манера вести разговоръ у англичанъ и американцевъ діаметрально противоположная: англичане менѣе расположены выслушивать собесѣдника; у нихъ нѣтъ привычки вѣжливаго обмѣна репликами, и они часто обрекаютъ собесѣдниковъ на роль слушателей, тщетно ожидающихъ своей очереди заговорить. Но эта очередь никогда не наступаетъ. М-ръ Дирекъ, погрузившись въ почти вертикальное сидѣніе, полуобернувшись къ собесѣднику, отъ времени до времени произносилъ: „Да“... „Разумѣется“... „Совершенно вѣрно“... такимъ сухимъ и серьезнымъ тономъ, какимъ, по его мнѣнію, надлежало говорить всякому истому американцу.

М-ръ Бритлингъ, начавъ съ восторженныхъ дифирамбовъ по адресу автомобиля, которымъ онъ могъ теперь управлять самъ, скоро перешелъ на любимую тему всѣхъ передовыхъ англичанъ: на рѣзкую критику всего англійскаго. Взять хотя бы,

напримѣръ, американскіе автомобили! Вторженіе американскихъ моторовъ въ Англію произошло недавно, это было новымъ торжествомъ колоссальной организаторской способности американскаго ума. Американцы сдѣлали съ автомобилями то, что они сдѣлали съ часами и ружьями, — они выработали опредѣленные „нормальные“ типы и стали производить ихъ оптомъ, машиннымъ способомъ, въ то время какъ англичане все еще производили ихъ „кустарно“, поштучно. Удивительно, что Англія, являющаяся создательницей промышленной системы, первая страна, проводившая въ жизнь принципъ раздѣленія труда, — теперь совсѣмъ отстала отъ американцевъ въ вопросахъ техники. По его мнѣнію, это въ значительной степени объясняется вліяніемъ Оксфорда и англиканской церкви.

Тутъ м-ръ Дирекъ попытался было вставить анекдотъ:

— Мнѣ кажется, м-ръ Бритлингъ, прекрасной иллюстраціей къ вашимъ словамъ о систематической организаціи промышленности будетъ слѣдующій случай, приключившійся съ однимъ моимъ пріятелемъ въ Толедо, гдѣ теперь строятъ большую фабрику для тысячедолларовыхъ автомобилей, съ цѣлью захватить всѣ американскіе и европейскіе рынки...

— Такихъ случаевъ и примѣровъ можно привести безконечное множество, — прервалъ его, безъ малѣйшаго видимаго усилія, м-ръ Бритлингъ. — Видите ли, насъ бьютъ съ двухъ фронтовъ сразу. Нашъ промышленный классъ вначалѣ былъ, конечно, классомъ бунтарей. Это былъ классъ прогрессирующихъ ремесленниковъ. И онъ обладалъ свойственнымъ ремесленникамъ духомъ иниціативы и радикализма. Но какъ только наши промышленники стали богатѣть, преуспѣвать и посылать своихъ сыновей въ Оксфордъ, — они, какъ классъ, погибли. Съ невѣроятной быстротой они ассимилировались съ консервативными классами страны, чье воспитаніе и образованіе всегда отдавали привкусомъ мандарина... правда, только чуть-чуть, и очень древняго, избраннаго оттѣнка. Въ Америкѣ же у васъ до сихъ поръ еще не было настоящаго консервативнаго класса. Счастливая страна! Вы выкинули своихъ тори и остались лишь съ вашими вигами и радикалами. Наше же несчастіе въ томъ, что у насъ сложился особый типъ революціонера, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и консервативнымъ мандариномъ. Взять, напримѣръ, Рескина и Уилльяма Морриса; они были такъ же реакціонны и ненаучны, какъ наши лорды и епископы. Они ненавидѣли машины, ненавидѣли науку. Таковы и наши

теперешніе соціалисты. Они внушали всей странѣ, что идеальный автомобиль обязательно долженъ быть сдѣланъ ручнымъ трудомъ традиціоннаго кустаря-ремесленника, долженъ быть „индивидуаленъ", изъ чеканной мѣди, кованаго желѣза и мореного дуба. А всѣ приспособленія, въ родѣ электрическихъ зажигателей, аккумуляторовъ и т. п., что я имѣю вотъ на этой своей машинѣ, — прямо ненавистны англійскому складу ума. И не въ томъ дѣло, что мы просто отстали въ этихъ вещахъ, но мы къ нимъ относимся прямо враждебно. Британскій умъ никогда, въ сущности, не терпѣлъ электричества; по крайней мѣрѣ, тотъ видъ электричества, которое течетъ по проводамъ. Оно слишкомъ скользко и увертливо для него. Британскій умъ связываетъ его съ итальянцами и, вообще, съ пронырливостью: съ Вольта, Гальвани, Маркони и т. д. Настоящее британское электричество, это — то безполезное, ни на что не пригодное электричество, высокаго напряженія, съ длинными искрами, которое получается, когда вертишь стеклянный кругъ; то, что мы называемъ фрикціоннымъ электричествомъ, и которое обычно хранится въ лейденскихъ банкахъ... Вотъ тутъ рядомъ, въ замкѣ Клаверингсъ, и по сей день отказываются пользоваться электрическими звонками. Былъ цѣлый скандалъ, когда Соломонсоны, снявшіе замокъ на лѣто, попробовали было провести электрическіе звонки...

М-ръ Дирекъ выслушалъ съ терпѣливой улыбкой и медленными киваніями головы этотъ водопадъ замѣчаній.

— Все то, что вы сейчасъ говорили, — сказалъ онъ, — является рѣзкой противоположностью установившемуся въ Америкѣ порядку вещей. Вотъ этотъ пріятель мой, о которомъ я началъ вамъ разсказывать, тотъ, который имѣетъ отношеніе къ автомобильной фабрикѣ въ Толедо...

— Разумѣется, — снова прервалъ его м-ръ Бритлингъ, — даже и консерватизмъ — явленіе незаконченное. Въ концѣ концовъ и у нихъ, и у вашего пріятеля въ Толедо течетъ въ жилахъ приблизительно одна и та же кровь. Т.-е., я хочу сказать, что этотъ консерватизмъ отнюдь не является явленіемъ расовымъ. И наша энергичность въ прошломъ доказываетъ, что консерватизмъ не коренится ни въ нашей атмосферѣ, ни въ почвѣ... Англія сдѣлалась столь лишенной инициативы и лѣнивой потому, что Англія стала столь преуспѣвающей и комфортабельной...

— Совершенно вѣрно, — вставилъ м-ръ Дирекъ, — мой пріятель, о которомъ я вамъ разсказывалъ, носитъ фамилію Робинсонъ, что довольно ясно указываетъ на его чисто

англійское происхожденіе, и, если позволите, могу прибавить, что онъ похожъ на васъ по фигурѣ и цвѣту лица. Въ расовомъ отношеніи я бы сказалъ, онъ, ну, что ли... очень похожъ на васъ.

VII.

Но и эта попытка м-ра Дирека заговорить была вскорѣ прервана. М-ръ Бритлингъ привсталъ и, приложивъ руку ко рту, закричалъ какому-то невидимому слушателю:

— Эй! Послушайте! Эй, вы!

Послѣ нѣсколькихъ секундъ стало ясно, что ему удалось, наконецъ, привлечь вниманіе двухъ проходившихъ мимо рабочихъ. Съ ихъ помощью автомобиль былъ благополучно возвращенъ на большую дорогу. М-ръ Дирекъ мужественно помогалъ въ этой операціи и невольно отмѣтилъ то уваженіе, съ какимъ относились рабочіе къ м-ру Бритлингу и къ шиллингамъ, выпавшимъ на ихъ долю. Они приподнимали шляпы, величали м-ра Бритлинга „сэромъ“ и добродушно, но съ достоинствомъ, осмотрѣли автомобиль.

— Все въ цѣлости, сэръ, — сказалъ одинъ подбодряющимъ тономъ. И дѣйствительно, если не считать легкой порчи крыла и согнутой проволоки на одномъ изъ фонарей, — машина была почти не повреждена. М-ръ Бритлингъ тотчасъ же снова занялъ свое мѣсто; мистеръ Дирекъ, съ серьезнымъ видомъ, молча влѣзъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Они тронулись съ такими конвульсіями, словно кто-то жестоко укололъ машину сзади. И наконецъ, правя съ необычайной осторожностью и методичностью, м-ръ Бритлингъ добрался до дома, безъ дальнѣйшихъ недоразумѣній, если не считать, что онъ сорвалъ часть металлической обшивки подножки автомобиля о ворота собственнаго сада.

Когда они подъѣхали къ дому, изъ-за угла показался какой-то мальчикъ и тотчасъ же исчезъ.

— Папочка вернулся домой, и совершенно цѣлъ!—радостно прокричалъ онъ по адресу невидимыхъ слушателей.

VIII.

М-ръ Дирекъ, хотя и былъ немного разстроенъ тѣмъ, что ему не дали разсказать случай съ Робинсономъ, — когда онъ начиналъ какой-либо разсказъ, ему непремѣнно хотѣлось его

кончить, — сразу пришелъ къ выводу, что домъ и семейная обстановка м-ра Бритлинга — чисто британскіе, нисколько не похожи на Америку и очень затруднительны для быстраго воспріятія. Во всемъ было нѣчто, чего сначала онъ совсѣмъ не могъ опредѣлить. По сравненію со всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть въ жизни, ему показалось, что это „нѣчто" лучше всего можно было выразить словомъ — „эскизно". Такъ, напримѣръ, его никому не представили, кромѣ хозяйки, да и то м-ръ Бритлингъ ограничился тѣмъ, что движеніемъ руки указалъ на нее, говоря: „А это Эдитъ" — и тотчасъ же вернулся къ своему автомобилю, который надо было увезти въ гаражъ. Миссисъ Бритлингъ — высокая дама, въ веснушкахъ, шатенка, съ красивыми волосами и озабоченными карими глазами — привѣтствовала м-ра Дирека крѣпкимъ пожатіемъ руки, а затѣмъ типичная англійская горничная — эта-то, по крайней мѣрѣ, оправдала ожиданія м-ра Дирека — взяла его чемоданчикъ и повела его къ предназначенной для него комнатѣ.

— Завтракъ, сэръ, — сказала она, — будетъ на воздухѣ.

Домъ былъ квадратный, изъ краснаго кирпича, очень красивый, стиля георгіевской эпохи, съ широкой поляной, покрытой газономъ, огромными синими кедрами и аллеей, которая вела прямо отъ воротъ къ крыльцу и затѣмъ скрывалась, вмѣстѣ съ м-ромъ Бритлингомъ и автомобилемъ, гдѣ-то въ невѣдомыхъ областяхъ за домомъ. Центръ дома занималъ большой, съ изобиліемъ воздуха, „холлъ", обитый дубовой панелью, отапливаемый зимой лишь однимъ огромнымъ каминомъ; изъ холла множество дверей вели въ рядъ квадратныхъ комнатъ, столь излюбленныхъ англичанами. Площадка лѣстницы, у комнаты м-ра Дирека, была загромождена книжными полками и птичьими чучелами.

М-ръ Дирекъ умылся и спустился въ холлъ, гдѣ нашелъ маленькаго, веселаго мальчика, съ торчащими щетиной волосами, въ бѣлой фланелевой рубашкѣ, съ босыми ногами и въ коротенькихъ брючкахъ. Мальчикъ стоялъ посреди комнаты, передъ пустымъ каминомъ, въ позѣ, которую м-ръ Дирекъ сразу призналъ какъ позу, свойственную м-ру Бритлингу.

— Завтракъ будетъ въ саду, — сказалъ Бритлингъ-сынъ, — и мнѣ велѣно проводить васъ туда.

Тутъ же появился и самъ м-ръ Бритлингъ. Онъ былъ теперь въ костюмчикѣ изъ сѣрой фланели, и теперь видъ у него былъ значительно аккуратнѣе...

IX.

Длинный, узкій столъ подъ большими смоковницами, поставленный между домомъ и сараемъ или житницей, теперь приспособленной „для танцевъ и тому подобнаго“, — накрытъ пестрой синей холщевой скатертью, и это тоже поразило м-ра Дирека. Онъ впервые былъ приглашенъ къ столу въ чисто англійскомъ домѣ и, по невѣдомымъ причинамъ, ожидалъ увидѣть нѣчто очень сухое, офиціальное, со „столовымъ бѣльемъ безупречной бѣлизны“. Кромѣ того, онъ ожидалъ, что прислуживать будутъ тоже торжественно-сухія, чопорныя англійскія горничныя, и что все, вообще, будетъ въ высшей степени „тоннымъ“. Взамѣнъ этого откуда-то, очевидно, изъ кухни, появились двѣ добродушныя и веселыя на видъ служанки, катя передъ собою странное, сплетенное изъ ивовыхъ прутьевъ сооруженіе на колесахъ, на полкахъ котораго стояли различныя блюда, накрытыя металлическими колпаками. И пока горничныя, стоя у этого движущагося буфета, рѣзали и разливали кушанья, откупоривали бутылки, маленькій мальчикъ и другой чуть-чуть постарше, съ помощью двухъ молодыхъ людей не очень опредѣленнаго положенія и родства — разносили тарелки. Миссисъ Бритлингъ сидѣла во главѣ стола и съ помощью обычныхъ вопросовъ хозяйки и плохо воспринимаемыхъ отвѣтовъ бесѣдовала съ м-ромъ Дирекомъ, не переставая зоркимъ окомъ слѣдить за всѣмъ, что происходило вокругъ.

Составъ общества, сѣвшаго къ столу, тоже нѣсколько озадачилъ м-ра Дирека. М-ръ и миссисъ Бритлингъ сидѣли на противоположныхъ концахъ стола, это было совершенно ясно. Такъ же было ясно, что оба босоногихъ мальчика — Бритлинги-младшіе. Но дальше все было покрыто какимъ-то туманомъ неопредѣленности. Былъ тутъ юноша лѣтъ семнадцати, ростомъ немного выше самого м-ра Бритлинга, но съ глазами и веснушками, весьма на него похожими. Онъ могъ быть старшимъ сыномъ или пасынкомъ. Затѣмъ былъ еще юноша, безспорно нѣмецъ, съ коротко обстриженными волосами, очень розовый, въ очкахъ и панамѣ — очевидно, гувернеръ младшихъ Бритлинговъ. Наконецъ, въ предѣлахъ еще объяснимаго находился пріятный юноша съ густыми черными волосами и темно-синими глазами, котораго всѣ величали просто „Тэдди“. Его наугадъ м-ръ Дирекъ опредѣлилъ „секретаремъ“.

Но, кромѣ этихъ людей, присутствіе которыхъ за столомъ можно было такъ или иначе объяснить, была, во-первыхъ:

совершенно таинственная молодая хорошенькая дѣвушка въ синемъ полотняномъ платьѣ, сидѣвшая и улыбавшаяся рядомъ съ м-ромъ Бритлингомъ, и другая, отчасть похожая на нее, только съ болѣе темными волосами, по правую руку м-ра Дирека. Эта вторая показалась гостю еще болѣе хорошенькой и даже — онъ не могъ объяснить, почему — какъ-будто знакомой. Кромѣ нихъ, присутствовала совершенно неопредѣленная дама среднихъ лѣтъ, въ черномъ, съ золотой цѣпочкой и большимъ носомъ. Между Тэдди и нѣмцемъ-гувернеромъ сидѣлъ высокій господинъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ — по всей вѣроятности, случайный гость, и, затѣмъ, молодой индусъ, безукоризненно одѣтый, вплоть до мягкихъ коричневыхъ полотняныхъ воротничка и манжетъ, съ точеными бронзовыми чертами лица и густыми вьющимися волосами; а также какой-то годовалый ребенокъ въ коляскѣ, привѣтливо жестикулировавшій всѣмъ и каждому. Вотъ этотъ-то ребенокъ больше всего и смущалъ м-ра Дирека. Поиски возможныхъ родителей младенца сдѣлали его обращенія къ миссисъ Бритлингъ почти такими же безсвязными и разсѣянными, какъ и ея къ нему. Было почти ясно, что ребенокъ — не изъ Бритлинговъ. Дѣвушка рядомъ съ нимъ, или другая въ синемъ, или, наконецъ, дама въ черномъ легко могли бы быть замужемъ, но въ такомъ случаѣ, гдѣ же отецъ? Не можетъ быть, чтобы къ завтраку прикатили въ коляскѣ какого-то подкидыша!

Рѣшивъ наконецъ, что вопросъ о родственныхъ взаимоотношеніяхъ присутствующихъ разрѣшится какъ-нибудь самъ собой, м-ръ Дирекъ обратился къ миссисъ Бритлингъ и, воспользовавшись маленькимъ перерывомъ въ ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ, началъ разсказывать ей, какимъ знаменательнымъ фактомъ въ его жизни останется тотъ день, когда онъ увидѣлъ м-ра Бритлинга въ его собственномъ домѣ, и какъ высоко Америка цѣнитъ м-ра Бритлинга и его писанія.

Онъ рѣшилъ, что только перемѣнивъ собесѣдника, онъ сможетъ отлично воспользоваться теперь однимъ изъ подготовленныхъ имъ вступленій въ разговоръ. Онъ сообщилъ поэтому, какъ пріятно онъ былъ пораженъ тѣмъ, что м-ръ Бритлингъ увлекается автомобильнымъ спортомъ, и что, къ тому же, его автомобиль — американской марки. Онъ прибавилъ, что европейцевъ должны, вѣроятно, поражать то совершенство и та систематичность, которыя наблюдаются въ производствѣ автомобилей въ Америкѣ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что это поражаетъ европейскихъ фабрикантовъ. Онъ можетъ разсказать для примѣра про своего пріятеля Робинсона, страннымъ образомъ,

какъ онъ уже сказалъ м-ру Бритлингу по дорогѣ съ вокзала, очень напоминающаго м-ра Бритлинга своей фигурой и наружностью. Такъ вотъ этотъ Робинсонъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, участвовалъ въ одной изъ самыхъ крупныхъ попытокъ захватить рынокъ тысячедолларовыхъ легкихъ автомобилей. Они разсуждали такъ: этотъ рынокъ — своего рода разборная загадочная картинка. Нужно собрать части и составить картинку, тогда задача рѣшена. Но, конечно, это легче рѣшить въ теоріи, чѣмъ осуществить на практикѣ. Въ самомъ началѣ кампаніи Робинсонъ и его компаньоны натолкнулись на неожиданное и почти непреодолимое препятствіе...

Миссисъ Бритлингъ слушала сначала м-ра Дирека съ почти нераздѣльнымъ вниманіемъ; но пока онъ развивалъ свое вступленіе, трапеза за столомъ, накрытымъ синей скатертью, вступила въ новый фазисъ, требовавшій непосредственнаго вмѣшательства хозяйки. У самаго ея локтя вдругъ появились оба младшихъ мальчика.

— Мама, можно намъ взять тарелки и пойти за земляникой? — спросили они въ одинъ голосъ. Миссисъ Бритлингъ пришлось подозвать одну изъ стоявшихъ поодаль аккуратненькихъ служанокъ и отдать ей вполголоса соотвѣтствующія распоряженія.

М-ръ Дирекъ понялъ, что конецъ назидательной исторіи Робинсона пропадетъ для ушей его слушательницы. Нѣсколько озадаченный, но вполнѣ примиряясь съ обстоятельствами, онъ повернулся къ свой сосѣдкѣ слѣва.

У дѣвушки была необыкновенно милая улыбка и нѣчто въ ея мягкихъ, ясныхъ карихъ глазахъ, что напоминало движенія маленькой быстролетной птички. И она, кромѣ всего, была такъ похожа на кого-то, кого онъ хорошо зналъ. Такъ похожа!

— Я только-что говорилъ миссисъ Бритлингъ, — обратился онъ къ сосѣдкѣ, — какъ я счастливъ, что вижу м-ра Бритлинга въ домашней обстановкѣ.

— Вы съ нимъ раньше не были знакомы?

— Я опоздалъ къ его пріѣзду ровно на двадцать четыре часа, когда онъ въ послѣдній разъ проѣзжалъ черезъ Бостонъ. Ровно на двадцать четыре часа. Я объ этомъ чрезвычайно сожалѣлъ.

— Какъ бы я хотѣла объѣздить весь міръ, да еще получить за это деньги!

— Напишите что-нибудь выдающееся, какъ м-ръ Бритлингъ, и м-ръ Канъ пригласитъ васъ въ поѣздку.

— А развѣ недостаточно, если я пообѣщаю?

— Лучше все-таки написать, чтобы было на что сослаться.

— Какой счастливый м-ръ Бритлингъ! Онъ такъ много путешествовалъ. Онъ видѣлъ Индію. Бывалъ въ Японіи. Провелъ цѣлыя недѣли въ Египтѣ. Объѣздилъ всю Америку.

М-ръ Дирекъ сталъ уже на пароходѣ приспособляться къ скачкамъ въ разговорѣ англичанъ. Дѣлая, какъ ему казалось, достаточно эффектный скачокъ, онъ понизилъ теперь голосъ до конфиденціальнаго шопота. (Вѣроятно, уже Адамъ въ своемъ первомъ разговорѣ съ Евой открылъ особую прелесть шопота, когда при этомъ нужно наклониться къ хорошенькому ушку, съ надвинутымъ на него красивымъ завиткомъ волосъ).

— Въ Индіи же, по всей вѣроятности, — шепнулъ м-ръ Дирекъ, — м-ръ Бритлингъ и познакомился съ этимъ цвѣтнымъ джентльменомъ.

— Съ какимъ цвѣтнымъ джентльменомъ?

Она быстрымъ взглядомъ окинула столъ, словно ожидая увидать нѣчто алое въ желтыхъ крапинкахъ.

— А! Этотъ! Это — одинъ изъ молодыхъ протеже м-ра Лоренса Кармина, — объяснила она еще болѣе конфиденціально, дѣлая видъ, будто рѣчь шла о серебряной вазѣ съ розами, стоявшей передъ ней. — М-ръ Карминъ — извѣстный знатокъ индійской литературы и состоитъ членомъ какого-то общества для развлеченія студентовъ-индусовъ, попадающихъ въ Лондонъ. Вотъ онъ ихъ сюда къ себѣ и приглашаетъ.

— А гдѣ самъ м-ръ Лоренсъ Карминъ? — продолжалъ м-ръ Дирекъ.

Еще болѣе интимно и конфиденціально, легкимъ движеніемъ вѣкъ, она указала на м-ра Кармина.

М-ръ Дирекъ приготовился заговорить еще больше sotto voce, съ тѣмъ, чтобы раскрыть еще болѣе глубокую тайну. Глаза его остановились на дѣтской коляскѣ. Онъ нагнулся было къ уху своей сосѣдки... Но тутъ ему помѣшала клубника.

— Хотите клубники? — спросила молодая собесѣдница и движеніемъ своей головки пригласила его повернуться влѣво.

Тамъ стоялъ одинъ изъ босоногихъ мальчиковъ съ тарелкой клубники.

А тутъ миссисъ Бритлингъ возобновила свою прерванную бесѣду съ нимъ.

— Я такъ невѣжественна во всемъ, касающемся Америки, — сказала она, — что даже не знаю, имѣется ли тамъ клубника. Но здѣсь, въ Англіи, сейчасъ самый разгаръ клубничнаго сезона, и на рѣдкость обильнаго сезона. А также и

сезонъ розъ. О, да, англичане любятъ думать, что ихъ яблоки, розы и ихъ клубника — лучшія во всемъ свѣтѣ.

— И цвѣтъ ихъ лица — тоже, — сказалъ м-ръ Дирекъ, приступая къ пирамидѣ ягодъ и намѣреваясь сказать комплиментъ... Но его сосѣдка слѣва уже бесѣдовала черезъ столъ съ нѣмцемъ-гувернеромъ и не слыхала его словъ.

Тутъ онъ вдругъ вспомнилъ, на кого именно похожа его сосѣдка: на старинный дагеротипъ какой-то кузины его бабушки, въ которую онъ влюбился, когда былъ еще мальчикомъ. Та же улыбка. Ну, да! Разумѣется... Онъ такъ обожалъ когда-то этотъ портретъ... И у него появилось странное желаніе разсказать объ этомъ.

— Что дѣлаетъ этотъ визитъ еще болѣе для меня интереснымъ, - если только это возможно, — сказалъ онъ миссисъ Бритлингъ, — такъ это то, что какъ-разъ въ Эссекскомъ графствѣ родилась и выросла моя бабушка съ материнской стороны и всѣ предки отца моей матери. Такъ что во мнѣ, по крайней мѣрѣ, одна треть — родомъ изъ Эссекса. Моя бабушка была изъ семьи Корнеровъ, изъ Эссекса. Знаете, я подумывалъ, не най...

— Корнеръ? — спросила рѣзко молодая дѣвица у его локтя.

— Я разсказывалъ миссисъ Бритлингъ, что я подумывалъ, не...

— Что вы говорили сейчасъ о вашихъ родственникахъ въ Эссексѣ?

— ...Да вотъ, не удастся ли мнѣ отыскать какихъ-нибудь слѣдовъ ихъ въ этихъ краяхъ.

— Да вотъ, какъ-разъ она — миссъ Корнеръ, — сказала миссисъ Бритлингъ, указывая на его сосѣдку.

— Какъ? — сказалъ м-ръ Дирекъ и на мгновеніе остановился въ нерѣшительности. И затѣмъ наивно-просто, забывъ всякія приличія, прибавилъ: — Очень радъ познакомиться съ вами, кузина Корнеръ. Какъ поживаютъ старики?

Загорѣвшійся интересъ къ новой кузинѣ отвлекъ, наконецъ, м-ра Дирека отъ желанія разсказать свой анекдотъ про Робинсона. Какъ только ему удалось возобновить бесѣду съ м-ромъ Бритлингомъ, онъ тотчасъ же перевелъ разговоръ на своихъ родственниковъ, о существованіи которыхъ, собственно, онъ даже и не подозрѣвалъ.

— Должно-быть, то, что я хочу сдѣлать, будетъ чисто по-американски, — сказалъ онъ, какъ бы извиняясь, — но я почти рѣшилъ въ понедѣльникъ съѣздить въ Маркетъ-Саффронъ, гдѣ жили мои предки Хинкинсоны, и порыться день-другой на кладбищѣ среди старыхъ могилъ.

— Очень возможно, что вы найдете свѣдѣнія о нихъ въ метрическихъ записяхъ приходской церкви, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Многія наши метрическія книги содержатъ и по сей день всѣ записи за послѣднія триста лѣтъ. Я васъ свезу туда на своей машинѣ.

— О, не безпокойтесь, пожалуйста, — сказалъ довольно поспѣшно м-ръ Дирекъ.

— Да тутъ никакого безпокойства нѣтъ. Я люблю править автомобилемъ... только вотъ пока это мнѣ плохо удавалось. А заодно мы вернемся черезъ Харборо-Хай-Окъ и посмотримъ родословную Корнеровъ. Ихъ въ той мѣстности до сихъ поръ очень много. И дорога нетрудная, всего нѣсколько подъемовъ, спусковъ и заворотовъ.

— Право, м-ръ Бритлингъ, я не рѣшаюсь причинять вамъ столько безпокойства и хлопотъ.

— Да никакихъ тутъ хлопотъ и безпокойствъ нѣтъ. Мнѣ давно хочется устроить себѣ маленькій отдыхъ отъ работы, да и хочется дать Глэдисъ...

— Глэдисъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ, съ внезапно проснувшейся надеждой.

— Это такъ я называю свою машину. Мнѣ давно хочется дать ей прокатиться какъ слѣдуетъ. Я всего четыре раза на ней ѣздилъ, и мнѣ хочется довести ее до сорока миль въ часъ. Мнѣ говорили, она легко беретъ эту скорость. Итакъ, значитъ, рѣшено.

М-ръ Дирекъ сразу не могъ придумать никакой отговорки. О, если бы онъ только зналъ о комъ-нибудь, кто могъ бы прислать телеграмму изъ Лондона, вызывая его туда по якобы экстренному дѣлу, и этимъ спасти его отъ участи быть снова подвергнутымъ превратностямъ судьбы автомобиля м-ра Бритлинга! Но вскорѣ другое стремленіе взяло въ немъ перевѣсъ.

— Вы врядъ ли мнѣ повѣрите, — продолжалъ онъ, — если я скажу вамъ, что ваша миссъ Корнеръ имѣетъ поразительное сходство съ миніатюрой, которая есть у меня въ Америкѣ, съ портретомъ кузины моей бабушки по материнской линіи... Миссъ Корнеръ производитъ впечатлѣніе очень милой молодой особы.

Но м-ръ Бритлингъ не удостоилъ его никакими дальнѣйшими свѣдѣніями относительно миссъ Корнеръ.

— Должно-быть, очень интересно, — сказалъ онъ, — пріѣзжать сюда и разыскивать ваши американскіе роды на здѣшнихъ памятникахъ и могильныхъ плитахъ. Вы, конечно, знаете

округъ южнѣе Ивсхэма, гдѣ почти на каждомъ памятникѣ можно увидать полосы и звѣзды, гербъ покойныхъ Вашингтоновъ. Но сомнѣваюсь, чтобы сама фамилія еще сохранилась въ этихъ краяхъ. Да и врядъ ли вы найдете много Хинкинсоновъ въ Маркетъ-Саффронѣ. Вообще же въ этомъ графствѣ много родовъ, имѣющихъ пятисотъ-шестисотлѣтнюю давность. Вотъ почему Эссексъ куда болѣе подлинно древне-англійское графство, чѣмъ, скажемъ, Серрей или Кентъ. Тутъ вы встрѣтите еще Корнеровъ, Ферли, а также Капельсовъ, а подальше, около Денмоу и Брэнтри, — Мэнардсовъ и Бингсовъ. Въ паркѣ около Клаверингса есть дубы и бѣлые буки, нѣкогда внимавшіе завыванію волковъ и лязгу оружія. Самъ Клаверингсъ — прекрасный образецъ архитектуры Тюдоровской эпохи, а всѣ деревенскіе дома крыты соломой.

М-ръ Бритлингъ задумался.

— Вотъ видите ли, — продолжалъ онъ, — если бы вы поѣхали въ южномъ направленіи отъ Лондона, а не въ сѣверномъ, впечатлѣніе получилось бы иное. Тамъ вы попадаете въ другую эпоху, въ другую общественную среду. Пригороды Лондона тянутся къ югу вплоть до моря. Тамъ нѣтъ настоящихъ старинныхъ помѣстій, переходившихъ изъ рода въ родъ. Въ старинныхъ замкахъ живутъ теперь милліонеры и всякаго рода выскочки. Графство Серрей переполнено богатыми биржевиками, директорами акціонерныхъ компаній, судьями, собственниками газетъ. Это — особый типъ людей, которые заграждаютъ заборами дороги, пролегающія черезъ ихъ парки. Они вносятъ что-то свое въ старыя помѣстья — я самъ не знаю, что, и прежняя деревня преображается въ дачное мѣсто. А рядомъ возникаютъ мелкія помѣстья, виллы изъ краснаго кирпича и коттеджи въ стилѣ модернъ. Все это производитъ впечатлѣніе какой-то новоиспеченной неуютной аккуратности. А по дорогамъ попадаются на каждомъ шагу огромныя яркія рекламы резиновыхъ шинъ и бензина для автомобилей. Бѣдные тамъ такъ запуганы всякаго рода инспекторами, такъ захлопочены, что забываютъ о томъ, кто были ихъ дѣды. Они становятся паразитами виллъ, живутъ случайными заработками, наживаются на мелкихъ дѣлахъ и обзаводятся граммофонами. Между Эссексомъ и Серрей такая же разница, какъ между Россіей и Германіей. А между тѣмъ — на одного американца, который заглядываетъ въ Эссексъ, двадцать ѣздятъ въ Годальмингъ и Гельдфордъ, въ Доркингъ, Люисъ и Кентербюри. Жители графства Серрей не похожи на англичанъ. Они упорны.

Тамъ или преуспѣваютъ или не уживаются совсѣмъ и переселяются въ другое мѣсто. Тамъ выписываютъ ученыхъ садовниковъ, слушаютъ лекціи о способахъ интенсивной обработки полей. Въ каждой деревнѣ есть тиръ. Это — графство новешенькихъ вывѣсокъ и изгородей изъ колючей проволоки. Тамъ одѣваются къ обѣду и соблюдаютъ этикетъ въ одеждѣ во всѣхъ случаяхъ жизни. Если нужно встать ночью, чтобы посмотрѣть, не забрались ли воры въ домъ; то для этого надѣваютъ соотвѣтствующій костюмъ или совсѣмъ не встаютъ. У нихъ выработанъ научный методъ борьбы съ бродяжничествомъ; церкви заперты по буднимъ днямъ. Почва въ Серрей наполовину мѣловая, наполовину раціонально песчаная, пригодная для постройки складовъ и виллъ. Игра въ гольфъ поставлена тамъ очень широко и роскошно, потому что такъ принято. А здѣсь, въ Эссексѣ, мы живемъ безъ особыхъ стѣсненій, какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Мы ходимъ на охоту въ старомъ платьѣ. Почва у насъ тучная, глинистая; зимой она разжижается, и приходится стоять по колѣни въ водѣ, стрѣляя утокъ. Дорожные столбы перевернуты у насъ какими-то путниками много лѣтъ тому назадъ. Розы и дубы у насъ удивительные,—и это одно доказываетъ вамъ, что здѣсь частица подлинной Англіи, той, которая не поглощена Лондономъ и фабриками. Здѣсь все коренное англійское, какъ въ Эссексѣ и Іоркшайрѣ, въ Митѣ и Лотіи.

X.

М-ръ Дирекъ не могъ отнестись съ надлежащимъ вниманіемъ къ свѣдѣніямъ, которыми угощалъ его м-ръ Бритлингъ; онъ сожалѣлъ, что его отвлекли отъ остального общества. Ему хотѣлось говорить подольше съ ново-найденной кузиной, также постигнуть тайну младенца, студента-индуса, котораго очевидно не слѣдуетъ называть цвѣтнымъ джентльменомъ, длинноносой дамы. А вмѣсто всего этого м-ръ Бритлингъ пошелъ показывать ему свои владѣнія и говорилъ при этомъ такъ быстро, такъ перескакивалъ съ предмета на предметъ, что не давалъ возможности вставить ни одного вопроса, а тѣмъ болѣе заговорить о дѣлѣ, по которому м-ръ Дирекъ пріѣхалъ къ нему.

М-ръ Бритлингъ повелъ м-ра Дирека по саду, изобилующему розами и другими цвѣтами, показалъ ему огороды и различныя хозяйственныя пристройки, въ томъ числѣ и амбаръ, ворота котораго были замѣнены стеклянной дверью. Амбаръ

стоялъ въ отдѣльномъ дворикѣ, по серединѣ котораго въ землѣ былъ устроенъ глубокій бассейнъ, наполненный дождевой водой; здѣсь, — какъ мимоходомъ замѣтилъ м-ръ Бритлингъ, — „всѣ“ купались, когда было жарко. На террасѣ у бассейна были посажены кустики полевого тмина, розмарина и тому подобныхъ душистыхъ растеній и — въ видѣ часовыхъ — десять аккуратно подстриженныхъ, крошечныхъ Arbor. vitae.

Потомъ они усѣлись на скамейкѣ, откуда сквозь сиреневые кусты видны были ново-найденная кузина м-ра Дирека и родственно-похожая на нее другая молодая особа, играющія въ теннисъ со студентомъ-индусомъ и другимъ молодымъ человѣкомъ.

Изрѣдка м-ру Диреку какъ-будто предоставлялось право разсказать своему хозяину первыя впечатлѣнія американскаго гостя въ Англіи, но въ дѣйствительности ему не позволяли ничего говорить. Говорилъ одинъ м-ръ Бритлингъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ гостемъ, играя и жонглируя идеями и мыслями, словно радужный фонтанъ въ солнечныхъ лучахъ.

М-ръ Дирекъ усѣлся поудобнѣе и молча смаковалъ единственную сигару, которую онъ себѣ позволялъ послѣ завтрака. Если онъ и чувствовалъ себя человѣкомъ съ завязаннымъ ртомъ, то зато фонтанъ былъ ловокъ и занимателенъ. Онъ слушалъ его немного разсѣянно, такъ какъ не былъ въ состояніи сосредоточенно слѣдить за словами и мыслями своего собесѣдника во всѣхъ ихъ безконечныхъ извивахъ и переливахъ; глаза его бродили по саду и періодически возвращались къ мелькающимъ за зеленью кустовъ игрокамъ. Все было очень жизнерадостно, удобно и законченно; все было разнообразно, пріятно и въ то же время не рѣзало глазъ мѣщанской „зажиточностью“. Въ этомъ заключалась одна изъ маленькихъ тайнъ, которыя Америкѣ еще предстоитъ открыть. Все носило на себѣ такой отпечатокъ, что оно не куплено, не сдѣлано на заказъ, не стоитъ денегъ, а какъ-будто такъ себѣ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, свалилось откуда-то.

Понемногу рѣчь м-ра Бритлинга стала какъ бы широкой рѣкой, протекающей по мыслямъ м-ра Дирека и захватывающей своимъ теченіемъ его мгновенныя впечатлѣнія и наблюденія, мимолетныя воспоминанія послѣднихъ пяти дней, туманныя фантазіи о праотческихъ фамиліяхъ и хорошенькихъ кузинахъ, отрывки хорошо подготовленныхъ и заученныхъ вступленій къ разговорамъ, поясненіе цѣлей и дѣятельности лекціоннаго клуба и все еще не забытый, недосказанный анекдотъ о Робинсонѣ изъ Толедо.

— Никто заранѣе не разрабатывалъ британской землевладѣльческой системы; никто не вырабатывалъ британской аристократической системы, проклятой конституціи; все само собой случилось и сложилось, какъ образуется слой за слоемъ на агатѣ; но видите, въ общемъ все сложилось болѣе или менѣе удачно, какъ нельзя лучше подошло къ климату и темпераменту нашего народа и острова; все въ цѣломъ было такъ уютно и удобно, что нашъ народъ понемногу „устроился". Да и при всемъ желаніи нельзя было не принять этой системы и не осѣсть въ ней; мы, англичане, „осѣли", „устроились" въ ней еще въ дни королевы Анны, и Богъ знаетъ, выберемся ли когда-нибудь изъ нея. Мы похожи на ту раковину, Lingula, которую можно найти въ древнѣйшихъ утесахъ и которая жива по сей день; она приспособилась къ окружающимъ условіямъ и съ тѣхъ поръ не мѣнялась. Да и зачѣмъ это ей? Она испражняетъ всѣ безпокойные элементы. И у насъ младшіе сыновья въ родѣ покидаютъ Англію и основываютъ колоніальныя имперіи. Лишнія же дѣти крестьянъ эмигрируютъ въ Австралію или Канаду, или же иммигрируютъ въ города. А все это остается безъ измѣненія.

XI.

Взоръ м-ра Дирека остановился на амбарѣ, и выраженіе лица его оживилось, какъ-будто онъ что-то, наконецъ, понялъ и внезапно рѣшилъ это сказать. Рѣшеніе его было столь твердо, что онъ намѣревался высказать свою мысль даже и въ томъ случаѣ, если м-ръ Бритлингъ будетъ продолжать говорить, не переставая.

— Скажите, м-ръ Бритлингъ, — сказалъ онъ, — вотъ этотъ амбаръ, должно-быть, онъ построенъ еще въ царствованіе королевы Анны?

— Стѣны его, я думаю, еще древнѣе; повидимому, онѣ представляютъ собой остатки какого-то монастыря. Вотъ, напримѣръ, тотъ сѣрый кусокъ въ углу. Самъ амбаръ—временъ Георга.

— И онъ стоитъ по сей день! И этотъ крестьянскій дворъ тоже стоитъ по сей день!

М-ръ Бритлингъ снова хотѣлъ пуститься въ отвлеченныя разсужденія, но м-ръ Дирекъ не слушалъ его; онъ точно изловилъ своего собесѣдника арканомъ и не выпускалъ его.

— Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно замѣчаніе по поводу вашего амбара, м-ръ Бритлингъ, и, заодно, по поводу этого крестьянскаго двора.

М-ръ Бритлингъ насторожилъ уши.

— Что именно? — спросилъ онъ.

— Да вотъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — что мнѣ больше всего бросается въ глаза, глядя на этотъ амбаръ, такъ это то, что онъ теперь ужъ больше не амбаръ, и этотъ крестьянскій дворъ вовсе уже не дворъ. Въ амбарѣ нѣтъ больше ни хлѣба, ни соломы, и никогда ихъ тамъ больше не будетъ; теперь тамъ стоитъ піанола, и полъ его приспособленъ не для молотьбы, а для танцевъ. А если бы случайно въ этотъ дворъ забрела корова, всѣ ее тотчасъ же начали бы выгонять.

Его охватило пріятное сознаніе, что онъ, наконецъ, начинаетъ говорить. И онъ продолжалъ. Ему такъ хотѣлось сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

— Вы, м-ръ Бритлингъ, были такъ любезны, что спросили меня недавно, каково мое первое впечатлѣніе отъ Англіи. Такъ вотъ, мое первое и самое яркое впечатлѣніе отъ Англіи сводится къ слѣдующему: по внѣшнему виду она какъ-будто болѣе похожа на традиціонную старую Англію, больше, чѣмъ кто-либо могъ повѣрить; но въ дѣйствительности она менѣе похожа на традиціонную старую Англію, чѣмъ это можно себѣ вообразить.

Онъ увлекся и закончилъ смѣлой литературной эпиграммой.

— Мнѣ казалось, — сказалъ онъ, — когда я сегодня утромъ смотрѣлъ въ окно, сидя въ поѣздѣ, что я пріѣхалъ въ Англію Вашингтона Ирвинга. Теперь я убѣждаюсь, что это даже не Англія миссисъ Гемфри Уордъ [1]).

ГЛАВА II.

М-ръ Бритлингъ продолжаетъ развивать свои взгляды.

I.

Дальнѣйшія событія и переживанія дня дали мало поводовъ м-ру Диреку пересмотрѣть или измѣнить свой выводъ. Наоборотъ,

[1]) Извѣстная современная англійская писательница, авторъ ряда общественныхъ романовъ, нѣсколько устарѣлыхъ въ настоящее время.

и остатокъ перваго дня, и весь слѣдующій лишь подтверждали правильность его мнѣнія. Окружающій ландшафтъ былъ традиціоннымъ англійскимъ ландшафтомъ, но зато всѣ люди казались болѣе порывистыми, безтолковыми и хаотичными, чѣмъ можно было ожидать.

— Вамъ кажется, что Джонъ Булль умеръ, и чужое поколѣніе носитъ его платье, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Мнѣ кажется, вы очень скоро убѣдитесь, что это все тотъ же Джонъ Булль. Можетъ-быть, не Джонъ Булль миссисъ Гемфри Уордъ или миссисъ Генри Вудъ [1]), но ближе къ Джону Буллю Шекспира, Фильдинга, Диккенса, Мередита.

— Вѣроятно, — прибавилъ онъ, — произошли значительныя измѣненія. Подросло новое поколѣніе.

Онъ взглянулъ на свой амбаръ и бассейнъ для купанія.

— Вы вчера очень мѣтко сказали объ амбарѣ, — замѣтилъ онъ. — Ваши слова напоминаютъ мнѣ прекрасное мѣсто у Киплинга: о старой водяной мельницѣ, начавшей съ того, что она молола пшеницу, и кончившей моторомъ, приводящимъ въ движеніе динамо... Только, признаюсь, этотъ амбаръ не приводитъ въ движеніе динамо. Это просто амбаръ для увеселительныхъ цѣлей. Впрочемъ, странѣ только это и по средствамъ.

II.

Онъ на время бросилъ эту тему, но въ теченіе оставшейся части дня м-ръ Дирекъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что высказанныя имъ мысли продолжали занимать м-ра Бритлинга, и по временамъ отголоски ихъ проскальзывали въ его рѣчахъ.

Въ промежутокъ же фонтанъ дѣятельной и энциклопедической мысли м-ра Бритлинга игралъ, не переставая.

М-ръ Бритлингъ необыкновенно гордился Англіей и въ то же время, не переставая, бранилъ ее. Онъ хотѣлъ показать м-ру Диреку Англію, какъ великолѣпную совокупность нелѣпѣйшаго нагроможденія ошибокъ. Вотъ взглядъ, къ которому его привели удобства и обезпеченность послѣ его радикализма, бывшаго въ своихъ раннихъ стадіяхъ злобнымъ и ѣдкимъ.

Онъ вывелъ м-ра Дирека изъ сада, обнесеннаго стѣной, черезъ маленькую дверь въ другой дворъ, покрытый аккуратно подстриженнымъ газономъ съ двумя большими „воротами“ по краямъ.

---

[1]) Извѣстная писательница (1814—1887), авторъ популярныхъ романовъ, не имѣющихъ, однако, литературной цѣнности.

— Мы здѣсь играемъ въ хоккей по воскресеньямъ,—сказалъ онъ тономъ, въ которомъ все же не было намека на то, что участіе въ этой опасной и грубой игрѣ обязательно для каждаго, посѣщающаго Матчингсъ-Изи по воскресеньямъ. Дальше черезъ узкую, окаймленную густыми кустами аллею они вышли на дорогу, лежавшую по опушкѣ парка Клаверингсъ, гдѣ бродили олени.

— Мы зайдемъ въ Клаверингсъ позже, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — У лэди Хомартинъ гоститъ нѣсколько человѣкъ; вамъ слѣдуетъ посмотрѣть замокъ, ее и тѣхъ людей, что проводятъ у нея „week-end'ы“. Она хотѣла, чтобы мы позавтракали у нея завтра, но я отказался изъ-за нашего хоккея.

М-ръ Дирекъ принялъ это объясненіе безъ всякой критики.

Село напомнило м-ру Диреку картины Аббея: постоялый дворъ съ вывѣской, висѣвшей поперекъ дороги, передъ постоялымъ дворомъ водопойное корыто (точь-въ-точь такое, какъ то, въ которомъ Уэллеръ-старшій изъ „Записокъ Пикквикскаго Клуба“ выкупалъ диссентера) и зеленый крашеный столъ передъ дверью. Была также мелочная лавка, множество хорошенькихъ и чистенькихъ коттеджей, всѣ съ помѣщичьими гербами. И все это сгруппировалось вокругъ зеленой поляны, по которой разгуливали гуси.

М-ръ Бритлингъ проводилъ своего гостя на кладбище и показалъ ему тамъ развалившіеся, обросшіе мхомъ могильные памятники конца семнадцатаго вѣка; на одномъ изъ памятниковъ изображенъ былъ черепъ со скрещенными костями. Въ боковомъ придѣлѣ церкви были три большихъ пролета и часовня съ усыпальницами семьи Мэнстэ и бароновъ Хомартиновъ и цѣлымъ рядомъ памятниковъ, начиная съ раскрашенныхъ фигуръ Тюдоровской эпохи и до большого окна изъ цвѣтного стекла плохой современной работы. Тамъ были также средневѣковыя бронзовыя статуи приходскихъ священниковъ и мраморныя изображенія одного крестоносца и его жены, принадлежавшихъ къ какому-то вымершему роду, который владычествовалъ въ Матчингсъ-Изи до прибытія Мэнстэевъ.

При выходѣ изъ церкви они натолкнулись на пастора, несравненнаго м-ра Димпля, добродушнѣйшаго толстяка съ улыбкой во все лицо и ласковымъ голосомъ.

— Вы пріѣхали навѣстить старую родину? — сказалъ онъ м-ру Диреку. — Похвально, очень похвально. Какіе вы милые, господа американцы, что пріѣзжаете къ намъ!

Онъ началъ дружески пререкаться съ м-ромъ Бритлингомъ, прося его привести м-ра Дирека въ церковь въ воскресенье утромъ.

— Онъ не изъ ревностныхъ прихожанъ,—пожаловался онъ м-ру Диреку на Бритлинга. — Рѣдко ходитъ въ церковь. И другіе здѣсь тоже не очень богомольны. Но онъ много сдѣлалъ для моего угольнаго клуба. Я не знаю, какъ бы мы существовали безъ него. Я поэтому не сержусь, а только наставляю его. Къ тому же, онъ хоть и не ходитъ въ церковь, но и не присталъ ни къ какому еретическому толку. Онъ — плохой прихожанинъ, но не сектантъ.

— У насъ въ Англіи, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, когда они распрощались съ почтеннымъ пасторомъ, — все прирученное, даже Богъ.

М-ръ Бритлингъ показалъ еще м-ру Диреку настоящія англійскія проселочныя дороги, и наконецъ они вернулись узкими, бѣлыми тропинками черезъ крошечныя поля желтѣющей пшеницы къ селу и небольшимъ воротамъ, ведущимъ въ паркъ.

— Знаете ли, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — это вы вѣрно сказали, что въ Англіи все прирученное. Вотъ даже облака тутъ такія, точно они мирно пасутся подъ надзоромъ пастуха.

— И точно ихъ скоро будутъ стричь, — подтвердилъ м-ръ Бритлингъ.

— Да, — сказалъ м-ръ Дирекъ, слегка повышая голосъ.— Я, кажется, не видалъ ничего неприрученнаго въ Англіи, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ отдаленныхъ улицъ въ Лондонѣ.

М-ръ Бритлингъ задумался на минуту.

— Это наростъ, — сказалъ онъ.

III.

Паркъ производилъ впечатлѣніе какой-то аккуратной, нарочитой запущенности, напоминающей природу на картинахъ старинныхъ итальянскихъ мастеровъ; повсюду были сгруппированы красноватые олени въ крапинкахъ, безстрашно разсматривавшіе обоихъ спутниковъ; дорога спускалась черезъ дубовую рощу и низкорослый папоротникъ къ тихому ручейку, который то тутъ, то тамъ лѣниво останавливалъ свой бѣгъ, чтобы поиграть у прудовъ и водопадовъ, и несъ съ собой цѣлый флотъ листьевъ водяныхъ лилій; у самаго замка росли кедры и были раскинуты цвѣтники. Самый домъ показался для американскаго глаза м-ра Дирека низкимъ, а его трубы изъ краснаго кирпича напоминали шеренгу солдатъ въ развернутомъ строю. Справа, около параднаго входа, сквозь лавровые кусты, виднѣлась терраса и опять яркія краски цвѣтниковъ.

— Мы, навѣрное, здѣсь застанемъ Фильберта, министра внутреннихъ дѣлъ, и сэра Томаса Лутъ, министра финансовъ. Навѣрное будутъ еще нѣсколько человѣкъ въ этомъ родѣ, изъ тѣхъ, что мы называемъ правительственнымъ классомъ. Съ женами. И, вѣроятно, еще пріѣдетъ лэди Фрэншамъ; она очень интересуется ирландскимъ вопросомъ, и еще лэди Венецiя Трemпингтонъ; говорятъ — красавица, я ее никогда не видалъ. Лэди Хомартинъ всегда настойчиво зоветъ меня къ себѣ — не потому, что я составлялъ бы украшенiе ея блестящихъ прiемовъ, но ей просто прiятно мое присутствiе за столомъ; я въ родѣ закуски для ея гостей — какъ маслины и соленый миндаль — на случай, если кому-нибудь захочется „отвѣдать" меня. Она неизмѣнно приглашаетъ меня къ завтраку по воскресеньямъ, но я отказываюсь изъ-за нашей игры въ хоккей. Я поэтому захожу къ ней обыкновенно въ субботу днемъ.

Они подошли къ подъѣзду и вошли въ большую, прохладную переднюю, украшенную головами гиппопотамовъ, носороговъ и чучеломъ льва. Меблировка „холла" состояла главнымъ образомъ изъ огромнаго стола, въ изобилiи заваленнаго шляпами, палками и газетами. Встрѣтившiй ихъ лакей полуконфиденцiальнымъ шопотомъ сообщилъ м-ру Бритлингу, что милэди на верандѣ, взялъ у гостей палки, шляпы и повелъ ихъ черезъ комнаты. Они вышли на обширную террасу, гдѣ уже находилось около дюжины мужчинъ и женщинъ, большею частью державшихъ въ рукахъ чашки съ чаемъ; гости сидѣли на складныхъ креслахъ и chaise-longue'ахъ вокругъ чайнаго столика. Лэди Хомартинъ встала навстрѣчу вновь прибывшимъ.

М-ръ Дирекъ былъ представленъ ей въ качествѣ путешествующаго американца, сгорающаго желанiемъ посмотрѣть типичный англiйскiй загородный домъ, и лэди Хомартинъ привычнымъ, разъ навсегда выработаннымъ тономъ перечислила ему всѣ достопримѣчательности своего дома, одного изъ лучшихъ образцовъ архитектуры времени Тюдоровъ. М-ръ Дирекъ не привыкъ имѣть дѣло съ титулованными особами и тотчасъ же попалъ въ тупикъ, не зная, какъ величать хозяйку дома, — „милэди" или же „ваше сiятельство", и поэтому мудро избѣгалъ всякихъ обращенiй, ожидая, пока м-ръ Бритлингъ подастъ ему примѣръ. И м-ръ Бритлингъ, дѣйствительно, въ скоромъ времени обратился къ ней, какъ къ „лэди Хомартинъ". М-ра Дирека посадили рядомъ съ дамой, фамилiи которой онъ не разобралъ, но она имѣла какое-то отношенiе къ великобританскому посольству въ Вашингтонѣ, а м-ръ Бритлингъ былъ переданъ его превосходительству Джорджу Фильберту, жаждавшему обсудить

со знаменитымъ писателемъ нѣсколько вопросовъ, затронутыхъ послѣднимъ въ его новѣйшемъ сборникѣ статей. Дама изъ Вашингтона оказалась не глупой, но не очень разговорчивой, поэтому м-ръ Дирекъ могъ нѣкоторую долю вниманія удѣлить и тому, что происходило вокругъ него.

Онъ былъ немного разочарованъ, замѣтивъ, что лакеи не носили ливрей, париковъ и чулокъ. Въ иллюстраціяхъ американскихъ журналовъ и въ американскихъ синематографическихъ фильмахъ, когда изображались англійскіе дома или дома богатыхъ американцевъ, живущихъ въ Англіи, слуги всегда являлись въ парикахъ, въ расшитыхъ золотомъ ливреяхъ и чулкахъ, какъ Джимсъ Іэлоуплюшъ въ романѣ Теккерея. Здѣсь же служили только два стройныхъ, скромныхъ и юныхъ джентльмена въ черныхъ фракахъ. Поразило его также отсутствіе блеска и великолѣпія въ присутствующихъ. Дамы произвели впечатлѣніе плохо одѣтыхъ; не было у нихъ того: „эй, вы, посмотрите, какъ я шикарна“ американокъ, одѣвающихся у хорошихъ портнихъ; мужчины тоже вовсе не походили на картинки изъ англійскихъ модныхъ журналовъ, — они были одѣты просто, хотя и „грамотно“.

IV.

М-ръ Дирекъ все еще находился въ зачаточныхъ стадіяхъ разговора съ дамой изъ Вашингтона, какъ вдругъ все вокругъ него пришло въ смятеніе и волненіе благодаря прибытію такой важной особы, какъ лэди Фрэншамъ. Лэди Фрэншамъ прибыла изъ Лондона на автомобилѣ. Она появилась въ вуаляхъ, шарфахъ и огромныхъ размѣровъ дорожномъ плащѣ, въ сопровожденіи какого-то двоюроднаго племянника, составлявшаго всегда часть ея свиты и управлявшаго ея автомобилемъ. Это была женщина импозантная, величественнаго вида. Съ ея прибытіемъ сразу исчезла царствовавшая передъ этимъ на верандѣ лѣнивая апатичность жаркаго дня. М-ръ Фильбертъ тотчасъ же бросился къ лэди Фрэншамъ и сталъ снимать съ нея шарфы и вуали, передавая ихъ лакею.

— Я, дорогая, сегодня завтракала съ сэромъ Эдуардомъ Карсономъ [1], — сказала она, бросая вызывающій взглядъ Фильберту.

— Что же, онъ упрямъ, какъ всегда? — спросилъ сэръ Томасъ.

---

[1]) Членъ нынѣшняго кабинета, лидеръ „ульстерцевъ“.

— Упрямъ? Это вашъ Редмондъ[1]) упрямъ! — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Какъ по-вашему, м-ръ Бритлингъ?

— Провалились бы обѣ ваши партіи, вотъ что я скажу! — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Послушайте, нельзя же оставаться такъ... въ сторонѣ отъ всего, — сказала лэди Фрэншамъ, — когда страна наканунѣ междоусобной войны... Вы, притворяющіеся, что нѣтъ никакого политическаго кризиса, когда онъ есть... вы будете отвѣчать болѣе, чѣмъ кто-либо, когда начнется междоусобная война. И не думайте... она васъ не минуетъ! Припомните мои слова!

Присутствующіе образовали сомкнутый кругъ, и м-ръ Дирекъ оказался слушателемъ настоящаго англійскаго политическаго спора въ настоящемъ англійскомъ загородномъ домѣ. Все это было очень похоже на ту „старую" Англію, которую онъ зналъ по романамъ Гемфри Уордъ, и въ то же время совсѣмъ не похоже. Можетъ-быть, это объяснялось тѣмъ, что романы эти большею частью описывали Англію девяностыхъ годовъ, а съ тѣхъ поръ всѣ явленія жизни много потеряли въ достоинствѣ и торжественности. Но, какъ бы то ни было, тутъ налицо были крупные политическіе и общественные дѣятели, представители титулованной аристократіи, и всѣ они говорили о „странѣ"...

Неужели, дѣйствительно, такого рода люди управляютъ „страной"? Когда онъ въ Америкѣ читалъ описанія ихъ у миссисъ Уордъ, онъ легко всему вѣрилъ, но теперь, когда онъ ихъ видѣлъ и слышалъ... Впрочемъ, всѣ правительства, правители и правящіе классы, когда ихъ видишь поближе, всегда кажутся невѣроятными.

— Я не вѣрю, что страна наканунѣ гражданской войны, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Фактовъ, давайте намъ фактовъ! — крикнула лэди Фрэншамъ, какъ бы отстраняя иллюзіи быстрымъ жестомъ рукъ.

— Вы интересуетесь Ирландіей, м-ръ... Дирекъ? — спросила лэди Хомартинъ.

— Мы видимъ ее впервые, когда попадаемъ въ Англію, — отвѣтилъ довольно удачно м-ръ Дирекъ и послѣ этого получилъ возможность, не отвлекаясь, внимательно слѣдить за споромъ.

Ясно было, что лэди Фрэншамъ принадлежала къ той группѣ энергичныхъ представительницъ аристократіи, которыя съ непримиримой враждой относились къ гомрулю „въ какомъ бы

---

[1]) Лидеръ ирландскихъ націоналистовъ.

то ни было видѣ или формѣ". Въ ихъ путахъ всѣ политическія взаимоотношенія быстро принимали характеръ личной вражды и счетовъ, въ которыхъ тонули всякія соображенія объ интересахъ и процвѣтаніи Имперіи. Ими какъ-будто овладѣло дикое желаніе подражать самымъ крайнимъ суффражисткамъ. Онѣ оскорбляли, обливали грязью, обличали, отказывались отъ всякихъ приглашеній куда бы то ни было, и все изъ-за того, чтобы не встрѣтиться гдѣ-нибудь съ этимъ „предателемъ" премьеръ-министромъ [1]). Ихъ группу поддерживала крайняя часть консервативной прессы, гдѣ самые невѣроятные писатели съ пѣной у рта, какъ одержимые, набрасывались на правительство, какъ на „предателей" и людей, „оскорбляющихъ короля". „Morning Post" и болѣе легкомысленная часть уніонистской прессы ежедневно выливали на правительство потоки партійной чепухи, о которой теперь неловко и вспомнить.

Лэди Фрэншамъ, подчиняя всѣхъ своему авторитетному тону и на время оставивъ въ покоѣ м-ра Бритлинга, начала подробно разсказывать о новѣйшемъ развитіи великой междоусобицы. Она начала съ поразительнаго описанія того, какъ на представленіи моцартовской „Волшебной флейты" лэди Лондондерри сидѣла противъ этого „стараго негодяя", Асквита.

— О, если бъ взгляды могли убивать!.. — воскликнула лэди Фрэншамъ съ большимъ паѳосомъ. — Сэръ Эдуардъ Карсонъ утверждаетъ, что Ульстеръ рѣшилъ драться. У нихъ есть пулеметы... снаряды. И я убѣждена, что армія на нашей сторонѣ...

— А гдѣ же вы достали эти пулеметы и снаряды? — спросилъ вдругъ м-ръ Бритлингъ.

— О! Это наша тайна! — отвѣтила лэди Фрэншамъ.

— Хм! — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Видите ли, — сказала лэди Фрэншамъ, — гражданская война неизбѣжна. И вы, писатели, пользующіеся вліяніемъ, ничего не хотите сдѣлать, чтобы предотвратить кровавую междоусобицу.

— Что же намъ надо сдѣлать, лэди Фрэншамъ?

— Доказать людямъ, насколько опасно теперешнее положеніе!

— Вы хотите, чтобы мы приказали ирландскимъ націоналистамъ лечь на землю, дабы по нимъ прошли ульстерцы? Они этого не допустятъ...

---

[1]) Асквитомъ.

— Посмотримъ! — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Это мы еще увидимъ!

Лэди Фрэншамъ была крупной, весьма почтенной и величественной дамой, но, глядя на нее, м-ръ Дирекъ почему-то вдругъ вспомнилъ дѣвочку-кузину, которую выгнали изъ колледжа за участіе въ какихъ-то нелѣпыхъ и безсмысленныхъ школьныхъ безпорядкахъ.

— Позвольте вамъ сказать, лэди Фрэншамъ, — вставилъ м-ръ Бритлингъ, — какъ-разъ то, что вы сказали мнѣ. Развѣ вы не видите, что кампанія карсонистовъ ведетъ британскіе острова къ порогу гражданской войны?

— Такъ что же? Виноватъ всецѣло вашъ Ллойдъ-Джорджъ и его правительство. Виноваты ваши соціалисты и сентименталисты. Вы заварили кашу, вамъ ее и расхлебывать!

— Да. Но вы представляете себѣ, что будетъ означать для Имперіи гражданская война? Неужели на землѣ нѣтъ болѣе важныхъ вещей, чѣмъ эта ссора между ульстерскими „лойялистами" и либеральнымъ правительствомъ? Неужели въ нашей огромной Имперіи нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ партійныхъ самолюбій и преимуществъ? Вы думаете, что сумѣете напугать теперешнее правительство, стоящее за гомруль, и довести его до развала, который обезпечитъ побѣду консерваторамъ на слѣдующихъ выборахъ? Ну, а если это вамъ не удастся? Если вмѣсто этого вы дѣйствительно вызовете гражданскую войну? Очень немногимъ и здѣсь и въ Ирландіи — я былъ тамъ мѣсяцъ тому назадъ — этого хочется, но когда люди держатъ въ рукахъ заряженныя ружья, — они иногда неожиданно для самихъ себя начинаютъ стрѣлять. Очень немногіе сознаютъ, что это за ужасъ — гражданская война или драка. А вдругъ часть арміи взбунтуется, и начнется междоусобица всерьезъ? Вѣдь это же будетъ дѣйствовать деморализующимъ образомъ. Индія внимательно слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ здѣсь. Бенгалія тоже можетъ послѣдовать примѣру Ирландіи. И что можетъ получиться, если вдругъ, пользуясь этимъ, Германія вздумаетъ напасть на насъ?

У лэди Фрэншамъ была чисто женская изворотливость.

— Ну, что жъ, ваши редмондисты встрѣтили бы нѣмцевъ съ распростертыми объятіями.

— Да, но вѣдь не редмондисты въ настоящую минуту призываютъ нѣмцевъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, взрывая свою мину, — а кто-то другой. Вѣдь еще третьяго дня одинъ изъ вашихъ „лойялистовъ" писалъ въ „Morning Post", что онъ предпочтетъ для Ирландіи германское владычество — гомрулю.

А тотъ — другой, который въ прошломъ апрѣлѣ ввезъ контрабандой въ Ирландію нѣмецкіе маузеры, тотъ вѣдь открыто хвасталъ, что онъ скорѣе присягнетъ на вѣрность германскому кайзеру, чѣмъ увидитъ Редмонда у власти.

— Риторика! — сказала лэди Фрэншамъ. — Риторика!

— А вы забыли, что одна изъ вашихъ ульстерскихъ газетъ открыто заявляла, что уже подписано соглашеніе, по которому одинъ „всесильный континентальный монархъ“ обязался оказать поддержку ульстерскому возстанію.

— Про какую газету вы говорите? — спросила лэди Фрэншамъ.

М-ръ Бритлингъ остановился въ нерѣшительности, но тутъ вступился м-ръ Фильбертъ.

— Я видѣлъ ее. Это была „Ирландская Церковная Газета“.

— Вы, я вижу, оба хорошо подготовились, — сказала лэди Фрэншамъ. — Я не знала, что м-ръ Бритлингъ тоже партійный человѣкъ.

— Націоналисты всѣмъ болѣе или менѣе виднымъ лицамъ разослали экземпляры этого номера, — сказалъ Фильбертъ. — Это вполнѣ естественно.

— Да, и въ ихъ освѣщеніи дѣло обстоитъ еще хуже и серьезнѣе, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ. — Оказывается, Карсонъ завтракалъ прошлой осенью съ нѣмецкимъ кайзеромъ. Какой бы вы подняли скандалъ, если бы это сдѣлалъ Редмондъ! Да и всѣ эти тайные провозы оружія въ Ирландію, все это дѣло нѣмецкихъ рукъ.

— Ну, такъ что жъ? — спросила лэди Фрэншамъ, снова останавливая на мгновеніе воинственный взоръ на Фильбертѣ. — Вы насъ довели до этого. Но на одномъ мы порѣшили, чего бы это ни стоило! Джонъ Редмондъ можетъ управлять Англіей, если ему хочется, но управлять Ирландіей мы ему не дадимъ!

М-ръ Бритлингъ пожалъ плечами, и на лицѣ его отразилось отчаяніе.

— Мое единственное утѣшеніе, — сказалъ онъ, — это слова, сказанныя мнѣ одной молодой ирландкой, мѣсяцъ тому назадъ въ Митѣ. Это была молодая особа, лѣтъ двѣнадцати, и мнѣ кажется, она почувствовала ко мнѣ нѣкоторую слабость за то, что я катался съ ней въ лодкѣ, пользоваться которой ей было запрещено. Весь день передъ этимъ надъ ея наблюдательной головкой витали безконечные разговоры объ этомъ вѣчномъ ирландскомъ вопросѣ. И какъ только мы выбрались въ открытое море, она внезапно рѣшила просвѣтить меня насчетъ одной

существенной подробности, которую я упустилъ. „Вы, англичане, — сказала она мнѣ, — все хотите серьезно относиться къ этимъ недоразумѣніямъ. Не волнуйте себя напрасно... Вѣдь, мы почти все время смѣемся надъ вами. Вы лучше всего оставьте насъ въ покоѣ“...

И тутъ же онъ продолжалъ:

— Но взгляните, какое это ужасное зрѣлище. Вотъ представился случай добиться чего-то въ родѣ примиренія въ этой древней враждѣ между англичанами и ирландцами, чего-то въ родѣ умиротворенія всѣхъ этихъ древнихъ злосчастныхъ страстей и распрей, а между тѣмъ въ насъ недостаетъ ни силы, ни совѣсти, ни здраваго смысла, чтобы избѣжать злобныхъ препирательствъ, взаимнаго недовѣрія и озлобленія... И какъ - разъ теперь, когда Ирландія достигла нѣкотораго благополучія... Да провалились бы скорѣе обѣ ваши партіи...

— Очевидно, м-ръ Бритлингъ, вамъ хотѣлось бы передать насъ всѣхъ въ руки Джима Ларкина [1]).

— Я передалъ бы всѣхъ васъ сэру Горацію Пленкетту...

— Этому доктринеру-педанту, съ его образцовымъ молочнымъ хозяйствомъ! — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Вы безнадежны, м-ръ Бритлингъ, совершенно безнадежны.

Лэди Хомартинъ, замѣтивъ, что разговоръ принимаетъ опасный оборотъ, поспѣшила предложить лэди Фрэншамъ вторую чашку чая и начала порхать, словно охлаждающій вѣеръ, между спорящими. Затѣмъ она предложила играть въ теннисъ...

V.

М-ръ Бритлингъ все еще былъ взволнованъ и возбужденъ, когда онъ и его гость возвращались къ Дауэръ-Хаузу. Онъ самъ безжалостно критиковалъ Англію, но не могъ допустить ни на минуту, что она въ какомъ бы то ни было отношеніи была несовершенна. Даже ея недостатки ему хотѣлось представить какъ болѣе утонченный видъ силы и мудрости. А тутъ лэди Фрэншамъ своими словами взяла да и разбила всѣ эти пріятныя иллюзіи. Онъ напоминалъ теперь влюбленнаго, который называетъ свою милую „глупенькой плутовкой“, а потомъ въ ужасѣ вдругъ открываетъ, что посторонніе люди охотно соглашаются съ нимъ въ буквальномъ пониманіи этого опредѣленія.

---

[1]) Ирландскій націоналистъ, изъ партіи синъ-фейнеровъ.

Но лэди Фрэншамъ и весь этотъ ирландскій споръ трудно было назвать иначе, чѣмъ зловреднымъ идіотствомъ, и м-ръ Бритлингъ, противъ своего обыкновенія, молчалъ, придумывая выходъ. Воспользовавшись этимъ, м-ръ Дирекъ поспѣшилъ взять на себя иниціативу разговора.

— Для меня, американца, немного странно, — началъ онъ, — слышать въ устахъ дамъ такіе рѣзкіе политическіе взгляды.

— Это бы еще ничего, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Наши женщины занимаются политикой, а женщины низшихъ классовъ ходятъ въ кабаки. Я не вижу причинъ препятствовать этому. Если это подобаетъ мужчинамъ, такъ почему же нельзя женщинамъ? Мы здѣсь на это смотримъ проще. А вотъ зловредная глупость такого консерватизма, вотъ что безобразно. Это, дѣйствительно, безобразіе. Вѣдь эти люди, которыхъ вы только что видѣли и слышали, — образчикъ нашего правящаго класса — или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части нашего правящаго класса. И, повторяю, образчикъ болѣе или менѣе вѣрный. Вы видите, до чего они мало понимаютъ. Прямо поразительно. Было время, когда они умѣли быть политиками... Даже и сегодня у нихъ, гдѣ-то внутри, все-таки еще остались кой-какіе политическіе инстинкты... Но мнѣ прямо тошно думать объ этомъ ирландскомъ вопросѣ! Знаете, что я вамъ скажу? Мы дѣйствительно находимся на пути къ гражданской войнѣ.

— Вы такъ думаете? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Развѣ не такъ? Этотъ ввозъ пулеметовъ и ружей въ Ульстеръ... вы слышали, какъ она объ этомъ разсказывала? Развѣ этого не достаточно, чтобы довести югъ Ирландіи до открытаго возстанія?

— А какъ вы думаете, содержится ли какая-нибудь доля истины въ утвержденіи, что въ этой ульстерской исторіи дѣло не обошлось безъ нѣмецкой интриги? Вы и м-ръ Фильбертъ какъ-разъ говорили...

— Не знаю, — отвѣтилъ кратко м-ръ Бритлингъ. — Не знаю, — повторилъ онъ, — но не потому, что я не считаю ульстерцевъ и нашихъ противниковъ достаточно глупыми, чтобы пойти на такую комбинацію. А потому, что мнѣ не вѣрится, чтобы нѣмцы были настолько глупы и пошли бы на нее... Да и зачѣмъ имъ?

— У меня прямо нѣтъ словъ отъ озлобленія, — продолжалъ онъ послѣ короткой паузы. — Они не хотятъ пойти ни на какой компромиссъ. Ихъ просто обуреваетъ страсть къ

ссорамъ... Эти люди — какъ дѣти, играющія въ революцію. Пока смерть не очутится у ихъ ногъ, имъ и въ голову не придетъ, что они играютъ заряженными ружьями...

Нѣкоторое время онъ опять помолчалъ и изъ вѣжливости слушалъ, какъ м-ръ Дирекъ старался объяснить ему отношеніе Америки къ ирландскому вопросу. Когда же м-ръ Бритлингъ снова захватилъ нить разговора, то въ словахъ его не было ничего, относящагося къ замѣчаніямъ м-ра Дирека.

— Психологія всѣхъ этихъ появившихся у насъ за послѣднее время движеній протеста и различныхъ эксцессовъ весьма любопытна... Я никакъ не могъ уяснить ея себѣ... Все равно, имѣемъ ли мы дѣло съ суффражистками, или съ рабочимъ вопросомъ, или же съ этой ирландской кашей... Люди какъ-будто чувствуютъ себя слишкомъ въ безопасности. Видите ли, мы живемъ въ концѣ ряда болѣе или менѣе „спокойныхъ" поколѣній, во время жизни которыхъ ничто изъ великихъ явленій міра существенно не подвергалось измѣненію. Мы выросли безъ сознанія опасности, т.-е. безъ сознанія какой-либо отвѣтственности. Никто изъ насъ не вѣритъ, что жизнь теперь можетъ существенно измѣняться. Все это, — и м-ръ Бритлингъ сдѣлалъ жестъ рукой, указывая на окружающее, — имѣетъ такой видъ, какъ-будто оно будетъ неизмѣннымъ до безконечности. Кажется невѣроятнымъ, чтобы вся система нашей жизни вдругъ остановилась, претерпѣла крахъ. Такъ, напримѣръ, лэди Хомартинъ не въ состояніи представить себѣ, что она не всегда будетъ имѣть возможность приглашать разныхъ людей на „week-end'ы" въ Клаверингсъ, и что наступитъ одно прекрасное утро, когда, противъ обыкновенія, у ея постели не будетъ ни писемъ, ни чая. Или если ея воображеніе еще можетъ какъ-нибудь представить себѣ, что въ одинъ прекрасный день ея не будетъ, чтобы выпить этотъ чай, то значитъ просто-на-просто будетъ кто-нибудь другой на ея мѣстѣ, который этотъ чай все-таки выпьетъ. Ея дворецкій можетъ бояться потерять свое „мѣсто", но ничто на землѣ не заставитъ его вообразить себѣ время, когда не будетъ никакого „мѣста" и терять будетъ нечего. Старикъ Асквитъ думаетъ, что разъ мы всегда жили и процвѣтали, то и будемъ безконечно жить и процвѣтать — при помощи спокойной хитрости и удобной формулы: „Поживемъ — увидимъ". И какъ-разъ именно потому, что мы убѣждены въ нашей безопасности, — мы и рѣшаемся быть столь безразсудно-буйными въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Почему женщинамъ не получить права голоса? — разсуждаютъ суффражистки. — Кому отъ этого тепло

или холодно? — И — бацъ! — летитъ бомба въ Вестминстерское аббатство. Почему бы Ульстеру не создать безвыходнаго положенія? И тотчасъ же какой-то полусумасшедшій карсонистъ, основываясь на какомъ-то полусловѣ германскаго императора, летитъ въ Германію, чтобы поиграть въ измѣну, и покупаетъ полмилліона винтовокъ.

— Совсѣмъ какъ дѣти, рѣшившія быть очень, очень нехорошими...

— Мы живемъ и процвѣтаемъ, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, помогая своимъ словамъ заключительнымъ жестомъ. — И будемъ жить и процвѣтать, пока въ пороховой погребъ не попадетъ искорка. Мы, англичане, — вѣчныя дѣти въ вѣчной дѣтской...

И тотчасъ же онъ снова продолжалъ:

— По правдѣ сказать, дѣло сводится просто къ тому, что никто еще какъ слѣдуетъ не усвоилъ факта, что земля — кругла. Круглая, какъ апельсинъ. Намъ это говорятъ въ школѣ. А для всякихъ практическихъ цѣлей мы объ этомъ забываемъ. Въ дѣйствительности мы живемъ въ мірѣ, который такъ плоскъ, какъ блинъ, въ мірѣ, гдѣ нѣтъ конца времени, и гдѣ ничто не мѣняется. Кто въ дѣйствительности вѣритъ въ существованіе какого-то міра за линіей горизонта? Вотъ мы — здѣсь, и для нашихъ глазъ ничто не мѣняется. И такъ мы идемъ дальше къ... тому, что ничто не мѣняется. А если бы мы только могли сознать и усвоить этотъ круглый міръ, вонъ тамъ, дальше, за горизонтомъ, то могли бы сознавать и усваивать очень многое. Если бы міръ походилъ на одинъ изъ тѣхъ акустическихъ сводовъ, что передаютъ слова, произнесенныя шопотомъ, то какихъ бы только шопотовъ сейчасъ не услыхали бы мы... шо́потовъ изъ Индіи, вѣстей изъ будущаго... Но все равно мы не обратили бы на нихъ никакого вниманія...

VI.

Весьма вѣроятно, что какъ-разъ въ ту самую минуту, когда Бритлингъ произносилъ эти слова, въ Сараевѣ, въ Босніи, гдѣ время разнилось отъ англійскаго на часъ съ небольшимъ, какіе-то люди совѣщались шопотомъ. Одинъ изъ нихъ нервно сжималъ черную жестянку, врученную ему, и кивалъ головой, пока другіе повторяли ему свои инструкціи... Черная жестянка, наполненная химическимъ составомъ, съ любопытной системой ударниковъ, черная жестянка, предназначенная

для того, чтобы разнести вдребезги почти всѣ вѣхи міросозерцанія м-ра Бритлинга и лэди Фрэншамъ...

VII.

Когда Бритлингъ и Дирекъ вернулись въ Дауэръ-Хаузъ, гость былъ сданъ на руки миссисъ Бритлингъ, а самъ м-ръ Бритлингъ исчезъ, чтобы появиться снова лишь къ ужину. Къ тому времени совершенно исчезли всѣ слѣды его недовольства легкомысленностью англійской политики и британскихъ правящихъ классовъ, и онъ уже больше не думалъ о томъ, что въ данную минуту дѣлается въ Индіи или Германіи.

Пока Бритлингъ гдѣ-то прятался, Дирекъ продолжалъ свое знакомство съ хозяйствомъ и домашнимъ строемъ семьи Бритлингъ. Миссисъ Бритлингъ повела его въ садъ и показала розы. Тамъ, за шпалерами розоваго питомника, въ маленькой бесѣдочкѣ, они застали миссъ Корнеръ, читавшую какую-то книгу. М-ръ Дирекъ и миссисъ Бритлингъ остановились передъ нею. Молодая особа подняла глаза и улыбнулась.

— Читаете новѣйшій романъ? — спросилъ любезно м-ръ Дирекъ.

— „Городъ Солнца“ Кампанеллы.

— Однако! Но развѣ это не скучно?

— Вы его не читали, — сказала миссъ Корнеръ.

— Все равно, это прескучнѣйшая, пресухая книга.

— Не дѣлайте вида, что вы ее читали; вѣдь не читали! — сказала она, и м-ръ Дирекъ почувствовалъ, что разговору надо положить конецъ.

— Очень пріятно должно быть имѣть около себя въ домѣ такую милую барышню, — сказалъ онъ миссисъ Бритлингъ, когда они пошли дальше къ амбару.

— Да, только она какая-то нелѣпая... — сказала миссисъ Бритлингъ. — И читаетъ какъ... Какъ кто? Говорятъ: „пьетъ, какъ рыба“, „ѣстъ какъ волкъ“... а читаетъ, какъ... кто?

На одной изъ площадокъ для тенниса они застали нѣмца-гувернера, играющаго съ двумя мальчиками. Это былъ довольный плотный юноша, въ очкахъ, съ обдуманными жестами; игралъ и выигрывалъ онъ сосредоточенно, главнымъ образомъ, благодаря чрезвычайному пылу младшаго изъ двухъ мальчиковъ, аккуратно дѣлавшаго промахи. Какъ только мальчики увидали миссисъ Бритлингъ, они бросили игру и подбѣжали къ ней, крича:

— Мамочка!.. Что, сегодня ужинъ будетъ костюмированный, да?

Миссисъ Бритлингъ задумалась, и было ясно, что отъ м-ра Дирека въ значительной степени зависитъ ея отвѣтъ.

— Видите ли, къ вечернему столу, вмѣсто того, чтобы одѣваться въ вечернія платья и фраки, мы облачаемся въ разныя занавѣски и пестрыя ткани, — пояснила она. — У насъ цѣлый гардеробъ различныхъ костюмовъ. Вы ничего не имѣете противъ?

М-ръ Дирекъ, наоборотъ, былъ въ восхищеніи.

Вопросъ, такимъ образомъ, рѣшился, и оба мальчика увели свою мать для разработки какого-то спеціально ими задуманнаго декоративнаго проекта. М-ръ Дирекъ же остался съ Herr Heinrich'омъ.

Herr Heinrich предложилъ м-ру Диреку пройтись по саду посмотрѣть розы, и такъ какъ Herr Heinrich еще не показывалъ м-ру Диреку розъ, то американецъ согласился. Ему было ясно, что раньше или позже, но всякій долженъ былъ показать ему садъ и розы.

— Ну, какъ вамъ нравится жить въ англійскомъ домѣ? — спросилъ м-ръ Дирекъ, сразу приступая къ дѣлу. — Для американца весьма интересно видѣть и наблюдать эту англійскую семейную жизнь, особенно въ домѣ такого выдающагося англичанина, а для нѣмца, мнѣ кажется, это должно быть еще интереснѣе.

— Я нахожу это очень непохожимъ на Померанію, — отвѣтилъ Herr Heinrich. — Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ здѣсь пріятнѣе, въ другихъ — менѣе пріятно. Въ общемъ, это пріятная жизнь, но не серьезная. Во всякую минуту можетъ притти кто-нибудь и сказать: „Давайте дѣлатъ это“ или: „Давайте дѣлать то“, и тогда все разстраивается... Люди входятъ въ домъ безъ всякой церемоніи. Много доброты, но мало вѣжливости. М-ръ Бритлингъ уѣзжаетъ иногда на три-четыре дня, и, когда онъ возвращается, я подхожу къ нему, чтобы привѣтствовать его и кланяюсь, онъ же или проходитъ мимо, не замѣчая меня, или бросаетъ просто: „Здрасте, Herr Heinrich“.

— Васъ интересуютъ писанія м-ра Бритлинга? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Тутъ я опять въ тупикѣ. Его произведенія извѣстны даже въ Германіи. Его статьи переводятся и перепечатываются въ нѣмецкихъ и австрійскихъ журналахъ. И поэтому, казалось, надо было ожидать отъ него въ жизни какой-то авторитетности. Можно было ожидать, что за столомъ будутъ

вестись бесѣды на темы философскія и эстетическія... а, между тѣмъ, этого нѣтъ. Когда я задаю ему вопросы, онъ очень часто отвѣчаетъ на нихъ какими-то шутками, несерьезно. Какъ-будто ему иногда не нравятся вопросы, которые я ему задаю. Вчера, напримѣръ, я спросилъ его, согласенъ онъ или нѣтъ съ Бернардомъ Шоу. А онъ отвѣтилъ, — я это записалъ въ своемъ дневникѣ, — онъ отвѣтилъ: „О! Пикули-смѣсь". Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? „Пикули смѣсь"!

Съ розоваго лица юноши на м-ра Дирека смотрѣли, сквозь очки, довѣрчивые голубые глаза, словно умоляя его пролить хотя бы немного свѣта на туманную неопредѣленность этой самой Англіи.

Затѣмъ Herr Heinrich объяснилъ м-ру Диреку, что онъ — филологъ, готовящійся къ докторскому экзамену. Онъ еще не отбывалъ воинской повинности. Изучалъ же онъ діалекты восточной Англіи.

— Что же, вы много вращаетесь среди народа? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Нѣтъ. Но я задаю много вопросовъ м-ру Кармину, миссисъ Бритлингъ и мальчикамъ. Иногда же я бесѣдую съ садовникомъ...

Онъ разсказалъ, какъ приготовитъ свою докторскую диссертацію, какъ она будетъ принята, какъ затѣмъ онъ будетъ отбывать воинскую повинность и какъ пройдетъ всѣ дальнѣйшія ступени, по которымъ постепенно будетъ возвышаться, вплоть до званія профессора. Онъ сознался, что особеннаго влеченія къ филологіи не чувствуетъ. „Но, — сказалъ онъ — я долженъ быть филологомъ". — Поэтому онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь филологіи. Лично его интересовали эсперанто, идея универсальныхъ языковъ и тому подобныя попытки уничтожить рогатки между людьми. Но власти въ Германіи не особенно благосклонно относились къ такого рода космополитическимъ теоріямъ и идеямъ, и поэтому онъ принужденъ былъ отъ нихъ отказаться.

— Здѣсь же какъ-будто нѣтъ никакихъ властей, — сказалъ онъ, съ налетомъ зависти.

М-ръ Дирекъ убѣдилъ его развить подробнѣе эту мысль.

Herr Heinrich взялъ примѣромъ м-ра Бритлинга. Если бы м-ръ Бритлингъ былъ нѣмцемъ, то у него, навѣрное, былъ бы какой-нибудь чинъ, опредѣленное положеніе, отвѣтственность. Здѣсь его даже не величали „господиномъ докторомъ". Онъ говоритъ все, что ему взбредетъ въ голову. Никто не награждалъ его; никто не принималъ противъ него репрессивныхъ

мѣръ. Когда Herr Heinrich разспрашивалъ м-ра Бритлинга о его положеніи: стоитъ ли онъ выше или ниже Бернарда Шоу, или м-ра Арнольда Уайта, или м-ра Гарвина, или другого какого-нибудь столь же извѣстнаго публициста, м-ръ Бритлингъ отдѣлывался шуточками. Здѣсь какъ-будто ни у кого не было никакого чина, ни у кого не было опредѣленнаго мѣста. Взять, напримѣръ, м-ра Лоренса Кармина; онъ считается знатокомъ по вопросамъ Востока, имѣетъ отношеніе къ какому-то общественному учрежденію въ Лондонѣ, заботящемуся о студентахъ-индусахъ; онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ...

— Чѣмъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Да, это... какъ вы его здѣсь называете?... Членомъ эссекскаго Совѣта графства. Но никто на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. И когда недавно къ намъ пришелъ завтракать м-ръ Фильбертъ, членъ правительства, онъ былъ совершенно похожъ на всѣхъ остальныхъ людей. И только послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, Herr Heinrich узналъ случайно, что онъ — министръ и „превосходительство".

— Въ Германіи все ясно и опредѣленно. Каждый человѣкъ знаетъ свое мѣсто, у каждаго свои документы, свои инструкціи, какъ поступать, что дѣлать...

— А тѣмъ не менѣе, — сказалъ м-ръ Дирекъ, переводя свой взглядъ съ ярко пылающихъ розъ на аккуратненькую бесѣдку, длинную красную стѣну, огороды и золотыя поля вдали, — какъ-будто все здѣсь въ порядкѣ.

— Да, но такое впечатлѣніе, какъ-будто здѣсь все было приведено въ порядокъ много вѣковъ тому назадъ, — сказалъ Herr Heinrich.

— И сейчасъ держится лишь по привычкѣ, — продолжалъ м-ръ Дирекъ, подхватывая и развивая его мысль.

Ихъ дальнѣйшія сравненія были прерваны появленіемъ секретаря „Тэдди" и молодого индуса, только что вернувшихся съ купанья въ прудѣ. Вслѣдъ за ними со стороны парка появились м-ръ Карминъ и старшій сынъ Бритлинга, погруженные въ серьезную бесѣду. М-ръ Карминъ тотчасъ же подошелъ и заговорилъ съ Дирекомъ, и они пошли по саду, среди розъ, на край его, посмотрѣть закатъ солнца. М-ръ Дирекъ воспользовался случаемъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли старшій сынъ Бритлинга — пасынокъ теперешней миссисъ Бритлингъ, и въ то же время ему удалось внезапнымъ проявленіемъ восхищенія передъ дальнимъ рядомъ бѣлыхъ буковъ направить путь мимо бесѣдки, въ которой вечернее освѣщеніе, навѣрное, уже становилось слишкомъ скуднымъ для книги миссъ Корнеръ.

Миссъ Корнеръ тоже пошла съ ними смотрѣть закатъ. Она сейчасъ же вступила въ бесѣду съ м-ромъ Карминомъ, въ которой не замедлила проявить, по мнѣнію м-ра Дирека, большую оригинальность мыслей. Она сказала, что „Городъ Солнца“ похожъ на тѣ города, какіе младшіе Бритлинги строили иногда на полу въ дѣтской. Она сказала, что это — очаровательнѣйшій городъ, и привела нѣсколько интересныхъ данныхъ. Она описала его расписныя стѣны, благодаря которымъ прогулка по городу была своего рода образовательной лекціей... Она спросила м-ра Кармина, какъ спеціалиста по восточной литературѣ, почему ни въ индусской, ни въ китайской литературѣ не встрѣчается утопій.

Признаться, м-ру Диреку никогда и въ голову не приходило спросить, почему не существуетъ индусскихъ или китайскихъ утопій, и даже самъ м-ръ Карминъ былъ удивленъ этимъ явленіемъ.

— Видите ли, первобытная патріархальная деревня есть сама по себѣ утопія для Индіи или Китая, — сказалъ м-ръ Карминъ, — или, по крайней мѣрѣ, это ихъ соціальный идеалъ. И поэтому имъ не надо никакихъ утопій.

— Утопіи приходятъ вмѣстѣ съ городами, — продолжалъ онъ, углубляясь въ вопросъ. — Первые города, въ отличіе отъ дворовъ и автократическихъ столицъ, пришли вмѣстѣ съ кораблями. Индія же и Китай принадлежатъ къ вѣку болѣе раннему. Корабли, торговля, безпорядокъ... странныя взаимоотношенія, неофиціальная вольная литература, критика... и затѣмъ эти послѣднія новыя теоріи о переустройствѣ общества...

VIII.

Затѣмъ м-ръ Дирекъ попалъ въ руки Гю, старшаго сына, и, предвосхищая неизбѣжное, сказалъ, что ему нравится гулять по саду, среди розъ. И они стали гулять по саду.

— Вы читаете утопіи? — спросилъ м-ръ Дирекъ безъ всякихъ предисловій, по англійской манерѣ, которую онъ уже начиналъ усваивать.

— И даже очень, — отвѣтилъ Гю и сталъ какъ-то сразу конфиденціальнымъ и дружественно благосклоннымъ. — Мы всѣ читаемъ, — сказалъ онъ. — Въ Англіи всѣ только и говорятъ объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ, и ничто никогда не мѣняется и не преобразовывается.

— Я засталъ миссъ Корнеръ за чтеніемъ... этого, какъ его... „Народа Солнца“... словомъ, какой-то старинной классической итальянской книги.

— А!.. Кампанеллы!.. — замѣтилъ Гю, не проявляя ни малѣйшаго интереса къ миссъ Корнеръ. — Ничто не мѣняется въ Англіи, потому что люди, желающіе измѣнить порядокъ вещей, сами мѣняютъ свои мнѣнія и свои взгляды прежде, чѣмъ измѣнить что-нибудь другое. Я, вотъ провелъ послѣдніе полгода въ Лондонѣ въ разговорахъ и спорахъ. Или, какъ это называютъ, изучалъ искусство. Передъ этимъ я былъ студентомъ, а теперь опять хочу заняться точными науками. Не кажется ли вамъ, что есть нѣчто въ точныхъ наукахъ... что наука какъ-то устойчивѣе, чѣмъ все остальное въ мірѣ?

М-ръ Дирекъ думалъ, что нравственныя истины и основы человѣческой природы были устойчивѣе, чѣмъ наука, и у нихъ завязался одинъ изъ тѣхъ праздныхъ споровъ, которые начинаются по поводу какого-нибудь разногласія, недостаточно ясно усвоеннаго, и не столько кончаются, сколько сходятъ незамѣтно на нѣтъ. Гю показался ему болѣе вдумчивымъ и свободнымъ въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ любой американскій студентъ его возраста. Но возможно, что въ этомъ сказывалось не національное отличіе, а только особенность семьи Бритлинговъ. Онъ, видимо, больше читалъ, болѣе независимо относился къ прочитанному и былъ менѣе дѣятельнымъ въ жизни. Кромѣ того, въ немъ чувствовалось больше сдержанности и самообладанія.

Прежде чѣмъ м-ру Диреку удалось разспросить юношу, какъ слѣдуетъ, о его работахъ и планахъ на будущее, тотъ свелъ разговоръ на Америку. Ему страшно хотѣлось побывать въ Америкѣ.

— Папа пишетъ въ одной изъ своихъ книгъ, что здѣсь мы уже живемъ, а вы тамъ еще только начинаете. Должно быть, страшно бодряще дѣйствуетъ мысль, что страна ваша еще только дѣлается, еще строится...

М-ръ Дирекъ нашелъ эту точку зрѣнія чрезвычайно интересной.

— Пока что-нибудь здѣсь не сломается и не свалится, намъ и въ голову не приходитъ ничего мѣнять, — продолжалъ юноша. — Да и то тогда мы ограничиваемся тѣмъ, что просто ставимъ какія-то подпорки.

Его замѣчанія производили такое впечатлѣніе, какъ-будто они падали съ какихъ-то упорно работавшихъ жернововъ мысли въ его головѣ. До сихъ поръ м-ръ Дирекъ былъ склоненъ считать этого молчаливаго, наблюдательнаго юношу, съ

руками въ карманахъ и чуть-чуть сутулыми плечами, довольно нерѣшительнымъ и по-юношески бездѣятельнымъ. Но голова его явно все время работала...

— Миссъ Корнеръ, — началъ было м-ръ Дирекъ, взявъ первое, что ему пришло въ голову, но вспомнивъ, что минутъ пять тому назадъ онъ уже сдѣлалъ замѣчаніе, которое онъ собирался опять произнести, — замолчалъ.

— Какую же форму искусства, — спросилъ онъ вмѣсто этого, — изучали вы въ послѣднее время въ Лондонѣ?

Но прежде чѣмъ ему удалось получить на этотъ вопросъ болѣе или менѣе исчерпывающій отвѣтъ, въ саду появились оба мальчика и стали дѣятельно сгонять всѣхъ въ домъ „одѣваться“ къ ужину. Появился секретарь Бритлинга „Тэдди“, принявшій на себя отеческую заботу присмотрѣть за м-ромъ Дирекомъ и его „костюмомъ“.

IX.

М-ръ Дирекъ рѣшилъ отнестись возможно внимательнѣе къ своему „костюмированію“, такъ какъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія показаться нелѣпымъ или смѣшнымъ въ глазахъ миссъ Сисели Корнеръ. Вскорѣ появился „Тэдди“, нагруженный цѣлой кипой разныхъ одѣяній и тканей, которыя „могли бы пригодиться“.

— Въ какомъ же видѣ я долженъ предстать? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Мы не надѣваемъ опредѣленныхъ костюмовъ, — сказалъ Тэдди, — а просто облачаемся въ самыя пестрыя тряпки, какія попадаются подъ руку. Если это вообще можно называть „костюмомъ“, такъ развѣ только футуристическимъ.

— Что-жъ, это чудесно! — воскликнулъ м-ръ Дирекъ, которому очень понравилась эта идея. — Почему мы должны вѣчно быть скованы обычаями и условностями прошлаго?

Онъ отвергъ красный костюмъ мефистофелевскаго образца, а также сборный костюмъ разбойника съ курткой, явно передѣланной изъ стараго болеро миссисъ Бритлингъ, и послѣ нѣкотораго колебанія остановился на черномъ шелковомъ трико. У него были довольно недурныя ноги, которыхъ нечего было стыдиться; надѣвъ же трико, онъ сталъ пробовать различныя пестрыя тряпки. Выборъ его, наконецъ, остановился на кускѣ золотисто-пурпуровой парчи, на большомъ квадратѣ какой-то зеленой шелковой матеріи для занавѣсокъ, украшенной изображеніями золотыхъ фазановъ, и на другихъ крупныхъ и болѣе

или менѣе величавыхъ украшеніяхъ. Все это онъ надѣлъ въ видѣ тоги поверхъ своей легкой шелковой фуфайки и застегнулъ большой зеленой брошкой. Шея и голова его выступали изъ этого наряда, какъ ему казалось, съ достаточнымъ благородствомъ. Тэдди совѣтовалъ еще надѣть на голову повязку изъ зеленыхъ лентъ. М-ръ Дирекъ примѣрилъ ее, но, постоявъ въ раздумьѣ передъ зеркаломъ, снялъ. Пока онъ еще думалъ о впечатлѣніи, которое произвела бы повязка на миссъ Корнеръ, Тэдди оставилъ его, чтобы пойти переодѣваться самому, и это дало гостю возможность, при помощи стѣнного и ручного зеркала, изучить свой собственный профиль. Общій результатъ ему показался вполнѣ удовлетворительнымъ.

— Да-съ, — сказалъ онъ, смѣясь про себя, — кто бы могъ подумать!

И, самодовольно улыбаясь, спустился внизъ.

Общество уже собиралось въ холлѣ и при свѣтѣ ацетиленовыхъ бра яркими пятнами выдѣлялось на темномъ фонѣ дубовой обшивки комнаты. М-ръ Бритлингъ въ черномъ бархатномъ дублонѣ и черномъ бархатномъ трико былъ немного въ тѣни, зато ярче всѣхъ выдѣлялись миссъ Корнеръ и ея сестра въ сверкающихъ одеждахъ зелено-павлиноваго цвѣта съ серебромъ, что придавало змѣиную гибкость ихъ стройнымъ фигурамъ. Онѣ бесѣдовали съ нѣмцемъ-гувернеромъ, преобразившимся въ ситцеваго желто-зеленаго казака въ очкахъ. Миссисъ Бритлингъ была очень величественна и красива въ пурпуровомъ, а ея пасынокъ преобразился въ красивую спокойную фигуру, одѣтую въ черное и красное. Тэдди смастерилъ себѣ какое-то сложное одѣяніе въ египетскомъ стилѣ, мальчики нарядились разбойниками съ широченными поясами, куда они понатыкали множество игрушечныхъ пистолетовъ и ножей для разрѣзанія бумаги. М-ръ Карминъ и его студентъ пріѣхали, запасшись настоящими индусскими костюмами, при чемъ Карминъ, по общему мнѣнію, былъ похожъ на муллу. Дама съ благороднымъ носомъ очень выдѣлялась среди этого легкомыслія своимъ чернымъ платьемъ и золотой цѣпочкой; отказавшись сдѣлать себя смѣшной, она поощряла другихъ одобрительными кивками и загадочными улыбками. Но все-таки она рѣшилась прицѣпить розовый бантъ къ волосамъ. Передъ тѣмъ какъ садиться къ столу, подкатилъ автомобиль съ семействомъ, состоящимъ изъ отца, матери и двухъ молодыхъ дочерей, тоже соотвѣтственно наряженныхъ.

Все это было то, чего меньше всего ожидалъ увидать въ Англіи м-ръ Дирекъ, и такъ же неожиданъ былъ ужинъ за

длиннымъ, освѣщеннымъ свѣчами, столомъ, безъ скатерти. Прислуги не было, на буфетѣ стояла холодная лососина, холодный ростбифъ, картофельный салатъ и множество бутылокъ съ виномъ, пивомъ и виски. Каждый самъ угощалъ себя, а по мѣрѣ возможности, и другихъ. М-ръ Дирекъ старался усиленно ухаживать за миссисъ Бритлингъ и миссъ Корнеръ.

Всѣ казались необычайно веселыми и оживленными. М-ръ Дирекъ нашелъ что-то чрезвычайно возбуждающее и странно-волнующее во всѣхъ этихъ необычайно пестрыхъ и яркихъ костюмахъ, въ простыхъ взаимныхъ услугахъ другъ другу; всѣ казались какъ-будто искреннѣе и проще; м-ръ Бритлингъ — красивѣе, а старшій сынъ его — безспорнымъ красавцемъ. М-ръ Дирекъ забылъ о своей миссіи, о своемъ положеніи и вообще обо всемъ на свѣтѣ, совершенно безразсудно обрадовавшись тому, что его золотые фазаны такъ подходятъ къ сверкающему наряду оживленной, улыбающейся дѣвушки.

— Садитесь, гдѣ хотите, — сказала миссисъ Бритлингъ, и м-ръ Дирекъ сѣлъ рядомъ съ миссъ Корнеръ. Въ ея глазахъ появилось что-то очень неопредѣленное, но, несомнѣнно, для него пріятное, и это что-то говорило ему, что сейчасъ, когда онъ освободился отъ строгихъ прямыхъ линій его патріотическаго нью-іоркскаго портного, она какъ-будто открыла въ немъ какія-то новыя качества.

Всѣ весело болтали, хотя потомъ м-ру Диреку было трудно вспомнить, о чемъ именно; онъ только узналъ, что миссъ Корнеръ зовутъ Сисели, а ея сестру — Летти; а тутъ какъ-разъ — отдавая долгъ древнему эссекскому обычаю — мужская часть компаніи была оставлена одна на нѣсколько минутъ для воображаемаго питья портвейна и закуриванія сигаръ и папиросъ, послѣ чего всѣ направились по залитому лунными лучами саду въ амбаръ. М-ръ Бритлингъ усѣлся за піанолу въ углу и заигралъ знакомыя каденціи извѣстнаго американскаго танца.

— Вы танцуете? — спросила миссъ Сисели Корнеръ.

— Очень немного, — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ. — Что это за танецъ?

— Все, что хотите. Это — „ту-степъ“ [1]).

М-ръ Дирекъ нерѣшительно остановился, пожалѣвъ объ утраченной молодости, а тутъ подскочилъ съ распростертыми руками Гю и увелъ миссъ Корнеръ.

На одну только секунду у м-ра Дирека появилась мысль, что этотъ молодой человѣкъ слегка излишенъ...

---

[1]) Танецъ въ два па.

Танецъ оказался довольно забавнымъ.

Это не былъ какой-либо принятый, выученный танецъ, а просто импровизированная пляска подъ скачущій американскій мотивъ, который извлекалъ изъ піанолы м-ръ Бритлингъ. Надо было только двигаться въ тактъ музыкѣ; что касается остального, то каждый выдѣлывалъ, что Богъ на душу положитъ. Танцуя въ парѣ съ дамой, можно было браться за руки, сходиться и расходиться, скользить вдвоемъ съ одного конца импровизированной залы въ другой, гнаться за другими парами или убѣгать отъ нихъ. Можно было танцовать и въ одиночку, какъ Тэдди, продѣлывавшій египетскіе па, зародившіеся въ его мозгу. Или же можно было, взявшись за руки, вести веселый хороводъ.

М-ръ Дирекъ не сводилъ глазъ съ Сисели и ея партнера. Они прекрасно станцовались; казалось, они весьма нравились другъ другу и понимали другъ друга. Впрочемъ, это было вполнѣ естественно. Двое молодыхъ людей, которые постоянно встрѣчаются другъ съ другомъ, естественно должны были влюбиться. Но, съ другой стороны, она была старше его года на два.

Но какой юноша могъ бы не влюбиться въ нее?

И кто бы вообще могъ не влюбиться въ нее?

Музыка вдругъ оборвалась, и всѣ вертящіяся фигуры остановились.

— Видите, это вовсе не трудно, — сказала миссъ Корнеръ, возвращаясь къ м-ру Диреку.

— Нетрудно, когда танцуете вы! — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— Я не могу представить себѣ, чтобы американецъ не могъ протанцовать „ту-степъ". Вы должны въ слѣдующій разъ протанцовать со мной. А, вотъ начинается... Видите, я же говорила, что вы умѣете.

Теперь м-ръ Дирекъ и самъ убѣдился, что онъ умѣетъ, и они пустились въ плясъ, держась за руки, какъ конькобѣжцы.

— Господи! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Только подумать, что я на старости лѣтъ затанцовалъ!

Но онъ больше ничего не сказалъ, такъ какъ долженъ былъ экономить дыханіе.

Онъ вошелъ во вкусъ танца и рѣшился еще на одну попытку съ одной изъ пріѣхавшихъ передъ ужиномъ дѣвицъ, танцовавшей болѣе правильно. Потомъ за піанолу усѣлся Тэдди, и м-ръ Дирекъ былъ пораженъ неожиданнымъ зрѣлищемъ того, какъ видный британскій мыслитель въ черномъ

бархатномъ дублонѣ, работая дѣятельно ногами въ шелковомъ трико, откалывалъ что-то въ родѣ танца апашей вмѣстѣ съ дамой въ золотыхъ волосахъ.

— Въ Германіи, — замѣтилъ Herr Heinrich, — мы такъ не танцуемъ. Это считалось бы неприличнымъ. Но тѣмъ не менѣе, это очень пріятно.

Затѣмъ піанола заиграла вальсъ, и Herr Heinrich, предварительно отвѣсивъ полагающійся поклонъ, сдѣлалъ три тура съ дамой въ золотыхъ волосахъ, аккуратно и точно доставивъ ее обратно какъ-разъ на то самое мѣсто, откуда взялъ. Молодой индусъ (котораго, оказывается, нельзя было назвать „цвѣтнымъ") прекрасно вальсировалъ съ Сисси. М-ръ Дирекъ попробовалъ отнестись къ этой коричнево-бѣлой комбинаціи съ европейской терпимостью, но не надолго, и, вскорѣ освободивъ миссъ отъ азіатскихъ тенетъ, сталъ съ ней самъ танцовать.

— Пойдемте смотрѣть на луну, — предложила миссисъ Бритлингъ.

М-ръ Дирекъ очутился вдвоемъ съ Сисси среди розъ въ саду. Ея красивое лицо было освѣщено луной, а серебристо-сверкавшее платье дѣлало ее чѣмъ-то цѣликомъ сотканнымъ изъ лунныхъ лучей. И если бы м-ръ Дирекъ не былъ еще до того влюбленъ въ нее, то непремѣнно бы теперь коварная Мэми Нельсонъ, воспоминаніе о которой терзало его душу во время всего пути изъ Массачузетса, внезапно превратилась въ древнюю исторію.

Въ душѣ его проснулась страсть къ краснорѣчію, столь огромная, что ни одна фраза, о которой онъ могъ подумать, не въ состояніи была удовлетворить его. И поэтому онъ молчалъ. Молчала и Сисси. Ароматъ розъ насыщалъ ясную сладость воздуха, которымъ они дышали.

Душа м-ра Дирека преисполнилась величавой торжественности и уподобилась темному океану подъ огромнымъ куполомъ неба. Что-то дрожало во всемъ его существѣ, точно лунный свѣтъ на морской ряби. И въ то же время онъ испытывалъ чувство какой-то зловѣщей тишины и огромной рѣшительности.

Вдругъ піанола заиграла громкій кэкъ-уокъ.

— Пойдемъ назадъ танцовать! — воскликнула Сисси, какъ-будто проснувшаяся отъ какихъ-то чаръ.

И м-ръ Дирекъ, схватившись за обрывокъ всего того, что онъ хотѣлъ сказать, но не сказалъ, проговорилъ:

— Я никогда не забуду этого вечера!..

Она какъ-будто не слыхала его.

Они снова танцовали вмѣстѣ. Потомъ онъ танцовалъ съ дамой въ золотыхъ волосахъ, съ миссисъ Бритлингъ и съ Летти.

И такъ прошелъ весь вечеръ, пока часы не пробили четверть перваго, возвѣщая наступленіе воскреснаго дня. Миссисъ Бритлингъ направилась къ піанолѣ, чтобы прекратить музыку.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ! — воскликнула Сисси.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ! — воскликнула Летти.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ!— поддержалъ ихъ м-ръ Дирекъ.

Былъ „еще разочекъ", и тогда наступилъ конецъ.

Быстро стали тушить огни; Тэдди и мальчики убирали вещи; изъ закухонныхъ областей появились два шоффера и подали къ крыльцу машины м-ра Лоренса Кармина и неизвѣстнаго семейства. Всѣ направились къ дому. И м-ръ Дирекъ замѣтилъ, что у крыльца стояла въ ожиданіи дѣтская коляска — эта таинственная дѣтская коляска... — чуть-чуть въ тѣни у дверей.

Незнакомое семейство и м-ръ Карминъ съ индусомъ укатили.

— Приходите завтра играть въ хоккей! — кричалъ м-ръ Бритлингъ каждому отъѣзжающему автомобилю.

И м-ръ Карминъ, исчезая вдали, крикнулъ въ отвѣтъ:

— Хорошо. Я привезу завтра еще троихъ.

Тутъ м-ръ Дирекъ, въ силу уже выработавшейся у него за этотъ вечеръ привычки, сталъ искать глазами миссъ Сисели Корнеръ и не нашелъ ея. Вдругъ она появилась, сходя по лѣстницѣ съ таинственнымъ ребенкомъ въ рукахъ. Она подняла предупреждающій палецъ и затѣмъ взглянула на свою спящую ношу. Она похожа была въ эту минуту на серебристую мадонну. И м-ръ Дирекъ вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ находится въ сомнѣніи относительно ребенка.

Тэдди, успѣвшій за это время переодѣться, схватился за коляску. Сисси стала съ необычайной, чисто материнской заботливостью, укладывать въ нее младенца. Летти не было, она переодѣвалась, но скоро появилась, простилась со всѣми, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, и затѣмъ всѣ трое — Тэдди, катя передъ собой коляску, и двѣ сестры — двинулись въ путь и скоро скрылись въ лунной мглѣ. Любопытство м-ра Дирека сузилось до одной маленькой точечки крайней интенсивности.

Разумѣется, знакомые м-ра Бритлинга принадлежатъ къ очень „передовому" кругу, но...

X.

М-ръ Дирекъ простился со всѣми и прошелъ съ м-ромъ Бритлингомъ въ маленькую гостиную, гдѣ на подносѣ стоялъ графинъ виски, нѣсколько сифоновъ и стаканы...

— Странная вещь, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — но въ Англіи меня какъ-то больше влечетъ къ спиртнымъ напиткамъ, чѣмъ къ холодной водѣ со льдомъ, какъ дома. Я это объясняю болѣе сырымъ климатомъ. Здѣсь не чувствуешь той сухости, какъ въ Америкѣ, меньше испытываешь жажду, зато появляется потребность въ чемъ-то подкрѣпляющемъ, поднимающемъ нервы. Благодарю васъ! Достаточно!

М-ръ Дирекъ принялъ изъ рукъ м-ра Бритлинга стаканъ съ виски и содовой.

М-ръ Бритлингъ усѣлся въ кресло у камина и небрежно скрестилъ ноги. Въ своемъ черномъ бархатномъ дублонѣ и беретѣ, въ черномъ шелковомъ трико, онъ былъ похожъ на третьестепенное дѣйствующее лицо — въ родѣ „придворнаго“ — изъ какой-нибудь романтической „костюмной“ пьесы.

— Я нахожу, что эти наши танцы и возня по субботамъ замѣчательно полезны для здоровья, — сказалъ онъ; — это, и еще вотъ хоккей по воскресеньямъ. Послѣ нихъ начинаешь недѣлю съ болѣе ясной и свѣжей головой. Для меня самый тяжелый и самый скверный рабочій день — пятница.

М-ръ Дирекъ, все еще закутанный въ золотые фазаны, облокотился о столъ, какъ-будто соглашаясь.

— Ваша молодежь танцуетъ съ большимъ увлеченіемъ, — сказалъ онъ.

— Мы всѣ танцуемъ съ увлеченіемъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Кстати, эта миссъ Корнеръ, — наконецъ, рѣшился м-ръ Дирекъ, — очевидно, она сестра, не такъ ли, той пріятной молодой дамы, которая замужемъ... вѣдь она замужемъ... за молодымъ человѣкомъ, котораго вы всѣ зовете Тэдди?..

— Ахъ, я вамъ про нихъ ничего не сказалъ. Они принадлежатъ къ тому типу молодыхъ людей, которыхъ въ Англіи за послѣднее время стало развиваться неимовѣрное количество. Это типъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій русской „интеллигенціи“, — безотвѣтственный среднiй классъ съ идеями. Тэдди, какъ вы, навѣрное, знаете, — мой секретарь. Онъ сынъ, кажется, какого-то пригороднаго нотаріуса. Мнѣ его рекомендовалъ Датчеръ изъ „Таймса“. Онъ пріѣхалъ сюда и на первое

время снялъ двѣ комнаты у кого-то въ деревнѣ. Потомъ вдругъ откуда-то появилась молодая дама...

— Сестра миссъ Корнеръ?

— Да. Деревня, разумѣется, была смущена. Хозяйка коттеджа, гдѣ онъ снялъ комнаты, пришла ко мнѣ и спросила, какъ ей быть. Тэдди довольно щепетиленъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся личной независимости, и считаетъ оскорбленіемъ всякое вмѣшательство въ его личную жизнь. По всей вѣроятности, онъ просто-на-просто сказалъ старушкѣ: „Это — Летти, она будетъ жить въ моихъ комнатахъ". Я очень осторожно заговорилъ съ нимъ на эту тему... „О, да, — сказалъ онъ тономъ человѣка, забывшаго упомянуть о какомъ-то пустякѣ, — я женился на ней на Рождествѣ. Можно мнѣ какъ-нибудь привести ее и познакомить съ миссисъ Бритлингъ?" Мы уговорили ихъ переселиться въ небольшой коттеджъ, стоящій на моей землѣ. Жена его — дочь журналиста и типографа изъ Кольчестера. Вы съ ней разговаривали?

— Я больше разговаривалъ съ ея сестрой.

— Это все равно, онѣ обѣ — женщины съ идеями. Онѣ много читали и очень развитыя, въ томъ смыслѣ, что умѣютъ думать самостоятельно. И думаютъ очень сосредоточенно... И Тэдди тоже... Если ему покажется, что то, что онъ надумалъ, не его, а чужое, онъ уходитъ и все передумываетъ самъ, по-своему. Сестра его жены — учительница, которая готовится сдать экзаменъ на баккалавра искусствъ при Лондонскомъ университетѣ. А пока она отдаетъ дань своему полу...

— То есть?.. — спросилъ м-ръ Дирекъ, немного испуганно.

— Я хочу сказать, что она отдаетъ слишкомъ много времени заботамъ о хозяйствѣ и присмотру за ребенкомъ сестры.

— Она очень интересная и очаровательная молодая особа, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — У нея какое-то западное, университетское свободомысліе... и въ ней есть что-то совсѣмъ не-американское.

М-ръ Бритлингъ продолжалъ нить своихъ мыслей, не обращая вниманія на слова м-ра Дирека.

— Въ средѣ моихъ домашнихъ, — сказалъ онъ, — вы найдете нѣсколько забавныхъ контрастовъ. Вы разговаривали съ моимъ нѣмчикомъ?... Онъ вѣчно задаетъ вопросы. И что бы ему ни отвѣтить, онъ идетъ къ себѣ въ комнату наверхъ и записываетъ все сказанное въ тетрадочку, а затѣмъ задаетъ вамъ другой вопросъ въ такомъ же родѣ, пока окончательно не запутается отъ разнообразія и несоотвѣтствія вашихъ отвѣтовъ. Къ міру же и человѣчеству онъ относится съ какимъ-то

методическимъ недовѣріемъ. Онъ все желаетъ обосновать и пришпилить къ опредѣленному мѣсту, вставить въ опредѣленную графу. Онъ подозрѣваетъ міръ, и справедливо, въ какихъ-то безпорядочныхъ хаотичныхъ импульсахъ и въ способности къ само-противорѣчію. Онъ представляетъ собою рѣзкую противоположность Тэдди, у котораго довѣріе ко вселенной доходитъ почти до наглости. Тэдди доводитъ нашу національную безпечность до сумасбродства. Онъ способенъ оставить свои часы посреди Клаверингскаго парка и разсчитывать найти ихъ на томъ же мѣстѣ, когда вспомнитъ о нихъ мѣсяцъ спустя... Очевидно, онъ думаетъ, что какая-нибудь бѣлка будетъ ихъ стеречь. А мой нѣмецъ, если вы замѣтили, — какое-то сплошное олицетвореніе серьезной озабоченности. Онъ похожъ на добросовѣстнаго контролера билетовъ среди своихъ впечатлѣній. Вы замѣтили, какъ идеально пронумерованы и занесены въ каталогъ всѣ мои ноты для піанолы? Это онъ сдѣлалъ. Какъ только онъ къ намъ пріѣхалъ, онъ первымъ дѣломъ взялся за это, точь-въ-точь, какъ хорошая кошка, которая, попадая въ домъ, тотчасъ же берется за истребленіе мышей. Раньше наши ноты для піанолы находились въ полномъ хаосѣ. Мы играли, что попадалось подъ руку... И внѣшность у него чисто-нѣмецкая, — добавилъ м-ръ Бритлингъ.

— Да, это внѣ всякаго сомнѣнія, — согласился м-ръ Дирекъ.

— У него типичный нѣмецкій цвѣтъ лица, склонность къ полнотѣ, нѣмецкій темпераментъ; но зато все остальное: коротко остриженная, какъ-будто выбритая, голова, откормленность, очки — все это наносное, выработанное. И манера держаться. И манера думать. И его застѣнчивость. Когда онъ пріѣхалъ, онъ былъ прямо очарователенъ, какъ-будто вышелъ изъ какой-то книги: въ корпорантской шапочкѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ на спинѣ и со скрипкою въ рукахъ... Никто бы не осмѣлился сочинить столь нѣмецкаго нѣмца для книги. Другіе народы не сочиняются, не дѣлаются, не творятся; они просто вырабатываются... изъ тысячи неопредѣленныхъ причинъ. А нѣмецъ — торжество сознательно направленной воли. Я какъ-то замѣтилъ третьяго дня, что, когда мои мальчики говорятъ по-нѣмецки, они кричатъ. „Но когда говоришь по-нѣмецки — необходимо кричать“, — сказалъ Herr Heinrich, — „такъ насъ учатъ въ школѣ“. И это вѣрно. Ихъ учатъ кричать и выпячивать грудь. Точно такъ же, какъ ихъ учатъ читать всѣ надписи съ различными правилами и запрещеніями и не думать о политикѣ.

М-ръ Бритлингъ какъ-будто кончилъ; но, какъ только м-ръ Дирекъ собрался было снова, подъ предлогомъ разспросовъ о

Тэдди, навести разговоръ на миссъ Корнеръ, хозяинъ усѣлся поудобнѣе и поглубже въ кресло, задумался и снова продолжалъ:

— Контрастъ между тщательностью и точностью Генриха и безпечностью Тэдди, когда объ этомъ подумаешь, — одинъ изъ самыхъ основныхъ контрастовъ міра. Онъ распространяется на все. Это можно наблюдать и въ дѣлѣ воспитанія и образованія, и въ дѣлѣ управленія государствомъ, и въ нравахъ. Что вы желаете: создавать или „принимать“? Это двѣ крайности, наблюдаемыя во всемъ. По всей вѣроятности, самый мудрый отвѣтъ на это, какъ и вообще всякій мудрый отвѣтъ, — компромиссъ. Очевидно, надо умѣть „пріять“ и потомъ создавать изъ „пріятаго“ все, что можно... Вы разговаривали съ моимъ старшимъ сыномъ?

— Онъ очень интересный юноша, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — И я бы даже сказалъ, что онъ очень уменъ. На меня произвела большое впечатлѣніе моя коротенькая бесѣда съ нимъ.

— Вотъ, напримѣръ, одна изъ задачъ, которая меня больше всего смущаетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

М-ръ Дирекъ молча сталъ ожидать развитія и поясненія этого неожиданнаго перехода въ разговорѣ.

— Ваши заботы въ жизни еще не начинались. Подождите, пока вы не сдѣлаетесь отцомъ. Это очень тяжело. Рядомъ съ вами — самое нѣжное, что есть въ мірѣ, родственное молодое существо, съ пробуждающимся сознаніемъ. Вы сознаете свою отвѣтственность за него; и вдругъ теряете соприкосновеніе, общеніе съ нимъ. Мы утратили теперь традиціонную вѣру въ священныя права отцовской власти. Я старался не быть по отношенію къ моему сыну всевластнымъ правителемъ, диктаторомъ, семейнымъ тираномъ — и, въ концѣ концовъ, это привело къ тому, что онъ пошелъ своей дорогой... Я не навязываю ему своихъ взглядовъ. Я надѣялся, что онъ будетъ обращаться ко мнѣ за совѣтами. Но онъ дорожитъ моимъ хорошимъ мнѣніемъ о немъ — слишкомъ дорожитъ. Когда все обстоитъ благополучно, онъ мнѣ разсказываетъ о своихъ переживаніяхъ. Но когда что-нибудь его мучитъ, онъ скрываетъ отъ меня свои огорченія. А какъ-разъ тогда я бы всей душой хотѣлъ помочь ему... Вотъ теперь, напримѣръ, онъ чѣмъ-то озабоченъ. Можетъ быть, это что-нибудь серьезное. Я чувствую, что онъ хотѣлъ бы открыть мнѣ свою душу. А между тѣмъ, именно передо мной онъ не захочетъ унизить себя, сознавшись въ ошибкѣ или слабости... Можетъ быть, это пустяки, и я бы разсмѣялся и сказалъ: „это у насъ въ крови, дорогое мое дѣтище. Это все мы съ тобой уладимъ“...

Онъ остановился и продолжалъ, чувствуя, что можетъ болѣе свободно говорить съ этимъ незнакомымъ, случайнымъ гостемъ, чѣмъ говорилъ бы съ близкимъ другомъ.

— Я иногда пугаюсь, когда думаю обо всемъ томъ, что происходитъ въ головѣ моего мальчика и чего я не знаю. Я не знаю его религіозныхъ взглядовъ. А такъ какъ онъ — мой сынъ, то у него должна же быть въ жизни какая-то религія. Я не знаю его взглядовъ въ вопросахъ пола и тому подобныхъ сторонахъ жизни. Я не знаю, что онъ находитъ въ жизни прекраснымъ. Иногда я догадываюсь... вотъ и все... Да, пока не имѣешь дѣтей, не знаешь, что такое истинная любовь. Женщинъ, въ сущности, не любишь... Даешь и получаешь; это торговая сдѣлка, больше ничего... Иногда бываютъ огромныя волненія... Все это по-своему прекрасно. Но любовь къ дѣтямъ... Она щемитъ сердце. Это высочайшій Божій даръ. Я по ночамъ лежу, не сплю и протягиваю во мглѣ руки къ моему мальчику... который никогда этого не узнаетъ... пока у него самого, въ свое время, не родятся сыновья...

Онъ снова, по своей привычкѣ, внезапно перескочилъ на другую тему.

— И вотъ гдѣ наше англійское воспитаніе, наши англійскіе обычаи создаютъ почву для всякихъ душевныхъ драмъ. Пруссакъ уважаетъ и боится своего отца; онъ уважаетъ власть, прислушивается къ ней и повинуется ей — надъ нимъ отецъ имѣетъ неограниченную власть. Но я съ самаго начала сказалъ себѣ: „нѣтъ, что бы ни случилось, но я ни за что не захвачу насильно мѣсто, принадлежащее по праву Богу. Я не буду папой-патріархомъ моихъ дѣтей. Пусть они растутъ, и я буду расти рядомъ съ ними, помогая, но не угнетая, не приглушая ихъ“. И они растутъ, развиваются и все больше впадаютъ въ ошибки. Жизнь перестаетъ быть дисциплиной и становится опытомъ.

— Это совершенно правильно, — сказалъ м-ръ Дирекъ, почувствовавшій, что наступило время и ему сказать что-нибудь. — Эта проблема волнуетъ Америку, быть-можетъ, въ еще болѣе значительной степени, чѣмъ Англію. Хотя у меня еще не было родительскаго опыта, выпавшаго на вашу долю... но я очень ясно сознаю, что сынъ — задача очень нелегкая, очень серьезная.

— Старая система жизни сводилась къ организаціи. Вотъ въ чемъ Германія ушла дальше всѣхъ изъ европейскихъ странъ. Это возвращеніе къ культу племени. Это — атавизмъ... Организовать, дисциплинировать, лѣпить, словно

изъ глины или воска, характеры, навязывать власть—значитъ приходить къ выводу, что достигнута какая-то конечность, финальность въ нашей философіи. А всякая организація, или организованность, съ ея утвержденіемъ финальности — смерть. Мы это чувствуемъ и сознаемъ. А нѣмцы — нѣтъ. Вѣдь то, что организовываешь, этимъ самымъ и убиваешь. Организованная мораль или организованная религія, или организованная мысль — мертвая мораль, мертвая религія, мертвая мысль. А, между тѣмъ, въ жизни нѣкоторая доля организаціи необходима. Организація эта въ родѣ убоя скота. Если часть скота не идетъ на убой, то стадо не имѣетъ смысла. Но нельзя убивать весь скотъ, такъ какъ этимъ будетъ уничтожено все стадо. Реальность жизни, это — импровизація, „приключеніе", а не заранѣе приготовленное представленіе. Что не „приключеніе", то — и не жизнь. То, чѣмъ можно управлять, можетъ быть обращено въ машину, произведено машиной. И вотъ священники и школьные учители и бюрократы захватываютъ жизнь и стараются превратить ее цѣликомъ въ правила, законы, этикетъ, обычаи и корректность... и родители и родительская любовь стремятся къ тому же. Хорошо еще дѣлать опыты надъ самимъ собой. Но когда видишь, какъ твои собственныя любимыя дѣти, столь юныя и неопытныя, готовыя на всякаго рода благородныя глупости, вступаютъ на узкій мостъ, перекинутый черезъ потокъ жизни, спускаются въ темныя дебри, — ахъ! такъ хочется ихъ окутать всякими правилами и предостереженіями, огородить изгородью съ надписью „Verboten" во всѣхъ его многочисленныхъ видахъ!

— Въ Америкѣ, конечно,— вставилъ м-ръ Дирекъ,— мы полагаемся до извѣстной степени на нѣкоторую самостоятельность юношества...

— Какъ и мы здѣсь. Это въ вашей крови и въ нашей тоже. Инстинктивное недовѣріе ко всякому правительству и предпочтеніе рискованной безсистемности свойственны англичанамъ и ирландцамъ... Очевидно, и въ русскихъ — если судить по произведеніямъ ихъ писателей — тоже живетъ этотъ инстинктъ... И вотъ, когда въ нашу среду попадаетъ такой пруссакъ, онъ для насъ — предметъ удивленія. Онъ, дѣйствительно, не притворяясь, вѣритъ въ Законъ. Онъ любитъ подчиняться и повиноваться. А намъ это кажется чѣмъ-то забавнымъ. Поскоблите русскаго — и вы получите татарина. Но дайте русскому, американцу или англичанину, французу, ирландцу или любому сѣверному европейцу, кромѣ нѣмца, образованіе — и вы получите анархиста, т.-е. человѣка, мечтающаго о порядкѣ безъ организаціи... о

чемъ-то, стоящемъ по ту сторону организаціи... Однако, уже часъ ночи! — вдругъ оборвалъ себя м-ръ Бритлингъ, замѣтивъ на лицѣ своего слушателя тѣнь усталости... — Идемте спать...

XI.

М-ру Диреку долго не спалось. Его умъ былъ слишкомъ возбужденъ безконечными впечатлѣніями дня, всѣми необычайностями и новизной, представлявшими столько поводовъ для сравненій. И вся эта сложная картина, совершенно естественно, но безъ всякой логики, по законамъ, столь знакомымъ всякому, кто былъ молодъ, стала группироваться вокругъ Сисели Корнеръ.

Она *должна* была войти въ картину, и поэтому она вошла въ нее центральной фигурой, словно квинтэссенція всей Англіи. Вотъ она — по типу, по крови, по внѣшнему облику, схожая съ безконечнымъ количествомъ семей въ Массачузетсѣ, кровь отъ крови и плоть отъ плоти ихъ, и въ то же время другая.

На время воображеніе м-ра Дирека безсознательно остановилось на линіяхъ ея ушей и овала лица.

Потомъ онъ поймалъ себя на томъ, что мысленно началъ пояснять и развивать м-ру Бритлингу нѣкоторые свои взгляды на затронутые въ бесѣдѣ вопросы. Лежа въ своей постели, онъ могъ вообразить, что онъ медленно и обстоятельно излагаетъ свои мысли, въ то время какъ м-ръ Бритлингъ внимательно его слушаетъ. Онъ уже, очевидно, наполовину уснулъ, если могъ предположить возможность чего-то столь невѣроятнаго.

„Я замѣчаю очень любопытный контрастъ между вашимъ бытомъ и американскимъ, — мысленно говорилъ онъ. — Его трудно опредѣлить съ точностью, но въ общемъ я бы сказалъ, что въ такомъ семейномъ кругу, какъ вашъ, въ Америкѣ все проявлялось бы болѣе выпукло, все характерное выдвигалось бы съ большей опредѣленностью, съ большей преднамѣренностью. Я могу пояснить вамъ это на примѣрѣ. Въ подобномъ семейномъ быту въ Америкѣ установились бы непремѣнно какія-нибудь постоянныя шутки, повторяющіяся изо дня въ день, каждаго дразнили бы чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Были бы шутки по поводу вашихъ писаній и вашего общественнаго вліянія; миссъ Корнеръ дразнили бы ея вольнодумствомъ... Мы въ Америкѣ больше интересуемся личными обстоятельствами каждаго человѣка. Я замѣтилъ, что у васъ

совершенно не обсуждаютъ качествъ другъ друга, и большинство изъ васъ сами не думаютъ о томъ, какія у нихъ черты характера, и какъ-будто не интересуются этимъ...

„А еще меня поразила та простота, съ которой у васъ люди, если не пожилые, то во всякомъ случаѣ зрѣлаго возраста, веселятся и развлекаются сами, вмѣсто того, чтобы только смотрѣть, какъ веселится молодежь и поощрять ее своимъ одобреніемъ... А молодежь не задается непремѣнной цѣлью пользоваться своею молодостью.. Въ Америкѣ такая очаровательная молодая дѣвушка, какъ миссъ Корнеръ, гораздо болѣе сознавала бы свое обаяніе и свою полноту жизненныхъ силъ, чѣмъ у васъ въ Англіи. Окружающіе непремѣнно обратили бы ея вниманіе на то, какая особая прелесть таится въ ея взглядѣ, когда она глядитъ въ сторону. Взглядъ этотъ такой красоты, что величайшій художникъ почелъ бы за счастье обезсмертить его на картинѣ... Я никогда не забуду этого взгляда... А она, повидимому, совершенно не знаетъ объ этомъ. Въ Америкѣ она бы знала. Ей бы объ этомъ говорили. Она бы знала, что отъ нея ждутъ этого взгляда, и она бы показывала его, подобно тому, какъ пѣвица исполняетъ, по требованію публики, пользующійся успѣхомъ номеръ своего репертуара. Взять хоть бы, напримѣръ, Мэми Нельсонъ. Она знаменита своей манерой смѣяться, слегка вскидывая вверхъ подбородокъ. Она превратила это въ особаго рода представленіе... Объ этомъ говорятъ и нарочно приходятъ, чтобы посмотрѣть, какъ она это продѣлываетъ.

Мэми Нельсонъ, конечно, очень блестящая дѣвушка. Въ Англіи вы бы считали, что мы ее слишкомъ избаловали. И это, пожалуй, правда“.

М-ръ Дирекъ почти ни разу не вспомнилъ о Мэми Нельсонъ за весь день. Теперь же онъ думалъ о ней очень спокойно. Да въ сущности, почему бы не думать о ней спокойно? Она гордая, властная молодая особа. Въ ней чувствуется что-то южное. У нея темно-синіе глаза — гораздо болѣе темные, чѣмъ у миссъ Корнеръ.

Но сколько въ ней коварства за ея показной гордостью! Въ теченіе четырехъ лѣтъ она поддерживала въ немъ увѣренность, что только онъ одинъ и существуетъ для нея на свѣтѣ, и все это былъ намѣренный обманъ. Она дурачила его — а быть можетъ, и другихъ — только для того, чтобы имѣть свиту ухаживателей и разыгрывать королеву. Какимъ униженіемъ это кончилось для него, когда Мэми, презрительно взглянувъ на него съ поднятымъ подбородкомъ, заявила ему съ

торжествующей улыбкой, что доставила ему достаточно чести, разрѣшивъ ему любить ее. Она цѣнила себя по той высокой цѣнѣ, которую они же всѣ придавали ей. Онъ чувствовалъ теперь, что это какъ-то нехорошо...

Въ теченіе всего пути черезъ океанъ м-ръ Дирекъ боролся съ собой, стараясь забыть презрительный взглядъ, которымъ она окинула его во время послѣдней ихъ встрѣчи, а также всю унизительность для него ихъ отношеній. Сколько лѣтъ онъ посвятилъ ей, повѣривъ, что она дѣйствительно предпочитаетъ его всѣмъ другимъ. Онъ старался убѣдить себя, что страдаетъ отъ нераздѣленной любви, и не сознавался самому себѣ, какъ глубоко задѣто было его тщеславіе окончательнымъ отказомъ Мэми. Вѣдь было время, когда, на основаніи ея же словъ, онъ злорадно подсмѣивался про себя надъ Бутомъ Вильмингтономъ.

А можетъ-быть, Бутъ Вильмингтонъ имѣлъ такія же основанія подсмѣиваться надъ нимъ? А то, можетъ-быть, она дурачила только его одного? Почему? Чѣмъ онъ хуже Бута Вильмингтона?

Онъ снова почувствовалъ на нѣсколько мгновеній прежнія муки ревности. Онъ вспомнилъ свое открытое соперничество съ Вильмингтономъ, закончившееся его пораженіемъ, вспомнилъ, какъ они, стараясь перещеголять другъ друга, осыпали Мэми подарками, водили ее по театрамъ и ресторанамъ. Все это дѣлалось на виду всего города, взвѣшивавшаго шансы соперниковъ. Мэми принимала поклоненіе, какъ богиня... а надъ нимъ острили въ мѣстныхъ газетахъ.

Такого рода соперничество, при любопытствующемъ участіи всего города, было бы немыслимо въ Матчингсъ-Изи. Хотя и тутъ, конечно, есть влюбленные, но какія-то особенности воздуха и климата придаютъ всему въ Америкѣ большую опредѣленность и выявленность.

А затѣмъ его мысли начали путаться, глаза все больше и больше слипались:

„...Глаза Сисси. Сисси... почему нельзя ее называть мысленно Сисси?..

...У нея глаза англійскіе... мягкіе, снисходительные.

...Да, это самое подходящее слово... снисходительные...

...Въ Англіи все... свѣтъ... воздухъ... снисходительные.

...Надъ вами не смѣются... или, если смѣются, то по иному.

...Дѣйствительно ли Англія — страна терпимости? Съ ея добрыми глазами и осторожнымъ взглядомъ въ бокъ? Терпимость... Въ которой все смягчается, зрѣетъ и ничто не

уничтожается... Мягкая страна... Страна со страстью къ несовершенству... Страна, какъ-будто подбитая ватой...

...Англія... вся подбитая мягкимъ пухомъ... подъ ухомъ... Подушка... мягкая...

...Массачузетсъ... какъ въ раю...

...Арфы, наигрывающія „ту-степъ“... и добрые ангелы, облаченные въ лунные лучи.

„Тихо, плавно, я и ты,
„Разъ-разъ, два-два, три-три, три,
„Мы пошли...“

ГЛАВА III.

Развлеченія м-ра Бритлинга достигаютъ апогея.

I.

Утренній кофе пили на открытомъ воздухѣ, и завтракъ былъ такой же веселый, какъ наканунѣ. Потомъ мальчики забрали м-ра Дирека и показали ему прудъ и лодки, въ то время какъ м-ръ Бритлингъ разгуливалъ взадъ и впередъ по газону съ Гю, о чемъ-то серьезно бесѣдуя съ нимъ. А когда м-ръ Дирекъ вернулся съ пруда, онъ засталъ м-ра Бритлинга въ разговорѣ черезъ проволочную изгородь съ какимъ-то человѣкомъ, который показался м-ру Диреку совершенно новымъ для него типомъ британца. Это былъ высокій, сухопарый, загорѣлый, еще моложавый на видъ мужчина лѣтъ сорока, въ коричневомъ спортивномъ костюмѣ. Онъ былъ болѣе похожъ на англичанина изъ американскихъ иллюстрацій, чѣмъ кто-либо изъ всѣхъ, кого м-ръ Дирекъ видѣлъ въ Англіи. Оказался онъ, какъ узналъ м-ръ Дирекъ, полковникомъ Рендеву. Говорилъ онъ ясными, короткими, отрывистыми фразами. Какъ-разъ въ ту минуту, когда подошелъ м-ръ Дирекъ, онъ отказывался отъ приглашенія войти въ садъ и поболтать.

— Мнѣ надо сдѣлать мои четырнадцать миль до ленча,— сказалъ онъ.— Вы не видали здѣсь поблизости Маннинга?

— Его здѣсь нѣтъ,— сказалъ м-ръ Бритлингъ, и м-ру Диреку показалось, что за этимъ отвѣтомъ скрывалась какая-то недосказанность.

— Что жъ, придется итти одному, — отвѣтилъ полковникъ, — а мнѣ сказали, что онъ пошелъ къ вамъ...

— Я пріѣду на своей машинѣ на вашъ праздникъ бой-скаутовъ въ Брамлей-Хай-Окъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Ихъ будетъ цѣлыхъ три тысячи, — буркнулъ полковникъ, — славный будетъ смотръ!

Его стальные глаза какъ-будто обыскивали садъ Бритлинга, чтобы высмотрѣть, не скрылся ли гдѣ-нибудь въ немъ пропавшій Маннингъ.

— Ну, мнѣ пора, — сказалъ онъ. — Прощайте. Пріѣзжайте.

Къ нему подбѣжала и встала въ выжидающую позу хорошо дисциплинированная собака. Прикоснувшись къ шапкѣ полувоеннымъ жестомъ, онъ тронулся въ путь длинными, эластичными шагами, ни разу не оглянувшись.

— Маннингъ, — сказалъ Бритлингъ, — по всей вѣроятности, прячется гдѣ-нибудь среди моихъ розъ.

— Я по вашему тону сразу догадался объ этомъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Да! Маннингъ — лондонскій журналистъ. У него въ одной милѣ отсюда, вонъ тамъ, небольшой коттеджъ, и онъ пріѣзжаетъ сюда на week-end'ы. И вотъ полковникъ рѣшилъ, что ему необходимъ моціонъ, что ему недостаетъ тренировки, а каждый англичанинъ долженъ быть „во всеоружіи силъ“, — въ этомъ альфа и омега жизни для Рендеву. Быть „во всеоружіи силъ“, — значитъ обладать ненасытной дѣятельностью тѣла и огромной умственной простотой. Онъ забираетъ бѣднаго Маннинга и заставляетъ его пройти четырнадцать миль — по четыре мили въ часъ. Маннингъ вначалѣ таетъ, задыхается, кое-какъ тащится первыя восемь-десять миль, а потомъ привыкаетъ и оправдываетъ до нѣкоторой степени теорію Рендеву. Послѣ завтрака его всегда можно застать въ гамакѣ, съ натертыми и распухшими ногами, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ необычайно здоровымъ. Но все же, если Маннингу удается избѣжать этой пытки, онъ ея избѣгаетъ. Обычно онъ куда-нибудь прячется.

— Но если ему не хочется сопровождать полковника Рендеву, зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Видите ли, Рендеву привыкъ командовать людьми. Маннингъ же, какъ редакторъ газеты, привыкъ отказывать только на печатныхъ бланкахъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. А вотъ и онъ!

На дальнемъ краю поляны, между двумя синими кедрами, появилась лѣнивая фигура, въ сѣромъ фланелевомъ костюмѣ, съ широкимъ галстухомъ. Она приближалась, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

— Онъ ушелъ! — крикнулъ Бритлингъ.

Лѣнивая фигура, явно добродушная, немного уставшая, сдѣлалась болѣе увѣренной и подошла ближе.

— Я очень жалѣю, что пропустилъ его, — весело сказалъ онъ, — я такъ и думалъ, что онъ зайдетъ по дорогѣ сюда. Сегодня будетъ жаркій день. Давайте посидимъ гдѣ-нибудь и поболтаемъ... Какъ вы, навѣрное, уже знаете, — сказалъ онъ, обращаясь къ Дireку, — „онъ“ — это полковникъ Рендеву, душа и жизнь всей округи.

Они направились къ гамакамъ и скамейкамъ, разставленнымъ и развѣшаннымъ между большими деревьями и шпалерами розъ, и на время разговоръ сосредоточился на личности полковника.

— У нихъ самый аккуратный, вылизанный садъ во всемъ Эссексѣ, — сказалъ Маннингъ, — хотя въ этомъ совсѣмъ не виновата миссисъ Рендеву. Она, по правдѣ сказать, имѣетъ склонность къ живописному безпорядку, и ей хотѣлось бы, чтобы цвѣты росли гдѣ попало; это ей кажется болѣе романтичнымъ. Но она не можетъ этого добиться. Стоитъ полковнику пройти по дорожкамъ сада, какъ всѣ цвѣты инстинктивно выстраиваются во фронтъ. Около калитки ихъ сада стоитъ дерево; раньше оно было ивой. А съ тѣхъ поръ, какъ домъ перешелъ къ Рендеву, оно пытается взять „на караулъ“. И съ поразительнымъ успѣхомъ. Третьяго дня я проходилъ мимо нихъ со старымъ Уиндершиномъ. „Видите вонъ этотъ старый тополь?“ — сказалъ онъ. — „Это не тополь, а ива“, — отвѣтилъ я. — „Нѣтъ, — сказалъ онъ, — раньше, до переѣзда полковника, это была ива. А теперь это — тополь“... И клянусь честью, дерево стало тополемъ.

Разговоръ, начатый такимъ образомъ, еще нѣкоторое время вертѣлся около полковника. Его выставляли какимъ-то чудовищемъ энергіи и самодисциплины, рѣшительнымъ врагомъ всякой распущенности, вялости, разрозненности.

— Онъ сдѣлалъ замѣчательно много для мѣстнаго бойскаутскаго движенія, — сказалъ Маннингъ.

— Это — китчинеризмъ, — возразилъ Бритлингъ.

— Это — армейскій способъ борьбы съ нашей военной неподготовленностью, — сказалъ Маннингъ.

За этимъ послѣдовалъ споръ о бойскаутскомъ движеніи, и м-ръ Дирекъ сталъ дѣлать сравненія съ пропагандой Ситона Томпсона въ Америкѣ.

— Рузвельтизмъ, — сказалъ Маннингъ, — это своего рода реакція противъ увѣренности въ своей безопасности и неуязвимости.

— Это имѣетъ и свою хорошую сторону, какъ борьба противъ вырожденія, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Если такое явленіе, какъ вырожденіе, вообще существуетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Если бы не было такого явленія, какъ вырожденіе, — вставилъ Маннингъ, — мы, журналисты, принуждены были бы его выдумать.

— Есть что-то трагическое во всемъ этомъ... какъ мнѣ его назвать... китчинеризмѣ... что ли?... — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Онъ захватываетъ все и вся, растетъ, ширится, старается взвинтить страну. И все потому, что когда-нибудь можетъ вспыхнуть война съ Германіей... При условіи, конечно, если Германія сойдетъ съ ума. Война, какъ какой-то недостающій въ головѣ винтикъ, и гонитъ полковника сейчасъ по дорогѣ въ Маркетъ-Саффронъ — онъ всегда ходитъ по дорогамъ, такъ какъ по нимъ ходить труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ по травѣ — подъ этимъ палящимъ солнцемъ и въ пыли, вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть здѣсь и мирно болтать... А между тѣмъ, — прибавилъ Бритлингъ, — никакой войны и въ поминѣ нѣтъ... Мнѣ кажется, Рендеву потѣетъ совершенно напрасно. Я не вѣрю въ эту войну. Она цѣлыхъ сорокъ лѣтъ не приходила. И можетъ быть не придетъ никогда.

Онъ кивнулъ головой по направленію къ показавшемуся въ саду нѣмцу-гувернеру, бесѣдовавшему со старшимъ сыномъ м-ра Бритлинга.

— Посмотрите на этого милаго юношу. Вотъ онъ — Echt Deutsch — можетъ ли быть что-либо болѣе подлинно нѣмецкимъ? Взгляните теперь на моего сына. Развѣ вы можете представить себѣ ихъ въ бою не на животъ, а на смерть, другъ противъ друга, во враждующихъ станахъ? Да это немыслимо! Міръ слишкомъ благоразуменъ для этого. Можно воевать на Балканахъ; во многихъ отношеніяхъ балканскія государства еще въ самомъ хвостѣ цивилизаціи. Но представьте себѣ, чтобы приличныя страны, въ родѣ нашей Англіи или Германіи, вернулись вспять, къ кровопролитію? Да это нелѣпо... Когда я вижу Рендеву, старающагося поддерживать въ себѣ и во всемъ окружающемъ военный видъ, я начинаю представлять себѣ, какъ бѣдная Германія тоже поддерживаетъ свое воинственное настроеніе, вооружается и т. д. Я начинаю чувствовать, какъ Германіи становится тошно отъ дорогъ, жары и пыли, отъ вѣчной маршировки, дисциплины и ограниченій... я отъ всей души сочувствую южно-германцамъ...

— Ну, а если эта балканская исторія обострится? — спросилъ Маннингъ.

— До сихъ поръ она не обострялась. А если бы она и обострилась, то все же мы въ нее не будемъ вмѣшиваться.

— Ну, а если Россія сцѣпится съ Австріей, а Германія внезапно набросится на Францію, а заодно, и на Бельгію?

— О, конечно, въ такомъ случаѣ мы будемъ воевать! Конечно, будемъ воевать. Только идіоту можетъ притти въ голову, что мы не будемъ воевать. Но не такіе ужъ всѣ безнадежные идіоты въ Германіи. Они знаютъ, что мы будемъ воевать. Но это же немыслимо, это нелѣпо. Зачѣмъ Германіи нападать на Францію? Все равно, какъ если бы вотъ Маннингъ теперь схватилъ топоръ и бросился на мою жену... Это просто-на-просто мечты и фантазіи воинствующихъ журналистовъ. Это не что иное, какъ мальчишескій задоръ. Я ненавижу всѣ эти разговоры и слухи о войнѣ... Они мнѣ портятъ всю жизнь... И съ каждымъ годомъ они становятся хуже и пустѣе...

II.

Какъ-разъ въ эту минуту раздался сильный взрывъ...

Но онъ не прервалъ ни на секунду бесѣды и не причинилъ ни малѣйшаго неудобства ни м-ру Бритлингу, ни м-ру Маннингу или м-ру Диреку. Онъ раздался слишкомъ далеко, за загибомъ нашей круглой планеты, такъ что его не видѣли и не слышали въ Матчингсъ-Изи. Все же это былъ очень громкій взрывъ. Случился онъ на открытомъ мѣстѣ у рѣки, протекающей черезъ скученный восточный городокъ, черезъ городокъ съ торчащими бѣлыми остріями минаретовъ, окруженный голыми горами, подъ яркимъ полуденнымъ небомъ. А произошелъ этотъ взрывъ вслѣдствіе того, что эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, съ большимъ присутствіемъ духа, сбросилъ съ открытаго верха своего автомобиля черный свертокъ, брошенный туда кѣмъ-то, стоявшимъ на набережной. Свертокъ взорвался, едва только онъ коснулся булыжной мостовой, какъ-разъ подъ передкомъ второго автомобиля въ процессіи; онъ разорвалъ на куски передокъ машины и ранилъ сидѣвшаго въ немъ адъютанта и нѣсколькихъ зрителей. Бросившій свертокъ былъ немедленно схваченъ присутствующими. Процессія остановилась. Произошло великое замѣшательство: яркую, пестро разодѣтую толпу охватило сильное возбужденіе — рѣзко противоположное воскресному покою Матчингсъ-Изи...

М-ръ Бритлингъ, не слыхавшій взрыва, спокойно продолжалъ свою диссертацію на тему о здравомъ смыслѣ міра и

человѣчества и о практической прочности и неуязвимости нашего западнаго мира.

III.

Завтракъ былъ также на открытомъ воздухѣ. Изъ Лондона пріѣхало на мотоциклетѣ съ коляской еще трое посѣтителей; судя по всему, это были братъ и двѣ сестры. Слухи о предстоящемъ хоккеѣ стали усиливаться и становились все настойчивѣе... М-ру Диреку наконецъ пришло въ голову, что и отъ него ждутъ участія въ игрѣ.

Онъ рѣшилъ не играть и сообщилъ свое рѣшеніе конфиденціально цѣлому ряду лицъ. Онъ сказалъ объ этомъ м-ру Бритлингу, но м-ръ Бритлингъ отвѣтилъ:

— Мы сдѣлаемъ васъ фолъ-бэкомъ, такъ что изрѣдка вы получите возможность ударять мячъ, и въ то же время вамъ не очень много будетъ дѣла. Помните только, что мячъ надо ударять плоской стороной палки, и ее нельзя поднимать выше плеча.

Дирекъ сказалъ объ этомъ Тэдди, но Тэдди отвѣтилъ:

— Настоятельно совѣтую вамъ одѣться какъ можно легче — въ предѣлахъ приличія, конечно, — и спрячьте воротничокъ и галстукъ въ карманъ передъ началомъ игры. Хоккей, въ сущности, игра зимняя.

Онъ сказалъ объ этомъ дамѣ съ крючковатымъ носомъ, но и та отвѣтила почти съ завистью:

— Въ этомъ домѣ приглашаютъ всѣхъ играть, кромѣ меня. Мнѣ же оставляютъ дѣтскую коляску! Что жъ! Завидовать, говорятъ, нехорошо. Но не знаю, почему бы и мнѣ не играть въ хоккей? Не такая вѣдь я старая.

Онъ сказалъ Гю, и Гю предупредилъ его, чтобы онъ не бралъ надтреснутой палки... Наконецъ, м-ръ Дирекъ сталъ подумывать, не лучше ли будетъ подняться въ свою комнату и тамъ запереться на ключъ, или же отправиться гулять въ паркъ. Но въ такомъ случаѣ онъ не увидитъ миссъ Корнеръ, которая навѣрно придетъ къ хоккею; съ другой стороны, если онъ останется и будетъ играть, — онъ можетъ выставить себя въ смѣшномъ видѣ передъ миссъ Корнеръ и уничтожить впечатлѣніе отъ зеленой шелковой матеріи съ золотыми фазанами...

И онъ рѣшилъ остаться хотя бы до прихода ея и сказать ей лично, что не будетъ играть. Ему какъ-то не хотѣлось, чтобы она думала, что онъ не умѣетъ играть.

М-ръ Карминъ прибылъ въ автомобилѣ съ двумя индусами и еще однимъ господиномъ. Затѣмъ опять появилось неизвѣстное

семейство, ужинавшее и танцовавшее наканунѣ въ Дауэръ-Хаузѣ, и вслѣдъ за нимъ миссисъ Тэдди, съ очень независимымъ видомъ и собственной спеціальной палкой для хоккея, и, наконецъ, миссъ Корнеръ съ колясочкой и ребенкомъ. Потомъ стали прибывать еще разныя лица. При первой возможности м-ръ Дирекъ подошелъ къ миссъ Корнеръ и пересталъ интересоваться окружающими.

— Я не буду играть въ вашъ хоккей, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Это совершенно новая и чуждая для меня игра. Въ Америкѣ въ нее не играютъ. Если бы это была наша, американская, лапта...

Онъ предоставилъ ей считать его выдающимся игрокомъ въ лапту.

— Если вы будете играть на моей сторонѣ, — сказала она, — пересылайте мячъ мнѣ.

М-ру Диреку стало ясно, что, въ концѣ концовъ, онъ будетъ играть въ ихъ хоккей.

— Что жъ, — сказалъ онъ, — если вы желаете, я буду играть. Но не могли ли бы вы передъ началомъ игры объяснить мнѣ, въ чемъ тутъ, собственно, дѣло, и показать мнѣ нѣсколько пріемовъ.

Миссъ Корнеръ отправилась за двумя палками и мячомъ и вернулась, чтобы подучить немного м-ра Дирека. Она сказала ему, что у него вѣрный глазъ. Мальчики, почувствовавъ, что въ воздухѣ уже запахло игрою, тоже принесли свои палки и присоединились къ нимъ...

Жена обѣдавшаго наканунѣ гостя явилась въ короткой юбкѣ, и въ толстыхъ наколѣнникахъ. Ея волнистые бѣлокурые волосы уже выбивались со всѣхъ сторонъ въ воинственномъ азартѣ, и она имѣла видъ маленькой толстой Валькиріи. Взглядъ ея былъ ясный и твердый.

IV.

За исключеніемъ младенца въ коляскѣ и внѣшне спокойной, но внутренно протестующей тетки, катавшей младенца взадъ и впередъ въ направленіи максимальной опасности отъ незащищенныхъ сѣткой „воротъ“, — всѣ остальные обитатели Дауэръ-Хауза участвовали въ игрѣ. Люди, физически здоровые и знакомые съ правилами игры, играли въ передовой линіи; менѣе освѣдомленные были въ линіи защиты; старики, больные и толстяки исполняли главнымъ образомъ обязанности препятствій у „воротъ“.

Игра началась съ церемоніи, называемой сборомъ командъ.

Сборъ возвѣстилъ м-ръ Бритлингъ. Одѣтый въ легкій фланелевый костюмъ, съ палкой для хоккея въ рукѣ, онъ вышелъ на средину поля, отведеннаго для игры, и сталъ громко созывать играющихъ:

— Собирайте команды!

— Собирайте! — вторили ему младшіе Бритлинги.

М-ръ Дирекъ замѣтилъ высокаго, сутулаго человѣка съ длинными волосами и длинными, растопыренными ногами въ еще болѣе длинныхъ бѣлыхъ фланелевыхъ панталонахъ. Лицо его показалось ему знакомымъ. Онъ дружески разговаривалъ съ Маннингомъ, и м-ръ Дирекъ сразу вспомнилъ, что черты его лица знакомы ему по карикатурѣ, которая сопровождала ѣдкую статью въ еженедѣльникѣ Маннинга „Сектантъ". Это былъ, очевидно, Рэбернъ, предатель Рэбернъ, о которомъ въ журналѣ Маннинга говорили какъ о типичномъ продуктѣ партійной политики... Таковы англійскіе нравы.

— Идемте собирать команду! — кричалъ самый младшій изъ Бритлинговъ, схвативъ м-ра Дирека за локоть. М-ръ Бритлингъ и обѣдавшій наканунѣ гость — м-ръ Дирекъ такъ до конца и не зналъ, какъ его зовутъ, — составляли партіи.

Началась перекличка именъ.

— Я беру Сисели, — сказалъ м-ръ Бритлингъ съ самаго начала.

Играющіе раздѣлились на двѣ группы. Имена нѣкоторыхъ участвующихъ были, видимо, не всѣмъ извѣстны. М-ръ Бритлингъ, обратившись къ болѣе внушительному изъ индусовъ, сказалъ:

— И васъ, сэръ.

— Я разсчитываю на м-ра Дингса, — заявилъ противникъ м-ра Бритлинга.

М-ръ Дирекъ понялъ, что это относилось къ нему.

— Вы на нашей сторонѣ, — сказала миссисъ Тэдди. — Вы, я полагаю, будете форвардомъ съ праваго края. Слѣдите зорко за Сисси!

— Постараюсь, — обѣщалъ м-ръ Дирекъ.

Капитанъ его стороны подтвердилъ его назначеніе въ форварды. Ему дали тяжеловѣсную палку и мячъ, упругій и твердый, какъ для крикета... Онъ рѣшилъ щадить Сисели и спасать ее отъ ударовъ.

Стороны размѣстились для игры, и установился нѣкоторый порядокъ. Въ центрѣ стояли м-ръ Бритлингъ и капитанъ игравшей противъ него стороны, а мячъ лежалъ между ними. Они приготовились „вышибить" его и начать игру. Въ одну линію съ

каждымъ изъ нихъ стояли четыре другихъ форварда — очень воодушевленные и предпріимчивые молодые люди, и м-ръ Дирекъ жалѣлъ что самъ онъ не настолько знакомъ съ игрой, чтобы оправдать свои внѣшнія данныя. За каждымъ изъ форвардовъ въ центрѣ стоялъ насторожѣ одинъ изъ младшихъ Бритлинговъ. Потомъ съ каждой стороны шелъ менѣе внушительный рядъ трехъ бэковъ — людей болѣе спокойныхъ и пожилыхъ. Въ число ихъ входилъ м-ръ Рэбернъ; считалось, что у него большія природныя способности къ игрѣ въ хоккей, но мало опыта. Онъ стоялъ за м-ромъ Дирекомъ. Миссисъ Бритлингъ была бэкомъ центра. Затѣмъ еще въ углу со стороны м-ра Дирека стояла маленькая дѣвочка шести или семи лѣтъ, а въ полукругѣ у воротъ — дама въ атомобильномъ плащѣ и человѣкъ очень низкаго роста, котораго м-ръ Дирекъ увидѣлъ впервые. М-ръ Лоренсъ Карминъ, безъ сюртука и жилета, въ подтяжкахъ, вышитыхъ въ восточномъ вкусѣ, былъ голькиперомъ команды м-ра Дирека.

Форварды быстро продѣлали краткую церемонію, обозначавшую начало игры. Они стукнули палками о землю, потомъ ударили ихъ одна о другую.

— Разъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. Потомъ они продѣлали это еще разъ. — Два! — Три!

М-ръ Бритлингъ вышибъ мячъ первымъ и погналъ его младшему изъ двухъ Бритлинговъ, который стоялъ за капитаномъ м-ра Дирека. Онъ былъ ниже ростомъ и плотнѣе своего брата. Онъ отбросилъ мячъ къ Тэдди, а тотъ погналъ его прямо къ м-ру Диреку.

— Чудесно! — сказалъ м-ръ Дирекъ и размахнулся, чтобы ударить мячъ. Въ это время что-то быстрое и голубое мелькнуло предъ нимъ, перебило мячъ и угнало его мимо м-ра Дирека. Это была Сисели Корнеръ; она вмѣстѣ съ Тэдди неслась вихремъ въ сторону м-ра Рэберна.

— Эй! — крикнулъ м-ръ Рэбернъ. — Стопъ! — И онъ погнался за Сисси, какъ показалось м-ру Диреку, съ совершенно невозможными и угрожающими жестами. Но прежде чѣмъ м-ръ Дирекъ успѣлъ освоиться съ этимъ новымъ обстоятельствомъ, Сисси обогнала м-ра Рэберна съ такой же непостижимой легкостью, какъ м-ра Дирека, и обрушилась на бэковъ со стороны м-ра Дирека.

— Ишь, стрѣльнула, точно кроликъ! — крикнулъ м-ръ Рэбернъ и погнался за нею съ необычайной стремительностью, возбужденно размахивая руками. На помощь длинному м-ру Рэберну бѣгомъ помчался толстенькій младшій Бритлингъ — точно

грибъ, поспѣшающій на помощь утрю. Впереди м-ра Дирека бойко дѣйствовалъ маленькій круглый человѣкъ. Тэдди поддерживалъ нападеніе у середины поля. Онъ крикнулъ: „Центръ!" въ то время, когда м-ръ Бритлингъ рѣшительно устремился прямо къ воротамъ. Но миссисъ Тэдди, такая же проворная, какъ ея сестра, подбѣжала и стала между Тэдди и мячомъ. Кликъ! Палка маленькаго низкаго человѣка стукнулась о палку Сисели. Палки и ноги сцѣпились; маленькій человѣкъ видимо пытался сбить съ мѣста Сисели, какъ срубаютъ дерево; она пыталась угнать мячъ къ своему форварду, — но не успѣла. Миссисъ Тэдди перебила его и помчалась назадъ къ воротамъ м-ра Бритлинга. М-ръ Дирекъ понялъ, что его обязанность поддержать ее, подхватить мячъ и, если возможно, угнать его къ ней, къ капитану или черезъ поле — къ форвардамъ слѣва, — смотря по обстоятельствамъ. Это было совершенно ясно.

Тутъ-то ему и удалось отличиться. Маленькая дама, обѣдавшая наканунѣ въ Дауэръ-Хаузѣ, отважно напала на миссисъ Тэдди; мячъ подкатился къ м-ру Диреку. Какъ его ударить и куда погнать? — м-ръ Дирекъ сталъ соображать.

Но, какъ вскорѣ выяснилось, обычаи Дауэръ-Хауза допускали всякія нарушенія дисциплины въ игрѣ. М-ру Диреку бросился въ глаза высокій молодой индусъ, очень пылкій и стремительный; онъ стоялъ вдали, на правомъ флангѣ. Вдругъ, пренебрегая правилами игры, онъ рѣшилъ немедленно и во что бы то ни стало изо всѣхъ силъ ударить мячъ. Онъ ринулся впередъ и помчался какъ тайфунъ, не внимая окрикамъ м-ра Бритлинга и нарушая порядокъ въ собственныхъ рядахъ. М-ръ Дирекъ замѣтилъ его въ ту минуту, какъ уже замахнулся для удара. Произошла схватка, во время которой м-ръ Дирекъ почувствовалъ, что одна сторона его лица быть можетъ сплющена навсегда, но все же сохранилъ рѣшимость овладѣть мячомъ, еще лежавшимъ неподвижно. Его палка опять стукнулась о палку пошатнувшагося, но не сдававшагося индуса, и побѣда осталась за м-ромъ Дирекомъ. Даже послѣ многихъ лѣтъ игры нельзя было бы сдѣлать лучшаго пасса къ капитану.

— Хорошій пассъ!

Это сказалъ кто-то изъ лондонскихъ гостей.

Игра разгорѣлась во всю. Мячъ быстро перелетѣлъ нѣсколько разъ туда и обратно черезъ поле. Сторона м-ра Дирека наступала очень рѣшительно; вокругъ угрожаемыхъ воротъ столпились бэки и всякаго рода сообщники. Ряды м-ра Бритлинга разстроились и не соблюдали должной дисциплины.

Одна изъ дамъ, пріѣхавшихъ на мотоциклетѣ, и отважный индусъ перешли въ защитную линію; къ нимъ присоединился господинъ въ очкахъ, который размахивалъ палкой гораздо выше, чѣмъ полагалось по правиламъ. Капитанъ м-ра Дирека и оба младшихъ Бритлинга поспѣшили принять участіе въ борьбѣ. М-ръ Бритлингъ, у котораго, по мнѣнію м-ра Дирека, были слишкомъ демагогическіе пріемы для капитана, тоже побѣжалъ назадъ, чтобы объединить свое войско громкими криками.

— Проходите наружу! — отдалъ онъ приказъ.

Борьба у воротъ Бритлинга перестала быть игрой и превратилась не то въ битву, не то въ общественное собраніе. Слышны были крики голъ-кипера:

— Я не вижу мяча! Уберите ноги!

Свалка передвинулась ко входу.

— Мнѣ перебили ногу! — крикнулъ м-ръ Маннингъ. - Нѣтъ ужъ, пожалуйста.

Бацъ! И опять — бацъ! Ахъ, вотъ какъ? Бацъ!

— Ворота! — крикнулъ господинъ съ мотоциклетки.

— Ворота! — кричали младшіе Бритлинги.

М-ръ Маннингъ, въ качествѣ голъ-кипера, пошелъ поднимать мячъ, но одинъ изъ младшихъ Бритлинговъ учтиво предупредилъ его. Толпа отхлынула и повернула назадъ, становясь на мѣста какъ попало.

— Не слѣдуетъ кидаться всѣмъ къ воротамъ, — объяснялъ м-ръ Бритлингъ своей командѣ съ легкимъ оттѣнкомъ недовольства. — Нужно разступаться, а не напирать другъ на друга.

Потомъ онъ подошелъ къ энергичному молодому индусу и сдѣлалъ ему нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, упрекая его въ излишней стремительности.

М-ръ Дирекъ подошелъ къ Сисели. Ему было жарко, и онъ слегка отдувался, но былъ доволенъ, что не уронилъ себя въ ея глазахъ. Его сторона была пока въ выигрышѣ.

— Вы бы сняли жакетъ, — сказала она.

Это была хорошая мысль. Она пришла въ голову и другимъ, и на пограничной чертѣ поля пестрѣли сброшенные жакетки и плащи. Но дама въ автомобильномъ плащѣ застегнула свой плащъ до самаго верха.

— Одинъ и ничего, — сказалъ младшій Бритлингъ.

— Да вѣдь мы еще не начинали, маленькій, — сказала Сисели.

Игра возобновилась. Вскорѣ выяснилось, что первыя ворота не оказали вліянія на дальнѣйшій ходъ борьбы. Тэдди и Сисели составляли очень грозную коалицію. М-ръ Дирекъ, дама

съ мотоциклетки и м-ръ Рэбернъ тщетно боролись противъ ихъ блестящихъ выпадовъ, подкрѣпленныхъ бурной и энергичной поддержкой индуса справа и громкими окриками м-ра Бритлинга въ центрѣ. Но одно ихъ быстрое наступленіе остановлено было автомобильнымъ плащомъ: мячъ запутался въ его складкахъ, пока не подоспѣла помощь; другое отпарировалъ м-ръ Рэбернъ, который могучимъ взмахомъ угналъ мячъ черезъ все поле на дюймъ отъ головы младшаго Бритлинга; третье закончилось быстрымъ пассомъ отъ Сисели къ старшему сыну м-ра Бритлинга направо отъ нея; онъ же точно и быстро прошелъ ворота сквозь брешь защитныхъ маневровъ м-ра Лоренса Кармина. Послѣ того сторона м-ра Бритлинга вскорѣ еще одинъ разъ прошла ворота, потомъ еще одинъ. Тогда м-ръ Бритлингъ провозгласилъ „половину матча“ и объяснилъ м-ру Диреку, что если одна изъ сторонъ три раза проходитъ ворота, то это считается половиннымъ выигрышемъ; тогда объявляется перерывъ на пять минутъ, и стороны мѣняютъ мѣста. Всѣ были пріятно возбуждены и разгорячены, кромѣ дамы въ автомобильномъ плащѣ; ей совершенно не было жарко. Глаза горѣли у всѣхъ воинственнымъ пыломъ, и радужное настроеніе м-ра Дирека не нарушалось ни малѣйшей тѣнью, кромѣ нѣкоторой не высказываемой имъ тревоги по поводу панталонъ м-ра Рэберна.

М-ръ Дирекъ въ первый разъ встрѣтился съ м-ромъ Рэберномъ и не зналъ особенности этой части его туалета. Они производили впечатлѣніе, точно сейчасъ спадутъ съ него. Они съ самаго начала свисали снизу и были подворочены. А по мѣрѣ того, какъ разгоралась игра, вокругъ его щиколокъ собирались складки фланели, образуя нѣчто въ родѣ гармоники. Отъ времени до времени м-ръ Рэбернъ пользовался передышкой въ игрѣ, чтобы подвернуть еще дюймовъ шесть этого потока фланели. М-ръ Дирекъ совершенно естественно опасался, что это кончится бѣдой. Онъ не зналъ, что фланелевые панталоны м-ра Рэберна были подобны рѣкѣ и могли, спускаясь до безконечности, оставаться неисчерпаемыми... Ему казалось, что мирная идиллія вдругъ нарушится чудовищной катастрофой. Но помимо этой заботы Дирекъ былъ настроенъ такъ же радостно, какъ и все остальное общество.

Его опасенія до нѣкоторой степени портили ему игру. Во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ игры онъ ничѣмъ не отличился. Сисели носилась вокругъ него, перегоняла его, и черезъ десять минутъ ея сторона прошла еще два раза ворота, при счетѣ въ пять — одинъ. Пять воротъ составляли матчъ по правиламъ Матчингсъ-Изи.

Затѣмъ, послѣ короткаго перерыва, ненасытные игроки снова стали составлять команды. М-ръ Дирекъ успѣлъ пройти къ себѣ и переодѣться. Онъ вернулся въ бѣлой шелковой рубашкѣ, въ панталонахъ для тенниса и кушакѣ. На этотъ разъ онъ и Сисели были въ одной командѣ; коалиція Сисели — Тэдди была разбита, и онъ занялъ на лѣвомъ флангѣ мѣсто грознаго Тэдди.

Стороны были на этотъ разъ лучше подобраны, борьба велась долго, упорно и ровно. Одинъ — одинъ. Одинъ — два. Одинъ — три. (Половина матча). Два — три. Три съ обѣихъ сторонъ. Четыре — три. Четыре съ обѣихъ сторонъ...

М-ръ Дирекъ успѣлъ за это время ясно усвоить себѣ простую стратегію игры. Кромѣ того, онъ окончательно убѣдился, что Сисели играла ловчѣе, граціознѣе и неутомимѣе всѣхъ. Онъ очищалъ ей дорогу и пересылалъ ей мячъ. У нихъ установилось молчаливое соглашеніе. Намѣреніе защищать ее разсѣялось, какъ дымъ. Защищались съ неутомимымъ упорствомъ. Тэдди былъ проворенъ, какъ кошка. „Четыре — три“ казалось м-ру Диреку уже почти вѣрной побѣдой, но Тэдди, высокій индусъ и миссисъ Тэдди сравняли шансы. Потомъ они чуть было не взяли снова воротъ и не выиграли матча, но м-ръ Маннингъ спасъ положеніе сильнѣйшимъ боковымъ ударомъ, который угналъ мячъ къ м-ру Диреку. Онъ подбѣжалъ съ мячомъ къ Рэберну, потомъ ускользнулъ отъ него и погналъ къ Сисели. Началась горячая борьба на лѣвомъ флангѣ; Рэбернъ вышибъ мячъ, одинъ изъ младшихъ Бритлинговъ пригналъ его обратно; затѣмъ мячъ былъ выпущенъ форвардами и спасенъ дамой съ мотоциклетки. Форварды возобновили наступленіе. На этотъ разъ казалось, они пройдутъ. Сисели, направившись влѣво, опять сцѣпилась съ м-ромъ Рэберномъ. Тэдди, понимая серьезность положенія, кинулся назадъ, чтобы напасть на нее.

М-ръ Дирекъ поддерживалъ ее съ молчаливой сосредоточенностью.

— Центръ! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ. — Центръ!

— М-ръ Дирекъ! — позвала его Сисели, и голосъ ея звучалъ полной увѣренностью въ немъ. Вотъ награда за геройство! Мячъ пронесся за Тэдди, готовившимъ ударъ. М-ръ Дирекъ остановилъ мячъ ногой; этому трюку онъ только-что научился у старшаго сына м-ра Бритлинга. Онъ сдѣлалъ это ни слишкомъ поспѣшно, ни слишкомъ медленно. Онъ стоялъ въ полукругѣ, и дорога къ воротамъ была заграждена только дамой въ автомобильномъ плащѣ и м-ромъ Лоренсомъ Карминомъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ пройти влѣво отъ

м-ра Кармина, потомъ быстрымъ змѣевиднымъ ударомъ погналъ мячъ направо. Побѣда была за нимъ. Ноги и палка м-ра Кармина очутились на разстояніи цѣлаго ярда отъ мяча.

Но бурная радость смѣнилась мгновеніемъ ужаса. Нельзя всего предусмотрѣть! Взглядъ его слѣдилъ за быстрымъ движеніемъ мяча...

Прямо на его пути очутилась дѣтская коляска!

Мячъ какимъ-то чудомъ не ударился объ ноги дамы съ аристократическимъ носомъ, но стукнулся о колесо коляски, отскочилъ отъ него и, пройдя ворота, подкатился къ клумбѣ цвѣтовъ.

— Отлично! — крикнула Сисели. — Великолѣпный ударъ!

Онъ взялъ ворота по всѣмъ правиламъ искусства. Не все ли равно, что мячъ задѣлъ дѣтскую коляску, и что даже младенецъ проснулся повидимому отъ толчка! Онъ былъ упоенъ своимъ торжествомъ, и до него лишь слабо донесся голосъ м-ра Бритлинга, говорившій:

— Зачѣмъ же вы, тетя, подкатили коляску какъ-разъ сюда?

— Я полагала, — отвѣтила тетя, указывая движеніемъ головы на ворота, — что эти двѣ палки составляютъ нѣкоторую защиту...

Не все ли это равно?

— Пятыя ворота — побѣда за нами, — сказалъ одинъ изъ младшихъ Бритлинговъ м-ру Диреку, поздравляя его съ успѣхомъ. Играющіе сошли съ своихъ мѣстъ, смялись въ кучку, какъ спущенный флагъ, и направились домой къ чаю.

V.

— Послѣ чая мы еще поиграемъ, — сказала Сисели. — Будетъ уже прохладнѣе...

— А знаете, я начинаю входить во вкусъ вашего хоккея, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Вы скоро будете очень недурно играть, — замѣтила она.

Таково было магическое дѣйствіе игры, что м-ръ Дирекъ почувствовалъ смиренную гордость и благодарность за ея похвалу. Онъ шелъ рядомъ съ дѣвушкой, обнаружившей столько ловкости, находчивости и рѣшительности, и безмѣрно наслаждался ея близостью.

...И послѣ чая они снова играли, и м-ръ Дирекъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что всѣ въ одинъ голосъ заявили, что онъ — прирожденный игрокъ въ хоккей. Когда наступили сумерки,

плохо стали видны мячи, и пришлось бросить игру,—м-ръ Дирекъ глубоко объ этомъ сожалѣлъ. Онъ сыгралъ цѣлыхъ шесть партій и, хотя зналъ, что на слѣдующее утро будутъ ныть кости и мускулы, но все же былъ очень, очень счастливъ.

Весь воскресный вечеръ былъ какъ бы продолженіемъ игры въ хоккей.

М-ръ Дирекъ пошелъ переодѣться, натерся мазью, которую ему рекомендовала миссисъ Бритлингъ, и сошелъ внизъ въ черномъ пиджакѣ и широкомъ черномъ галстукѣ бантомъ. У него было чувство физическаго довольства, какого онъ не испытывалъ со времени отъѣзда изъ Америки. Но самое это ощущеніе было страннымъ образомъ иное здѣсь, чѣмъ на родинѣ. Тамъ оно было ясное, опредѣленное; здѣсь оно становилось расплывчатымъ. Все его существо радостно трепетало, какъ рой мошекъ надъ озеромъ передъ заходомъ солнца; въ душѣ его не было рѣзкихъ вспышекъ свѣта. Ему хотѣлось сидѣть и не двигаться. Чувство близости къ Сисели усиливалось при каждомъ взглядѣ на нее. Встрѣчаясь съ нимъ глазами, она улыбалась. Онъ чувствовалъ, что понялъ ее и ея стиль. Онъ не дѣлалъ ей больше комплиментовъ и искренно признавалъ себя ея ученикомъ въ хоккей.

Послѣ ужина м-ръ Бритлингъ возобновилъ свое предложеніе автомобильной экскурсіи на понедѣльникъ.

— Вамъ не-зачѣмъ торопиться въ Лондонъ,— сказалъ онъ,— и мы могли бы порыскать на машинѣ по окрестностямъ и осмотрѣть все, что васъ интересуетъ.

М-ръ Дирекъ не размышлялъ и трехъ секундъ. Онъ подумалъ о „Глэдисъ“, подумалъ о миссъ Корнеръ.

— Ну, что жъ,— сказалъ онъ,— если это не причинитъ вамъ неудобства, и я не буду вамъ въ тягость, то я былъ бы очень благодаренъ за возможность какъ слѣдуетъ ознакомиться съ окрестностями и посмотрѣть всѣ эти древнія мѣста.

VI.

На слѣдующее утро къ девяти часамъ пришли газеты съ подробностями о событіяхъ въ Сараевѣ. М-ру Диреку попался „Daily Chronicle“, и заголовки статей показались ему необычайно яркими и кричащими для англійской газеты.

— Что это за эрцъ-герцогъ?— спросилъ онъ.— И гдѣ эта самая Боснія? Я думалъ, что это въ Турціи.

— Это въ Австріи,— сказалъ Тэдди.

— Это въ Средневѣковьѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Что за нелѣпая настойчивость! Сперва одна бомба, потомъ другая, затѣмъ, наконецъ, человѣкъ съ револьверомъ... Въ то самое время, когда мы тутъ мирно гуляли по саду среди розъ... Прямо изъ какого-то романа съ приключеніями...

— Виноватъ, — вставилъ нерѣшительно Herr Heinrich.

Лицо м-ра Бритлинга приняло внимательно-выжидательное выраженіе.

— Какъ по-вашему, повліяетъ это событіе на европейское политическое положеніе?

— Не знаю! Можетъ быть...

— Въ газетѣ напечатано, будто бомба послана въ Сараево изъ Сербіи.

— Кажется, будто все это произошло на другой планетѣ... — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, читая газету. — Убійство, какъ политическій методъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь въ этомъ родѣ западнѣе Адріатическаго моря? Можно ли представить себѣ, чтобъ кто-нибудь взорвалъ американскаго вице-президента, и чтобы тотчасъ же стали утверждать, что бомбы присланы изъ арсенала въ Торонто, въ Канадѣ?.. Нѣтъ, мы на Западѣ относимся къ политикѣ гораздо спокойнѣе... Скушайте еще яйцо, м-ръ Дирекъ.

— Спасибо! А какъ вы думаете, это происшествіе не можетъ повлечь за собой европейской войны?

— Не думаю! Австрія, можетъ быть, и попробуетъ запугать Сербію, но она не захочетъ вызвать конфликта съ Россіей. Это было бы баловствомъ съ зажженной спичкой въ пороховомъ погребѣ... Да, но въ общемъ это курьезная и загадочная исторія...

— Ну, а если Австрія все же рѣшится?.. — настаивалъ Herr Heinrich.

— Она не рѣшится... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я еще вѣрилъ въ неизбѣжность европейской войны, — сталъ пояснять м-ру Диреку м-ръ Бритлингъ, — но намъ ею угрожали такъ долго, что я, подъ конецъ, пересталъ въ нее вѣрить. Державы ссорятся, торгуются, угрожаютъ, пугаютъ другъ друга. Но онѣ слишкомъ цивилизованны и осторожны, чтобы рѣшиться на выстрѣлы. Если бы европейская война была неизбѣжна, она вспыхнула бы два года тому назадъ, когда балканская коалиція напала на Турцію, или когда Болгарія напала на Сербію.

Herr Heinrich о чемъ-то думалъ и воспринималъ эти выводы съ выраженіемъ почтительнаго удовлетворенія.

— Видите ли, я этимъ встревоженъ... — сказалъ онъ, —

такъ какъ собираюсь провести каникулы на конгрессѣ эсперантистовъ въ Булони и хочу заказать билетъ...

VII.

— Чтобы научиться какъ слѣдуетъ управлять автомобилемъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, садясь на шофферское мѣсто своего мотора, — надо съ самаго начала твердо рѣшить не подвергать себя никакому риску... Надо вначалѣ ѣздить очень медленно. Останавливаться и тщательно все обдумывать въ минуты сомнѣнія. Никакихъ необдуманныхъ дѣйствій! Ни подъ какимъ видомъ не надо допускать ошибокъ!

М-ру Диреку, занявшему мѣсто рядомъ съ м-ромъ Бритлингомъ, это показалось прекрасной теоріей.

Они выѣхали изъ воротъ съ чрезвычайной осторожностью и даже цѣлыхъ два раза останавливались при попыткѣ свернуть на дорогу, такъ что моторъ пришлось оба раза снова пускать въ ходъ.

— Вы будете смѣяться надо мной, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — но я рѣшилъ на этотъ разъ не дѣлать никакихъ ошибокъ...

— Я вовсе не смѣюсь надъ вами. Наоборотъ, вполнѣ одобряю ваше рѣшеніе, — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— Только такъ, собственно, и надо, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ. — Осторожность... чортъ! Опять моторъ остановился... Уфъ... А!? Такъ!.. Осторожность... говорю я... и спокойствіе...

Они проѣхали по селу медленнымъ, пріятнымъ ходомъ, аккуратно давая громкіе сигналы передъ каждымъ перекресткомъ, передъ каждымъ прохожимъ. М-ръ Дирекъ вспомнилъ, что еще не успѣлъ переговорить съ м-ромъ Бритлингомъ о лекціяхъ. Столько событій произошло со времени его пріѣзда...

Автомобиль вдругъ остановился.

— Я думалъ, что эта проклятая курица собирается перейти дорогу, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — А она перелѣзла черезъ заборъ. Но она посмотрѣла именно въ нашу сторону; увѣряю васъ... Можетъ быть, впрочемъ, я слишкомъ нервничаю сначала... Я потомъ разойдусь.

— Излишняя осторожность не мѣшаетъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Къ тому же, это даетъ возможность лучше ознакомиться съ мѣстностью.

Выѣхавъ за село, м-ръ Бритлингъ какъ-будто сталъ увѣреннѣе. Онъ прибавилъ ходу. Но опять, завидя издали что-нибудь или кого-нибудь на дорогѣ, или какіе-нибудь признаки

перекрестка, — тотчасъ же становился благоразумнымъ... И все же, несмотря на всѣ его рѣшенія и все его благоразуміе, дѣло не обошлось безъ несчастнаго случая... Господь требуетъ отъ людей не только праведности.

Чтобы скорѣе добраться до Маркетъ-Саффрона, онъ свернулъ на незнакомый проселокъ, черезъ горы. Подъемъ становился очень крутымъ... Они свернули еще разъ, и подъемъ сталъ еще круче... Свернули въ третій разъ — и все круче и круче стали подниматься въ гору.

Раздался неожиданный трескъ, и автомобиль помчался полнымъ ходомъ, какъ вдругъ передъ м-ромъ Бритлингомъ выросла маленькая бѣленькая дощечка съ предательской надписью: „Скрытый поворотъ". Онъ протянулъ руку, выключилъ моторъ и нажалъ тормозъ. И тутъ же пожалѣлъ. Но было поздно: моторъ, издавъ три геркулесовыхъ вздоха, пересталъ работать. М-ръ Бритлингъ судорожно схватился за руль, одной ногой отпустилъ тормозъ, другою нажалъ ускоритель, отчего вся машина стала издавать невообразимый ревъ. Несмотря на весь этотъ шумъ, м-ръ Дирекъ почувствовалъ, что они начинаютъ, сперва медленно, но потомъ все быстрѣе и быстрѣе, катиться куда-то назадъ. Онъ схватился за запасный тормозъ; но было уже поздно, — автомобиль, точно мягко опускаясь въ масло, покатился все ниже и ниже и наконецъ остановился, попавъ задними колесами въ канаву...

На этотъ разъ понадобились двѣ лошади и цѣлыхъ пять человѣкъ, чтобы вернуть „Глэдисъ" на дорогу...

Дальше, до Маркетъ-Саффрона, они доѣхали безъ новыхъ приключеній. Тамъ они позавтракали, а потомъ м-ръ Дирекъ осматривалъ церковь, погостъ и рылся въ церковныхъ книгахъ...

Послѣ завтрака м-ръ Бритлингъ сталъ болѣе увѣренно относиться къ своимъ шофферскимъ способностямъ. Дорога отъ Маркетъ-Саффрона до Бландиша, откуда надо сворачивать къ Матчингсъ-Изи, представляетъ собою часть шоссе, ведущаго изъ Лондона въ Норвичъ. Это древняя римская дорога, очень прямая и открытая. По такой дорогѣ не страшно ѣхать. М-ра Бритлинга она въ особенности подбодрила, и онъ постепенно сталъ давать волю „Глэдисъ", совсѣмъ забывъ про добрыя намѣренія и чрезвычайное благоразуміе, которыми онъ такъ тщательно руководился утромъ.

— На этакой дорогѣ ничего не можетъ приключиться, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Если не сломается ось и не лопнетъ шина, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Мой механикъ въ Матчингсъ-Изи очень аккуратно провѣряетъ всѣ части, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, нажимая ускоритель и доводя скорость отъ сорока до сорока пяти. — Онъ осматривалъ машину недѣлю тому назадъ, а она всего-то въ ходу около мѣсяца.

И все же приключилось.

Они неслись подъ столѣтними дубами, мимо живописныхъ стѣнъ, окружающихъ Брандисмидъ-Паркъ. Все произошло вслѣдствіе маленькой ошибки въ измѣреніи разстоянія. Впереди нихъ, держась края дороги, ѣхалъ на велосипедѣ почталіонъ. Навстрѣчу мчался мотоциклистъ. Вначалѣ м-ръ Бритлингъ думалъ, что ему не удастся проѣхать между почталіономъ и мотоциклистомъ, потомъ онъ рѣшилъ, что если прибавитъ ходу, то удастся; затѣмъ онъ снова вернулся къ первому рѣшенію, и наконецъ ему показалось, что при такой скорости онъ непремѣнно наскочитъ сзади на почталіона. Инстинктивное желаніе избѣгнуть этого, заставило его рѣзко повернуть машину въ сторону мчавшагося навстрѣчу мотоциклиста.

— Боже мой! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ. — Боже мой!...

И сталъ вращать въ разныя стороны руль и, внѣ себя, топать ногами по всякимъ рычагамъ.

У него возникло мгновенно смутное намѣреніе проскользнуть направо подъ самымъ носомъ у мотоциклиста, и „Глэдисъ“ помчалась по короткому, поросшему травой, уклону дороги прямо на стѣну полнымъ ходомъ. Мотоциклистъ треснулся обо что-то и исчезъ изъ виду. Стѣна же какъ-будто надвинулась на нихъ и навалилась. Потомъ раздался страшный ударъ. М-ръ Дирекъ схватился за запасный тормозъ, — но едва онъ коснулся его, какъ голова его ударилась о раму стекляннаго щита... И все окуталось тьмой...

Когда онъ открылъ глаза, передъ нимъ были: проломленная стѣна, смятый автомобиль и совершенно неповрежденный мотоциклистъ въ авіаторскомъ шлемѣ и клеенчатой курткѣ. М-ръ Дирекъ долго таращилъ глаза, ничего не понимая, и затѣмъ, все еще оглушенный и озадаченный, попытался подняться... И тутъ-то онъ впервые сталъ ощущать острую боль.

— Не двигайтесь, — сказалъ мотоциклистъ. — Вы, кажется, повредили себѣ руку и бокъ...

VIII.

Въ теченіе ближайшихъ двѣнадцати часовъ м-ру Диреку пришлось сдѣлать открытіе, которое до войны было менѣе

извѣстно, чѣмъ теперь. Онъ узналъ, что даже физическая боль и пораненія могутъ оказаться чрезвычайно интересными и пріятными.

Если бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ лишится сознанія минутъ на пять-шесть, очнется съ израненнымъ и изрѣзаннымъ лицомъ и со сломанной кистью руки, и все же, въ результатѣ, будетъ чувствовать себя необычайно довольнымъ и пріятно возбужденнымъ, — онъ бы отнесся съ насмѣшкой къ такому пророчеству. А, между тѣмъ, вотъ онъ лежитъ на спинѣ, съ забинтованными рукой и головой и улыбается темнотѣ еще, пожалуй, жизнерадостнѣе, чѣмъ два дня тому назадъ улыбался Эссекскому ландшафту. Дѣло въ томъ, что физическая боль можетъ мучить или раздражать, но сама по себѣ она не портитъ настроенія физически здороваго человѣка. Ожиданіе боли, увѣренность въ томъ, что она будетъ причинена, можетъ вызвать безнадежное отчаяніе; но когда она становится реальностью, фактомъ, она лишь пробуждаетъ въ насъ чувство сопротивленія. Никому не хочется сломать себѣ ребро или повредить кисть, но мало кто впадаетъ въ отчаяніе, если это случится. Можно скорѣе впасть въ угнетенное состояніе, выкуривъ сто папиросъ въ три дня или потерявъ одинъ процентъ капитала.

Къ тому же всѣ отнеслись къ м-ру Диреку съ такимъ вниманіемъ и заботливостью...

Онъ одинъ только и пострадалъ отъ несчастнаго случая. М-ръ Бритлингъ ухватился крѣпко за руль, и его даже не выбросило изъ автомобиля.

— Развѣ только у меня внутри что-нибудь повреждено, — сказалъ онъ. — А такъ я цѣлъ и невредимъ... Вотъ, можетъ быть, печень немного растряслась.

„Глэдисъ“ пришлось покинуть въ канавѣ, а сѣдоковъ привезъ домой проѣзжавшій по дорогѣ автомобиль. Въ моментъ ихъ прибытія Сисели оказалась какъ разъ въ Дауэръ-Хаузѣ. Она увидала, какъ стойко американецъ умѣетъ переносить боль и физическія страданія. И своимъ открытымъ восхищеніемъ она какъ бы удесятерила свое сочувствіе и заботы о немъ.

— Она прирожденная сестра милосердія, — сказалъ м-ръ Дирекъ и затѣмъ прибавилъ тономъ оратора на публичныхъ митингахъ: — но въ такихъ случаяхъ и сказывается все, что есть прекраснаго въ женщинѣ.

Когда ему сказали, что придется остаться въ Дауэръ-Хаузѣ, пока рука не сростется, онъ откровенно сознался Сисели, глядя прямо въ ея прелестные глаза:

— Если изъ-за этихъ царапинъ мнѣ придется пролежать здѣсь двѣ, а то и три недѣли и вы будете ежедневно заходить меня навѣщать и болтать со мной, — то говорю вамъ, это вовсе не несчастье. Нѣтъ. Наоборотъ, это прямо счастье...

И вотъ теперь онъ лежалъ вытянувшись, неподвижно, какъ мумія, съ душой, преисполненной полнѣйшаго покоя.

„Да, — говорилъ онъ про себя, — теперь я вижу, что это такъ! Въ жизни существуютъ идеалы! Она — идеалъ! Да, я полюбилъ ее, прежде чѣмъ встрѣтилъ Мэми. Я полюбилъ ее еще тогда, когда на меня надѣли первыя штанишки!.. Тотъ старый портретъ... Это и была судьба!.. Это — предначертаніе!.. Естественный подборъ!..

„...Что-жъ, хотя я не знаю, какъ она ко мнѣ относится теперь, но я хорошо знаю, какъ она должна будетъ относиться. Она должна будетъ полюбить меня... если даже для этого придется переломать всѣ кости, до единой...

„...Я какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ надо поѣхать въ этомъ проклятомъ автомобилѣ...

...Говорите, что хотите, но — Рокъ все же существуетъ!..“

И онъ съ многозначительнымъ видомъ улыбался темнотѣ, словно у него была съ нею общая тайна...

ГЛАВА IV.

М-ръ Бритлингъ размышляетъ въ одиночествѣ.

I.

Совершенно противоположно было душевное состояніе цѣлаго и невредимаго м-ра Бритлинга. Ему тоже не спалось, но не отъ пріятнаго возбужденія. И для него день тоже оказался слишкомъ короткимъ. Сейчасъ же у него голова была страшно „занята“...

Такъ „занята“, что придется этому посвятить цѣлую главу...

На м-ра Дирека Бритлингъ произвелъ впечатлѣніе безконечно и неустанно счастливаго человѣка. Но бывали минуты, когда м-ру Бритлингу приходилось расплачиваться за свою въ общемъ энергичную жизнерадостность крупными дозами горькой печали и тоски. Бывали ночи — особенно послѣ періодовъ

исключительнаго возбужденія и нервнаго подъема — когда вдругъ предъявлялся счетъ, и м-ръ Бритлингъ тогда метался въ безсиліи, рыча отъ боли подъ тяжелой тучей отчаянія...

Печали человѣка сангвиническаго темперамента недлительны, но интенсивны. Міръ мало знаетъ о нихъ. Міру не приходится съ ними считаться. Онѣ никогда не влекутъ за собой самоубійства и очень рѣдко — преступленія. Тѣмъ не менѣе, онѣ причиняютъ тяжелыя муки своимъ жертвамъ. Когда на м-ра Бритлинга находило такое настроеніе, правда, онъ не испытывалъ, быть можетъ, сѣраго и безнадежнаго отчаянія меланхолика, или бурныхъ приступовъ желчнаго холерика, но міръ представлялся ему сплошь усѣяннымъ несчастіями и ошибками, ядовитыми шипами, ловушками, непроходимыми топями и неисправимыми заблужденіями. И тогда его охватывало чувство почти невыносимаго раскаянія въ томъ, что онъ — м-ръ Бритлингъ...

И еще какой м-ръ Бритлингъ!..

Почему, — и онъ снова начиналъ перебирать этотъ горькій вопросъ тысячи и одной несчастной безсонной ночи, — почему онъ такой дуракъ? Такой неосторожный, непредусмотрительный дуракъ? Почему онъ никогда не взвѣшиваетъ свои поступки? Почему всегда подвергаетъ себя риску? Почему всегда строитъ всѣ свои поступки и дѣйствія на предположеніи, что все непремѣнно сойдетъ благополучно?

Почему, напримѣръ, онъ сегодня до конца не держался благоразумныхъ рѣшеній, принятыхъ утромъ?

Характерно, что такое настроеніе всегда порождало въ м-рѣ Бритлингѣ какое-то физическое безпокойство; ему становилось не по себѣ. Онъ метался въ постели, вскакивалъ, садился, снова ложился, словно мученикъ въ аду...

То, что произошло, было новымъ проявленіемъ недостатка, отъ котораго онъ страдалъ всю жизнь. Народится ли когданибудь человѣкъ, который быстро соображаетъ и медленно дѣйствуетъ? Такой человѣкъ обладалъ бы безграничной силой. Мысли м-ра Бритлинга были стремительныя и смѣлыя, но поступки его обгоняли быстроту замысловъ. Еще въ молодости онъ страдалъ отъ своей безудержности, которая часто приносила ему вредъ и униженія. Онъ принималъ рѣшенія, прежде чѣмъ успѣвалъ достаточно обосновать ихъ доводами разума. Онъ боролся съ собою, пытался обуздать себя правилами. Въ спальнѣ у него развѣшены были надписи, гласившія:

„Дѣйствуй осмотрительно!“ „Помни о цѣли, къ которой идешь!“ — „Дѣйствуй твердо и послѣдовательно: только такимъ образомъ ты придешь къ цѣли“. Онъ былъ убѣжденъ, что, не

поддаваясь непосредственнымъ порывамъ, сдерживая свое пылкое воображенiе, онъ убережется отъ безчисленныхъ печальныхъ неожиданностей и не будетъ вѣчно наталкиваться на стеклянныя бомбы и колючую проволоку.

Было время, когда ему удавалось держать себя въ рукахъ и подчиняться строгой самодисциплинѣ. Но это всегда кончалось тѣмъ, что онъ попадалъ въ какую-нибудь неожиданную ловушку. Въ концѣ концовъ онъ утратилъ надежду на полную побѣду надъ своимъ характеромъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что за послѣднiе годы возрастъ и находившiйся запасъ благоразумiя остепенили до нѣкоторой степени его природную стремительность. Но послѣднее безразсудство превзошло всѣ прежнiя. Какъ можно было летѣть стремглавъ по беззащитному мiру съ такой тяжестью какъ его автомобиль — по меньшей мѣрѣ, съ тонну, если не больше, — подвергая опасности не только себя самого, но и другихъ! Онъ вспомнилъ, какъ ухватился за руль, увидавъ передъ собой согнувшуюся спину велосипедиста и почувствовавъ скорѣе чѣмъ услышавъ приближенiе мотоциклета; онъ снова пережилъ въ воображенiи ту ужасную минуту, когда наѣхалъ на стѣну... Муки ада, вѣроятно, не что иное, какъ такое переживанiе, продолженное до безконечности...

Вѣдь онъ могъ наѣхать на что угодно вмѣсто стѣны... Его измученное безсонницей воображенiе вызвало изъ мiра сновидѣнiй образъ, наступавшiй на него съ пронзительнымъ крикомъ...

„...Боже мой, — подумалъ онъ, — что если бы я наскочилъ вмѣсто стѣны на ребенка!..“

И это предположенiе какъ-то сразу воплотилось въ осязательный образъ въ его возбужденномъ мозгу. Онъ остро и ясно представилъ себѣ этого воображаемаго ребенка — худенькаго, довольно некрасиваго мальчика, съ рыжими волосами, выпученными глазами; ребра у него были сломаны, вдавлены, все тѣльце его было сплюснуто, придавлено автомобилемъ къ стѣнѣ, смѣшано съ разсыпавшимися кирпичами... ужасъ!.. ужасъ!..

„...Да что же это!.. Такъ нельзя! Вѣдь никакого ребенка онъ не раздавилъ!.. Онъ только выкинулъ изъ мотора м-ра Дирека и сломалъ ему руку...

...Да, но вѣдь не его заслуга, что тамъ не было ребенка...

...Ребенокъ могъ бы тамъ оказаться...

...Случайно его не было...

...Просто счастье!..“

И м-ръ Бритлингъ въ отчаянiи уставился на маленькое существо которое его воображенiе вызвало къ бытiю лишь для того, чтобы онъ могъ его уничтожить...

II.

Если онъ самъ и не раздавилъ ребенка, то съ другими это случалось. Такія несчастія часто бываютъ! Въ переносномъ же смыслѣ онъ раздавилъ не одного ребенка...

Зачѣмъ вообще давятъ дѣтей?!.

И вдругъ всѣ ужасы, всѣ страданія, вся скорбь о несчастіяхъ міра, охватила м-ра Бритлинга.

Онъ уже больше не спрашивалъ: „Почему я такой дуракъ?“, а спрашивалъ: „почему мы всѣ такіе дураки?“ Онъ преобразился въ человѣка, который мчится на автомобилѣ цивилизаціи, и на своемъ бѣшеномъ безцѣльномъ пути давитъ тысячи жизней...

Это былъ особенный пріемъ, свойственный его уму: онъ обладалъ способностью какъ-то излучаться во всѣ стороны и принимать форму обобщеній. Въ наше время много такихъ умовъ. Онъ обладалъ даромъ какъ бы переносить себя въ отвлеченность. Онъ легко переходилъ отъ сконцентрированныхъ упрековъ себѣ и угрызеній совѣсти за себя, какъ за м-ра Бритлинга, — къ упрекамъ и угрызеніямъ за себя, какъ Главнаго-Автомобилиста, за себя, какъ Англію, за себя, какъ Человѣка вообще.

И это раздвоеніе его мысли, вслѣдствіе котораго сконцентрированный и индивидуализированный Бритлингъ являлся лишь представителемъ какого-то скрытаго, болѣе обширнаго, отвлеченнаго, безличнаго Бритлинга, влекло за собой такое же раздвоеніе его совѣсти и чувства отвѣтственности. Передъ своей личной совѣстью онъ былъ отвѣтственъ за свою личную честь, за долги, за выстроенный имъ Дауэръ-Хаузъ и т. д.; а передъ своей „безличной“ совѣстью онъ былъ отвѣтственъ за весь міръ. Міръ былъ яйцомъ. У него было подсознательное заблужденіе, что именно онъ снесъ это яйцо, У него было подсознательное подозрѣніе, что онъ далъ этому яйцу остыть, и оно испортилось. И вотъ онъ какъ будто стремился высидѣть это яйцо. Разнообразіе и содержательность его рѣчей въ значительной степени вытекали изъ этого стремленія; онъ всегда пытался расправить свои умственныя крылья надъ лежавшей передъ нимъ задачей...

III.

Послѣ всѣхъ этихъ объясненій мы можемъ перейти къ тому, что первоначально привело м-ра Дирека въ Матчингсъ-Изи. Онъ пріѣхалъ по порученію Массачузетскаго общества съ цѣлью

организовать идейныя откровенія м-ра Бритлинга въ Америкѣ. Но онъ видѣлъ м-ра Бритлинга только при дневномъ свѣтѣ, и притомъ вниманіе его было отвлечено возраставшимъ интересомъ къ миссъ Сисели Корнеръ. Мы же можемъ яснѣе разглядѣть м-ра Бритлинга въ темнотѣ, всецѣло сосредоточивъ на немъ наше вниманіе, — и намъ можетъ только помѣшать его собственная разсѣянность въ мысляхъ.

Несчастіе съ „Глэдисъ" не явилось источникомъ только ряда упрековъ себѣ и угрызеній совѣсти, непосредственно вытекавшихъ изъ самаго этого случая; оно влекло за собой также цѣлую болѣе обширную систему побочныхъ послѣдствій, которыя путались и пересыпались въ возбужденномъ мозгу м-ра Бритлинга. То, что автомобиль сломался вдребезги, было чрезвычайно неудобно и по другимъ причинамъ. Это разстраивало нѣкоторые планы м-ра Бритлинга — планы, отвлекавшіе его отъ Дауэръ-Хауза, съ которымъ онъ не былъ такъ неразрывно связанъ, какъ казалось м-ру Иреку. Существовали нѣкоторые вопросы, отъ которыхъ м-ръ Бритлингъ упорно, вотъ ужъ цѣлый „week-end", старался отвлечь свои мысли. Теперь же нельзя было больше не думать о нихъ.

Дѣло въ томъ, что м-ръ Бритлингъ запутался въ любовную исторію. Чтобы быть точнымъ, надо сказать, что, не принимая въ разсчетъ болѣе мелкихъ и мимолетныхъ увлеченій, — это была его восьмая любовная исторія. И новый автомобиль, какъ только онъ научился бы управлять имъ болѣе или менѣе сносно, долженъ былъ сыграть рѣшающую и значительную роль въ нѣкоторыхъ сложныхъ обстоятельствахъ его жизни.

Человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ и живыми порывами естественно наталкивается на своемъ жизненномъ пути на любовныя исторіи, точно такъ же, какъ автомобилистъ неминуемо налетаетъ на несчастные случаи.

Особенности же отношеній, существовавшихъ между м-ромъ и миссисъ Бритлингъ, неизбѣжно должны были осложнять его любовныя похожденія, дѣлать ихъ непріятными, недостойными и ничтожными. Такими они представлялись ему, во всякомъ случаѣ, въ часы безсонницы.

Первый бракъ м-ра Бритлинга былъ ярко счастливымъ. Второй же его бракъ, въ сравненіи съ первымъ, былъ окрашенъ въ болѣе сѣрый цвѣтъ. Можно привести много доводовъ въ пользу крайней католической теоріи, требующей, чтобы бракъ былъ не только бракомъ на всю жизнь, но и вѣчнымъ. И навѣрное м-ръ Бритлингъ былъ бы болѣе возвышеннымъ, если

не болѣе счастливымъ, человѣкомъ, если бы его чувственное „Я“ умерло вмѣстѣ съ его первой женой или нашло бы себѣ продолженіе только въ его любви къ старшему сыну. Онъ женился въ первый разъ въ расцвѣтѣ юности; за этимъ послѣдовали два года простой и чистой любви, дружбы, ссоръ и примиреній. И на все это ушло безвозвратно что-то, чего нельзя было въ себѣ возстановить.

Въ первомъ приливѣ горя онъ это ясно сознавалъ, но потомъ забылъ. Пока человѣкъ живъ, въ немъ живо и воображеніе; а оно созидаетъ, забываетъ и продолжаетъ творить жизнь.

Со своей второй женой, Эдитъ, онъ познакомился въ совершенно иныхъ условіяхъ и въ обстановкѣ, ничѣмъ не напоминавшей ему его умершую Мэри. Онъ встрѣтился съ Эдитъ, какъ принято говорить, „въ обществѣ“. Мэри же была студенткой Нюнхемскаго колледжа, въ Кэмбриджѣ, когда онъ былъ студентомъ Пемброкскаго колледжа, тамъ же, и въ ихъ встрѣчѣ и сближеніи было больше случайности и неожиданности... Эдитъ же онъ увидалъ, избралъ и долженъ былъ долго добиваться ея руки. Тутъ не было той внезапности, той мгновенности, какъ въ ихъ встрѣчѣ съ Мэри; тутъ было исканіе, домогательство, затѣмъ уступка, соизволеніе. Эдитъ была кандидатомъ естественныхъ наукъ Лондонскаго университета и имѣла еще какія-то ученыя степени; она глядѣла на міръ изъ-подъ широкаго лба и пушистыхъ каштановыхъ волосъ спокойными, наблюдательными глазами, которымъ нечего было скрывать; это показалось столь невѣроятнымъ м-ру Бритлингу, что онъ полюбилъ ее и женился на ней главнымъ образомъ изъ-за этой ясности ея тайны. И онъ еще долго потомъ вглядывался въ ея темные глаза, настойчиво пытаясь постигнуть, что кроется на днѣ ея души.

Онъ не открылъ ей съ полной ясностью свою прежнюю страстную любовь къ Мэри. Въ сущности, когда онъ добивался ея руки, онъ самъ забылъ о прошломъ. Его поглощала новая любовная драма, и онъ полусознательно отстранялъ всѣ воспоминанія, которыя примѣшивались къ новымъ переживаніямъ, не соотвѣтствуя его настроенію. Такимъ образомъ онъ самъ совершенно непроизвольно установилъ въ отношеніяхъ съ Эдитъ особую атмосферу, въ которой почти не упоминалось о Мэри, а существованіе Гю принималось какъ фактъ, безотносительно къ прошлому. Онъ какъ-то увѣрилъ себя, что Эдитъ все понимаетъ безъ словъ, и полагался на вымышленное чудо какого-то чуткаго взаимнаго пониманія, не нуждающагося въ объясненіяхъ.

Несоотвѣтствіе ихъ натуръ обнаружилось впервые за шахматной доской. Игра м-ра Бритлинга отличалась внѣшнимъ блескомъ, большимъ великодушіемъ и крайнимъ безразсудствомъ. Онъ дѣлалъ ходъ тотчасъ же вслѣдъ за ходомъ противника, а потомъ только начиналъ обдумывать положеніе. Въ большинствѣ случаевъ его соображенія были гораздо вѣрнѣе, его ходовъ. Миссисъ Бритлингъ была полной противоположностью своего мужа въ игрѣ, и всѣ шансы были поэтому на ея сторонѣ. Она была настолько же спокойна, насколько онъ былъ раздражителенъ. Она никогда не торопилась сдѣлать ходъ и не давала противнику взять свой ходъ обратно. Играя очень спокойно, выдержанно, осторожно и осмотрительно, она постоянно побивала м-ра Бритлинга, пока наконецъ это стало такъ злить его, что онъ отказался играть съ нею. Кода онъ выходилъ изъ себя во время игры, то всегда потомъ доказывалъ, что сердится только на самого себя. Но онъ ясно чувствовалъ, хотя и не сознавался себѣ (она же это понимала изъ вырывавшихся у него въ раздраженіи отдѣльныхъ фразъ), что онъ не говоритъ при этомъ всей правды.

Они постепенно примирялись съ неискренностью его объясненій. Они слишкомъ не подходили по темпераменту, чтобы быть искренними другъ съ другомъ. Ея отношеніе къ жизни было всегда и во всемъ оборонительное, и она никогда не проявляла своихъ чувствъ, не шла ни въ чемъ навстрѣчу мужу. Ему приходилось всегда самому добиваться отклика въ ней, стучаться, звонить въ ея душу — и тогда она отзывалась съ полной готовностью. Онъ никогда не наталкивался въ ней на что-либо неожиданное, — хотя бы даже на отсутствіе доброты. Когда онъ порѣзалъ себѣ палецъ, она заботливо перевязала ему рану; но если бы онъ не сказалъ ей, она бы не замѣтила порѣза. Онъ только удивлялся, какъ это она не знала, что онъ порѣжетъ себѣ палецъ, прежде чѣмъ это случилось.

Его болѣе всего раздражало въ ней отсутствіе чуткости. Въ теченіе нѣсколькихъ мучительныхъ лѣтъ онъ глубоко страдалъ отъ своего разочарованія и самъ причинялъ женѣ необъяснимыя затаенныя страданія. Въ первые годы ихъ супружества его веселый кипучій нравъ не оставлялъ его; но потомъ силы его надломились. Онъ былъ временами веселъ и оживленъ попрежнему, но въ промежуткахъ на него нападали приступы гнѣва, враждебности и озлобленія. Они лишь постепенно уясняли себѣ правду своихъ отношеній и наконецъ принуждены были признать, что любовь ихъ умерла, не успѣвъ расцвѣсть. Надежда на истинную близость исчезла, и они могли быть только

союзниками. Если бы у нихъ была возможность разойтись безъ взаимныхъ попрековъ, не причиняя другъ другу вреда и страданій, они бы это сдѣлали; но ихъ связывало то, что у нихъ было двое дѣтей. Они поэтому примирились съ установившимися отношеніями и вносили въ нихъ широкую терпимость другъ къ другу. Любовь и радость исчезли, но ихъ объединяла искренняя взаимная привязанность и готовность взаимопомощи. Она гордилась его успѣхами и почетомъ, съ которымъ всѣ относились къ нему, цѣнила его труды и признавала обаятельность его оживленнаго и стремительнаго нрава. Она считала эти качества очень цѣнными и завидными. Насколько она могла, она помогала ему. А онъ, хотя и зналъ, что за ея стараніями не было никакихъ непосредственныхъ побужденій, что она оставалась внутренне безучастной къ нему, но все же цѣнилъ ея выдержку и честность натуры, и очень одобрялъ ея практическій смыслъ. Онъ восхищался порядкомъ, въ которомъ она содержала домъ, и заботливостью, съ которой она ухаживала за цвѣточными клумбами и розами въ саду. Самъ онъ не умѣлъ соблюдать порядокъ ни въ чемъ, и все болѣе и болѣе полагался на нее. Онъ выказывалъ свое уваженіе къ женѣ тѣмъ, что тщательно оберегалъ ея достоинство, а довѣріе его къ ней выражалось въ все болѣе откровенномъ пренебреженіи къ ея душевному міру. Въ виду того, что она такъ мало выказывала свои чувства, онъ рѣшилъ, что никакихъ чувствъ она и не питаетъ къ нему; а такъ какъ онъ ничего не нашелъ на днѣ ея темныхъ глазъ, то убѣдилъ себя, что тамъ ничего и нѣтъ. Онъ жилъ своими собственными интересами и предпріятіями, много путешествовалъ. Она считала долгомъ своей совѣсти ни въ чемъ его не стѣснять. Все, что она внутренне переживала и думала, оставалось невысказаннымъ. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, все высказывалъ, наново высказывалъ безъ конца и предпринималъ множество дѣлъ со свойственной ему стремительностью. Такимъ образомъ жизнь накопляла вокругъ нихъ сложное содержаніе, въ то время какъ м-ъ Дирекъ присоединился на неопредѣленное время къ внѣшнимъ событіямъ въ ихъ домѣ.

Въ характерѣ м-ра Бритлинга была склонность всегда что-нибудь затѣвать, а миссисъ Бритлингъ, съ своей стороны, осуществляла все затѣянное имъ. М-ръ Бритлингъ вздумалъ нанять Дауэръ-Хаузъ, а она превратила его въ очаровательный домъ. Онъ вдругъ рѣшилъ оживить одинъ изъ скучныхъ week-end'овъ въ Пойнтингсѣ непринужденнымъ весельемъ воскреснаго хоккея, а она превратила это въ постоянное учрежденіе...

Онъ пришелъ къ ней со своимъ сыномъ-сиротой и съ воспоминаніемъ объ острой первой утратѣ, которую временами, особенно вначалѣ, онъ какъ будто забывалъ, а временами, наоборотъ, слишкомъ ясно, всѣми фибрами существа, оплакивалъ. Она проявила необычайную заботливость ко всѣмъ реликвіямъ ея смуглой, хорошенькой предшественницы, оказавшимся въ изобиліи у м-ра Бритлинга, и съ исключительной добросовѣстностью отнеслась къ своему пасынку, временами довольно непонятному ей. Она никогда не позволяла себѣ вдуматься въ свое отношеніе къ мальчику. Быть можетъ, она не видѣла надобности считаться со своими чувствами къ нему.

Такъ проходила она сквозь жизнь, внѣшне спокойная, ясная, полная достоинства, одна изъ того безчисленнаго множества довольно притязательныхъ, мало рѣшительныхъ и малодѣятельныхъ женщинъ, которыя ищутъ счастья въ мелочахъ, въ милыхъ неодушевленныхъ предметахъ, связанныхъ съ хозяйствомъ и садомъ, не въ эстетикѣ и утонченностяхъ искусства, а въ порядкѣ и аккуратности. Кромѣ того, она нашла большое удовлетвореніе въ заботахъ о здоровьѣ, развитіи и ростѣ своихъ двухъ мальчиковъ.

Никто не зналъ, а быть можетъ, ей самой удалось забыть тѣ тайныя слезы и этапы удивленія и разочарованія, сомнѣній и огорченій, путемъ которыхъ она постепенно стала понимать и сознавать, что этотъ странный, порывистый, оживленный человѣкъ, пришедшій къ ней, клявшійся ей, такъ упорно и такъ убѣдительно просившій,—пересталъ любить ее, что сердце его ускользнуло отъ нея, что она это сердце упустила...

Таинственныя силы природы, создавшія м-ра Бритлинга, вложили въ него упрямую увѣренность, что въ мірѣ есть человѣческое существо, которое можетъ удовлетворить всѣмъ его желаніямъ и потребностямъ. Ему представлялось, что существуетъ и неизвѣстно гдѣ поджидаетъ его нѣкое совершенство, которое принесетъ ему полноту пониманія и отвѣтнаго чувства, будетъ вторить всей гаммѣ его чувствъ и ощущеній, отъ самыхъ возвышенныхъ до чисто физическихъ, и создастъ столь преображающую красоту отношеній; само собой разумѣется, что это совершенство рисовалось ему въ образѣ женщины — тогда жизнь сдѣлается идеально прекрасной въ ихъ озареніи, но идеальная красота распространится и на него, и ничто больше не будетъ его терзать... Въ ея присутствіи ему не въ чемъ будетъ упрекать себя; не будетъ никакихъ промаховъ, никакихъ претткновеній. Будетъ только счастье и радость дѣятельной жизни...

Къ такой увѣренности склонна добрая половина людей съ живымъ воображеніемъ. Они не сомнѣваются въ уготовленной для нихъ идеальной любви, какъ не сомнѣвается верблюдъ, одолѣваемый жаждой, что на пути его встрѣтится источникъ, изъ котораго онъ напьется.

Увѣренность эта однако столь же безразсудна, какъ если бы верблюдъ питалъ надежду, что, напившись изъ источника, онъ никогда болѣе не будетъ ощущать жажды. М-ръ Бритлингъ обыкновенно не считался съ тѣмъ, что такая увѣренность живетъ въ его душѣ и боролся противъ вызываемыхъ ею влеченій. Но временами, въ особенности подъ вечеръ, или во время путешествій, или же отрываясь отъ чтенія книгъ, онъ настолько поддавался странному ожиданію чуда, что выбрасывалъ за бортъ якори юмора и самокритики и присоединялся къ великому странствующему братству Паломниковъ Любви.

Фактически — хотя самъ онъ и не производилъ подсчета — онъ свершилъ уже семь такихъ паломничествъ и теперь пустился въ путь въ восьмой разъ. Въ промежуткахъ между экскурсіями, которыя, выражаясь образно, увлекали его въ кругосвѣтныя плаванія, забрасывали его на тропики, оставляли его безъ руля и безъ вѣтрилъ на пустынныхъ моряхъ, ставили его въ самыя затруднительныя положенія, — наступали періоды проницательныхъ философскихъ размышленій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ умѣ м-ра Бритлинга назрѣвало подозрѣніе, что, вселивъ въ него его упрямую вѣру въ идеальную любовь, таинственныя силы природы быть можетъ, какъ говорится, водили его за носъ съ какой-нибудь чисто біологической цѣлью. Ему начинало казаться, что на свѣтѣ не бываетъ полнаго взаимнаго пониманія, что любить можно только одинъ разъ, а все дальнѣйшее — тщетное повтореніе, и что исканія Паломника Любви, если отнять у него волшебную силу его вѣры, самое жалкое или самое пошлое уклоненіе отъ вѣрнаго пути жизни. Но это подозрѣніе не доходило еще у него до полнаго отрицанія. Оно еще не было настолько сильнымъ чтобы удержать его — когда наступала пора бурныхъ приливовъ — отъ соблазна манящей морской зыби, отъ призывовъ рѣющихъ чаекъ. И въ настоящее время, подъ его внѣшнимъ оживленіемъ, открывавшимся взорамъ м-ра Дирека, скрывалось множество сложныхъ непріятностей, связанныхъ съ его послѣднимъ, восьмымъ любовнымъ похожденіемъ.

IV.

М-ръ Бритлингъ попалъ въ свою восьмую любовную исторію приблизительно такъ же, какъ утромъ попалъ въ канаву передъ тѣмъ, какъ сломать автомобиль. Онъ опять поступилъ слишкомъ необдуманно и неосмотрительно. И эта исторія принимала теперь совершенно нежелательное ему направленіе.

Его седьмая любовная исторія была довольно неудачная. Онъ, какъ говорится, „свалялъ дурака" съ совсѣмъ молоденькой дѣвушкой — такой молоденькой, что при одной мысли объ этомъ онъ краснѣлъ. Дѣло зашло, правда, не очень далеко, но его ночныя размышленія сдѣлались столь непріятными, что онъ — впрочемъ, уже не впервые — твердо рѣшилъ навсегда бросить мечты о любви. И когда миссисъ Харродинъ появилась на его горизонтѣ, то казалось, что у нея всѣ данныя, чтобы удержать его воображеніе отъ бѣды. Она побѣдила его лестью, доведенной почти до обожанія. Она была очень не глупой, остроумной и образованной молодой вдовушкой, писала совсѣмъ милыя критическія статьи для „Sorutator" и „Sectaritan", а иногда печатала стихи въ „Right Review". Она всегда была оживленна и весела и становилась, благодаря этому, любимицей всѣхъ, съ кѣмъ бы она ни знакомилась. Жила она всего въ двадцати миляхъ отъ Дауэръ-Хауза, въ прелестномъ собственномъ домикѣ, окруженномъ презабавнымъ крошечнымъ паркомъ.

Есть что-то въ произведеніяхъ и мысляхъ м-ра Бритлинга — говорила она ему, — что производитъ такое же впечатлѣніе, какъ горная прогулка. Она жаждетъ его общества, потому что хочетъ взбираться и бродить по вершинамъ и доламъ его мысли.

Онъ, конечно, отвѣтилъ, что духъ его не та ясная горная вершина, какой она его себѣ представляетъ, а если онъ похожъ на нее, то развѣ только тѣмъ, что одинокъ.

Она любила читать мемуары восемнадцатаго вѣка и дѣлилась съ нимъ своими впечатлѣніями. Направленіе ея мыслей было всецѣло въ духѣ дружбъ Руссо и Вольтера, и она легко и весело повела его по цвѣтистому пути интелектуальной связи. Она первая явилась по собственной инціативѣ въ Матчингсъ-Изи, гдѣ блеснула своей жизнерадостностью, веселіемъ, умомъ, глубокимъ интересомъ къ творчеству м-ра Бритлинга, и казалась полной противоположностью миссисъ Бритлингъ; затѣмъ они встрѣтились въ Лондонѣ, потомъ уѣхали вдвоемъ на день въ Ричмондъ, а еще черезъ нѣкоторое время онъ поѣхалъ къ ней погостить, захвативъ съ собой работу...

Затѣмъ она уѣхала надолго въ Шотландію; онъ сильно скучалъ по ней, краснорѣчиво умолялъ ее вернуться, и тогда выяснилось, и они открыто въ этомъ сознались, что они влюбились, — прекрасно, страстно влюбились другъ въ друга.

Переходы отъ горныхъ экскурсій по вершинамъ мыслей къ страстной близости были такъ стремительны, что каждая послѣдующая фаза затмевала цѣликомъ предыдущую; м-ръ Бритлингъ, самъ того не замѣчая, смущенный, озадаченный, увидалъ себя вдругъ переведеннымъ изъ роли горной цѣпи для прелестныхъ пилигримокъ — въ настойчиваго возлюбленнаго одной изъ самыхъ непостоянныхъ, сложныхъ и увлекательныхъ женщинъ. Правда, это совсѣмъ не соотвѣтствовало его представленію объ истинныхъ и подобающихъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, но у миссисъ Харродинъ была особенная манера пробуждать и вызывать въ немъ рыцарскіе порывы. Она заставляла его бѣгать по ея порученіямъ; она не выпрашивала, но властно требовала подарковъ, пріятныхъ сюрпризовъ, заботъ; она даже сумѣла возбудить въ немъ ревность. Отъ частыхъ отлучекъ изъ дому, всякихъ поѣздокъ, экскурсій, начала сильно страдать его работа. Все же у нихъ бывали чудесныя, яркія минуты вдвоемъ. „Надо полюбить, и тогда въ жизни все становится совершенно“ — вотъ какъ объяснилъ м-ръ Бритлингъ свою покорность. Кромѣ того, она была такая маленькая, хрупкая; малѣйшее прикосновеніе могло причинить ей боль, и тогда ея ясные голубые глаза наполнялись слезами.

Угроза слезъ иногда болѣе дѣйствительна, чѣмъ боязнь лишиться объятій.

И, кромѣ того, былъ еще Оливеръ...

Оливеръ былъ нѣкто, кого м-ръ Бритлингъ ни разу не видалъ, но, несмотря на это, Оливеръ какъ-то постепенно сталъ проникать въ общій порядокъ вещей. Онъ, чиновникъ въ Лондонѣ, былъ необычайно скученъ, — такъ увѣряла она, — и совсѣмъ не обладалъ ни обаяніемъ, ни умомъ м-ра Бритлинга; зато онъ былъ необычайно преданъ, нѣженъ и вѣренъ, и притомъ значительно моложе м-ра Бритлинга. Онъ ничего не требовалъ, только права любить. Предлагалъ ей руку и сердце, почетный бракъ. Когда сердце начинало ныть и невыносимо разрываться, можно было тихо и спокойно плакать на его терпѣливомъ, вѣрномъ плечѣ. Это терпѣливое плечо Оливера сдѣлалось, въ концѣ концовъ, самымъ ненавистнымъ соперникомъ м-ра Бритлинга.

Она любила дразнить его Оливеромъ. Она вообще любила дразнить его. Въ этой, въ общемъ вполнѣ нормальной, любовной исторіи проявлялся очень сильный антагонизмъ между двумя ея участниками. Миссисъ Харродинъ какъ-будто противилась, боролась противъ привлекательности м-ра Бритлинга, противъ радостей и пріятныхъ переживаній, которыя онъ ей доставлялъ. Ей инстинктивно хотѣлось, чтобы онъ платилъ за нее дорогой цѣной — временемъ, чувствами, униженіемъ собственнаго достоинства... Ее страшно, невыносимо злило, что онъ могъ такъ легко и радостно относиться къ ней. Это означало для нея, что онъ получаетъ ее за слишкомъ дешевую цѣну. И она рѣшила, что путь истинной любви — поскольку это будетъ отъ нея зависѣть — не долженъ быть легкимъ. М-ръ Бритлингъ, съ другой стороны, принадлежалъ къ школѣ вѣжливыхъ и счастливыхъ любовниковъ. Ему казалось непозволительнымъ спорить и противорѣчить любимому существу; и, вообще, процессъ любви, по его мнѣнію, долженъ быть чѣмъ-то пріятнымъ, уютнымъ и сопровождаться повышенно-добродушнымъ настроеніемъ и взаимнымъ ухаживаніемъ. Это легкомысліе сильно задѣвало самолюбіе миссисъ Харродинъ. И она стала проводить невыгодныя для м-ра Бритлинга параллели съ Оливеромъ. Если Оливеръ и не такъ привлекателенъ, зато у него нѣжное сердце. Онъ жаждетъ жертвы почти болѣе, чѣмъ радостей. Оливеръ — образцовый примѣръ любовныхъ страданій; онъ часто и много плачетъ. Она можетъ довести его до слезъ, когда угодно, — стоитъ только возбудить въ немъ надежду и потомъ разбить ее. А почему м-ръ Бритлингъ никогда не плачетъ? Вѣдь она тоже плачетъ.

Какая-то затаенная, низменная черта зависти, сидѣвшая въ натурѣ м-ра Бритлинга, мѣшала ему уступить миссисъ Харродинъ Оливеру. Кромѣ того, что бы онъ дѣлалъ тогда въ минуты скуки, въ пустые вечера, что бы онъ дѣлалъ со своею потребностью къ ярко и открыто выраженной ласкѣ?

И вотъ м-ръ Бритлингъ теперь упорно шагалъ по тропѣ своего восьмого любовнаго приключенія, изнемогая подъ тяжестью вѣчнаго рысканья по цвѣточнымъ и ювелирнымъ магазинамъ, въ поискахъ соотвѣтствующихъ презентовъ для своей дамы, преслѣдуемый невидимымъ и неутомимымъ Оливеромъ. Онъ становился противъ воли галантнымъ ухаживателемъ на манеръ профессіональныхъ любовниковъ изъ французскихъ романовъ — только во избѣжаніе слезъ и попрековъ: „Значитъ вы меня не любите! Все кончено! А я пожертвовала для васъ своей репутаціей. Какъ я глупа, что мечтала о красотѣ въ любви“...

Ему казалось при этомъ, точно онъ завязъ на своемъ автомобилѣ въ топкомъ болотѣ и не можетъ ни выбраться, ни проѣхать дальше. А тѣмъ временемъ работа и всѣ его дѣла не двигались съ мѣста...

Автомобиль былъ тоже однимъ изъ послѣдствій этой исторіи. Идея эта пришла въ голову миссисъ Харродинъ; она имѣла въ виду, главнымъ образомъ, пріятныя экскурсіи по гостепріимнымъ деревенскимъ гостиницамъ, гдѣ-нибудь въ глуши; но мысль о собственномъ автомобилѣ пріятно совпала съ тѣмъ недовольствомъ, какое испытывалъ самъ м-ръ Бритлингъ отъ плохихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній между Матчингсъ-Изи и ея станціей, Пайкрафтсъ: чтобы попасть въ Пайкрафтсъ, надо было проѣхать сперва въ Лондонъ, а потомъ долго ждать на другой узловой станціи.

А вотъ теперь автомобиль разбитъ вдребезги, какъ разъ, когда м-ръ Бритлингъ научился кое-какъ править имъ и могъ бы безъ позора проѣхать на немъ въ Пайкрафтсъ. Теперь же во вторникъ, или не позднѣе среды, ему придется поѣхать старымъ путемъ черезъ Лондонъ. Только самые поверхностные люди продолжаютъ считать въ наше время, что человѣкъ — разумное существо. Человѣкъ — существо неразумное, и потому понятно, что м-ръ Бритлингъ во время своего ночного самобичеванія такъ неразумно и такъ естественно связывалъ свое затаенное озлобленіе противъ миссисъ Харродинъ со своимъ несчастнымъ столкновеніемъ со стѣной въ Брандисмитъ - Паркѣ: напрасно онъ пріобрѣлъ автомобиль; напрасно онъ такъ поспѣшилъ поддаться любезностямъ миссисъ Харродинъ.

Его болѣе всего возстановляло противъ миссисъ Харродинъ ея отношеніе къ миссисъ Бритлингъ. Рѣшивъ вначалѣ, нѣсколько преждевременно, что м-ръ Бритлингъ относится совершенно равнодушно къ женѣ, миссисъ Харродинъ постепенно пришла къ обратному выводу, т. е. что, наоборотъ, онъ питаетъ къ женѣ особенную нѣжность. И это показалось ей вопіющей несправедливостью и измѣной по отношенію къ ней самой. Нѣсколько дней она молча таила въ себѣ обиду, затѣмъ удивила своего возлюбленнаго рядомъ сентенцій враждебнаго и сокрушительнаго свойства по отношенію къ хозяйкѣ Дауэръ-Хауза.

Онъ старался не слушать того, что она говорила, но миссисъ Харродинъ ловко владѣла перомъ и ловко умѣла излагать свои мысли. Когда ея мысли были всецѣло поглощены какимъ-нибудь вопросомъ, она умѣла развивать этотъ вопросъ

подробно въ полудюжинѣ блестящихъ писемъ... Съ другой стороны, она начала проявлять рѣзко усиливающуюся страсть къ м-ру Бритлингу, что заставляло его чувствовать себя передъ ней должникомъ, такъ какъ въ сущности онъ былъ человѣкъ весьма скромный. И вотъ онъ очутился въ тупикѣ.

Если бы она оставила въ покоѣ его жену, — все было бы хорошо. Онъ считалъ миссисъ Харродинъ премилымъ существомъ, — гораздо лучшимъ, чѣмъ онъ заслуживалъ. Она была такъ чутка, такъ охотно шла навстрѣчу и все такое. И была скромна и осторожна. Ей надо было думать о собственной репутаціи, а одна или двѣ изъ ея предшественницъ — упокой Господи пепелъ этихъ костровъ! — были далеко не столь скромны и осторожны.

Но нельзя же допустить, чтобы такого рода вещи творились за спиной Эдитъ! Можно допустить, что угодно, но только не писаніе всѣхъ этихъ отвратительныхъ гадостей про Эдитъ. Вѣдь ничто не можетъ измѣнить факта, что Эдитъ — это его честь...

V.

Въ теченіе всей недѣли м-ръ Бритлингъ старался не думать объ этомъ. Онъ написалъ миссисъ Харродинъ уклончивую записку: „Я обдумываю все то, что вы мнѣ сказали“, — и послѣ этого старался обо всемъ забыть. Или, вѣрнѣе, старался заставить себя все время думать о другомъ. Но теперь, въ часы ночного молчанія, все снова поднималось и завладѣвало его мыслями...

Въ какой хаосъ онъ превратилъ свои сердечныя переживанія! Было время, когда онъ вступилъ въ міръ страстей такъ же бодро и честно, какъ выѣхалъ на „Глэдисъ“, отправляясь въ Маркетъ-Саффронъ. Осложненія чувствъ совершенно не были въ его вкусѣ — какъ и канавы по пути. А теперь его страсти и его честь больше пострадали, чѣмъ несчастная, забрызганная грязью „Глэдисъ“, когда лошади выволокли ее изъ канавы. Ее можно отдать въ починку, — а онъ... Нужна цѣлая сѣть сложныхъ объясненій, чтобы возстановить его честь, но онъ не желаетъ унижаться до объясненій. Все же — фактъ хаоса налицо.

...Гдѣ-то далеко, какъ звѣзда въ концѣ длиннаго туннеля, мерцалъ печальный образъ его первой любви, чистой и ясной, какъ звѣздный лучъ. Ахъ, онъ долженъ былъ остаться честнымъ вдовцомъ.

...Потомъ въ его жизнь вошла Эдитъ — честная, безсознательно испортившая ему жизнь Эдитъ. И въ этомъ случаѣ ему слѣдовало помириться со своимъ разочарованіемъ. Онъ и мирился — девять дней изъ десяти. А десятый день и есть та минута соблазна, когда въ душѣ просыпается самоувѣренность — и при наличности сангвиническаго темперамента попадаешь съ разлета въ канаву.

Онъ сталъ перебирать каталогъ своихъ похожденій, и подробности его автомобильнаго приключенія стали перепутываться съ исторіей его увлеченій. Вотъ, напримѣръ, этотъ ужасъ съ Сиддонсъ. Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ дружбѣ съ молоденькой дѣвушкой. Что изъ этого вышло! Стоитъ вѣдь свернуть съ дороги, какъ все можетъ случиться, отъ поврежденнаго щитка до перевернутаго кузова, который сваливается на голову. А потомъ эта гонка по сорока миль въ часъ съ великой, талантливой Дельфиной Маркизъ, для которой онъ собирался написать пьесу, превратившись въ подобіе д'Аннунціо. Это длилось, пока не появилась Виллерсли — совершенно какъ тотъ мотоциклистъ, вылетѣвшій навстрѣчу ему съ такимъ шумомъ. Потомъ пошли непріятности, униженія... Неужели у всякаго человѣка такой переполненный каталогъ?

Неужели память каждаго сорокапятилѣтняго мужчины — темный туннель съ отступающей куда-то назадъ блѣдной звѣздою юности? Какъ жаль, что жизнь не кончается къ тридцати годамъ! Вѣдь жизнь приходитъ къ человѣку такой чистой и благоустроенной!

Нужно ли, и стоитъ ли пріобрѣтать опытъ? Къ чему онъ?

Какъ чистъ и прямъ духъ юности! Онъ похожъ на сверкающее новое копье. На тонкій и закаленный мечъ... И ему тотчасъ же представился образъ сына, глядящаго на міръ темными, ясными глазами своей матери. Онъ хрупкій отпрыскъ первой, цѣльной любви... Такой простой и прекрасной, и въ то же время такой тайной. Неужели и этому мальчику придется со временемъ заржавѣть, зазубриться... сморщиться?..

У мальчика сейчасъ какое-то горе, какая-то непріятность. Въ чемъ дѣло? Неужели и его терзаетъ нѣчто схожее съ тѣмъ, что запутало, запятнало и изранило гордость его отца?

И какъ можетъ онъ, м-ръ Бритлингъ, издерганный своими безразсудными умозаключеніями, смущенный осложненіями и умалчиваніями, помочь этому честному мальчику выпутаться изъ его затрудненій? Онъ сталъ представлять себѣ всевозможные случаи такихъ затрудненій... Отвратительные, некрасивые случаи... Такіе, какіе могло создать лишь ночное воображеніе...

М-ръ Бритлингъ вскочилъ и присѣлъ на постели, стуча по одѣялу кулаками. Онъ изрекалъ недоговоренные клятвы и обѣты... „Съ этого же дня... съ этого же часа...“

Онъ чувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать, предпринять. У него есть опытъ. Онъ можетъ предупредить... Объяснить... Можетъ быть, онъ даже сумѣетъ извлечь сына изъ бѣды, если дѣло зашло такъ далеко.

Не написать ли сыну письмо? И онъ сталъ обдумывать длинное тактическое посланіе. Но нѣтъ, это невозможно! Что если вдругъ затрудненіе его сына совсѣмъ другого рода? Нѣтъ, лучше написать письмо, составленное въ самыхъ общихъ выраженіяхъ...

Мысли м-ра Бритлинга имѣли свойство преломляться въ его мозгу, и отъ сожалѣній о своей безпомощности относительно сына онъ перешелъ къ мыслямъ о безпомощности всѣхъ родителей въ его поколѣніи и незамѣтно для себя сосредоточился на выводахъ общаго характера.

VI.

Въ своихъ бесѣдахъ съ м-ромъ Дирекомъ, м-ръ Бритлингъ представлялъ Англію какъ великую и добродушную страну беззаботности и халатности; но дѣйствительно ли она добродушна?.. Онъ вспомнилъ замѣчанія м-ра Дирека относительно амбара. Это правда, что амбаръ его уже не амбаръ, что на скотномъ дворѣ нѣтъ скота. Онъ запустилъ хозяйство, созданное для нуждъ минувшихъ временъ, и пользуется какъ расточительный наслѣдникъ богатствомъ трудолюбивыхъ предковъ. И не онъ одинъ такой избалованный, не пріученный къ строгой трудовой выдержкѣ. Его жизнь протекаетъ въ обществѣ такихъ же, какъ онъ, избалованныхъ людей, не признающихъ никакой дисциплины въ жизни... Вотъ, напримѣръ, эта проклятая ирландская исторія. При дневномъ свѣтѣ можно говорить о ней со смѣхомъ, но развѣ она только смѣшна? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ эта исторія принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. А если, дѣйствительно вспыхнетъ гражданская война въ Ирландіи? А если эти раздраженныя, преслѣдуемыя всѣми суффражистки вдругъ сдѣлаютъ что-нибудь отчаянное, непоправимое, убьютъ кого-нибудь, напримѣръ? Вѣдь эта бомба третьяго дня въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, могла же она убить цѣлую дюжину людей!

...А если скрыто-тлѣющее, враждебное отношеніе къ британскому господству въ Индіи и Египтѣ вдругъ раздуется неосторожностью администраціи въ яркое пламя?..

А если, наконецъ, Германія дѣйствительно захочетъ заварить кашу?

Обыкновенно м-ръ Бритлингъ старался не думать о Германіи. При дневномъ свѣтѣ онъ утверждалъ, что Германія ничѣмъ не угрожаетъ Англіи. Онъ ненавидѣлъ алармистовъ и всякія непріятныя перспективы. Онъ считалъ невѣроятной мысль, что цѣлый многочисленный народъ ждетъ только случая напасть на Англію! Зачѣмъ имъ это?.. Нельзя допустить, что семьдесятъ милліоновъ людей сойдутъ съ ума... Но во тьмѣ ночи нельзя такъ легко отдѣлаться отъ подобныхъ вопросовъ. А что если, въ концѣ концовъ, ихъ армія нѣчто большее, чѣмъ просто Wachtparad, ихъ флотъ — нѣчто большее, чѣмъ просто демонстрація?

Англію могутъ захватить врасплохъ... Только въ отчаянной тоскѣ ночныхъ минутъ м-ръ Бритлингъ могъ допускать такія возможности. И что же Англія будетъ тогда дѣлать? Какъ она отзовется на это?

Онъ вспомнилъ недавніе разговоры въ Клаверингсѣ и тѣ образчики англійскаго правительственнаго механизма, какіе ему случалось встрѣчать среди своихъ личныхъ знакомыхъ. Что если врагъ неожиданно нападетъ на насъ, развѣ защищать Англію будутъ такіе люди, какъ Рэбернъ и его друзья? Или, если произойдетъ смѣна министровъ и партій, — на ихъ мѣстахъ очутятся тори, эти злопамятные сторонники безсильныхъ тиранній и привилегированныхъ претензій? Нѣтъ, некому руководить страной въ Англіи! Ему это казалось безспорнымъ во всеосвѣщающей тьмѣ ночи. Ему представлялась картина пагубныхъ глупостей: лэди Фрэншамъ и ея друзья изъ „Морнингъ-Постъ" будутъ вести злостныя „патріотическія" рѣчи, пока не придутъ къ выводу, что истинные аристократы — это нѣмцы, и тогда будутъ настаивать на капитуляціи Англіи. Онъ зналъ, что въ британскомъ флотѣ ощущается сильный недостатокъ въ минахъ, что флотъ не снабженъ крупными мониторами, безъ которыхъ война съ Германіей немыслима; что въ управленіи морского министерства царятъ доктринерскія распри. А между тѣмъ, флотъ — единственная защита Англіи. Во всей странѣ можно съ трудомъ набрать весьма разнокалиберную армію, триста тысячъ человѣкъ, не больше. Кромѣ того, онъ не довѣрялъ вооруженію арміи, ея руководителямъ. Генералъ Френчъ, единственный человѣкъ, которому онъ вполнѣ довѣрялъ, принужденъ былъ недавно подать въ отставку изъ-за какого-то недоразумѣнія по ирландскому вопросу. Онъ не думалъ, что у англійскаго штаба есть какой-нибудь разработанный

планъ, на случай, если Германія навяжетъ Англіи войну; не вѣрилъ, чтобы англичане принимали мѣры предосторожности, обладали даромъ предвидѣнія...

Тѣ же упреки, какіе м-ръ Бритлингъ дѣлалъ сначала самому себѣ, онъ повторялъ теперь и по адресу Англіи. Даже странно было, до какой степени Дауэръ-Хаузъ игралъ роль микрокосма по отношенію ко всей великобританской имперіи...

И тутъ по ассоціаціи мыслей онъ вспомнилъ, что въ жилахъ его старшаго сына, по наслѣдству отъ матери, течетъ темная ирландская кровь.

Какъ англичане не сумѣли использовать Ирландію! Богатства ея, благородство и одаренность ея народа, возможность дружелюбнаго отношенія къ англичанамъ,—все это было отдано на растерзаніе ульстерскимъ политиканамъ и титулованнымъ представительницамъ консервативной политики,—точно такъ же, какъ отдали Индію во власть сплетницамъ, болтливымъ офицерскимъ женамъ и репрессивнымъ инстинктамъ правительственныхъ мандариновъ. Англичане слишкомъ лѣниво, слишкомъ „спустя рукава" относятся ко всему. Они проводятъ дни въ праздности, предоставляя всякое дѣло кому попало. Такое ли это неисправимое британское свойство,—какъ и неисправимое бритлинговское?

Не является ли благоденствіе обширной британской имперіи, прочность и благоустройство ея жизни—только результатомъ счастливой случайности? Онъ сотни разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ о своей родинѣ и о себѣ самомъ. Онъ былъ несомнѣнно удачникомъ въ жизни. Онъ достигъ обезпеченнаго, блестящаго положенія, едва только вступивъ въ средній возрастъ. Неужели въ этомъ не было его личной заслуги? Судьба дала англичанамъ отличное географическое положеніе на ихъ островѣ, закаляющій климатъ, минеральныя богатства,—но развѣ кромѣ того у нихъ не было національныхъ качествъ? М-ръ Бритлингъ вѣрилъ когда-то въ рыцарство своихъ соотечественниковъ, въ ихъ благородную неразсчетливость, не лишенную однако здраваго смысла. Послѣднія десять лѣтъ англійской политики возбудили въ немъ глубокія сомнѣнія въ этихъ качествахъ англичанъ, и прежняя вѣра окончательно исчезла... Самъ онъ обладалъ, конечно, нѣкоторой живостью и ловкостью ума, но профессура далась ему скорѣе благодаря удачѣ, а не активному труду; въ „Таймсъ" онъ попалъ почти по недоразумѣнію, а съ Каномъ, прославившимъ его въ Америкѣ, его познакомила одна герцогиня на званномъ обѣдѣ. Счастливый

случай доставлялъ ему все, что выдвинуло его въ жизни. Эти удачи къ тому же не побуждали его къ дальнѣйшимъ усиліямъ воли. Напротивъ того, жизнь его складывалась такъ легко, что у него выработалась философія бездѣйственности. Едва перешагнувъ за сорокъ лѣтъ, онъ доказывалъ міру — а за послѣдніе дни объяснялъ гостю изъ Америки, пока наконецъ не истощилось долготерпѣніе Господне и не случилась катастрофа, пресѣкшая его краснорѣчіе, — какъ великолѣпна отсталость Эссекса и халатность англійской жизни, и что благодушіе таинственнымъ образомъ освобождаетъ отъ всякихъ желаній и стремленій въ жизни. Чисто англійская тучная теорія. „Пенчъ“ проповѣдуетъ ее уже сорокъ лѣтъ.

Но онъ не всегда былъ такимъ! Онъ вспомнилъ пылкость и горячность своихъ юношескихъ стремленій, когда ясно мерцала еще чистая звѣзда юности... Онъ былъ тогда такимъ, каковъ теперь Гю...

Въ тѣ дни онъ еще не разработалъ свою благодушную, удобную философію компромисса. Онъ не раболѣпствовалъ передъ „прирученнымъ Богомъ“, а говорилъ о „безжалостной правдѣ“; онъ не терпѣлъ никакой халатной псевдоаристократической соціальной системы, а мечталъ о такой демократіи, которой еще міръ не видывалъ. Съ такими мечтами началъ онъ жизнь, и отблески ихъ пламени, быть можетъ, и способствовали его быстро достигнутому успѣху... А потомъ умерла жена, онъ женился вторично и сталъ болѣе интересоваться своими доходами. Много творческой энергіи ушло на его первый любовный опытъ, доставшійся ему дорогой цѣной. Много силъ отняла и вторая любовь; потомъ пошли ссоры и недоразумѣнія, и онъ какъ-то сбился съ пути... Онъ не могъ сказать, что жизнь его не удалась... Наоборотъ, среди сверстниковъ онъ считался удачникомъ. Но онъ одинъ, въ эти долгія ночныя бдѣнія, могъ по-настоящему оцѣнить качество своего успѣха. Онъ пользовался широкой, почетной извѣстностью; онъ преуспѣвалъ съ каждымъ днемъ. Многое къ нему пришло — о, да! — благодаря какому-то таинственному счастью, но все было обречено на гибель, благодаря его непреодолимымъ, непобѣдимымъ недостаткамъ. Подъ привлекательной, прекрасной, вызывающей зависть въ окружающихъ внѣшностью зіяла пустота... Пустота! опустошеніе! безцѣльно растраченныя силы!.. его сердце, фантазія, умъ, жена, сынъ, родина, автомобиль...

И тутъ въ умѣ вспыхнула послѣдняя соломинка непріятной дѣйствительности...

Онъ еще не застраховалъ своего автомобиля! А вѣдь собирался, и сколько времени бумаги лежали на письменномъ столѣ!..

VII.

Въ эти черныя ночи, когда мысли м-ра Бритлинга заняты были самообличеніемъ, а объективный разумъ его сокрушался о плачевномъ состояніи міра, работа, происходившая въ его мозгу во время безсонницы, уподоблялась сложной симфоніи, разыгранной большимъ оркестромъ, причемъ органъ скорбѣлъ о печальныхъ судьбахъ британскаго народа, флейта изливала затаенныя муки, связанныя съ миссисъ Харродинъ; турецкій барабанъ металъ громы на ирландскихъ политикановъ, а всѣ скрипки грустили объ умственномъ застоѣ вселенной. Тѣмъ временемъ трубы пророчили войны и бѣдствія, тарелки врывались съ визгомъ, напоминая о незастрахованномъ автомобилѣ, а треугольникъ сыгралъ жалобное соло на тему о сломанномъ заборѣ. М-ръ Бритлингъ всегда забывалъ объ этомъ обстоятельствѣ въ теченіе дня, а коровы съ церковнаго участка пробирались черезъ заборъ въ садъ и опустошали гряды гвоздикъ, взрощенныхъ миссисъ Бритлингъ.

Сколько разъ онъ собирался приказать, чтобы...

Но органный мотивъ властно восторжествовалъ надъ всѣми голосами. Второстепенныя темы потонули въ его звукахъ. М-ръ Бритлингъ отвлекся отъ своей роли неумѣлаго автомобилиста и весь превратился въ обнаженную душу, которая сражается среди времени и пространства съ исполинскими вопросами. Эти космическія тревоги, быть можетъ, послѣдняя кара за безвѣріе. Правъ ли Гексли, и все человѣчество, какъ самъ м-ръ Бритлингъ, легкомысленное, капризное созданіе, играющее трагическую, безнадежную игру — слишкомъ мало размышляя и слишкомъ быстро дѣлая ходы — противъ безпощаднаго противника? Или жизнь просто безсмысленна, случайнымъ образомъ жестока — но не таитъ въ себѣ злого умысла? А, можетъ быть, она, напротивъ того, мудрая и сознательно отказывается баловать насъ? Есть ли гдѣ-то въ безграничности какое-нибудь отвѣтное милосердіе, какая-нибудь слабая надежда на прощеніе и помощь, — нѣчто, сочувствующее намъ въ борьбѣ противъ смерти и механической жестокости? Если есть, то оно несомнѣнно отказываетъ намъ въ баловствѣ... Но если законъ жизни — жестокость, то, быть можетъ, жестокость эта не сознательная и не намѣренная? Нельзя представить себѣ, что вершитель судебъ дьяволъ; и это было бы нелѣпо. Значитъ, въ

худшемъ случаѣ основа жизни неодухотворенная; но вѣдь у насъ самихъ есть наша жалкая воля и нашъ жалкій разумъ, который мы можемъ противопоставить отсутствію разума въ вселенной. А въ такомъ случаѣ, очевидно, благо жизни, смыслъ всякой сознательной жизни заключается въ воспитаніи воли и ума.

А что онъ сдѣлалъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ — несмотря на всѣ его лекціи и писанія, — что сдѣлалъ онъ для того, чтобы укрѣпить волю и закалить мысль — эти вѣрныя орудія противъ тьмы? Онъ готовъ былъ обвинять другихъ: профессоровъ, приватъ-доцентовъ, политическихъ дѣятелей, общественную апатію, — но что же дѣлалъ и дѣлаетъ онъ самъ?

Что онъ дѣлаетъ теперь?

Лежитъ въ постели...

А сынъ его идетъ къ гибели, родина летитъ къ чорту, домъ превратился въ лазаретъ для людей, искалѣченныхъ благодаря его неосторожности, сельскія дороги запружены его сломанными (и незастрахованными) автомобилями, коровы навѣрное въ эту же самую минуту выстроились у его изгородей и жуютъ гвоздики Эдитъ; его бумажникъ и письменный столъ набиты ядовитыми выпадами противъ его жены, а онъ?.. онъ спокойно лежитъ въ постели...

М-ръ Бритлингъ сбросилъ съ себя одѣяло и сталъ ощупью искать спички на ночномъ столикѣ.

Нужно сказать, что уже не въ первый разъ мозгъ его вдругъ превращался ночью въ какой-то зудящій, гудящій мучительный потокъ, заключенный въ черепъ. Противъ этого въ домѣ были заботливо приняты мѣры на случай повторенія такихъ настроеній. У ногъ его, на постели висѣли легкія теплыя фланелевыя „пиджамы", а на коврикѣ стояла пара высокихъ, до икръ, ночныхъ туфель изъ того же матеріала. Защищенный такимъ образомъ отъ ночного холода, м-ръ Бритлингъ занялся приготовленіемъ чая. У камина, на полу, стояла керосинка „Примусъ", и на ней ярко вычищенный мѣдный котелокъ, наполненный водой. Тутъ же на маленькомъ столикѣ стояла чайница, чайникъ, лимонъ и стаканъ. М-ръ Бритлингъ зажегъ керосинку и направился къ письменному столу. Онъ намѣревался написать „Нѣсколько простыхъ и ясныхъ словъ объ Ирландіи". Онъ зажегъ лампу и сталъ обдумывать статью, пока булькан іе кипящей воды не вернуло его къ процессу завариванія чая.

Онъ вернулся къ столу со стаканомъ, мѣшая ложечкой сахаръ и лимонъ. Да, онъ сейчасъ разъяснитъ въ ясныхъ,

толковыхъ словахъ весь ирландскій вопросъ! Онъ выложитъ и представитъ факты такъ ярко, что всѣ эти безумныя распри должны будутъ прекратиться. Надо написать все въ строгомъ тонѣ, съ оттѣнкомъ иронической прямолинейности! Онъ не долженъ позволить себѣ ни полемики, ни брани, ни выпадовъ, — только глубокую страстность здраваго смысла.

Стоитъ ли печалиться о сломанномъ автомобилѣ?

Онъ сталъ пить чай маленькими глотками и сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ на блокнотѣ. Лицо его, въ освѣщеніи лампы, защищенной абажуромъ, потеряло прежнее выраженіе разсѣянности, и пальцы его крѣпко сжимали любимое самопишущее перо...

VIII.

На слѣдующее утро м-ръ Бритлингъ сошелъ къ м-ру Диреку. Онъ былъ весь розовый отъ утренней ванны въ своемъ яркомъ сине-зеленомъ халатѣ, чисто выбритый, и на лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ отъ ночного бдѣнія. Въ ванной онъ весело что-то насвистывалъ.

— Ну, какъ вы провели ночь? — спросилъ онъ. — Молодецъ! Я тоже хорошо спалъ. А рука не болѣла? Не ныла?

— Мнѣ показалось, что вы ночью разговаривали и ходили по комнатѣ, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Я всталъ среди ночи и работалъ. Я это часто дѣлаю. Надѣюсь, я васъ не обезпокоилъ?.. Я работалъ часокъ-другой... Ночью такъ спокойно и тихо, такъ хорошо пишется.

Онъ подошелъ къ окну и щурясь сталъ глядѣть въ садъ. Его два младшихъ сына возвращались на велосипедахъ съ утренней прогулки. Онъ помахалъ имъ рукой. Было настоящее лѣтнее утро, одно изъ тѣхъ, когда разжиженный туманъ какъ-будто наполняетъ весь воздухъ солнечной пылью...

— Это самая солнечная комната во всемъ домѣ, — сказалъ онъ, — она выходитъ на юго-востокъ...

Солнце ударило десятками золотыхъ копій въ листву синяго кедра за окномъ.

— Мнѣ ночью пришла въ голову мысль написать довольно полезный памфлетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Я вспомнилъ о вашемъ багажѣ, который остался въ Лондонѣ въ гостиницѣ, — продолжалъ онъ, поворачиваясь опять къ гостю. — Напишите, чтобы вамъ его переслали сюда... Мы не отпустимъ васъ, пока ваша рука не заживетъ какъ слѣдуетъ... Вы слышите?

М-ръ Дирекъ не слышалъ никакихъ опредѣленныхъ звуковъ.

— Я говорю о запахѣ поджареннаго сала, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Это рожокъ, возвѣщающій въ каждомъ семейномъ домѣ въ Англіи о наступленіи утра. Хотите къ завтраку ломтикъ сала и кофе?... Пріятно поработать ночью, и еще пріятнѣе проснуться утромъ, — добавилъ онъ потирая руки. — Я, должно быть, написалъ около двухъ тысячъ словъ. Ночью такъ тихо, что легко сосредоточиваешься. Теперь я позавтракаю и снова засяду за работу.

ГЛАВА V.

Наступленіе „дня“.

I.

Весьма характерно для состоянія умовъ въ Англіи лѣтомъ 1914 года то, что м-ръ Бритлингъ былъ поглощенъ и взволнованъ ирландскимъ конфликтомъ и почти не думалъ и не безпокоился о возможности войны съ Германіей.

Усиленное вооруженіе Германіи, ея враждебность, упорное и настойчивое самоутвержденіе, принимающее міровые размѣры столкновеніе германскихъ и британскихъ интересовъ, — все это были факты, укрѣплявшіеся въ сознаніи англичанъ вотъ уже болѣе четверти вѣка. Цѣлое поколѣніе родилось и выросло подъ угрозой войны съ Германіей. Но вѣдь угроза, которая длится слишкомъ долго, перестаетъ пугать, и эта нависшая надъ Англіей черная туча сдѣлалась просто установившимся, мало кого волнующимъ явленіемъ британской жизни. Она только поддерживала дѣятельность англійскаго флота и безпокойство полковника Рендеву, она побуждала небольшую и не очень вліятельную часть прессы къ ряду напоминаній, весьма раздражавшихъ м-ра Бритлинга. Онъ твердо вѣрилъ, что это — мина которая никогда не взорвется, лавина, которая никогда не рухнетъ. Это была глупость, язва, которая заставляла Европу безпрестанно заниматься парадами, обученіемъ солдатъ и тратить огромныя суммы на неизбѣжныя приготовленія; она все задерживала, все останавливала, какъ шумный споръ въ гостиной; но чтобы человѣческая слабость или безуміе дали когда-нибудь взорваться этой минѣ — онъ не вѣрилъ! Онъ

былъ во Франціи въ 1911 году, видѣлъ, какъ близокъ былъ тогда конфликтъ, но самый фактъ, что въ концѣ концовъ конфликта не произошло, сильно укрѣпилъ его увѣренность въ томъ, что, въ сущности, Германія еще не потеряла головы, и ея милитаризмъ — просто блёфъ.

А вотъ ирландскій вопросъ — дѣло совсѣмъ другое! Онъ дѣйствительно требовалъ энергичныхъ немедленныхъ мѣръ. Нѣсколько упрямыхъ людей, занимающихъ отвѣтственныя мѣста, явно доводили недовольство до крайнихъ предѣловъ.

Онъ писалъ все утро, и по мѣрѣ того, какъ шло время, разсудительное спокойствіе его вступительныхъ фразъ постепенно перешло въ прискорбную рѣзкость выраженій по адресу англійскихъ политическихъ дѣятелей, политиканствующихъ дамъ и англійской бульварной прессы...

Къ ленчу м-ръ Бритлингъ явился уставшій, совершенно разбитый и былъ очень удрученъ рядомъ вопросовъ, которыми его сталъ забрасывать Herr Heinrich. У этого человѣка была неисправимая черта — задавать вопросы. Большая часть его разговоровъ неизмѣнно принимала форму вопросовъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ утверждалъ, что для того, чтобы хорошо говорить по-нѣмецки, нужно непремѣнно говорить очень громко. Онъ всегда начиналъ свои разспросы со словъ: „Скажите, пожалуйста“, и упорно приписывалъ м-ру Бритлингу всезнаніе, проявлять которое было весьма тягостно послѣ долгихъ часовъ возбужденнаго литературнаго труда. На этотъ разъ онъ воспользовался нѣкоторымъ перерывомъ въ заботливыхъ разспросахъ и привѣтахъ, коими было встрѣчено появленіе м-ра Дирека, — какъ оказалось, м-ръ Дирекъ настолько мало пострадалъ отъ своего приключенія, что съ помощью услужливаго Тэдди смогъ встать, одѣться и спуститься къ завтраку, — чтобы попытаться разъяснить вопросы, поглощавшіе его вниманіе и мысли въ ущербъ утреннимъ занятіямъ съ младшими Бритлингами.

— Скажите, пожалуйста!.. — началъ онъ, принимая еще болѣе густой розовый оттѣнокъ и полуоборачиваясь къ м-ру Бритлингу.

Въ глазахъ м-ра Бритлинга отразилось выраженіе не то покорности, не то отчаянія.

— Слушаю, — сказалъ онъ.

— Какъ вы думаете, мнѣ кажется, лучше будетъ, если я не возьму билетъ на конгрессъ эсперантистовъ въ Булони? По-моему, очень возможно, что Австрія объявитъ войну Сербіи, и тогда Россія можетъ объявить войну Австріи...

— Это можетъ случиться, но я считаю это маловѣроятнымъ.

— А если Россія объявитъ войну Австріи, то Германія объявитъ войну Россіи, неправда ли?

— Не думаю, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — такъ какъ это въ свою очередь впутаетъ и Францію...

— Я поэтому и спрашиваю. Если Германія будетъ воевать съ Франціей, мнѣ придется ѣхать въ Германію на мобилизацію. Это будетъ чрезвычайно непріятно и неудобно...

— Я не представляю себѣ, чтобы Германія рѣшилась на такой безумный шагъ, какъ объявленіе войны Россіи. Вѣдь это вызвало бы вмѣшательство не только Франціи, но и Англіи.

— Англіи?

— Разумѣется. Мы не можемъ допустить пораженіе Франціи. Это ясно, какъ Божій день. Такъ ясно, что это... просто не можетъ случиться... не можетъ... Если только Германія не желаетъ всемірной войны...

— Благодарю васъ, — сказалъ Herr Heinrich скорѣе послушнымъ, чѣмъ успокоеннымъ тономъ.

— Я полагаю, — вставилъ м-ръ Дирекъ послѣ паузы, — что въ Германіи, навѣрное, и нѣтъ теперь вліятельной партіи, желающей войну. Вотъ развѣ молодой кронпринцъ...

— Его держатъ тамъ въ ежовыхъ рукавицахъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. — Ему не даютъ распускаться... Я раньше тоже вѣрилъ въ германскую опасность, — продолжалъ онъ, — но я сталъ все больше и больше вѣрить въ основной здравый смыслъ германскаго народа и, если хотите, въ здравый смыслъ самого кайзера. Онъ, — если Herr Heinrich позволитъ мнѣ сослаться на нѣмецкіе же сатирическіе журналы, — иногда немного театраленъ, иногда слишкомъ эгоистиченъ, но и онъ, въ своей оперной, крикливой манерѣ, тоже желаетъ мира... Я убѣжденъ, что онъ желаетъ мира...

II.

Послѣ ленча всѣ усѣлись за круглымъ столомъ подъ кедрами въ саду. Сисели сидѣла рядомъ съ м-ромъ Дирекомъ, разспрашивала его о подробностяхъ его автомобильнаго приключенія, а потомъ онъ разсказывалъ ей о томъ, какъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ Адарондакскихъ горахъ въ Америкѣ, и о своей страсти къ путешествіямъ. Она ему сказала, что ей тоже очень хотѣлось бы путешествовать. Онъ сообщилъ ей,

что, какъ только поправится, поѣдетъ въ Парижъ и Германію. Его сильно интересовала Германія и ея пресловутый милитаризмъ. Ему куда больше хотѣлось изучить Германію, чѣмъ Италію, которая, по его мнѣнію, была какимъ-то сплошнымъ искусствомъ и древней исторіей. Его больше занимали вопросы современности. Но, конечно, попавъ въ Европу, онъ долженъ побывать и въ Италіи... Но тутъ ихъ бесѣда прервалась и произошло общее волненіе, потому что Herr Heinrich потерялъ свою бѣлку.

Онъ прибѣжалъ изъ дому въ садъ и былъ такъ разстроенъ, что забылъ надѣть шляпу. Онъ былъ глубоко взволнованъ и весь розовый.

— Что же будетъ со мной безъ нея? — кричалъ онъ. — Она пропала!

М-ру Диреку сообщили, что бѣлку эту купила нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ миссисъ Бритлингъ для мальчиковъ; ей дали кличку „Билль"; всѣ съ ней долго носились, потомъ забыли о ней, пока Herr Heinrich не взялъ ее подъ свое покровительство. Она заняла въ его любвеобильномъ сердцѣ мѣсто, которое оставалось незаполненнымъ среди семьи Бритлинговъ, не склонныхъ пылко проявлять свои чувства. Herr Heinrich почти совершенно забросилъ свои занятія филологіей, отдавшись обожанію граціознаго, подвижного звѣрька. Онъ отнесъ бѣлку къ себѣ въ комнату, и она бѣгала на свободѣ, позволяя себѣ всякаго рода вольности по отношенію къ самому Herr Heinrich'у и его комнатѣ. Это былъ чрезвычайно смѣлый и дикій звѣрекъ, но Herr Heinrich твердо рѣшилъ во что бы то ни стало установить съ „Биллемъ" сердечныя отношенія. Онъ вѣрилъ, что въ концѣ концовъ „Билль" позволитъ себя гладить и что онъ заставитъ „Билля" полюбить и понимать его. А пока „Билль" восхищалъ его несмотря на свою дикость. Онъ былъ очень занятный. Его переднія лапки были похожи на руки — длинныя и узкія, какъ у музыканта. „Онъ былъ бы музыкантомъ, — говорилъ Herr Heinrich, — если бы только научить его раздвигать пальцы. Онъ вѣдь слушаетъ, когда я играю на скрипкѣ. Очень внимательно слушаетъ".

Весь домъ занятъ былъ покушеніями Herr Heinrich'а на дружбу Билля. Съ особымъ интересомъ всѣ наблюдали за пальцами Herr Heinrich'а, такъ какъ на нихъ Билль срывалъ обыкновенно свое неудовольствіе.

И вотъ теперь Билль исчезъ, и Herr Heinrich почти готовъ былъ плакать. Это было такой неблагодарностью со стороны Билля. Не предупредивъ его...

— Прислуга всегда оставляетъ мое окно открытымъ, — жаловался онъ м-ру Диреку. — Сколько разъ я ихъ просилъ этого не дѣлать. А Билль, конечно, не понималъ. Онъ вылѣзъ въ окно и спустился по плющу. Съ нимъ, можетъ быть, приключилось какое-нибудь несчастіе! Онъ не привыкъ гулять одинъ! Онъ еще слишкомъ молодъ...

— Можетъ быть, если я позову его?!..

И онъ побѣжалъ назадъ въ домъ и обошелъ его сверху до низу, крича:

— Би... ли!.. Би... или!.. Вотъ орѣшекъ!.. Би... или!.. Вотъ орѣшекъ!.. Би... или!..

— Прямо трагедія! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Мнѣ даже захотѣлось встать и помочь ему искать этого Билли...

Всѣ кругомъ занялись поисками. Даже садовникъ и его мальчикъ бросили работу и начали обыскивать верхушки деревьевъ.

— Онъ слишкомъ молодъ, — сказалъ Herr Heinrich, снова возвращаясь въ садъ, и потомъ прибавилъ: — я увѣренъ, если-бъ онъ услыхалъ мой голосъ, онъ показался бы...

Но онъ не показывался...

Судя по всему, Herr Heinrich опасался, что Билль погибъ.

За ужиномъ Билль былъ единственной темой разговора, и всѣ выражали свое сочувствіе.

Когда же м-ръ Бритлингъ отправился спать послѣ длинной бесѣды съ м-ромъ Лоренсомъ Карминомъ о Брамо-Самаяхъ и современномъ развитіи индусской мысли вообще, — бѣлка все еще не отыскалась.

Почтенный мыслитель медленно раздѣлся, потушилъ свѣчу и полѣзъ въ постель. Все еще сосредоточенно размышляя о богѣ Тагоровъ, онъ сунулъ, по заведенной привычкѣ, свою правую руку подъ подушку и коснулся чего-то мягкаго, теплаго и, видимо, живого. Онъ выскочилъ пулей изъ постели, зажегъ свѣчу и осторожно приподнялъ подушку.

И открылъ весьма помятаго и недовольнаго Билля.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ происходила упорная и молчаливая борьба, пока Билль не былъ захваченъ въ плѣнъ. Билль злобно шипѣлъ и дважды укусилъ м-ра Бритлинга. Но м-ръ Бритлингъ, наконецъ, очутился въ коридорѣ, крѣпко сжимая въ рукѣ комокъ извивающагося мѣха, и ощупью пробирался въ темнотѣ по направленію къ двери Herr Heinrich'а. Онъ тихонько пріотворилъ ее.

Испуганная фигура въ бѣломъ подскочила на постели.

— Билль, — сказалъ м-ръ Бритлингъ вмѣсто объясненій, уронилъ своего плѣнника на коверъ и закрылъ дверь.

III.

Вскорѣ наступилъ день, когда м-ръ Бритлингъ долженъ былъ мысленно, до мельчайшихъ подробностей, перебрать всю исторію этого яснаго солнечнаго іюля, стараясь прослѣдить истинную послѣдовательность событій, поведшихъ отъ сенсаціоннаго сараевскаго преступленія къ вступленію Европы въ міровую войну. Съ одной стороны, эту послѣдовательность, какъ-будто, и нельзя было прослѣдить; съ другой — она была такъ очевидна, что онъ удивлялся, какъ человѣчество проглядѣло приближеніе несчастія. Голые факты говорили за то, что не было никакой прямой связи между сараевскими убійствами и войной; вѣдь на цѣлыхъ двѣ недѣли человѣчество совершенно почти забыло о сараевскомъ событіи, газеты перестали о немъ писать, о немъ перестали говорить; потомъ вдругъ снова вспомнили и использовали его какъ поводъ для войны. Германія, уставшая отъ долгаго ожиданія, внимательно слѣдившая за событіями, рѣшила, что наступилъ благопріятный для нея моментъ и выкопала изъ могилы убитаго эрцгерцога, чтобы использовать его для своихъ цѣлей.

Возможно, что воинственно настроенному германскому патріоту въ эту минуту показалось, что всѣ предполагаемые враги Германіи заняты внутренними своими дѣлами, разъединены, находятся въ состояніи крайней растерянности и безсилія. Британскіе острова, какъ-будто, упорно шли къ гражданской войнѣ. На угрозу отвѣчали угрозой; одинъ не знающій мѣры дуракъ вступилъ въ соревнованіе съ другимъ, не знающимъ мѣры дуракомъ; на радость и восхищеніе міру, ирландскіе „національные добровольцы“ вооружились противъ ульстерцевъ; все шло и развивалось съ какой-то механической точностью, отъ парадовъ и митинговъ къ злосчастной выгрузкѣ оружія въ Хаутѣ и первому кровопролитію на улицахъ Дублина. Это несчастное столкновеніе, по всей вѣроятности, больше, чѣмъ что-нибудь другое, укрѣпило Германію въ ея рѣшеніи. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: заварившіе ирландскую кашу дали послѣдній и окончательный толчокъ европейской войнѣ. По самой Англіи пронеслась лѣтняя лихорадка забастовокъ. Ливерпульскій портъ бездѣйствовалъ вслѣдствіе забастовки портовыхъ рабочихъ; сельскіе работники восточной Англіи тоже возстали; а строительный промыселъ во всей странѣ былъ наканунѣ локаута. Россія, казалось, вступила въ критическую полосу соціальной революціи. Отъ Баку до Петербурга происходили въ городахъ безпорядки, а 10 — 23 іюля, въ самый день

австрійскаго ультиматума, казаки разгоняли толпы забастовщиковъ на улицѣ русской столицы. Лондонская биржа была въ состояніи панической дезорганизаціи, вслѣдствіе какой-то таинственной махинаціи, наводнявшей рынокъ цѣнностями изъ-за границы. А Франція... Франція какъ-будто про все въ мірѣ забыла, поглощенная скандальными разоблаченіями и открытіями, вызванными дѣломъ Кайо, судомъ надъ женой бывшаго французскаго премьера, обвиняемой въ убійствѣ журналиста-шантажиста. При наличности столь пикантнаго зрѣлища у Франціи какъ-будто не было ни времени, ни вниманія для разоблаченій Эмбера, докладчика военной комиссіи, заявлявшаго, что французской артиллеріи не хватало снарядовъ, а ея пѣхота обута въ сапоги, „которымъ тридцать лѣтъ", да и этихъ недостаточно.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось м-ру Бритлингу положеніе вещей. Можно ли удивляться, если германскому уму показалось, что насталъ моментъ для побѣдоноснаго утвержденія германскаго господства надъ міромъ? За день или два до стрѣльбы на улицахъ Дублина ультиматумомъ, составленнымъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ и предъявленнымъ Австріей Сербіи, снова было вытащено на первый планъ европейскихъ событій сараевское убійство. Съ минуты предъявленія этого ультиматума открылась широкая дорога къ катастрофѣ. Въ теченіе недѣли Европа была поглощена процедурой, которая, въ сущности, сводилась лишь къ повторенію заранѣе приготовленной формулы. Австріи нельзя было взять назадъ свои ничѣмъ не вызванныя угрозы, не признавъ себя разбитой и неправой; Россія не могла отказаться отъ поддержки Сербіи, не покрывъ себя позоромъ; Германія тайно поддерживала и подталкивала Австрію; Франція была связана съ Россіей долгими узами взаимныхъ обязательствъ; Англіи же нельзя было спокойно смотрѣть, какъ будетъ уничтожаться Франція и усиливаться крикливый и угрожающій соперникъ. Можетъ быть, Германія разсчитывала на то, что Россія уступитъ ей, можетъ быть, она разсчитывала на нерѣшительность и на внутреннія, пустяковыя, осложненія въ Англіи; обѣ эти возможности несомнѣнно принимались въ разсчетъ, но главнымъ образомъ, конечно, Германія разсчитывала на войну; и такъ какъ ни одна страна въ мірѣ никогда не была такъ хорошо, во всѣхъ отношеніяхъ, подготовлена для войны, какъ она, — несомнѣнно разсчитывала и на побѣду.

„Германія". Такъ принято писать о цѣлыхъ народахъ, какъ-будто они обладаютъ единымъ разумомъ и стремятся къ единой цѣли. Но, въ дѣйствительности, въ ту ночь, когда м-ру Бритлингу не спалось и онъ лежалъ и думалъ о своемъ

сынѣ, о лэди Фрэншамъ, о сломанномъ автомобилѣ, о скверной привычкѣ миссисъ Харродинъ писать ругательныя письма, о Богѣ, о злѣ и тысячѣ другихъ сложныхъ вещей, — несомнѣнно, въ это же время работало еще множество мозговъ, тоже лежащихъ въ постели, или сидящихъ въ кабинетахъ, или бодрствующихъ въ караульныхъ помѣщеніяхъ, или болтающихъ въ кафе, или шагающихъ по мостикамъ броненосцевъ, или одиноко бродящихъ по улицамъ города, думая о той огромной возможности, которую открыло сараевское преступленіе, и о положеніи міра въ связи съ этой возможностью.

Большинство женщинъ не обращали вниманія на то, что происходило, а среди мужчинъ едва ли кто-либо изъ тѣхъ, которые бросили эту угрозу міру и втянули судьбы народовъ въ войну, обладалъ достаточной силой воображенія, чтобы представить себѣ, на что онъ идетъ. Мы заглянули на часокъ въ кипящій мозгъ м-ра Бритлинга и видѣли, сколько въ немъ сплелось нитей, противорѣчій и нелогичныхъ перескакиваній съ одной мысли на другую. Состояніе м-ра Бритлинга — лишь образчикъ того, что происходило въ мысляхъ всѣхъ людей. Въ мозгу почти каждаго изъ немногихъ избранниковъ, которые участвовали въ рѣшеніи судебъ міра, многое опредѣлялось личными мотивами, безразсудными и мелкими побужденіями и слабостями. Одинъ человѣкъ говорилъ одно, потому что если бы онъ сказалъ другое, то это противорѣчило бы тому, что онъ сказалъ или напечаталъ нѣсколько дней тому назадъ; другой дѣйствовалъ опредѣленнымъ образомъ потому, что зналъ, что этимъ онъ поставитъ въ безвыходное положеніе своего соперника. Любопытное получилось бы зрѣлище, если бы возможно было возстановить и раскрыть теперь состояніе духа двухъ людей: германскаго кайзера и его старшаго сына, когда Европа склонялась къ уготовленному ей року въ длинные дни и душныя ночи того знаменательнаго іюля. Передъ ними открывалось то, къ чему они такъ хвастливо готовились почти всю жизнь. Отъ нихъ зависѣло воспользоваться представившимся случаемъ или упустить его. Имъ — этому императору съ наклонностями журналиста и съ парализованной рукой, а также его хитрому, грубому, похотливому сыну, — открывалась возможность выдвинуться навѣки въ передовые ряды исторіи. Нельзя допустить, что они не мечтали о всемірной славѣ, о тріумфальныхъ шествіяхъ, о міровомъ престолѣ, который затмитъ величіе Цезаря, о богоподобномъ могуществѣ, о роли божественнаго Цезаря при жизни. Вѣрные себѣ, они навѣрное думали о публикѣ, передъ которой будутъ красоваться. Младшій изъ нихъ — очень

мелкая въ сущности натура — представлялъ себѣ, слѣдуетъ полагать, среди зрителей нѣкоторыхъ женщинъ, нѣкоторыхъ посрамленныхъ и изумленныхъ пріятелей и думалъ также о томъ, какъ онъ будетъ одѣтъ и какіе будетъ дѣлать жесты. Его англійскіе кузены прозвали его „Бѣлымъ Кроликомъ“. Онъ былъ опорой военной партіи при дворѣ, а вскорѣ послѣ того сталъ красть произведенія искусства. Это поможетъ потомству разобраться въ цѣнностяхъ, установившихся въ 1914 году. А германскіе генералы, адмиралы и стратеги съ ихъ великолѣпными, точно разработанными планами, столь твердо вѣрившіе въ побѣду, — навѣрное тоже предавались каждый въ отдѣльности мечтамъ о своемъ личномъ успѣхѣ, воображеніе каждаго рисовало своихъ будущихъ добровольныхъ и вынужденныхъ поклонниковъ. Они, какъ полагается людямъ этой категоріи, прочли много историческихъ мемуаровъ и уже составляли въ умѣ образцы хвалебныхъ описаній ихъ собственной роли въ начатой драмѣ. Они предвкушали пріятный почетъ и обиліе лестныхъ заявленій. Нѣкоторые изъ нихъ предвидѣли возможныя трудности, но лишь очень немногіе предполагали возможность пораженія. Все сводилось для нихъ къ выбору: захотятъ — будетъ война; не захотятъ — не будетъ.

И они захотѣли.

Весьма сомнительно, чтобы кто-либо въ Германіи и Австріи, кромѣ тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе вопроса, смотрѣлъ на дѣло такъ просто. Иниціатива шла изъ Германіи. Русскіе, французы и англичане — во всякомъ случаѣ тѣ немногіе, которые серьезно вдумывались въ обстоятельства, — должны были считаться съ болѣе сложными вопросами и болѣе глубокими осложненіями. На взглядъ м-ра Бритлинга, конференція Круглаго стола въ Букингэмскомъ дворцѣ была типичнымъ примѣромъ разногласій и нерѣшительности, длившейся до самаго начала военныхъ дѣйствій. М-ру Бритлингу была глубоко антипатична торжественная рѣзкость сэра Эдуарда Карсона. Размышляя потомъ объ этой конференціи, онъ представлялъ себѣ мрачную фигуру Карсона съ отвисшей нижней губой, тяжеловѣснаго и угрюмаго, непримиримо стоящаго на своемъ, несмотря на то, что король только-что покинулъ залу засѣданія послѣ краткой рѣчи, насыщенной прикрытыми предостереженіями о близкой опасности. М-ръ Бритлингъ безжалостно осуждалъ предательство упрямаго эгоизма и упорство въ заблужденіяхъ. Его собственные недостатки были другого порядка. Онъ всегда готовъ былъ перемѣнить позицію, убѣдившись въ своей ошибкѣ. Онъ сдавался на доводы, зная, что, благодаря твердости своихъ

устоевъ, всегда въ концѣ-концовъ останется вѣрнымъ себѣ. Въ тѣ дни онъ ненавидѣлъ Карсона, какъ шотландскій терьеръ ненавидѣлъ бы ищейку, — какъ нѣчто болѣе сильное и внушительное, и въ то же время безконечно, безнадежно менѣе разумное.

IV.

Такимъ образомъ, принимая осязательную форму лишь въ какой-нибудь сотнѣ умовъ, катастрофа великой войны назрѣвала за празднымъ разбросаннымъ зрѣлищемъ равнодушнаго міра, какъ сентябрьскія бури таятся за яркостью и истомой августа — и едва ли съ большимъ участіемъ сознательной человѣческой воли.

Для большей части человѣчества международное положеніе въ Европѣ было въ лучшемъ случаѣ просто матеріаломъ для газетъ, имѣющимъ такое же значеніе, какъ политическія неурядицы въ Южной Африкѣ или возможность новаго разрыва между Греціей и Турціей. Въ дѣйствительности же весь интересъ англійской публики въ эти послѣдніе мѣсяцы мира и все ея вниманіе было поглощено боксомъ и лѣтними распродажами въ большихъ лондонскихъ магазинахъ. Молодой французскій боксеръ Карпантье, побѣдившій уже разъ англійскаго чемпіона, „бомбардира“ Уэллса, снова пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы поколотить другого британскаго чемпіона Смита, и поколотилъ его, къ нескрываемой радости Франціи и всего латинскаго міра, подъ щедрыя рукоплесканія англо-саксонцевъ. Затѣмъ была британская побѣда надъ американцами въ „поло“ и очень оживленная и культурная газетная полемика по вопросу о подходящемъ motto для герба совѣта лондонскаго графства. Процессъ мадамъ Кайо заполнялъ газеты сенсаціонными отчетами и яркими картинами; было совершено покушеніе на Григорія Распутина, вызвавшее оживленные толки о Россіи, а Уливи, этотъ мошенникъ-итальянецъ, заявившій, что онъ изобрѣлъ способъ взрывать мины на разстояніи съ помощью „ультракрасныхъ лучей“, былъ изобличенъ и бѣжалъ съ какой-то дамой. Ирландская путаница продолжала упорно осложняться и подготовлять почву для бѣды. Люди удѣляли нѣкоторую долю вниманія этимъ вопросамъ и продолжали заниматься своими личными дѣлами.

И въ Дауэръ-Хаузѣ тоже всѣ занимались своими дѣлами. Рука м-ра Дирека быстро заживала; Сисели Корнеръ и онъ бесѣдовали о цѣли жизни, объ утопіяхъ и о книгахъ м-ра Бритлинга, а послѣдній выписалъ отъ своего лондонскаго книгопродавца рядъ Бэдекеровъ по Голландіи, Бельгіи, южной Гер-

маніи и Италіи; Herr Heinrich послѣ нѣкоторыхъ колебаній наконецъ послалъ заявленіе и членскій взносъ для участія на съѣздѣ эсперантистовъ въ Булони, а Билль позволилъ себя погладить три раза, но продолжалъ кусаться съ большой энергіей и рѣшительностью. Осложненіе съ Гю, старшимъ сыномъ м-ра Бритлинга, разрѣшилось пустякомъ и было скоро улажено.

V.

Послѣ того, какъ Гю все разъяснилъ и уѣхалъ обратно въ Лондонъ, м-ръ Бритлингъ сталъ склоняться къ мнѣнію, что всякаго рода страхи — грѣхъ противъ общей справедливости и осмысленности жизни.

Ничто такъ не обостряло въ Бритлингѣ его несчастную склонность къ измышленію воображаемыхъ катастрофъ, какъ тревога за Гю. Сынъ его былъ самымъ дорогимъ для него существомъ на свѣтѣ. Онъ сдѣлалъ это открытіе за послѣдніе годы, вдумываясь въ разнообразіе своихъ экскурсій въ область сердечныхъ переживаній. А когда м-ръ Бритлингъ дѣлалъ какое-нибудь открытіе, онъ всегда говорилъ о немъ.

Убѣдившись въ томъ, что нѣжность къ сыну превосходитъ всю изощренность и страстность другихъ эмоцій, переживаемыхъ имъ въ его сердечныхъ экскурсіяхъ, онъ вывелъ изъ этого теорію — которую и изложилъ м-ру Диреку, — что истинную, бозкорыстную любовь мы можемъ испытывать только по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ. Но все же эта теорія не объясняла болѣе глубокую нѣжность его къ Гю, чѣмъ къ двумъ другимъ очень милымъ мальчикамъ, единороднымъ братьямъ его старшаго сына. Съ этимъ фактомъ Бритлингъ какъ-то не хотѣлъ считаться.

М-ръ Бритлингъ относился, вѣроятно, болѣе искренно и трезво къ самому себѣ и къ міру, чѣмъ весьма многіе умные люди; все же было многое въ его отношеніяхъ къ женѣ, къ окружающимъ, къ родинѣ и къ смыслу жизни вообще, къ чему онъ намѣренно и упорно поворачивался спиной. Но слишкомъ рѣшительно повернутая спина такъ же убѣдительна, какъ и указываніе пальцемъ, и самъ м-ръ Бритлингъ зналъ — именно потому, что умалчивалъ объ этомъ передъ самимъ собой — почему онъ такъ сильно любитъ своего старшаго сына: на немъ сосредоточились всѣ его надежды и вся сила его воображенія, и кромѣ того онъ былъ единственнымъ живымъ продолженіемъ его незабвенной жизни съ Мэри, такой любовно-бурной пока она длилась, такой прекрасной въ воспоминаніи и такъ,

полно захватившей всю его душу. Мальчикъ былъ радостью и упоеніемъ молодыхъ родителей, имъ казалось, что онъ — самое нѣжное и очаровательное существо на свѣтѣ, и они вносили много воображенія и юмора въ подробное изученіе ребенка и гаданія о его будущемъ. М-ръ Бритлингъ строилъ широкіе планы его воспитанія. Тѣсная связь съ умственнымъ развитіемъ сына несомнѣнно содѣйствовала исключительной привязанности къ нему отца, и съ этимъ сплетались также болѣе тонкія и нѣжныя чувства, такъ какъ мальчикъ унаслѣдовалъ нѣкоторыя черты Мэри. А кромѣ того было многое другое, о чемъ м-ръ Бритлингъ еще болѣе настойчиво не желалъ думать. Одной изъ невысказанныхъ причинъ его постепеннаго охлажденія къ Эдитъ была ея холодность къ пасынку. Она была неизмѣнно добра къ самовольному, неряшливому, маленькому мечтателю, очень заботилась о немъ; онъ ей нравился и забавлялъ ее — трудно придумать, чего еще м-ръ Бритлингъ могъ бы требовать отъ нея, — но было ясно, какъ день, что ей не хотѣлось бы имѣть самой такого сына. Вполнѣ понятно, хотя и совершенно безразсудно, что м-ръ Бритлингъ считалъ это несправедливымъ по отношенію къ Гю.

Домъ Эдитъ былъ обставленъ болѣе богато, чѣмъ у Мэри. Она увеличила доходы м-ра Бритлинга довольно большимъ собственнымъ состояніемъ и воспитывала своихъ дѣтей въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ неопытная, ограниченная въ средствахъ Мэри. Гю чуть не погибъ на первомъ же году жизни, заболѣвъ инфекціонной болѣзнью, и страхъ за ребенка еще сильнѣе привязалъ къ нему отца. Дѣтская же въ домѣ Эдитъ была ограждена отъ всякихъ инфекцій. М-ру Бритлингу пришлось видѣть Гю подъ наркозомъ, съ жалкимъ, зеленовато-блѣднымъ лицомъ, когда ему дѣлали маленькую операцію удаленія гландъ. Младшіе сыновья никогда не обостряли въ немъ отцовскаго чувства жалостью. Они были болѣе выносливыми, менѣе подвержены простудѣ и заразѣ, чѣмъ ихъ старшій братъ, и у м-ра Бритлинга выработалось поэтому стремленіе оберегать и отстаивать Гю. Ревность и подозрительность существуетъ во всѣхъ человѣческихъ отошеніяхъ, какъ бы мы ни увѣряли себя въ противномъ и ни претендовали на свободу и великодушіе. А въ отношеніяхъ побочнаго родства ревность и подозрительность выступаютъ болѣе явно, вызывая раздраженіе.

М-ръ Бритлингъ оправдывалъ свое пристрастіе къ Гю его исключительными качествами; онъ полагалъ, что его нужно особенно тщательно оберегать въ виду его тонкой нервной организаціи, которая его очень привлекала въ немъ. Мальчикъ

былъ чрезвычайно воспріимчивъ, подвиженъ и очень точенъ при своей стремительности. Онъ исключительно рано научился говорить, умѣлъ рисовать съ малыхъ лѣтъ, и рисунки его были неисправимо неровные, но чрезвычайно выразительные. Онъ бывалъ иногда неуклюжъ, неряшливъ, а часто такъ погружался въ свои мысли, что не былъ достаточно вѣжливъ и внимателенъ къ другимъ; онъ схватывалъ всякую заразу, которая была въ воздухѣ, — все это объяснялось общими свойствами его натуры. Невысказываемое осужденіе миссисъ Бритлингъ и скрытое предпочтеніе къ живымъ, но очень обыкновеннымъ младшимъ дѣтямъ вызывали въ м-рѣ Бритлингѣ нервное желаніе доказывать и обнаруживать превосходство Гю. Это приводило въ большинствѣ случаевъ къ взаимному раздраженію, но усиливало чуткое отвѣтное чувство Гю къ его заботливому отцу. Юноша такъ же ясно зналъ и чувствовалъ, что м-ръ Бритлингъ дѣйствительно его отецъ, какъ и сознавалъ, что миссисъ Бритлингъ не его мать. О своихъ успѣхахъ онъ говорилъ только отцу, и къ нему же обращался онъ за утѣшеніемъ въ своихъ печаляхъ. Онъ однако охотнѣе говорилъ своему отцу о своихъ успѣхахъ, нежели о непріятностяхъ. Самъ онъ склоненъ былъ смѣяться надъ своими неудачами, но къ тяжкимъ страданіямъ отцовской гордости по поводу каждой его непріятности онъ не могъ относиться съ юморомъ.

Та забота, которую онъ все не рѣшался открыть отцу въ настоящее время, касалась очень важнаго вопроса для юноши его лѣтъ — вопроса о томъ, какой выбрать путь въ жизни. Мысли его были далеки отъ всякихъ эротическихъ осложненій, которыя рисовались озабоченной фантазіи его отца. Все, что связано было съ этого рода переживаніями и скрывалось за его улыбающейся или задумчивой внѣшностью, онъ могъ ясно и свободно выразить вслухъ. Его гораздо больше мучили противорѣчивыя влеченія его умственной жизни. Его привлекали интересы двоякаго рода: съ одной стороны — это можетъ показаться читателямъ очень сухимъ предметомъ, но Гю онъ представлялся обаятельнымъ и лучезарнымъ — онъ увлекался кристаллографіей и моллекулярной физикой; съ другой — у него были способности къ карикатурамъ. И то и другое было несомнѣнно связано съ его исключительной чуткостью къ формѣ. Въ школѣ онъ съ одинаковымъ успѣхомъ проявлялъ свои способности въ обѣихъ областяхъ; но теперь нужно было избрать какую-нибудь одну спеціальность, и онъ очень колебался въ выборѣ между наукой и искусствомъ. Послѣ долгихъ и усердныхъ научныхъ занятій онъ начиналъ чувствовать усталость;

все въ жизни представлялось ему тогда нелѣпымъ и смѣшнымъ, и его тянуло къ шуточному изображенію дѣйствительности; а потомъ, натѣшившись рисованіемъ карикатуръ, онъ снова жаждалъ вернуться къ изученію свѣта, кристалловъ и пленокъ, подобно кающейся грѣшницѣ, которая идетъ въ церковь. Окончивъ среднюю школу, онъ не захотѣлъ учиться въ Кэмбриджѣ и поступилъ въ университетскій колледжъ въ Лондонѣ, чтобы работать подъ руководствомъ вдохновеннаго ученаго, профессора Кардинала. Но какъ разъ въ это время Кардиналъ перешелъ въ Кэмбриджъ; едва только Гю началъ работать въ Лондонѣ, какъ профессора Кардинала тамъ смѣнилъ скучный, добросовѣстный, томительный Пелькингэмъ; отъ его прикосновенія кристаллы уподоблялись пуддингамъ, пузырчатыя пленки превращались въ коленкоровыя простыни, прозрачность исчезала съ лица земли, и лучи „X“ съеживались и умирали. Гю тотчасъ же превратился въ легкомысленнаго шутника, и ему хотѣлось бросить науку для искусства.

Послѣ долгихъ и серьезныхъ совѣщаній съ отцомъ, Гю промѣнялъ науку на искусство. Теперь же онъ раскаялся въ своемъ рѣшеніи, хотѣлъ поѣхать къ профессору Кардиналу въ Кэмбриджъ и потерявъ годъ,— снова заняться наукой. Онъ чувствовалъ, что это весьма недостойное колебаніе; зналъ, что это повлечетъ за собой большіе расходы; и поэтому прошло цѣлыхъ двѣ недѣли, прежде чѣмъ онъ могъ рѣшиться сказать объ этомъ отцу.

— Такъ это все! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, несказанно обрадованный и облегченный.

— Дорогой папа, неужели вы думали, что я подписалъ вексель или поддѣлалъ чекъ?

— Я думалъ, что ты, можетъ быть, женился на опереточной хористкѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ,— пояснилъ м-ръ Бритлингъ.

— Или купилъ ей огромный бѣлый автомобиль въ разсрочку, который она сломала вдребезги... Нѣтъ, такого рода вещи приходятъ позже въ жизни...

VI.

Хотя безпокойство за сына разсѣялось, но мысли м-ра Бритлинга оставались въ теченіе всего іюля непонятно тревожными, словно онъ предчувствовалъ какую-то бѣду. У него было какое-то безсознательное ощущеніе, что не все ладно съ міромъ, ощущеніе, которое онъ напрасно старался разогнать различными развлеченіями. Когда онъ отправился къ миссисъ

Харродинъ на велосипедѣ за лестью, развлеченіемъ и утѣшеніемъ, онъ не нашелъ у нея подтвержденія всего того, что ему хотѣлось думать о себѣ и о вселенной, роль, которую она такъ очаровательно играла въ раннихъ стадіяхъ ихъ романической дружбы. Она продолжала питать враждебное чувство къ Эдитъ и какъ-будто твердо рѣшила довести дѣло до нестерпимой крайности. И все же у нихъ возобновилась еще одинъ или два раза прежняя бодрящая близость отношеній.

Какъ только онъ пріѣхалъ, они прошли паркомъ къ бесѣдкѣ и стали обсуждать почти уже законченный памфлетъ объ Ирландіи.

— Конечно,— сказала она, — вашъ памфлетъ будетъ прекрасенъ....

Была какая-то странная сдержанность въ ея голосѣ, заставившая его подождать, что она скажетъ дальше.

— Но мнѣ кажется, есть множество людей, которые бы сумѣли написать памфлетъ объ Ирландіи, но никто, кромѣ васъ, не могъ бы написать „Молчаливыхъ Мѣстъ“. О, зачѣмъ вы не окончили это великое, прекрасное произведеніе и не предоставили другимъ весь этотъ міръ дѣйствительности и газетъ, всѣ эти грубыя, пошлыя, мелкія, отталкивающія явленія? Вы обладаете чудодѣйственнымъ даромъ; вы могли быть поэтомъ; вы умѣете насъ уводить отъ всего ужаса и всей отвратительной повседневности въ Страну Красоты, и вы тѣмъ не менѣе довольствуетесь ролью критика и спорщика! Въ этомъ виновата исключительно среда и окружающая васъ обстановка! Виноваты пошлыя реальности жизни! Виновато это воплощеніе практичности, которое у васъ постоянно подъ бокомъ. Вы никогда не должны не только читать, но и видѣть газеты! Вы не должны подпускать къ себѣ никакого американца на десять миль. Вы должны питаться молокомъ въ долинѣ асфоделей...

М-ръ Бритлингъ, которому такія рѣчи до нѣкоторой степени нравились, — хотя, слушая ихъ, онъ чувствовалъ себя нелѣпо раздутымъ и смѣшнымъ,—пробовалъ слабо возражать.

— Третьяго дня въ „Nation“ было напечатано ваше письмо,—продолжала она. — Зачѣмъ вы позволяете завлекать себя въ споръ? Мнѣ хотѣлось побѣжать въ редакцію „Nation“ схватить васъ, осторожно стереть съ васъ злобу и вынести васъ оттуда... далеко... далеко, куда-нибудь въ тихій, прекрасный уголокъ...

— Но необходимо же отвѣчать и возражать этимъ господамъ,—сказалъ м-ръ Бритлингъ, незамѣтно впадая въ ея тонъ.

Она стала съ чувствомъ цитировать выдержки изъ „Молчаливыхъ Мѣстъ“. Въ ея чтеніи слова какъ-будто свѣтились, пылали. И какая у нея была удивительная память, вѣдь онъ только разъ показывалъ ей рукопись...

Когда они тихо возвращались въ лѣтнихъ сумеркахъ изъ бесѣдки въ домъ, къ обѣду, онъ ужъ опредѣленно далъ ей обѣщаніе взяться за „Молчаливыя Мѣста“ и кончить ихъ... И еще разъ обдумать памфлетъ объ Ирландіи, прежде чѣмъ послать рукопись издателю...

Тѣмъ не менѣе на слѣдующій же день этотъ ангелъ, врагъ споровъ и ссоръ, разразился самой непозволительной выходкой по адресу Эдитъ, такъ что м-ръ Бритлингъ оказался принужденнымъ заявить яснѣе, чѣмъ прежде, что онъ этого не потерпитъ. Онъ не потерпитъ, чтобы Эдитъ оскорбляли! Онъ не потерпитъ, чтобы Эдитъ выставляли въ дурномъ свѣтѣ! И тутъ произошла крупная исторія,—слезы и разговоры объ Оливерѣ...

Потомъ она очень трогательно раскаивалась и просила прощенія и сказала, что если онъ только будетъ любить ее, она готова проглотить тысячу Эдитъ. Онъ рѣшилъ не обращать вниманія на нѣкоторую непочтительность въ ея словахъ объ Эдитъ, и они трогательно примирились и говорили о возвышенныхъ предметахъ, а вечеромъ онъ много и успѣшно работалъ надъ „Молчаливыми Мѣстами“ и придумалъ цѣлую полдюжину прямо поразительныхъ строкъ, а на третій день вернулся въ Дауэръ-Хаузъ къ м-ру Диреку, къ огромной накопившейся кучѣ писемъ и окончанію памфлета объ Ирландіи.

Но онъ былъ неспокоенъ. Болѣе неспокоенъ, чѣмъ когда-либо бывалъ въ собственномъ домѣ. Онъ не могъ понять въ чемъ дѣло. Все кругомъ было, какъ всегда, и все же это его не удовлетворяло, казалось болѣе непрочнымъ, чѣмъ до сихъ поръ. Угнетало торжественно-жуткое развитіе ирландскаго спора; раздражала тлѣющая угроза на Балканахъ; раздражали суффражистки и рядъ маленькихъ безсмысленныхъ забастовокъ, и общее отсутствіе какой-либо видимой нити, которая бы связывала всѣ эти мелкія пререканія и распри... Въ Дауэръ-Хаузѣ всегда приходили ему въ голову самыя непріятныя мысли. У него появились даже сомнѣнія—не занимался ли онъ въ „Молчаливыхъ Мѣстахъ“ болѣе или менѣе безсознательнымъ плагіатомъ изъ книги Генри Джемса „Обѣтованная Земля“.

Двадцать перваго іюля вернулась изъ починки „Глэдисъ“, и казалось, что съ ней ничего и не приключилось. На слѣдующій день онъ сѣлъ въ нее и очень осторожно проѣхался

въ Пайкрафтсъ, надѣясь убаюкать свою тревогу и безпокойство игрой въ великую страсть и похвалами по адресу „Молчаливыхъ Мѣстъ“, — прекраснаго произведенія искусства, свободнаго отъ всякаго отношенія къ дѣйствительности... Но, увы, онъ засталъ миссисъ Харродинъ въ скверномъ настроеніи. Онъ у нея не былъ десять дней, цѣлыхъ десять дней. Очевидно, это все штучки Эдитъ. И это послужило прелюдіей къ бурному объясненію.

Вся драма миссисъ Харродинъ заключалась, по ея словамъ, въ томъ, что она напрасно губила свою жизнь, губила жизнь бѣднаго, терпѣливаго Оливера; что ради дружбы съ м-ромъ Бритлингомъ она пошла на то, чтобъ говорили о ней самыя ужасныя вещи, а онъ съ ней обращался безсердечно, пріѣзжалъ, когда ему хотѣлось, и оставался дома, когда ему было угодно. Неужели онъ думалъ, что она могла сидѣть и работать, забытая, одинокая? Онъ забывалъ, что женщины—существа маленькія, хрупкія, нѣжныя, и что имъ нужны ласки и постоянныя, да, постоянныя заботы! Оливеръ, быть можетъ, не уменъ и не интересенъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, по своему,— быть можетъ, неуклюже и неловко, — понималъ и старался исполнять свой долгъ...

Къ концу второго часа подобныхъ жалобъ душа м-ра Бритлинга возстала открытымъ бунтомъ. Онъ возвысилъ голосъ, придалъ ему ноты негодующей печали и заявилъ, что пріѣхалъ въ Пайкрафтсъ преисполненный лишь нѣжными и любящими мыслями, что онъ не пріѣзжалъ раньше, такъ какъ ждалъ возвращенія „Глэдисъ“ изъ починки, что онъ привезъ съ собой рукопись „Молчаливыхъ Мѣстъ“, чтобы ее здѣсь кончить и отдѣлать, и что всѣ эти дни онъ мечталъ о томъ, какъ будетъ работать въ милой бесѣдкѣ съ видомъ на далекое море, и что теперь все это невозможно, потому что миссисъ Харродинъ сдѣлала это невозможнымъ, и вообще она съ невѣроятной быстротой все дѣлаетъ невозможнымъ!..

Разразившись этой тирадой, м-ръ Бритлингъ, немного удивленный быстротѣ и энергичности своего гнѣва, замолчалъ, сдѣлалъ руками жестъ покорности и, словно его осѣнила внезапная мысль, выбѣжалъ изъ ея комнаты и изъ дома туда, гдѣ стояла, дожидаясь его, „Глэдисъ“. Онъ вскочилъ въ нее, пустилъ въ ходъ моторъ, и, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній съ машиной, повернулъ ее и уѣхалъ,—раздавивъ на поворотѣ небольшую цвѣточную клумбу. Онъ направился домой въ Дауэръ-Хаузъ, къ газетамъ, письмамъ, и раздраженіямъ, къ тому ноющему, безсознательному ощущенію какой-то пустоты и безцѣльности жизни и міра, которое, какъ онъ надѣялся,

миссисъ Харродинъ сумѣетъ разсѣять. И чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ отъ миссисъ Харродинъ, тѣмъ болѣе казалось ему, что онъ поступилъ съ ней грубо и несправедливо.

Но онъ продолжалъ свой путь, такъ какъ не зналъ, подъ какимъ предлогомъ ему вернуться.

VII.

Сломанная кисть м-ра Дирека стала срастаться и заживать скорѣе, чѣмъ онъ того хотѣлъ. Съ самаго начала онъ утверждалъ, что остается въ Матчингсъ-Изи только потому, что ему были пріятны заботы о немъ миссисъ Бритлингъ и общество самого м-ра Бритлинга. Въ дѣйствительности же онъ старался какъ можно чаще и дольше находиться вблизи миссъ Сисели Корнеръ, купаясь въ ея свѣжести и дружественности, тѣмъ болѣе, что почти больше трети этого періода м-ра Бритлинга не было дома.

М-ръ Дирекъ, какъ это уже должно было выясниться предъ читателемъ, былъ человѣкъ болѣе простыхъ и опредѣленныхъ чувствъ, чѣмъ чувства большинства людей въ Европѣ. Его намѣренія относительно миссъ Корнеръ были опредѣленны и честны. По американскимъ понятіямъ о галантности, первенствующая роль въ такихъ случаяхъ должна быть предоставлена женщинѣ. Мужчина долженъ охранять, снискивать расположеніе, приспособляться къ вкусамъ своей дамы, проявлять умъ и остроуміе, а женщина должна быть неподатлива, но очаровательна, до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не уловитъ ее и не предоставитъ ей роскошный домъ, ошеломляющія суммы на карманные расходы; затѣмъ ему предоставляется заняться своими дѣлами. М-ръ Дирекъ такъ и дѣйствовалъ, когда сталъ ухаживать за Сисели.

Но онъ очень скоро убѣдился, что она не идетъ навстрѣчу его ожиданіямъ. Напротивъ того, ей видимо было неловко, когда онъ привозилъ для нея изъ Лондона цвѣты и шоколадныя конфеты, приходившіяся гораздо болѣе по вкусу Бритлинговскимъ мальчикамъ. Она протестовала противъ устройства м-ромъ Дирекомъ дорогихъ экскурсій, рѣшительно запрещала ему дѣлать ей комплименты и говорила, что выйдетъ изъ комнаты, чтобы не слушать ихъ. Кромѣ того, она не удовлетворялась общими фразами о его взглядахъ на жизнь и разспрашивала его очень опредѣленно о его занятіяхъ и дѣятельности. Но главное его занятіе въ жизни заключалось въ томъ, что онъ былъ богатый наслѣдникъ выдающагося адвоката, а вся его

„дѣятельность“ представилась ему въ свѣтѣ ея прямыхъ вопросовъ очень незначительной и скорѣе простымъ любительствомъ—въ чемъ онъ прежде не видѣлъ ничего для себя обиднаго. Теперь же, чтобы не уронить себя въ ея глазахъ, онъ сталъ больше распространяться о своихъ стремленіяхъ и о возможностяхъ болѣе дѣятельной и полезной жизни въ будущемъ—если имъ будетъ руководить чье-нибудь вдохновляющее вліяніе.

— У насъ въ Штатахъ считается,—сказалъ онъ,—что мы склонны слишкомъ упорно предаваться труду, и что классамъ, располагающимъ досугомъ, слѣдовало бы жить болѣе изысканно и заниматься высшими интересами.

— Располагать досугомъ не значитъ ничего не дѣлать,—возразила Сисели.—Это только значитъ не заниматься дѣлами.

— Вы очень строги ко мнѣ,—сказалъ м-ръ Дирекъ со своей обычной спокойной улыбкой.

Затѣмъ, чтобы поставить ее въ оборонительное положеніе, онъ спросилъ ее, что, по ея мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать человѣку въ его положеніи?

— Что-нибудь,—отвѣтила она, и въ виду неопредѣленности его вопроса и широкихъ перспективъ, которыя вытекали изъ него, они разговорились на очень разнообразныя темы. Она заявила, что она соціалистка, задѣвъ этимъ въ м-рѣ Дирекѣ пережитокъ старомоднаго американскаго предразсудка противъ этого понятія. Онъ смѣшивалъ соціалистовъ съ анархистами и пестрой группой политическихъ эмигрантовъ. М-ръ Дирекъ убѣдился въ дальнѣйшемъ теченіи разговора, что Сисели хорошо изучила статьи и книги м-ра Бритлинга. Она считала, что всѣ—всякій мужчина и всякая женщина—должны прежде всего дѣлать что-нибудь опредѣленное на пользу человѣчества.

— Въ концѣ концовъ и я вѣдь нѣчто дѣлаю въ качествѣ секретаря Общества современной мысли въ Массачузетсѣ,—сказалъ м-ръ Дирекъ.

Ей самой тоже хотѣлось заниматься какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ,—и она, потому, читала съ жадностью книги по разнымъ вопросамъ, но ни на чемъ еще пока не остановилась. Она хотѣла погрузиться въ какую-нибудь работу до самозабвенія. Въ глубинѣ души м-ръ Дирекъ былъ убѣжденъ, что самое подходящее для нея въ жизни—любовь, что ей слѣдуетъ думать только о собственномъ наслажденіи и радоваться своему очарованію, обаятельной полнотѣ своихъ жизненныхъ силъ—пока онѣ ей даны, но, чтобы поддержать разговоръ, онъ только неопредѣленно сказалъ,—что, по его

мнѣнію, мы обязаны прежде всего развивать свою личность. Она стала очень горячо возражать ему.

— Это какъ разъ то, что м-ръ Бритлингъ говоритъ о васъ въ своихъ „Американскихъ впечатлѣніяхъ“ — сказала она. — Онъ говоритъ, что въ Америкѣ люди слишкомъ заняты развитіемъ личности, что изъ всѣхъ американскихъ недостатковъ это самый несомнѣнный. Я сегодня утромъ это прочла и сейчасъ же подумала: вотъ и м-ръ Дирекъ слишкомъ интересуется личной стороной въ каждомъ человѣкѣ.

— Это я то!

— Да. Мнѣ пріятно говорить съ вами и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятно, и я теперь вижу почему это такъ: вы все время говорите обо мнѣ или о себѣ. Это меня ужасно стѣсняетъ. У меня такое чувство, точно кто-то неустанно наводитъ на меня свѣтъ прожектора, и мнѣ это какъ будто пріятно; я чувствую себя польщенной. Но я ухожу къ себѣ съ досаднымъ чувствомъ. Кромѣ того, это оказываетъ дурное вліяніе на меня. Я чувствую, что стараюсь быть такой, какой вы, по вашимъ словамъ, находите меня. Я точно играю собою, и мнѣ хочется временами посмотрѣть на себя въ зеркалѣ, чтобы знать, вѣрно ли я исполняю свою роль. Это какъ разъ то, что м-ръ Бритлингъ говоритъ въ своей книгѣ про американскихъ женщинъ. Онѣ играютъ самихъ себя, говоритъ онъ. Онѣ придумываютъ какое-то объясненіе самихъ себя и потомъ стараются ясно всѣмъ показать, что онѣ дѣйствительно такія, какими себя изобразили. Ну, а если задаваться такой цѣлью, то гдѣ тутъ думать о чемъ-нибудь другомъ.

— Мы, дѣйствительно, любимъ смотрѣть на людей въ яркомъ свѣтѣ, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— А мы этого не любимъ. Мы предпочитаемъ оставаться въ тѣни, — отвѣтила Сисели.

— Во всякомъ случаѣ вы больше въ полу-тонахъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — И я долженъ сознаться, что именно это и привлекаетъ меня. Но вы все-таки не сказали мнѣ, миссъ Сисели, чѣмъ бы мнѣ, по вашему, слѣдовало заняться. Я отдаю себя всецѣло въ ваше распоряженіе. Какого рода дѣло вы сочли бы моимъ долгомъ предпринять?

— На это вамъ долженъ отвѣтить болѣе опытный человѣкъ, чѣмъ я. Спросите м-ра Бритлинга.

— Я предпочелъ бы, чтобы это мнѣ сказали вы.

— Но я даже не знаю, чѣмъ заняться самой.

— Такъ давайте поищемъ вмѣстѣ, чѣмъ намъ заняться, — предложилъ онъ.

Она всегда мучительно пропускала мимо ушей такого рода подходы.

— Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что нельзя жить только своими личными интересами,—сказала она.

VIII.

Но вскорѣ наступилъ моментъ, когда м-ру Диреку пришлось считать время, остающееся до его отъѣзда изъ Дауэръ-Хауза уже не днями, а часами. Вещи его были почти всѣ уложены, билетъ въ Роттердамъ, Кельнъ, Мюнхенъ, Дрезденъ и Вѣну — взятъ. А тѣмъ не менѣе положеніе вещей между нимъ и Сисели оставалось такимъ же неопредѣленнымъ. Но Богъ не даромъ создалъ американцевъ чисто выбритыми и съ твердыми, рѣшительными чертами лица. М-ръ Дирекъ рѣшилъ, что надо выяснить отношенія, прежде чѣмъ пуститься странствовать.

Но когда онъ, наконецъ, приступилъ къ осуществленію своего намѣренія, въ его голосѣ и тонѣ стала проявляться значительная нервность.

— Мнѣ хочется васъ просить объ одной маленькой вещи, объ одномъ пустякѣ, — сказалъ онъ миссъ Корнеръ, воспользовавшись минутой, когда они остались вдвоемъ послѣ завтрака,— вы бы меня осчастливили этимъ на всю жизнь...

Она отвѣтила приподнятой бровью и взглядомъ, менѣе удивленнымъ, чѣмъ этого она хотѣла.

— Если бы вы согласились пройтись со мной немного... Кругомъ по Клаверингскому парку и такъ далѣе... Чтобы посмотрѣть въ послѣдній разъ на оленей и старыя деревья... Это — ландшафтъ, который бы мнѣ хотѣлось запомнить, чтобы видѣть его, когда меня уже не будетъ здѣсь...

Онъ немного какъ-будто задыхался, и была какая-то совершенно несоотвѣтствующая серьезность въ минутной паузѣ, предшествовавшей ея отвѣту.

— Разумѣется,— отвѣтила она весело, но съ опозданіемъ на нѣсколько секундъ.— Идемте! Это будетъ такъ пріятно.

— Какъ чудесны эти ясные англійскіе дни,— замѣтилъ онъ, тоже послѣ минуты-другой молчанія.— Не такъ ярки и жарки, какъ наши лѣтніе дни, но по своему тоже... сіяющіе.

— Да, все время, пока вы были здѣсь, погода была на рѣдкость хорошая,— сказала она.

И, обмѣнявшись этими замѣчаніями, они пошли тропинкой, на дорогу, вдоль изгороди парка и такъ дошли, молча, до воротъ.

М-ръ Дирекъ рѣшилъ, что до тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ черезъ ворота въ паркъ — лучше не начинать разговора. Тропинка, дорога, калитка и ворота — все это были какія-то предисловія, съ которыми надо покончить, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу.

— Ну-съ, — сказалъ онъ, догоняя ее послѣ того какъ тщательно затворилъ за собою маленькія бѣлыя ворота. — Я, собственно, искалъ случая сказать вамъ нѣчто, что такъ или иначе касается васъ... Если вообще это можетъ васъ интересовать... Пожалуй, лучше будетъ объяснить вамъ все какъ можно проще... Видите ли... Я люблю васъ... влюбленъ, какъ говорится, по уши... И мнѣ хотѣлось вамъ это сказать...

Молчаніе.

— Конечно, я не буду притворяться, что не было другихъ до васъ... — внезапно продолжалъ м-ръ Дирекъ. — Были. Одна въ особенности. Но могу увѣрить васъ, что я никогда еще не чувствовалъ той глубины, или высоты, или какъ тамъ говорится, того яснаго, спокойнаго сознанія... И теперь, когда я вамъ говорю все это, миссъ Корнеръ, я не знаю, интересно ли вамъ знать, что вы дѣйствительно и поистинѣ самая первая моя любовь и послѣдняя. Я выписалъ изъ Америки — я получилъ ее только вчера — эту маленькую фотографію съ миніатюры одной родственницы моей прабабушки... Она тоже была изъ Корнеровъ, какъ и вы... Вотъ она.

Онъ сталъ усиленно рыться въ карманахъ и бумагахъ. Сисели, онѣмѣвшая, раскраснѣвшаяся, смущенная нелѣпымъ и непонятнымъ желаніемъ заплакать, взяла карточку, которую онъ ей протянулъ.

— Когда я былъ мальчикомъ пятнадцати лѣтъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ тономъ человѣка, приводящаго печальное, но убѣдительное доказательство, — я боготворилъ эту миніатюру. Лицо, изображенное на ней, мнѣ казалось... самымъ прекраснымъ лицомъ на свѣтѣ... и оно ваше...

Онъ тоже былъ страшно растроганъ...

Казалось, прошла цѣлая вѣчность, прежде чѣмъ Сисели, наконецъ, заговорила мягкимъ, глухимъ голосомъ:

— Вы очень добры...

И крѣпко держала маленькую фотографію.

Они остановились было, пока онъ доставалъ фотографію. Теперь же снова тронулись дальше.

— Мнѣ очень хотѣлось это вамъ сказать... — произнесъ м-ръ Дирекъ и зловѣще замолчалъ.

Сисели вдругъ почувствовала, что невѣроятно трудно отвѣтить ему. Она пыталась сдѣлать видъ, какъ-будто относится ко всему этому болѣе или менѣе легко и равнодушно, и захотѣла быть съ нимъ очень откровенной.

— Конечно, — сказала она. — Я знала... я какъ-то предчувствовала... что вы хотите сказать мнѣ что-нибудь въ этомъ родѣ... когда вы меня попросили пойти погулять съ вами...

— Ну, и что? — спросилъ онъ.

— И я придумывала, что бы вамъ отвѣтить.

Она замолкла и какъ-будто обсуждала свое затрудненіе...

— Можетъ быть, вы могли бы мнѣ тоже сказать что-нибудь въ этомъ родѣ... въ родѣ того, что я старался вамъ сказать... Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы сказали что-нибудь въ такомъ духѣ...

— Не совсѣмъ, — отвѣтила Сисели, болѣе осторожная чѣмъ когда-либо.

— То-есть?

— Мнѣ кажется, вы уже знаете, что я считаю васъ лучшимъ изъ своихъ друзей... Я считаю васъ... очень, очень милымъ...

— Ну, чтожъ... пока... все идетъ хорошо.

— Да... пока...

— Но вы не знаете, любите ли меня или нѣтъ? Вы это хотите сказать?

— Нѣтъ... Я чувствую, что не это... Все же...

— Можетъ быть, уже имѣется кто-нибудь другой?

— О, нѣтъ. — Сисели стала взвѣшивать что-то. — Объ этомъ вамъ нечего безпокоиться.

— Только... только вы не знаете?

Сисели сдѣлала утвердительное движеніе.

— Мнѣ нечего притворяться, будто я про васъ не думала... — сказала она.

— Чтожъ, я всячески старался давать вамъ поводъ для этого, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Мнѣ кажется, я это дѣлалъ все время, съ самаго начала...

— Только... что же мы стали бы дѣлать?..

М-ръ Дирекъ подумалъ, что это былъ вопросъ на рѣдкость безхитростный.

— Какъ что? Обвѣнчались бы, — сказалъ онъ, — и такъ дальше...

— Летти вотъ тоже вышла замужъ... и такъ дальше... сказала Сисели, уставившись крѣпко въ него глазами, такъ какъ чувствовала, что густо краснѣетъ. — И теперь Летти застряла на точкѣ замерзанія...

— Да, но они счастливы, имъ живется хорошо, неправда ли? Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось.

— Да, имъ было очень хорошо. И Тэдди милѣйшій изъ мужей. И у нихъ очаровательнѣйшій домикъ и презабавный ребеночекъ. И они играютъ въ хоккей каждое воскресенье. И Тэдди работаетъ. И каждая недѣля похожа на предыдущую. И житье прямо райское. И вѣчно такое же райское. И каждое воскресенье начинается новая такая же райская недѣля. А между тѣмъ, видите ли, они живутъ на землѣ, а не на небѣ, не въ раю. И хотя они этого еще сами не замѣчаютъ, но они начинаютъ скучать. Начинаютъ надоѣдать другъ другу. Я наблюдала за ними и убѣдилась, что они начинаютъ скучать. Мнѣ это очень грустно, я люблю ихъ больше всѣхъ на свѣтѣ. Тэдди раньше все острилъ по поводу дома и ребенка, и своей работы, и Летти, а теперь... Онъ истощилъ весь запасъ остротъ. А Летти сидитъ дома и уже не поетъ больше. Имъ обоимъ страшно хочется, чтобы случилось что-нибудь новое... Затѣмъ возьмите м-ра и миссисъ Бритлингъ. Они любятъ другъ друга. Гораздо больше, чѣмъ когда-либо снилосъ миссисъ Бритлингъ, или приходило въ голову м-ру Бритлингу. Когда-то и для нихъ жизнь была раемъ, тоже. Пока и съ ними не сдѣлалось то, что ничего новаго въ ихъ жизни не стало случаться...

— Ну... — сказалъ м-ръ Дирекъ, — люди могуть путешествовать.

— Но это не настоящее, — отвѣтила Сисели.

— Все же путешествіе увлекаетъ, заинтересовываетъ.

— Настоящее — это какое-нибудь дѣло.

— Я первый разъ встрѣчаю молодую дѣвушку съ такими взглядами. И мнѣ не хотѣлось бы этого въ васъ мѣнять. Это — частица вашего „я“. Это — частица всего здѣшняго дома, воздуха... Это — то, что какъ-будто все время говоритъ м-ръ Бритлингъ, самъ того не замѣчая. Сознаюсь, и меня тоже такое чувство охватило, смѣшалось какъ-то съ моимъ представленіемъ и мыслями о васъ. Въ общемъ я въ этомъ не вижу никакого противорѣчія. Я влюбленъ въ васъ, все мое сердце влюблено въ васъ, такъ чего же этого стыдиться? Я готовъ сейчасъ, сію минуту, умереть ради вашего малѣйшаго желанія... Какъ будто въ жилахъ моихъ течетъ не кровь, а любовь... а между тѣмъ это не отвлекаетъ меня отъ... того, другого. Наоборотъ, это меня къ тому... другому... и ведетъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что безъ васъ я не былъ бы способенъ ни на что, а съ вами... Мы устроились бы гдѣ-нибудь

вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ, начали бы работать, дѣлать...

— А что же мы бы дѣлали? — спросила Сисели.

Бесѣда ихъ внезапно оборвалась.

М-ръ Дирекъ глубоко вздохнулъ.

— Видите вы вотъ то старое, повалившееся дерево. Я сидѣлъ на немъ третьяго дня и думалъ о васъ. Хотите пойти туда и посидѣть со мной? Когда сидишь на немъ, передъ глазами открывается восхитительный, чудесный англійскій видъ... кусочекъ дома, и эти кучи деревьевъ, и вонъ та долина вдалекѣ съ прудомъ, покрытымъ лиліями... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ томъ отраженіи его, которое я унесу въ памяти, были и вы...

Они сѣли, и м-ръ Дирекъ началъ говорить о себѣ. Вначалѣ онъ былъ какъ-то нерѣшителенъ и неувѣренъ, послѣдніе дни очень много думалъ, и ему не хотѣлось казаться Сисели тяжеловѣснымъ или черезчуръ глубокомысленнымъ, а хотѣлось просто быть безхитростнымъ и непосредственнымъ.

— Видите ли, не хочется прибѣгать къ выраженіямъ и терминологіи, которыя уже использованы въ тысячѣ различныхъ смысловъ, и теперь могутъ быть поняты двусмысленно, и въ то же время не хочется ударяться въ фарисейство и говорить въ искусственно-повышенномъ тонѣ; но мнѣ кажется, что это „нѣчто“, чего постоянно требуетъ м-ръ Бритлингъ въ своихъ статьяхъ, писаніяхъ и т. д., и чего вы такъ же упорно ищете, и что вамъ кажется даже болѣе важнымъ, чѣмъ сама любовь — въ сущности не что иное, какъ религія, — я не подразумѣваю того или другого офиціальнаго вѣроисповѣданія, но религію самое по себѣ — какую-то великую, торжественную, всеобнимающую идею, которая объединяетъ меня и васъ и весь міръ въ одно величественное, общее, вселенское цѣлое. Насколько я понимаю, вы требуете, чтобы бракъ былъ бракомъ религіознымъ, иначе жизнь будетъ расчленена: по вашему религія и любовь — сущность жизни, и въ нихъ вся сила ея и нельзя ихъ запречь, такъ, чтобы онѣ тянули въ различныя стороны... Такой взглядъ, такія мысли мнѣ никогда не приходили въ голову раньше, пока я сюда не пріѣхалъ и не познакомился съ вами, но теперь мнѣ кажется, какъ будто другихъ взглядовъ, другихъ мыслей у меня никогда не было... И вотъ почему вы не хотите выйти замужъ необдуманно... И вотъ почему я радъ, что вы не спѣшите выходить замужъ...

Онъ задумался и продолжалъ:

— Вотъ почему мнѣ придется поѣхать въ Германію, а за это время и вы, и я все какъ слѣдуетъ обмозгуемъ...

— Да, — сказала Сисели, какъ будто взвѣшивая его слова. — Мнѣ кажется, вы правы. Мнѣ кажется, что я именно хочу религіознаго брака, и вся бѣда у Летти и Тэдди въ томъ, что они... нерелигіозны. Только...

Онъ посмотрѣлъ на нее серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Что такое религія? — спросила она.

Тутъ опять наступила длинная пауза.

— Почти двѣ трети докладовъ, прочитанныхъ на засѣданіяхъ „Массачузетскаго Общества“, были посвящены обсужденію этого вопроса, — началъ м-ръ Дирекъ. — Одному изъ нашихъ самыхъ вліятельныхъ членовъ удалось привлечь въ Общество одну весьма образованную и умную молодую студентку мичиганскаго университета, и она составила краткій сводъ всѣхъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны на нашихъ засѣданіяхъ. Мы печатаемъ теперь это резюмэ въ видѣ книги и выпустимъ ее осенью въ весьма художественномъ изданіи, для нашихъ членовъ. И вотъ сущность ея, резюмэ, сводится къ тому, что религія и религіи вещи совершенно разныя. Большинство религій — стары, а религія — вѣчно нова... Однимъ словомъ, религія это вѣчное новооткрытіе того Великаго Нѣчто, которое находится Тамъ. Это Великое Нѣчто получаетъ различныя названія, но если знать, что оно — тамъ, и если помнить, что оно — тамъ, это и есть религія... Вотъ какъ она приблизительно резюмировала... Я пришлю вамъ эту книгу, какъ только получу экземпляръ... Я не могу выразить все такъ ясно, какъ эта студентка. У нея настоящій аналитическій умъ. Но это будетъ одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія я когда-либо читалъ. Она такъ захватываетъ и такъ заставляетъ думать...

Онъ замолчалъ и въ задумчивости сталъ разсматривать землю подъ ногами.

— Жизнь, — сказала Сисели, — должна быть религіозной, иначе она разсыпается на куски... Можетъ-быть, она все равно, неизбѣжно разсыпается на куски...

М-ръ Дирекъ подтвердилъ эти замѣчанія медленнымъ киваніемъ головы. Онъ промолчалъ еще нѣкоторое время, потомъ какъ-будто вспомнилъ о чемъ-то, что забылось во время бесѣды на столь возвышенныя темы, и робко спросилъ:

— Ну, а вы меня... не... ненавидите?

Она улыбнулась...

— Вы меня не презираете, не считаете меня скучнымъ, неинтереснымъ?

Она продолжала такъ же успокаивающе улыбаться.

— Вы меня не считаете просто надоѣдливымъ американскимъ пошлякомъ?

— О, нѣтъ.

— И вы думаете, что я могъ бы когда-нибудь надѣяться?..

Она попыталась встрѣтиться съ нимъ глазами, полными пріятной искренности, и, быть-можетъ, ея взглядъ былъ искреннѣе, чѣмъ она сама того хотѣла.

— Послушайте, — сказалъ м-ръ Дирекъ, замѣтно волнуясь. — Я хочу васъ спросить объ одной вещи... Мы рѣшили ждать... Пока вы себѣ не выясните... Но, все же... Вы могли бы рѣшиться?.. ну, хоть одинъ разъ?.. позволить мнѣ васъ поцѣловать?..

— Я уѣзжаю въ Германію, — продолжалъ онъ въ отвѣтъ на ея молчаніе, — но врядъ ли я буду удѣлять столько вниманія этой самой Германіи, сколько я рѣшилъ... Но какъ-то... если бъ я сознавалъ и чувствовалъ... что я васъ поцѣловалъ...

Молодая дѣвушка, съ видомъ дѣланнаго спокойствія, сперва оглянулась черезъ лѣвое плечо, затѣмъ черезъ правое, и оглядѣла со всѣхъ сторонъ паркъ. Потомъ встала.

— Мы можемъ вернуться домой вонъ той дорогой, — сказала она, указывая движеніемъ головы, — черезъ ту рощицу.

М-ръ Дирекъ тоже всталъ.

— Если бъ я былъ поэтомъ или птицей, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — я запѣлъ бы. Но я просто американскій гражданинъ, могу только говорить о томъ, что бы я сдѣлалъ, если бы не былъ простымъ смертнымъ.

А когда они добрались до рощицы съ ея тропинкой, покрытой мягкимъ мхомъ, и съ глухой завѣсой густо переплетающихся вѣтвей, онъ нарушилъ молчаніе, говоря:

— Ну, здѣсь можно? Правда?

Сисели встала передъ нимъ, прямая и сверкающая, какъ копье, съ солнечными пятнышками на ясныхъ глазахъ.

Онъ взялъ ея мягкое свѣжее лицо въ свои дрожащія руки и поцѣловалъ сладкія, полуоткрытыя губы. Когда онъ поцѣловалъ ее, она задрожала, онъ прижалъ ее крѣпче къ себѣ и поцѣловалъ бы еще разъ, но она вырвалась отъ него, и онъ не сталъ настаивать. И храня еще болѣе упорное молчаніе, глубоко задумавшись и тайно, гдѣ-то внутри себя, дрожа, наружно спокойные, они вернулись въ Дауэръ-Хаузъ.

Послѣ чая за м-ромъ Дирекъ прикатилъ таксомоторъ съ узловой станціи, и онъ уѣхалъ; вскорѣ онъ исчезъ изъ глазъ, и видна была только рука, размахивающая шляпой, постепенно

удалявшаяся вдоль изгороди изъ шиповника, ведущей отъ площади для хоккея къ селу...

— Онъ увидитъ Германію гораздо раньше меня, — сказалъ Herr Heinrih въ порывѣ тоски по родинѣ. — Я даже начинаю жалѣть, что взялъ билетъ въ Булонь...

Нѣсколько дней миссъ Сисели Корнеръ казалась очень серьезной и сосредоточенной молодой особой... Она все о чемъ-то думала...

IX.

Послѣ отъѣзда м-ра Дирека международныя событія начали развиваться съ чрезвычайной быстротой. Его американская разсудительность какъ-будто задерживала ихъ ходъ до того. Прежде чѣмъ его открытка изъ Роттердама успѣла получиться въ Дауэръ-Хаузѣ, — Австрія уже предъявила ультиматумъ Сербіи; а Сисели еще не получила письма, которое онъ написалъ ей изъ Кельна, письма, написаннаго тѣмъ единообразнымъ почеркомъ, который стенографія и пишущая машина дѣлаютъ столь характернымъ для Америки, — когда Россія уже начала мобилизоваться, и, — какъ-будто поднятіемъ занавѣса, на которомъ всѣ событія предыдущей недѣли были лишь легкомысленнымъ узоромъ, — раскрылась потрясающая возможность все-европейской войны. Такъ настойчива была эта вскрывшаяся реальность, что даже разстрѣлъ мирныхъ гражданъ въ Дублинѣ, послѣ инцидента съ выгрузкой оружія въ Хаутѣ, съежился до событія третьестепенной важности. Мысли м-ра Бритлинга вернулись отъ своихъ безпокойныхъ скитаній и застыли на созерцаніи мчавшихся откуда-то изъ пустоты грозныхъ тучъ, постепенно заволакивавшихъ небо. Онъ смотрѣлъ на это небо, наблюдалъ его, удивленный и невѣрящій собственнымъ глазамъ, наблюдалъ, какъ рушится и опровергается его столько разъ высказанная вѣра въ здравый смыслъ и миролюбивыя стремленія Германіи; наблюдалъ всей безличной стороной своего существа, въ то время, какъ личная жизнь его стала течь по колеѣ, которая все болѣе и болѣе углублялась и суживалась по мѣрѣ того, какъ сознаніе м-ра Бритлинга отъ нея отвлекалось.

Никогда еще столь ясно не опредѣлялось раздвоеніе его мысли. Съ одной стороны, Бритлингъ отвлеченнаго сознанія видѣлъ, какъ, подобно дневному свѣту, тающему, когда окно закрывается ставней, — исчезалъ и таялъ миръ человѣчества; съ другой стороны, м-ръ Бритлингъ личныхъ переживаній

убѣждался, какъ весь уютъ его отношеній съ миссисъ Харродинъ исчезалъ въ тинѣ все осложнявшейся ирраціональной ссоры. Ему не хотѣлось терять миссисъ Харродинъ; наоборотъ, онъ съ чрезвычайно глубокой и глубоко-эгоистичной досадой относился къ ихъ охлажденію. Это, казалось, было безсмысленнымъ окончаніемъ отношеній, крайнюю и незамѣнимую пріятность которыхъ онъ только началъ сознавать.

Дѣло не въ томъ, что онъ въ нее влюбленъ. Онъ зналъ такъ же ясно, какъ если бы самъ себѣ это сказалъ: совершенно не влюбленъ. Но съ другой стороны, было такъ же ясно, хотя не такъ подчеркнуто, что, собственно, и она тоже не была въ него влюблена. Въ томъ-то и заключалась удовлетворяющая пріятность этихъ отношеній, что, въ сущности, въ нихъ не было любви, отсутствовала чувственность. Это давало ихъ мыслямъ возможность играть всѣми терминами и пріемами любви, безъ сопровождающихъ обычно такія отношенія горестей и разочарованій. Женщина могла вызвать слезы и улыбки, какъ вызываютъ по звонку прислугу; а мужчина игралъ свою роль любовника, не теряя власть надъ собой. Оба они удовлетворяли бы другъ въ другѣ давно испытываемую каждымъ потребность въ дружбѣ съ человѣкомъ иного пола, если бъ она могла сдержать свою странную наклонность къ ревности и чисто женское стремленіе дразнить. Вотъ этимъ-то она и нарушала условность ихъ отношеній, внося въ нихъ серьезныя реальности, и эта маленькая трещина расширилась теперь до значительнаго разрыва. Онъ зналъ, что въ минуты, когда она была въ состояніи здраво разсуждать, она такъ же, какъ и онъ, боялась этой трещины и хотѣла уничтожить ее. Но глубокая примитивность инстинктовъ, черезъ которые они молчаливо согласились перебросить мостъ, размыла и угнала своей волной сваи ихъ примиренія.

Если они не смогутъ прочно установить этотъ мостъ, то все должно будетъ кончиться, а м-ръ Бритлингъ чувствовалъ, что конецъ ихъ отношеній вызоветъ у него состояніе крайняго раздраженія. Она обратится за утѣшеніемъ къ Оливеру; она выйдетъ замужъ за него, — м-ръ Бритлингъ зналъ ее достаточно хорошо, и былъ увѣренъ, что она постарается безжалостно бросить въ лицо ему свое счастье съ Оливеромъ. А онъ, не имѣя про запасъ никакой соотвѣтствующей Оливетты, останется своего рода эмоціональнымъ холостякомъ, со свободными часами и вечерами, съ неудовлетворенной потребностью въ лести женщины. Его будетъ мучить ревность, и

тутъ онъ приходилъ къ выводу — отъ этого пострадаетъ его работа. Работа не сумѣетъ его захватить, пока всѣ эти случайныя потребности, которыя она утоляла, будутъ бродить въ немъ неудовлетворенными.

По обычаю нашего все еще слишкомъ юнаго міра, м-ръ Бритлингъ и миссисъ Харродинъ начали обсуждать эти крайне неромантическія обстоятельства въ выраженіяхъ той простой, честной юношеской страстности, которая и по сей день остается единственнымъ языковъ, доступнымъ для такой темы. Временами м-ръ Бритлингъ доходилъ почти до того, что начиналъ себя убѣждать, будто онъ испытываетъ къ ней нѣчто подобное той страстной любви, которую онъ когда-то испытывалъ къ своей Мэри, и что возможная потеря Харродинъ не имѣла никакого отношенія къ удобствамъ Пайкрафтса. Въ сущности, единственное обстоятельство во всей этой сложности эмоцій, которое все еще сохраняло въ его мысляхъ часть своей юношеской свѣжести, было очень сильное нежеланіе уступить ее кому бы то ни было. Въ довершеніе, онъ питалъ къ ней слабый намекъ чисто отеческаго чувства, которое не сталъ бы питать человѣкъ моложе его по лѣтамъ, и это чувство заставляло его сильно безпокоиться, какъ бы она не погубила свою жизнь бракомъ съ человѣкомъ, за котораго она вышла просто изъ желанія кому-то отомстить. Но это кажущееся великодушіе было свѣтлой стороной чувства ревности, сводившагося преимущественно лишь къ жаждѣ обладанія.

Первый возобновилъ переписку м-ръ Бритлингъ, написавъ ей коротенькое письмецо съ извиненіями за помятую автомобилемъ цвѣточную клумбу, и это вызвало замѣчательно трогательный отвѣтъ. Онъ, въ свою очередь, совершенно естественно отвѣтилъ увѣреніями въ неизмѣнности чувствъ. Но прежде чѣмъ получить его второе письмо, настроеніе ея рѣзко измѣнилось. Она рѣшила, что если онъ, дѣйствительно, жалѣетъ о случившемся и любитъ ее, то вмѣсто того, чтобы писать ей письма, онъ прибѣжалъ бы къ ней обезумѣвшій, въ состояніи глубокаго отчаянія, и на колѣняхъ умолялъ бы простить его. Въ такомъ духѣ она и написала второе письмо, которое въ дорогѣ встрѣтилось съ его вторымъ. Ея литературное дарованіе, взявъ надъ ней верхъ, развило этотъ тезисъ въ болѣе общую критику его обычнаго невнимательнаго отношенія къ ней и заставило ее заявить, что она потеряла всякую надежду на счастье съ нимъ, что она рѣшила покончить все разъ навсегда и, посвятивъ, какъ полагается, нѣсколько

времени сожалѣнію о прошломъ, вызвать Оливера и наградить его за его терпѣливость и доброту.

А тутъ положеніе вещей въ Европѣ совсѣмъ взвинтило нервы м-ра Бритлинга, и онъ отвѣтилъ письмомъ, которому предназначалось быть примирительнымъ, но которое выродилось въ упреки за ея „безразсудность". Въ это время она получила его второе нѣжно-краснорѣчивое письмо; оно глубоко ее тронуло, и, облегчивъ въ предыдущемъ своемъ посланіи душу отъ многаго, что непріятно ее мучило, она отвѣтила новымъ посланіемъ, на этотъ разъ тоже нѣжно любящимъ. Съ этого момента ихъ переписка приняла характеръ двойственный, стали чередоваться письма озлобленныя и нѣжныя. Третье ея письмо было нѣжнымъ, и онъ въ своемъ четвертомъ такъ же нѣжно ей отвѣтилъ. Но въ промежуткѣ она получила его третье и отвѣтила на него со значительной ѣдкостью, на которое его пятое было соотвѣтствующимъ откликомъ, отправленнымъ за нѣсколько часовъ до полученія ея великодушнаго и заключительнаго пятаго. На пятое его письмо она отвѣтила телеграммой въ субботу вечеромъ — въ субботу 1-го августа новаго стиля 1914 г. Оливеръ въ это время находился въ Голландіи, куда отправился за крайне заслуженнымъ отдыхомъ отъ своихъ эмоціональныхъ переживаній, и она телеграфировала м-ру Бритлингу: „Телеграфировала Оливеру онъ пріѣдетъ на мой зовъ не трудитесь отвѣчать мою телеграмму".

Она была крайне удивлена, не получивъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней никакого отвѣта. Не получила же она никакого отвѣта по той причинѣ, что съ телеграфными проводами Англіи какъ разъ въ это время приключались странныя явленія, и ея телеграмма была доставлена м-ру Бритлингу только въ понедѣльникъ утромъ. Онъ же въ это время находился въ Клаверингсѣ, обсуждая вторженіе нѣмцевъ въ Бельгію, дѣлавшее неизбѣжнымъ участіе Англіи въ войнѣ, и поэтому до половины шестого вечера не вскрылъ красно-коричневаго конверта телеграммы. Онъ не обратилъ вниманія на день и часъ отправки телеграммы, но сейчасъ же сообразилъ, что это въ сущности — вызовъ. Онъ понялъ, что отъ него ждутъ, чтобы онъ тотчасъ же сѣлъ въ „Глэдисъ" — теперь совершенно поправившуюся съ помощью опытнаго механика — поѣхалъ въ Пайкрафтсъ и навсегда кончилъ эту злосчастную ссору страстной и драматической сценой. Но мысли его были такъ поглощены войной, что это все ему показалось безцвѣтнѣйшей и непривлекательнѣйшей изъ обязанностей. Съ другой стороны,

онъ чувствовалъ, что какой-то таинственный кодексъ чести негласнаго любовнаго похожденія обязываетъ его сыграть роль до конца. Онъ отложилъ свой отъѣздъ до послѣ ужина — не было причинъ опасаться ѣхать на автомобилѣ ночью, при свѣтѣ луны, если онъ будетъ остороженъ. Но тутъ пришли Гю и Сисси и предложили партію въ хоккей. Хоккей замѣчательно успокаивалъ нервы, давалъ такую возможность забыть на время ужасъ войны, которую онъ всегда считалъ невозможной, что, признаться, онъ страшно обрадовался ихъ предложенію.

X.

Въ теченіе многихъ дней общія мысли м-ра Бритлинга, въ противоположность ихъ эгоистическому краю, поглощены были все болѣе связно опредѣлявшимся зрѣлищемъ культурнаго міра, который отбросилъ многообразіе интересовъ мирнаго времени, ухватился за оружіе и, стиснувъ зубы, готовился къ борьбѣ противъ воинствующаго милитаризма. Съ точки зрѣнія Матчингсъ-Изи, эта гигантская кристаллизація скопившихся враждебныхъ силъ выражалась пока лишь въ спутанныхъ заголовкахъ и переставленныхъ столбцахъ газетъ — этихъ бѣлыхъ оконъ, сквозь которыя глядѣли на міръ жители отгороженной отъ всякихъ опасностей Англіи. Все, о чемъ стали писать въ газетахъ, представлялось имъ событіями въ сферѣ мысли и печати, безконечно далекой отъ дѣйствительности зеленаго газона, по которому они ходили, отъ голоса и церковныхъ колоколовъ м-ра Димпля, ласково баюкающихъ слухъ, отъ стука ланей, которыя начинали сбивать бархатъ со своихъ роговъ въ паркѣ, отъ громыханія повозки мясника и почтительнаго поклона мальчика изъ мясной, проходившаго по дорогѣ. Событія этого далекаго міра казались даже самому пылкому воображенію менѣе реальными, чѣмъ міръ романовъ или театральныхъ пьесъ. Объ этомъ говорили съ невольнымъ чувствомъ, что говорятъ о чемъ-то фантастическомъ, или совершенно отвлеченномъ.

Въ четвергъ, 23-го іюля новаго стиля, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ предъявилъ сербскому правительству свой невозможный ультиматумъ и потребовалъ отвѣта въ теченіе сорока восьми часовъ. Теперь, оглядываясь назадъ, мы знаемъ, что это означало. Рѣшено было снова выкопать изъ могилы сараевское дѣло и использовать его, какъ поводъ для войны. Но тогда девятьсотъ девяносто девять европейцевъ изъ тысячи все еще не подозрѣвали, что происходитъ. Ультиматумъ

игралъ видную роль въ заголовкахъ утреннихъ лондонскихъ газетъ, которыя получились въ Матчингсъ-Изи въ пятницу, но самъ ультиматумъ далеко не поглощалъ собой всѣ другія сенсаціи. Первое мѣсто было отведено отказу сэра Эдуарда Карсона отъ уступокъ, предложенныхъ Ульстеру правительствомъ; почти такое же вниманіе, какъ извѣстіямъ изъ Сербіи, было удѣлено процессу Кайо и столкновеніямъ рабочихъ съ казаками въ Петербургѣ. На вопросы Herr Heinrich'а за завтракомъ послѣдовали успокоительные отвѣты.

Въ субботу центральное мѣсто все еще занималъ сэръ Эдуардъ Карсонъ; Россія вмѣшалась и потребовала отсрочки для отвѣта Сербіи, и „Daily Chronicle" объявилъ этотъ день критическимъ для Европы. Къ понедѣльнику Дублинъ съ его штыковыми атаками и стрѣльбой совсѣмъ было заставилъ забыть о Сербіи. Еще ни одного выстрѣла не раздалось на востокѣ, а каша въ Ирландіи, на которую такъ разсчитывала Германія, сильно развивалась. Говорили, что сэръ Эдуардъ Грей изо всѣхъ силъ старается сохранить миръ въ Европѣ.

— Это, знаете, напоминаетъ тотъ разсказъ про мальчика, который пугалъ пастуховъ, крича: „Волкъ! Волкъ!" — сказалъ м-ръ Бритлингъ Herr Heinrich'у.

— Да, но въ концѣ концовъ волкъ все же появился, — отвѣтилъ Herr Heinrich. — Ахъ, какъ я жалѣю, что послалъ вступительный взносъ на этотъ конгрессъ эсперантистовъ. Я увѣренъ, что онъ не состоится.

— Смотрите, — сказалъ Тэдди успокоительно Herr Heinrich'у во вторникъ, показывая ему газету, въ которой „Кровавыя событія въ Дублинѣ" загнали въ нижній уголъ листа „Грозовая туча войны разсѣивается".

— Что мы вамъ говорили? — сказала миссисъ Бритлингъ. — Никому не хочется общеевропейской войны.

Но въ среду газеты какъ бы начали оправдывать опасенія Herr Heinrich'а: Германія потребовала отъ Россіи пріостановки мобилизаціи.

— Но Россія, конечно, будетъ мобилизоваться, — сказалъ Herr Heinrich.

— Или же ей придется навсегда затихнуть, — сказалъ Тэдди.

— И тогда начнетъ мобилизоваться Германія, — продолжалъ Herr Heinrich, — и конецъ моему отпуску и моимъ каникуламъ. Мнѣ тоже придется ѣхать и мобилизоваться. Мнѣ тоже придется воевать. У меня наверху лежатъ мобилизаціонныя бумаги.

— Я никогда до сихъ поръ не представлялъ васъ солдатомъ, — сказалъ Тэдди.

— Видите ли, я получилъ отсрочку до сдачи кандидатскаго экзамена, — пояснилъ Herr Heinrich. — А теперь все это — пуфъ! И мое кандидатское сочиненіе почти на три четверти готово!

— Да, это дѣло серьезное, — замѣтилъ Тэдди.

— Verd mnite Dummheit, — сказалъ Herr Heinrich. — Зачѣмъ они это затѣяли?

Въ четвергъ, 30-го іюля, Кайо, Карсонъ, забастовки и всѣ тому подобныя обычныя сенсаціи жизни, были совершенно сметены съ первыхъ страницъ газетъ.

Биржа находилась въ состояніи паники, а цѣны на съѣстные продукты начали подниматься быстрыми скачками. Австрія, вопреки принятымъ до сего обычаямъ войны, уже бомбардировала Бѣлградъ. Россія мобилизовалась. М-ръ Асквитъ же, по собственнымъ его увѣреніямъ, не оставлялъ упорныхъ попытокъ „сдѣлать все возможное, чтобы ограничить сферу дѣйствія возможнаго конфликта“. Вѣнская конференція „Общества мира“ была отложена.

— Я не вижу, почему конфликтъ между Россіей и Австріей неминуемо долженъ захватить и всю западную Европу, — говорилъ м-ръ Бритлингъ. — Вѣдь мы непосредственно заинтересованы только въ судьбахъ Франціи и Бельгіи.

Но Herr Heinrich смотрѣлъ на дѣло иначе.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ. — Это — война, та самая война! Наконецъ она пришла! О ней въ Германіи часто говорили. Но я никогда не вѣрилъ, что она все-таки будетъ. Ахъ, она ни съ кѣмъ не считается! Пока не будетъ повсемѣстно введено эсперанто, такія вещи неминуемы.

Пятница принесла снимки, изображающіе мобилизацію въ Вѣнѣ, и извѣстіе, что Бѣлградъ въ огнѣ. Юноши въ соломенныхъ шляпахъ, очень похожіе на бельгійскихъ, или французскихъ, или англійскихъ юношей, были изображены шествующими по улицамъ Вѣны; они торжественно несли флаги или знамена, трубили въ трубы, размахивали шляпами и что-то кричали. Къ субботѣ уже вся Европа начала мобилизоваться, и Herr Heinrich поѣхалъ на велосипедѣ Тэдди на станцію, чтобы раздобыть вечернихъ газетъ.

Мобилизація и переживанія Herr Heinrich'а теперь стали центральными интересами жизни въ Дауэръ-Хаузѣ. Два младшихъ Бритлинга весьма энергично мобилизовались на полу въ дѣтской. У старшаго было сто девяносто оловянныхъ солдатиковъ,

со значительнымъ обозомъ и довольно многочисленной артиллеріей; у младшаго же армія состояла изъ ста двадцати трехъ единицъ, не считая трехъ желѣзнодорожныхъ носильщиковъ съ тележками, полисмена, пяти лицъ гражданскаго званія и двухъ дамъ. Кромѣ того они надѣлали себѣ изъ бумаги множество англійскихъ и германскихъ флаговъ. Но такъ какъ ни одинъ, ни другой, не желалъ позволить своимъ войскамъ быть какой-нибудь иностранной арміей, то они, наконецъ, рѣшили быть „красными“ и „синими“, соотвѣтственно преобладающей окраскѣ мундировъ въ ихъ арміяхъ. Одновременно съ этимъ Herr Heinrich, сильно запинаясь, сознался, что его горе усложняется явившейся неожиданностью для всѣхъ романтической привязанностью къ дочери сельскаго трактирщика. Это была кроткая, чувствительная молодая дѣвица, по имени Модъ Хиксонъ, которую юноша, какъ оказалось, назвалъ новымъ, болѣе поэтическимъ, именемъ Маргариты.

— Мы часто бесѣдовали, о, да, очень часто, — увѣрялъ онъ миссисъ Бритлингъ. — А теперь все это должно кончиться! Она любитъ цвѣты, любитъ птицъ. Она такъ мила и такъ невинна. Я научилъ ее многимъ нѣмецкимъ словамъ и даже нѣсколько разъ пробовалъ ее зарисовать карандашомъ. А теперь я долженъ уѣхать и больше никогда не увижу ея.

Его дальнѣйшее и весьма туманное обращеніе ко всей литературѣ тевтонскаго романтизма какъ-то обезоружило миссисъ Бритлингъ и удержало ее отъ выраженія протеста противъ его знакомства съ молодой дѣвушкой.

— Кромѣ того, — воскликнулъ Herr Heinrich, уже переходя на другое, волнующее его горе, — какъ я уложу свои вещи? Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда къ вамъ въ Англію, я накупилъ себѣ много вещей, много книгъ, двѣ пары бѣлыхъ фланелевыхъ брюкъ, нѣсколько сорочекъ и инструментъ для проявленія пленокъ кодака. Все это должно влѣзть въ мой маленькій чемоданъ. И не влѣзетъ въ него, — никакъ!

— И Билли! Кто теперь будетъ продолжать образованіе Билли?

Но перстъ судьбы не обращалъ вниманія на горести и затрудненія Herr Heinrich'а. Онъ въ волненіи бѣгалъ изъ своей комнаты внизъ, потомъ снова вбѣгалъ къ себѣ наверхъ, уходилъ по какимъ-то таинственнымъ и пустяковымъ дѣламъ по направленію къ сельскому трактиру, бродилъ безцѣльно по саду. Голова и лицо его все болѣе розовѣли; глаза его набухали, и въ нихъ отпечатлѣлось отчаяніе. Всѣ старались сказать ему что-нибудь ласковое, мягкое, оказать ему какую-нибудь услугу, маленькую любезность.

— Ахъ, — сказалъ онъ Тэдди, — вы — штатскій! Вы живете въ свободной странѣ. Это не ваша война. Васъ она можетъ занимать, забавлять...

Но вѣдь Тэдди все занимало, все забавляло.

Что-то, о чемъ весьма смутно догадывались и сознавали въ Матчингсъ-Изи, что-то методичное и всеобязывающее, что-то, находящееся гдѣ-то въ Лондонѣ, какъ-будто начинало нащупывать и разыскивать Herr Heinrich'a, и Herr Heinrich какъ-будто это сознавалъ и къ этому готовился. Воскресная почта принесла рѣшеніе.

— Мнѣ надо ѣхать, — сказалъ онъ. — Я долженъ сегодня же ѣхать въ Лондонъ. Нужно явиться по указанному адресу въ Блумсбери, а тамъ мнѣ скажутъ, какъ мнѣ добраться до Германіи. Я долженъ немедленно уложить всѣ вещи и ѣхать. Ахъ, зачѣмъ по воскресеньямъ не ходятъ поѣзда по нашей вѣткѣ!

За завтракомъ онъ говорилъ о политикѣ.

— Я противъ этой войны, — говорилъ онъ. — Я, вообще, принципіально противъ всякой войны.

— Тогда зачѣмъ же вы ѣдете?—спросилъ м-ръ Бритлингъ. — Оставайтесь здѣсь съ нами. Мы всѣ васъ любимъ. Оставайтесь здѣсь и не являйтесь на мобилизацію.

— Но тогда я лишусь своей родины! Я потеряю свои бумаги и права. Я буду отщепенцемъ. Нѣтъ, я долженъ ѣхать!

— Да, пожалуй, человѣкъ долженъ всегда идти на зовъ своей родины,—рѣшилъ послѣ нѣкотораго размышленія м-ръ Бритлингъ.

— Если бы только весь міръ говорилъ на одномъ языкѣ, ничего подобнаго никогда не случилось бы, — заявилъ Herr Heinrich. — Не было бы тогда ни англичанъ, ни нѣмцевъ, ни русскихъ.

— Были бы одни только эсперантисты, — вставилъ Тэдди.

— Или идоисты,—сказалъ Herr Heinrich. — Я еще не убѣжденъ, которые изъ двухъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идо гораздо практичнѣе и цѣлесообразнѣе эсперанто.

— А тогда, можетъ-быть, чтобы рѣшить вопросъ, что лучше, вспыхнула бы война между идо и эсперанто, — пошутилъ Тэдди.

— Съ кѣмъ же мы будемъ играть въ дурачки, когда вы уѣдете?—спросила миссисъ Бритлингъ.

— Цѣлое утро сегодня, — сказалъ Herr Heinrich, тая въ теплѣ проявлявшагося со всѣхъ сторонъ къ нему сочувствія,— я старался уложиться, и не могъ. Мои мысли слишкомъ заняты

и взволнованны. Мнѣ пишутъ, что я долженъ брать съ собой какъ можно меньше вещей. И вотъ, миссисъ Бритлингъ, если можно, пожалуйста...

Миссисъ Бритлингъ приняла внимательно-выжидательное положенiе.

— Если бы я могъ оставить у васъ часть своихъ вещей, часть платья, бѣлья, а главное, скрипку, я былъ бы чрезвычайно обязанъ вамъ. Это очень меня облегчило бы. Я не хочу мобилизоваться вмѣстѣ съ моей скрипкой. Будетъ, по всей вѣроятности, давка и толкотня, и ее могли бы сломать. Я бы просто взялъ свой Rücksack.

— Если вы уложите и соберете куда-нибудь свои вещи, конечно...

— А потомъ ихъ можно будетъ прислать.

Но онъ все-таки ничего не уложилъ. Вскорѣ за нимъ прiѣхалъ таксомоторъ, и вся семья, вмѣстѣ съ первымъ прибывшимъ контингентомъ игроковъ въ хоккей, собралась вокругъ автомобиля проводить его. Старшiй изъ двухъ мальчиковъ принесъ и положилъ на скамейку биткомъ набитый, набухшiй Rücksack. Herr Heinrich торжественно пожалъ каждому руку.

— Пишите и сообщайте намъ, какъ и гдѣ вы устроились,— сказала миссисъ Бритлингъ.

— Ну, а если Англiя бы объявила войну?

— Тогда напишите Рейнольдсу... подождите, я напишу вамъ его адресъ, это мой нью-iоркскiй агентъ,—сказалъ м-ръ Бритлингъ и записалъ нѣсколько словъ на бумажкѣ.

— Мы съ вами поѣдемъ до деревни, Herr Heinrich,—сказали мальчики.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Herr Heinrich, садясь въ автомобиль.— Я хочу сразу со всѣми здѣсь проститься. Мнѣ такъ будетъ легче...

— Auf Wiedersehen! — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ. — И помните, что бы ни случилось, но, въ концѣ-концовъ, снова наступитъ миръ.

— Такъ почему же не миръ съ самаго начала? — спросилъ Herr Heinrich со справедливой раздражительностью въ голосѣ и затѣмъ повторилъ высказанную трижды оцѣнку всего европейскаго положенiя:—Verd mnite Dummheit!

— Трогайтесь! — сказалъ м-ръ Бритлингъ шофферу.

— Auf Wiedersehen, Herr Heinrich!

— Auf Wiedersehen!

— Прощайте, Herr Heinrich!

— Счастливаго пути, Herr Heinrich!

Таксомоторъ зажужжалъ и тронулся, и Herr Heinrich выѣхалъ въ тѣ же самыя ворота и по той же алчной, пыльной дорогѣ, которая недавно поглотила м-ра Дирека.

— Давайте, проводимъ его какъ слѣдуетъ,— крикнулъ Тэдди.—Ну, разъ, два, три! Auf Wiedersehen!

Голоса, рѣзкіе и грубые, тоненькіе и низкіе, нестройно прозвучали среди лѣтняго зноя. Изгородь изъ шиповника скрыла маленькое личико нѣмца. Но вотъ снова показалась его розовая голова. Онъ стоялъ въ автомобилѣ и махалъ своей панамой. На этотъ разъ забылъ свой страхъ передъ солнечнымъ ударомъ...

Еще минута, и Herr Heinrich скрылся совсѣмъ...

— Ну,—сказалъ м-ръ Бритлингъ, поворачиваясь къ дому.

— Неужели его убьютъ или ранятъ,—сказалъ кто-то изъ посѣтителей.

— О, нѣтъ, такого мальчишку въ окопы не пошлютъ,— успокоилъ его м-ръ Бритлингъ.— Онъ вѣдь совершенно еще не обученный. Кромѣ того, онъ носитъ очки. Какъ же онъ будетъ стрѣлять? Нѣтъ, изъ него сдѣлаютъ писаря или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Онъ ничего не уложилъ,—сказала миссисъ Бритлингъ,— поднимись наверхъ на минуточку и взгляни въ его комнату! Это прямо трогательно.

И, дѣйствительно, это было трогательно.

Это было болѣе, чѣмъ трогательно. Въ своемъ родѣ, миніатюрномъ и нелѣпомъ, это было даже символично и пророчески: это была миніатюрная картина одной вырванной съ корнями, разрушенной жизни.

Дверь въ комнату Herr Heinrich'a была широко раскрыта. Даже окна и тѣ были раскрыты, словно ему не хватало воздуха. Ему, этому молодому нѣмцу, который всегда, съ перваго дня своего пріѣзда въ Англію, такъ упорно и старательно закрывалъ окна. Поперекъ камина лежала большая дубовая вѣтка, которую онъ когда-то принесъ для Билли, но теперь листья и вѣточки давно засохли и многіе изъ нихъ оторвались и валялись на полу. На маленькомъ столикѣ въ углу комнаты стояла пустая клѣтка Билли. Вмѣсто того, чтобы укладываться, очевидно, молодой человѣкъ шагалъ долго взадъ и впередъ по комнатѣ, въ состояніи взволнованнаго размышленія. Постель была помята, какъ - будто онъ нѣсколько разъ бросался на нее, потомъ снова вскакивалъ. Книги же были разбросаны въ хаосѣ по всей комнатѣ. Онъ, очевидно, началъ что-то укладывать въ большую картонку, взятую у кого-то

изъ прислуги. Скрипка торжественно лежала на комодѣ, ящики котораго были всѣ наполовину раскрыты, а посерединѣ комнаты, на полу, жалкимъ напоминаніемъ лежала помятая голубая сорочка, — молчаливый символъ тихаго отчаянія. Въ каминѣ виднѣлся разорванный на-двое листъ бумаги съ неудавшимся рисункомъ, изображающимъ лицо молодой дѣвушки.

Мужъ и жена нѣкоторое время молча разсматривали покинутую комнату.

— Я не вижу Билли, — сказалъ, наконецъ, м-ръ Бритлингъ, понизивъ голосъ до шопота.

— Можетъ-быть, онъ выскочилъ въ окно, — сказала миссисъ Бритлингъ, тоже шопотомъ.

— Ну, что же, — сказалъ вдругъ неожиданно и громко м-ръ Бритлингъ, отворачиваясь отъ этого перваго предвѣстника грядущихъ печалей и непріятностей, — пойдемъ играть въ хоккей. Ему необходимо было ѣхать, и ничего другого нельзя было сдѣлать! Ну, а Билли, навѣрное, вернется, какъ только проголодается...

XI.

Понедѣльникъ былъ праздникомъ и днемъ, посвященнымъ, по давно установившемуся обычаю, выставкѣ цвѣтоводства въ Клаверингсъ-Паркѣ.

Дню этому суждено было долго жить въ памяти м-ра Бритлинга, съ той рѣзкой ясностью, съ какой иногда запоминается солнце на краешкѣ грозовой тучи. На газонахъ парка раскинуты были палатки съ экспонатами, дальше была еще огромная палатка съ надписью „Дешевый буфетъ“; была сверкающая великолѣпіемъ желто-золотистая паровая карусель съ „автомобилями“ и „лошадками“, другая такая же, но зелено-серебристая, съ „страусами“ и „львами“, и при каждой была шарманка, приводимая въ движеніе паромъ; былъ цѣлый рядъ балагановъ, палатокъ, тировъ съ множествомъ заманчивыхъ призовъ. А черезъ спеціально устроенную калитку можно было за шесть пенсовъ войти въ садъ при самомъ замкѣ Клаверингсъ, причемъ извѣстно было, что каждые шесть пенсовъ будутъ удвоены лэди Хомартинъ и употреблены на снабженіе углемъ бѣднѣйшихъ жителей Матчингсъ-Изи. М-ръ Бритлингъ, обойдя со своими мальчиками всѣ балаганы и всѣ „атракціоны“, далъ каждому изъ нихъ по шиллингу, предоставилъ имъ развлекаться самостоятельно, уплатилъ шесть пенсовъ, вошелъ въ садъ и направился, какъ обѣщалъ, пить чай у лэди Хомартинъ.

Утреннія газеты пришли очень поздно, онъ читалъ, перечитывалъ и обсуждалъ ихъ безъ конца, пока семья его не настояла на томъ, чтобы онъ одѣлся и отправился съ ними на празднество. А газеты были интересныя, особенно заголовки, сообщавшіе:

„Великія державы воюютъ!“ „Германцы вторглись во Францію!“ „Русскіе вторглись въ Германію!“ „100.000 германцевъ вступили въ Люксембургъ!“ „Можетъ ли Англія оставаться безучастной?“ „Предстоящій выпускъ 50-милліоннаго займа“. А Германія не только нарушила лондонскій трактатъ, но даже захватила въ Кильскомъ каналѣ какой-то англійскій пароходъ... Карусели дѣлали блестящія дѣла, шарманщики, не переставая, ревѣли, а изъ разныхъ тировъ несся безпрестанно трескъ выстрѣловъ, разбиваемыхъ бутылокъ и глиняныхъ шариковъ; Тэдди, и Летти, и Сисси, и Гю такъ наловчились въ метаніи стрѣлъ въ одномъ изъ балагановъ, что рѣшили изъ своихъ выигрышей собрать полный чайный приборъ для коттеджа Тэдди; у входа въ огороженную для празднества часть парка стоялъ цѣлый ассортиментъ автомобилей и экипажей; маленькіе Бритлинги встрѣтили какихъ-то пріятелей изъ гостившихъ въ замкѣ дѣтей и цѣликомъ были поглощены демонстраціей своей ловкости и умѣнія ѣздить на деревянныхъ страусахъ.

А не дальше чѣмъ въ 400 миль отъ Клаверингса, на фронтѣ, тянувшемся отъ Нанси до Льежа, болѣе милліона съ четвертью людей, одѣтыхъ во все сѣрое, величайшая и наилучше снаряженная армія, которую когда-либо видалъ міръ, устремлялась на западъ, съ цѣлью захватить Парижъ, придавить и парализовать Францію, завладѣть портами Ламанша, вторгнуться въ Англію и сдѣлать Германскую имперію властительницей міра. Ихъ вооруженіе и снаряженіе было чудомъ предусмотрительности и научной организаціи, начиная съ моторныхъ кухонь до телескопическихъ прицѣловъ, какими были снабжены ружья ихъ стрѣлковъ, до безчисленныхъ пулеметовъ пѣхоты, массы приспособленій для рытья и возведенія окоповъ.

— Пойдемъ за сахарницей, — позвалъ пробѣжавшій мимо Тэдди.

— Не нужно второй сахарницы! — крикнула Сисси и помчалась вдогонку за нимъ.

Гю пошелъ выигрывать сахарницу въ другомъ тирѣ.

Пройдя дальше, м-ръ Бритлингъ услышалъ откликъ воинственныхъ настроеній.

— Пойдемъ сбивать бутылки, — сказалъ веселый молодой фермеръ. —Теперь какъ разъ время поупражняться въ стрѣльбѣ, когда война на носу...

М-ръ Бритлингъ натолкнулся на деревенскаго трактирщика Хиксона; онъ былъ взволнованъ: сына его призвали въ качествѣ запаснаго.

— У него такъ хорошо наладилась теперь работа, — сказалъ онъ. — Дали бы ему, право, еще поработать немного. Такая досада! Онъ получилъ первый призъ за свои редиски. А какъ вы думаете, сэръ, будетъ война? Какъ-будто бы что-то въ этомъ родѣ начинается.

— Да, война ближе чѣмъ когда-либо, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Глупая это исторія.

— Ужъ, конечно, если они на насъ пойдутъ, мы должны дать отпоръ, — сказалъ м-ръ Хиксонъ. — А вотъ и почтальонъ съ газетами.

М-ръ Бритлингъ протолкался черезъ толпу и направился къ калиткѣ, которая вела въ садъ при замкѣ Клаверингсъ. Вдругъ раздался громкій выстрѣлъ, и м-ръ Бритлингъ испуганно оглянулся.

Это былъ пушечный сигналъ, возвѣщавшій начало гонки воздушныхъ шаровъ.

Онъ остановился и сталъ глядѣть. Собралась толпа народа: тутъ были деревенскія дѣвушки въ свѣтлыхъ шляпахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, молодые люди въ яркихъ галстухахъ и купленныхъ въ магазинѣ готоваго платья праздничныхъ костюмахъ, пожилые отцы и матери, бойскауты, дѣти, клэрки въ соломенныхъ шляпахъ, велосипедисты и всякаго рода люди. Надъ ихъ головами возвышался м-ръ Чесхентъ, управляющій имѣнія. Онъ стоялъ на столѣ и выпускалъ одинъ за другимъ шары на воздухъ. Они вылетали изъ его рукъ какъ разноцвѣтныя грозди винограда; одни взвивались и падали, нѣкоторые плавно поднимались вверхъ, другіе кружились и шли къ востоку, увлекаемые легкимъ вѣтеркомъ, и казались нитью мыльныхъ пузырей на фонѣ неба и высокихъ деревьевъ, окаймлявшихъ паркъ. Дальше направо виднѣлись полосатыя палатки цвѣточной выставки; еще дальше гремѣла музыка каруселей и взвивались на воздухъ качели, раздавались выстрѣлы изъ тировъ. За изгородью, отдѣлявшей его отъ шумной ярмарки, разстилался открытый паркъ; лани стояли тамъ подъ высокими деревьями, встревоженныя шумомъ празднества. Тэдди и Гю отдѣлились отъ толпы, наблюдавшей за воздушными шарами, и побѣжали въ тиръ метать стрѣлы.

Человѣкъ, стоявшій у маленькой палатки, раскинутой отдѣльно отъ другихъ, вывѣшивалъ многообѣщающую надпись: „Сколько угодно чаю за одинъ шиллингъ“. Дѣтская коляска Тэдди стояла прислоненная къ тиру, гдѣ тетя Уильширъ проявляла чудеса ловкости, сбивая кокосовые орѣхи. Она уже сбила двадцать семь штукъ и собрала вокругъ себя свиту мальчишекъ, которые были такъ поражены ея подвигами, что собирали сбитые кокосовые орѣхи, чтобы понести ихъ за нею домой. Тетя Уильширъ была поразительная старая женщина...

И сквозь солнечное сіяніе празднества, точно письмена, мелькавшія изъ-за картины, выступили слова: „Вторженіе Германіи во Францію. Вторженіе Россіи въ Германію“.

М-ръ Бритлингъ снова повернулъ къ калиткѣ, у которой стояли сборщики платы за входъ, и вошелъ въ садъ.

XII.

Обширный садъ при замкѣ Клаверингсъ, и особенно та часть его, которая изобиловала каменными гротами, прудами и густыми изгородями, былъ необычайно переполненъ незнакомыми посѣтителями и застѣнчивыми молодыми парочками. М-ръ Бритлингъ прошелъ прямо въ домъ, откуда одинъ изъ лакеевъ повелъ его въ небольшой голландскій садикъ за молочной фермой, куда спряталась лэди Хомартинъ. Она только что окончила раздавать призы на цвѣточной выставкѣ и теперь отдыхала, вытянувшись на chaise-longue въ то время, какъ ея дальняя родственница, старая дѣва, хозяйничала за чайнымъ столомъ. Рядомъ съ нею сидѣла миссисъ Бритлингъ, еще раньше сбѣжавшая съ праздника. Изъ Харлейтри пріѣхала лэди Мидъ и еще нѣсколько человѣкъ, и забѣжалъ Маннингъ, подтвердившій справедливость всего того, что предсказывали утреннія газеты.

— Ну, что, какія новости? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Война! — отвѣтила за него миссисъ Бритлингъ.

— Они уже въ Люксембургѣ, — сказалъ Маннингъ, — и это означаетъ, что они, дѣйствительно, намѣрены пройти черезъ Бельгію.

— Тогда, значитъ, я ошибся, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и весь міръ сошелъ съ ума! Теперь намъ ничего не остается, какъ во что бы то ни стало побѣдить... Ахъ, почему они не оставили Бельгію въ покоѣ!

— Да вѣдь это входило во всѣ ихъ планы вотъ ужъ двадцать лѣтъ! — сказалъ Маннингъ.

— Но это значитъ, что и мы будемъ воевать!

— Я думаю, они на это вполнѣ разсчитывали.

— Ну, дѣла! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, взялъ протянутую чашку чая, сѣлъ и нѣкоторое время ничего не говорилъ.

— Значитъ, трое противъ троихъ, — сказалъ кто-то изъ гостей, подсчитывая соотношенія державъ, которыя должны были принимать участіе въ войнѣ.

— Италія, по-моему, — сказалъ Маннингъ, — почти, навѣрное, откажется. Въ сущности, симпатіи Италіи на нашей сторонѣ. Да это и естественно. Вѣдь начать съ того, что эта война, главнымъ образомъ, направлена противъ Австріи. И Японія тоже, навѣрное, будетъ съ нами.

— Мнѣ кажется, — сказала старая лэди Мидъ, — что Германія идетъ на самоубійство. Не можетъ же она выдержать борьбу съ Россіей, Франціей и съ нами! Зачѣмъ они только затѣяли эту войну?

— Эта война можетъ оказаться куда длительнѣе и труднѣе, чѣмъ всѣ предполагаютъ! — сказалъ Маннингъ. — Нѣмцы разсчитываютъ, что они побѣдятъ.

— Противъ всѣхъ насъ?

— Противъ всѣхъ насъ! Они очень хорошо подготовлены и очень сильны.

— Я не вѣрю, чтобы Германія могла побѣдить, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, прерывая свое молчаніе. — Германія имѣетъ противъ себя нѣчто большее, чѣмъ арміи: весь разумъ, весь инстинктъ трехъ величайшихъ народовъ міра.

— Которые въ настоящую минуту очень плохо снабжены всякими военными припасами...

— Ну, это только, можетъ-быть, затянетъ событія на нѣкоторое время; затруднитъ немного нашу задачу. Но конца это не измѣнитъ. Разумѣется, побѣдимъ мы! Иначе и предполагать нельзя. Я никогда не вѣрилъ, что они серьезно думаютъ о войнѣ. Но теперь я вижу, что ошибся. Всѣ эти наглыя вооруженія, парады, маневры; эти сорокъ лѣтъ упорно раздуваемаго джингоизма. Да, раньше или позже, но это все должно было воплотиться въ дѣйствіе.

— Вы думаете, м-ръ Бритлингъ, эта война будетъ очень продолжительна? — спросила лэди Мидъ.

— Продолжительная или нѣтъ, но она кончится несомнѣннымъ паденіемъ Германіи. Я лично не вѣрю, чтобы она могла быть очень продолжительной. Я не согласенъ съ Маннингомъ. Даже теперь я никакъ не могу заставить себя вѣрить, чтобы цѣлый, великій народъ былъ охваченъ повальнымъ

военнымъ безуміемъ. Мнѣ кажется, что эта война дѣло рукъ только германской военно-промышленной партіи и дворцовой камарильи. Это они навязали войну Германіи. Ну, вотъ... Пока они побѣждаютъ, Германія будетъ единой... пока ихъ арміи не будутъ опредѣленно разбиты, или ихъ флотъ не будетъ уничтоженъ. Но стоитъ лишь одинъ разъ остановить ихъ, осадить и поколотить, и тогда, по моему, духъ Германіи мгновенно измѣнится, какъ измѣнился онъ послѣ Іены.

— Уилли Никсонъ, который вчера только вернулся изъ Гамбурга, — сказалъ одинъ изъ гостей, — говоритъ, будто они убѣждены, что возьмутъ Парижъ и Петербургъ, еще одинъ-два крупныхъ центра и вообще прикончатъ съ нами еще до Рождества.

— А что насчетъ Лондона?

— Я не помню, упомянулъ онъ о Лондонѣ или нѣтъ. Но, думается, однимъ Лондономъ больше или меньше, врядъ ли это имѣетъ особое значеніе. Они не вѣрятъ, что мы осмѣлимся выступить, а если осмѣлимся, то они съ помощью цеппелиновъ уничтожатъ нашъ флотъ и сметутъ съ лица земли нашу армію... если ее вообще можно назвать арміей...

Маннингъ кивнулъ головой, подтверждая эти слова.

XIII.

М-ръ Бритлингъ немного самъ удивился произнесенной имъ рѣчи. Онъ всегда утверждалъ, что нѣмцы не станутъ воевать... А, однако, вотъ они воюютъ. Онъ былъ внѣ себя отъ негодованія, чувствовалъ себя пророкомъ, который ошибся въ своихъ предреканіяхъ. И онъ только тогда понялъ силу и страстность своихъ собственныхъ воинственныхъ взглядовъ, когда услыхалъ ихъ изъ собственныхъ устъ. Возвращаясь домой съ женой пѣшкомъ черезъ село, онъ все находился подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ этого открытія. Онъ угрюмо молчалъ, придумывалъ различныя рѣзкія обличительныя выраженія противъ Круппа и кайзера.

— „Круппъ и кайзеръ“, — повторялъ онъ эту бросающуюся въ глаза, напрашивающуюся на языкъ, аллитерацію. — Все, что есть худшаго въ средневѣковьѣ, соединенное со всѣмъ, что есть худшаго въ современности, — говорилъ онъ себѣ.

— На землѣ, — сказалъ онъ громко, напугавъ миссисъ Бритлингъ своимъ неожиданнымъ возгласомъ, — нельзя будетъ жить; она будетъ невыносима для порядочнаго человѣка, если мы не выиграемъ этой войны. Мы или сами должны разбить врага, или же быть разбитыми...

Его голова была такъ занята этими мыслями, что онъ нѣкоторое время въ недоумѣніи таращилъ глаза и старался вникнуть въ смыслъ запоздалой телеграммы миссисъ Харродинъ, и долго ничего не понималъ. Потомъ медленно, постепенно, онъ началъ соображать, что ему необходимо отправиться къ ней; но онъ очень охотно отложилъ свой отъѣздъ, рѣшивъ сыграть еще сначала въ хоккей. Кромѣ того, вечеромъ будетъ луна, и онъ чувствовалъ, что лѣтняя лунная ночь болѣе подходящій часъ, чѣмъ закатъ или обѣденное время, для тѣхъ объясненій и признаній, которыхъ отъ него ожидали. И онъ продолжалъ сочинять въ головѣ разныя колкія фразы про кайзера и Круппа, пока его, наконецъ, не потащили играть въ хоккей.

И вдругъ, посреди игры, его внезапно осѣнила удивительная мысль. Она явилась, точно внезапная судорога.

— Тэдди, какого чорта мы тутъ играемъ въ хоккей, — сказалъ онъ вдругъ, — когда мы всѣ должны упражняться въ стрѣльбѣ и учиться военнымъ, пріемамъ, чтобы быть въ состояніи воевать съ этими проклятыми нѣмцами!

Тэдди посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ну, начнемъ новую, — сказалъ м-ръ Бритлингъ нетерпѣливо, и они начали другую партію.

XIV.

М-ръ Бритлингъ пустился въ свое ночное путешествіе около половины десятаго. Онъ заявилъ, что ни работать, ни отдыхать не можетъ; что война его взволновала и разстроила, и единственное, что можетъ развлечь его — это автомобиль; и, можетъ-быть, прибавилъ онъ мимоходомъ, онъ не вернется раньше, чѣмъ черезъ день-другой. Онъ вернется тогда, когда почувствуетъ, что снова въ состояніи будетъ работать. Онъ наполнилъ бакъ бензиномъ при свѣтѣ электрическаго карманнаго фонаря, усѣлся въ автомобиль въ гаражѣ и занялся изученіемъ карты окрестностей. Его мысли какъ-то сами собой перенеслись съ дороги въ Пайкрафтсъ къ близлежащему побережью и къ возможному пути на случай дессанта. А что, если врагъ, дѣйствительно, предвидѣлъ, что Англія объявитъ войну. Вотъ тутъ они могли бы высадиться, и вотъ тутъ...

Но онъ отогналъ эти мысли и занялся приготовленіями къ отъѣзду.

Ночь выдалась ясная, свѣтлая, какъ день; земля, казалось, была вся насыщена холоднымъ луннымъ свѣтомъ. Дорога,

словно серебряная лента, постепенно розовѣла при приближенiи фонарей м-ра Бритлинга; темный дернъ у краевъ дороги и кусты и изгороди по бокамъ становились на мгновенiе рѣзко зелеными въ лучахъ фонаря. Полная луна тихо карабкалась на небо и была такая яркая, что почти не видно было звѣздъ на сине-сѣромъ небѣ. Гдѣ-то вдали, бѣлыми пятнами сверкали дома, временами появлялся, висѣлъ въ лучахъ фонаря мотылекъ и снова исчезалъ во тьмѣ ночи.

„Глэдисъ“ была въ прекрасномъ состоянiи и какъ нельзя лучше настроена для хорошаго пробѣга; въ такомъ же состоянiи и настроенiи былъ м-ръ Бритлингъ. Онъ ѣхалъ не скоро и не медленно, съ какой-то новой для него увѣренностью. Жизнь, казавшаяся ему цѣлый день какимъ-то безнадежнымъ хаосомъ, омраченнымъ угрозами, теперь сразу стала холодной, таинственной, далекой, обдавая его самоувѣреннымъ спокойствiемъ.

Онъ проѣхалъ осторожно по узкой дорогѣ, вдоль черной изгороди шиповника и дальше на большую дорогу, по направленiю къ селу. Во многихъ домахъ еще свѣтились огни, но село было почти пусто. Гдѣ-то далеко горѣли гроздья огней, словно куча топазовъ и рубиновъ, вкрапленныхъ въ серебряный щитъ ночи. Празднества цвѣточной ярмарки все еще тянулись, и пониженiе входной платы послѣ семи вечера собрало еще большiя толпы. Визжали и стонали карусели, трещали и хлопали тиры. Унизанные сѣдоками страусы и автомобили мелькали въ ритмичной послѣдовательности, свершая свои безконечные круги: черное, черное, черное на фонѣ пылающихъ керосиновыхъ факеловъ.

М-ръ Бритлингъ остановилъ машину у края дороги и нѣкоторое время сидѣлъ и наблюдалъ силуэты, порхающiе отъ тѣни къ тѣни на фонѣ свѣтлыхъ пятенъ.

— И это наканунѣ войны... наканунѣ величайшей катастрофы, какую знало человѣчество, — шепнулъ онъ наконецъ. — Понимаютъ ли они? Понимаетъ ли вообще кто-нибудь изъ насъ?

Онъ снова пустилъ моторъ, и черезъ нѣсколько минутъ катился почти безшумно по прямой, ровной дорогѣ въ Хартльтри. Звуки за его спиной становились все глуше и глуше, скоро совсѣмъ растаяли; осталась лишь огромная, ничѣмъ не нарушаемая тишина подъ луной. Казалось, нигдѣ не было никакого движенiя, кромѣ движенiя его мотора, никакихъ звуковъ, кромѣ аккуратнаго, приглушеннаго, механическаго ритма подъ его ногами. Вскорѣ онъ выѣхалъ на большое шоссе, и, словно

не замѣтивъ проселка, сворачивающаго въ Пайкрафтсъ, проѣхалъ спокойно впередъ, на востокъ, — къ морю. Впервые случилось ему самому править автомобилемъ ночью. Почему-то онъ ждалъ, что это ночное путешествіе будетъ утомительнымъ, съ безчисленными остановками и приключеніями; а тутъ оно превратилось къ какую-то неожиданную серебристую сказку движенія, — казалось, что автомобиль несся по луннымъ лучамъ...

Пайкрафтсъ можетъ подождать. Да, собственно, чѣмъ позднѣе онъ пріѣдетъ въ Пайкрафтсъ, тѣмъ трогательнѣе и романтичнѣе будетъ маленькая комедія ихъ примиренія. А онъ не спѣшилъ на эту комедію. Онъ чувствовалъ, что ему хочется понять, впитать въ себя этотъ огромный лѣтній покой; онъ одинъ изъ всего пережитаго за день можетъ до нѣкоторой степени дать хотя бы какое-нибудь представленіе о величественной трагедіи, которая надвигалась на человѣчество. Только среди этой тихой, молчаливо-бдительной ночи можно было впервые представить себѣ тѣ милліоны, гдѣ-то тамъ размѣреннымъ шагомъ куда-то идущіе, и широкія рѣчныя долины, и села, и города, горы, гавани и неслышно копошащіяся моря.

„Даже сейчасъ, въ эту самую минуту, — подумалъ онъ, — гдѣ-то, быть-можетъ, уже идетъ морской бой“.

Онъ сталъ прислушиваться, но никакихъ звуковъ нельзя было различить, кромѣ тихаго, размѣреннаго стука цилиндровъ его мотора, въ то время когда онъ спускался, почти совершенно закрывъ регуляторъ, по мягкому склону небольшого холма. Онъ почувствовалъ, что непремѣнно долженъ видѣть море. Онъ поѣдетъ по дорогѣ мимо Родвелльскихъ поселковъ и затѣмъ свернетъ и поднимется на вершину Истонберскаго холма. Онъ такъ и сдѣлалъ и оттуда увидалъ, въ ущельѣ между низкими холмами, гдѣ-то вдали, треугольникъ освѣщенной луной воды, сверкающей и гладкой, какъ зеркало. Онъ опять остановилъ автомобиль у края дороги, и сидѣлъ, долго глядя на море и о чемъ-то размышляя. И вдругъ ему на мгновеніе показалось, что онъ видитъ три тѣни, напоминающія короткія черныя иглы, которыя гуськомъ пронеслись по расплавленному серебру моря.

Но это могло быть просто воображеніемъ, иллюзіей слишкомъ напряженнаго взгляда.

Всякаго рода разговоры о морскихъ силахъ Англіи, Франціи и Германіи доходили въ разное время до слуха м-ра Бритлинга; онъ зналъ, что говорили спеціалисты на публичныхъ диспутахъ, и слышалъ много толковъ и обсужденій въ

частныхъ кругахъ. У англичанъ были наиболѣе крупныя по тоннажу суда, наибольшія пушки, но неизвѣстно, былъ ли на нашей сторонѣ перевѣсъ въ вопросахъ изобрѣтательности и науки. Строили ли германцы свою силу на дредноутахъ, какъ англичане, или у нихъ гдѣ-то были приготовлены свои тайны и сюрпризы? И вотъ, сегодня ночью, быть-можетъ, съ разныхъ сторонъ, на всѣхъ парахъ, сходятся эти огромные корабли, на состязаніе силъ...

Сегодня ночью по всему міру будутъ мчаться пароходы и военные корабли, одни убѣгая, другіе въ погонѣ за ними. Десятки тысячъ городовъ сейчасъ, въ эту самую минуту, копошатся и жужжатъ, охваченные волненіемъ войны.

Меньше года тому назадъ м-ръ Бритлингъ какъ-то завтракалъ на одномъ броненосцѣ и осматривалъ его сложный механизмъ. Ему казалось, что нельзя найти лучшихъ людей въ мірѣ, чѣмъ тихіе, спокойные, загорѣлые, дисциплинированные офицеры и матросы, съ которыми онъ тогда познакомился. И крошечная англійская армія, тоже, навѣрное, сегодня собирается и готовится; эта крошечная армія, которая въ свое время была разбита и затѣмъ снова возродилась въ южной Африкѣ и которая, по его убѣжденію, была интеллигентнѣе, храбрѣе и способнѣе, чѣмъ любая другая армія въ мірѣ. Онъ бы запротестовалъ и сталъ насмѣхаться, если бы ему пришлось слышать это мнѣніе, высказанное другимъ англичаниномъ; но въ глубинѣ сердца онъ этому вѣрилъ...

А какіе другіе летчики въ мірѣ могутъ сравниться съ искусствомъ тѣхъ французовъ и англичанъ, съ которыми ему пришлось познакомиться на аэродромахъ въ Истчерчѣ и Сольсбери! Это вѣдь зависитъ отъ расы и національныхъ особенностей. Пусть нѣмецъ держится своихъ колбасъ и сигаръ, наполненныхъ газомъ.

— Въ воздухѣ мы побѣдимъ, — шепталъ онъ. — И на морѣ тоже. На морѣ-то ужъ навѣрняка. А если у насъ будетъ достаточно людей и пушекъ, мы ихъ побѣдимъ и на сушѣ... А все же... сколько лѣтъ они готовились!..

Мало мѣста было въ эту ночь въ сердцѣ м-ра Бритлинга для иной любви, кромѣ любви къ Англіи. Онъ теперь любилъ Англію, какъ націю мужчинъ. Легкой побѣды быть не можетъ! И хорошо для англичанъ, съ ихъ слишкомъ увѣренными, легкомысленными натурами, что побѣда не будетъ легкой! Но побѣды Англія должна добиться... или погибнуть!

Онъ вздохнулъ, пустилъ снова въ ходъ моторъ и проѣхалъ дальше по дорогѣ, подыскивая болѣе или менѣе удобное

мѣсто, чтобы повернуть. Онъ все еще смутно соображалъ, что конечной цѣлью его путешествія является Пайкрафтсъ.

„Мы должны сдѣлать все, что можемъ“, — подумалъ онъ, и нѣкоторое время, пока онъ спускался съ крутой горы, все его вниманіе и всѣ его мысли были цѣликомъ поглощены машиной. Онъ повернулъ, снова поднялся на гору, и затѣмъ длинными уклонами направился вглубь страны, несясь тихо и мягко, съ фонарями, всасывающими въ себя дорогу впереди, и мчащимися по бокамъ изгородями и канавами; когда же онъ спустился съ небольшой горы черезъ какое-то село, онъ вдругъ услыхалъ впереди какой-то смутный гулъ и дребезжащій шумъ, и передъ нимъ выросъ треугольникъ, предупреждающій автомобилистовъ объ опасности. Онъ замедлилъ ходъ и вдругъ круто остановился.

Передъ нимъ въ узкомъ пространствѣ между коттеджами показался рядъ людей верхомъ, затѣмъ сѣрая повозка, и затѣмъ шестерка лошадей, везущихъ какой-то тяжелый предметъ. Это была пушка; затѣмъ снова верховые, и снова пушка. Длинная процессія смутно вырисовывалась коричневымъ пятномъ въ лунномъ свѣтѣ. Къ м-ру Бритлингу подъѣхалъ офицеръ верхомъ на лошади, посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ, затѣмъ снова вернулся къ перекрестку; Англія тогда еще не думала о шпіонахъ. Проѣхало еще четыре орудія, затѣмъ рядъ повозокъ и еще отрядъ солдатъ верхомъ, никто не пѣлъ и не кричалъ; почти ни слова не слышно было, и вообще отъ всего отряда отдавало какой-то спокойной, дѣловитой поспѣшностью. И такъ они проѣхали, громыхая, и скоро скрылись въ черной дали ночи, оставивъ м-ра Бритлинга одного съ его автомобилемъ среди спящаго села. Онъ пустилъ въ ходъ моторъ и, сосредоточенно о чемъ-то задумываясь, поѣхалъ дальше.

Онъ такъ задумался, что окончательно сбился съ дороги въ Пайкрафтсъ. Онъ очутился на какой-то большой дорогѣ, пересѣкавшей плоскую равнину, и вскорѣ, по Большой Медвѣдицѣ, слабо виднѣвшейся на синевѣ надъ его головой, убѣдился, что онъ мчится куда-то на сѣверъ. Ну, что жъ, онъ сейчасъ повернетъ на югъ и на западъ... черезъ нѣкоторое время... а теперь ему хочется отдаться своимъ чувствамъ... хочется подумать... какъ ему лучше помочь Англіи въ этой огромной борьбѣ, которой какъ-будто дожидаются и это пустое молчаніе и эта красота ночи. Но, собственно, онъ ни о чемъ не думалъ, а только ощущалъ какое-то удивленіе, какое-то чудо, что-то, чего никогда еще не чувствовалъ, съ тѣхъ поръ,

какъ ушла отъ него молодость. Эта война можетъ прикончить все въ мірѣ, въ томъ мірѣ, какимъ онъ его зналъ. Вотъ какая мысль медленно, сквозь лунный свѣтъ, стала пробивать себѣ дорогу въ его сознаніе и завладѣла всѣмъ его существомъ.

Вскорѣ характеръ дороги измѣнился; исчезли изгороди, сосновыя рощи смѣнились черными пухлыми пятнышками боярышника, дубовъ и яблонь. Дома встрѣчались все рѣже и рѣже, міръ становился все пустыннѣй, и вскорѣ м-ру Бритлингу начало мерещиться, что онъ единственный бодрствующій, находящійся внѣ дома человѣкъ на всей спящей землѣ...

Фразы и слова, которыя онъ произносилъ днемъ въ Клавeрингсѣ, снова вспомнились ему. Онъ былъ увѣренъ, что это какъ разъ то, что теперь необходимо говорить. Эту войну можно разсматривать какъ самую благородную изъ войнъ, какъ конечную борьбу человѣчества противъ преобладанія и захвата власти какимъ-нибудь однимъ народомъ. Въ противномъ случаѣ это только борьба національностей, сплошное разрушеніе и катастрофа. Онъ чувствовалъ, что нельзя, чтобы великое значеніе войны затерялось въ мелкихъ спорахъ о второстепенныхъ вопросахъ, связанныхъ съ войной. Но развѣ кто-нибудь выяснилъ съ достаточной опредѣленностью огромный смыслъ событій? Понимали ли его либералы и пацифисты? Онъ замедлилъ ходъ, по мѣрѣ того какъ эти вопросы осаждали его мысли, и наконецъ остановился...

— Нѣкоторыя вещи нужно высказать совершенно ясно, — шепталъ онъ, — нѣкоторыя вещи... Значеніе Англіи... Глубокое и долго невысказанное стремленіе къ добротѣ и честности... Теперь настала минута высказаться... И Англія теперь должна высказаться такъ же открыто и прямо, какъ открыто и прямо она будетъ стрѣлять изъ своихъ пушекъ, какъ честно она будетъ держать курсъ своихъ кораблей...

И пока онъ неподвижно сидѣлъ, опершись рукой о колесо руля, въ мысляхъ его начали складываться періоды и параграфы.

Потомъ онъ вдругъ встряхнулъ себя, развернулъ передъ собою карту и занялся опредѣленіемъ того, гдѣ онъ находится.

Поскольку онъ могъ судить, онъ проѣхалъ прямо въ Суффолькское графство.

Около часа ночи онъ очутился въ Ньюмаркетѣ. Ньюмаркетъ тоже былъ пустыней, озаренной луной, но когда онъ остановился въ нерѣшительности у перекрестка, онъ вдругъ

замѣтилъ полисмена, стоявшаго неподвижно и прямо какъ статуя, на углу у церкви...

— Какъ проѣхать въ Матчингсъ-Изи? — крикнулъ онъ.

— Вотъ по этой дорогѣ, сэръ, пока не доѣдете до Маркетъ-Саффрона, а тамъ свернете налѣво.

Мысли м-ра Бритлинга сосредоточились на опредѣленной цѣли, и онъ поѣхалъ быстрымъ ходомъ, но все же осторожно и увѣренно. Онъ былъ всего въ милѣ-другой отъ Маркетъ-Саффрона, когда вспомнилъ, что, собственно, выѣхалъ изъ дому, чтобы поѣхать въ Пайкрафтсъ. Передъ нимъ встала дилемма, и онъ сталъ взвѣшивать мысленно разныя возможности.

На перекресткѣ у Маркетъ-Саффрона онъ замедлилъ ходъ и съ минуту колебался въ нерѣшительности.

— Она... — началъ онъ и повернулъ „Глэдисъ" на дорогу, ведущую домой...

Онъ кончилъ фразу лишь тогда, когда благополучно сдѣлалъ поворотъ.

— Она должна достаться Оливеру...

Потомъ, проѣхавъ еще шаговъ пятьдесятъ, и на этотъ разъ почти гнѣвно, продолжалъ:

— Ей слѣдовало давно выйти за него замужъ...

Онъ поставилъ машину въ гаражъ, затѣмъ подъ черной тѣнью кедровъ прошелъ къ парадному крыльцу. Онъ забылъ ключъ, и поэтому долго старался разбудить жену, бросая ей въ окно камушками и гравіемъ. Наконецъ, онъ услыхалъ, что она встаетъ, и крикнулъ ей.

Онъ объяснилъ, что вернулся, такъ какъ намѣренъ писать. Ему дѣйствительно захотѣлось писать немедленно, сейчасъ же. Онъ прошелъ прямо въ свой рабочій кабинетъ, зажегъ лампу, заварилъ себѣ чай и переодѣлся въ ночной костюмъ. Первые лучи разсвѣта застали его еще сидящимъ за столомъ, серьезно поглощеннымъ сочиненіемъ новаго памфлета. Заглавіе, которое онъ избралъ для него, гласило:

„Теперь пришелъ конецъ войнѣ".

XV.

Вотъ какимъ образомъ началась война въ Европѣ, и вотъ какъ была она воспринята однимъ человѣкомъ въ Матчингсъ-Изи. Такъ она была воспринята и безчисленными другими умными людьми въ безчисленныхъ уютныхъ домахъ, которые почти не замѣчали ея приближенія, несмотря на всѣ годы неустанныхъ къ ней приготовленій.

Словно отодвинулся въ сторону занавѣсъ со знакомой декораціей ежедневной жизни, и раскрылась взорамъ міра Война.

— „Азъ есмь фактъ, — говорила Война, — и я встаю поперекъ дороги жизни. Я—та угроза исчезновеніемъ и смертью, которая всегда съ самаго начала жизни шагала рядомъ съ ней. Не можетъ быть ничего иного и ничего лучшаго въ человѣческой жизни, пока вы не покончите со мной“.

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Зрители.

I.

Въ ту знаменательную ночь первыхъ выстрѣловъ и первыхъ смертей м-ръ Бритлингъ не спалъ до зари. Онъ сидѣлъ надъ своей брошюрой, которая должна была оповѣстить о послѣднемъ взрывѣ и концѣ войны. Первые часа два онъ писалъ съ большой энергіей, но потомъ она стала быстро изсякать. Были длинные промежутки, когда онъ сидѣлъ молча, безъ движенія, и ни строки не записывалъ. Онъ зѣвалъ и снова зѣвалъ и теръ глаза. Наступилъ день, и зачирикали за окномъ птицы, и тогда онъ медленно раздѣлся, расшвырялъ въ безпорядкѣ по полу платье и легъ въ постель...

Когда онъ проснулся, рядомъ съ постелью на столикѣ стоялъ утренній чай, и горничная безшумно вышла изъ комнаты. Онъ зналъ, что нѣчто ужасное, колоссальное приключилось съ человѣчествомъ, но что именно — онъ нѣсколько секундъ никакъ не могъ вспомнить. А затѣмъ вспомнилъ, что Германія вторглась во Францію, Россія въ Германію, и что Англія, почти навѣрное, тоже будетъ воевать. При яркомъ свѣтѣ утра это казалось жестокимъ и ужаснымъ фактомъ, чѣмъ-то требующимъ огромнаго напряженія и влекущимъ за собой безконечныя разрушенія. Теперь оно было лишено темной и величественной ночной красоты. Онъ испытывалъ то же чувство непріятнаго, тревожнаго ожиданія, какое переживалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, передъ объявленіемъ войны бурамъ. Первымъ извѣстіемъ о началѣ военныхъ дѣйствій въ Южной

Африкѣ было сообщеніе о крушеніи англійскаго блиндированнаго поѣзда около Кимберлея. Почемъ знать, а вдругъ запоздавшія газеты, когда придутъ, принесутъ тоже какое-нибудь извѣстіе въ этомъ родѣ?

Что, напримѣръ, если нѣмцы захватили врасплохъ какой-нибудь весьма важный отрядъ англійскаго флота и взяли надъ нимъ верхъ?

Что, если нѣмцы вдругъ уже мнутъ и разбиваютъ французскія арміи между Верденомъ и Бельфоромъ?

Что, если, несмотря на все, англійскій кабинетъ все еще находится въ нерѣшительности, и Англія не объявитъ войны еще нѣсколько недѣль, ограничиваясь лишь споромъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ?

Или если, съ другой стороны, англичане вдругъ уже одержали какую-нибудь поразительную, неожиданную и молніеносную побѣду? Англійскіе морскіе и военные круги, правда, всегда отличались своей узостью, но даже и въ ихъ узости, они, по своему, иногда могли быть очень способными и дѣятельными.

А что будутъ дѣлать ирландцы?

Мысли его были въ сущности чѣмъ-то въ родѣ колючаго джунгля вопросовъ, на которые отвѣта не было и вокругъ которыхъ онъ вертѣлся, не будучи въ состояніи вырваться изъ ихъ путъ.

Онъ всталъ и медленно, разсѣянно сталъ одѣваться. Когда онъ дошелъ до подтяжекъ, онъ на нѣкоторое время пріостановилъ свой дальнѣйшій туалетъ, досталъ атласъ, раскрылъ его на картѣ сѣверной Франціи и задумался надъ бельгійской границей. Потомъ онъ досталъ альманахъ-справочникъ Уиттекера и сталъ перечитывать статистическія данныя о вооруженныхъ силахъ различныхъ державъ. На этомъ занятіи его прервалъ гонгъ, звавшій къ утреннему кофе.

За кофе ни о чемъ другомъ, какъ о войнѣ, конечно, не говорили. Гю былъ возбужденъ, какъ кошка передъ грозой, а мальчики требовали разъясненій относительно флаговъ различныхъ народовъ. Зашелъ споръ о русскомъ и сербскомъ флагѣ, и пришлось прибѣгнуть къ авторитету раскрашенной таблицы съ флагами въ словарѣ Уэбстера. Газеты и почта запоздали, и м-ръ Бритлингъ, которому надоѣло отвѣчать на безчисленные разспросы дѣтей, вышелъ въ садъ курить. Ему хотѣлось пойти навстрѣчу почталіону, но въ это время глаза и уши оповѣстили его о приближеніи автомобиля миссисъ Фаберъ. Это была старая, рѣшительнаго вида машина, выкрашенная

въ красный цвѣтъ и управляемая солиднымъ, вѣрнымъ садовникомъ. Ошибиться нельзя было.

Въ автомобилѣ сидѣла миссисъ Фаберъ; она остановилась у воротъ и начала дѣлать какіе-то сигналы рожкомъ. Миссисъ Бритлингъ, привлеченная тревожными гудками, тоже вышла изъ дому и вмѣстѣ съ мужемъ направилась къ посѣтительницѣ.

II.

— Я заходить не буду,— крикнула Фаберъ,— но рѣшила остановиться и сказать вамъ. Я сейчасъ закупала провизію.

— Провизію?

— Да, провизію! Говорятъ, всѣ будутъ запасаться провизіей, и скоро ничего нельзя будетъ достать. Смотрите, я купила цѣлый окорокъ.

— Но...

— Мужъ говоритъ, что мы должны запастись всѣмъ, чѣмъ можно. Эта война... она все остановитъ... нельзя знать, что можетъ случиться. Мнѣ надо подумать о дѣтяхъ, вотъ я и запасаюсь. Я была у Хиксона въ лавкѣ въ девятомъ часу...

Маленькая женщина раскраснѣлась, глаза ея лихорадочно блестѣли, свѣтлые волосы были растрепаны, шляпа сдвинулась на бокъ. У нея былъ такой видъ, какъ-будто она наслаждалась всѣми этими неожиданными волненіями.

— И всѣ прячутъ золото,— добавила она съ оттѣнкомъ злорадства въ голосѣ.— Мужъ говоритъ, что, быть-можетъ, дня черезъ два-три наши чеки и гроша ломанаго не будутъ стоить. Онъ помчался въ Лондонъ запастись золотомъ въ своихъ клубахъ, пока не поздно. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить Хиксона взять чекъ. „Если вы не возьмете чекъ,— сказала я ему,— то я никогда больше не буду покупать у васъ ничего...“ И то онъ взглянулъ на меня такъ, что я ужъ подумала, что онъ все же откажется.

— Голодъ надвигается,— продолжала она, обращаясь къ м-ру Бритлингу.— Я захватила все, что могла. Надо же мнѣ подумать о дѣтяхъ.

— Но почему вы думаете, что надвигается голодъ?— спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Это фактъ,— отвѣтила она.

— Но почему?

— Мужъ сказалъ; онъ все знаетъ,— отвѣтила она убѣжденно.— Конечно, надвигается голодъ.

— И повѣрите ли, — обращаясь снова къ миссисъ Бритлингъ, продолжала она, — самъ Хиксонъ стоялъ за прилавкомъ — въ его же лавкѣ, въ которой я покупала столько лѣтъ — и наотрѣзъ отказался продать мнѣ больше, чѣмъ дюжину коробокъ сардинокъ... Отказался! Наотрѣзъ! Я была тамъ въ началѣ девятаго, и даже въ такую рань лавка была переполнена... набита биткомъ, милая.

— А что вы накупили? — спросилъ м-ръ Бритлингъ, подходя къ автомобилю.

Чего только у нея не было! Окорокъ, два огромныхъ куска свиной грудинки, ящикъ сахару, кули съ рисомъ, яйцами, большой мѣшокъ муки.

— А что во всѣхъ этихъ маленькихъ пакетикахъ? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

Миссисъ Фаберъ какъ-будто немного смутилась.

— Соль-церебосъ, — отвѣтила она. — Знаете, невольно увлекаешься немного, когда теряешь голову. Не знаю почему, но я захватила всю эту соль и снесла ее въ автомобиль. Я подумала, можетъ-быть, придется заготовлять много всякаго соленья.

— А въ этихъ банкахъ, навѣрное, пикули? — настаивалъ м-ръ Бритлингъ.

— Да. Но посмотрите, сколько у меня муки. Это самое важное.

Маленькая дама была немного смущена слишкомъ подробнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ м-ромъ Бритлингомъ.

— А зачѣмъ вамъ столько ваксы? — спросилъ онъ.

Но она какъ-будто не слыхала его вопроса. Она чувствовала, что онъ хочетъ испортить ей всю радость утра. И она заявила, что должна спѣшить домой.

— Не говорите потомъ, что я васъ не предупредила, — сказала она. — У меня дома масса дѣла. Во-первыхъ, горошекъ. Хочу показать кухаркѣ, какъ дѣлать консервы изъ горошка. Въ этомъ году — прямо счастье — у насъ уродилось необычайно много горошка. Я поѣхала мимо васъ только для того, чтобы и васъ предупредить. Прощайте.

И она уѣхала... пожалуй, чуть-чуть задѣтая равнодушіемъ миссисъ Бритлингъ и скептическимъ отношеніемъ м-ра Бритлинга.

М-ръ Бритлингъ смотрѣлъ вслѣдъ ея уносящемуся автомобилю, и въ немъ начало вскипать негодованіе.

— И вотъ, — сказалъ онъ, — какъ Англія начинаетъ войну! Паникой и скупкой провизіи... Съ самаго начала!

— Она, очевидно, очень безпокоится за дѣтей, — попробовала возразить миссисъ Бритлингъ.

— И потому запасается ваксой?

— Ну, что жъ; въ концѣ-концовъ, — сказала миссисъ Бритлингъ, — если другіе это дѣлаютъ, то почему же не...

— Вотъ такъ и начинается всякая паника. Именно этого намъ не надо дѣлать... Англія вѣдь еще не объявила даже войны. А вотъ и почта, наконецъ. Ну, что жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда.

На дорогѣ надъ изгородью показалась голова почтальона, ѣхавшаго на велосипедѣ, по дорогѣ къ Дауэръ-Хаузу, съ письмами и газетами.

III.

Англія еще не объявила войны, но все указывало на то, что это неизбѣжно. Чувствовалось только, что событіе такого колоссальнаго значенія требуетъ времени для своего осуществленія. И у м-ра Бритлинга не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Англія объявитъ войну, несмотря на то, что цѣлая первая страница „Daily News“ была занята огромнымъ объявленіемъ таинственнаго происхожденія, умоляющимъ Англію не играть на-руку Россіи, грозной Россіи, этого жупела сентиментальныхъ радикаловъ. Извѣстія были довольно противорѣчивы, весьма сенсаціонны и едва ли достовѣрны. Газеты кричали, что германцы уже въ Бельгіи и Голландіи, и что ими захваченъ рядъ англійскихъ пароходовъ въ Кильскомъ каналѣ. Былъ объявленъ мораторій, и сообщенія о паникѣ въ связи съ всеобщимъ стремленіемъ запасаться провизіей доказывали, что миссисъ Фаберъ лишь единичный примѣръ весьма многочисленной группы легко возбудимыхъ людей.

На м-ра Бритлинга эта продовольственная паника подѣйствовала удручающе. Это не вязалось съ его лейтмотивомъ о свободныхъ народахъ міра, возстающихъ противъ невыносимаго бремени милитаризма. Это какъ-то портило общую картину...

Миссисъ Бритлингъ читала газету вмѣстѣ съ мужемъ. Они стояли у клумбы бегоній подъ кедромъ; воздухъ былъ наполненъ жизнерадостными звуками машинки для стрижки газона, которую таскала взадъ и впередъ по полянѣ для хоккея лошадь въ спеціальныхъ „галошахъ“.

Вскорѣ прибѣжалъ изъ дома Гю узнать, что случилось.

— Какъ-то совсѣмъ не работается, когда кругомъ совершаются всѣ эти великія событія, — извинился онъ.

Онъ взялъ себѣ „Daily News", пока отецъ и мать читали „Times". Въ тѣни деревьевъ раздались голоса мальчиковъ. Они перенесли всѣхъ своихъ игрушечныхъ солдатъ въ садъ и уже строили укрѣпленія, рыли окопы.

— Финансовое положеніе получается прямо невѣроятное,— сказалъ м-ръ Бритлингъ, сосредоточивая вниманіе.— Могутъ случиться всякаго рода неожиданности въ соціальной и экономической системѣ, сложившейся кое-какъ... Нигдѣ ничего не предусмотрѣно... Въ мірѣ, наполненномъ такими типами, какъ миссисъ Фаберъ...

— Мораторій?—громко прочиталъ Гю въ „Daily News". По отношенію къ векселямъ и долгамъ? Ничего не понимаю въ этихъ новѣйшихъ выраженіяхъ... Отъ „mors" и „crematorium", что ли? Это значитъ, что мы будемъ сжигать векселя, вмѣсто того чтобы платить по нимъ, да?

— Мораторій,—задумался м-ръ Бритлингъ.—Мораторій! Что за глупости ты болтаешь! Это значитъ откладывать что-то, конечно! Никакого отношенія не имѣетъ къ смерти. Да! Это временное прекращеніе производства платежей по векселямъ и долговымъ обязательствамъ... Разумѣется, произойдетъ огромная переоцѣнка цѣнностей.

IV.

„Неизбѣжно произойдетъ огромная переоцѣнка цѣнностей"...

Мысль м-ра Бритлинга стала быстро развивать эту тему; не успѣлъ онъ дойти еще до своего кабинета, какъ у него въ головѣ зародился подъ вліяніемъ этой угрозы поразительный рядъ возможностей. Онъ сѣлъ за письменный столъ, но не могъ сразу приняться за работу. Онъ открылъ нѣчто столь революціонное въ своихъ личныхъ дѣлахъ, что даже на время забылъ о войнѣ и возможныхъ ея послѣдствіяхъ.

Гдѣ-то на самомъ днѣ сознанія м-ра Бритлинга таилось нѣчто, что не всегда тамъ было, нѣчто тепленькое и утѣшительное; оно дѣлало жизнь и всѣ мысли о жизни вообще гораздо болѣе пріятными и легкими, чѣмъ они были бы при другихъ условіяхъ. Это нѣчто было сознаніемъ имѣющагося у него аккуратно распредѣленнаго списка его капиталовъ, вложенныхъ въ различныя процентныя бумаги; осторожно и умѣло, чисто географически распредѣленная система принадлежащихъ ему акцій и облигацій государственныхъ займовъ разныхъ странъ, городскихъ займовъ, желѣзнодорожныхъ акцій и т. д., доходящихъ до общей суммы въ двадцать пять слишкомъ тысячъ

фунтовъ стерлинговъ; капиталы, накопленные имъ вмѣстѣ съ миссисъ Бритлингъ. Это были такъ сказать его экономическія внутренности. На это онъ жилъ, и жилъ комфортабельно, не зная заботъ, не безпокоясь о завтрашнемъ днѣ. Когда все обстояло благополучно, онъ какъ-будто не ощущалъ существованія этого капитала, а просто испытывалъ чувство пріятной беззаботности и независимости. Когда же та или другая бумага начинала колебаться, онъ испытывалъ только смутное безпокойство. Но теперь онъ ясно ощущалъ возможность серьезнаго разстройства. Онъ точно случайно съѣлъ грибы, и не былъ увѣренъ, что они не были ядовитыя... Но не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко въ сравненіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, когда м-ръ Бритлингъ вернулся къ своему письменному столу, онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы продолжать статью: „Теперь пришелъ конецъ войнѣ“.

„Несомнѣнно произойдутъ большія переоцѣнки цѣнностей“.

Вообще говоря, онъ никогда не былъ такъ увѣренъ, какъ увѣрено большинство людей, въ устойчивости современной финансовой системы. И, кромѣ того, онъ чувствовалъ, что не совсѣмъ понимаетъ, какъ будетъ осуществленъ мораторій, и какія преимущества принесетъ временное закрытіе всѣхъ банковъ. По всей вѣроятности, это означаетъ всеобщее прекращеніе, на время, платежей и сокращеніе наличныхъ средствъ у каждаго. И, если судить по словамъ миссисъ Фаберъ, лавочникъ Хиксонъ начинаетъ уже коситься на чеки.

Если банки и откроются, то все же м-ру Бритлингу отъ этого не будетъ легче, такъ какъ на текущемъ счету у него въ настоящее время лежало очень мало — всего какихъ-нибудь двадцать-тридцать фунтовъ. Онъ какъ разъ на-дняхъ долженъ былъ получить очередные чеки отъ англійскихъ и американскихъ издателей его произведеній, и обычный чекъ „Таймса“. А что если и эти платежи тоже будутъ пріостановлены?

Насколько онъ могъ понять, — всѣ эти господа тоже могли пріостановить платежи, ссылаясь на мораторій. Это ему раньше не приходило въ голову. Да, по всей вѣроятности, они дѣйствительно откажутся платить.

А что если редакція „Таймса“ вдругъ возьметъ и рѣшитъ, что его писанія излишни въ эти дни всеобщаго возбужденія?

А что если банкъ дѣйствительно запретъ у себя его вкладъ, и онъ не будетъ въ состояніи реализовать свои бумаги?

И м-ръ Бритлингъ почувствовалъ себя въ родѣ устрицы, которой предложили покинуть свою раковину...

Онъ откинулся на спинку кресла и сталъ обсуждать всѣ эти страшныя возможности. Его воображеніе сдѣлало слабую попытку представить себѣ міръ, изъ котораго исчезъ кредитъ, а деньги вдругъ стали сомнительной цѣнностью. По всей вѣроятности, значительное число людей будетъ по старой привычкѣ продолжать покупать и продавать по старымъ или приблизительно такимъ же цѣнамъ.

Мысли и совѣсть его сдѣлали доблестную попытку снова взяться за „Теперь пришелъ конецъ войнѣ", и докончить статью; но не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять вернулся къ размышленіямъ о продовольственной паникѣ и банкротствѣ.

V.

Конфликтъ личныхъ и общественныхъ интересовъ, разгорѣвшійся за письменнымъ столомъ м-ра Бритлинга, сталъ, наконецъ, невыносимымъ. Онъ чувствовалъ, что сначала надо покончить съ личнымъ вопросомъ. Онъ опять вышелъ въ садъ и сталъ курить папиросы.

Его первоначальная концепція огромнаго объединеннаго движенія всѣхъ народовъ, стремящихся добиться всеобщаго мира и положить конецъ милитаризму Германіи, понемногу затмевалась другой картиной, совершенно несовмѣстимой съ первой, изображающей какой-то другой, окончательно разстроившійся, хаотическій міръ. Огромныя толпы разныхъ миссисъ Фаберъ, накопляющія и прячущія у себя въ кладовыхъ запасы провизіи, другія толпы, грабящія и разносящія магазины, мораторій, закрытые банки и длинные хвосты вкладчиковъ. Неужели вся система могла рухнуть лишь вслѣдствіе того, что ея довѣрію нанесенъ неожиданный ударъ. И какъ-то незамѣтно, даже безъ сознанія, его величественная картина умиротворенія земли уступила мѣсто въ его мысляхъ этимъ, болѣе интимно касавшимся его возможностямъ.

Что-то зашелестѣло за его спиной; обернувшись, онъ увидалъ жену.

— Какъ ты думаешь, — сказала она, — возможно ли дѣйствительно, что вдругъ не будетъ провизіи?

— Если всѣ миссисъ Фаберъ въ мірѣ будутъ охвачены паникой и начнутъ все хватать...

— Тогда, значитъ, каждый долженъ хватать... У меня въ домѣ не очень много запасовъ...

— Хм, — сказалъ м-ръ Бритлингъ и задумался. — Мнѣ кажется, что намъ не слѣдуетъ ничѣмъ запасаться.

— Ну, а если мы останемся безъ всего?

— Что жъ дѣлать, на то и война, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

И опять задумался.

— Тѣ, которые присоединяются къ паникѣ, сами ее создаютъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь въ концѣ-концовъ, согласись, что въ мірѣ сейчасъ ровно такой же запасъ продовольствія, какой былъ и въ прошломъ мѣсяцѣ. И, если его не сжигать, то единственный способъ уничтоженія его — съѣсть его. И урожай въ этомъ году тоже хорошій. Такъ чего же всѣмъ набрасываться на столъ и такъ изобилующій яствами?

— Но вѣдь люди набрасываются? Будетъ очень скверно, — помни, что у насъ имѣются дѣти, прислуга, — если мы вдругъ останемся безъ всего.

— Да нѣтъ, это глупости! И какъ бы то ни было, даже если и отъ этого будутъ какія-нибудь неудобства, ты не должна копить и прятать провизію.

— Хорошо. Но ты же первый будешь недоволенъ, когда тебѣ вдругъ подадутъ чай безъ сахара.

М-ръ Бритлингъ не обратилъ вниманія на этотъ личный примѣръ.

— Куда серьезнѣе продовольственной паники, это — денежная паника.

И онъ началъ гулять съ женой взадъ и впередъ по газону и говорить съ нею. Онъ сталъ объяснять, что даже въ настоящую минуту очень немногіе люди сознаютъ неустойчивость той кредитной системы, на которой основанъ современный міръ. Это просто огромное наростаніе довѣрія, явившееся, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ легкомысленной халатности... всѣхъ! Эта система была прочна до тѣхъ поръ, пока человѣчество въ цѣломъ ей вѣрило. Но при малѣйшемъ колебаніи довѣрія, при малѣйшей утратѣ вѣры въ нее, она можетъ рухнуть. Никто не знаетъ слабости или силы кредита. Никто не знаетъ, не разрушитъ ли окончательно и навсегда систему кредита переживаемый сегодня ударъ... И тогда та маленькая мелочная жизнь, которой мы жили до сихъ поръ, унесется куда-то далеко, далеко...

Онъ замѣтилъ, что миссисъ Бритлингъ отъ времени до времени поглядывала на освѣщенный солнечными лучами домъ — на окнахъ были новыя маркизы; она любовалась удачно выбраннымъ ею рисункомъ ихъ и со скептическимъ выраженіемъ лица слушала его разсужденія.

— Нѣсколько дней тому назадъ, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, стараясь пояснить ей свою мысль конкретнымъ примѣромъ, — у насъ съ тобой имѣлся капиталъ въ 25.000 фунтовъ, а теперь мы не знаемъ, сколько у насъ осталось; потеряли ли мы тысячу или десять тысячъ фунтовъ.

Онъ досталъ кошелекъ и заявилъ, что у него имѣется шесть фунтовъ.

— А у тебя сколько?

У нея было дома около восемнадцати.

— Можетъ-быть, придется очень долго просуществовать на эти деньги.

— Но вѣдь банки скоро опять откроются, — сказала она. — И люди здѣсь кругомъ насъ знаютъ и довѣряютъ намъ.

— А если они перестанутъ довѣрять?

Она не обратила вниманія на эту гипотезу.

— Ну, а если наши бумаги упадутъ, онѣ потомъ опять поднимутся! Онѣ всегда когда-нибудь да поднимаются.

— Все можетъ снова подняться, — согласился онъ. — Но одинаково возможно, что и ничего не поднимется. И вся наша жизнь, которая казалась такой устроенной, налаженной и прочной — вовсе не прочна. Я раньше чувствовалъ, что мы тутъ приросли и пустили корни на всю жизнь; а что если вдругъ создающіяся обстоятельства возьмутъ да и сметутъ насъ вонъ отсюда? Это — возможность, съ которой приходится очень и очень считаться. У меня сегодня съ утра такое чувство, какъ-будто въ нашей жизни раскрылись огромныя ворота, открывающіяся на какую-то арену, ворота, открывающіяся въ какую-то тьму... И черезъ эти ворота можетъ войти все, что угодно. Даже смерть. Представь себѣ, что вдругъ мы увидали бы надъ собой на небѣ одинъ изъ этихъ огромныхъ цеппелиновъ или услыхали громъ орудій въ той сторонѣ около морского берега! Или вдругъ явился бы сейчасъ мальчикъ на велосипедѣ и привезъ бы намъ распоряженіе немедленно все бросить и отправиться вглубь страны.

— Я не вижу никакой причины, чтобы такъ забѣгать впередъ событіямъ.

— Но, согласись, нѣтъ и причины, почему бы не дѣлать такихъ предположеній...

— И самое странное, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, развивая свою мысль, — если вникнуть въ эти вещи, какъ я дѣлаю сейчасъ, и разсматривать ихъ, какъ явленія, вполнѣ возможныя, — онѣ вовсе не кажутся такими ужасными и все опустошающими, какъ, скажемъ, казались бы... на прошлой

недѣлѣ. Право, у меня сейчасъ такое чувство, что я бы всѣхъ васъ посадилъ въ „Глэдисъ“ и съ легкимъ сердцемъ увезъ васъ куда-нибудь на западъ.

Она взглянула на него, точно хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала. Она всегда подозрѣвала что, въ сущности, онъ ненавидитъ свой домъ и только изъ вѣжливости къ ней дѣлаетъ видъ, что онъ ему дорогъ.

— Можетъ-быть, вся бѣда въ томъ, что человѣчество слишкомъ старается поуютнѣе „устроиться“. Можетъ-быть, такія встряски и должны происходить, чтобы спасать насъ отъ нашей склонности къ душному мѣщанскому комфорту. Раздается волшебный призывъ невѣдомыхъ переживаній, опасностей и испытаній. И хочется идти на этотъ зовъ. Но безъ внезапнаго толчка никто не идетъ. Насъ опутали какія-то чары, приковывающія къ домашнему очагу и старымъ привычкамъ. И вотъ теперь я боюсь... и въ то же время я чувствую... что эти чары сняты. Волшебная тюрьма стала сразу какой-то сплошной дверью. Можно назвать это гибелью, банкротствомъ, вторженіемъ, бѣгствомъ; все это — двери, ведущія вонъ изъ привычки и рутины... Вотъ и я сколько времени ничего не дѣлалъ, занимаясь лишь праздными вопросами и пустой болтовней...

— Но мнѣ казалось, что ты былъ доволенъ и счастливъ здѣсь. Ты много работалъ...

— Да, но описывать не значитъ жить; это значитъ вести хронику событій. А теперь я вдругъ почувствовалъ, что мы начинаемъ жить интенсивно. Какъ-будто бы мѣняется весь духъ жизни. Бываютъ такіе періоды въ жизни человѣчества когда кореннымъ образомъ мѣняется духъ жизни. Древній міръ это зналъ лучше, чѣмъ мы. Онъ дѣлалъ различіе между буднями и днемъ субботнимъ, между праздниками и постами и днями, посвященными молитвѣ. И какъ разъ нѣчто такое случилось и теперь. Будничныя правила должны быть отставлены въ сторону. Недавно... всего три дня тому назадъ... конкуренція была явленіемъ терпимымъ и въ порядкѣ вещей; терпимо и въ порядкѣ вещей было доставать себѣ какъ можно лучшую пищу и отстаивать свои интересы. Но сегодня это не годится... Война превращаетъ будни въ субботній день, и поэтому мы закрываемъ лавки. Банки закрыты, и міру все кажется еще, что продолжается воскресенье.

Ему теперь все становилось яснымъ.

— Измѣнился масштабъ. Сейчасъ не важно, раззоримся ли мы или нѣтъ. Совсѣмъ не важно, придется ли намъ питаться одной картошкой, придется ли задолжить арендную плату

землевладѣльцу. Все это лишь вещи второстепенныя, случайныя. А недѣлю тому назадъ онѣ были бы вещами первостепенной важности. Сейчасъ мы встали лицомъ къ лицу передъ величайшей катастрофой и величайшими перспективами въ исторіи человѣчества.

— Намъ нужно окунуться въ катастрофу, чтобы добраться до новыхъ возможностей. И единственное, что останется теперь міру дѣлать, это — использовать наилучшимъ образомъ расплавленіе всего „устроеннаго“ въ жизни...

Онъ, наконецъ, попалъ на тотъ строй мыслей, который искалъ. Оставивъ жену стоящей на газонѣ, онъ поспѣшилъ назадъ къ себѣ въ кабинетъ и сѣлъ писать.

VI.

Когда м-ръ Бритлингъ, успѣшно проработавъ до утра среди высокихъ идеаловъ, спустился внизъ къ ленчу, онъ увидалъ въ холлѣ м-ра Лоренса Кармина, который стоялъ съ широко разставленными ногами и въ четвертый разъ перечитывалъ „Таймсъ“.

— Не могу работать, — сказалъ онъ, оборачиваясь, — никакъ не могу сосредоточиться. Очевидно, воевать мы будемъ, теперь ужъ нѣтъ сомнѣній. Знаете, я слишкомъ привыкъ къ мысли о войнѣ съ Германіей, и мнѣ никогда въ голову не приходило, что она дѣйствительно можетъ случиться. Господи, какъ это будетъ скучно и неудобно... И Максъ [1]), и всѣ эти алармисты, которые будутъ теперь ходить, задравши носы вверхъ и крича: „А что? Мы вамъ говорили?“... Чортъ бы побралъ этихъ нѣмцевъ!

У него былъ разстроенный и подавленный видъ. Онъ послѣдовалъ за м-ромъ Бритлингомъ въ столовую, засунувъ руки глубоко въ карманы.

— Да, будетъ нѣчто ужасное, невообразимое, огромное, — сказалъ онъ, поздоровавшись съ миссисъ Бритлингъ и Гю, тетей Уильширъ и Тэдди и усѣвшись за гостепріимной трапезой м-ра Бритлинга. — Это все перевернетъ вверхъ дномъ. Мы и вообразить себѣ не можемъ, сколько бѣды надѣлаетъ намъ эта война.

М-ръ Бритлингъ былъ весь подъ вліяніемъ того потока либеральнаго оптимизма, который онъ развивалъ у себя въ кабинетѣ наверху.

---

[1]) Максъ — редакторъ англійскаго ежемѣсячника „National Review“. *Прим. пер.*

— Я не жалѣю, что дожилъ до того, чтобы увидать эту войну, — сказалъ онъ, — можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это и будетъ колоссальной катастрофой, но съ другой стороны — это огромный шагъ впередъ въ жизни человѣчества. Это — конецъ сорока годамъ тревожныхъ ожиданій и зловѣщей напряженности. Это одновременно и кризисъ и разрѣшеніе его.

— Мнѣ очень хотѣлось бы смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрите вы, — сказалъ м-ръ Карминъ.

— Это похоже на оттепель... Начиная съ берлинскаго трактата и 1871 года, все находилось въ какомъ-то заледенѣвшемъ хаосѣ.

— А почему не съ Шлезвигъ-Гольштинскаго соглашенія? — спросилъ м-ръ Карминъ.

— Если хотите. Или со временъ вѣнскаго трактата!

— Или... Ну, такъ можно идти назадъ, и дойти...

— До римской имперіи, — замѣтилъ Гю.

— Вообще до первыхъ войнъ и первыхъ завоеваній, — сказалъ Тэдди.

— Я сегодня цѣлое утро не могъ заставить себя работать, — сказалъ Гю. — Сидѣлъ и читалъ въ энциклопедіи все, что тамъ написано о расахъ и религіяхъ на Балканахъ... Тамъ страшно все запутано!

— До сихъ поръ намъ приходилось считаться съ этимъ и разрѣшать все, какъ бы... въ розницу, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — И вотъ тутъ и открывается та величайшая возможность, которую сулитъ намъ эта война. Теперь все становится послѣдовательнымъ и связнымъ. Мы можемъ заново перечертить карту міра. Еще недѣлю тому назадъ мы ожесточенно спорили и ссорились изъ-за вещей, которыя были слишкомъ мелкими для человѣческаго нетерпѣнія. А сегодня мы очутились лицомъ къ лицу съ цѣлой эпохой. Міръ, въ сущности, сталъ мягкимъ кускомъ глины, изъ которой человѣкъ можетъ вылѣпить все, что ему хочется.

— Мы переживаемъ конецъ и начало вѣка. Это нѣчто куда болѣе огромное и величественное, чѣмъ французская революція или эпоха реформаціи... И намъ дано жить и пережить такое время...

Онъ эффектно умолкъ.

— Любопытно, что будетъ съ Албаніей? — сказалъ Гю, но никто не обратилъ никакого вниманія на его замѣчаніе.

— Война дѣлаетъ людей озлобленными и узкими, — сказалъ м-ръ Карминъ.

— Узко понимаемая и узко задуманная война, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Но это будетъ войной благородной, преисполненной негодованія и великодушія.

И они стали обсуждать и гадать относительно возможности вмѣшательства Америки. М-ръ Бритлингъ держался взгляда, что насиліе надъ Бельгіей требовало вмѣшательства каждой цивилизованной державы, и что всѣ наилучшія чувства и инстинкты Америки будутъ стоять за вмѣшательство.

— И чѣмъ больше будетъ участвовать народовъ, — сказалъ онъ, — тѣмъ скорѣе все кончится.

— Было бы странно, если единственной державой, которая сохранитъ нейтралитетъ и возьметъ на себя посредничество мирныхъ переговоровъ, окажется Китай, — сказалъ м-ръ Карминъ. — Китайцы единственный народъ въ мірѣ, дѣйствительно вѣрующій въ миръ... Ахъ, если бы у меня была ваша увѣренность, Бритлингъ...

И они стали строить фантастическіе планы о чемъ-то въ родѣ Великаго Слѣдствія надъ Германіей и милитаризмомъ, причемъ предсѣдательствовала бы надъ всей этой слѣдственной комиссіей Мудрость Востока. И, по ихъ мнѣнію, милитаризмъ будетъ приговоренъ къ тому, чтобы быть похороненнымъ, какъ самоубійца, на перекресткѣ у дороги и съ пробитымъ сквозь его трупъ коломъ, чтобы онъ никогда больше не могъ встать.

VII.

М-ръ Бритлингъ былъ какъ разъ склоненъ пофантазировать, — такого рода настроеніе было однимъ изъ первыхъ воздѣйствій войны на многихъ образованныхъ людей. Многое, что казалось солиднымъ и крѣпкимъ на вѣчныя времена, теперь явно какъ бы расплавлялось. То, что казалось каменнымъ, вдругъ оживилось. Каждая граница, каждое правительство сразу какъ-то выявляло свой дѣйствительно временный характеръ.

М-ръ Бритлингъ долго говорилъ о „Міровомъ конгрессѣ", который долженъ ежегодно собираться, пока не перестанетъ быть учрежденіемъ слѣдственнымъ, а превратится просто въ коллегію для разумнаго предотвращенія всякихъ будущихъ недоразумѣній и непріятностей. Онъ говорилъ о „всѣмъ очевидной потребности" въ созданіи Верховнаго Судилища для міра. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для этого верховнаго суда казалась Гаага, но м-ръ Карминъ отдавалъ предпочтеніе Дельи или Самарканду, или Александріи, или Нанкину.

— Надо во что бы то ни стало уйти и отомкнуться отъ соблазновъ Европы, — сказалъ м-ръ Карминъ.

Пока м-ръ Бритлингъ сидѣлъ утромъ за своимъ столомъ и перебиралъ огромныя, раскрывающіяся міру этой войной

перспективы и возможности, катастрофа, постигшая человѣчество, начала въ его представленіи принимать какъ бы все болѣе и болѣе благотворный характеръ.

— Очевидно, только путемъ такихъ кризисовъ міръ и можетъ перестроить себя, — сказалъ онъ.

Да и вообще онъ теперь былъ склоненъ надѣяться, что великая военная махина еще не такъ легко сломается.

— Нужно, чтобы народы чувствовали и ощущали потребность другъ въ другѣ,—сказалъ онъ.—Слишкомъ краткая кампанія могла бы привести къ ссорѣ изъ-за добычи. Англичанинъ долженъ открыть, что онъ зависитъ отъ ирландца. Русскому надо понять цѣнность образованія и значеніе дружбы поляка... Европѣ придется теперь обратить взоры въ сторону Азіи и признать „бѣлыми" индусовъ и китайцевъ. Но для всего этого, если вообще все познать, какъ слѣдуетъ, понадобится время и напряженіе...

И они стали обсуждать возможную продолжительность войны.

М-ръ Карминъ былъ убѣжденъ, что борьба протянется очень долго. М-ръ Бритлингъ думалъ, что русскіе будутъ въ Берлинѣ къ маю будущаго года. Онъ боялся, какъ бы они не добрались до Берлина еще до конца текущаго года. Онъ думалъ, что нѣмцы растратятъ всѣ свои силы, стараясь разгромить французовъ и англичанъ.

— А въ это время русскіе,—сказалъ онъ,—будутъ наступать медленно, упорно, неизбѣжно!

VIII.

Такъ тянулся этотъ день великихъ ожиданій и началъ медленно склоняться къ вечеру. Это былъ день, словно чѣмъ-то одержимый, предтеча безжалостнаго ряда обреченныхъ и скованныхъ дней. Ясно какъ-то ощущалось, что гдѣ-то, за маской мирной невозмутимости Эссекса, за предѣлами слуха и зрѣнія происходили огромныя событія. И отъ этого ощущенія никакъ нельзя было избавиться. Оно поглощало, душило всѣ другіе интересы. Начатыя было партіи въ теннисъ прерывались прибытіемъ вечернихъ газетъ; разговоры, начатые на какую угодно тему, неизбѣжно сводились послѣ третьей или четвертой реплики къ войнѣ.

Послѣ ленча м-ръ Бритлингъ и м-ръ Карминъ продолжали бесѣду, — иначе быть не могло. Они повторяли мысли и соображенія, уже высказанныя раньше, они стали болѣе подробно и детально обсуждать и взвѣшивать явленія.

Они привыкли играть въ „дурачки" съ Herr Heinrich'омъ; который имъ страшно точно и подробно объяснялъ правила этой игры. Но теперь уже не было Herr Heinrich'а, да и имъ было не до картъ. Оба философа сознались другъ другу, что собственно „дурачки" — игра крайне примитивная, лишенная всякой тонкости, и что главное удовольствіе, которое они черпали въ игрѣ, была та серьезность, съ которой относился къ дѣлу Herr Heinrich, его неспособность сообразить, что они вполнѣ уясняютъ себѣ всю невинную стратегію игры, и неизмѣнная безуспѣшность его попытокъ поразить ихъ какими-нибудь неожиданными, геніально задуманными ходами.

Онъ всегда съ плохо скрываемымъ удивленіемъ таращилъ глаза, когда всѣ его разсчеты обычно разбивались соотвѣтствующимъ ходомъ его партнеровъ, и онъ всегда провѣрялъ свое первое впечатлѣніе, нагибаясь черезъ весь столъ и поправляя очки на носу. Дѣлалъ онъ это характернымъ и однообразнымъ жестомъ: — касаясь носа двумя вытянутыми пальцами.

— Вы очень удачно сыграли именно эту карту,—говорилъ онъ, все болѣе розовѣя отъ волненія.—Иначе... да...—взглядъ на собственныя карты, — иначе вамъ было бы очень плохо... Я очень малымъ рисковалъ... Ну, а теперь я долженъ... — И онъ снова смотрѣлъ на свои карты.

— Zo, — говорилъ онъ и съ трескомъ клалъ карту на столъ.

Ну, вотъ теперь уже не было ни Herr Heinrich'а, ни „дурачковъ". И безчисленное количество такихъ маленькихъ звеньевъ разрывалось въ этотъ день между множествомъ англійскихъ и германскихъ семей.

IX.

Неизбѣжность и близость войны привела въ особую экзальтацію тетю Уильширъ. И она развила вполнѣ индивидуальную точку зрѣнія на совершающіяся событія.

У м-ра Бритлинга завелась привычка, — завелъ онъ ее послѣ долгаго раздражительнаго опыта,—совершенно не обращать вниманія на тетю Уильширъ. Строго говоря, она вовсе не приходилась ему тетей; она была одной изъ тѣхъ дальнихъ кузинъ, которыя всегда такъ или иначе вплетаются въ нашу жизнь, когда мы достигаемъ зрѣлаго возраста. Она постоянно бывала въ домѣ его отца, когда м-ръ Бритлингъ былъ еще маленькимъ. Тогда ее всѣ звали „Джэнъ" или

„Кузина Джэнъ“, или „наша кузина Уильширъ“. И произведена была она въ тети лишь благодаря шуточному капризу м-ра Бритлинга.

Она кое-какъ влачила существованіе съ помощью небольшого наслѣдства и частыхъ наѣздовъ въ гости къ родственникамъ. Наиболѣе раннія воспоминанія м-ра Бритлинга рисовали ее въ видѣ стройной барышни тридцати лѣтъ, съ носомъ, по поводу котораго маленькимъ мальчикамъ было запрещено дѣлать замѣчанія. Но она сама любила комментировать этотъ носъ и обращать вниманіе на то, что онъ страшно напоминаетъ носъ герцога Веллингтона.

— Какъ мнѣ говорили, — разсказывала кузина Уильширъ внимательно слушавшему ее мальчику, — герцогъ былъ большимъ другомъ твоей прабабушки. По крайней мѣрѣ, они были современниками. И съ тѣхъ поръ этотъ носъ держится въ нашемъ роду...

У нея было какое-то особенное свойство раздражать отца м-ра Бритлинга, и это свойство, хотя въ значительно меньшей степени, она сохранила и для сына. Но м-ръ Бритлингъ-старшій никогда не постигъ искусства не обращать на нее вниманія, дѣлать видъ, какъ-будто она не существуетъ. Примѣняемый ею методъ — если вообще можно назвать методомъ естественное выявленіе индивидуальности — сводился къ убѣжденію въ своемъ несоизмѣримо непогрѣшимомъ знаніи, къ твердой и плохо скрываемой увѣренности въ томъ, что все, что бы ни говорили другіе въ ея присутствіи, всегда ошибочно, большей частью просто — нелѣпость. И все это дѣлалось спокойно, увѣренно и сдержанно. Должно-быть, она родилась съ этимъ свойствомъ, такъ какъ въ семьѣ Бритлинговъ хранилось преданіе, что „тетю Уильширъ“ еще въ возрастѣ десяти лѣтъ считали „чрезвычайно несносной дѣвочкой“. Она, должно-быть, родилась съ убѣжденіемъ, что акушеръ, принимавшій ее — ни чорту не годился, и что она сама знаетъ лучше это дѣло. М-ръ Бритлингъ зналъ ее только уже зрѣлыхъ лѣтъ. Мальчикомъ онъ удостаивался чести выслушивать ея таинственныя изливанія относительно другихъ людей и того, что никто не желаетъ слушать ея совѣтовъ. Онъ относился къ ней съ нѣкоторой симпатіей — большинство людей чувствовало къ ней симпатію — и какъ-то привыкъ придавать нѣкоторое значеніе ея трудно достигаемому одобренію. Иногда она бывала очень доброй, часто — просто нелѣпой.

Съ очень маленькими дѣтьми она прекрасно умѣла обращаться, и они тоже любили ее.

Такъ она ѣздила изъ одного дома въ другой и всюду встрѣчала по крайней мѣрѣ привѣтливое отношеніе. Въ первые дни каждаго визита она всегда бывала прямо чудомъ такта и тщательно слѣдила за своимъ языкомъ. Но затѣмъ вскорѣ бѣсы противорѣчія и самолюбія брали верхъ надъ ней. Она тогда начинала спокойно, но твердо вносить поправки въ разговоры и выражать неудовольствіе по поводу того, какъ къ ней относятся, какъ съ ней обращаются, какъ съ ней говорятъ. И въ большинствѣ случаевъ ея визитъ внезапно обрывался безмолвнымъ негодованіемъ, какъ со стороны хозяйки или хозяина, такъ и со стороны гостящей у нихъ родственницы. Но самое примѣчательное то, что безмолвное негодованіе никогда долго не длилось. Хотя она и выводила людей изъ терпѣнія, но никогда никого не обижала и не оскорбляла. Всегда послѣ нѣкотораго промежутка времени, въ которомъ имя ея даже не упоминалось, кто-нибудь начиналъ вдругъ дѣлать догадки или справляться, какъ поживаетъ кузина Джэнъ... И начиналась осторожная переписка, всегда вскорѣ кончавшаяся новымъ приглашеніемъ.

Она обычно проводила больше времени въ домѣ м-ра Бритлинга, чѣмъ въ другихъ. Существовала легенда, что она „открыла" умъ м-ра Бритлинга и всегда заступалась за него передъ его отцомъ. Одно было безспорно, — что она всегда горячо опровергала и старалась разбить всѣ тѣ не очень лестныя замѣчанія, которыя обычно отцы позволяютъ себѣ дѣлать по отношенію къ своимъ сыновьямъ. Но она вообще всегда прекословила и все оспаривала. И м-ру Бритлингу было крайне непріятна мысль, что она проводитъ жизнь одиноко, гдѣ-то по пансіонамъ и санаторіямъ, не имѣя даже возможности кому-то прекословить и съ кѣмъ-то спорить.

Кромѣ того ему нравилось смотрѣть, какъ она окидывала быстрымъ взглядомъ утреннюю газету. Дѣлала она это съ такимъ видомъ, какъ-будто считала земной шаръ какимъ-то огромнымъ дуракомъ, которому даже и совѣта дать нельзя. И какъ-будто она понимала и ее забавляло то, какъ газетчики стараются скрыть отъ нея истинное положеніе вещей.

И теперь ее тоже забавляло и отчасти возмущало то, какъ всѣ относятся къ наступающему кризису, и какъ они себя ведутъ.

Она довѣрила нѣсколько государственныхъ тайнъ старшему изъ маленькихъ Бритлинговъ, стараясь это дѣлать тогда, когда его отца не было поблизости.

— Все то, что они тутъ говорятъ о войнѣ, — говорила она, — въ сущности, никакого отношенія къ ней не имѣетъ.

Все дѣло въ попорченномъ коврѣ, и больше ничего... Въ сумасшедшемъ человѣкѣ и попорченномъ коврѣ! Если бы люди обращали хоть немного вниманія на здравый смыслъ, вся эта война и не случилась бы... Это было давно всѣмъ извѣстно... Онъ былъ слабенькимъ, изнѣженнымъ ребенкомъ, съ которымъ трудно было сладить, и онъ былъ подверженъ припадкамъ безудержнаго плача и крика. Поэтому его старались не раздражать, позволяли ему дѣлать все, что угодно. И никто, кромѣ его бабушки, не могъ съ нимъ справиться. И вотъ она-то и помѣшала ему разъ испортить одинъ коверъ... какъ онъ хотѣлъ. Эта исторія всѣмъ давно и хорошо извѣстна. Это случилось въ Виндзорѣ — когда ему было восемь лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ одной мыслью: воевать съ Англіей.

— Всѣ какъ-будто удивлены, — заявила она неожиданно за чаемъ м-ру Кармину, — а я ни капельки! Я только удивляюсь, что это не случилось раньше. Если бы кто-нибудь спросилъ меня, я могла бы имъ это сказать три года, пять лѣтъ тому назадъ.

Былъ день всякихъ слуховъ — то увѣряли, что Германія объявила войну Италіи, то, что она вторглась не только въ Бельгію, но и въ Голландію.

— Они скоро объявятъ войну лунѣ, — сказала тетя Уильширъ.

— И пошлютъ массу цеппелиновъ, — замѣтилъ младшій изъ мальчиковъ, — Herr Heinrich говорилъ, что цеппелины могутъ летѣть на тысячи миль.

— Онъ будетъ объявлять войну до тѣхъ поръ, пока не останется кому или чему объявлять. Онъ всегда такъ дѣлалъ. Разъ онъ начинаетъ что-нибудь, онъ не можетъ никакъ остановиться. Его часто приходится уводить изъ-за стола изъ опасенія, чтобы онъ не перебилъ всю посуду. Теперь, значитъ, онъ помѣшался на ультиматумахъ.

Ей страшно понравился огромный заголовокъ въ Daily Express, тянувшійся черезъ всю страницу: „Бѣшеная Собака Европы".

Никакое другое опредѣленіе такъ близко не выражало того, что она думала объ этой войнѣ, — увѣряла она.

— Запомните мои слова! — сказала тетя Уильширъ, придавая голосу какъ можно болѣе внушительное выраженіе. — Онъ — сумасшедшій. Это скоро будетъ доказано. Онъ кончитъ дни свои въ сумасшедшемъ домѣ. Я это давно предчувствовала и говорила объ этомъ частнымъ образомъ своимъ знакомымъ... Зная то, что я знаю... Говорила такимъ знакомымъ, которые, я была увѣрена, понимали меня... А теперь, наконецъ, я могу громко говорить объ этомъ...

— Съ его торчащими вверхъ усами...— продолжала тетя Уильширъ послѣ минутнаго раздумья.—Говорятъ, что онъ совсѣмъ не можетъ сгибать локтя лѣвой руки, и носитъ ее, будто, какъ палку... И онъ хочетъ побѣдить Европу!.. Пока была жива его бабушка, было кому смотрѣть за нимъ и держать его въ границахъ приличія. Ея онъ очень боялся. Онъ ненавидѣлъ ее, но никогда не смѣлъ ослушаться ея. Даже дядя его, и тотъ имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Ну, а теперь,—некому и нечему сдержать его.

— Двуглавая бѣшеная собака,—продолжала тетя Уильширъ.— Чтобы было пусто ему и его орламъ... Такому человѣку никогда и не должны были позволить объявлять войну... Даже самую маленькую войну... Если бъ его засадили въ сумасшедшій домъ, когда я объ этомъ говорила, то ничего подобнаго не случилось бы... Но, конечно, я — ничтожество... Со мной никогда не считаются... Считаютъ ниже достоинства обращать вниманіе на мои слова...

X.

Одна изъ примѣчательныхъ особенностей отношенія Англіи къ войнѣ была склонность усматривать въ ней грандіозную шутку. Подобное отношеніе можно прослѣдить въ значительной части англійской литературы того времени. И, несмотря на всѣ жестокости, насилія, несправедливости, колоссальныя разрушенія и еще болѣе колоссальныя опасности борьбы, это отношеніе долго держалось. Англійскій умъ долго и наотрѣзъ отказывался видѣть что-либо величественное или ужасное въ германскомъ нападеніи, или смотрѣть на германскаго кайзера или кронпринца иначе, чѣмъ на какія-то шуточныя фигуры. Съ перваго до послѣдняго англичане видѣли въ немъ какого-то напыщеннаго, глупаго, толстаго человѣка, краснаго отъ напряженія, съ выпученными глазами и принужденно-вызывающими манерами. То, что онъ можетъ оказаться страшно смертоноснымъ, ничуть не затмевало факта его крайней нелѣпости. И если, по мѣрѣ того, какъ тянулась война, шуточное отношеніе становилось все болѣе зловѣщимъ, тѣмъ не менѣе оно оставалось шуточнымъ. Пусть нѣмецъ превратитъ весь міръ въ пустыню, но это не могло измѣнить британскаго убѣжденія, что онъ ведетъ себя дуракомъ.

И въ теченіе всего дня, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, эта склонность видѣть все въ немного юмористическомъ свѣтѣ не переставала всплывать наружу то въ случайномъ замѣчаніи.

то въ сознательной остротѣ или шуткѣ. Мальчики вспомнили про „гусиный маршъ“ германскихъ солдатъ, и онъ наполнилъ ихъ юныя души удивленіемъ и наслажденіемъ. То, что взрослыя, сознательныя человѣческія существа соглашаются маршировать такимъ шагомъ, казалось имъ невѣроятно потѣшнымъ. Они сперва сами попробовали продѣлывать этотъ „гусиный маршъ“, затѣмъ стали просвѣщать всѣхъ остальныхъ. Къ чаю пришли Летти и Сисси за новостями, и мальчики тотчасъ же завербовали ихъ вмѣстѣ съ Тэдди и Гю. Всѣ шестеро, смѣясь и раскачиваясь, принялись маршировать по газону широкими шагами, на подобіе растопыренныхъ ножницъ.

— Лѣвая, правая, — кричалъ Гю, — лѣвая, правая!

— Носки врозь! — кричалъ м-ръ Лоренсъ Карминъ.

— Грудь впередъ, голову выше, — кричалъ младшій Бритлингъ.

— Смотрите на цеппелины и дѣлайте гордое выраженіе! — кричалъ Гю. — Грудь впередъ! Zo!

Миссисъ Бритлингъ эта картина такъ понравилась, что она сбѣгала въ домъ за кодакомъ и сняла марширующую компанію. Снимокъ вышелъ очень удачнымъ, и годъ спустя м-ръ Бритлингъ нашелъ его среди своихъ бумагъ и вспомнилъ веселое настроеніе, царившее въ тотъ ясный солнечный день...

XI.

Въ ту ночь пришло извѣстіе объ объявленіи Англіей войны Германіи. Почти каждому англичанину это показалось въ порядкѣ вещей, и то, что нѣмцы были этимъ весьма удивлены — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ исторіи. Когда м-ръ Бритлингъ, какъ примѣрный англичанинъ, говорилъ, что Англія никогда не будетъ воевать съ Германіей, онъ, собственно, хотѣлъ сказать, что не можетъ себѣ представить возможность нападенія Германіи на Бельгію или Францію. Если бы Германія удовлетворилась исключительно оборонительной войной на своей западной границѣ и оставила бы Бельгію въ покоѣ, то едва ли появилась бы даже партія „за войну“ въ Великобританіи. Но послѣ нападенія на Бельгію и устремленія Германіи на западъ, весь англійскій народъ цѣликомъ вспыхнулъ единогласнымъ требованіемъ войны. Этотъ шагъ Германіи рѣшилъ вопросъ, который до самаго начала конфликта оставался открытымъ и спорнымъ. До самаго конца англичане лелѣяли мысль, что въ Германіи точно такъ же, какъ и въ Англіи, поголовное большинство народа настроено добродушно,

мирно и вполнѣ безпристрастно. И въ этомъ была ошибка англичанъ. Германія оказалась той самой Германіей, за какую она себя выдавала вотъ ужъ сорокъ лѣтъ — страной милитаризма. И со вздохомъ — и давно забытой дрожью волненія — Англія встряхнулась и приготовилась воевать. Да и теперь еще она встряхивалась лѣниво. Впереди было нѣчто огромное, невообразимое, но — насколько огромное, никто въ Англіи не могъ себѣ точно представить.

Въ тотъ день безчисленное множество людей, которыхъ судьба намѣтила къ смерти и ранамъ, стояли съ раскрытыми отъ удивленія ртами, читая про объявленіе войны, и улыбались возбужденности газетныхъ заголовковъ; имъ ни на секунду въ голову не приходило, что что-нибудь изъ того, о чемъ оповѣщали газеты, подойдетъ къ нимъ ближе, чѣмъ на триста миль. Что могла означать война для Матчингсъ-Изи — для всѣхъ этихъ маленькихъ и большихъ Матчингсъ-Изи, изъ которыхъ состоитъ Англія? Послѣдній домъ, сожженный врагомъ на разстояніи ста миль отъ Матчингсъ-Изи, былъ сожженъ датчанами и то больше, чѣмъ тысяча лѣтъ тому назадъ!.. И послѣдніе слѣды тѣхъ датчанъ, сохранившіеся въ Англіи, были лоскутки корявой затвердѣвшей кожи подъ шляпками гвоздей на дверяхъ церкви Св. Климента Датскаго въ Лондонѣ...

И вотъ теперь Англіи снова предстояло участвовать въ войнѣ, которая потомъ зажгла дома въ Англіи и принесла смерть англійскимъ гражданамъ на англійской землѣ. Всего этого невозможно было представить себѣ въ августѣ 1914 года. И такого рода явленія должны случиться прежде, чѣмъ ихъ возможность можетъ быть осознана.

XII.

Повѣсть эта, въ сущности, является повѣстью о томъ, какъ восприняты были начало и дальнѣйшее развитіе Великой Войны маленькой группой людей въ Эссексѣ, и, въ частности, какъ она была воспринята однимъ человѣческимъ сознаніемъ. Вначалѣ она была воспринята всѣми этими людьми, какъ нѣчто, имѣющее характеръ зрѣлища, какъ какое-то международное драматическое представленіе, какъ нѣчто въ газетахъ, какъ нѣчто въ области скорѣе исторической эпохи, чѣмъ личнаго опыта. И только постепенно война и ея послѣдствія стали проникать въ глубокія нѣдра англійской жизни.

Если бы нашу повѣсть можно было изобразить рисунками или набросками, то центральной фигурой въ нихъ былъ бы

м-ръ Бритлингъ, — то сидящій день и ночь за своимъ письменнымъ столомъ, сперва пишущій свою брошюру „Теперь пришелъ конецъ войнѣ“, затѣмъ другія статьи; то разгуливающій по своему саду или по парку Клаверингскаго замка; или бѣгающій по Лондону; или стоящій въ своемъ клубѣ передъ телеграфнымъ автоматомъ, развертывающій ленту послѣднихъ извѣстій; или сидящій у себя дома и читающій газету, въ то время, какъ въ мозгу его накопляются, собираются, развиваются мысли и впечатлѣнія, складываясь въ какую-то систему, реагируя другъ на друга, выливаясь въ обобщенія и умозаключенія...

Вскорѣ, дѣйствительно, всѣ умственные интересы, все духовное существо м-ра Бритлинга сосредоточилось на войнѣ. Его обычная, еженедѣльная передовая въ „Times“ вскорѣ сдѣлалась очередной диссертаціей на тему о нѣмецкой точкѣ зрѣнія. Его рецензіи и статьи въ „Литературномъ Приложеніи“ „Таймса“ вертѣлись все болѣе или менѣе вокругъ одного центральнаго факта...

Рѣдко онъ дѣйствительно видѣлъ самую войну; очень немногіе видѣли ее; для большинства людей въ мірѣ она являлась безпредѣльнымъ множествомъ неясныхъ, яркихъ и хаотическихъ впечатлѣній. Но тѣмъ не менѣе, онъ все время старался изо всѣхъ силъ увидать войну, постигнуть ее, какъ бы опростить ее и извлечь сущность ея такъ, чтобы она могла быть воспринимаема, какъ нѣчто эпическое и объяснимое, какъ логическій выводъ...

Самой характерной изъ иллюстрацій былъ бы м-ръ Бритлингъ за письменнымъ столомъ, въ оранжевомъ свѣтѣ маленькой лампы, съ открытыми ставнями въ спальнѣ, чтобы впустить лунный свѣтъ, но съ закрытыми окнами для огражденія отъ ночныхъ бабочекъ. За окнами свѣтила бы луна, виднѣлось бы лѣтнее небо, и смутно вырисовывалась надъ черными деревьями башня старинной церкви въ полумилѣ разстоянія. М-ръ Бритлингъ никогда не слышалъ башенные часы днемъ; ночью же ихъ удары, медленно отбивавшіе полукругъ ночныхъ часовъ, явственно доходили до его слуха.

Онъ всегда ненавидѣлъ всякіе конфликты и разрушенія и считалъ, что война между цивилизованными государствами — яркое выраженіе человѣческаго безсилія, что это глупость задерживающая и пріостанавливающая прогрессъ и всякое свободное развитіе человѣчества. Тысячу разъ онъ заявлялъ, что считаетъ войну немыслимой, невозможной, но даже теперь, когда воевала и его родина, онъ все еще былъ далекъ отъ

сознанія, что эта война можетъ коснуться его какъ-нибудь иначе, чѣмъ интеллектуально. Онъ всѣмъ существомъ своимъ никакъ не могъ повѣрить, что убійство, разрушеніе и страданіе сейчасъ, въ масштабѣ, превосходящемъ все то, что до сихъ поръ было извѣстно, происходитъ на той же самой землѣ, которая мирно спитъ за чернымъ плющемъ и сверкающей серебряной оконной рамой, окаймляющей спокойный разстилающійся передъ нимъ видъ.

Вотъ уже тысяча лѣтъ съ лишнимъ, какъ война не была ни разу реальностью въ повседневной жизни Англіи. Умственныя привычки націи, слагавшіяся вотъ уже пятьдесятъ поколѣній, были противъ эмоціональнаго осознанія войны. Англичане были, въ сущности, избалованными дѣтьми міра. Испанія и Франція, правда, каждая въ свою очередь и въ свое время, угрожали имъ; но ни та, ни другая никогда не переправлялась черезъ море. Правда, что у Англіи были свои внутреннія междоусобицы, и что она воевала и завоевывала территоріи во всѣхъ частяхъ земли и создала огромную имперію: но послѣднее этихъ завоеваній, какъ м-ръ Бритлингъ какъ-то объяснилъ м-ру Диреку, было „просто экспедиціей". Англія просто выслала своихъ младшихъ сыновей, лишнихъ людей, эмигрантовъ и экспедиціонные корпуса. Ея собственная территорія никогда не испытала побѣдоноснаго непріятельскаго вторженія. Жизнь страны, домашній бытъ населенія, общій внутренній строй никогда не нарушался такого рода тревогами. Девятнадцать изъ двадцати англичанъ, всѣ средніе классы и большая часть низшаго класса, имѣли почти столько же понятія о британской имперіи, сколько объ аргентинской республикѣ или объ итальянскомъ ренессансѣ. Это ихъ не касалось. Война, призывающая подъ знамена всякаго мужчину и угрожающая каждой жизни въ странѣ, война всей націей, — это было явленіемъ, выходившимъ за предѣлы англійскаго опыта и британскаго воображенія. Такая война все еще казалась неправдоподобной, она была все еще внѣ грани мыслей м-ра Бритлинга даже въ теченіе огромнаго наступленія и пріостановки его на западѣ, которыми отмѣчено было начало великой войны.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ онъ былъ скорѣе зрителемъ на представленіи, чѣмъ гражданиномъ страны, непосредственно участвующей въ войнѣ.

XIII.

Послѣ временнаго возбужденія, продовольственной паники и краткой финансовой растерянности, снова взяла верхъ

безпредѣльная инертность англійской повседневной жизни. Когда публика явилась въ банки за новыми бумажными деньгами, то банки, извиняясь, предлагали золото. Новыхъ бумажныхъ денегъ не хватало, зато золота было достаточно. Первое впечатлѣніе — что случилась всемірная катастрофа, смѣнилось другимъ — что какъ-будто ничего не случилось.

Пооткрывались послѣ праздника магазины; сперва въ нихъ господствовало настроеніе выжидательное, нерѣшительное, быстро смѣнившееся однако прежней увѣренностью. Люди снова стали спокойно заниматься своими дѣлами, и война, поскольку она касалась широкихъ массъ британскаго народа, въ теченіе первыхъ дней была скорѣе лихорадкой ума и мысли, чѣмъ физической и личной дѣйствительностью. Появился большой спросъ на извѣстія, и нѣкоторое время извѣстій было весьма мало. Печать изо всѣхъ силъ старалась оказаться на высотѣ своего новаго необычайнаго положенія. Предводительствуемыя „Daily Express", всѣ полупенсовыя газеты [1]) стали прибѣгать къ новому и болѣе громкому типу заголовковъ, къ строкѣ крупнаго, жирнаго шрифта, пересѣкающей всю полосу и объявляющей въ двухъ-трехъ словахъ о побѣдахъ или неудачахъ. И эти заголовки стали появляться каждый день, объявлялось ли о большой битвѣ или о потерѣ траллера, и публика очень быстро приспособилась къ этому новому пріему.

Со стороны правительства не появилось никакихъ призывовъ, и не было никакой организаціи для всеобщаго участія въ войнѣ. Люди говорили совершенно свободно, никѣмъ не стѣсняемые; всѣ какъ-будто заговорили; размахивали флагами и проявляли много смутной готовности что-нибудь сдѣлать. Всѣ охотно хватались за всякую возможность такъ или иначе быть полезными. Стало извѣстнымъ, что лордъ Китченеръ потребовалъ новую армію въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ. Имѣвшійся въ распоряженіе военнаго министра механизмъ для вербовки добровольцевъ, механизмъ, разсчитанный на куда менѣе крупный масштабъ, тотчасъ же оказался безсильнымъ справиться съ огромнымъ наплывомъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ ряды арміи. Пришлось сдержать потокъ добровольцевъ установленіемъ такой физической нормы для желающихъ, которая была значительно выше средняго національнаго уровня, и тогда зачисленіе добровольцевъ облегчилось. Въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Популярная пресса, въ родѣ „Daily Mail", „Daily Express" и т. д., стоитъ 1/2 пенса за №, въ то время, какъ серьезныя газеты — „Times", „Morning Post", „Daily Telegraph" и т. п. — стоятъ 1 пенсъ.

кругахъ господствовало убѣжденіе, что войну не слѣдуетъ принимать слишкомъ близко къ сердцу и что для широкихъ массъ она представляла скорѣе развлекающій и волнующій, чѣмъ жизненный интересъ. Фраза „Business as usual“ („Занимайтесь обычнымъ дѣломъ, какъ всегда“) обошла весь міръ, и газеты запестрѣли статьями, старающимися доказать, что наивысшій, наиподлиннѣйшій патріотизмъ сводится къ тому, чтобы продолжать жить и работать такъ, какъ-будто никакой войны нѣтъ.

„Предоставьте все Китченеру“ — было другимъ лозунгомъ, въ которомъ въ значительной степени сказалась національная особенность англичанъ — желаніе самимъ оставаться въ сторонѣ.

„Стрижка и бритье попрежнему, пока карта Европы ремонтируется“ — гласило объявленіе въ окнѣ какого-то парикмахера и произвело настоящій фуроръ.

Гю въ теченіе всего августа не уѣзжалъ изъ Матчингсъ-Изи. Вмѣстѣ съ отказомъ отъ артистической карьеры, онъ отказался и отъ своей квартиры въ Лондонѣ, и отецъ уже началъ хлопотать о его переводѣ въ Кэмбриджъ, куда перешелъ профессоръ Кардиналъ. А пока Гю снова взялся за науку. Часа два каждый день онъ занимался, довольно неохотно, греческимъ языкомъ, а остальное время работалъ или надъ математикой, или надъ математической физикой, или же производилъ опыты въ небольшой лабораторіи, устроенной во дворѣ. И только къ самому концу августа, наконецъ, мелькнула мысль у него и у м-ра Бритлинга, что война можетъ имѣть для нихъ значеніе болѣе близкое, чѣмъ зрѣлищное или эмоціональное. До сихъ поръ современная исторія слагалась безъ личнаго вмѣшательства Гю. Онъ не сразу могъ себѣ уяснить, почему бы ей не продолжать складываться съ той же объективностью. Послѣдніе всеобщіе выборы — а всеобщіе выборы въ парламентъ, въ сущности, единственное событіе, при которомъ жизнь средняго, здравомыслящаго англичанина становится до нѣкоторой степени общественной — имѣли мѣсто четыре года тому назадъ, когда Гю было всего тринадцать лѣтъ.

XIV.

Нѣкоторое время въ Матчингсъ-Изи господствовало убѣжденіе, что германскія арміи разбиты и почти цѣликомъ уничтожены подъ Льежомъ. Впрочемъ, это несоотвѣтствующее истинѣ убѣжденіе господствовало далеко не въ одномъ Матчингсъ-Изи.

Первый набѣгъ германцевъ, собственно, дѣйствительно былъ отбитъ со значительнымъ урономъ, и такой же неудачей для

нихъ сопровождались систематическія атаки шестого и восьмого августа. Потомъ извѣстія изъ Льежа стали получаться неопредѣленныя, хотя въ Англіи все еще вѣрили, до самаго вступленія германцевъ въ Брюссель, что часть или всѣ форты Льежа еще держатся. Одновременно съ этимъ французы проникали все дальше и дальше въ свои когда-то потерянныя провинціи, занимая Альткирхъ, Мюльгаузенъ и Саарбургъ; русскіе наступали въ Буковинѣ и Восточной Пруссіи; „Гебенъ", „Бреслау" и „Пантера" были потоплены газетами въ воображаемомъ бою въ Средиземномъ морѣ, а Тоголандъ былъ захваченъ французами и англичанами. Общественное мнѣніе Англіи еще не уясняло себѣ ни силы, ни размѣровъ германскаго наступленія въ Бельгіи, и поэтому м-ръ Бритлингъ имѣлъ полное право настаивать на своемъ опасеніи, что война кончится слишкомъ рано и, во всякомъ случаѣ, задолго до того, какъ удалось бы обезпечить въ полной мѣрѣ всѣ тѣ преимущества, которыя она должна принести человѣчеству. Но эти опасенія были совершенно неосновательными; уроки, которые готовила м-ру Бритлингу война, оказались впослѣдствіи значительно болѣе убѣдительными и поучительными, чѣмъ все, что онъ могъ себѣ представить, даже въ минуты наисильнѣйшаго увлеченія.

Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить извѣстіямъ о паденіи Брюсселя и о появленіи нѣмцевъ въ Динанѣ. Первый рѣшительный ударъ его чрезвычайнымъ ожиданіямъ побѣды для союзниковъ былъ нанесенъ внезапнымъ появленіемъ на сцену м-ра Дирека, прибывшаго въ Матчингсъ-Изи въ состояніи крайняго возбужденія и растерянности. Онъ телеграфировалъ изъ Лондона: „Ѣду разсказать вамъ о событіяхъ" и пріѣхалъ почти одновременно со своей телеграммой.

Пріѣхалъ онъ, собственно, подъ предлогомъ навѣстить м-ра и миссисъ Бритлингъ, и до нѣкоторой степени такъ и было; но глаза его то и дѣло бѣгали въ сторону двери и оконъ. Вмѣстѣ съ нимъ вошло какое-то еле уловимое ожиданіе прихода Сисси, и оно витало вокругъ него, какъ ароматъ фіалокъ витаетъ и слѣдуетъ всюду за цвѣткомъ.

Все же ему удалось кое-что разсказать прежде, чѣмъ проявилась естественная склонность м-ра Бритлинга завладѣвать разговоромъ.

— Вотъ эта такъ война, господа! — сказалъ м-ръ Директъ. — Она рѣшительно ни съ чѣмъ не хочетъ считаться! Въ качествѣ американскаго гражданина, я, естественно, ждалъ, что ко мнѣ будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ, несмотря на войну. Но, увы, эти мои ожиданія совершенно не оправдались...

Европа совсѣмъ съ ума сошла!.. Вы не можете представить себѣ, до какой степени Европа лишилась разсудка!..

— Я пріѣхалъ въ Европу настроенный совершенно дружественно... и, долженъ признаться, я чрезвычайно удивленъ. Я, буквально, очутился на улицѣ безъ всего... Весь мой багажъ пропалъ... Гдѣ-то, на какомъ-то маленькомъ разъѣздѣ около голландской границы... даже названіе его не могу вспомнить... Да! Гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь нѣмецкой семьѣ кто-то сейчасъ радуется моимъ сорочкамъ... хорошія у меня были сорочки... Вотъ этотъ костюмъ, что на мнѣ — все, что осталось изъ моего гардероба... Всѣ мои деньги... у меня были честныя американскія банкноты... такъ что вы думаете?.. Они просто хохотали, когда я имъ ихъ предлагалъ! А когда я хотѣлъ имъ платить англійскимъ золотомъ, они заподозрили во мнѣ англичанина и чуть было не арестовали меня... Могу увѣрить васъ, англичане сейчасъ очень непопулярны въ Германіи... чрезвычайно непопулярны!.. Пришлось, въ концѣ-концовъ, занять денегъ у американскаго консула, и, повѣрите, мнѣ пришлось ждать и жить почти впроголодь, и обозрѣвать міръ, поскольку это дозволялось, съ запасныхъ путей глухихъ полустанковъ, точно корова по дорогѣ съ прерій въ Чикаго... Да, господа, со мной обращались прямо, какъ съ грузомъ какимъ-то... Да еще грузомъ малой скорости... Даже противно вспоминать..

И лицо м-ра Дирека приняло мрачное и серьезное выраженіе, насколько это было возможно послѣ долгихъ лѣтъ вѣчныхъ улыбокъ и добродушія...

— Повторяю вамъ, я никогда не зналъ, что такое война, пока теперь не пережилъ этого на себѣ... Въ Америкѣ мы о такомъ явленіи даже представленія не имѣемъ. Это въ родѣ чумы и голода, о которыхъ лишь въ книгахъ читаешь. Мы давно забыли, что война можетъ происходить въ дѣйствительности. Правда, у насъ еще живы нѣсколько дѣдушекъ, которые что-то шамкаютъ про войну... Но, въ сущности, у насъ понятіе о войнѣ свелось къ какой-то дѣтской игрѣ... А тутъ вдругъ люди бѣгаютъ кругомъ тебя по улицамъ... кричатъ... ненавидятъ... угрожаютъ... и какіе-то милые старички съ сѣдыми усами и отцы семейства собираются для того только, чтобы обсудить и придумать, какъ сжечь дома и убивать, и ранить, и наводить ужасъ... и милыя какія-то барышни ищутъ, гдѣ бы найти англичанина, чтобы плюнуть въ него... Увѣряю васъ, сколько разъ чуть-чуть было не заплевали меня... и вообще было очень непріятно... А, главное, нельзя даже заставить себя повѣрить, что они дѣйствительно такія вещи продѣлываютъ... Есть такая

деревушка Visé около голландской границы, такъ вотъ тамъ какой-то старый дуракъ сталъ баловаться охотничьимъ ружьемъ. И, повѣрите, они снесли эту деревушку съ лица земли. Разстрѣливали населеніе дюжинами; выстроили жителей въ три ряда, разстрѣляли ихъ и деревушку сожгли... Недоставало только, чтобы ихъ скальпировали, а то и краснокожіе индѣйцы не могли сказаться болѣе жестокими... А это цивилизованные, приличные нѣмецкіе солдаты... Въ Англіи какъ-будто никто не подозрѣваетъ о томъ, что творится въ Бельгіи... Слышишь такіе разсказы!.. Ихъ передаютъ люди въ Голландіи. Волосы дыбомъ становятся!.. Они рѣшили усмирить бельгійцевъ систематическимъ терроромъ. Вы ничего себѣ представить не можете!.. Насилія... Такія насилія, о которыхъ никогда ни одному американцу не снилось. О которыхъ даже неудобно говорить... изнасилованія! Они въ дисциплинарныхъ цѣляхъ насиловали женщинъ на столахъ, на рыночной площади въ Льежѣ! Да, сэръ! Это фактъ! Мнѣ это разсказывалъ человѣкъ, только что спасшійся изъ Бельгіи. Онъ зналъ самихъ пострадавшихъ, зналъ городъ, зналъ все. Люди тутъ у васъ въ Англіи какъ-будто не сознаютъ, что эти изнасилованныя женщины такія же женщины, какъ въ Честерѣ, въ Ярмутѣ и, если хотите, даже въ Матчингсъ-Изи. Они все еще продолжаютъ думать, что женщины континента другого сорта женщины, болѣе приспособленныя къ такого рода обращенію. Они какъ-будто думаютъ, что существуетъ особый законъ природы, не допускающій, чтобы такого рода вещи приключались съ англичанами. А, между тѣмъ, все это происходитъ въ какихъ-нибудь двухстахъ миляхъ отсюда... И сейчасъ происходитъ! И насколько я могу судить, ничто не помѣшаетъ имъ подойти еще ближе.

М-ръ Бритлингъ, думалъ, что кой-какія маленькія препятствія найдутся.

— Я видѣлъ вашу новую армію на ученіи въ Лондонѣ, м-ръ Бритлингъ. Я не знаю, видѣли ли вы ее. Я видѣлъ цѣлый батальонъ. И, повѣрите, на цѣлый этотъ батальонъ не было полдюжины людей въ формѣ и ни одного ружья!

— Вы въ Англіи еще не сознаете, противъ чего и съ кѣмъ вамъ придется драться. Вы не имѣете представленія, что значитъ быть въ странѣ, гдѣ всѣ: женщины, старики, взрослые, зрѣлые люди относятся къ войнѣ серьезно, какъ къ дѣлу. И никто не протестуетъ, никого эта война не раздражаетъ! Я не знаю, какой была Германія до войны, такъ какъ я едва успѣлъ сойти съ поѣзда, какъ война была объявлена; но въ настоящее время Германія — одинъ сплошной вооруженный

военный лагерь. Она вся наводнена солдатами. И у каждаго солдата и сапоги имѣются, и форма, и полное снаряженіе: все въ порядкѣ.

— Германія такъ же увѣрена въ побѣдѣ, какъ-будто они уже захватили Лондонъ. И они твердо намѣрены занять Лондонъ. Они твердо увѣрены, что пройдутъ черезъ Бельгію, твердо увѣрены, что вступятъ въ Парижъ ко дню годовщины Седанской битвы, что уничтожатъ вашъ флотъ цеппелинами и подводными лодками и затѣмъ перебросятся черезъ Ламаншъ. Они это самое вторженіе въ Бельгію объясняютъ тѣмъ, что имъ надо добраться до Англіи. А съ Франціей они справятся по дорогѣ. Они увѣряютъ, что у нихъ есть пушки, при помощи которыхъ можно бомбардировать Дувръ изъ Калэ. Да, они этимъ открыто хвастаются. Они убѣждены, что вы не въ состояніи вооружить ваши арміи. Они знаютъ, что вы даже десяти тысячъ винтовокъ не въ состояніи вырабатывать въ недѣлю. Они входятъ въ поѣзда и со всѣми заговариваютъ и объясняютъ точнѣйшимъ образомъ, какъ будетъ осуществлено ваше пораженіе. Можно подумать, что они говорятъ о томъ, какъ станутъ сгонять стадо скота на ярмарку.

М-ръ Бритлингъ возразилъ, что имъ скоро придется разочароваться.

М-ръ Дирекъ съ увѣренностью, основанной на своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ, замѣтилъ послѣ маленькой, но ощутительной паузы.

— Хотѣлось бы знать, въ чемъ будетъ заключаться это разочарованіе?

И онъ снова вернулся къ факту, который произвелъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на его воображеніе.

— Взрослые люди, обыкновенные, интеллигентные, имѣющіе жизненный опытъ люди относятся къ войнѣ серьезно и говорятъ о томъ, какъ они накажутъ Англію! Да это цѣлое откровеніе!.. И у нихъ у всѣхъ такой торжественный энтузіазмъ! У богатыхъ и бѣдныхъ... И всѣ эти поѣзда, полные людей, и поѣзда, полные пушекъ!

— Льежъ... — попробовалъ было возразить м-ръ Бритлингъ.

— Ну, Льежъ, это была просто случайность, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Нѣсколько тысячъ убитыхъ, допустимъ, даже нѣсколько десятковъ тысячъ убитыхъ, это не важно!.. Это для нихъ никакой роли не играетъ. Въ отелѣ „Сесиль“, гдѣ я живу, остановился человѣкъ, видѣвшій, какъ нѣмцы вступали въ Брюссель. Мы вчера съ нимъ завтракали за однимъ столомъ. Онъ разсказывалъ, что цѣлый день тянулось

это вступленіе, огромная, безконечная рѣка сѣрыхъ людей. Безчисленные возы, безчисленныя пушки, все мужское населеніе цѣлой страны, и все это со своими обозами шло, шло, шло безъ конца.

— До сихъ поръ я всегда думалъ,— сказалъ м-ръ Дирекъ,— что война — это какъ бы такая игра, когда большинство людей стоитъ въ сторонѣ и кричитъ, а особаго рода спеціальной команды дерется. Ну, такъ вотъ Германія совсѣмъ не такъ воюетъ... И, сознаюсь, я напуганъ... Эта самая огромная война, какую можно себѣ представить! Это крайній, высшій предѣлъ войны!.. Прошлой ночью мнѣ снился какой-то сѣрый потокъ, который сметалъ все передъ собой... Вы, и я... и миссъ Корнеръ — не странно ли, что и она почему-то тоже тамъ была?.. — въ ужасѣ карабкались на какую-то гору, все выше и выше, и за нами поднимался этотъ потопъ. Онъ вздымался какой-то пѣной изъ лицъ, шлемовъ, штыковъ... и хватающихъ рукъ... и чего-то краснаго... Да, м-ръ Бритлингъ, я сознаюсь, что у меня немного расшатаны нервы отъ всего этого; но увѣряю васъ, вы тутъ, въ Англіи, еще и не представляете себѣ, съ чѣмъ вамъ придется имѣть дѣло.

XV.

Сисси въ тотъ день не заходила въ Дауэръ-Хаузъ, и поэтому м-ръ Дирекъ, подъ какимъ-то туманнымъ и весьма прозрачнымъ предлогомъ, отправился въ коттеджъ Тэдди.

Тамъ его разсказъ произвелъ еще большее впечатлѣніе. Тэдди сидѣлъ на письменномъ столѣ, рядомъ съ пишущей машинкой, и медленно качалъ ногами. Летти сидѣла въ креслѣ. Сисси управляла весьма ограниченными опытами въ передвиженіи, производимыми молодымъ наслѣдникомъ.

— Они могли бы трижды уничтожить всю англійскую армію и даже не замѣтили бы этого. Вѣдь они всѣ участвуютъ въ войнѣ! Это цѣлый народъ, вставшій подъ ружье!

Тэдди задумчиво кивалъ головой, какъ бы соглашаясь съ этимъ.

— У насъ есть флотъ... — сказала Летти.

— Ну, вашъ флотъ врядъ ли можетъ спасти Парижъ!

М-ру Диреку, какъ онъ заявилъ, вовсе не хотѣлось говорить непріятности, но онъ считалъ необходимымъ, чтобы англійскій народъ ясно сознавалъ, съ чѣмъ ему придется имѣть дѣло, онъ „естественно“ чувствуетъ себя однимъ изъ нихъ, т. е. переживаетъ все, какъ они, англичане. И онъ

торопился вернуться къ нимъ — какъ-будто къ себѣ домой,— чтобы разсказать имъ о томъ, что на нихъ надвигается. Онъ чувствовалъ себя въ родѣ человѣка, бѣгущаго передъ наводненіемъ, огромнымъ сѣрымъ потокомъ. И онъ не можетъ скрывать своихъ мыслей и чувствъ.

— Гдѣ же наша армія? — вдругъ спросила Летти.

— Затерялась гдѣ-нибудь во Франціи,— отвѣтилъ Тэдди.— Какъ иголка въ стогѣ сѣна.

— Ну, а знаете, что меня больше всего безпокоитъ и волнуетъ? — продолжалъ м-ръ Дирекъ.— Что, если они вдругъ явятся сюда, какъ-нибудь переберутся черезъ Ламаншъ, такъ тысячъ шестьдесятъ или семьдесятъ, а?

— Тогда всякій мужчина въ Англіи поднимется и будетъ стрѣлять въ нихъ! — сказала Летти.

— Но нѣтъ винтовокъ!

— Есть охотничьи ружья.

— Вотъ этого-то я и боюсь! — сказалъ м-ръ Дирекъ.— Тогда они устроятъ бойню!.. — Вы, можетъ-быть, храбрѣйшій народъ на землѣ,— продолжалъ онъ,— но если у васъ не будетъ винтовокъ, а у нихъ будутъ, васъ всѣхъ перестрѣляютъ, какъ стадо барановъ.

И онъ задумчиво нахмурился.

Потомъ онъ немного встряхнулся и началъ подробно разсказывать все видѣнное и пережитое и про то странное чувство тревоги и безпокойства, которое имъ овладѣло. Онъ особенно останавливался на своихъ попыткахъ осмотрѣть достопримѣчательности Кельна во время суеты мобилизаціи. Но вскорѣ разсказъ его какъ-то сталъ терять свою связность и всѣ почувствовали, что его надо оставить вдвоемъ съ Сисси. У Тэдди оказалось письмо, которое надо опустить въ ящикъ, Летти захватила младенца и отнесла въ садъ „поползать" по травѣ. М-ръ Дирекъ присѣлъ на подоконникъ и послѣ того, какъ дверь закрылась вслѣдъ за Летти, еще промолчалъ нѣсколько секундъ.

— Что касается васъ, Сисси,— началъ онъ наконецъ,— то я очень безпокоюсь. Очень за васъ безпокоюсь. И мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы разрѣшили мнѣ набросить на васъ плащъ Древней Славы.

И онъ взглянулъ на нее серьезными глазами.

— Древней Славы? — спросила Сисси.

— Ну да... Звѣзды и полосы. Американскій флагъ! Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы имѣли право, назваться гражданкой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ... на случай

чего-нибудь. Тогда вамъ было бы легче... Всюду, во всемъ мірѣ, Сисели, къ американцамъ относятся съ уваженіемъ... Никто не посмѣетъ пальцемъ тронуть американскаго гражданина... Мы... народъ неприкосновенный...

Онъ остановился.

— Но какъ же?..— спросила Сисели.

— Это совсѣмъ просто... чрезвычайно просто...

— Но какъ?

— Выходите замужъ за американскаго гражданина,— сказалъ м-ръ Дирекъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ самодовольства,— и тогда вы будете въ полной безопасности, и я бы больше за васъ не безпокоился.

— Такъ какъ Англія воюетъ, то вы совѣтуете мнѣ выйти замужъ за американца?— воскликнула Сисси.

М-ръ Дирекъ замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ ошибку.

— Такъ какъ, быть-можетъ, въ Англію ворвутся нѣмцы, то...

М-ръ Дирекъ сталъ еще больше убѣждаться въ своей ошибкѣ.

— Клянусь...— начала она.

— Нѣтъ, не надо!— воскликнулъ м-ръ Дирекъ и протянулъ руку.

Наступилъ критическій моментъ.

— Я никогда не откажусь отъ своей родины— пока она воюетъ,— сказала Сисси, немного какъ бы смягчивъ въ концѣ свою первоначальную рѣшительность, но прибавила, какъ-будто сожалѣя о своей уступкѣ,— ни за что!

— Въ такомъ случаѣ, Сисси, я долженъ постараться, чтобы эта война кончилась какъ можно скорѣе...

Но Сисси нельзя было такъ легко успокоить. Война уже добралась къ нимъ въ коттеджъ и понемногу перетягивала ихъ изъ зрительнаго зала на сцену.

— Это самая справедливая война, какая только была въ исторіи человѣчества!— сказала она.— И если бы я была американкой, я объ этомъ жалѣла бы и жалѣла, что не могу участвовать въ ней! Какъ бы мнѣ хотѣлось теперь быть мужчиной, чтобы я могла сдѣлать что-нибудь для культуры и нравственности, попранной нѣмцами! Я не понимаю, какъ мужчина въ такую минуту можетъ оставаться въ сторонѣ отъ борьбы и спокойно смотрѣть, какъ нѣмцы уничтожаютъ Бельгію! Это все равно, что оставаться безучастнымъ зрителемъ человѣкоубійства! Это все равно, что любоваться тѣмъ, какъ собака загрызаетъ котенка!..

Лицо м-ра Дирека приняло выраженіе человѣка, которому вдругъ открыли совершенно новый свѣтъ на міръ.

XVI.

То, что разсказывалъ м-ръ Дирекъ, угнетающимъ образомъ подѣйствовало на м-ра Бритлинга.

Онъ очень нехотя разставался со своей мечтой о сокрушительномъ паденіи германскаго имперіализма, о грандіозномъ рѣшительномъ подтвержденіи органической непрочности монархіи, основанной на милитаризмѣ, вслѣдъ за чѣмъ послѣдуетъ міровая конференція потерпѣвшихъ наказаніе, но не потерявшихъ надежды народовъ и... новое тысячелѣтіе. Онъ старался убѣдить себя, что м-ръ Дирекъ плохо умѣлъ наблюдать, и что онъ неправильно истолковалъ все видѣнное. Американецъ,— разсуждалъ онъ,— совершенно непривыкшій къ военнымъ событіямъ и военнымъ условіямъ, легко могъ ошибочно принять десятки тысячъ за милліоны и возбужденіе нѣсколькихъ комми-вояжеровъ — за воодушевленіе объединеннаго народа. Но уже газеты съ какой-то родственной настроенію м-ра Бритлинга неохотой начинали понемногу „разъяснять" первоначальное свое описаніе германскаго вторженія въ Бельгію, изображенное ими въ видѣ огромнаго, и уже отчасти побѣжденнаго безсилія.

Насколько могъ понять м-ръ Бритлингъ изъ газетъ,— нѣмцевъ, не переставая, били въ Бельгіи, и, тѣмъ не менѣе, они, не переставая, подвигались впередъ. Каждое новое названіе какой-нибудь мѣстности, которую онъ потомъ отыскивалъ на картѣ, отмѣчало собой какъ бы новую вѣху наступающаго потока. Алостъ-Шерлеруа. А тамъ дальше къ востоку французы уже отступали отъ Саальскаго прохода. Но вѣдь англичане, которые вотъ уже двѣ недѣли находятся во Франціи, несомнѣнно скоро начнутъ проявлять какую-нибудь дѣятельность и пріостановятъ, наконецъ, это наступленіе: можетъ-быть гдѣ-нибудь въ Брабантѣ или въ восточной Фландріи. Услышавъ же въ Клаверингсѣ, что французы плохо снаряжены и подготовлены, онъ потомъ провелъ непріятную ночь. У французовъ, какъ говорили, не было хорошихъ современныхъ орудій ни въ Лиллѣ, ни въ Мобежѣ; у нихъ ощущался сильный недостатокъ въ обуви и снаряженіи вообще, и они уже подавлены оборотомъ, который приняли событія. Но м-ръ Бритлингъ старался не обращать на это вниманія, считая все просто пессимистической болтовней, и возлагалъ надежды на все еще невидимую британскую армію, витающую гдѣ-то въ пространствѣ...

И онъ часами сидѣлъ надъ картой Бельгіи, выбирая мѣсто, гдѣ бы ему хотѣлось, чтобы обрѣталась въ настоящее время британская армія.

Затѣмъ палъ Намюръ. Названія мѣстечекъ и городовъ все еще продолжали двигаться на югъ и на западъ. Британская армія или часть ея вынырнула, наконецъ, на свѣтъ Божій неожиданно у Монса. Она, оказывается, тамъ дралась тридцать восемь часовъ подъ рядъ и побѣждала значительно ее превосходящія вражескія силы. Это было утѣшительно, но дня черезъ два „линія Камбрэ-Ле-Като“ убѣдила м-ра Бритлинга, что побѣдоносныя британскія войска отступили на двадцать пять миль...

Потомъ пришло воскресенье, когда появилась знаменитая телеграмма „Таймса“, говорившая объ „отступающей и разбитой арміи“. М-ръ Бритлингъ самой телеграммы не видалъ, но къ нему прибѣжалъ въ состояніи крайней растерянности м-ръ Маннингъ и разсказалъ ему о ней.

— Худшаго и представить себѣ нельзя, — сказалъ онъ; — англичане въ большомъ безпорядкѣ отступили къ морю. Они „висятъ въ воздухѣ“ и отрѣзаны отъ французовъ. Они едва избѣгли „новаго Седана“ подъ укрѣпленіями Мобежа...

М-ръ Бритлингъ былъ огорошенъ. Онъ заперся въ свой кабинетъ и снова занялся изученіемъ карты. Было такое чувство, какъ будто Давидъ метнулъ свой камень... и промахнулся.

Но послѣ завтрака м-ръ Маннингъ позвонилъ по телефону, чтобы утѣшить своего пріятеля. Была получена успокаивающая депеша отъ генерала Френча, уже опубликованная... и... все обстоитъ благополучно... болѣе или менѣе... Англичане дрались молодцами... Они, оказывается, сражались вокругъ Монса безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ дней; они дрались одинъ противъ шести, и отбили противника, нанесли ему огромныя потери. Они доказали неоспоримое индивидуальное превосходство надъ германцами. Они косили нѣмцевъ цѣлыми рядами; британская кавалерія атаковала ихъ кавалерію и прорвала ее, какъ бумажную ленту... Такъ, наконецъ, встрѣтились въ бою британцы съ германцами, и слава осталась за британцами. Послѣ ожесточенныхъ боевъ 26-го около Ландреси, британцевъ уже почти совсѣмъ оставили въ покоѣ; къ нимъ подоспѣли подкрѣпленія, численностью вдвое больше ихъ потерь, и германское наступленіе было рѣшительно остановлено... И снова бодрость вернулась къ м-ру Бритлингу. Онъ заставилъ м-ра Маннинга продиктовать ему по телефону все сообщеніе генерала Френча

отъ начала до конца и побѣжалъ съ нимъ въ садъ, гдѣ миссисъ Бритлингъ съ необычайнымъ выраженіемъ тревоги на лицѣ принимала за чайнымъ столомъ обычныхъ воскресныхъ гостей. Сообщеніе англійскаго штаба было громко прочтено дважды. Послѣ этого былъ хоккей, и чувствовался общій подъемъ духа, а затѣмъ м-ръ Бритлингъ поднялся къ себѣ въ рабочій кабинетъ, чтобы отвѣтить на письмо миссисъ Харродинъ, первое письмо, полученное послѣ ихъ разрыва наканунѣ самаго начала войны; онъ чувствовалъ себя теперь болѣе или менѣе въ настроеніи отвѣтить на письмо.

Она писала, какъ-будто совершенно игнорируя его молчаніе и отсутствіе, или, вѣрнѣе, не придавая этому значенія. Очевидно, она не выполнила своей угрозы и не призвала терпѣливаго и преданнаго Оливера; по крайней мѣрѣ, не было никакихъ указаній на Оливера въ ея посланіи. Но она упрекала м-ра Бритлинга за то, что онъ покинулъ ее, и молила его о пріѣздѣ и просила нѣжныхъ и ободряющихъ словъ. Она писала, что очень напугана этой войной. Она только маленькое, безпомощное существо, и все это слишкомъ ужасно, и нѣтъ въ мірѣ никого, кто бы держалъ ея руку, нѣтъ никого, кто бы понималъ ее и хоть немного сочувствовалъ ей. (Но почему же Оливеръ не держитъ ея руки въ своей?). Она, какъ ребенокъ, оставленный одинъ въ темной комнатѣ. И, вообще, ужасно, какъ всѣ люди въ Англіи сейчасъ оставлены въ темнотѣ, ничего не знаютъ, что творится, какъ... И какіе только не передаютъ разсказы, часто „изъ совсѣмъ достовѣрныхъ источниковъ"... такіе разсказы, которые кого угодно напугаютъ и приведутъ въ отчаяніе... Будто бы нѣмцы потопили рядъ англійскихъ броненосцевъ, и что это отъ публики, неизвѣстно почему, скрываютъ, и что принцъ Луи Баттенбергскій оказался шпіономъ и уже посаженъ въ Тоуеръ. Лордъ Холдэнъ тоже оказался шпіономъ. И англійскую армію во Франціи, буквально, „продали" французы, такъ какъ почти всѣ французскіе генералы были подкуплены нѣмцами... И вотъ цензура и печать все это скрываютъ отъ публики; но что изъ этого выйдетъ? Глупо такъ не довѣрять народу... И все это, вмѣстѣ взятое, такъ ужасно для маленькой человѣческой души, единственное желаніе которой — жить спокойно и въ счастіи... Почему онъ не пріѣзжаетъ къ ней и не даетъ ей почувствовать, что есть кто-то о ней заботящійся... Она днемъ не можетъ думать, а ночью не можетъ спать...

Дальше же она вдругъ переходила къ восхваленію его писаній. Никогда не цѣнила она такъ его прекрасныя „Молчаливыя

Мѣста“, какъ теперь. Какъ ей хотѣлось уйти въ какую-то страну сновъ далеко отъ всѣхъ этихъ ужасныхъ звѣрствъ и предательствъ и глупыхъ слуховъ. Она такъ устала отъ всякой дѣйствительности. Ей хочется умчаться и укрыться въ какой-нибудь никому невѣдомый уголокъ и тамъ разводить свой простенькій садъ... какъ это сдѣлалъ Вольтеръ... Иногда по ночамъ ей дѣлалось такъ страшно, что она боялась раздѣться. Она воображала себѣ громъ пушекъ, она воображала нѣмецкіе дессанты и какихъ-то страшныхъ развѣдчиковъ „въ маскахъ“, мчащихся по дорогамъ на мотоциклетахъ...

Письмо пришло очень некстати. Вся эта ерунда относительно принца Луи Баттенбергскаго, лорда Холдэна и потопленныхъ броненосцевъ ужасно раздражала м-ра Бритлинга. У него было столько же склонности повѣрить въ эти сказки, сколько и считать ихъ умѣстными и допустимыми. Мысль же о томъ, чтобы поѣхать въ Пайкрафтсъ и проводить время въ попыткахъ утѣшить миссисъ Харродинъ, совершенно ему не улыбалась. Онъ уже достаточно наслышался въ Клаверингсѣ всякихъ нелѣпыхъ слуховъ и начиналъ опасаться, не окажется ли его „Изученіе причинъ и послѣдствій войны“ такой же безплодной попыткой, какъ и недоконченный памфлетъ: „Теперь пришелъ конецъ войнѣ“. Его мысли были полны какого-то смутнаго ощущенія голыхъ фактовъ и ничего не доказывающихъ разсужденій. Онъ былъ въ состояніи крайней интеллектуальной озабоченности и тревоги. Кромѣ того, онъ въ эти дни опредѣленно не испытывалъ никакого нѣжнаго чувства къ миссисъ Харродинъ. Никогда, во всей исторіи сердечныхъ увлеченій м-ра Бритлинга, привязанность не умирала такъ скоро и такъ окончательно, какъ умерла эта. Онъ даже начиналъ сомнѣваться, увлекался ли онъ дѣйствительно когда-нибудь ею? По всей вѣроятности, — нѣтъ! По всей вѣроятности, все это увлеченіе было просто самовнушеніемъ съ начала до конца. И онъ почти готовъ былъ ей это написать.

Но сообщеніе генерала Френча какъ-то сразу привело его въ лучшее, болѣе доброе настроеніе. И онъ написалъ ей нѣжное, но краткое письмо, какъ долженъ былъ поступить въ такомъ случаѣ каждый джентльменъ.

„Какъ вы можете сомнѣваться въ нашемъ флотѣ, въ нашей арміи“, — вотъ былъ смыслъ его письма. Онъ совсѣмъ не упомянулъ о поѣздкѣ въ Пайкрафтсъ, о которой она его просила, сдѣлалъ видъ, будто въ ея письмѣ объ этомъ ничего не было сказано... И, написавъ письмо, онъ совсѣмъ о ней забылъ подъ давленіемъ болѣе животрепещущихъ интересовъ.

Но успокоенность м-ра Бритлинга продолжалась недолго; ея не хватило даже до конца недѣли. Разбитые германцы продолжали наступать. Въ теченіе недѣли все углубляющагося разочарованія, главный потокъ наступленія снова покатился упорно на Парижъ. Лилль капитулировалъ почти безъ боя. Лилль сдался съ какой-то таинственной легкостью... Слѣдующее названіе, которое испугало м-ра Бритлинга, слѣдившаго по газетамъ и атласу за событіями, было — Компьэнъ. „Уже здѣсь". Теперь стало очевиднымъ, что англичане отступаютъ. Затѣмъ нѣмцы завладѣли Лаономъ и Реймсомъ и все еще продвигались на югъ. Мобежъ былъ окруженъ, отрѣзанъ отъ міра вотъ уже нѣсколько дней и, очевидно, тоже палъ...

И только въ воскресенье, 6-го сентября, окончательно капитулировалъ слишкомъ легкомысленный оптимизмъ м-ра Бритлинга.

Онъ стоялъ на солнцѣ въ саду и читалъ Observer, которую мальчикъ садовника только что привезъ со станціи. Онъ развернулъ газету на столѣ подъ кедромъ и читалъ ее вмѣстѣ съ сыномъ. Были свѣжія извѣстія изъ Франціи, сообщеніе о новыхъ германскихъ успѣхахъ, о бояхъ подъ Сенли — „вѣдь это совсѣмъ близко отъ Парижа" — и о появленіи германскихъ отрядовъ въ Ножанъ-на-Сенѣ.

— На Сенѣ! — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ. — Но гдѣ же это? Южнѣе Марны? Или, быть-можетъ, ниже Парижа?

Ножанъ-на-Сенѣ не былъ отмѣченъ на картѣ, напечатанной въ Observer, и Гю побѣжалъ въ домъ за атласомъ.

Когда онъ вернулся, онъ засталъ м-ра Маннинга въ разговорѣ съ отцомъ, и у обоихъ были очень серьезныя лица.

Гю раскрылъ карту сѣверной Франціи.

— Вотъ Ножанъ-на Сенѣ! — сказалъ онъ.

М-ръ Бритлингъ посмотрѣлъ на карту.

— Маннингъ говоритъ, что они уже въ Руанѣ! — сообщилъ онъ Гю. — И наша база переводится въ Ла-Рошель...

И онъ запнулся, прежде чѣмъ сдѣлалъ окончательный, горестный выводъ.

— Въ сущности, — признался онъ, — они фактически взяли Парижъ.

Онъ сѣлъ на скамейку и опять сталъ разсматривать карту. М-ръ Маннингъ и Гю продолжали стоять, наблюдая его. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку вообразить себѣ какую-нибудь огромную стратегическую неудачу, которая неожиданно постигла бы нѣмцевъ, какой-нибудь камень изъ неожиданной пращи, который бы свалилъ этого Голіаѳа въ минуту его торжества...

— Россія, — сказалъ онъ, но безъ искренней надежды...

XVII.

И тогда м-ру Бритлингу, наконецъ, открылась правда.

— Говоришь что-нибудь, — сказалъ онъ, — и только много недѣль и мѣсяцевъ спустя узнаешь значенiе и сущность того, что ты говорилъ. Мѣсяцъ тому назадъ я говорилъ, что это — величайшее событiе въ человѣческой исторiи, что насталъ великiй часъ, когда раздастся призывъ къ волѣ и силѣ Англiи! Я говорилъ, что нѣтъ ни одной человѣческой жизни во всей нашей имперiи, которую бы война не измѣнила кореннымъ образомъ. Я все это говорилъ; все это исходило изъ моихъ же устъ, и, очевидно, за всѣми этими словами стояли какiя-то мысли... И только сейчасъ я начинаю понимать, что именно я говорилъ! Да-съ... позвольте мнѣ все ясно и точно повторить: передъ нами величайшее событiе человѣческой исторiи, и мы призываемся сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы отбить это неслыханное покушенiе на миръ и свободу мiра. Но вотъ „дѣлать все отъ насъ зависящее" не значитъ стоять или сидѣть въ уютныхъ, прiятныхъ садахъ, спокойно дожидаясь газеты... нѣтъ, это значитъ — отказъ отъ удобствъ и безопасности...

— Какъ мы, англичане, стали лѣнивы! Съ какой готовностью мы хватаемся за утѣшительныя иллюзiи, освобождающiя насъ отъ необходимости напрягать силы! Въ теченiе послѣднихъ трехъ недѣль, я вполнѣ сознательно заставлялъ себя вѣрить, что крошечная англiйская армiя — говорятъ, она ни въ коемъ случаѣ не насчитываетъ больше ста тысячъ человѣкъ — какимъ-то образомъ можетъ остановить это наступленiе миллiоновъ. Въ дѣйствительности же, она была отброшена — какъ могъ сообразить всякiй, кто не давалъ себя увлечь легкомысленными и прiятными мечтами — вотъ тутъ, и потомъ тамъ, и потомъ тамъ еще... Она дралась день и ночь! Она дралась великолѣпно... и все же безрезультатно!.. Видите, какъ размахнулся германскiй цѣпъ черезъ Бельгiю! И въ это время мы тутъ стояли и болтали о томъ, какъ мы используемъ нашу побѣду...

— Мы спали, — продолжалъ онъ. — Вся страна спала...

— Гдѣ-то въ тайникахъ нашихъ мыслей, — продолжалъ онъ опять съ горечью, — очевидно, мы думали, что французы возьмутъ на себя черную работу на сушѣ, а мы... будемъ помогать на морѣ. Если мы вообще думали... Мы такъ сдержанны въ нашихъ мысляхъ... мы такъ всегда во власти всякихъ осторожностей и оговорокъ... И такъ малоповоротливы...

лѣнивы... Но Франціи уже пришелъ конецъ... И мы должны драться за Францію надъ развалинами Парижа. И все это потому, что вы, Маннингъ, и я, не могли охватить масштаба событій, что мы довольствовались разными обобщеніями, вмѣсто того чтобы работать и учиться военному искусству. Потому что мы заняты „дѣлами какъ всегда“ и тому подобными вещами въ то время, какъ западная цивилизація томится въ предсмертной агоніи! Если эта война превратится въ новый 71-й годъ, только въ большемъ масштабѣ, причемъ потерпѣвшей стороной окажется не только Франція, но вся Европа, если прусскій милитаризмъ затопчетъ цивилизацію, если Франція будетъ раздавлена и Бельгія убита — тогда, право, не стоитъ жить! Въ сравненіи съ такимъ исходомъ, ничто другое, никакіе другіе интересы никакого значенія не имѣютъ. Ну, а что мы дѣлали для рѣшенія этого исхода — вы и я? Какъ эта война можетъ окончиться иначе, какъ германской побѣдой, если вы и я и цѣлые милліоны такихъ же, какъ мы, стоятъ спокойно въ сторонѣ... зрителями?

Онъ умолкъ, какъ бы въ отчаяніи, и взглянулъ на карту.

— Что же, по вашему, намъ надо дѣлать? — спросилъ Маннингъ.

— Каждый мужчина долженъ сейчасъ же готовиться быть солдатомъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Каждый долженъ принять участіе въ войнѣ... такъ или иначе... И во всякомъ случаѣ мы то не должны больше такъ спокойно сидѣть тутъ въ Матчингсъ-Изи...

XVIII.

— Да, эта война всему мѣшаетъ, она какъ-то все прерываетъ, — сказалъ вдругъ неожиданно Гю. — Эти пруссаки — величайшая непріятность, какую когда-либо создалъ міръ!

Онъ задумался.

— У меня такое чувство, что всѣ должны выбѣжать, бросить все, такъ какъ загорѣлся домъ. Но, конечно, мы должны ихъ побѣдить! Непремѣнно; и всякій долженъ, обязанъ этому помочь, принять въ этомъ участіе! И тогда мы снова получимъ возможность вернуться каждый къ своей работѣ!

М-ръ Бритлингъ обернулся и взглянулъ испуганнымъ взоромъ на своего старшаго сына. Говорилъ онъ передъ тѣмъ... такъ... вообще...

И совершенно было забылъ на минутку про Гю...

ГЛАВА II.

Участники.

I.

Мысли м-ра Бритлинга были теперь заняты, главнымъ образомъ, двумя вопросами. Одинъ изъ нихъ — большой и существенный — былъ вопросъ героическаго и профессіональнаго характера; м-ръ Бритлингъ думалъ о личномъ участіи въ великой борьбѣ, о томъ, чтобы оставить Дауэръ-Хаузъ, кругъ своихъ привычекъ, жизненныхъ дѣлъ и отправиться...

Но тутъ, какъ всегда, у м-ра Бритлинга возникали сомнѣнія: онъ не могъ рѣшить, куда именно ему надо отправиться, и не зналъ точно, что онъ способенъ дѣлать. Его воображеніе рисовало такую картину: онъ — доброволецъ — побиваетъ изъ-за какой-то изгороди нѣмца, одного изъ тѣхъ, которые высадились на берега Англіи. Костюмъ его долженъ отчасти напоминать то одѣяніе, въ которомъ онъ встрѣчалъ на станціи м-ра Дирека. Только съ „повязкой". Или же онъ воображалъ себя работающимъ у телефона или въ какой-то канцеляріи, гдѣ онъ исполняетъ полезныя, полуадминистративныя обязанности, требующія скорѣе общей интеллигентности, чѣмъ спеціальной подготовки. И, конечно, тоже съ „повязкой" на рукавѣ. За мѣсяцъ до того онъ бы не представлялъ себѣ съ точностью, что означаетъ это слово. Но теперь оно сдѣлалось эмблемой національной организаціи.

Утромъ въ понедѣльникъ онъ выѣхалъ въ Лондонъ, съ раннимъ поѣздомъ, намѣреваясь немедленно же записаться куда бы то ни было, лишь бы его услуги пригодились, т. е. намѣреваясь сейчасъ же получить „повязку". Купленныя на станціи газеты сразу поколебали его увѣренность въ неизбѣжности паденія Парижа и пробудили въ немъ надежды, но это не измѣнило его рѣшимости. Изъ телеграммъ исчезло впечатлѣніе разгрома, преслѣдованія и непрерывнаго отступленія... Германское правое крыло подвергалось сильнымъ контръ-атакамъ, и ему какъ-будто уже грозила опасность быть придавленнымъ между Парижемъ и Верденомъ, имѣя британскую армію съ фланга. Это немного успокоило м-ра Бритлинга, но нисколько не умѣрило его убѣжденія въ колоссальной серьезности этой войны. Если и удалось сдержать и

немного отбросить врага, то все же оставалось достаточно работы для каждаго человѣка, чтобы довершить задачу — отбросить нѣмцевъ къ ихъ границамъ. Эта война явилась фактомъ неслыханнымъ, она не можетъ не задѣть каждаго. А это значитъ, что каждый долженъ отдать ей себя. И онъ, м-ръ Бритлингъ, тоже долженъ отдать себя войнѣ. Онъ не долженъ допустить, чтобы какое бы ни было соображенiе стало между нимъ и этимъ яснымъ выводомъ. Безконечно позорно оставаться теперь въ сторонѣ и не дѣлать всего, что по силамъ, для защиты культуры, для защиты Англiи противъ этихъ обученныхъ, подготовленныхъ, одержимыхъ безумiемъ миллiоновъ, — для защиты того уюта и бозопасности, которые до сего дня окружали м-ра Бритлинга.

Въ этотъ день м-ръ Бритлингъ горѣлъ яркимъ пламенемъ восторженной, добровольной готовности къ самозащитѣ и патрiотической преданности отечеству.

Но за всей этой готовностью и доблестью стояло другое — какой-то страхъ.

Несомнѣнно, онъ готовъ, какъ взволнованный индюкъ, расправить всѣ свои перья и броситься на зачинщиковъ войны. Онъ готовъ былъ пойти и размахивать штыкомъ, маршировать и копать землю до послѣднихъ силъ, стрѣлять, умереть въ траншеѣ, если это нужно будетъ: все сдѣлать, лишь бы не дать германскому милитаризму завладѣть мiромъ! За самого себя онъ не испытывалъ ни малѣйшаго страха. Онъ готовъ былъ погибнуть на полѣ битвы или доблестно умереть въ военномъ госпиталѣ. Но онъ видѣлъ очень ясно, хотя всячески старался не видѣть, тотъ опредѣленный и смущающiй фактъ, что чудовище войны было менѣе, чѣмъ м-ръ Бритлингъ, склонно вступать въ единоборство съ нимъ, м-ромъ Бритлингомъ. Оно направило свои страшные глаза на нѣчто, стоящее рядомъ и позади м-ра Бритлинга, и, какъ-будто уже съ достаточной опредѣленностью протягиваетъ свои щупальцы мимо него, по направленiю къ Тэдди и... Гю.

Вѣдь чудовище войны питается главнымъ образомъ молодымъ мясомъ.

Что касается Тэдди, то, собственно, м-ру Бритлингу до него не должно быть дѣла. Тэдди долженъ самъ рѣшить, какъ ему слѣдуетъ поступить. И м-ръ Бритлингъ даже не возьмется ему что-нибудь совѣтовать. Но что касается Гю...

М-ръ Бритлингъ старался убѣдить и утѣшить себя.

— Моему старшему сыну всего семнадцать лѣтъ, — разсуждалъ онъ. — Ему хочется идти и принять посильное участiе

въ этой войнѣ, и мнѣ было бы непріятно, если бъ ему этого не хотѣлось. Онъ, конечно, поступитъ въ какой-нибудь кадетскій корпусъ... Въ школу для подготовки офицеровъ... Или же его возьмутъ въ территоріальную армію... А къ тому времени, когда ему исполнится девятнадцать лѣтъ, война уже кончится. Боюсь только, что онъ, бѣдненькій, будетъ страшно огорченъ и будетъ говорить, что его обманули. Но, въ концѣ-концовъ, Гю вѣдь еще мальчикъ и можетъ принять только соотвѣтствующее мальчику второстепенное или даже третьестепенное участіе въ войнѣ. И, заткнувъ Гю куда-то въ безопасное мѣстечко на самомъ днѣ своихъ мыслей, — м-ръ Бритлингъ далъ волю своему богатому воображенію, рисуя себѣ яркія картины всенароднаго, національнаго подъема. Отъ мысли о всеобщемъ участіи въ борьбѣ онъ перешелъ къ картинѣ, изображающей всю Англію вооруженной и воюющей, легко перешагнувъ черезъ широкія пропасти упрямой дѣйствительности. Самъ онъ готовъ былъ сказать правительству, — и поэтому считалъ, что и громадное большинство англійскаго народа готово было сказать то же самое, что и онъ: — „Вотъ мы всѣ въ вашемъ распоряженіи. Эта война — не война дипломатовъ и военнаго министерства, это — народная война. Мы всѣ готовы отставить въ сторону наши обычныя занятія и предложить себя и все наше имущество общему дѣлу. Личныя соображенія и личные вкусы хороши лишь для мирнаго времени. Возьмите насъ и используйте такъ, какъ вамъ покажется нужнымъ. Возьмите все, что у насъ есть“.

Когда онъ думалъ такимъ образомъ о правительствѣ, онъ, собственно, забывалъ объ его личномъ составѣ, который ему былъ знакомъ. Рэбернъ, въ помятыхъ брюкахъ; натянутый, всегда внимательный Фильбертъ; лэди Фрэншамъ, всегда кричащая во весь голосъ; строгій, несносный Карсонъ; добродушный Бандершутъ; коварный Тэперъ; лукавый Асквитъ; краснорѣчивый, но поверхностный Ллойдъ-Джорджъ; невозмутимый Грэй — всѣ они исчезли изъ его головы. Всѣ эти характерные показатели того, какъ управляется Англія — растаяли и поблекли въ яркихъ лучахъ его фантазіи. Онъ забылъ скучные споры, барахтающіяся газеты, всѣ „блефы“, интриги, коварныя политическія сдѣлки, заключѐнныя во время week-end'овъ, мальчишеское понятіе о „чести“ взрослыхъ людей, всеобщую трусливую безчестность въ мышленіи. Онъ думалъ только о какомъ-то упрощенномъ и идеальномъ правительствѣ, которое, дѣйствительно, управляетъ умами и волями. Онъ смутно думалъ о чемъ-то, что скрыто за ними, объ Англіи,

о какомъ-то руководящемъ геніи страны, о чемъ-то, вооруженномъ увѣренностью, полной достоинства и прочной волей. Онъ представлялъ себѣ этого призрачнаго генія чудеснымъ существомъ, одареннымъ планами и статистическими данными, которые дадутъ ему возможность и силу справиться съ ужаснымъ событіемъ. Мысли его скачками бѣжали впередъ, представляя себѣ великую націю, нехотя, но твердо обращающую всѣ свои безграничные рессурсы и силы на дѣло справедливой оборонительной войны... Онъ думалъ, что гдѣ-то „наверху“ должны быть люди, умѣющіе подсчитать и предвидѣть и уже подсчитавшіе все, что можетъ понадобиться для такой борьбы; онъ представлялъ себѣ людей съ исключительными организаторскими дарованіями, которые все предугадали и разработали всѣ планы до мельчайшихъ деталей...

Такіе скачки отъ фактовъ, отъ знанія дѣйствительности къ голой вѣрѣ, можетъ-быть, и необходимы, дабы возможенъ былъ человѣческій героизмъ.

Представленіе м-ра Бритлинга о его личномъ участіи въ великомъ національномъ подъемѣ было весьма скромное. Онъ просто писатель, комментарій къ дѣйствительности; онъ не обладаетъ даромъ повелѣвать людьми, его роль должна скорѣе свестись къ наблюденію, чѣмъ къ организаціи. Онъ представлялъ себя лишь незначительнымъ индивидуумомъ, отказавшимся отъ своей индивидуальности, чтобы занять скромное мѣстечко въ огромной машинѣ: онъ будетъ съ ружьемъ въ рукахъ сидѣть въ окопахъ, охранять мостъ, заряжать пушки или что-нибудь въ этомъ родѣ — пока не будетъ выполнена до конца великая задача.

Цѣлый вечеръ и ночь воскресенья заполнились для него этими картинами всюду царящаго порядка, картинами жизни страны, пробудившейся въ сознаніи своей задачи, очищенныхъ дорогъ и мобилизованныхъ рессурсовъ, оставленныхъ въ сторонѣ мелкихъ интересовъ будничной, частной жизни. Параллельно съ этимъ возникали мечты, — м-ръ Бритлингъ чувствовалъ себя еще достаточно молодымъ для того, чтобы мечтать, — о тѣхъ услугахъ, которыя онъ лично окажетъ странѣ, о томъ, какъ онъ блестяще справится съ неожиданными затрудненіями и осложненіями, какъ проявитъ мужество и получитъ исключительныя награды; однимъ словомъ, такія мечты, которыя витаютъ въ головѣ каждаго новобранца, не лишеннаго воображенія.

Подробное описаніе двухдневныхъ стараній м-ра Бритлинга въ поискахъ какой-нибудь удобной и легкой лѣстницы, которая открыла бы ему доступъ на службу для защиты его

угрожаемой родины, оказалось бы весьма обширнымъ. Открылось бы это описанiе фигурой аккуратно вычищеннаго патрiота, сидящаго съ сосредоточеннымъ выраженiемъ на умномъ лицѣ, въ купэ перваго класса поѣзда, который мчится въ Лондонъ, или читающаго послѣднiя военныя извѣстiя. Первыя утѣшительныя извѣстiя за много дней! На лицѣ его видно старанiе не выдавать сознанiя, что вся жизнь его перевернута вверхъ дномъ, и что все его существо горитъ желанiемъ принести себя на алтарь отечества. Кончилось бы это описанiе — послѣ сорока восьми часовъ хлопотъ, бѣготни, разспросовъ, разговоровъ, ожиданiй, бесѣдъ по телефону — изображенiемъ того же джентльмена, немного усталаго и съ какимъ-то отблескомъ унылой апатiи въ глазахъ, возвращающагося кратчайшимъ путемъ со станцiи черезъ Клаверингсъ-Паркъ домой, къ своимъ брошеннымъ пенатамъ.

Главный же и наиболѣе существенный результатъ умственнаго процесса этихъ сорока восьми часовъ сводился къ отрезвленiю м-ра Бритлинга, предположившаго было, что правительство Британской имперiи можетъ оказаться умнымъ, понимающимъ свое дѣло и распорядительнымъ.

Великая фраза „Дѣла, — какъ всегда“ уже затихала и таяла; весь Лондонъ былъ захваченъ волной восторженной горячки набора добровольцевъ. Эта волна безжалостно разбивалась о самыя отвратительныя и неудачныя условiя для набора, которыя только можно себѣ представить. Перегруженные работой и не очень приспособленные офицеры сидѣли въ грязныхъ маленькихъ комнатушкахъ и рычали на эту неслыханную Англiю, которая ломилась къ нимъ въ окна и двери, чтобы записаться въ ряды армiи. Это имѣло такой видъ, какъ-будто единственное представленiе офицеровъ о томъ, какъ они должны проявлять свои знанiя, сводилось къ тому, чтобы отказывать въ помощи штатскимъ, быть какъ можно высокомѣрнѣе, заносчивѣе, дѣлать все страшно медленно и необычайно канительно. У каждаго бюро для вербовки и записи добровольцевъ тысячныя толпы мужчинъ и юношей томились въ ожиданiи, подпирая стѣны, сидя на тротуарахъ; они ждали долгими часами до поздней ночи безъ крова, безъ пищи и возвращались на слѣдующее утро многiе, прямо изнемогая отъ голода и усталости. Тутъ были люди изъ провинцiи, бросившiе свои дѣла и занятiя, клерки, приказчики, рабочiе; всѣхъ воодушевляло одно желанiе — служить Англiи и „дать этимъ проклятымъ нѣмцамъ хорошiй урокъ“. И вотъ, между желанiемъ и его осуществленiемъ вдругъ встала неожиданная

озадачивающая преграда — невниманіе къ нимъ, штатскимъ людямъ.

Наблюдая наростаніе этого великолѣпнаго патріотическаго матеріала, м-ръ Бритлингъ получилъ первое впечатлѣніе полной неподготовленности и неприспособленности военнаго министерства, неожиданно призваннаго организовать побѣду. И это впечатлѣніе все усиливалось и подтверждалось за время, пока онъ шелъ до своего клуба.

Улицы Лондона были охвачены тревогой. Сразу бросалось въ глаза, что движеніе экипажей и автобусовъ сократилось, но пѣшеходовъ было значительно больше чѣмъ обыкновенно. Людскіе потоки на тротуарахъ двигались медленнѣе, безцѣльнѣе, менѣе дѣловито. Очень много людей толпилось кучками, стояло, словно ожидая чего-то. Въ особенности замѣтно это было на женщинахъ, какъ-будто многія изъ нихъ съѣхались изъ окраинъ и окрестностей Лондона, не будучи въ силахъ оставаться дома, охваченныя чувствомъ тревоги.

Повсюду пестрѣли флаги союзныхъ державъ: въ витринахъ магазиновъ, надъ подъѣздами, на передкахъ автомобилей, въ петлицахъ мужскихъ пиджаковъ, на дамскихъ блузкахъ. На заборахъ и въ витринахъ висѣло множество плакатовъ съ призывами записываться въ армію: „Вашъ Король и ваша Родина нуждаются въ васъ!“ — была преобладающая надпись на нихъ. И хотя лордъ Китченеръ уже повысилъ требованіе до полмилліона, плакаты все еще взывали о „Ста тысячахъ мужчинъ“. Почти всѣ таксомоторы были обклеены плакатами съ такимъ же призывомъ. Огромныя окна конторы отдѣленія Сѣверо-германскаго Ллойда на Коксперъ-стритѣ были заколочены досками и густо заклеены этими же плакатами.

У себя въ клубѣ м-ръ Бритлингъ засталъ много разговоровъ и довольно воинственное настроеніе. Въ холлѣ извѣстный писатель Уилкинсъ демонстрировалъ цѣлому ряду заинтересованныхъ сочленовъ подобіе ружья, сдѣланное изъ бруска желѣза. Предназначалось оно для обученія ружейнымъ пріемамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточнаго количества настоящихъ винтовокъ, и стоило полтора шиллинга..

Тутъ впервые м-ръ Бритлингъ началъ ясно сознавать, что неумѣніе справляться съ добровольцами только первое проявленіе общей неподготовленности военнаго министерства.

Въ клубѣ говорили довольно свободно, не стѣсняясь. Однимъ изъ первыхъ результатовъ войны въ этой ея стадіи было то, что война какъ-будто частично разсѣяла и сгладила врожденную англійскую застѣнчивость и замкнутость. Люди, которые

всегда за завтракомъ свирѣпыми глазами смотрѣли въ упоръ на м-ра Бритлинга, и на которыхъ онъ тоже въ свою очередь смотрѣлъ не менѣе свирѣпо въ теченіе многихъ лѣтъ, теперь вдругъ начали вступать съ нимъ въ разговоръ.

— Что дѣлать такому человѣку, какъ я, напримѣръ? — спросилъ чисто выбритый адвокатъ.

— Я какъ разъ задаю себѣ этотъ же самый вопросъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Вотъ они установили предѣльный возрастъ тридцати лѣтъ для поступающихъ въ армію. Это же нелѣпо! Мужчина сорока съ лишнимъ лѣтъ, въ родѣ меня, вполнѣ въ силахъ и въ состояніи сидѣть въ окопахъ или охранять мостъ. Я совсѣмъ не дурно стрѣляю...

— Мы тутъ обсуждаемъ вопросъ объ организаціи добровольческихъ дружинъ для защиты страны на случай нашествія, — замѣтилъ адвокатъ. — Какъ бы то ни было, но мы должны начать обучаться и тренироваться. А военное министерство категорически возстало противъ этого, какъ-будто мы собрались перейти на сторону нѣмцевъ. Это нелѣпо! Даже если иные изъ насъ, постарше, и не годятся для службы на континентѣ, то мы легко могли бы замѣнить собой тѣ войска, которыя отправляютъ во Францію.

— Если бы только нашлись для васъ винтовки, — вставилъ вдругъ человѣкъ въ сѣромъ, съ острыми чертами лица, сидѣвшій справа отъ м-ра Бритлинга.

— Очевидно, придется ихъ достать, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

Человѣкъ съ острыми чертами лица далъ понять соотвѣтствующими гримасами и качаніями головы, что врядъ ли это удастся.

— Каждый убитый, большинство раненыхъ, большинство попадающихъ въ плѣнъ, — сказалъ онъ, — равносильно соотвѣтствующему числу утраченныхъ винтовокъ. Мы уже потеряли съ начала войны двадцать пять тысячъ винтовокъ. Наряду съ необходимостью вооружить вновь образуемые кадры войскъ, мы еще должны замѣнять эти погибшія винтовки, вмѣстѣ съ каждой новой отправкой войска во Францію. А вы знаете, каково максимальное еженедѣльное производство винтовокъ въ Англіи?

М-ръ Бритлингъ не зналъ.

— Девять тысячъ.

И м-ръ Бритлингъ сразу понялъ, что означаетъ Уилкинсъ и его пародія на ружье.

Человѣкъ съ острыми чертами лица добавилъ, какъ бы для большей убѣдительности:

— Главное затрудненіе — въ стволахъ. Они требуютъ очень сложныхъ машинъ. У насъ ихъ совсѣмъ почти нѣтъ, и не скоро ихъ можно сдѣлать. Вотъ вамъ и точка!

У этого человѣка съ острыми чертами лица была манера говорить, словно онъ мечетъ бомбы. И теперь онъ метнулъ еще одну.

— Да еще цинкъ! — сказалъ онъ.

— Какъ, неужели у насъ и цинка не хватаетъ? — спросилъ адвокатъ.

Человѣкъ съ острыми чертами лица кивнулъ головой и сталъ объяснять подробнѣе.

Цинкъ необходимъ для ружейныхъ патроновъ, и нуженъ очень хорошій, чистый цинкъ, иначе ружья плохо стрѣляютъ. Ну, такъ вотъ, англичане, оказывается, упустили изъ своихъ рукъ все производство, связанное съ очисткой цинка, и оно перекочевало въ Германію и Бельгію. Осталось всего одна или двѣ такихъ фирмы во всей Великобританіи... И если англичане не спохватятся во время и не расшевелятся, они скоро останутся совсѣмъ безъ патроновъ... Во всякомъ случаѣ, безъ такихъ патроновъ, изъ которыхъ можно стрѣлять болѣе или менѣе прилично...

— Вотъ — еще точка! — сказалъ человѣкъ съ острыми чертами лица.

Но человѣкъ съ острыми чертами лица еще не являлся представителемъ значительной или вліятельной части англійскаго общественнаго мнѣнія.

— Ну что жъ, — сказалъ адвокатъ, — по всей вѣроятности, мы сможемъ выписать винтовки изъ Америки! Что же касается цинка, то если замѣтятъ въ немъ недостатокъ, примутъ мѣры для его устраненія.

Господствующей темой въ курительномъ салонѣ наверху была неприспособленность военнаго министерства въ дѣлѣ вербовки и распредѣленія тысячъ добровольцевъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ Англіи, враждебное отношеніе министерства ко всякаго рода добровольческимъ организаціямъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мечталъ м-ръ Бритлингъ. Очень много членовъ клуба желало записаться добровольцами; очень много говорилось о полной способности и физической пригодности каждаго къ военной службѣ.

— Мнѣ пятьдесятъ четыре, — сказалъ одинъ, — и клянусь, я лучше любого девятнадцатилѣтняго юноши пройду свои двадцать пять миль пѣшкомъ въ полномъ походномъ снаряженіи.

Другому было тридцать восемь лѣтъ.

— Я долженъ остаться при дѣлѣ, — сказалъ онъ, — чтобы оно не погибло. Но почему бы мнѣ не научиться стрѣлять и владѣть штыкомъ?

Задѣтое самолюбіе забракованныхъ давало пищу ихъ яростнымъ нападкамъ и критикѣ вербовочной и общей системы.

— У нашего военнаго министерства одинъ неизлѣчимый недостатокъ, — сказалъ владѣлецъ крупныхъ угольныхъ копей. — Въ мирное время оно замѣщаетъ всѣ свои административныя должности людьми, которые должны непремѣнно понадобиться на театрѣ военныхъ дѣйствій. И какъ только приходитъ объявленіе войны, сейчасъ же идетъ поголовная перетасовка и совершенно новый, неопытный человѣкъ — обычно какое-нибудь ископаемое въ послѣднемъ градусѣ разложенія — сажается на отвѣтственное мѣсто. И, конечно, автоматически возникаетъ хаосъ. Наше военное министерство всегда и неизмѣнно такъ поступало и, насколько можно судить по тому, что творится сейчасъ, всегда будетъ такъ поступать. Оно какъ-будто не въ состояніи понять, что можетъ возникнуть надобность въ другомъ человѣкѣ, пока не ушелъ тотъ, который у нихъ имѣется. У нихъ не хватаетъ на это воображенія.

М-ръ Бритлингъ нашелъ родственную себѣ душу въ Уилкинсѣ.

Уилкинсъ развивалъ свой гигантскій планъ всеобщихъ добровольческихъ дружинъ. Въ нихъ будутъ приниматься всѣ, безъ всякихъ ограниченій. Каждому отведутъ мѣсто, запишутъ его и дадутъ значокъ.

— Не важно, создадимъ ли мы боевую единицу или нѣтъ, — говорилъ Уилкинсъ. — Всѣ теперь охвачены воодушевленіемъ, всѣ настроены очень серьезно. Каждому хочется надѣть на себя какую-нибудь форму и подчинить себя какому-нибудь командованію. И самое важное собрать и сорганизовать насъ, пока мы въ состояніи такой готовности. Теперь надлежащая минута для того, чтобы выстроить и организовать всю страну и подготовить ее для встрѣчи тѣхъ внушительныхъ безпорядковъ, которые неминуемо должны будутъ придти позже. Ну, а наше правительство совершенно не желаетъ идти навстрѣчу этой всеобщей готовности. И получается такое впечатлѣніе, какъ-будто эта война особое празднество, на которое допускаются только самые избранные по усмотрѣнію военнаго министерства. А я считаю, что эта національная милиція, о которой говорю, была бы далеко не безполезна, даже съ чисто военной точки зрѣнія. Вѣдь есть множество совершенно пригодныхъ людей нашихъ лѣтъ, и много мужчинъ нормальнаго

призывного возраста, которые заняты болѣе полезной работой здѣсь, въ Англіи, — какъ рабочіе на заводахъ, изготовляющихъ пушки, снаряды и т. д. — да еще много молодежи, не достигшей двадцати лѣтъ. Они могутъ достигнуть совершеннолѣтія задолго до конца войны...

И онъ уже готовъ былъ набросать проекты будущей формы для этой національной милиціи.

— Повязки на рукавѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — быть-можетъ, цвѣтныя полоски на отворотахъ пиджака...

— Различныхъ цвѣтовъ, по цвѣтамъ графствъ, — сказалъ Уилкинсъ, — а если не будетъ цвѣтного сукна, то изъ красной фланели. Все будетъ лучше, чѣмъ давать народу слоняться безъ дѣла...

М-ру Бритлингу мгновенно представилось, какъ будутъ разрывать на куски красныя фланелевыя юбки на обмундировку импровизированной арміи для защиты противъ внезапнаго непріятельскаго вторженія... Будутъ останавливать проходящихъ прачекъ для реквизиціи... Но, конечно, не слѣдуетъ разбивать насмѣшками добрыя намѣренія изъ-за смѣшныхъ ассоціацій. Мысль Уилкинса очень хорошая...

Такъ продолжали м-ръ Бритлингъ и м-ръ Уилкинсъ строить планы для защиты отечества, и передъ ихъ глазами вставало видѣніе объединенной, единой Англіи, которая встала навстрѣчу грянувшей катастрофѣ. Но вскорѣ подъ впечатлѣніемъ всякихъ пессимистическихъ напоминаній о недостаткѣ винтовокъ, инструкторовъ и открытой враждебности официальныхъ властей ко всякой попыткѣ общественнаго начинанія — видѣніе это снова растаяло.

Позже, бесѣдуя съ другими сочленами клуба, м-ръ Бритлингъ ужъ началъ довольствоваться болѣе скромными стремленіями.

— Неужели нѣтъ никакой чиновничьей работы, никакихъ второстепенныхъ административныхъ обязанностей, на которыя можетъ пригодиться хотя бы такой человѣкъ, какъ я? — спросилъ онъ.

— Любое старое ископаемое, — сказалъ человѣкъ съ худымъ лицомъ, — любой старый рамоликъ, еле держащійся на ногахъ, всегда въ такомъ случаѣ получитъ предпочтеніе передъ вами.

Около половины четвертаго м-ръ Бритлингъ вышелъ изъ клуба съ запутанными и затуманенными мыслями и значительно притупленной рѣшимостью сдѣлать что-нибудь для родины. Озадачивалъ вопросъ „какъ"? Его поиски дверей и

путей тамъ, гдѣ не существовало никакихъ дверей и никакихъ путей, правда, продолжались, но сознаніе безцѣльности поисковъ все укрѣплялось.

Въ немъ горѣло довольно нелѣпое и, тѣмъ не менѣе, острое чувство обиды на то, что его изъ чего-то исключили, куда-то не пускаютъ; такое чувство бываетъ у ребенка, стоящаго около запертыхъ дверей комнаты, въ которой идетъ какая-то необычайно интересная игра.

— Въ концѣ-концовъ, вѣдь это наша война! — говорилъ онъ.

Онъ поймалъ эту фразу въ то время, какъ она слетала съ его устъ, и почувствовалъ, что она говоритъ гораздо больше, чѣмъ онъ думалъ. Онъ взвѣшивалъ, пересматривалъ ее; и чѣмъ внимательнѣе онъ это дѣлалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ ея правотѣ и справедливости.

II.

Къ ночи Лондонъ сталъ пріобрѣтать новый, необычайный видъ. Власти пытались уменьшить и ослабить освѣщеніе главныхъ улицъ, въ предвидѣніи возможнаго воздушнаго налета. Лавочниковъ и владѣльцевъ магазиновъ уже обязали опускать шторы на витринахъ, и большинство крупныхъ уличныхъ фонарей было потушено. М-ру Бритлингу эти мѣры предосторожности показались очень суетливыми и совершенно лишними; кромѣ того, онѣ могли повлечь за собой значительное увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ на улицахъ. Но внѣшній эффектъ отъ нихъ былъ живописенъ; уличная жизнь Лондона получила вдругъ какой-то рембрандтовскій отпечатокъ, превратилась въ таинственную симфонію изъ коричневыхъ тѣней, свѣтовыхъ конусовъ и сноповъ. Вначалѣ населеніе неохотно подчинялось требованію полиціи, и то тутъ, то тамъ сверкали всѣми огнями окна ресторана или витрины магазина, разсѣкая мглу. Сновало на улицахъ и значительное число непослушныхъ автомобилей съ огромными, ослѣпительными фонарями... Но полиція была необычайно строга и преслѣдовала всякія нарушенія новыхъ правилъ...

— Ничего, пройдетъ немного времени, и опять все засвѣтится и засверкаетъ, — сказалъ себѣ м-ръ Бритлингъ.

На Piccadily Circus онъ засталъ горячій споръ полисмена со старой дамой, высунувшейся изъ окна автомобиля съ ярко горящими фонарями.

— Цеппелины, — говорила она, — вотъ еще глупости! Какъ будто они осмѣлятся прилетѣть сюда! Кто имъ позволитъ, хотѣла бы я знать?

„Очевидно, — подумалъ онъ, — какая-нибудь знакомая лэди Фрэншамъ“.

Впрочемъ, и самому м-ру Бритлингу мысль о цеппелинахъ надъ Лондономъ показалась довольно нелѣпой. Онъ-то лично о такой возможности, по крайней мѣрѣ, никогда не сталъ бы говорить... Никогда еще ни одинъ цеппелинъ не леталъ надъ Лондономъ... Колбасы, начиненныя газомъ...

III.

Въ среду утромъ м-ръ Бритлингъ вернулся къ себѣ въ Дауэръ-Хаузъ, все еще обыкновеннымъ, никуда не опредѣлившимся штатскимъ.

Въ „холлѣ“ онъ засталъ какую-то высокую фигуру, одѣтую въ форму защитнаго цвѣта и читающую „Times“, — газету, которая всегда лежала тутъ на столѣ. Фигура обернулась при входѣ м-ра Бритлинга и раскрыла орлиныя черты лица м-ра Лоренса Кармина. У м-ра Бритлинга промелькнуло чувство, какъ-будто его другъ тайкомъ обманулъ и опередилъ его.

Но на лицѣ Кармина не было никакихъ слѣдовъ того возбужденія и патріотической удовлетворенности, которыя м-ру Бритлингу показались бы совершенно естественными. Наоборотъ, видъ у м-ра Кармина былъ блѣдный и усталый, какъ-будто онъ не спалъ нѣсколько ночей.

— Видите ли, — объяснилъ онъ, почти извиняясь, присутствіе трехъ звѣздочекъ на рукавѣ, — я когда-то былъ капитаномъ въ полку милиціи...

Оказывается, ему дали подъ его начальство отрядъ милиціи, только что мобилизованной, и поручили охрану ряда мостовъ, газовыхъ заводовъ, фабрикъ, желѣзнодорожныхъ туннелей, а также цѣлый рядъ второстепенныхъ, но необходимыхъ обязанностей въ округѣ Изингхамптона.

— Мнѣ пришлось запереть и заколотить свой домъ и поселиться въ меблированной комнатѣ въ Изингхамптонѣ... И сознаюсь, мнѣ ужасно это непріятно... Ничего, врядъ ли это будетъ продолжаться болѣе полугода... Но, право, это отвратительно... Уфъ...

Онъ какъ-будто сперва хотѣлъ развить это „уфъ“, но потомъ передумалъ. И вскорѣ м-ръ Бритлингъ, по обыкновенію, завладѣлъ бесѣдой.

Два дня, проведенныхъ имъ въ Лондонѣ, дали ему богатый матеріалъ и массу темъ, и онъ обрадовался возможности изложить свои мысли кому-нибудь еще, кромѣ Гю, Тэдди и миссисъ Бритлингъ.

То, что сейчасъ происходило въ Великобританіи, было просто „приспособленіемъ", говорилъ онъ. Это попытка со стороны огромной неорганизованной націи, попытка пока еще скорѣе инстинктивная, чѣмъ сознательная — приспособить свое правительство, а главнымъ образомъ, свою военную организацію къ тѣмъ новымъ формамъ войны, которыя Германія навязала міру. Въ теченіе двухъ напряженныхъ десятилѣтій великобританскій флотъ неустанно разростался подъ давленіемъ соотвѣтствующихъ приготовленій германскаго флота, но великобританскія сухопутныя силы оставались неизмѣнными. Правда, зародилась было безрезультатно и довольно глупо поведенная агитація за введеніе всеобщей воинской повинности, но никто не занялся накопленіемъ снарядовъ и пушекъ, никто не позаботился о приготовленіи запаса машинъ для выдѣлки снарядовъ и ружей; никакіе планы не были разработаны, не были положены никакія основы для какой-нибудь организаціи, которая облегчила бы быстрое расширеніе и развертываніе военныхъ силъ страны въ минуту наступленія кризиса. Даже мысль о такой организаціи была абсолютно враждебна умственнымъ привычкамъ англійской военной касты. Германская система объединенія всѣхъ силъ и рессурсовъ страны въ одно цѣлое, въ одну военную машину — все еще чужда британскому уму, даже теперь, на исходѣ перваго мѣсяца войны. Война давно сдѣлалась общимъ, основнымъ „дѣломъ" германскаго народа; для англичанъ же она случайное происшествіе. Въ Германіи весь народъ милитаризованъ; въ Англіи армія спеціализирована... До сихъ поръ англійской націи удавалось во всѣхъ практическихъ вопросахъ обойтись безъ арміи. Точно такъ же спеціализирована и политическая жизнь... И теперь вдругъ англичане почувствовали потребность въ правительствѣ, которое будетъ говорить за всѣхъ, и въ арміи, которая будетъ арміей всего народа. А гдѣ же найти ихъ?

М-ръ Бритлингъ задержался нѣсколько минутъ на развитіи этой мысли о спеціализаціи британскихъ арміи, флота и правительства; въ этомъ, по его мнѣнію, лежалъ ключъ ко всему тому, что сейчасъ такъ портило и нарушало общую картину лондонской жизни. До сихъ поръ армія какъ-то всегда держалась въ сторонѣ отъ жизни, была чѣмъ-то, имѣющимъ узкую, чисто спеціальную цѣль. Она развила въ себѣ всѣ отличительныя

особенности касты. Правда, въ своей, чисто спеціальной области, она достигла очень высокаго уровня совершенства, но она крайне консервативна и абсолютно лишена дара приспособляемости. Характеръ исключительности не столько слѣдствіе сознательной культуры, сколько результатъ ея оторванности. Армія соприкасается съ обыкновеннымъ общественнымъ остовомъ страны только черезъ посредство трехъ другихъ спеціализированныхъ группъ — двора, церкви и сцены. За предѣлами этихъ трехъ группъ, армія воспринимаетъ огромный, неофиціальный, штатскій міръ, какъ нѣчто такое, что она или просто презираетъ, если смѣетъ, или же обманываетъ — если можетъ; какъ нѣчто чуждое, что обращаетъ на нее вниманіе членовъ парламента и довольно скупо отпускаетъ ей деньги. И какъ только любому человѣку удается сознать, насколько армія жила въ сторонѣ отъ обычной жизни общества, отъ промышленныхъ или экономическихъ необходимостей, какъ только становится яснымъ, насколько поголовное большинство англичанъ казались „чужими“, „посторонними“ психологіи военнаго министерства, какъ они были „чужими“ и „посторонними“ политической кликѣ — онъ начинаетъ сознавать полную непригодность, какъ военнаго министерства, такъ и правительства, для того, чтобы справиться и взять на себя руководство тѣмъ огромнымъ національнымъ усиліемъ, котораго требовала настоящая минута. Эти люди „тамъ наверху“ не имѣли ни малѣйшаго понятія о жизни, настроеніяхъ, мысляхъ и стремленіяхъ широкихъ массъ англійскаго народа. Они не знали, какъ, гдѣ и что дѣлается. Когда имъ вдругъ что-нибудь понадобится, они просто заходятъ въ первый попавшійся магазинъ и покупаютъ. Впрочемъ, это единственно возможная психологія крошечной арміи, управляемой правительствомъ. Ничего другого и ожидать нельзя было. Но теперь народъ долженъ... какъ-нибудь... взять въ свои руки это правительство, на которое онъ столько времени не обращалъ никакого вниманія.

— Видите ли, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, повторяя фразу, которая все ярче и сильнѣе передавала сущность его мыслей, — теперь это н а ш а война.

— Конечно, — продолжалъ онъ, — всего этого нельзя будетъ добиться безъ конфликта. Намъ не удастся захватить въ руки власть, о которой мы столько времени не думали, безъ значительныхъ внутреннихъ треній. Но въ Англіи, слава Богу, эти реформы и переприспособленія можно ввести безъ революціи. Въ этомъ наша сила!

— Теперь Англія въ какой-то кашѣ... но это здоровая каша... Англія проснулась и зашевелилась. Намъ нужно побѣдить не одну только Германію, а еще много кое-что въ самихъ себѣ.

— Всѣ эти толпища усталыхъ, голодныхъ, заброшенныхъ добровольцевъ, осаждающихъ вербовочные пункты. Это символично!.. Какіе огромные запасы воли и мужества! И тутъ же рядомъ почти невѣроятная неприспособленность къ организаціи и управленію.

— Эти люди тамъ наверху не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о Волѣ, которая всколыхнулась и забила ключомъ во всей Англіи. Они робкіе, маленькіе, вьющіеся вьюнами людишки, которые боятся крупной собственности, боятся газетъ, трэдъ-юніоновъ. Вы думаете, они ведутъ насъ на нѣмцевъ? Ничуть не бывало, просто необходимость толкаетъ ихъ на нѣмцевъ!..

Дальше м-ръ Бритлингъ разразился новымъ добавленіемъ къ его уже и такъ большой коллекціи контрастовъ между Англіей и Германіей. Германія народъ, проглоченный арміей и администраціей, съ которыми слитъ въ одно цѣлое. Прусская милитаристическая система всецѣло впитала въ себя германскую жизнь. Это государство въ состояніи переполненія, государство, проглотившее весь народъ. Англія не государство. Она — необъединенный народъ. Британская армія, британское военное министерство, британскій государственный механизмъ ничего въ себя не впитали. Они жалкія, устарѣлыя, замкнутыя въ себѣ частицы. Британская нація какъ-то внѣ ихъ пониманія и традицій: она нѣчто новое, безформенное, но огромное! И теперь эта британская нація, эти „посторонніе“ должны схватиться за ружье. Внезапно всѣмъ идеямъ и принципамъ, лежавшимъ въ основѣ этой „внѣшней“, большой англійской жизни, жизни внѣ политики, внѣ чиновничества — брошенъ вызовъ; ея всетерпимому добродушію, ея свободѣ, ея безотвѣтственности. И не только передъ простой англійской жизнью встала угроза. То, что произошло, угрожаетъ всѣмъ свободамъ демократіи, всякой либеральной идеѣ, всякой свободѣ вообще. Сама цивилизація въ опасности. Либеральная система схвачена за горло, и ей надо или оправдать себя или погибнуть.

— Я поѣхалъ въ Лондонъ въ ожиданіи получить указаніе, что мнѣ дѣлать. Но тамъ нѣтъ никого, кто бы могъ кому-нибудь это сказать... Никого, кто бы заставилъ насъ что-либо дѣлать...

— Тамъ я нашелъ военное министерство, напоминающее колледжъ во время студенческихъ безпорядковъ съ запертыми

дверями и окнами. И правительство, похожее на крошечную душегубку среди бури въ Атлантическомъ океанѣ.

— Думалось, что эта война должна была прійти къ намъ трубнымъ гласомъ, призывомъ. А вмѣсто этого, до сихъ поръ все похоже на огромный шумъ... въ сосѣднемъ домѣ... шумъ, къ которому мы съ любопытствомъ и спокойно прислушивались... И вотъ теперь народъ понемногу начинаетъ просыпаться. Лондонъ похожъ на заспаннаго, обалдѣвшаго человѣка, который только что проснулся отъ глубокаго сна, увидалъ, что гдѣ-то рядомъ что-то горитъ, какая-то опасность, что всѣ шумятъ и раздаются крики о помощи. Лондонскія улицы производятъ именно такое впечатлѣніе. Люди прислушиваются и что-то высматриваютъ. Чувствуется, что въ любую минуту, во время паузы, мгновеннаго молчанія, откуда-то издалека, изъ-за домовъ, вдругъ раздастся едва слышный, слабый гулъ пушекъ или безсильные крики маленькихъ французскихъ или бельгійскихъ деревенекъ въ агоніи...

Вотъ, въ общихъ чертахъ, смыслъ того, что говорилъ м-ръ Бритлингъ.

За столомъ говорилъ почти онъ одинъ. Тэдди изрѣдка поддакивалъ, Гю молчалъ и былъ какъ-будто немного невнимателенъ; миссисъ Бритлингъ думала объ обѣдѣ, о мальчикахъ и о прислугѣ, лишь однимъ ухомъ слушая то, что говорилъ мужъ. Капитанъ Карминъ говорилъ мало и какъ-будто былъ поглощенъ какими-то непріятными заботами. Изрѣдка онъ подтверждалъ или дополнялъ фразы м-ра Бритлинга.

И трижды замѣтилъ:

— Люди все еще ничего не понимаютъ!.

IV.

Только тогда, когда они сѣли вдвоемъ съ м-ромъ Бритлингомъ, во дворикѣ при сараѣ, когда по близости не было ни миссисъ Бритлингъ, ни дѣтей, капитанъ Карминъ рѣшился, наконецъ, объяснить причину своего озабоченнаго, разсѣяннаго и усталаго вида. Оказывается, онъ находился все еще подъ впечатлѣніемъ сильнаго нервнаго удара. Онъ едва успѣлъ принять командованіе надъ своимъ отрядомъ, какъ былъ убитъ одинъ изъ его солдатъ... Вотъ эта смерть и запечатлѣлась рубцомъ на его мысляхъ.

Солдатъ былъ поставленъ часовымъ на охрану туннеля и былъ сбитъ съ ногъ и перерѣзанъ поѣздомъ въ то время, какъ онъ переходилъ путь въ хвостѣ другого поѣзда.

И такъ сараевская бомба убила свою первую жертву въ Эссексѣ!

Капитанъ Карминъ при обходѣ постовъ нашелъ тѣло. Онъ нашелъ его въ туманную лунную ночь; онъ споткнулся о трупъ и чуть было не упалъ. И вотъ у него осталось крайне непріятное, тяжелое ощущеніе. Ему пришлось самому стащить тѣло съ рельсъ... Оно было страшно изуродовано... Раздавленная, почти отрѣзанная отъ туловища голова какъ-то жутко, страшно болталась въ скудной полутьмѣ... А потомъ онъ замѣтилъ, что рукава его куртки были насквозь пропитаны кровью... Сначала онъ этого не замѣтилъ, но потомъ, когда увидалъ, ему сдѣлалось дурно... Ему тогда все это показалось ужаснѣе и страшнѣе, чѣмъ всякій кошмаръ, но онъ сумѣлъ овладѣть собой и поступить съ достаточной практичностью, чтобы показать примѣръ своимъ солдатамъ. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, онъ не могъ спать по ночамъ, а если засыпалъ на часъ-другой, просыпался отъ ужасныхъ сновъ...

— Знаете, это все такъ неожиданно!.. — сказалъ м-ръ Карминъ. — Кто изъ насъ могъ ждать, чтобы въ одинъ прекрасный вечеръ... здѣсь въ Англіи... когда мирно куришь трубку послѣ ужина... тебя вдругъ вытащатъ... и придется переживать такія вещи?

М-ръ Бритлингъ внимательно выслушалъ этотъ разсказъ съ наморщенными бровями, и сразу всѣ его мысли, все то, что онъ говорилъ, встали передъ нимъ, словно раскрытая страница ежемѣсячнаго журнала... И черезъ нее, черезъ эту страницу, кто-то протянулъ кровавое, черно-красное пятно...

V.

Красное пятно все еще заполняло мысли м-ра Бритлинга, когда къ нему пришелъ Тэдди.

— Я долженъ пойти! — сказалъ Тэдди. — Я больше не могу здѣсь оставаться!

— Куда пойти?

— Пойти и надѣть хаки! Я думалъ объ томъ съ самаго перваго дня, какъ объявлена была война. Помните, что вы сказали тогда въ праздникъ, въ понедѣльникъ, когда мы играли въ хоккей?.. Какъ разъ наканунѣ объявленія войны?

М-ръ Бритлингъ совершенно забылъ и силился вспомнить.

— Что я сказалъ?

— Вы сказали: „Какого чорта мы играемъ въ хоккей, когда мы всѣ должны сейчасъ маршировать или обучаться,

какъ стрѣлять въ этихъ проклятыхъ нѣмцевъ!..“ Я этого не забылъ... Собственно, я раньше долженъ былъ это сдѣлать. Я когда-то командовалъ отрядомъ бой-скаутовъ. Скоро понадобятся офицеры. Мнѣ говорили, что въ Лондонѣ сейчасъ открылось много курсовъ для офицеровъ, въ которыхъ наскоро готовятъ нужныхъ людей... И вотъ я рѣшилъ поступить на такіе курсы...

— А что говоритъ Летти? — спросилъ послѣ паузы м-ръ Бритлингъ.

Конечно, такъ надо было... иначе Тэдди и не могъ поступить... но все же м-ръ Бритлингъ былъ удивленъ.

— Она говоритъ, что если вы позволите ей попробовать замѣнять меня на время...

— Она согласна, чтобы вы поступили въ армію?

— Конечно, — отвѣтилъ Тэдди. — Неужели вы думаете, что ей пріятно было бы, если бы я сталъ отвиливать отъ своего долга? Но я не могу пойти, если вы не поможете и не освободите меня отъ моихъ секретарскихъ обязанностей.

— Разумѣется, я готовъ это сдѣлать, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Но какъ-то я до сихъ поръ о васъ не думалъ. Не думалъ какъ-то, что вы...

— Что я?.. — спросилъ Тэдди.

— Это... странно приближаетъ къ намъ войну!.. Она уже входитъ въ нашъ домъ!.. Разумѣется, вы должны пойти... если этого хотите!

Онъ задумался. Страшно было видѣть въ такомъ взвинченномъ настроеніи... серьезнаго, дѣловитаго Тэдди. И м-ръ Бритлингъ подумалъ, что въ прошломъ онъ былъ несправедливъ къ юношѣ: онъ не такой легкомысленный, какимъ кажется...

Стали обсуждать пути и средства. Возможно, что придется снабдить Тэдди нѣкоторой суммой на обмундировку, въ случаѣ, если онъ сразу будетъ произведенъ въ офицеры. Были еще другія мелкія подробности... М-ръ Бритлингъ тотчасъ же отогналъ нелѣпую мысль, промелькнувшую у него въ головѣ: что онъ даетъ деньги на то, чтобы отправить Тэдди на что-то, о чемъ не имѣли ни малѣйшаго понятія ни онъ, ни Летти...

На слѣдующее утро Тэдди исчезъ на велосипедѣ по направленію къ Лондону. Онъ собирался снять комнату и поселиться въ Лондонѣ, недалеко отъ офицерскихъ курсовъ, на которые онъ поступитъ. Онъ сдѣлался страшно предпріимчивымъ. Миссисъ Тэдди аккуратно стала приходить въ Дауэръ-Хаузъ за корреспонденціей м-ра Бритлинга, стараясь не казаться черезчуръ важной и самонадѣянной.

Два понедѣльника спустя, младшій мальчикъ прибѣжалъ съ горящими глазами къ м-ру Бритлингу, сидѣвшему послѣ завтрака въ саду среди розъ и курившему сигару.

— Папочка, папочка! — пищалъ мальчуганъ. — Тэдди! Въ формѣ!

Другой маленькій Бритлингъ прыгалъ и вертѣлся вокругъ героя, шествовавшаго рядомъ съ миссисъ Бритлингъ; онъ старался не казаться слишкомъ подчеркнуто-воинственнымъ. Онъ имѣлъ очень мужественный видъ въ своей защитнаго цвѣта форменной одеждѣ, и въ то же время былъ больше мальчикомъ, чѣмъ когда-либо. Сзади шла миссисъ Тэдди въ состояніи тихаго восторга.

У м-ра Бритлинга снова блеснула непріятная мысль, что эти молодые люди совершенно не знаютъ, на что они пошли. Ему самому захотѣлось быть теперь въ хаки; тогда эта непріятная мысль не такъ бы безпокоила его.

Въ тотъ вечеръ совершенно окрѣпло его убѣжденіе, что они, дѣйствительно, ничего не понимаютъ. До сихъ поръ жизнь была такъ милостива къ нимъ, что даже мысль о томъ, что Тэдди идетъ на войну, казалась имъ лишь забавнымъ развлеченіемъ. Просто, онъ рѣшился на нѣчто серьезное, серьезно-забавное, вполнѣ вѣроятное и возможное! Для этого ему пришлось вотъ переодѣться въ это необычайное платье и принимать честь, которую ему отдавали солдаты на улицахъ... Они обсуждали всѣ возможные виды на его военное будущее... съ увлеченіемъ дѣтей, обсуждающихъ привлекательность новой игры... Они производили Тэдди изъ чина въ чинъ съ необычайной быстротой. По его словамъ, онъ будетъ очень скоро произведенъ въ офицеры.

— Сейчасъ ощущается страшная нужда въ младшихъ офицерахъ. Почти одна треть нашихъ уже добилась производства, — сказалъ онъ и прибавилъ съ завистливымъ чувствомъ человѣка, говорящаго о недосягаемыхъ наслажденіяхъ, — а нѣкоторые уже скоро отправятся на фронтъ...

Онъ говорилъ, какъ молодой актеръ, мечтающій о главной роли въ пьесѣ.

— А если меня убьютъ, она будетъ получать восемьдесятъ фунтовъ въ годъ, — пояснилъ Тэдди среди другихъ подробностей.

Онъ улыбнулся этой забавной мысли улыбкой увѣреннаго въ себѣ безсмертнаго.

— Онъ — мой ежегодный доходъ! — сказала Летти, тоже улыбаясь, — мертвый или живой!

— Да, намъ очень будетъ недоставать васъ, Тэдди! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Ну, ничего, вѣдь это только на время войны, — сказалъ онъ. — Летти не глупа и способна. Она быстро привыкнетъ къ вашей работѣ. Я постарался исправить всѣ ея недостатки.

— Если ты думаешь, что получишь назадъ свое мѣсто послѣ войны, — сказала Летти, — глубоко ошибаешься. Я докажу, что мы, женщины, лучше приспособлены къ секретарскимъ обязанностямъ.

— Ты? — сказалъ Тэдди, окинувъ ее холоднымъ взглядомъ, и перевелъ сразу разговоръ на другую тему.

VI.

— Гю тоже скоро будетъ ходить въ формѣ! — сообщилъ старшій изъ младшихъ Бритлинговъ Тэдди. — Онъ слишкомъ молодъ для китченеровской арміи и поступитъ въ територіальныя войска. Онъ уѣхалъ въ четвергъ... Какъ жаль, что мы съ Гильбертомъ еще маленькіе...

М-ръ Бритлингъ зналъ о рѣшеніи своего старшаго сына съ того самаго вечера, когда приходилъ къ нему Тэдди и говорилъ о своемъ намѣреніи записаться въ армію.

Гю пришелъ къ отцу въ кабинетъ въ то время, какъ тотъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и рѣшалъ важный вопросъ — продолжать ли ему безъ промедленія брошюру: „Изслѣдованіе войны" или же отложить ее на время въ сторону и заняться какъ можно болѣе яснымъ и точнымъ выясненіемъ всѣми признаннаго несоотвѣтствія между волей и силой Англіи, съ одной стороны, и ея административной и военной организаціей, съ другой. Онъ чувствовалъ, что погибало и напрасно тратилось огромное количество человѣческой энергіи и воодушевленія. Что если все будетъ продолжаться и дальше такъ же, какъ идетъ теперь? Если и дальше будетъ ощущаться этотъ гибельный недостатокъ рабочаго механизма? Необходимо немедленно все обновить. Что если онъ сейчасъ же сядетъ и напишетъ нѣсколько громкихъ, крикливыхъ статей, напр., статью подъ заглавіемъ: „Война механиковъ", или „Война машины", или еще другую — „Безъ гражданской силы нѣтъ побѣды"? Если онъ напишетъ ихъ, обратятъ ли на нихъ вниманіе, или онѣ незамѣтно потонутъ въ общемъ умственномъ шумѣ и хаосѣ?

За этимъ основнымъ кругомъ его мыслей смутно помчался рядъ другихъ вопросовъ; то всплывая, то снова исчезая въ

бурномъ теченіи думъ, они готовы были войти въ самый центръ его мыслей. Рисовался капитанъ Карминъ, въ туманномъ свѣтѣ луны втаскивающій нѣчто ужасное на желѣзнодорожную насыпь, нѣчто дряблое, мокрое и теплое, что еще недавно было человѣкомъ. Былъ тутъ и Тэдди, такой серьезный и патріотичный... вызывающій прямо невѣроятное уваженіе къ себѣ со стороны празднаго писаки. Былъ и членъ клуба съ худымъ, тонкимъ лицомъ, и его странное злорадство по поводу общей разрухи. И еще былъ Гю. Главнымъ образомъ Гю — молчаливый, но что-то какъ-будто выжидающій. Мальчикъ никогда не болталъ зря. Онъ обладалъ даромъ матери погружаться въ глубокое, темное молчаніе, изъ котораго, бывало, временами вдругъ сверкнетъ — Черная Принцесса, размахивающая мечомъ... И на нѣкоторое время онъ сталъ бродить среди воспоминаній... Но Гю никогда такъ не сверкнетъ... Хотя, можетъ, и сверкнетъ когда-нибудь... Что же онъ обо всемъ этомъ думаетъ? Что собирается дѣлать? Какъ поступитъ?

М-ру Бритлингу чрезвычайно хотѣлось, чтобы его сынъ записался добровольцемъ въ армію; онъ былъ почти убѣжденъ, что Гю сдѣлаетъ это. Но въ то же время у него была крошечная тѣнь сомнѣнія, какъ бы исключительная утонченность мышленія не увлекла мальчика въ пасифистское настроеніе... Но нѣтъ! Это невозможно! А Бельгія?.. И въ то же время такимъ же сильнымъ... и куда глубже внѣдреннымъ въ его душу было желаніе, чтобы никакое несчастіе, никакое зло не приключилось съ его сыномъ.

Тутъ открылась дверь, и вошелъ Гю.

М-ръ Бритлингъ нѣжнымъ взоромъ, принимая въ то же время дѣланный равнодушный видъ, взглянулъ на него черезъ плечо.

— А, это ты! — сказалъ онъ. — Ну, въ чемъ дѣло?

Гю какъ-то неловко, неувѣренно вошелъ и подошелъ къ камину.

— Да такъ, ничего особеннаго, — сказалъ онъ тоже дѣланнымъ и равнодушнымъ тономъ. — Очевидно, и мнѣ тоже придется идти въ солдаты... Я только думалъ... Мнѣ хотѣлось бы отправиться завтра... съ однимъ пріятелемъ... который тоже идетъ...

Тонъ и манера м-ра Бритлинга остались равнодушными.

— Боюсь, что другого выхода сейчасъ нѣтъ! — сказалъ онъ.

Онъ повернулся на стулѣ и посмотрѣлъ на сына.

— Ты что намѣренъ сдѣлать? Поступить на курсы для подготовки офицеровъ территоріальной арміи? Да?

— Не думаю, чтобы изъ меня вышелъ хорошій офицеръ. Я терпѣть не могу отдавать людямъ приказаніе. Мы съ пріятелемъ рѣшили вмѣстѣ поступить нижними чинами въ Эссекскій полкъ.

Наступила маленькая пауза. И отецъ и сынъ, оба уже нѣсколько разъ мысленно, про себя, прорепетировали эту сцену, и теперь вдругъ пришли къ убѣжденію, что цѣлый рядъ фразъ, которыя казались столь эффектными на этихъ репетиціяхъ — сейчасъ вдругъ излишни.

М-ръ Бритлингъ сталъ чесать подбородокъ кончикомъ ручки.

— Я радъ, что тебѣ хочется идти въ солдаты, Гю, — сказалъ онъ.

— Мнѣ совсѣмъ не хочется идти, совсѣмъ не хочется воевать! — отвѣтилъ Гю, засовывая руки глубоко въ карманы. — Мнѣ, наоборотъ, хочется въ Кэмбриджъ, работать съ Кардиналомъ. Но надо же каждому идти! Развѣ ты самъ сегодня цѣлый день этого не говорилъ?.. Это такъ же необходимо, какъ то, что всѣ должны высыпать въ погоню за бѣшеной собакой или участвовать въ ловлѣ жулика... Это ненеобходимая обязательная очистка...

— Такъ что тебя солдатчина совсѣмъ не привлекаетъ?

— Ни капельки! Не хочу притворяться, папа... Я считаю всю эту исторію ужасно скучной и непріятной. Мнѣ сейчасъ Германія кажется какой-то тяжелой, отвратительно грязной, зловонной массой, которая опрокинулась на Бельгію и Францію. И намъ всѣмъ приходится отгрести эту грязь назадъ. Вотъ и все...

Пока отецъ молчалъ, онъ прибавилъ еще нѣсколько замѣчаній:

— Ты вѣдь знаешь, — притворяться, что у меня какой-то особенно патріотическій подъемъ, что меня увлекаетъ война — я не могу, — сказалъ онъ. — Я считаю, что убивать людей и ради этого подвергать себя риску быть убитымъ — отвратительная привычка... и я надѣюсь, что мнѣ придется ограничиться только ученіями, караулами, маневрами здѣсь въ Англіи...

— Да, тебя на фронтъ раньше, чѣмъ черезъ два года, не могутъ отправить; ты еще слишкомъ молодъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, словно сожалѣя объ этомъ.

Въ глазахъ Гю промелькнуло какое-то легкое колебаніе.

— Думаю, что не отправятъ, — замѣтилъ онъ.

— А къ тому времени, навѣрное, все кончится... такъ или иначе... — добавилъ м-ръ Бритлингъ, обнаруживъ свои истинныя мысли.

— Такъ что, въ концѣ-концовъ, мое участіе сведется просто къ тому, что я буду помогать у самаго конца лопаты,— подчеркнулъ Гю, но все еще съ тѣмъ оттѣнкомъ сдержанности въ голосѣ.

Наступившая пауза какъ бы заключила теоретическую сторону вопроса.

— Въ какомъ округѣ ты собираешься записаться? — спросилъ м-ръ Бритлингъ, переходя уже къ практическимъ деталямъ.

VII.

Битва на Марнѣ перешла въ битву на Энѣ, и затѣмъ длинныя линіи борьбы перевалились на сѣверо-западъ, пока англичане снова не очутились въ Бельгіи, не успѣвъ отстоять Мининъ и защищая Ипръ. Вслѣдъ за ослѣпленіемъ и уныніемъ августа наступила высокомѣрная увѣренность сентября и точно такъ же исчезла въ прошлое забытыхъ настроеній. Создавшееся у м-ра Бритлинга убѣжденіе въ томъ, что эта война значительнѣе, труднѣе и продолжительнѣе другихъ войнъ, медленно укрѣплялось. Это не былъ, какъ казалось вначалѣ, конецъ одной фазы человѣческой исторіи и начало другой; это была фаза сама по себѣ, новый образъ жизни. И все же до сихъ поръ онъ не могъ найти для себя настоящаго контакта съ этой новой жизнью, развѣ только путемъ пера. Только за письменнымъ столомъ, и то въ особенности по ночамъ, онъ чувствовалъ и переживалъ лично всѣ колебанія великой борьбы. Но ему все хотѣлось принять въ ней болѣе непосредственное физическое участіе.

Однажды въ октябрѣ пріѣхалъ Гю, въ плохо сидящей форменной курткѣ и брюкахъ, весь какой-то погрубѣвшій и съ краснымъ носомъ отъ осенняго солнца. Онъ разсказывалъ, что жизнь въ казармахъ груба и первобытна, но что онъ чувствовалъ себя тамъ необычайно хорошо. Можетъ-быть, человѣкъ, дѣйствительно, созданъ для того, чтобы работать до тѣхъ поръ, пока не сваливается отъ усталости, созданъ для того, чтобы голодать въ теченіе десяти-двѣнадцати часовъ и потомъ жрать, какъ волкъ. У него появилась слабость къ удивительно сквернымъ папиросамъ и дешевымъ минеральнымъ водамъ. Онъ, какъ огня, боялся производства въ чинъ: онъ чувствовалъ, что никакъ не въ состояніи будетъ найти въ себѣ то отношеніе свысока къ человѣческимъ существамъ, которое требуется отъ унтеръ-офицера. Онъ все еще пытался въ минуты отдыха почитывать кое-что по химіи и кристаллографіи,

но это „какъ-то не вязалось съ солдатской жизнью“. Въ рѣдкіе и скудные часы досуга было пріятнѣе валяться гдѣ-нибудь на койкѣ или землѣ, писать юмористическіе стишки или рисовать карикатуры на товарищей по взводу. Когда домашніе предложили ему выбрать себѣ подарокъ, онъ потребовалъ большой жестяной сундукъ, какой у него былъ когда-то въ школьные годы, „только побольше“, и большую жестянку порошка отъ насѣкомыхъ. Такого порошка, который убивалъ бы и клещей...

Съ отъѣздомъ Гю страстное желаніе принять болѣе дѣятельное и личное участіе въ физическихъ усиліяхъ страны — стало прямо невыносимо мучить м-ра Бритлинга. Ему хотѣлось, какъ онъ выражался, „влѣзть въ дѣло съ кожей“. Онъ рѣшилъ, что движеніе въ пользу образованія дружины народной милиціи — безнадежно. Военное министерство, послѣ упорнаго сопротивленія всякому добровольческому движенію, наконецъ, признало народную милицію, но въ такой формѣ, что она сразу сдѣлалась нелѣпой и безсмысленной. Милиціонерамъ не полагалось имѣть ни офицеровъ, ни вооруженія, которыя, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, напоминали экипировку регулярныхъ войскъ. И, такимъ образомъ, въ случаѣ дессанта въ Англію, германцы сразу, за нѣсколько верстъ, смогутъ легко узнать, съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло. Мечта Уилкинса о цѣлой націи, сплотившейся вокругъ знаменъ, использованной и распредѣленной согласно индивидуальнымъ способностямъ и силамъ каждаго, была встрѣчена, какъ дѣтская фантазія „романиста“, наиболѣе невѣжественнаго изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ. „Пенчъ“ снисходительно острилъ по этому поводу; на страницахъ знаменательнаго еженедѣльника Уилкинсъ былъ изображенъ въ нелѣпо-фантастической треуголкѣ собственнаго рисунка и изготовляющимъ треуголки для всей Англіи. Въ анонимныхъ письмахъ Уилкинсу совѣтовали „заткнуть глотку“, а публично и частнымъ образомъ ему предлагали „предоставить дѣло Китченеру“. Кричать громко и ясно во всеуслышаніе, что „надо предоставить все Китченеру“ и самимъ отправляться въ театръ, на Темзу или садиться въ автомобиль, — казалось въ то время верхомъ истиннаго патріотизма. Господствовало общее убѣжденіе, что сдѣлаться милиціонеромъ тогда, когда слѣдуетъ скромно ничего не дѣлать, является почему-то почти измѣной.

И потому м-ръ Бритлингъ оставилъ мысль о милиціи и вмѣсто этого пошелъ и записался въ „спеціальные констэбли“, т. е. въ полисмены-добровольцы, взявшіе на себя обязанности

ушедшихъ на войну полицейскихъ; онъ принесъ присягу и получилъ соотвѣтствующую повязку. Обязанности „спеціальнаго констэбля“ сводились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы не понимать, что дѣлается въ военной сферѣ, и исполнять возлагаемыя на него порученія въ видѣ охраненія и наблюденія за разными пунктами, которые считались опасными или важными. Кромѣ того, спеціальный констэбль долженъ принимать участіе въ прекращеніи безпорядковъ, если бы они гдѣ-нибудь возникли.

М-ра Бритлинга снабдили „батономъ“ и отправили охранять подземные водостоки, мосты и фіорды или заливы въ гористой мѣстности на сѣверо-западѣ отъ Матчингсъ-Изи. Онъ никогда до самаго конца не могъ ясно себѣ представить, какъ онъ поступитъ, если увидитъ гдѣ-нибудь автомобиль, наполненный вооруженными нѣмцами, которые подкладываютъ мину подъ какой-нибудь водостокъ или въ углубленіе фіорда, имѣющаго стратегическое значеніе. Онъ рѣшилъ, что или заговоритъ съ ними, или ударитъ ихъ батономъ, или сдѣлаетъ то и другое одновременно. Но такъ какъ онъ ни секунды не вѣрилъ, что кто-нибудь рѣшится посягнуть на телеграфы, телефоны, пути сообщенія и разныя другія вещи, отданныя ему подъ охрану, то его неувѣренность не очень смущала его. И онъ сталъ бродить въ темнотѣ по пустыннымъ дорогамъ и тропинкамъ, знакомясь съ многообразіемъ загадочныхъ криковъ, исходившихъ по ночамъ изъ кустовъ и изгородей. Однажды онъ спасъ молодого зайченка изъ цѣпкихъ лапъ куницы, которая готова была наброситься и на самого м-ра Бритлинга, если бы тотъ не ослѣпилъ ее внезапно своимъ электрическимъ карманнымъ фонаремъ...

Бродя по полямъ и дорогамъ, подъ огромнымъ полушаріемъ эссекскаго неба, отдыхая, опершись о какой-нибудь заборъ, сонно сидя у воротъ или прячась отъ вѣтра и дождя подъ стогами, подъ навѣсами сараевъ — онъ находилъ достаточно времени для размышленій; его мысли стали подкапываться все глубже подъ первыя его впечатлѣнія о войнѣ. Онъ уже не думалъ о правотѣ или неправотѣ этой войны въ частности, но о тѣхъ силахъ, лежащихъ въ основѣ человѣчества, которыя дѣлали войну возможной. Онъ уже не сочинялъ остроумныя и сложныя соглашенія и договоры между народами, а наоборотъ, старался изслѣдовать болѣе глубокія загадки основного чувства зла въ человѣкѣ и возможныя измѣненія человѣческаго сердца. Дождь пронизывалъ его насквозь, терніи кололи его, промокшія, мягкія поля всасывали въ себя его

усталыя ноги, маленькій подпольный міръ изгородей и канавъ шипѣлъ и пищалъ въ темнотѣ, преслѣдовалъ и бѣжалъ, уничтожалъ и самъ подвергался уничтоженію...

Однажды ночью, въ апрѣлѣ, онъ былъ смущенъ какимъ-то волненіемъ среди фазановъ и лаемъ собакъ вдали. Къ огромному своему удивленію, онъ вдругъ услыхалъ звуки, напоминающіе отдаленный трескъ фейерверка, и на небѣ, далеко на востокѣ, увидалъ нѣчто похожее на прозрачную, желтую сигару, временами освѣщаемую прожекторомъ и быстро куда-то мчащуюся. И послѣ того, какъ онъ протеръ глаза и снова взглянулъ на небо, онъ понялъ, что видѣлъ цеппелинъ... цеппелинъ надъ Эссексомъ, летящій на Лондонъ...

И вся та ночь была чудомъ...

VIII.

Въ то время какъ м-ръ Бритлингъ искалъ нравственнаго удовлетворенія въ рутинѣ своей полицейской службы, миссисъ Бритлингъ очень усердно проходила подготовительный курсъ для поступленія въ Красный Крестъ. Въ началѣ октября началось большое наступленіе нѣмцевъ по направленію къ Антверпену и къ морю, съ ясно намѣчавшейся цѣлью дойти до Калэ. Наступленіе погнало передъ собой волну фламандскихъ бѣженцевъ. Начался исходъ всѣхъ классовъ населенія изъ Антверпена въ Голландію и Англію, а за ними послѣдовали бѣженцы изъ Фландріи и Па де-Калэ. Потокъ бѣженцевъ хлынулъ на восточную и южную часть Англіи и главнымъ образомъ въ Лондонъ: тамъ наскоро основанныя организаціи направляли ихъ въ мѣстные комитеты въ разныхъ городахъ. Каждый изъ нихъ бралъ на свое попеченіе часть бѣженцевъ, нанималъ свободные дома и обставлялъ ихъ всѣмъ необходимымъ для тѣхъ, которые очутились безъ всякихъ средствъ; болѣе имущимъ помогали устраиваться по возможности удобнѣе. Комитетъ въ Матчингсъ - Изи устроилъ помѣщенія для шестидесяти бѣженцевъ, и кромѣ того на ихъ рукахъ было еще тридцать человѣкъ пассажировъ съ маленькаго парохода, доставившаго ихъ изъ Остендэ. Среди нихъ оказались двѣ семьи фламандскихъ крестьянъ; остальные были большей частью люди средняго класса, бѣжавшіе изъ Антверпена. Ихъ привезли съ вокзала въ Клаверингсъ, и тамъ, подъ личнымъ наблюденіемъ лэди Хомартинъ и ея управляющаго, ихъ распредѣлили между тѣми, которые предлагали взять ихъ къ себѣ въ домъ. Началось даже нѣкоторое

соревнованіе между жителями Матчингсъ-Изи. Каждый радовался случаю „сдѣлать нѣчто“ съ своей стороны и доказать бельгійцамъ, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ Англія относится къ ихъ геройской маленькой націи. М-ръ Бритлингъ съ гордостью увелъ къ себѣ въ домъ нѣкоего м-ра Ванъ-деръ-Панта, аккуратнаго маленькаго человѣка съ бородой, въ черномъ сюртукѣ и черномъ котелкѣ, съ вязанымъ шарфомъ, съ большимъ дорожнымъ мѣшкомъ за спиной и на велосипедѣ явственно иностраннаго вида. Ванъ-деръ-Пантъ спасся изъ Антверпена въ самую послѣднюю минуту. Онъ сильно простудился и во время пути потерялъ жену и сына, которыхъ до сихъ поръ не могъ разыскать. Онъ сталъ пространно разсказывать м-ру Бритлингу о своихъ приключеніяхъ, и въ своемъ увлеченіи воспоминаніями не сразу замѣтилъ, что хотя м-ръ Бритлингъ зналъ французкій языкъ довольно хорошо, но все же не понималъ, когда на немъ слишкомъ быстро говорили.

Обѣдъ въ Дауэръ-Хаузѣ въ тотъ вечеръ былъ несомнѣнно новымъ этапомъ вторженія войны въ домашній укладъ Матчингсъ-Изи. Война съ самаго начала заполнила мысли всѣхъ членовъ семьи, не оставляя мѣста ни для чего другого. Благодаря войнѣ Herr Heinrich очутился въ Германіи, Тэдди въ Лондонѣ, Гю въ Кольчестерѣ; м-ръ Бритлингъ надѣлъ повязку на рукавъ и отправлялся по ночамъ въ дозоръ; у миссисъ Бритлингъ оказалось нѣсколько свидѣтельствъ о прохожденіи разныхъ курсовъ; прекратились визиты и разговоры м-ра Лоренса Кармина. Но все же прямого соприкосновенія съ ужасами снарядовъ и штыковъ на фронтѣ въ жизни Матчингсъ-Изи до сихъ поръ не было. И вотъ вдругъ Дауэръ-Хаузъ сталъ разговаривать на необычайномъ англо-французскомъ нарѣчіи, и тамъ появился весьма разговорчивый гость, который разсказывалъ имъ—иногда его ясно понимали, иногда же смыслъ его словъ оставался въ туманѣ—о людяхъ, которыхъ разрывало на куски у него на глазахъ, о разрозненныхъ частяхъ человѣческихъ тѣлъ, разбросанныхъ по улицамъ. Возникло нѣкоторое смущеніе по поводу его выраженія „omoplate d'une femme“, пока одинъ изъ мальчиковъ не пошелъ за словаремъ, и тогда выяснилось, что это „плечевая кость женщины“. И еще онъ говорилъ о лужахъ крови всюду и о бѣгствѣ среди темноты.

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ завѣдывалъ динамо-машинами на антверпенской главной электрической станціи. Онъ подавалъ энергію для электризаціи проволочныхъ загражденій и оставался на своемъ посту, пока германскіе снаряды не разрушили

загражденій, и ему нечего было больше дѣлать на станціи. Онъ очень живо изобразилъ самую бомбардировку, видъ мертвецовъ на площадяхъ, разсказалъ о неудачной попыткѣ нѣмецкихъ орудій взорвать лодочный мостъ, по которому спаслось большинство гарнизона и бѣженцевъ. Онъ вынулъ маленькую карту Антверпена и сталъ указывать на ней карандашемъ разныя точки: Эти — какъ вы ихъ называете — obus, ахъ, да, снаряды падали сюда и сюда, и сюда. А вотъ здѣсь — видите — онъ проѣхалъ на своей becane, а потомъ повернулъ сюда — сюда. Ружье свое онъ увезъ съ собой и спряталъ вмѣстѣ съ ружьями многихъ другихъ бельгійцевъ между поломъ и потолкомъ одного дома въ Зебрюгге. Въ порту онъ попалъ на грабительскій пароходъ, капитанъ котораго рѣшилъ содрать все, что могъ, съ каждаго бѣженца за переѣздъ въ Лондонъ. Когда они сѣли на пароходъ и вышли въ море, оказалось, что на пароходѣ не было накакого продовольствія, кромѣ черствыхъ сухарей у бельгійскихъ солдатъ. Сухари эти раздавали всѣмъ по порціямъ, какъ спасающимся на плоту послѣ караблекрушенія... Mer была, слава Богу, calme. И всю ночь пришлось выкачивать воду. Онъ тоже работалъ вмѣстѣ со всѣми. Но онъ надѣялся еще разсчитаться когда-нибудь съ разбойникомъ-капитаномъ того судна.

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ нѣсколько разъ стрѣлялъ въ цеппелины. Когда цеппелины появились надъ Антверпеномъ, всѣ высыпали на крыши и стрѣляли въ нихъ. Къ цеппелинамъ онъ относился презрительно и дѣлалъ пренебрежительные жесты, говоря о нихъ. Они вѣдь не могутъ причинить вреда, говорилъ онъ, если не спустятся низко; а когда они спускаются, то въ нихъ можно попасть. Одинъ изъ нихъ, который отважился спуститься пониже, совершенно издырявили выстрѣлами. Ему пришлось выбросить всѣ свои бомбы — къ счастью онѣ упали на открытое поле — чтобы кое-какъ удрать сильно поврежденнымъ. Въ англійскихъ газетахъ писали, что цеппелины участвовали въ бомбардировкѣ Антверпена; это сущій вздоръ... Тамъ не было ни одного... Такъ онъ говорилъ безъ конца, и семья Бритлинговъ слушала, понимая, что могла, отвѣчая ему и предлагая вопросы на англо-французскомъ языкѣ. Самымъ поразительнымъ для нихъ было то, что этотъ человѣкъ всего за нѣсколько дней до того ѣздилъ на своемъ велосипедѣ по улицамъ Антверпена, объѣзжая воронки, лужи крови, оторванныя руки и лопатки убитыхъ женщинъ. Онъ видѣлъ, какъ горѣли дома, подожженные бомбами, и разъ даже разорвавшійся по близости снарядъ сбросилъ его съ

велосипеда, когда онъ поворачивалъ за уголъ... И все это не только происходило въ томъ же мірѣ, гдѣ жили и они, Бритлинги, но участникъ событій сидѣлъ теперь у нихъ за столомъ.

Онъ разсказалъ страшную исторію про больную женщину, которая не могла спастись бѣгствомъ. Она лежала въ постели въ своемъ appartement и мужъ ея вышелъ на балконъ поглядѣть на цеппелины. Шла сильная пальба. Отъ времени до времени онъ оборачивался къ ней въ комнату и разсказывалъ о томъ, что происходитъ; а спустя нѣкоторое время онъ какъ-то затихъ и больше къ ней не оборачивался. Она стала звать его, но онъ не откликался. Она испугалась, съ огромнымъ усиліемъ приподнялась и выглянула черезъ стеклянную дверь на балконъ. Сначала она была такъ поражена, что не поняла, что произошло. Мужъ ея повисъ надъ перилами балкона и страннымъ образомъ повернулъ голову. Черепъ его былъ раздробленъ. Онъ былъ убитъ шрапнелью, выпущенной изъ внѣшнихъ фортовъ...

Такія вещи случаются въ повѣстяхъ и сказкахъ. Въ Матчингсъ-Изи ничего подобнаго, конечно, не можетъ произойти.

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ повидимому не питалъ злобы къ нѣмцамъ. Но онъ явно считалъ, что ихъ слѣдуетъ убивать. Онъ не возмущался тѣмъ, что они сдѣлали; онъ только разсказывалъ. Нѣмцы были для него несчастіемъ, приключившимся съ Бельгіей и со всѣмъ человѣчествомъ. Ихъ нужно уничтожить. Онъ внушилъ м-ру Бритлингу странное представленіе, что въ каждомъ погребѣ въ Антверпенѣ и Брюсселѣ точатъ ножи въ ожиданіи дня неминуемаго отступленія нѣмцевъ, что тамъ созрѣла рѣшимость уничтожить завоевателя, и чувство это болѣе глубокое, чѣмъ жажда мести... М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ не чувствовалъ себя побѣжденнымъ; это больше всего поражало въ немъ. М-ръ Бритлингъ замѣтилъ этикетку на бутылкѣ столоваго вина, которое стояло передъ гостемъ, и нѣсколько смутился.

— Вамъ не непріятно пить нѣмецкое вино? — спросилъ онъ. — Это мозельское вино, Бернкастелеръ.

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ задумался на минуту.

— Что жъ, вино вѣдь хороше, — сказалъ онъ. — Послѣ заключенія мира оно будетъ бельгійскимъ... Чтобы оградить себя въ будущемъ отъ такой войны, мы должны протянуть нашу границу до Рейна.

Такъ онъ сидѣлъ и говорилъ, раскраснѣвшись и какъ-будто даже пріятно возбужденный воспоминаніями о томъ, что пережилъ. Въ немъ не было и слѣда трагизма, никакого

намека на подавленность. Если бы не его костюмъ и подстриженная борода и не его языкъ, онъ могъ бы быть ирландцемъ изъ Дублина или чистокровнымъ лондонскимъ уроженцемъ.

Онъ былъ отрѣзанъ отъ всего, что ему принадлежало на свѣтѣ. Домъ его въ Антверпенѣ остался въ рукахъ завоевателя; драгоцѣнности и любимыя вещи были зарыты въ саду; у него не было смѣны платья кромѣ того, что онъ захватилъ въ дорожномъ мѣшкѣ. Единственной его обувью были сапоги, въ которыхъ онъ пришелъ. Ему нельзя было даже предложить домашнихъ туфель кого-нибудь изъ членовъ семьи: всѣ онѣ были слишкомъ малы для него. Но вдругъ миссисъ Бритлингъ вспомнила о туфляхъ Herr Heinrich'а, оставшихся не уложенными въ его комнатѣ. Она принесла ихъ, и онѣ оказались ему какъ разъ впору. Всѣ высказались за немедленную аннексію туфель, видя въ этомъ символъ правосудія и предзнаменованіе національныхъ компенсацій въ будущемъ...

Выяснилось также, что м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ отрѣзанъ и отъ своей семьи. Разсказывая объ этомъ, онъ сталъ довольно рѣзко осуждать безтолковость англійскихъ организацій. Его жена и сынъ пріѣхали въ Англію до него; они уѣхали на Остенде-Фолькстонъ на двѣ недѣли раньше. Родители жены пріѣхали въ августѣ. Обѣ группы путешественниковъ очутились на попеченіи неопытныхъ британскихъ комитетовъ и безнадежно затерялись. Онъ написалъ въ бельгійское посольство и оттуда его направили въ одинъ изъ комитетовъ въ Лондонѣ.

Комитетъ этотъ началъ съ того, что открылъ какую-то совершенно невѣдомую ему мадамъ Ванъ-деръ-Пантъ въ Кэмберуэлѣ и выказалъ нѣкоторое недовѣріе и подозрительность, когда онъ сказалъ, что она ему не годится. Всѣ разсылаемыя имъ телеграммы ни къ чему не привели.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ.

М-ръ Бритлингъ, чтобы выгадать время, сказалъ, что онъ наведетъ справки, и въ теченіе двухъ дней не двинулъ пальцемъ, чтобы помочь гостю. Затѣмъ онъ рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ м-ромъ Ванъ-деръ-Пантомъ въ Лондонъ и „справиться на мѣстѣ". М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ не разыскалъ свою семью, но м-ръ Бритлингъ убѣдился въ глубокой истинѣ словъ Herr Heinrich'а, которыя въ свое время показались ему мелкой придиркой, но все же застряли въ его памяти. „Англичане, — сказалъ Herr Heinrich, — не умѣютъ составлять списки. А это корень всякой организаціонной работы."

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать безъ всякой системы и сталъ спрашивать каждаго встрѣчнаго бельгійца, не видалъ ли онъ кого-нибудь изъ Антверпена, не знаетъ ли онъ кого-нибудь по имени Ванъ-деръ-Пантъ и не встрѣчалъ ли онъ такихъ-то и такихъ-то людей. Благодаря своей настойчивости, а также удачѣ, онъ дѣйствительно напалъ на слѣдъ мадамъ Ванъ-деръ-Пантъ. Она оказалась въ Кентѣ, и черезъ день въ Дауэръ-Хаузѣ произошла трогательная сцена свиданія счастливой семьи.

Madame была худенькая женщина, одѣтая изящно и просто, очень разсудительная, какъ настоящая бельгійка, и крайне сдержанная, какъ типичная католичка. Андрэ былъ похожъ на восковую куколку; онъ былъ хрупкій, очаровательный и весь эфирный. Нельзя было себѣ представить, что онъ сдѣлается когда-нибудь такимъ шумнымъ и подвижнымъ, какъ его отецъ. Мальчикамъ было сказано, чтобы они бережно обращались съ нимъ. Бельгійцамъ предоставили отдѣльную гостиную, и обѣ семьи жили въ теченіе нѣкотораго времени бокъ-о-бокъ. За столомъ установился англо-французскій языкъ. Это очень стѣсняло м-ра Бритлинга. И обѣ семьи дѣлали про себя много разныхъ наблюденій, критиковали другъ друга, не высказывая этого вслухъ, и упражнялись въ долготерпѣніи. Англичанъ стѣсняла необходимость говорить на чужомъ языкѣ, лишавшая ихъ свободы въ разговорѣ; эта лингвистическая гимнастика забавляла ихъ вначалѣ, но вскорѣ очень имъ всѣмъ надоѣла; а бельгійцы приписывали своимъ хозяевамъ большую, на самомъ дѣлѣ совершенно отсутствовавшую требовательность въ вопросахъ этикета, все боялись показаться навязчивыми и вначалѣ всегда ждали приглашенія, прежде чѣмъ присоединиться ко всей семьѣ, въ часы завтрака и обѣда. Кромѣ того, вначалѣ они не говорили, что ѣдятъ и чего не ѣдятъ, хотятъ ли они или не хотятъ взять еще... Но эти трудности вскорѣ сгладились, и они быстро и тактично приспособились къ англійскимъ привычкамъ. Андрэ сдѣлался веселымъ и смѣлымъ и пересталъ дичиться своихъ новыхъ англійскихъ товарищей. Онъ являлся каждый день къ завтраку съ новыми, старательно заученными англійскими фразами, показывалъ интересные фокусы и замѣчательно ловко складывалъ разныя вещи изъ бумаги. А м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ искалъ временной работы въ Англіи, дѣлалъ длинныя прогулки на велосипедѣ, обмѣнивался взглядами по разнымъ вопросамъ съ м-ромъ Бритлингомъ и научился отлично играть въ хоккей.

Онъ очень увлекался игрой и проявлялъ большую ловкость. Игралъ онъ всегда въ сюртукѣ, не снимая свой шарфъ, и

считалъ хоккей исключительно предлогомъ для проявленія сообразительности и проворства. Онъ скакалъ по полю какъ котенокъ, дѣлалъ неожиданные пируэты, прыгалъ во всѣ стороны; его румяное лицо сіяло при этомъ отъ удовольствія, полы сюртука и концы шарфа развѣвались отъ быстраго бѣга. Онъ никогда не передавалъ мячъ другимъ партнерамъ, не считался съ назначеннымъ для него мѣстомъ въ игрѣ, а превращался самъ въ живую ширму для мяча, который онъ гналъ къ воротамъ. Но сыну своему Андрэ онъ не позволялъ участвовать въ игрѣ, а madame играла какъ святая мученица съ орудіемъ своей пытки въ рукахъ. Воодушевленіе игры носилось вокругъ нея, но отступало отъ нея самой: она стойко и терпимо относилась къ игрѣ, старалась добросовѣстно выполнить всѣ нелѣпости, которыя возлагались на нее, но главнымъ образомъ сохраняла невозмутимость и достоинство; Летти неслась, обгоняя ее, стремительная и возбужденная, точно существо изъ другого міра...

М-ръ Бритлингъ предавался безконечнымъ умствованіямъ по поводу этихъ контрастовъ.

— Совершенно явно, — говорилъ онъ, — что эта семья, которую занесли къ намъ германскія орудія, типично католическая. Ее вырвали изъ привычной оправы... Она чужая среди насъ — нео-европейцевъ.

— Сначала казалось, что насъ ничто не раздѣляетъ, кромѣ языка, но теперь ясно, что языкъ наименьшая преграда между нами. У этихъ людей другія понятія, чѣмъ у насъ, — гораздо болѣе опредѣленныя и законченныя. Ихъ домъ въ Антверпенѣ былъ, навѣрное, болѣе замкнутый; онъ былъ настоящей клѣточкой, общественной единицей, — полной противоположностью нашей непринужденной домашней обстановки. Наши мальчики рады всѣмъ, кто къ нимъ приходитъ, а маленькій Андрэ все еще не научился играть съ незнакомыми дѣтьми. Мы должны казаться невообразимо открытыми этимъ Ванъ-деръ-Пантамъ... Точно домъ безъ стѣнъ... Въ прошлое воскресенье я не могъ назвать фамилій двухъ барышенъ, которыя пріѣхали на велосипедахъ и такъ хорошо играли въ хоккей. Ихъ привезла съ собой Китти Вестропъ. А Ванъ-деръ-Пантъ все допытывался, въ какомъ родствѣ онѣ состоятъ съ нами, а если онѣ чужія, то какимъ образомъ онѣ могли явиться къ намъ.

— Посмотрите на madame. Все въ ней другое, чѣмъ въ нашихъ женщинахъ. Теннисъ, велосипедъ, совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, ту-степъ, высшее образованіе женщинъ... Примите все это въ соображеніе, а потомъ подумайте о ней

Какой контрастъ! Въ нашемъ быту она точно монашенка, на которую надѣли костюмъ для верховой ѣзды. Ея спеціальность — быть женщиной; ея сфера — домашній укладъ. Ее представляешь себѣ только въ мягкихъ длинныхъ одеждахъ, съ медлительными движеніями и закрытымъ лицомъ; католическая выдержка болѣе непроницаема, чѣмъ покрывало восточныхъ женщинъ. Католицизмъ выдумалъ незримое покрывало въ родѣ индійской пудры. Madame гораздо болѣе сродни той очаровательной индусской дамѣ въ удивительныхъ одеждахъ, которую Карминъ привозилъ въ прошломъ году вмѣстѣ съ ея высокимъ мужемъ, чѣмъ нашимъ молодымъ женщинамъ, Летти или Сисси. Та тоже играла съ нами въ хоккей и играла совершенно такъ, какъ мадамъ Ванъ-деръ-Пантъ...

— Чѣмъ больше я наблюдаю нашу игру въ хоккей, — тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что въ ней очень ярко проявляются характерныя особенности расы, культуры и воспитанія, также какъ индивидуальныя черты каждаго игрока.

М-ръ Маннингъ, которому онъ все это излагалъ, перемѣнилъ тему разговора, спросивъ м-ра Бритлинга, что онъ разумѣетъ подъ словомъ „нео-европейцы".

— Это, быть-можетъ, неудачное выраженіе, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ, — и я беру его назадъ. Я вамъ точно изложу свою мысль. Я говорю о зарожденіи новой культуры въ Америкѣ и у насъ, — а также въ скандинавскихъ странахъ и въ Россіи; о томъ, что намѣчается освобожденіе отъ религіи востока и католической культуры, явившейся къ намъ съ латинскаго юга. Не будемъ называть этотъ новый элементъ нео-европейскимъ; назовемъ его сѣвернымъ. Мы сѣверяне. Ключъ, сердце, сущность всякой культуры — въ пониманіи отношеній между мужчиной и женщиной; новая культура стремится сгладить спеціализацію женщинъ, стремится высвободить ихъ изъ клѣточки семейнаго очага, пріобщить ихъ къ общей гражданской жизни наравнѣ съ мужчинами. Эта новая культура находится теперь въ стадіи развитія; она сдѣлаетъ мужчинъ болѣе склонными къ совмѣстной работѣ, а женщинъ болѣе смѣлыми, дѣятельными, разовьетъ въ нихъ чувство отвѣтственности за себя и окончательно выведетъ ихъ изъ прежняго затворничества. Значеніе пола будетъ ослаблено и утратитъ свою прежнюю чрезмѣрность въ этихъ новыхъ условіяхъ культуры.

— И я увѣренъ къ тому же, — сказалъ м-ръ Бритлингъ такимъ тономъ, какимъ и праведникъ сказалъ бы „въ шестыхъ", — что міровая борьба настоящаго времени высвободитъ это сѣверное устремленіе. Война носится ураганомъ по Европѣ,

разрушаетъ домашніе очаги, разсѣиваетъ и смѣшиваетъ семьи; мадамъ Ванъ-деръ-Пантъ играетъ въ хоккей, а Андре карабкается на деревья съ моими сорванцами. Война убиваетъ милліоны молодыхъ людей, она измѣнитъ соотношенія половъ на цѣлое поколѣніе, расчиститъ мѣсто для женщинъ въ конторахъ, банкахъ и на фабрикахъ. Она уноситъ накопленныя богатства, обезпечивавшія прежде полную праздность столькимъ женщинамъ, вливаетъ въ міръ странныя сомнѣнія и новыя понятія...

IX.

Контрастъ понятій, привычекъ и обычаевъ, выявленный наплывомъ французскихъ и бельгійскихъ бѣженцевъ въ англійскія деревни, выражался не всегда въ католицизмѣ эмигрантовъ, противоположномъ нео-европейству хозяевъ. М-ръ Димпль имѣлъ случай наблюдать явленія обратнаго свойства. Онъ встрѣтилъ м-ра Бритлинга въ Клаверингсѣ и сталъ разсказывать ему про свои огорченія.

— Конечно, — говорилъ онъ, — нужно сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, для храброй маленькой Бельгіи. Я менѣе, чѣмъ кто-либо, сѣтую на нѣкоторыя неудобства, сопряженныя съ этимъ. Все же я долженъ сказать, что вамъ и милой миссисъ Бритлингъ особенно посчастливилось съ вашими бельгійцами. Мой гость — къ несчастью — совсѣмъ другого типа. Онъ что-то въ родѣ журналиста и къ тому же — атеистъ, настоящій откровенный атеистъ. Если бы онъ былъ только искренно сомнѣвающійся человѣкъ — это бы было ничего. Я понимаю, что у человѣка могутъ быть искреннія сомнѣнія — въ наши дни это часто бываетъ. Вотъ вѣдь мы съ вами не ссоримся изъ-за этого. Но онъ ведетъ себя вызывающимъ образомъ. Онъ смѣется надъ чудесами — и не только по-французски. Иногда онъ излагаетъ свои еретическіе взгляды на почти понятномъ англійскомъ языкѣ и въ присутствіи моей сестры. Онъ часто уходитъ, какъ онъ говоритъ, въ кафе, но такъ какъ никакого кафе у насъ нѣтъ, то онъ обходитъ всѣ портерныя въ окрестностяхъ. Когда онъ возвращается домой, отъ него страшно несетъ пивомъ. Стоитъ мнѣ деликатно намекнуть на это, какъ онъ сваливаетъ вину на пиво, говоритъ, что пиво здѣсь плохое. Это наше-то эссекское пиво — плохое! Онъ не понимаетъ простоту нашихъ нравовъ; онъ все разумѣетъ по своему. У насъ тутъ дѣвушки носятъ бельгійскіе флаги и рады при случаѣ показать, что знаютъ нѣсколько фразъ по-французски. А онъ принимаетъ это какъ поощреніе къ вольному обращенію съ

ними. Вотъ вчера, напримѣръ, произошелъ очень непріятный инцидентъ: онъ хотѣлъ поцѣловать дочь трактирщика Хиксона. И какая у него ужасная жена — толстая, неповоротливая. Все въ ней такое... обширное. Нехорошо, конечно, осуждать ближнихъ; но, право, я былъ бы ей благодаренъ, если бы она не разсаживалась кормить грудью своего младенца въ моей гостиной стараго холостяка — и въ самые неподходящіе часы. И — такъ обильно.

М-ръ Бритлингъ пытался утѣшить его.

— И все же, — продолжалъ м-ръ Димпль, — я еще въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бѣдная миссисъ Биннъ. Она взяла къ себѣ двухъ портнихъ. Она настаивала на томъ, чтобы ихъ ей предоставили. У нихъ дѣйствительно необыкновенно хорошо сшитыя платья — это даже я замѣтилъ при всемъ своемъ невниманіи къ мірской суетѣ. Она полагала, что въ такую большую семью какъ у нея, очень удобно заполучить портнихъ... онѣ опредѣленно называли себя портнихами. А теперь выяснилось... Я не знаю, что намъ и дѣлать... Представьте себѣ, дорогой м-ръ Бритлингъ, что эти молодыя женщины менѣе всего портнихи — менѣе всего.

Сквозь ужасъ добраго старика мелькнулъ слабый отблескъ улыбки.

— Онѣ сирены, дорогой мой. Профессіональныя сирены..

X.

Октябрь смѣнился ноябремъ, и м-ръ Бритлингъ открывалъ съ каждымъ днемъ все новыя стороны войны. Ему приходилось мѣнять свои первыя заключенія, провѣрять ихъ, приспособлять ихъ къ событіямъ и приходить къ новымъ выводамъ. Мысли его углублялись, и его прежнія писанія казались ему теперь мучительно плоскими, какъ бы автоматическимъ повтореніемъ общихъ мѣстъ по поводу неожиданности войны. Но чѣмъ сложнѣе и глубже становились его мысли, тѣмъ труднѣе было ихъ высказывать. Онъ сталъ меньше говорить, сдѣлался разсѣяннымъ и раздражительнымъ за столомъ. Особенно трудно ему было открыто излагать свои мысли двумъ людямъ — м-ру Диреку и м-ру Ванъ-деръ-Панту.

Оба они обнаруживали критическое отношеніе къ Англіи. М-ръ Бритлингъ самъ многое осуждалъ въ англійской дѣйствительности — таково было его право какъ природнаго англичанина. Но выслушивать сомнѣнія м-ра Ванъ-деръ-Панта въ достаточной силѣ Англіи или предполагать въ м-рѣ Дирекѣ

высокомѣрное американское презрѣніе къ войнѣ было почти тягостнѣе для м-ра Бритлинга, чѣмъ выслушивать навѣты миссисъ Харродинъ на Эдитъ, и онъ еще болѣе горячо заступался за родину, чѣмъ за жену.

По отношеніи къ м-ру Ванъ-деръ-Панту дѣло осложнялось трудностями языка, такъ какъ все, кромѣ самыхъ простыхъ утвержденій, вело къ невообразимымъ недоразумѣніямъ.

М-ръ Ванъ-деръ-Пантъ не обладалъ католическимъ тактомъ своей жены. Онъ открыто осуждалъ медлительность англійской почты и телеграфа, безтолковость и халатность администраціи на боковыхъ вѣткахъ Великой Восточной желѣзной дороги. Онъ говорилъ, что въ жизни не видалъ болѣе лѣнивыхъ рабочихъ, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ наблюдалъ за работой на поляхъ въ Матчингсъ-Изи и по близости отъ узловой станціи. Онъ удивляется также тому, что домъ м-ра Бритлинга освѣщается ацетиленомъ, а не электричествомъ. Онъ находилъ, что цѣна на свѣжія яйца непомѣрно высокая, и ему не нравился уходъ за свиньями въ Матчингсъ-Изи. Онъ возмущался дорогами, говорилъ, что онѣ проложены не для того, чтобы вести изъ одного мѣста въ другое, а представляютъ какой-то непроходимый лабиринтъ. Онъ рисовалъ пальцемъ на скатерти карикатурную карту дорогъ, расходящихся отъ Дауэръ-Хауза. Онъ удивлялся также тому, что въ Матчингсъ-Изи нѣтъ кафе, и говорилъ, что портерныя, куда онъ заходилъ, не „дома для публики", какъ ихъ называютъ въ Англіи, а кабаки, куда заманиваютъ пьяницъ... Все это м-ръ Бритлингъ и самъ сказалъ бы при случаѣ — но выслушивать такія замѣчанія отъ бельгійца ему было нестерпимо.

Онъ сталъ объяснять м-ру Ванъ-деръ-Панту, что прежде всего это не важно, что національные интересы направлены въ совершенно другую сторону, и что, во-вторыхъ, это не недостатки, а даже скорѣе слегка замаскированныя достоинства. Онъ сталъ развивать очень утѣшительную теорію, что англичане проявляютъ свою предпріимчивость не въ самой Англіи. У себя на родинѣ они воспитываются, отдыхаютъ, пріятно проводятъ время, — а работать уѣзжаютъ куда-нибудь подальше. Если бы м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ навелъ справки, то убѣдился бы, что нѣтъ такой семьи въ Матчингсъ-Изи, которая не выслала бы какого-нибудь изъ своихъ энергичныхъ представителей за предѣлы Англіи, гдѣ онъ и сдѣлался однимъ изъ англичанъ міра. Энергія англичанъ проявляется менѣе всего въ самой Англіи. У себя дома англичане живутъ благодушно и не торопливо. Всѣ изгороди, всѣ переплетающіяся дороги въ

Матчингсъ-Изи полны напоминаній о прошломъ. Есть, напримѣръ, дорога, которая сворачиваетъ отъ Маркетъ-Саффрона, чтобы обогнуть лѣсъ Турка; такъ этотъ лѣсъ названъ былъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ по имени человѣка, владѣвшаго имъ. М-ръ Бритлингъ привелъ стихи Честертона въ оправданіе извивающихся сельскихъ дорогъ:

Налѣво тутъ свернулъ нашъ путь,
Чтобъ лѣсъ сосѣдскій обогнуть.
А тутъ вдругъ поворотъ направо —
Здѣсь встарь водился песъ лукавый.

И еще:

Кружатъ дороги отъ воротъ,
Все ищутъ путь въ Круговоротъ,
Въ веселый городъ Круговоротъ,
Весь міръ втянулъ онъ въ хороводъ.

Если англійская безпечность и мѣшаетъ настоящей дѣловитости, то зато она способствуетъ юмору и гуманности. И во всякомъ случаѣ, англійская дипломатія на высотѣ своего положенія.

Онъ самъ не вѣрилъ всему этому вздору, но его побуждала говорить въ такомъ духѣ его глубокая, не считающаяся съ логикой любовь къ Англіи. Онъ годами навлекалъ на себя громы и молніи, критикуя въ печати и въ спорахъ тѣ недостатки Англіи, на которые такъ открыто указывалъ м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ... Но онъ отказывался отъ помощи посторонняго лица при анатомированіи его матери...

Другое странное вліяніе разговоровъ съ м-ромъ Ванъ-деръ-Пантомъ выразилось въ томъ, что м-ръ Бритлингъ сталъ упрямо вѣрить въ близость побѣды и пораженія Германіи. Онъ обѣщалъ м-ру Ванъ-деръ-Панту, что онъ сможетъ вернуться въ Антверпенъ уже въ маѣ, что нѣмцевъ прогонятъ за Рейнъ въ іюнѣ. Онъ отлично сознавалъ свое невѣжество въ военныхъ дѣлахъ, и все же не могъ удержаться отъ подобнаго рода пророчествъ, какъ только сталъ разговаривать на языкѣ Дружественнаго Согласія, т. е. на англо-французскомъ. Что-то въ его отношеніяхъ съ Ванъ-деръ-Пантомъ побуждало его играть роль покровительствующаго Бельгіи британца... Временами онъ чувствовалъ себя въ положеніи банкрота, который знаетъ, что онъ разоренъ, но отодвигаетъ часъ, когда это должно обнаружиться. Но во всякомъ случаѣ, страдая отъ неудобства разговора на чужомъ языкѣ и отъ сожительства съ людьми, чуждыми ему по темпераменту, онъ ясно сознавалъ одно, что честь Англіи требуетъ возстановленія Бельгіи и отмщенія за нее.

Въ то время какъ м-ръ Бритлингъ охранялъ безопасныя проселочныя дороги, занималъ м-ра Ванъ-деръ-Панта разговорами о близости побѣды и оправдывалъ недостатки Англіи, война переходила отъ стремительности начальнаго періода въ болѣе медленную и упорную борьбу. Германское отступленіе остановилось на Энѣ, и начались длинныя обходныя движенія обѣихъ воюющихъ сторонъ по направленію къ Ламаншу. Попытка англичанъ придти на помощь Бельгіи въ октябрѣ слишкомъ запоздала, чтобы спасти Антверпенъ, и послѣ долгой и сложной борьбы во Фландріи, британцамъ не удалось обойти германскаго праваго крыла. Они сдали Гентъ, Мененъ и бельгійское побережье, но удержали Ипръ и отбили всѣ попытки непріятеля дойти до Денкерка и Калэ. Тѣмъ временемъ англійскій флотъ захватилъ маленькія германскія колоніи и острова, австралійскій броненосецъ „*Сидней*", привелъ въ негодность „*Эмденъ*" у Кокосовыхъ островов, и Фалкландская битва сгладила впечатлѣніе отъ Коронельскаго пораженія британскаго флота. Россія одерживала побѣды на австрійскомъ фронтѣ, взяла Львовъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній военнаго счастья продвинулась до Перемышля и захватила большую часть Галиціи; но катастрофа подъ Танненбергомъ остановила наступленіе на восточную Пруссію, и нѣмцы шли на Варшаву. Турція вступила въ войну и терпѣла страшныя потери на Кавказѣ. Дарданеллы подверглись первой бомбардировкѣ, и британцы дошли до Басры на Ефратѣ.

XI.

Когда наступило Рождество 1914 года, Англія, до того такая же мирная съ виду, какъ Массачузетсъ, и съ такимъ же отсутствіемъ солдатъ, довольно быстро преображалась въ страну, заполненную солдатами и рабочими, изготовляющими снаряды. Прежде всего появились солдаты — въ силу общераспространеннаго британскаго принципа: „Излови сначала зайца, а потомъ построй кухню, чтобы изжарить его". — Въ прежнее время Рождество очень весело справляли въ Дауэръ-Хаузѣ, устраивались костюмированные вечера и танцы; но на этотъ разъ все было слишкомъ неопредѣленно, чтобы собирать гостей. Гю получилъ отпускъ на второй день Рождества, но Тэдди не могъ пріѣхать. Сисси и Летти поэтому уѣхали къ нему вмѣстѣ съ младенцемъ и поселились въ комнатахъ по близости отъ его лагеря. Ванъ-деръ-Панты надѣялись, что увидятъ въ Матчингсъ-Изи, какъ англичане празднуютъ Рождество, но

м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ нашелъ работу въ Нотингэмѣ и перевезъ туда семью. Мальчики приготовили елочныя украшенія изъ бумаги, но елка была отмѣнена, какъ германскій обычай. Къ большому огорченію мальчиковъ, оловянные солдатики вздорожали къ Рождеству, и у нихъ поэтому не осталось карманныхъ денегъ на покупку электрическихъ фонарей, о которыхъ они мечтали. Предполагался вечеръ на Рождествѣ въ Клавeрингсѣ, но въ послѣднюю минуту лэди Хомартинъ пришлось уѣхать къ племяннику, серьезно раненому подъ Ипромъ, и замокъ въ Клаверингсѣ погрузился въ темноту.

Вскорѣ послѣ Рождества распространились слухи о скоромъ прибытіи въ Клаверингсъ штаба главной квартиры юго-восточной арміи. Но когда м-ръ Бритлингъ зашелъ навѣстить лэди Хомартинъ послѣ ея возвращенія изъ Фландріи, онъ засталъ ее въ крайне раздраженномъ состояніи духа: оказалось, что штабъ будетъ квартировать не у нея, а у лэди Уэнслидель въ Лэдихольдѣ. Лэди Хомартинъ сочла это неуваженіемъ къ себѣ. Но она еще болѣе возмутилась, когда вскорѣ новая армія, которая наводнила всю Англію какъ весенній разливѣ, заливающій низкія поля, нахлынула на деревушки вокругъ Клаверингса въ составѣ цѣлаго батальона и территоріальной батареи. М-ръ Бритлингъ узналъ объ этомъ лишь дня за два до ихъ прибытія. Къ нему явился энергичный молодой офицеръ съ ординарцемъ для назначенія постоя. Онъ заявилъ, что очень наловчился въ искусствѣ „вливать цѣлую бутылку въ одинъ стаканъ“. Онъ былъ очень доволенъ предоставленнымъ ему амбаромъ и сказалъ, что „свободно“ помѣститъ тамъ двадцать пять солдатъ, не вторгаясь въ домъ м-ра Бритлинга. Амбаръ идеальное помѣщеніе для солдатъ.

— Я безконечно обязанъ вамъ, — прибавилъ онъ.

— А какъ насчетъ кроватей? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Кроватей? Они обойдутся и безъ нихъ, — сказалъ моло-денькій офицеръ.

Вся семья Бритлинговъ, жалѣвшая объ отъѣздѣ бельгійцевъ, очень обрадовалась постою. У нихъ опять явилось сознаніе, что они чѣмъ-то участвуютъ въ дѣлѣ войны. Миссисъ Бритлингъ пришлось въ теченіе трехъ дней кормить своихъ постояльцевъ — походная кухня, по обыкновенію, застряла гдѣ-то по пути, — и она такъ усердствовала, обкармливая солдатъ, что они надоѣли всей батареѣ, хвастая своими хозяевами. За постой каждаго солдата платили въ то время по девяти пенсовъ въ день, и м-ръ Бритлингъ, спасаясь, какъ бы не обогатиться на счетъ государства, не только не скупился на

освѣщеніе и отличное отопленіе помѣщенія для солдатъ, но снабжалъ ихъ въ неограниченномъ количествѣ папиросами, картами, играми, иллюстрированными журналами; къ ужину имъ давали какао и такіе деликатессы, какъ сардинки и пирожное съ вареньемъ. Солдаты пришли изголодавшіеся подъ командой двухъ скромныхъ капраловъ среднихъ лѣтъ; чтобы отблагодарить миссисъ Бритлингъ за ея гостепріимство, они понадавали ей много хорошихъ обѣщаній, часть которыхъ и сдержали. Они не поднимали шума послѣ половины одиннадцатаго вечера, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда всѣ вдругъ начинали громко пѣть хоромъ; они вставали и уходили въ пять или шесть часовъ утра совершенно безшумно, и предлагали сами мыть посуду и убирать свое помѣщеніе.

Миссисъ Бритлингъ вскорѣ свыклась съ тѣмъ, что человѣкъ пять шесть молодыхъ людей въ рубашкахъ и панталонахъ защитнаго цвѣта приходили въ кухню умываться, или устраивали въ неподходящее время игру въ футболъ на площадкѣ для хоккея. Постояльцы м-ра Бритлинга не были смѣшаннаго типа солдаты новыхъ армій; они принадлежали къ прежнему составу территоріальныхъ войскъ, и на нихъ не было никакого отпечатка геройства. Два капрала среднихъ лѣтъ держали ихъ въ строгомъ повиновеніи. Но въ нихъ замѣчалось странное неуваженіе къ законамъ, которое наводило м-ра Бритлинга на рядъ размышленій. Они, напримѣръ, охотились за чужой дичью безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. У нихъ была бѣлая собака, и они приносили къ ужину безчисленное количество кроликовъ. Однажды изъ кухни донесся запахъ жареной рыбы, и кухарка донесла, что тамъ жарятъ форель.

— Откуда они достали форель? — спросилъ м-ръ Бритлингъ одного изъ капраловъ.

Солдаты разъяснили, что форель изловилъ „рыбакъ" волосяной сѣткой, и привели этого рыбака, которымъ видимо гордились. Онъ разсказалъ, что научился такому способу ловить рыбу въ Нью-Іоркской гавани. Онъ былъ прежде кочегаромъ. Онъ сталъ довѣрчиво объяснять свои пріемы м-ру Бритлингу, чѣмъ поставилъ его въ положеніе сообщника своего преступленія — очень серьезнаго по законамъ и обычаямъ, существовавшимъ до войны. Форель была несомнѣнно собственностью биржевого маклера Пумшока, который разводилъ форели у себя въ пруду. Форели эти считались неприкосновенными въ Матчингсъ-Изи. Еще годъ тому назадъ одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ просидѣлъ мѣсяцъ въ тюрьмѣ за то, что выловилъ у Пумшока одну форель. Но теперь, конечно, все перемѣнилось.

— Я не люблю рѣчную рыбу, — сказалъ „рыбакъ“. — Мнѣ только занятно ловить ее.

А нѣсколько недѣль спустя трубачъ, молоденькій солдатикъ съ херувимскимъ лицомъ и синими глазами, принесъ дюжину яицъ куропатки и попросилъ кухарку сварить ихъ для него... Очевидно, и неприкосновенность птичьихъ гнѣздъ, свято соблюдавшаяся въ Англіи, отошла въ область преданій...

Вскорѣ послѣ того по дорогѣ потянулись большія полевыя орудія и въѣхали въ паркъ при замкѣ Клаверингсъ; они продѣлывали тамъ очень замысловатые маневры — съ полнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ лэди Хомартинъ, которая терпѣть не могла, чтобы топтали дорожки въ ея паркѣ.

Однажды днемъ, во время прогулки, м-ръ Бритлингъ глубоко задумался при видѣ фазана съ бѣлымъ воротникомъ, очень захудалаго съ виду. Матчингсъ-Изи былъ переполненъ теперь такими старыми птицами. Вернется ли все прежнее послѣ войны? М-ръ Бритлингъ сталъ представлять себѣ, какъ его сынъ Гю будетъ разсказывать въ старости внучатамъ о томъ, какіе прежде въ Англіи бывали парки для дичи, какіе были строгіе законы противъ браконьерства, а также про лакеевъ и дворецкихъ, про замѣчательную игру въ гольфъ, и о томъ, какъ потомъ вдругъ по странѣ пронесся богъ Марсъ въ формѣ защитнаго цвѣта, и все сразу исчезло, такъ что едва успѣли оглянуться, какъ всего прежняго не стало.

ГЛАВА III.

Озлобленіе.

I.

Въ то время, какъ англійскій пейзажъ постепенно мѣнялъ свой обликъ, и мирный, аккуратный покой его превращался въ подобіе довольно грознаго вооруженнаго лагеря, а старыя государственныя границы передвигались, таяли, и безвозвратно тратились міровые запасы силъ — м-ръ Бритлингъ исполнялъ свои обязанности спеціальнаго констэбля, отдалъ своего сына въ территоріальную армію, успѣлъ пріютить у себя въ домѣ семью бѣженцевъ-бельгійцевъ, а въ большомъ сараѣ — устроить

лазаретъ для раненыхъ, хлопоталъ объ устройствѣ Тэдди въ офицерскую школу, жертвовалъ на разные военные благотворительные фонды, продавалъ бумаги въ убытокъ, подписывался на военные займы и думалъ, безконечно думалъ о войнѣ.

Его разумъ, словно рабъ на галерѣ, былъ прикованъ къ одному мѣсту, будучи не въ силахъ оторваться, отнять руку отъ весла. Весь его внутренній міръ превратился въ какое-то магнитное поле, притягивающее все — хотѣлъ онъ этого или нѣтъ — къ этому единственному, міровому вопросу.

Мысли его, понемногу становясь крѣпче и яснѣе, стали глубже и шире. Его первоначальныя поверхностныя сужденія понемногу или подтверждались и углублялись, или же замѣнялись другими. Ночами, бродя по одинокимъ сельскимъ дорогамъ, онъ думалъ безъ конца; онъ думалъ за письменнымъ столомъ, въ постели, въ вагонѣ; провѣрялъ свои мысли въ статьяхъ и передовицахъ, перечитывалъ ихъ по нѣсколько разъ и исправлялъ. Иногда наступали минуты отдыха и усталости, но освобожденія — никогда. Война довлѣла надъ нимъ, словно грозный учитель съ розгой въ рукахъ, день за днемъ, недѣля за недѣлей, не желая считаться съ усталостью и нетерпѣніемъ.

II.

Нѣкоторыя явленія насильственно проникали въ сознаніе м-ра Бритлинга; они такъ рѣзко противорѣчили его умственнымъ привычкамъ, что онъ никогда не призналъ бы ихъ, если бъ могъ этого избѣжать.

Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ онъ никакъ не хотѣлъ признать крайняго озлобленія, вызваннаго войной. Онъ не хотѣлъ повѣрить, что нападеніе на Великобританію и Западную Европу выражало собою сконцентрированныя чувства цѣлаго народа. Онъ думалъ, что союзныя державы борются съ системой, а не съ національной волей. Онъ долго боролся противъ убѣжденія, что огромная масса великаго цивилизованнаго народа можетъ вдохновляться искренней и неустанной ненавистью. Ненависть, врожденная вражда — были для него чувствами непріемлемыми, совершенно чуждыми ему. Онъ никакъ не хотѣлъ признать, что большая часть человѣчества всегда болѣе склонна къ враждебному, нежели къ дружественному отношенію къ кому или чему-либо. И онъ всячески самъ старался повѣрить, что эта война явилась дѣломъ рукъ небольшой кучки людей, результатомъ ограниченныхъ, но очень сильныхъ вліяній, была покушеніемъ на всеобщую добродѣтель

человѣчества. Жестокость, зловредность и безсмысленность войны были такъ очевидны для него, что онъ говорилъ о нихъ, почти извиняясь. Онъ вѣрилъ, что стоитъ только вспыхнуть войнѣ и показать ей свое настоящее лицо народамъ Запада, какъ всѣ объединятся въ общемъ усиліи помѣшать ея повторенію. Всѣ, думалъ онъ, воскликнутъ въ одинъ голосъ: „Такія вещи совершенно недопустимы! Не можемъ же мы такъ расправляться другъ съ другомъ!" Въ картинѣ, которую онъ себѣ рисовалъ, онъ видѣлъ, какъ германскій имперіализмъ притягивается къ отвѣту самимъ германскимъ народомъ; онъ видѣлъ борьбу, общую катастрофу, свободомыслящую конференцію міровыхъ державъ, и всеобщее возобновленіе дружественныхъ отношеній, уже на болѣе прочныхъ и длительныхъ основаніяхъ. Онъ вѣрилъ — и очень много людей въ Англіи вѣрило вмѣстѣ съ нимъ — что большая часть германцевъ будутъ привѣтствовать побѣдоносныхъ союзниковъ, какъ своихъ освободителей отъ невыносимаго политическаго гнета.

Англичане, благодаря ихъ обособленности островитянъ, были въ теченіе безконечныхъ поколѣній диллетантами въ области политики. Эта способность относиться ко всему съ необычайной легкостью была величайшимъ ихъ порокомъ, и въ то же время величайшей добродѣтелью. Они постоянно жили въ атмосферѣ комедіи и отрицали всѣмъ строемъ своей жизни трагичность жизни вообще. Даже американцы, и тѣ были въ этомъ отношеніи куда менѣе избалованы. У американцевъ были въ свое время ихъ краснокожіе индѣйцы, ихъ негры, ихъ большая междоусобная война.

До Великой Войны 1914-го года, Ламаншъ былъ столь же широкъ, какъ и Атлантическій океанъ, въ томъ смыслѣ, что онъ представлялъ собой почти непреодолимую преграду для всякой угрозы извнѣ. Даже Ирландія, и та была далеко — четыре часа моремъ. И такимъ образомъ англичане развили въ себѣ въ полнѣйшей мѣрѣ добродѣтели и пороки комфорта и чувства безопасности. Они отъ всей души ненавидѣли науку и волненія; они не видѣли никакой необходимости въ точности и напряженности усилій. Они терпѣть не могли доходить „до крайностей". Въ концѣ-концовъ все должно, такъ или иначе, кончиться благополучно. Но они знали, что можно впутаться въ конфликтъ по винѣ энергичнаго меньшинства, знали роль, которую иногда играютъ „обстоятельства", и сочувствовали всякому народу, котораго судьба поставила въ такое положеніе. Всѣ ихъ вкоренившіяся, традиціонныя привычки дѣлали ихъ

склонными бороться и даже воевать добродушно, комфортабельно, ссориться съ правительствами, а не съ народами. И только послѣ двухъ мѣсяцевъ войны м-ръ Бритлингъ, наконецъ, понялъ, что нѣмцы воюютъ въ совершенно иномъ духѣ.

Первымъ указаніемъ на это было извѣстіе о томъ, какъ вели себя кайзеръ и берлинская толпа въ первые дни по объявленіи войны, и о томъ, какъ грубо и жестоко обращались нѣмцы съ британскими подданными, возвращавшимися на родину. Повсюду въ Германіи одинаково жестоко обращались съ ни въ чемъ неповинными подданными вражескихъ странъ, ихъ вездѣ подвергали оскорбленіямъ. Въ то время, какъ великобританскаго посла провожали изъ Германіи свистками, ругательствами и угрозами, германскій посолъ при англійскомъ дворѣ спокойно совершалъ свою прощальную прогулку по излюбленному имъ С-тъ-Джемскому парку... Одна подробность въ особенности поразила м-ра Бритлинга — разсказъ о томъ, какъ на платформѣ одной изъ станцій, мимо которой долженъ былъ проѣхать великобританскій посолъ, собрался хоръ молодыхъ женщинъ и сталъ пѣть передъ спущенными занавѣсками на окнахъ его вагона „Deutschland, Deutschland uber alles"! М-ръ Бритлингъ представлялъ себѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, по всей вѣроятности, одѣтыхъ болѣе или менѣе одинаково, въ бѣломъ, съ раскраснѣвшимися лицами и блестящими глазами, орущихъ во все горло слова пѣсни...

Затѣмъ появились разсказы о жестокостяхъ, разсказы о томъ, какъ разстрѣливали стариковъ, рѣзали и убивали дѣтей, насиловали женщинъ, о томъ, какъ раненыхъ добивали или заживо сжигали, о массовой рѣзнѣ ни въ чемъ неповинныхъ, безвредныхъ гражданъ, о грабежахъ и гнусныхъ насиліяхъ..

М-ръ Бритлингъ изо всѣхъ силъ старался не вѣрить этимъ разсказамъ. Они совершенно противорѣчили его обычному представленію о мірѣ, вызывая мучительное напряженіе его мысли. Онъ все надѣялся, что эти разсказы были переданы неправильно, что въ нихъ нарочно были сгущены краски; что всѣ эти ужасы — лишь отдѣльные акты случайно вырвавшихся на свободу преступниковъ и совершенно не связаны съ нормальными операціями войны. Возможно было, что то тутъ, то тамъ какой-нибудь слабоумный, болѣзненно-ненормальный офицеръ выкидывалъ гнусную штуку, чтобы обратить на себя вниманіе, вселить къ себѣ страхъ. Что же касается обстрѣла соборовъ и лувенскаго варварства, то м-ръ Бритлингъ готовъ былъ отстаивать, что памятники готической архитектуры не такая неприкосновенная святыня, и нечего негодовать, если, по

военнымъ соображеніямъ, въ нихъ попадаютъ снаряды. И только послѣ того, какъ война уже продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, неподдававшійся, протестовавшій умъ м-ра Бритлинга, наконецъ, принужденъ былъ, въ виду цѣлаго ряда официальныхъ сообщеній и показаній сотенъ свидѣтелей, опредѣленно признать и повѣрить въ зловѣщую дѣйствительность систематическихъ насилій и убійствъ, разрушенія, грязи и отвратительныхъ принужденій, которыми отмѣчены были первыя вторженія пруссаковъ въ Бельгію и Шампань.

Пруссаки вторглись съ ненавистью и угрозами въ насилуемыя ими страны. Они какъ-будто нарочно искали предлоговъ, чтобы совершать самыя ужасныя дѣянія... Когда они могли вносить ужасъ въ занимаемые ими дома, они старались причинять какъ можно больше разрушенія. И факты, наконецъ, схватили м-ра Бритлинга за горло...

Первое, что убѣдило м-ра Бритлинга въ коренномъ различіи между англійскимъ и нѣмецкимъ отношеніемъ къ войнѣ,— была куча нѣмецкихъ юмористическихъ журналовъ, которыя попались ему въ руки въ кабинетѣ одного пріятеля въ Лондонѣ. Журналы эти были сплошь заполнены карикатурами на союзниковъ, и въ особенности на англичанъ, и они были проникнуты необычайно сильной и страстной ненавистью. Поразительная злоба и безстыдство карикатуръ прямо ошеломили м-ра Бритлинга.

— Что же это такое? — говорилъ онъ безпомощно. — Это похоже на бредъ, на произведенія, вышедшія изъ сумасшедшаго дома!..

Во всѣхъ карикатурахъ была одна общая черта. Нѣмецкій карикатуристъ какъ-будто не могъ себѣ представить своихъ враговъ иначе, чѣмъ въ очень узкихъ брюкахъ, или совсѣмъ безъ нихъ; точно такъ же онъ не могъ себѣ представить ихъ иначе, какъ со шпагой или штыкомъ, воткнутыми въ наиболѣе неприличныя части ихъ особъ, съ фонтанами брызжущей крови. Это было лейтмотивомъ войны, какой ее себѣ представляли нѣмецкіе карикатуристы.

— Не можетъ быть, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — чтобы все это являлось характернымъ для общаго настроенія и общаго состоянія умовъ въ Германіи!

— Ошибаетесь! Именно это характерно, — сказалъ его другъ.

— Но здѣсь безуміе! Слѣпое безуміе! Это же просто грязь!

— Вся Германія сейчасъ находится именно въ состояніи слѣпого безумія, — сказалъ его другъ. — Въ то время, какъ

насъ эта война просто ошеломляетъ, и мы никакъ не можемъ повѣрить въ нее, болѣе или менѣе все еще склонны смѣяться, — въ Германіи всѣ охвачены такимъ озлобленіемъ... И, знаете, оно далеко не безсознательно! Наоборотъ, они убѣждены, что эти оскорбленія должны придать имъ силы. Они во что бы то ни стало хотятъ, чтобы у нихъ изо рта шла пѣна. Они всячески стараются, чтобы этой пѣны было какъ можно больше. И всячески взвинчиваютъ себя... до истерики... всѣмъ... этими карикатурами, литературой, поэзіей... Вы слыхали про „Гимнъ ненависти“?

М-ръ Бритлингъ не слыхалъ.

— Онъ былъ приведенъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, въ послѣднемъ номерѣ „The Spectator“. Вотъ противъ какихъ вещей мы пытаемся бороться добродушно, не позволяя себѣ крайнихъ выходокъ. Послушайте, Бритлингъ:

„Тебя мы будемъ ненавидѣть неустанной ненавистью [1]);
Мы никогда не пересилимъ нашей ненависти, —
Будемъ ненавидѣть на водѣ, ненавидѣть на сушѣ,
Ненавидѣть головой, ненавидѣть рукой,
Ненавидѣть молотомъ, ненавидѣть вѣнцомъ,
Ненавидѣть семьюдесятью милліонами, ненавидѣть до конца;
Мы любимъ, какъ одинъ человѣкъ, и такъ же ненавидимъ,
У насъ одинъ лишь врагъ, одинъ единственный:

Англія.

— Ну, что вы на это скажете? — сказалъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Что сказать? — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ послѣ паузы.— Рѣшительно ничего не понимаю.

— Этотъ „Гимнъ ненависти“ теперь поютъ и декламируютъ по всей Германіи. Авторъ его, Лиссауеръ, кажется, награжденъ орденомъ.

— Да, это какое-то бѣшеное озлобленіе! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Что мы имъ сдѣлали?

---

[1]) Dich werden wir hassen mit langem Hass,
Wir werden nicht lassen von unserm Hass,
Hass zu Wasser und Hass zu Land,
Hass der Hauptes und Hass der Hand,
Hass den Hämmer und Hass der Kronen,
Dorselnder Hass von siebzig Millionen,
Wir lieben vereint, wir hassen vereint,
Wir haben alle nur einen Feind:

ENGLAND.

— Это чудовищно! Что будетъ съ міромъ и человѣчествомъ, если одержатъ верхъ эти люди?

— Не могу до сихъ поръ этому повѣрить! Даже послѣ такихъ доказательствъ! Нѣтъ, не могу!

III.

— Видите ли, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, — я зналъ очень много совсѣмъ приличныхъ нѣмцевъ. А то, что вы мнѣ разсказываете и показываете, должно-быть, просто — какое-то недоразумѣніе... Хотѣлъ бы я знать, что заставляетъ ихъ такъ ненавидѣть насъ? По моему, мы никакихъ поводовъ къ этому не подавали.

— Это просто объясняется ихъ послѣдовательностью и цѣльностью, — сказалъ его пріятель. — Они воюютъ. А воевать значитъ — ненавидѣть!

— Я не могу представить себѣ дѣло такъ.

— Мы не отличаемся цѣльностью воззрѣній. Когда мы думаемъ о чемъ-нибудь, то мы всегда думаемъ также и о діаметрально противоположномъ. Когда мы принимаемъ какую-нибудь точку зрѣнія, то мы почти всегда оговариваемся, что, по всей вѣроятности, это мнѣніе можетъ быть одинаково несправедливо, какъ и справедливо. Мы — атмосферичны. Они же — конкретны... Вся эта грязь, эти гнусности, жестокости, несправедливости — это честная, настоящая война! Мы хотимъ дѣлать видъ, что отъ войны не бываетъ больно. Они же знаютъ, что это не такъ... Нѣмцы — простой, честный народъ. Это ихъ добродѣтель. И возможно, это ихъ единственная добродѣтель...

IV.

М-ръ Бритлингъ былъ только однимъ изъ многихъ, которые въ то время хотѣли какъ-нибудь непосредственно убѣдиться, дѣйствительно ли Германія стала такой неузнаваемой. Стремленіе узнать, понять этотъ народъ, сразу ставшій невѣроятнымъ, непонятнымъ — было однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій англійской интеллектуальной жизни въ началѣ войны. Состояніе англійскихъ умовъ сводилось къ безпредѣльному удивленію. Появился огромный спросъ на всякія нѣмецкія книги, которыя бы такъ или иначе могли разъяснить эту тайну ошеломляющаго сосредоточенія ненависти; произведенія Бернгарди, Ницше, Трейтчке, Хаустона Стюарта Чемберлена служили матеріаломъ для безчисленныхъ статей и безконечныхъ

споровъ; мелкіе клерки и рабочіе, ѣдущіе на занятія и возвращавшіеся съ работы, въ „бусахъ“, „тюбахъ“, трамваяхъ — серьезно поглощены были чтеніемъ этихъ замѣчательныхъ авторовъ. Они задавали себѣ тотъ же вопросъ, что м-ръ Бритлингъ: — на что натолкнулась Британская имперія? Они старались уяснить себѣ причины зарожденія этой бури ненависти, поднявшейся на нихъ изъ центральной Европы.

За этимъ естественно послѣдовалъ выводъ, что, вмѣсто свободомыслящей и протестующей Германіи, позади имперіализма и юнкерства стоитъ, очевидно, одинъ сплошной, объединенный, восторженный народъ; вслѣдствіе этого вполнѣ нормально было предположить, что нѣмцы — какой-то особенно извращенный и злой народъ, что они по природѣ завистливѣе, наглѣе и агрессивнѣе, чѣмъ остальное человѣчество. И на этомъ предположеніи успокоилось большинство англичанъ. Они рѣшили, что въ нѣмцахъ сидитъ ихъ особенный, однимъ имъ свойственный бѣсъ, и что поэтому съ ними надо соотвѣтственно поступать и соотвѣтственно къ нимъ относиться.

Это было второй стадіей въ процессѣ національнаго самосознанія, и она отмѣтилась началомъ шпіономаніи, первыми разоблаченіями и доносами на натурализованныхъ, т. е. принявшихъ англійское подданство иностранцевъ, и кое-какими антинѣмецкими безпорядками и погромами среди смѣшаннаго инородческаго населенія восточныхъ кварталовъ Лондона. Большинство пекарей въ Истъ-Эндѣ были германскими выходцами, и въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны они продолжали торговать, какъ ни въ чемъ ни бывало; никто ихъ не задѣвалъ. Теперь же много этихъ булочныхъ было разгромлено... Лишь въ октябрѣ англичане начали проявлять первые признаки того, что они воюютъ не только противъ политической Германіи, но и противъ германскаго народа.

Однако мысль объ особой озлобленности германской натуры еще менѣе удовлетворяла м-ра Бритлинга, чѣмъ его первоначальное сопоставленіе милитаризма и мирно настроеннаго человѣчества, соотвѣтственно воплощенное въ центральныхъ державахъ и Русско-Западномъ Союзѣ. Она логично должна была привести его къ выводу, что единственное спасеніе, единственное обезпеченіе для будущаго мира — въ полномъ уничтоженіи германскихъ народовъ. Такой выводъ былъ мало пріемлемъ для м-ра Бритлинга при его врожденной добротѣ и незлобивости. Въ концѣ-концовъ, всѣ нѣмцы, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, не были ни жестокими, ни пропитанными ненавистью. Къ этой мысли онъ неоднократно

упорно возвращался. Отъ жестокости и гнусности печатнаго слова и грязи рисунка — онъ возвращался къ мыслямъ о живыхъ людяхъ, и — въ качествѣ примѣра — вспоминалъ о молодомъ Heinrich'ѣ, который былъ къ тому же настоящимъ нѣмцемъ изъ нѣмцевъ, типичнѣйшимъ пруссакомъ изъ пруссаковъ.

И временами только этотъ молодой Heinrich и становился между м-ромъ Бритлингомъ и убѣжденіемъ, что Германія и вся германская раса, въ сущности, народъ лицемѣрныхъ разбойниковъ, народъ злой и жестокій. Молодой Heinrich превращался какъ бы въ адвоката своего народа передъ трибуналомъ разума м-ра Бритлинга (и на плечѣ его возсѣдала нелѣпо избалованная бѣлочка). Свѣжее, розовое, наивное и серьезное лицо Heinrich'а, его рука, поправляющая пенснэ; его „виноватъ, пожалуйста" — какъ-то всегда заступались и настаивали на кассаціи приговора м-ра Бритлинга.

Со дня своего отъѣзда Heinrich прислалъ двѣ открытки, адресованныя „семьѣ Бритлингъ", и одно письмо черезъ посредство американскаго издателя сочиненій м-ра Бритлинга. Кромѣ того, онъ еще прислалъ привѣтъ черезъ знакомаго въ Норвегіи. На открыткахъ было всего по нѣсколько словъ, отмѣчающихъ этапы въ путешествіи взволнованнаго пасифиста черезъ Голландію къ мѣсту призыва. Письмо, посланное черезъ Америку, пришло мѣсяца два спустя послѣ открытокъ. Изъ него явствовало, что Herr Heinrich съ головокружительной быстротой былъ превращенъ въ солдата. Его обучали въ теченіе трехъ недѣль, затѣмъ онъ провелъ двѣ недѣли въ госпиталѣ, лѣчась отъ серьезной простуды, и, наконецъ, былъ отправленъ въ Бельгію въ качествѣ обознаго возчика — отецъ его былъ торговцемъ лошадьми, и Heinrich былъ знакомъ съ лошадьми и уходомъ за ними.

„Если что-нибудь со мной случится, — писалъ онъ, — очень прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы моя скрипка была доставлена въ цѣлости и сохранности моей матери".

Характерно было, что онъ сообщалъ о томъ, какъ онъ „хорошо устроился на квартирѣ" въ Куртрэ „у очень милыхъ людей". Правда, ихъ любезность обусловливалась кое-какими стѣсненіями для постояльца.

„Мы никогда не говоримъ о войнѣ, — добавилъ онъ, — лучше этой темы здѣсь не касаться".

Въ послѣднемъ письмѣ, пришедшемъ черезъ Норвегію, онъ упоминалъ опять о скрипкѣ и оплакивалъ уютъ и сытный столъ своего постоя въ Куртрэ. Онъ, оказывается, послѣ Бельгіи

побывалъ въ Познани и теперь находится на Карпатахъ, по колѣно въ снѣгу, и вообще ему „очень неуютно".

А потомъ совсѣмъ прекратились всякія вѣсти о немъ.

Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а писемъ отъ него не было.

— Что-нибудь съ нимъ приключилось! Можетъ-быть, онъ попалъ въ плѣнъ!

— Не дай Богъ, чтобы съ нашимъ милымъ Heinrich'омъ приключилось серьезное что-нибудь... Можетъ-быть, онъ раненъ!..

— Или, быть-можетъ, просто-напросто, цензура задерживаетъ его письма...

V.

М-ръ Бритлингъ временами подолгу сидѣлъ въ своемъ креслѣ, уставившись въ пламя камина, и вызывалъ въ памяти противорѣчивыя воспоминанія о Германіи — о пріятной странѣ и милыхъ людяхъ... Еще сравнительно недавно, въ 1911 г., вся семья Бритлинговъ совершила путешествіе вверхъ по Рейну, изъ Роттердама, посѣтила рядъ большихъ городовъ и провела пріятный солнечный мѣсяцъ въ Нейнкирхенѣ, въ Оденвальдѣ.

Эта маленькая деревушка гнѣздится высоко среди горъ, и въ самомъ центрѣ ея стоитъ маленькій отель, большая липа и... Адамъ Мейеръ. Или, вѣрнѣе, тамъ былъ Адамъ Мейеръ. Тамъ ли онъ теперь или нѣтъ, кто можетъ сказать? И если онъ даже доживетъ до ста лѣтъ, то ни одинъ добродушный англичанинъ не придетъ больше пѣшкомъ по „Синему Треугольнику" или „Бѣлой Дорогѣ", чтобы отдохнуть подъ его гостепріимнымъ кровомъ. Между ними теперь текутъ рѣки крови, и встали тысячи воспоминаній о ненависти...

Вся деревушка жила исключительно гостепріимствомъ. Не только отель, но всѣ дома на площади съ липой, домъ сапожника, почтовой конторы, слѣдующій бѣленькій домикъ — всѣ были заселены лѣтними гостями Адама Мейера. И всюду и вездѣ вертѣлся и царилъ Адамъ Мейеръ; онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣ его постояльцы ѣли, какъ слѣдуетъ, отдыхали, какъ слѣдуетъ, наслаждались музыкой, не пропускали лунныхъ вечеровъ... Онъ даже иногда забывалъ о прибыляхъ, въ своемъ увлеченіи гостепріимствомъ; въ этомъ хозяинѣ гостиницы жила страстная любовь художника къ своему дѣтищу — отелю.

Музыка, луна, простая нѣмецкая сентиментальность, здоровье, веселые нѣмецкіе голоса, большой пикникъ въ Stuhlwagen'ѣ, аккуратныя, сдержанныя нѣмецкія игры, въ которыя маленькіе Бритлинги играли съ другими дѣтьми, длинная прогулка пѣшкомъ, которую Гю совершалъ съ Куртомъ и Карломъ, и, наконецъ, вѣнецъ всего — настоящій балъ, съ цыганскимъ оркестромъ, гдѣ-то разысканнымъ м-ромъ Бритлингомъ, балъ, въ которомъ нѣмцы открыли англичанамъ цѣлую систему интересныхъ „фантовъ" и „котильоновъ" съ корзинами, картофелями и всякими „штрафами", а англичане обучили нѣмцевъ вольностямъ „ту-степа". И всѣ хоромъ пѣли „Британія, правь надъ морями" и „Deutschland, Deutschland uber alles", и Адамъ Мейеръ всталъ на стулъ и произнесъ потрясающую рѣчь, конечно, на мѣстномъ діалектѣ, и было выпито безконечное количество пива и сироповъ, при свѣтѣ луны, подъ липой...

Затѣмъ послѣдовалъ усиленный обмѣнъ открытками и привѣтствіями, которому положила конецъ только война.

Милые, славные люди были эти нѣмцы! Они искренно и глубоко любили солнце и природу, и Frich auf казался имъ самымъ естественнымъ изъ національныхъ лозунговъ. М-ръ Бритлингъ вспоминалъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ состояло это собраніе „дачниковъ", вспоминалъ ихъ смѣшныя, вызывающія зелено-синія шапочки съ неизмѣннымъ перомъ, воткнутымъ сзади за ленту, добродушныя, круглыя, откормленныя физіономіи съ вздернутыми носами; вспоминалъ свѣтловолосыхъ, усидчивыхъ, малоподвижныхъ женщинъ, столь искушенныхъ въ жизненномъ комфортѣ, уютѣ, такихъ добрыхъ по отношенію къ дѣтямъ; вспоминалъ серьезность, съ которой нѣмцы наслаждались пейзажемъ, относились къ искусству и великимъ писателямъ, ихъ любовь къ пѣнію, ихъ покорную податливость и подчиненіе всѣмъ распоряженіямъ Адама Мейера. Онъ вспоминалъ тихій, спокойный южно-германскій ландшафтъ, разстилающійся и уходящій вдаль, маленькіе, чистенькіе, крытые красной черепицей городки, старые замки, большія богатыя фермы и хозяйства, аккуратно проведенныя дорожки и тропинки для пѣшеходовъ, гостепріимные, маленькіе отели и обильные, безхитростные Äussichtsthurm'ы.

Всѣ эти воспоминанія теперь вставали передъ глазами, словно сквозь какой-то покровъ невыразимой печали... какъ картины утраченнаго міра, куда-то канувшаго въ вѣчность, подобно погрузившимся на дно моря городамъ...

Милые, славные люди, въ залитой солнцемъ странѣ! И тутъ же, неумолимо, безжалостно вторгались въ его память

убійства въ Visé, рѣзня Динана, рѣзня Лувена, сознательныя, жестокія убійства, гнусныя насилія, совершенныя надъ ни въ чемъ неповиннымъ народомъ.

И эти двѣ картины никакъ не укладывались рядомъ въ его мысляхъ. Когда онъ думалъ о вѣроломствѣ вторгнувшагося врага, о прекрасныхъ разрушенныхъ городахъ Бельгіи, сожженныхъ селеніяхъ, долинахъ Арденнъ, наполненныхъ кровью, пламенемъ и ужасомъ — онъ весь кипѣлъ справедливымъ негодованіемъ; оно на время совершенно убивало въ немъ его прежнюю дружелюбность и даже благосклонность къ Германіи и будило въ немъ желаніе слышать о смерти, еще о смерти и опять о смерти въ каждомъ германскомъ городкѣ и каждой германской семьѣ.

VI.

Трудно будетъ повѣрить читателю болѣе счастливыхъ будущихъ дней,— если это блѣдное описаніе переживаній современника когда-нибудь попадетъ въ руки такому читателю,— насколько умственная жизнь м-ра Бритлинга была поглощена въ это время ужасами и звѣрствами войны. Напрасно и безнадежно строить теперь догадки о томъ, какъ отнесется будущій читатель къ этой войнѣ, какъ онъ ее себѣ будетъ представлять. Можетъ-быть, она ему покажется явленіемъ съ крупными драматическими контурами или просто покажется явленіемъ справедливымъ, логичнымъ, необходимымъ, сжиганіемъ многихъ преградъ, уничтоженіемъ многихъ препятствій. М-ръ Бритлингъ былъ слишкомъ близокъ къ грязи, страданіямъ и огню, чтобы утѣшать себя болѣе широкими, ландшафтными перспективами. Каждый день какая-нибудь новая жестокая подробность запечатлѣвалась въ его мозгу. Чаще все это былъ безхитростный разсказъ какого-нибудь бельгійскаго бѣженца. Вотъ, напримѣръ, въ селѣ нашла пріютъ дѣвушка изъ Алоста, которая слышала стрѣльбу, означавшую разстрѣлъ мирныхъ гражданъ, разстрѣлъ хорошо ей знакомыхъ людей, сосѣдей; она видѣла запятнанную кровью стѣну, у которой умерли два ея кузена, залитый кровью песокъ, по которому проволокли ихъ тѣла. Въ ихъ домикѣ, гдѣ она жила съ больной матерью, были расквартированы три нѣмецкихъ солдата; они свободно разсказывали о бойняхъ, въ которыхъ участвовали. Одинъ изъ нихъ въ мирное время былъ школьнымъ учителемъ, и ему пришлось, какъ онъ разсказывалъ, убить женщину и ребенка. Дѣвушка ему не повѣрила было. Да, онъ это сдѣлалъ! Конечно, онъ это сдѣлалъ! Его начальство приказало ему это сдѣлать, и

офицеръ самъ наблюдалъ за исполненіемъ приказа. Нельзя было не исполнить его. Но съ тѣхъ поръ онъ совершенно лишился сна, не въ силахъ былъ забыть...

— Мы должны были наказать этихъ людей,— говорилъ онъ.— Они въ насъ стрѣляли. И, кромѣ того, офицеръ былъ пьянъ. Съ нимъ нельзя было разговаривать или спорить. У этого офицера вообще былъ отвратительный характеръ; онъ былъ необыкновенно упрямъ, даже когда бывалъ трезвъ...

М-ръ Бритлингъ нѣсколько разъ пытался представить себѣ этого молодого учителя-солдата въ Алостѣ. Онъ воображалъ его себѣ съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ и водянистыми, голубыми, близорукими глазами, въ очкахъ, и съ этимъ воспоминаніемъ о совершенномъ имъ убійствѣ...

Или это былъ какой-нибудь другой случай, какой-нибудь примѣръ убійства и жестокости, совершенныхъ нѣмцами въ Антверпенѣ, про который ему разсказывалъ м-ръ Ванъ-деръ-Пантъ. Нѣмцы въ Бельгіи сплошь и рядомъ разстрѣливали женщинъ не только по подозрѣнію въ шпіонствѣ, но даже за ничтожные проступки.

Затѣмъ произошелъ набѣгъ нѣмецкаго флота на англійскіе курорты Уитби и Скарборо, гдѣ среди другихъ жертвъ были убиты дѣти по дорогѣ въ школу. Это привело м-ра Бритлинга прямо въ неистовство и возмутило его еще больше, чѣмъ преступленія, совершенныя въ Бельгіи. Вѣдь это были англійскія дѣти. И еще у себя дома... Потопленіе же миной парохода, биткомъ набитаго бѣженцами изъ Фландріи, наполнило его мысли ужасающими картинами на много дней.

М-ра Бритлинга весьма мало утѣшалъ доводъ, что, въ концѣ-концовъ, англійскіе семейные очаги и женщины и дѣти подвергаются той же участи, которой десятки разъ суда англійскаго флота подвергали ни въ чемъ неповинное населеніе деревень Африки и Полинезіи.

Съ каждымъ мѣсяцемъ война становилась все болѣе ожесточенной и безжалостной. Въ началѣ 1915 года германцы начали свою подводную войну, и нѣкоторое время мысли и заботы м-ра Бритлинга были всецѣло поглощены участью матросовъ и пассажировъ потопленныхъ судовъ. Онъ съ ужасомъ отмѣчалъ, что германскія субмарины все чаще топятъ суда безъ предупрежденія, и онъ ни какъ не могъ понять безпощадной рѣшимости, съ которой подводныя лодки рисковали гибелью при каждомъ своемъ нападеніи на непріятельскія судна. Вѣдь нѣмцы вели подъ водой борьбу съ морской силой куда болѣе могущественной, болѣе опытной и умѣлой, болѣе

суровой и молчаливой, чѣмъ ихъ собственная. И только много мѣсяцевъ спустя м-ръ Бритлингъ узналъ подробности подводной блокады. Субмарина за субмариной выходили изъ германскихъ портовъ въ Сѣверное море, чтобы больше никогда не вернуться. Не печаталось никакихъ отчетовъ о взятыхъ плѣнныхъ, никакихъ хвастливыхъ сообщеній. Одна нѣмецкая подводная лодка за другой исчезала въ леденящей тайнѣ... Только позже до м-ра Бритлинга стали доходить смутные толки и шопотомъ передаваемыя подробности, которыя дали ему нѣкоторое представленіе о безшумной, мертвой хваткѣ, отыскивавшей въ волнахъ свою жертву.

За преступнымъ потопленіемъ „Фалады“, когда, будто бы, нѣмецкіе матросы насмѣхались надъ тонущими жертвами, послѣдовало потопленіе „Лузитаніи“. Это вызвало волну подлиннаго гнѣва во всей Британской имперіи. Ненависть начала, наконецъ, порождать ненависть. Произошли крупные безпорядки въ Англіи и южной Африкѣ. Злосчастные мелкіе парикмахеры, булочники и лавочники-нѣмцы еле спасали свою жизнь бѣгствомъ, и заплатили своими разгромленными магазинами и разрушенными домами за минутное удовлетвореніе кайзера и Баллина. Десятки нѣмецкихъ домовъ въ Англіи были разрушены и разграблены; сотни нѣмцевъ подверглись избіеніямъ и оскорбленіямъ. Война есть война. Вслѣдъ за бурей, вызванной потопленіемъ „Лузитаніи“, появился отчетъ слѣдственной комиссіи Брайса, съ подавляющимъ рядомъ свидѣтельствъ и подробностями безчисленныхъ актовъ жестокости и безсмысленной безчеловѣчности и насилія въ Бельгіи, въ занятыхъ врагомъ частяхъ Франціи. Пришли и неслыханныя мученія „газовъ“, примѣненіе струй пламени и новое усиленіе жестокостей полевой войны. Одно время казалось, что на западномъ фронтѣ перестанутъ брать въ плѣнъ, а будутъ приканчивать сдавшихся. Разсказы о мученіяхъ и о звѣрствахъ, разсказы изъ порядка тѣхъ, что появляются ниоткуда и изъ ничего и отравляютъ человѣческій разумъ, и толкаютъ его на отвѣтныя звѣрства... Разсказы эти появлялись и распространялись по обоимъ враждующимъ фронтамъ.

Дѣйствительность была достаточно жестока и безъ всякихъ слуховъ. За обѣдами у знакомыхъ м-ръ Бритлингъ слышалъ разсказы изъ первыхъ рукъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ о жестокостяхъ и озлобленіи. Въ памяти его особенно запечатлѣлся одинъ разсказъ о томъ, какъ группа англійскихъ плѣнныхъ, направлявшаяся въ Германію, на одной изъ станцій была отдѣлена отъ французскихъ товарищей по

несчастью и должна была добѣжать къ своему поѣзду „сквозь строй“ между двумя рядами германскихъ солдатъ, пустившихъ въ ходъ кулаки и штыки. Были еще другіе разсказы, тоже провѣренные и достовѣрные, о томъ, какъ у этихъ же плѣнныхъ отнимали шинели въ самые лютые морозы, какъ на нихъ натравляли собакъ, отдѣляли ихъ отъ соотечественниковъ, сажали въ бараки съ русскими и поляками, съ которыми они не могли разговаривать. Такъ приносилъ свои плоды „Гимнъ ненависти“ Лиссауера въ видѣ тысячи жестокостей, которымъ подвергались раненые и беззащитные люди. Англичане лишили Германію второй такой легкой побѣды, какъ въ 1871 году, и ихъ надо было наказать. Такова была, очевидно, германская психологія. На одной станціи въ Германіи какая-то нѣмка вышла изъ поѣзда и перебѣжала платформу только для того, чтобы плюнуть въ лицо англійскому плѣнному... Но такого рода явленія не были монополіей какой-нибудь одной изъ воюющихъ сторонъ. На собраніи журналистовъ м-ръ Бритлингъ познакомился съ блѣднолицей, рѣшительной женщиной, которая только что вернулась съ сѣвера Франціи, гдѣ работала въ качествѣ сестры милосердія. Она разсказывала о раненыхъ, цѣлыми днями лежавшихъ на кучахъ угля въ угольныхъ складахъ, о недостачѣ сестеръ милосердія и всякаго рода медикаментовъ, о рѣшительномъ отказѣ отпускать хоть малую часть перевязочныхъ и медицинскихъ средствъ на нужды нѣмецкихъ „свиней“. „Зачѣмъ они пришли сюда? Нужно сперва удовлетворить нужды нашихъ солдатъ! Почему они не оставались у себя дома? Пусть теперь издыхаютъ“.

Два солдата, которымъ было поручено доставить на носилкахъ въ перевязочный пунктъ раненаго германскаго офицера, по дорогѣ начали его „качать“, отъ чего онъ чуть не умеръ.

— Онъ долженъ былъ спасибо сказать, что такъ легко отдѣлался!...

— Наши солдаты далеко не всѣ ангелы,— сказалъ веселый молодой капитанъ, только что вернувшійся съ фронта.— Если бы вы слышали, какъ небольшая группа нашихъ солдатъ изъ Истъ-Энда разсказывала о томъ, что они намѣрены дѣлать, когда попадутъ въ Германію, у васъ бы волосы встали дыбомъ.

— Но это просто разговоры, пустая болтовня! — возразилъ нерѣшительно м-ръ Бритлингъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

И бывали времена, когда такіе чудовищные факты словно крѣпкой тюремной стѣной окружали мысль м-ра Бритлинга, и, казалось, не было ей спасенія.

И ему становилось стыдно своего единственнаго утѣшенія: раньше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ черезъ два года Гю не будетъ отправленъ на фронтъ. А къ тому времени навѣрное будетъ заключенъ миръ.

VII.

Еще острѣе, чѣмъ эти разсказы о глупыхъ, безсмысленныхъ жестокостяхъ и разрушеніяхъ, мучилъ м-ра Бритлинга фактъ полнѣйшаго банкротства англійской мысли, переходъ отъ первой фазы бодрости и объединенныхъ усилій къ состоянію брюзжанія и недовольства.

Слишкомъ долго развращалась англійская жизнь фикціями лойяльности, фикціями національной набожности при офиціальной церкви и свободы въ государствѣ, управляемомъ политиканами, фикціями справедливости при экономической системѣ, въ которой рекламистъ, кулакъ и ростовщикъ имѣютъ явное преимущество надъ производителемъ и рабочимъ; слишкомъ долго длилось все это, для того чтобы англичане могли теперь крѣпко удержаться на какой-нибудь высокой нотѣ героическаго усилія. Англійская жизнь купила свой комфортъ и уютъ цѣной деморализаціи своихъ слугъ. У нея не было никакихъ безусловно честныхъ органовъ; духъ ея былъ затемненъ и затуманенъ накопившимися за столѣтія условностями. И поставленная, наконецъ, лицомъ къ лицу съ озлобленной враждебностью, съ могущественнымъ, но безсовѣстнымъ врагомъ, съ врагомъ, использовавшимъ въ безпримѣрной полнотѣ всѣ уроки науки и таланта — она какъ-будто на первое время дѣйствительно вдохновилась и стала проявлять необычайную энергію и единеніе. Особенно въ этомъ отношеніи блеснула молодежь и простонародье. Молодые люди всѣхъ классовъ пошли воевать и умирать, вдохновляемые прекрасной мечтой. Легкомысліе и беззаботность исчезли было съ перваго плана картины, — но только для того, чтобы прокрасться назадъ, когда прошло первое возбужденіе. Очень скоро мужчины постарше, искушенные временемъ и опытомъ политическіе дѣятели, крупные землевладѣльцы и купцы, очаровательныя женщины и обычный потребитель — начали какъ бы „оправляться“ отъ этой вспышки духовнаго подъема. Снова восторжествовали старыя привычки мышленія и дѣйствія. Война, начавшаяся столь драматично, все не достигала апогея; не было ни быстраго героическаго пораженія, ни быстрой героической побѣды. Зато наступила нерѣшительность; это наиболѣе тяжелое испытаніе для всѣхъ недисциплинированныхъ народовъ. Были большіе

промежутки безъ яркихъ событій, крайне утомительные. Еще прежде чѣмъ разгорѣлась битва на Изерѣ, война утратила свою драматичность. Она перестала быть трагедіей или торжествомъ; для обѣихъ сторонъ она сдѣлалась лишь чудовищнымъ напряженіемъ и растратой національныхъ силъ. Подъ этимъ напряженіемъ и давленіемъ сломилось національное достоинство Англіи и раскрыло злобность, быть-можетъ, менѣе сосредоточенную и интенсивную, чѣмъ германская, но, пожалуй, еще болѣе прискорбную. Не было въ Англіи чисто-отеческаго правительства, которое воспитало бы англійскій духъ и англійскій народъ для воспріятія патріотическихъ цѣлей. И народъ сталъ нетерпѣливъ, началъ брюзжать, какъ плохо дисциплинированный больной; онъ направлялъ всѣ свои мысли и недовольство не только противъ врага, но и противъ воображаемыхъ предателей и лицъ, избѣгавшихъ военной службы. Онъ тратилъ свою энергію на все расширявшуюся сѣть внутреннихъ ссоръ, распрей и взаимныхъ обвиненій. То виновата была коварная безпечность Асквита, то пропитанный германской культурой, подозрѣваемый въ германофильствѣ лордъ-канцлеръ, лордъ Холдэнъ, то первый лордъ адмиралтейства, тормозившій якобы дѣятельность флота; начались поиски германскихъ шпіоновъ и травля лицъ германскаго происхожденія во всѣхъ слояхъ общества, кромѣ высшихъ, разоблаченія то „предателей", то людей „слишкомъ богатыхъ фантазіей", то ученыхъ, то личныхъ друзей главнокомандующаго, то одной группы, то другой... И каждый день м-ръ Бритлингъ читалъ свои три-четыре газеты съ возраставшимъ чувствомъ разочарованія и досады.

Когда же онъ переходилъ отъ газеты къ разбору своей корреспонденціи, то убѣждался, что любители писать анонимныя письма не сидѣли, сложа руки.

Случалось, что въ какой-нибудь изъ своихъ статей м-ръ Бритлингъ говорилъ мимоходомъ, что, въ концѣ-концовъ, и нѣмцы люди, или что если бы Англія еще въ восьмидесятыхъ годахъ послушалась Матью Арнольда, англійскіе офицеры, кромѣ доблести и добродушія, имѣли бы теперь еще одно качество — хорошую военную подготовку. Можетъ-быть, онъ, самъ того не замѣчая, вносилъ немного ѣдкости и раздражительности въ свои замѣчанія. И въ отвѣтъ на это на него сыпались злобные попреки:

— „Кто вы-то, сэръ? Что вы-то, сэръ? Какое имѣете вы право, сэръ? На какомъ основаніи вы, сэръ?.."

VIII.

„Жизнь родилась въ мученіяхъ. На каждомъ изъ насъ лежитъ переданное намъ отъ предковъ проклятіе пятидесяти милліоновъ убійствъ“.

Такъ вылились въ слова мысли м-ра Бритлинга въ одну темную мартовскую ночь, когда онъ, продрогшій, разстроенный, грустный бродилъ по заросшей камышомъ лужайкѣ подъ пасмурнымъ, насупившимся небомъ. Предсмертный визгъ какого-то маленькаго звѣрька, попавшаго гдѣ-то вдали въ западню — навелъ его на такой строй мыслей.

„Жизнь, борющаяся подъ проклятіемъ рожденія! — подумалъ онъ. — Какъ часто я возвращаюсь теперь къ зачаткамъ христіанской теологіи!.. И затѣмъ — искупленіе черезъ пролитіе крови!“

„Жизнь, — словно непокорный ребенокъ, — борется противъ узъ ненависти, сдѣлавшихъ ее тѣмъ, что она есть!“

Но въ сущности, таково было представленіе м-ра Бритлинга о гностицизмѣ, а не объ ортодоксальномъ христіанствѣ. И онъ на время погрузился въ поблекшія уже воспоминанія когда-то прочитанныхъ сочиненій по теологіи. Въ чемъ, собственно, была сущность гностицизма? Что Богъ Древняго Завѣта былъ бѣсомъ Новаго? Но это была идея, созданная манихеянами...

И м-ръ Бритлингъ, бродя среди черныхъ изгородей, очень скоро отвлекся отъ своихъ усилій вспомнить сущность древнихъ исканій человѣчества и вернулся къ болѣе прочнымъ и долговѣчнымъ загадкамъ, которыя пережили тысячи изслѣдованій и исканій. Была ли ненависть необходима въ прошломъ, необходима ли она теперь, и будетъ ли она всегда необходима? Неужели вся жизнь лишь вѣчная борьба? Заяцъ очень быстроногое животное; онъ живетъ острой, напряженной жизнью и благодаря хорьку не вырождается въ болѣзненное ползущее существо, питающееся травами. Если бы не было хорька-войны, во что бы превратилась жизнь?.. Война, правда, убійство, но развѣ миръ — не вырожденіе, не разложеніе?

Въ теченіе этихъ одинокихъ ночей первой зимы войны, бродя въ одиночествѣ по полямъ и дорогамъ, м-ръ Бритлингъ задумалъ новую книгу, которая должна была проникнуть безконечно глубже въ сущность явленій, чѣмъ поверхностная брошюра „Теперь пришелъ конецъ войнѣ“. Новая книга должна была называться: „Анатомія Ненависти“. Она должна была подробно изслѣдовать функцію ненависти, какъ корректива къ жизненной

неприспособленности и неподготовленности. До тѣхъ поръ, пока люди будутъ лѣнивы, они должны быть и жестоки.

Несмотря на все свое отвращеніе къ войнѣ, м-ръ Бритлингъ сознавалъ, что невозможно утверждать, будто какое угодно мирное состояніе лучше состоянія войны. Если войны вызываютъ разрушеніе и жестокость, то миръ, въ свою очередь, рождаетъ лѣнь, халатность, извращенность, жажду къ наживѣ и эгоистическія наклонности. Война дисциплина для зла, но миръ часто ведетъ къ уклоненію отъ добра. Бѣдные одинаково страдаютъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Накапливающіяся силы худого мира, злобность и разрушенія войны — лишь обратныя стороны медали плохо налаженныхъ человѣческихъ отношеній. Неужели невозможенъ какой-нибудь высшій миръ? Не просто временный отдыхъ или передышка отъ убійствъ и разрушеній, а полоса благородной и творческой жизни, полоса созиданія, открытій, красоты и исканія? Онъ вспомнилъ, какъ вспоминаютъ о мертвыхъ, свои былыя мечты о большихъ городахъ, о чудесныхъ свободахъ, о грядущихъ вѣкахъ, о волшебномъ расширеніи возможностей, открывающихся человѣку, о грядущей наукѣ, которая будетъ свѣтомъ, о грядущемъ искусствѣ, которое будетъ силой...

Но развѣ тотъ „бывшій", „до-военный" миръ, въ которомъ мы жили, поднялся бы когда-нибудь до такой высоты?

Въ концѣ-концовъ, развѣ всѣ эти прежнія ожиданія не были праздными мечтами? Что сдѣлала война какъ не то, что просто сняла маску съ дѣйствительности?

Онъ подошелъ къ калиткѣ и облокотился на нее.

Вокругъ него мелкимъ дождемъ моросила тьма; онъ поднялъ воротникъ пальто и сталъ смотрѣть, какъ изъ ночной тьмы собирались навстрѣчу зарѣ смутные контуры деревьевъ и изгородей. Ему было холодно, хотѣлось ѣсть; онъ усталъ.

Можетъ-быть, онъ вздремнулъ; по крайней мѣрѣ, у него было видѣніе, очень ясное и реальное, совсѣмъ не похожее на какой-нибудь сонъ объ Утопіи.

Ему показалось, что внезапно на морѣ подъ огромнымъ пароходомъ взорвалась мина; мужчины и женщины кричали, плакали, дрожали и метались, словно безумные; красное пламя озарило бичуемыя дождемъ огромныя черныя волны. И вдругъ картина измѣнилась, и открылся большой бой на сушѣ; сквозь дождь пробивались лучи прожекторовъ, зловѣще взрывались снаряды; взадъ и впередъ, черными силуэтами на фонѣ краснаго пламени, метались люди съ ружьями на перевѣсъ и съ тускло сверкающими штыками; они бѣжали и падали, спотыкались

о кочки, тонули въ грязи, и, наконецъ, съ крикомъ, едва слышнымъ сквозь вой вѣтра, прыгали во вражескіе окопы...

Потомъ все исчезло; онъ былъ снова одинъ и глядѣлъ черезъ мокрое черное поле на смутныя очертанія безформенныхъ деревьевъ.

IX.

И вдругъ эта внезапная и потрясающая злобность войны, которая до сихъ поръ была лишь гноящимся наростомъ разсказовъ, сообщеній и слуховъ, протянула свою руку въ Эссексъ и вонзила жестокую стрѣлу въ самое сердце м-ра Бритлинга. Однажды подъ вечеръ пришла телеграмма изъ Фильмингтона-на-морѣ, гдѣ тетя Уильширъ отдыхала въ одномъ пансіонѣ, послѣ круга визитовъ по родственникамъ. Въ телеграммѣ было сказано, что она „очень серьезно ранена" во время ночного налета цеппелиновъ. Это былъ налетъ, о которомъ даже не упомянули въ утреннихъ газетахъ. И она выразила желаніе повидать м-ра Бритлинга.

На сжатомъ телеграфномъ языкѣ фраза гласила такъ:

„Желателенъ немедленный вашъ пріѣздъ".

Миссисъ Бритлингъ помогла ему наскоро уложить чемоданъ и поѣхала съ нимъ на станцію, чтобы самой привести обратно автомобиль, такъ какъ мальчикъ садовника, который до сихъ поръ исполнялъ у нихъ обязанности шоффера, недавно поступилъ рабочимъ на заводъ, работающій на оборону. М-ръ Бритлингъ сидѣлъ въ тихо плетущемся поѣздѣ, который везъ его на узловую станцію, гдѣ онъ долженъ былъ пересѣсть на другой поѣздъ въ Фильмингтонъ, и никакъ не могъ представить себѣ, что приключилось со старухой. Онъ даже какъ-то нелѣпымъ образомъ негодовалъ на нее за ея привычку вмѣшиваться въ дѣла, которыя ея совершенно не касаются. Она всегда была такой крѣпкой и здоровой особой, что онъ никакъ не могъ представить себѣ, что она серьезно ранена.

Но онъ увидѣлъ въ госпиталѣ, что она весьма серьезно пострадала. Полъ-тѣла ея было буквально разорвано на части, но верхняя половина туловища осталась невредимой и лежала на подушкахъ. Ужасъ забинтованныхъ сломанныхъ ногъ и разорваннаго тѣла прикрытъ былъ простынями и одѣяломъ. Какъ ему объяснили, ей пришлось вспрыснуть морфія, чтобы хоть немного утолить мучительныя боли; но скоро, быть-можетъ, она снова будетъ очень мучиться и страдать. Она лежала въ постели, словно возсѣдая на тронѣ, блѣдная, покойная и тихая; ея рѣзкій профиль съ большимъ носомъ, разметавшіеся

волосы и свойственный ей отпечатокъ достоинства дѣлали ее похожей скорѣе на какого-нибудь очень важнаго, очень пожилого мужчину, въ родѣ престарѣлаго папы, чѣмъ на женщину. Она не произнесла ни одной фразы послѣ того, какъ ей сдѣлали перевязку, забинтовали и уложили въ постель, кромѣ словъ:

— Пошлите за Бритлингомъ, Дауэръ-Хаузъ, Матчингсъ-Изи. Онъ лучшій изъ всей оравы...

И еще послѣ того, какъ ей сообщили, что телеграмма отправлена, она все же продолжала ясно и отчетливо повторять его адресъ и свое вышеприведенное мнѣніе о немъ.

М-ръ Бритлингъ не могъ понять сначала, сознаетъ она его присутствіе или нѣтъ.

— Это я, тетя Уильширъ! — сказалъ онъ.

Она не подала ни малѣйшаго знака.

— Вашъ племянникъ!

— Подло и возмутительно! — произнесла она очень отчетливо.

Она думала не о м-рѣ Бритлингѣ, а о чемъ-то другомъ.

Она продолжала:

— Зачѣмъ имъ сообщили, что я здѣсь?.. Вѣдь у нихъ всюду шпіоны... И сейчасъ въ этой комнатѣ тоже сидитъ шпіонъ.. Или что-то очень похожее на шпіона. Меня хотятъ увѣрить, что это грѣлка... Вздоръ!.. Это шпіонъ!.. Я знаю, знаю, что это нелѣпо!.. Но меня все время преслѣдовали шпіоны... Безконечные шпіоны... Ихъ происки прямо невѣроятны... Онъ мнѣ не могъ простить...

— И все изъ-за ковра!... Изъ-за ковра во дворцѣ... Я тутъ была ни при чемъ... Я открыто высказала свое мнѣніе... Онъ зналъ, что я объ этомъ знаю... Я никогда этого не скрывала... И вотъ меня за это преслѣдовали... Много лѣтъ онъ готовился мнѣ отомстить... И, наконецъ, отомстилъ... Но какой цѣной!.. А еще называютъ его императоромъ... Хорошъ императоръ!

— Рука его засохла... Сынъ его — идіотъ... Онъ умретъ... безславной смертью...

Ея голосъ ослабѣлъ, но было ясно, что ей хотѣлось еще что-то сказать.

— Это я! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Вашъ племянникъ!

Она какъ-будто прислушивалась.

— Вы меня слышите? Понимаете меня? — спросилъ онъ.

Голосъ ея вдругъ сдѣлался нѣжнымъ.

— Дорогой мой! — сказала она, и какъ-будто стала искать что-то въ мысляхъ, чего никакъ не могла найти.

— Ты всегда понималъ меня!.. Ты всегда былъ хорошимъ, добрымъ мальчикомъ, — сказала она какъ-то разсѣянно, и потомъ прибавила, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчаливаго размышленія: — Au fond!

Послѣ этого она нѣсколько минутъ молчала, не обращая вниманія на его шопотъ.

Потомъ она какъ-будто вспомнила то, что искала въ мысляхъ. Она протянула руку, стараясь поймать м-ра Бритлинга за рукавъ.

— Милый!

— Я здѣсь, тетя! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Я здѣсь!

— Не давай ему добраться до твоего Гю! Слышишь!.. Онъ стоитъ лучшаго, твой Гю!.. Слышишь, милый!.. Люди слишкомъ увлекаются войнами и сенсаціями... Они слишкомъ много придаютъ имъ значенія... Но онѣ... онѣ не стоятъ этого... Только берегись, не давай ему добраться до твоего Гю!..

— Хорошо, милая!

— Ты понимаешь меня?

— Понимаю, тетя!

— Такъ не забудь этого! Смотри, никогда не забывай!

Она сказала, что ей хотѣлось сказать. Она сдѣлала какъ бы свое завѣщаніе. И закрыла глаза. Онъ былъ пораженъ, увидавъ, какъ это нелѣпое, смѣшное, старое существо вдругъ сдѣлалось прекраснымъ той серебристой красотой, которую иногда открываешь въ очень древнихъ старикахъ. Она казалась вдохновенной, возвышенной, такой, какъ иногда великіе художники изображаютъ пожилыхъ людей на своихъ портретахъ. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Кто-то вдругъ тихо дернулъ его за рукавъ.

— Довольно! — сказала сестра милосердія, стоявшая у его локтя.

— Но мнѣ можно еще разъ прійти?

— Можетъ-быть!

И движеніемъ руки она сдѣлала ему знакъ.

X.

На слѣдующее утро тетя Уильширъ была уже безъ сознанія и не узнала своего посѣтителя.

Изъ-подъ нея вынули подушки, такъ что она теперь лежала совершенно горизонтально и глядѣла въ упоръ, въ потолокъ, бормоча какія-то безсвязныя слова.

Исторія съ ковромъ въ Виндзорскомъ замкѣ все еще владѣла ея мыслями; но къ ней примѣшались теперь отрывки изъ текущихъ газетныхъ сообщеній и споровъ о войнѣ. Она все еще думала о династическихъ взаимоотношеніяхъ, связанныхъ съ войной. И о шпіонахъ. Кромѣ того, ея мысли были заняты германскими тетками короля.

— Во имя осторожности...—говорила она,—надо быть на чеку... За ними всѣми надо слѣдить!.. Принцесса Христіанія... всегда на всѣхъ закладкахъ... все камни кладетъ... Цементъ!.. Пушки!.. А то зачѣмъ бы онѣ являлись на всѣ закладки?.. Зачѣмъ бы закладывали камни?.. Всегда!.. Зачѣмъ?.. Скрывали...

— Ничего не попадаетъ въ газеты!—продолжала она.—...Замалчиваютъ?.. А надо, чтобы писали...

И затѣмъ, послѣ краткаго промежутка, она прибавила, очень отчетливо:

— Герцогъ Веллингтонъ! Мой предокъ... собственно говоря... Скажите, напечатайте и чортъ съ вами...

Послѣ этого она умолкла и долго лежала, не произнося ни слова.

Доктора и сидѣлки, въ отвѣтъ на разспросы м-ра Бритлинга, давали лишь слабыя надежды. Удивительно, собственно, что она до сихъ поръ еще жива...

И въ тотъ же вечеръ, около семи часовъ она умерла.

XI.

М-ръ Бритлингъ, послѣ того, какъ онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на свою мертвую тетю, блуждалъ болѣе часа по маленькому курорту, прежде чѣмъ вернуться въ отель. Не съ кѣмъ было поговорить, и дѣлать было нечего; ему оставалось только думать объ ея смерти.

Ночь была холодная и мрачная, но небо было полно звѣздъ. Онъ уже ознакомился съ топографіей мѣстности—зналъ точно, куда упали всѣ бомбы, брошенныя на городокъ съ цеппелиновъ. Вотъ уголъ съ почернѣвшими стѣнами и и сгорѣвшими деревянными балками, гдѣ три раненыхъ лошади заживо сгорѣли въ сараѣ; вонъ—рядъ домовъ, частью разрушенныхъ, частью совершенно цѣлыхъ, въ которыхъ раненый ребенокъ кричалъ въ теченіе двухъ часовъ, прежде чѣмъ его извлекли изъ развалинъ и отнесли въ больницу. Повсюду при скудномъ освѣщеніи закрашенныхъ и занавѣшенныхъ уличныхъ фонарей, онъ видѣлъ черныя дыры выбитыхъ

оконъ: иногда многочисленныя, иногда рѣдкія, среди почти нетронутыхъ жилищъ. Въ маленькомъ городскомъ госпиталѣ, куда положили тетю Уильширъ, онъ видѣлъ много другихъ жертвъ. Убитыхъ и умершихъ было до нея десять, тетя Уильширъ одиннадцатая. Всего было убито и ранено 57 человѣкъ. Всѣ жертвы принадлежали исключительно къ гражданскому населенію. И среди нихъ было только двѣнадцать мужчинъ.

Съ моря прилетѣли два цеппелина, и по нимъ открыло стрѣльбу зенитное орудіе, привезенное на автомобилѣ изъ Ипсвича. Населеніе курорта узнало о налетѣ только тогда, когда раздался первый выстрѣлъ. Многіе выбѣжали посмотрѣть, что случилось. Сомнительно, видѣлъ ли кто-нибудь самые цеппелины, хотя всѣ увѣряли, что ясно слышали шумъ моторовъ. Потомъ вдругъ дождемъ посыпались бомбы. Только шесть изъ нихъ попали въ дома или людей. Остальныя почти кучей упали на полянку для гольфа, а добрая половина бомбъ такъ и не взорвалась...

Треть, по крайней мѣрѣ, раненыхъ и убитыхъ была въ постеляхъ, когда ихъ постигло несчастіе.

Все это было похоже на страницу изъ какой-нибудь фантастической повѣсти Жюля-Верна: мирный покой городка, люди, укладывающіеся въ постели, тихія, молчаливыя улички, тихое звѣздное небо, и затѣмъ въ теченіе десяти минутъ грохотъ орудій и разрывающихся снарядовъ, трескъ разбиваемыхъ стеколъ, затѣмъ пожаръ тутъ, пожаръ тамъ, дѣтскій голосъ, кричавшій отъ ужаса и боли, испуганные люди, бѣгущіе взадъ и впередъ съ фонарями... и снова тихое, пустое, звѣздное небо...

За пять минутъ до налета тетя Уильширъ сидѣла въ гостиной пансіона и раскладывала большой, серьезный пасьянсъ, „Императорскій“ пасьянсъ, который требовалъ нѣсколько часовъ, чтобы „выйти“. („Императора Наполеона, мой милый, а не этого... Потсдамскаго урода“). Пять минутъ спустя она была массой окровавленныхъ ранъ и растерзанныхъ костей, полной ужаса, страданій и мученій. А въ это время германскіе летчики уже снова мчались надъ моремъ, самодовольные, гордые — какъ мальчишки, исподтишка бросившіе камень въ чьи-нибудь окна, — уносясь назадъ къ благодарностямъ и наградамъ, къ желѣзнымъ крестамъ и восторженнымъ объятіямъ разныхъ Frau и Fräulein.

М-ру Бритлингу показалось, что онъ впервые ясно и близко увидѣлъ непосредственный ужасъ войны, тупую, жестокую

безсмысленность ея. Какъ-будто до сихъ поръ онъ ничего этого не замѣчалъ, какъ-будто до сихъ поръ онъ имѣлъ дѣло только съ разсказами, картинами, представленіями и зрѣлищами, которыя, какъ онъ зналъ, были просто „игрой". Но чтобы это милое, нелѣпое существо, этотъ кусочекъ „дома", кусочекъ знакомыхъ настроеній и знакомыхъ раздраженій — было разорвано на части, брошено въ мученіяхъ, словно мышь, которую переѣхалъ автомобиль, — это какъ-то приводило все къ яркому, обнаженному, дрожащему фокусу... И вдругъ въ центръ картины, вставшей передъ мысленными взорами м-ра Бритлинга, всплыли отвратительныя черты лица германскаго кронпринца. Онъ стоялъ въ своей щегольской формѣ и скалилъ зубы подъ своимъ длиннымъ носомъ, держась вызывающе, какъ-будто гордясь тѣмъ огромнымъ значеніемъ, той огромной ролью, которую онъ играетъ въ жизни столькихъ людей...

Въ теченіе нѣкотораго времени м-ръ Бритлингъ только внутренне негодовалъ.

— Они бѣсы! — крикнулъ онъ звѣздамъ. — Бѣсы... глупые бѣсы! Жестокіе глупцы! Обезьяны, которымъ дали въ руки всю науку, Боже мой! Но мы ихъ проучимъ!..

Это было лейтмотивомъ его настроенія въ теченіе часа безцѣльныхъ скитаній, которыя были подъ конецъ остановлены часовымъ, принудившимъ его вернуться въ городъ...

Онъ шелъ и что-то бормоталъ. Онъ находилъ утѣшеніе въ мстительныхъ планахъ уничтоженія безчисленныхъ нѣмцевъ. Онъ изобрѣталъ въ мечтахъ какіе-то быстрые, блиндированные аэропланы, налетающіе со всѣхъ сторонъ на цеппелинъ и пришибающіе его къ землѣ, вмѣстѣ съ командой, вопившей отъ ужаса. Онъ представлялъ себѣ разбитый цеппелинъ, опускающійся на землю въ поляхъ позади Дауэръ-Хауза, и какъ онъ самъ бѣжитъ съ лопатой въ рукѣ и добиваетъ нѣмцевъ:

— Милосердія просите! Пощады!

— Вотъ, получайте, гнусные убійцы!

Въ смутной полутьмѣ часовой увидалъ, какъ отступающая фигура м-ра Бритлинга сдѣлала непонятный жестъ рукой, и подумалъ: „Что это могло означать? Онъ кому-нибудь сигнализируетъ? Что долженъ сдѣлать въ такомъ случаѣ умный часовой? Выстрѣлить? Арестовать его? Или не обращать на это никакого вниманія?"

М-ръ Бритлингъ въ эту минуту убивалъ самого графа Цеппелина и лопатой дробилъ ему черепъ. Въ ту ночь былъ

убитъ графъ Цеппелинъ и казненъ кайзеръ. Десятка два менѣе видныхъ жертвъ были принесены на алтарь памяти тети Уильширъ. И много совершилось жестокостей, прежде чѣмъ былъ утоленъ гнѣвъ м-ра Бритлинга и его озлобленіе. Потомъ, вдругъ, онъ какъ бы пресытился этими мыслями; онъ отбросилъ ихъ, онѣ совершенно исчезли изъ его головы.

XII.

Все время, пока м-ръ Бритлингъ мысленно упражнялся въ этихъ убійствахъ и казняхъ и искалъ выхода для слезъ и ненависти, накипѣвшихъ въ его душѣ — разумъ его оставался въ сторонѣ; онъ былъ выше бури, какъ солнце, выжидающее, чтобы отгремѣлъ громъ, какъ мудрая нянька, выжидающая терпѣливо, чтобы улеглись дикія страсти ребенка. И все время разумъ его утверждалъ, молча, но твердо, безъ криковъ, безъ словъ, что люди, создавшіе этотъ ужасъ, не бѣсы, или не болѣе бѣсы, чѣмъ самъ м-ръ Бритлингъ; они такіе же грѣшные люди, какъ онъ самъ — тупые, глупые, жестокіе, попавшіе въ ту же паутину обстоятельствъ.

— Убей ихъ въ своемъ страстномъ ослѣпленіи, если хочешь, — говорилъ разсудокъ, — но пойми! Это преступленіе совершено было не бѣсами и не безумцами, а заговоромъ безразсудства и попустительствомъ разума. Преступленіе это — не преступленіе отдѣльнаго человѣка, а естественное неизбѣжное слѣдствіе безсилія и растерянности всего человѣчества.

Такъ разумъ утверждалъ свою правду; словно свѣтъ надъ головой м-ра Бритлинга, который онъ не могъ видѣть — и въ то же время, онъ рубилъ лопатой на куски германскихъ летчиковъ и душилъ германскихъ принцевъ газами.

— А что скажешь, о городахъ, которые обстрѣляли наши англійскія суда, — невозмутимо спрашивалъ разумъ. — А что скажешь о тѣхъ тасманцахъ, которыхъ смели съ лица земли наши пушки?

— А что скажешь про французскіе пулеметы въ Атласѣ? — продолжалъ настаивать разумъ. — О сожженныхъ гималайскихъ селахъ? О всемъ томъ, что дѣлали мы въ Китаѣ? Да, что ты скажешь о томъ, что мы дѣлали въ Китаѣ?

Но м-ръ Бритлингъ не обращалъ на это никакого вниманія.

— Нѣмцы въ Китаѣ поступаютъ гораздо хуже насъ! — возразилъ онъ.

Его приводила въ неистовство одна мысль, что этотъ цеппелинъ, со своей командой убійцъ, удираетъ безнаказаннымъ. Онъ не разъ останавливался и грозилъ кулакомъ небу...

И, наконецъ, усталый, обезсиленный, онъ усѣлся на скамейкѣ на пустынной набережной подъ звѣздами, близко къ вздыхавшему гдѣ-то внизу невидимому морю.

Его мысли снова вернулись назадъ къ древнимъ ересямъ гностиковъ и манихеянъ, которые представляли себѣ міровое божество, какъ нѣчто злое, и старались путемъ крайнихъ воздержаній, уловокъ и извращенностей спастись отъ черной грѣховности бытія. На нѣкоторое время душа его опустилась въ зловѣйщую тьму этихъ вѣрованій, порожденныхъ отчаяніемъ.

„Неужели вся сущность природы сводится ко злу? Неужели жизнь въ ея сущности — жестока? Неужели человѣкъ безцѣльно лежитъ, весь дрожа, на столѣ вѣчнаго вивисектора?.. и нѣтъ къ нему жалости?..“

Такія мысли никогда не приходили въ голову м-ру Бритлингу до войны. Теперь же онѣ приходили, но его разумъ отметалъ ихъ. Въ теченіе долгихъ недѣль, сознательно и подсознательно, разумъ его боролся съ этой загадкой. Онъ думалъ о ней во время своихъ одинокихъ ночныхъ скитаній, исполняя обязанности спеціальнаго констэбля; она вставала чудовищными символами на черномъ полотнѣ его сновъ.

„Существуетъ ли въ дѣйствительности бѣсъ чистой жестокости? Дѣйствительно ли какое бы ни было существо, даже самое жестокое, сознаетъ ту боль и тѣ страданія, которыя оно причиняетъ, или же оно причиняетъ ихъ исключительно ради удовольствія, связаннаго съ фактомъ мучительства?“

Онъ призвалъ себѣ на помощь десятки воспоминаній, десятки воображаемыхъ фактовъ, въ качествѣ свидѣтелей передъ судомъ его разума. Въ этихъ размышленіяхъ онъ забылъ о холодѣ и объ одиночествѣ. Онъ сидѣлъ на пустынной скамейкѣ, и судилъ Бытіе подъ холодными, равнодушными звѣздами.

Онъ вспомнилъ нѣсколько случаевъ дѣтской жестокости, которыя приводили его въ ужасъ въ дѣтствѣ, и ему было ясно, что это была не жестокость, а любопытство, — тупое, толстокожее любопытство, которое ими тогда руководило; оно не сознавало страданій ослѣпляемой кошки. Эти мальчики, терзавшіе его дѣтскую душу своими жестокостями, не столько мучили, сколько наблюдали мученіе, испытывали жизнь, легкомысленно, шутливо, какъ въ первые дни зимы пробиваешь

каблукомъ тонкіе слои льда на лужахъ. Въ большинствѣ совершаемыхъ людьми жестокостяхъ, истинное побужденіе обыкновенно не болѣе преступно, чѣмъ просто тупое любопытство. Малѣйшій проблескъ сознанія, малѣйшее пробужденіе нервовъ и мысли, дѣлаютъ такую жестокость немыслимой. Но это не всегда вѣрно по отношенію ко всякой жестокости.

Большая часть жестокостей таитъ въ себѣ нѣчто другое, нѣчто большее, чѣмъ простое, неуклюжее удовлетвореніе любопытства. Она таитъ въ себѣ или месть или негодованіе. Жестокость никогда не бываетъ спокойной и чувственной; она всегда исходитъ, какъ ни чудовищно такое оправданіе, изъ какого-то карательнаго начала въ инстинктѣ человѣка, изъ чего-то обоснованнаго справедливостью и требованіемъ возмездія. Это факторъ наблюдается даже въ чувствѣ зависти. Когда какой-нибудь ужасный или возмутительный поступокъ совершается изъ зависти или злобности, то эта зависть и эта злобность содержатъ въ себѣ всегда — всегда ли? — да, всегда! — искренное осужденіе ненавистнаго объекта, искреннюю вѣру въ то, что этотъ объектъ — нѣчто возмутительное, нарушившее справедливость, достойное кары. Вотъ, напримѣръ, эти люди на цеппелинѣ... онъ къ этому и велъ свое разсужденіе. Онъ спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы человѣческое существо совершило жестокій поступокъ безъ повода, безъ оправданія — или, по меньшей мѣрѣ, безъ чувства допустимости своего поступка. И даже на примѣрѣ этихъ нѣмцевъ и совершенныхъ ими насилій, ему было ясно, что и тутъ можно отыскать нѣкоторые элементы замѣтнаго, если и не обоснованнаго оправданія. Точно такъ же было бы оправданіе и у него самого, если бы онъ расправился съ упавшимъ на землю нѣмецкимъ летчикомъ. Въ низости совершаемыхъ ими поступковъ былъ гнѣвъ. Эти нѣмцы были народомъ нечуткимъ, народомъ, и въ худшемъ и лучшемъ смыслахъ этого слова, простымъ и честнымъ. Они очень легко поддавались моральному негодованію; а моральное негодованіе — мать большей части жестокостей міра. Они замѣтили безпечность англичанъ и русскихъ, замѣтили ихъ пренебреженіе къ наукѣ и систематичности, но не въ состояніи были оцѣнить болѣе широкіе духовные горизонты этихъ двухъ расъ, — и имъ показалось, что Германія призвана покарать эту нерадивость. Не можетъ быть, разсуждали они, чтобы Богъ былъ на сторонѣ тѣхъ, у кого поле остается не обрабатываемымъ. И поэтому, они зарѣзали всѣхъ этихъ старухъ, убили всѣхъ этихъ дѣтей, чтобы наглядно показать намъ послѣдствія неосмотрительности.

„Не забывайте порядка и дѣйствительности“ — вотъ лозунгъ, который скрывался подъ всѣми этими бомбами, газами и субмаринами. Въ концѣ-концовъ, какое право имѣли мы, англичане, не имѣть наготовѣ орудіе или аэропланъ, которые сбили бы этотъ цеппелинъ? Развѣ мы не взяли на себя созданія Имперіи? Развѣ мы не вожди великихъ народовъ? Имѣемъ ли мы, въ сущности, право жаловаться, если враги издѣваются надъ нашими имперскими претензіями?

— Вотъ, по крайней мѣрѣ, — говорилъ разумъ м-ра Бритлинга, — одна изъ линій мышленія, которая пригнала изъ темной ночи эту невидимую жестокость на дома Фильмингтона-на-морѣ! Вотъ, до нѣкоторой степени, причины всѣхъ этихъ убійствъ! Это жестоко и отвратительно, но дѣйствительно ли такъ жестоко? Нѣтъ ли тутъ, въ концѣ-концовъ, какой-то глупой справедливости? Не является ли это глупой реакціей на одинаковую глупую безпечность?

„Что это за справедливость, которая прячется за жестокостью? Что вдохновляло этотъ гнетъ озлобленія, этотъ гнѣвъ, вызываемый безпомощной мягкостью и добродушіемъ? Дѣйствительно ли это „зло“, или же импульсъ — пока еще слѣпой — но въ своей конечной сущности такой же, какъ милосердіе; быть-можетъ, еще болѣе высокій въ своей конечной цѣнности, чѣмъ милосердіе?“

Эта мысль наростала въ мозгу м-ра Бритлинга уже нѣсколько недѣль. Она росла и выливалась въ опредѣленную форму, когда онъ писалъ и набрасывалъ разныя вступительныя фразы для своего изслѣдованія „Анатомія Ненависти“. Онъ задавалъ себѣ ясный вопросъ: нѣтъ ли за всякой ненавистью какого-то творческаго и созидательнаго импульса? Не является ли эта злоба обезьяноподобной предтечей великихъ началъ творческаго періода?

Непобѣдимая бодрость его сангвиническаго темперамента снова вывела м-ра Бритлинга изъ пессимистическаго тупика, въ который онъ было попалъ. Онъ уже почти напалъ на подходящую фразу, которую придумывалъ еще тогда, когда бродилъ по заливному лугу по направленію къ Маркетъ-Саффрону. Теперь же она ясно предстала передъ нимъ.

„Когда ненависть превратится въ творческую энергію...“

„Ненависть, переходящая въ творческую энергію; мягкость, являющаяся по существу лѣнью и предвѣстникомъ безболѣзненной смерти...“

„Жалость — лишь преходящее качество; ибо человѣчество не навѣки будетъ жалостливымъ и милосерднымъ...“

А пока, пока... Сколько же времени люди будутъ такъ путать добро со зломъ, будутъ энергичными безъ милосердія, и добрыми безъ энергіи?..

М-ръ Бритлингъ долго сидѣлъ на пустынной набережной подъ звѣздами и перебиралъ, подъ плескъ волнъ, въ головѣ всѣ эти мысли и выводы.

Но дальше его мысли не шли. Онѣ отказывались работать. Его озлобленіе совершенно пропало. Его отчаяніе не было болѣе безграничнымъ. Но міръ былъ теменъ и жутко-молчаливъ. Онъ не казался менѣе темнымъ оттого, что гдѣ-то въ концѣ забрезжилъ лучъ свѣта. Этотъ лучъ свѣтилъ далеко за предѣлами его собственной жизни и жизни его сына и не могъ утолить страданій настоящаго. Между нимъ и м-ромъ Бритлингомъ тянулись утомительныя пространства грядущихъ поколѣній, — поколѣній взаимныхъ обвиненій и брюзжаній, жадности и слабости, полуправды и необдуманныхъ ударовъ. И всѣ эти годы будутъ полны такими же плачевными явленіями, какъ обгорѣвшіе остатки домовъ въ городкѣ за его спиной, какъ маленькіе сѣро-лицые трупы, разбитыя и погубленныя жизни, потушенныя надежды и ушедшія радости...

Нѣмцы не представлялись ему теперь бѣсами. Они люди, и у нихъ есть свое оправданіе. Правда, глупое оправданіе, но и наше оправданіе не менѣе глупое. Всѣ наши оправданія глупыя, чего-то въ нихъ не хватаетъ — чего-то очень намъ близкаго и очень легко ускользающаго. Чего-то, что могло бы разрѣшить тысячу запутанныхъ противорѣчій...

Его мысль ухватилась за это. Къ его сознанію вернулись гурьбой всѣ ужасы и страданія, которыя были его ежедневной пищей вотъ уже три четверти года. Онъ громко застоналъ. Онъ началъ бороться противъ этого новаго порабощенія своего духа:

— О, запятнанные кровью безумцы! — крикнулъ онъ. — О, жалкіе, измученные безумцы!

— Даже этотъ злодѣйскій воздушный корабль былъ кораблемъ безумцевъ!

— Мы всѣ еще безумцы! Куда-то, къ чему-то стремящіяся обезьяны, раздраженныя сверхъ мѣры нашими собственными потугами, легко возбуждаемыя къ гнѣву.

Какое-то подсознательное теченіе мыслей пробудило въ памяти м-ра Бритлинга давно забытыя слова, преисполненныя того свѣта, что все еще таинственно и неустанно старается пробиться сквозь темноту и толщу человѣческой мысли.

Онъ повторилъ шопотомъ про себя эти слова. Никакія новыя, незнакомыя слова не возымѣли бы такого дѣйствія утѣшенія и убѣдительности.

Онъ шепталъ ихъ и обращалъ ихъ къ тѣмъ людямъ, которые, какъ ему казалось, все еще летѣли далеко, на востокъ, по ясному, морозному воздуху подъ звѣздами — обращалъ ихъ къ тѣмъ закутаннымъ летчикамъ и машинистамъ, которые причинили столько страданія и горя маленькому городку:

„Отецъ, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ!“

ГЛАВА IV.

Въ паутинѣ безсилія.

I.

Письма Гю стали играть большую роль въ мысляхъ и думахъ м-ра Бритлинга. Гю всегда любилъ и умѣлъ писать письма; прежде это было, быть-можетъ, унаслѣдованной отъ отца склонностью записывать свои впечатлѣнія и размышленія; теперь же это становилось у него явной потребностью. Еще будучи въ школѣ, онъ всегда украшалъ свои письма отцу маленькими, потѣшными рисунками и шаржами, — иногда его письма состояли сплошь изъ такихъ рисунковъ и шаржей; теперь онъ то сбивался съ писанія на рисунки, то съ рисунковъ на писаніе, и эта манера чрезвычайно нравилась его отцу, который любилъ въ немъ его причудливый даръ къ карикатурѣ.— Самъ онъ имъ не обладалъ, и поэтому это казалось ему наиболѣе чудеснымъ изъ всѣхъ дарованій его сына. М-ръ Бритлингъ носилъ письма Гю съ собой въ карманѣ, пока у нихъ не начинали стираться края; онъ показывалъ ихъ всякому, кто, по его мнѣнію, могъ оцѣнить ихъ юношескую свѣжесть; онъ цитировалъ ихъ въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ для подтвержденія своихъ взглядовъ. Ему и не снилось даже, сколько тысячъ отцовъ и матерей хранили и носились съ такими же документами. Онъ думалъ, что сыновья другихъ были тупыми, скучными молодыми людьми, которыхъ и сравнивать нельзя было съ Гю.

Въ первыхъ письмахъ Гю разсказывалъ главнымъ образомъ о прелестяхъ дисциплины и жизни на вольномъ воздухѣ.

„Всякія заботы о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, кончились,— писалъ Гю. — Я себя, наконецъ, „устроилъ“, или, вѣрнѣе, меня „устроили“. И это огромное облегченіе. Вмѣсто того, чтобы говорить себѣ утромъ, что пора вставать, тебѣ это говоритъ труба... Конецъ всякимъ глупостямъ, кривлянью передъ самимъ собой... не приходится съ самимъ собой торговаться или себя уговаривать... Я теперь начинаю понимать, почему люди поступаютъ въ монастырь и подчиняютъ себя всякимъ правиламъ... Человѣкъ несется по жизни въ чемъ-то въ родѣ моральнаго автомобиля, вмѣсто того, чтобы плестись пѣшкомъ...“

Кромѣ того онъ начиналъ осваиваться и съ новыми физическими переживаніями.

„Никогда еще, — объяснялъ онъ, — я не зналъ, что такое усталость. Это нѣчто чудесное. Опускаешься, какъ есть, одѣтый, въ сапогахъ, на первый попавшійся твердый, жесткій предметъ и спишь, какъ убитый...“

Онъ много говорилъ въ первыхъ письмахъ также объ основныхъ принципахъ военной муштровки и дисциплины, и разсуждалъ на тему о томъ, нужно ли все это, или нѣтъ. Онъ утверждалъ сначала, что значеніе дисциплины и муштровки слишкомъ преувеличено. Затѣмъ онъ постепенно приходилъ къ выводу, что онѣ составляютъ основу военнаго дѣла.

„Въ критическую минуту,—говорилъ онъ въ заключеніе, — всегда трудно предвидѣть, что овладѣетъ человѣкомъ: его высшіе инстинкты, или низшіе. Онъ можетъ или проявить высокую доблесть... или же поспѣшное благоразуміе. Привычка всегда болѣе надежна, чѣмъ инстинктъ. Дисциплина же развиваетъ въ человѣкѣ привычку къ хладнокровію и мужественности. Если не теряешь головы, то всегда имѣешь возможность проявить доблесть. Если же теряешь голову — то привычка „вывозитъ“ тебя“.

Юноша, кромѣ того, очень глубокомысленно разсуждалъ о вліяніи различныхъ пріемовъ муштровки на мысли и настроенія.

„Прямо поразительно, какъ въ человѣкѣ пробуждается кровожадность во время обученія пріемамъ штыковой атаки. Намъ велятъ кричать; насъ учатъ кричать. И въ результатѣ это парализуетъ наши высшіе центры. Перестаешь разсуждать, задавать себѣ вопросы. Становишься просто солдатомъ со штыкомъ. Когда я бѣгу съ ружьемъ на перевѣсъ во время ученья, я представляю себѣ впереди какихъ-то толстыхъ, жирныхъ дядей, и преисполняюсь желаніемъ переколоть ихъ всѣхъ. Вотъ такъ“...

И дальше шелъ рисунокъ, изображавшій огромнаго и доблестнаго Гю, мчащагося куда-то впередъ, съ рядомъ убитыхъ и раненыхъ нѣмцевъ позади.

„...а не такъ. Такъ я изображалъ штыковой бой, въ дѣтствѣ; но это не вѣрно. Сажать больше одного нѣмца на штыкъ — ни къ чему. И, кромѣ того, это было бы „бахвальствомъ", а мы терпѣть не можемъ хвастовства въ арміи..."

Второй рисунокъ изображалъ того же храбраго героя съ полдюжиной нѣмцевъ, нанизанныхъ на штыкѣ, какъ шашлыкъ на вертелѣ.

„Что же касается вдовъ и дѣтей, то я о нихъ не думаю".

II.

Но все это вскорѣ наскучило Гю.

„Опять безконечные форсированные марши,—писалъ онъ,— и только потому, что имъ больше нечего съ нами дѣлать. Насъ почти не обучаютъ настоящей стрѣльбѣ, такъ какъ не хватаетъ винтовокъ. Половина нашего времени пропадаетъ даромъ. Если ты помножишь полъ-недѣли на число солдатъ въ арміи, ты увидишь, что у насъ еженедѣльно пропадаютъ даромъ цѣлыя столѣтія... Если бы большинство этихъ людей были просто зачислены въ армію, внесены въ списки и затѣмъ получили бы отпуски для устройства своихъ дѣлъ, пока мы подготовили бы для нихъ офицеровъ, инструкторовъ и винтовки, и если бы ихъ какъ можно скорѣе обучили элементарнымъ правиламъ дисциплины — страна бы отъ этого только безконечно выиграла... Съ одной стороны, насъ продолжаютъ держать въ „сыромъ видѣ"; съ другой, — мы понемного становимся „черствыми"... И меня это начинаетъ раздражать... У меня такое чувство, какъ-будто съ нами поступаютъ нечестно.

„Половина нашихъ солдатъ — люди, получившіе хорошее образованіе, прилично образованные, а съ нами всегда обращаются такъ, какъ-будто мы дурачье какое-то.

„Конечно, не къ чему хныкать и брюзжать, но послѣ того, какъ я побывалъ въ университетѣ и видѣлъ, какъ работаетъ и обращается со своими учениками Кардиналъ, невольно становится досадно, когда все дѣлается вдвое медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ".

И онъ переходилъ къ описанію своихъ товарищей по взводу.

„Самый лучшій солдатъ у насъ — бывшій приказчикъ изъ овощной лавки; но, какъ бы для предостереженія отъ опасности обобщеній, такъ случилось, что и худшій тоже приказчикъ

изъ овощной; онъ не въ состоянiи зашнуровать сапоги безъ посторонней помощи, или безъ того, чтобы на него накричали. Самый непрiятный солдатъ у насъ маленькiй курносый пошлякъ, который начитался Киплинга и воображаетъ себя воплощенiемъ рядового Ортериса [1]). Онъ все подыскиваетъ себѣ подъ пару двухъ остальныхъ героевъ „Трехъ солдатъ", и похожъ на непопулярнаго политика, который тщетно пытается составить кабинетъ министровъ. Онъ не пропускаетъ случая уснастить свою рѣчь крѣпкимъ солдатскимъ словцомъ и часто повторяетъ сказанную фразу, чтобы ввернуть такое словцо. Я когда-то любилъ крѣпко выражаться — подальше отъ твоихъ отцовскихъ ушей, но Ортерисъ вылѣчилъ меня отъ этого. Въ его присутствiи я придерживаюсь изысканнаго изящества рѣчи. Въ тѣснотѣ общенiя съ товарищами по взводу нѣтъ достаточнаго простора для равнодушныхъ отношенiй; приходится или любить или ненавидѣть. И я чувствую, что мое боевое крещенiе произойдетъ не въ стычкѣ съ нѣмцами, а въ дракѣ съ рядовымъ Ортерисомъ"...

Одно письмо состояло исключительно изъ рисунка — пародiи на извѣстную картину, изображающую внизу спящiй лагерь, а наверху — сонъ солдата — возвращенiе его къ своей милой, которую онъ крѣпко обнимаетъ. Только у Гю было изображено, какъ онъ во „снѣ" обнимаетъ огромную реторту, въ то время, какъ гальванометръ отмѣчалъ его эмоцiи, а вокругъ него плясали маленькiе треножники.

III.

Затѣмъ пришло письмо, съ первыхъ же строкъ начинавшееся рѣзкой критикой всего.

„Дорогой родитель, письмо это — ругательное, — писалъ Гю. — Я долженъ излить передъ кѣмъ-нибудь свое негодованiе. А съ товарищами мнѣ какъ-то не хочется говорить на эту тему. Я не знаю, можетъ-быть, за это меня слѣдуетъ подвести къ стѣнѣ и разстрѣлять, но я симъ заявляю, что всѣ офицеры, моего батальона, начиная съ чина капитана и выше — компанiя ни къ чему непригодныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ люди весьма прiятные, но съ тщательно оскопленными умственными способностями, другiе люди непрiятные и безъ всякихъ умственныхъ способностей. И мнѣ кажется — я сужу

[1]) Одинъ изъ трехъ героевъ извѣстной повѣсти Киплинга „Три солдата".

по твоему недавнему письму въ редакцію „Times'a“ — что всѣ они типичные образчики того „военнаго“ класса, который призванъ выиграть эту войну. Въ нормальномъ состояніи они лѣнивы и безпечны, а когда расшевелятся, то становятся необычайно суетливыми. Время, которое имъ слѣдовало бы употребить на расширеніе своего умственнаго кругозора и пріобрѣтеніе военныхъ знаній, они тратятъ на тренировку, а потомъ оказывается, что у нихъ нѣтъ никакой тренировки, никакой выдержки. Они не могутъ пройти съ нами и тридцати миль, чтобы не растерять половины изъ насъ и не потерять связи съ обозомъ и базой; иногда они оставляютъ насъ часовъ по тридцати шести безъ ѣды... Они не умѣютъ считать дальше пальцевъ одной руки, такъ какъ не научились еще пользоваться носомъ для ариѳметическихъ операцій... Я убѣжденъ, что эта война будетъ новой битвой при Инкерманѣ, только въ болѣе крупномъ масштабѣ. Намъ, рядовымъ, придется брать все на себя... На командующихъ нельзя ни въ чемъ положиться...

„Все это я написалъ, конечно, просто, чтобы отвести душу. Я ужасно проголодался и усталъ до смерти, и поэтому страшно раздраженъ. Мы только что сдѣлали двадцать пять миль по вспаханнымъ полямъ и камнямъ — и на это ушло пятьдесятъ семь часовъ. И безъ всякой пищи болѣе восемнадцати часовъ. Я сопровождалъ капитана, который расквартировалъ насъ здѣсь, въ Чизингтольтѣ. Ну, и болванъ же онъ, Господи, какой болванъ! Онъ страшно боится всего печатнаго, но героически сдерживаетъ себя. Онъ гордится тѣмъ, что „совершенно не умѣетъ оріентироваться“. Гордится этимъ! Онъ объѣхалъ всю деревушку — довольно разбросанную — мелкой рысцой и упорно не желалъ пользоваться карманной картой, которая была у меня. Онъ опредѣлялъ вмѣстимость каждой комнаты на глазъ, и не позволялъ мнѣ измѣрять площадь комнатъ, хотя бы шагами.

— Мы должны помѣстить здѣсь пять солдатъ, зачѣмъ же вамъ мѣрить комнаты? Намъ тутъ не ковры разстилать...

Размѣстивъ людей, „на глазъ“, онъ половину деревушки набилъ такъ, что нельзя было дышать, а другая осталась незанятой. Пришлось начать все сначала.

— Еслибъ вы сперва вымѣрили площадь пола, сэръ, — попробовалъ я замѣтить, — и составили бы списокъ всѣхъ домовъ...

— Нѣтъ, я этого не желаю дѣлать, — отвѣтилъ онъ, уставившись на меня безжалостнымъ взглядомъ.

„Да, папочка, они не желаютъ дѣлать то, что слѣдуетъ! И то, что происходитъ въ нашей еще не обученной арміи, будетъ повторяться на фронтѣ. Они будутъ всюду опаздывать,

Они теперь теряютъ свои походныя кухни, а тамъ будутъ терять свои орудія. Я нѣмой рядовой. Я обязанъ молча повиноваться приказаніямъ. Но все же я начинаю понимать битву при Невшапелѣ.

„Увѣряютъ, что отношенія между офицерами и нижними чинами въ новой арміи прекрасныя и не оставляютъ желать ничего лучшаго. Можетъ-быть, и я когда-нибудь полюблю своего взводнаго офицера — пока этого еще не произошло; я долженъ раньше забыть все, что предшествовало занятію нами Чизингтольта... Онъ, не краснѣя, чортъ знаетъ какія дѣлалъ глупости и промахи на маневрахъ, а между тѣмъ онъ скорѣе готовъ застрѣлиться, чѣмъ зашнуровать вкось свои ботинки. Конечно, все то, что я говорю объ офицерахъ вообще, въ сущности относится исключительно къ моему капитану... И какъ мнѣ теперь понятны разсказы о томъ, какъ солдаты во время боя иногда разстрѣливаютъ своихъ собственныхъ офицеровъ... Нѣтъ, помимо всякой усталости и раздраженія, сегодняшніе маневры были дѣйствительно ужасны...“

Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Гю снова вернулся къ обличеніямъ въ томъ же родѣ:

„Не думай, что я придираюсь и ворчу безъ толку. Увѣряю тебя, что здѣсь происходитъ возмутительная трата силъ. Мы тратимъ попусту время, трудъ, матеріалы, и Господи! какъ безсмысленно бросаются на вѣтеръ народныя деньги. Повѣрь мнѣ, я говорю это не потому, что зазнался... Не въ чемъ намъ зазнаваться... Намъ смертельно скучно сидѣть безъ дѣла въ этой поганой деревушкѣ. Никакихъ развлеченій нѣтъ, кромѣ ухаживанія за кучкой неряшливыхъ молодыхъ женщинъ, необыкновенно противныхъ. Я ни за кѣмъ не ухаживаю, папочка. И не пью. Очень жалѣю, что у меня нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ пороковъ. Вчера у насъ была драка... просто отъ скуки. У Ортериса вспухшая губа, у другого солдата — подбитый глазъ. И предстоитъ новая драка — „реваншъ“. Я прихожу къ убѣжденію, что главный ужасъ этой войны — скука...

„Очень типична организація продовольствія. Она не расчитана на то, чтобы давать наилучшіе результаты — это никогда не входитъ въ философію военнаго министерства — а сводится къ тому, чтобы установить для всего правила и предупреждать всякіе споры. Порціи хлѣба и всего другого отпускаемаго на человѣка — пожалуй, даже слишкомъ обильныя, и наряду съ этимъ введена крайне строгая, но мало производительная система взвѣшиванія и контроля. А слишкомъ щедрая порція на человѣка — прямо толчокъ къ расточительности или воровству;

это пойметъ всякій, кромѣ нашего военнаго министерства. Контроль сводится къ провѣркѣ количества, а не качества. Качество же мяса провѣряется просто на „нюхъ“. Если мясо не „пахнетъ“, значитъ, оно годится...

„Сырое мясо передается повару. Это простой рядовой, котораго „производятъ“ въ повара „приказомъ“. Ему говорятъ: „Отнынѣ ты поваръ“. И онъ добросовѣстно старается быть поваромъ. Обыкновенно онъ начинаетъ съ того, что жаритъ мясо, которое ему отпускается. А потомъ онъ рубитъ все, что у него остается, на мелкіе кусочки и готовитъ изъ нихъ „рагу“ на слѣдующій день. „Рагу“ это мелко изрубленное мясо, вываренное въ огромномъ котлѣ. На поверхности этого варева всегда плаваетъ много жиру. Когда наѣшься такого „рагу“, хочется посидѣть подольше, не двигаясь съ мѣста... Кормятъ насъ обыкновенно въ большой палаткѣ, или въ реквизированномъ амбарѣ. Амбары не блещутъ чистотой, и чтобы все это имѣло еще больше видъ пикника, обыкновенно не хватаетъ на всѣхъ тарелокъ, ножей и вилокъ. (Я вѣдь говорилъ тебѣ, что ни одинъ военный „чинъ“ не умѣетъ считать дальше восьми или десяти). Нашимъ унтеръ-офицерамъ приходится послѣ утренняго ученія отрѣзать намъ наши порціи мяса. Это такая работа, что послѣ нея, имъ, какъ я слышалъ отъ нихъ, уже и ѣсть не хочется. Они садятся въ сторону, блѣдные, уставшіе, а потомъ отправляются въ ближайшій кабакъ. (По всей вѣроятности, меня самого скоро произведутъ въ унтеръ-офицеры). На англійскихъ островахъ до войны женскаго населенія было на милліонъ больше мужского. (Смотри изданія „Фабіанскаго Общества“, столь популярныя среди нашей молодежи). Но ни одной женщинѣ правительство не довѣрило трудной задачи изготовленія и раздачи пищи солдатамъ. А между тѣмъ ни одинъ человѣкъ изъ общей солдатской массы до поступленія на военную службу не имѣлъ малѣйшаго представленія о томъ, какъ готовить пищу... Все, что остается послѣ „рагу“, или что по винѣ повара сдѣлалось несъѣдобнымъ — выбрасывается. Мы ежедневно выбрасываемъ ведрами негодную и несъѣденную пищу. Мы закапываемъ въ землю пуды мяса...

„А вотъ еще примѣръ: намъ отпускается на каждаго по три пары носковъ. У насъ работа довольно тяжелая. Но никто изъ насъ не умѣетъ штопать носки. И въ результатѣ, когда въ нихъ протираются пятки, мы натираемъ себѣ волдыри, а волдыри сплошь и рядомъ превращаются въ язвы, и человѣкъ начинаетъ хромать. Изъ милліона лишнихъ женщинъ (смотри выше) правительство не догадалось нанять нѣсколько

сотенъ, чтобы онѣ чинили намъ носки. И такимъ образомъ извѣстный процентъ солдатъ хромаетъ. И такъ далѣе. И такъ далѣе...

„Ты можешь подумать, что все это — непозволительное брюзжаніе. Но я хочу сдѣлать одинъ выводъ — и чтобы успокоиться, я тебѣ выписываю его каллиграфически: все это можно было бы устроить гораздо дешевле, гораздо цѣлесообразнѣе и гораздо лучше, если бы дѣло не находилось въ рукахъ абсолютно неопытныхъ, и крайне самоувѣренныхъ господъ „военныхъ". Они думаютъ, что они „ведутъ" Англію и показываютъ намъ, какъ это надо дѣлать. А на самомъ дѣлѣ они все тормозятъ. Почему все предоставляется ихъ усмотрѣнію? Ни одному изъ нихъ, когда они живутъ у себя дома, даже не позволяютъ заказать обѣда, не то что совать свой носъ въ собственную кухню или провѣрять книгу хозяйственныхъ расходовъ... Средній британскій полковникъ — безпомощный старый господинъ. Ему нужна нянька...

„Это не просто заговорилъ мой обиженный желудокъ; нѣтъ, это серьезный вопросъ для всей страны. Рано или поздно странѣ могутъ понадобиться тѣ съѣстные припасы, которые сейчасъ тратятся зря этими господами. Если подсчитать то количество припасовъ, которое пропадаетъ ежедневно безъ всякой пользы, получится десятки тоннъ... Да, тоннъ!.. А что если война будетъ продолжаться дольше, чѣмъ мы ожидаемъ?.."

Дальше письмо Гю перескакивало на общее обсужденіе военнаго строя мыслей.

„Почти всѣ наши офицеры славные малые. Это очень все осложняетъ. Лучше бы они не были такими славными ребятами! Если бы они обращались со своими подчиненными, какъ обращаются прусскіе офицеры, мы устроили бы, кромѣ войны, и революцію, и все бы сразу пришло въ порядокъ! А они всѣ такіе порядочные, такіе милые... Но бѣда въ одномъ, — они плохо разсуждаютъ, и не понимаютъ, что дѣлать что-нибудь, какъ слѣдуетъ, значитъ, дѣлать это какъ можно обдуманнѣе и серьезнѣе. Они не любятъ себя безпокоить. Если бы они иногда выходили изъ себя, дѣло бы отъ этого выиграло. Они никогда не пользуются картами, или расписаніями, или справочниками. Когда мы приходимъ въ новую мѣстность, они собираютъ свѣдѣнія о ней изъ случайныхъ разговоровъ, „по слухамъ". Ни у одного изъ нашихъ офицеровъ нѣтъ карты или хотя бы простого путеводителя для туристовъ. И думаютъ они всегда „по слухамъ". Они суетливы, мелочны, неэкономны и самонадѣянны. Они считаютъ себя — таковъ ихъ кодексъ — образцово

честными и благородными. Что касается храбрости — то этого у нихъ хоть отбавляй. Честности, правдивости и т. д. у нихъ тоже вдоволь. У нихъ какое-то лошадиное мѣрило аккуратности, подтянутости и смѣлости, и это, собственно, не плохо; кромѣ того, у нихъ врожденный страхъ передъ бородами и незастегнутыми мундирами. Но ошибка ихъ въ томъ, что они и человѣческій мозгъ ставятъ на одну доску съ бородами и считаютъ его излишней, досадной растительностью. Кромѣ того, они враги экономіи и всякой подготовленности...

„...Они не хотятъ понять, что неподготовленность, неприспособленность — своего рода безчестность. Если человѣкъ не укралъ шести пенсовъ, то ихъ не безпокоитъ мысль о томъ, не истратилъ ли онъ лишніе два съ половиной шиллинга. А на самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія воюющей націи, шесть пенсовъ — пятая часть двухъ съ половиной шиллинговъ...

„Когда я началъ это письмо, я былъ внѣ себя отъ негодованія, вѣроятно, отчасти подъ вліяніемъ утренняго „рагу“. Теперь мнѣ начинаетъ казаться, что я — придирчивый брюзга... Не примѣчательно ли, дорогой родитель, что я именно тебѣ обо всемъ этомъ пишу. Не знаю, но почему-то я люблю писать тебѣ письма. Сказать все это въ разговорѣ я бы не могъ. У Гейнриха былъ близкій другъ въ Бреславлѣ, которому онъ писалъ о своей „душѣ“. У меня никогда не было такого друга. И у меня нѣтъ „души“ въ ковычкахъ. Но есть потребность высказываться въ письмахъ. Долженъ же я кому-нибудь писать; въ этой дырѣ больше нечего и дѣлать. Но теперь прекращаю — хозяйка уже выключаетъ газъ. Она всегда тушитъ свѣтъ въ половинѣ одиннадцатаго... хотя, собственно, она не имѣетъ права... Вѣдь она получаетъ по девяти пенсовъ въ день за каждаго изъ насъ. Прости, что пишу карандашомъ...“

Такъ внезапно оборвалось письмо. Слѣдующія два были болѣе короткія и жизнерадостныя. Потомъ пришло еще одно, и въ немъ прозвучала новая нота:

„У насъ имѣются винтовки! Мы, наконецъ, настоящіе вооруженные солдаты. У каждаго изъ насъ по винтовкѣ. Ихъ прислали изъ Японіи. Онѣ изъ какого-то легкаго дерева, похожаго на свѣжій, еще непокрашенный дубъ и „художественную“ мебель. Но винтовки настоящія, и стрѣляютъ съ бумомъ. Намъ онѣ прямо вскружили головы. Если бы не наша муштровка и дисциплина, мы врядъ ли удержались, чтобы не стрѣлять изъ нихъ по неосторожнымъ зрителямъ, наблюдающимъ нашу учебную стрѣльбу издалека. Вчера я увидалъ гдѣ-то вдали человѣка, и мнѣ страшно захотѣлось попасть ему прямо

въ животъ... Ортерисъ раздобылъ мотоциклетку, которую онъ называетъ „чертовой автошкой“ — совершенно неизвѣстно почему... а затѣмъ только смерть или безчестный поступокъ могутъ спасти меня отъ производства въ унтеръ-офицеры черезъ мѣсяцъ“.

IV.

Слѣдующее письмо бросало новый свѣтъ на подвиги обладателя „автошки“. Еще до прибытія винтовокъ и помимо дракъ съ однимъ или нѣсколькими не названными Гю товарищами, Ортерисъ попался еще въ одну бѣду. Гю разсказалъ объ этомъ происшествіи съ беззастѣнчивостью очень наивнаго юноши:

„Вотъ еще, кстати, что случилось, — писалъ онъ. — Ортерисъ, слѣдуя своимъ природнымъ влеченіямъ и томимый скукой, какъ мы всѣ до прибытія винтовокъ, забылъ совѣты лорда Китченера и задумалъ соблазнить одну дѣвицу. Результаты вышли для него весьма плачевными, и онъ самъ разсказываетъ о нихъ всему взводу. Избранная имъ жертва надавала ему пощечинъ и расцарапала его ногтями, а ея отецъ и мать — оба весьма внушительнаго вида особы — запретили ему являться къ нимъ въ домъ — т. е. въ кабакъ, который они содержатъ. И они этимъ не ограничились. Они не пришли въ ужасъ отъ его донъ-жуанства, но и не выказали должнаго почтенія къ солдатскому мундиру. Мать, повидимому, накинулась на него и здорово съ нимъ расчиталась. „Что мнѣ было дѣлать? — говорилъ намъ Ортерисъ. — Не лѣзть же было въ драку съ женщиной“. А отецъ выпустилъ на него собакъ. Другой человѣкъ на мѣстѣ Ортериса — не такой наивный — молчалъ бы о такомъ пасажѣ. Я бы стыдился разсказывать о своемъ позорѣ. Но онъ человѣкъ другого склада и не перестаетъ громогласно удивляться своей неудачѣ. „Я не въ претензіи на старуху, — говоритъ онъ, — мнѣ на нее, можно сказать, почти что наплевать. Только досадно, что я ошибся насчетъ самой дѣвицы. Я думалъ ей понравиться, а выходитъ, что я въ родѣ какъ обидѣлъ ее. Я вѣдь не хотѣлъ — видитъ Богъ, не хотѣлъ оскорбить ее. Я бы не знаю, что далъ, чтобы этого не случилось. А теперь я не могу подступиться къ ней, не могу объясниться или попросить прощенія... Вамъ, можетъ, смѣшно, но вы не знаете, какъ это непріятно... Меня это страхъ какъ мучаетъ. Вы меня считаете пошлякомъ, который позволилъ себѣ неумѣстную вольность (тутъ гнѣвное крѣпкое словцо, чтобы заглушить неделикатные возгласы, подтверждающіе его самообличеніе), а какъ знать заранѣе, чортъ возьми, когда можно себѣ что позволить... Клянусь, что я ей нравился...“

„И такъ онъ говорилъ часами. „Я то вѣдь прямо вотъ до чего ее полюбилъ“, — повторялъ онъ. И самое удивительное, что послѣ этой исторіи я прямо привязался къ Ортерису. Пережитая имъ встряска отняла у него, очевидно, его амбицію изображать изъ себя вымышленнаго Ортериса и классическаго Тома Аткинса, и онъ становится теперь самимъ собой. Въ немъ чувствуется благородная порода, какъ въ хорошей, но нечистокровной собакѣ, и онъ мнѣ положительно нравится. Но если бы ты зналъ, папа, до чего онъ плохъ, когда дѣло доходитъ до бокса“.

V.

Письма Гю значительно расширили кругозоръ м-ра Бритлинга, который колесилъ теперь взадъ и впередъ по Эссексу на своемъ автомобилѣ, и даже раза два дерзалъ заѣзжать въ Беркширъ и Букингамширъ, и наблюдалъ постепенное превращеніе мирныхъ англійскихъ деревень въ огромный вооруженный лагерь. Онъ считалъ сужденія Гю слишкомъ строгими и юношески нетерпимыми.

Для м-ра Бритлинга, болѣе внимательнаго и снисходительнаго наблюдателя, новая армія была гордостью и чудомъ.

Онъ любилъ въѣзжать въ какую-нибудь тихую деревеньку и наблюдать группы здоровыхъ, крѣпкихъ юношей, одѣтыхъ въ „хаки“ и поглощенныхъ своими занятіями, спутанныхъ коней, общую атмосферу спокойной дѣловитости, глядѣть на попадающіяся иногда на глаза орудія и обозы. Куда ни повернись, всюду были солдаты и солдаты.

Войска непрерывно уходили во Фландрію, въ Галлиполи, но это какъ-будто не отражалось на количествѣ солдатъ, проходившихъ ученіе въ Англіи. Его пріятно волновало очевидное наростающее количество военныхъ матеріаловъ, провозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ; ему нравилась таинственность многообѣщающихъ длинныхъ поѣздовъ-платформъ, покрытыхъ брезентами, подъ которыми были орудія, повозки и т. д. Въ тишинѣ ночи онъ еще иногда опасался пораженія, но днемъ, когда онъ ходилъ и ѣздилъ по Англіи, видѣлъ людей, приготовленія, ему трудно было повѣрить въ иной конецъ койны, кромѣ побѣды.

Но прошла весна, прошло лѣто, и побѣды не было. Майское „великое наступленіе“ остановилось послѣ ряда безрезультатныхъ и дорого стоившихъ атакъ между Ипромъ и Суассономъ. Нѣмцы развили высоконаучную оборонительную тактику, въ которой пулеметы замѣняли винтовки, и всякой

наступающей силѣ наносили максимумъ вреда при минимумѣ собственныхъ потерь людьми. До этой войны, англійское военное министерство не придавало значенія пулеметамъ, но теперь оно поняло ихъ грозную силу. Кромѣ того, за послѣднее время энергія Великобританіи была все болѣе и болѣе обращена въ сторону Дарданеллъ.

Мысль о дарданелльской кампаніи имѣла какую-то традиціонную привлекательность для англичанъ. Старики выросли на знакомой съ дѣтства фразѣ о „форсированіи Дарданеллъ". Въ ней не было такой легкомысленной новизны и вульгарности, какъ въ „воздушной атакѣ", казавшейся какимъ-то несерьезнымъ и подозрительнымъ пріемомъ войны. „Форсированіе „Дарданеллъ" былъ лозунгъ исторически-британскій. Онъ не порывалъ ни съ какими традиціями. Вскорѣ послѣ вступленія Турціи въ войну, англійскія подводныя лодки появились въ Мраморномъ морѣ, а съ февраля началась систематическая бомбардировка дарданелльскихъ фортовъ и укрѣпленій. Она продолжалась съ перерывами около мѣсяца, причемъ защитники пользовались своимъ опытомъ и періодами дурной погоды, чтобы усилить и улучшить свои укрѣпленія. Эта первая фаза дарданелльскихъ операцій закончилась потерей судовъ „Irresistible", „Ocean" и „Bouvet" во время попытки союзнаго флота войти въ проливы 17-го марта 1915 г. Послѣ перерыва въ шесть недѣль, который далъ защитникамъ Дарданеллъ время еще лучше подготовиться, появились наконецъ на сценѣ союзныя арміи, и удалось, цѣной большихъ трудностей и жертвъ, высадить ихъ въ двухъ пунктахъ галлипольскаго полуострова. Послѣ этого началась медленная и кровавая осада дарданелльскихъ укрѣпленій, завершившаяся неожиданно для турокъ высадкой новой британской арміи въ бухтѣ Сувлѣ, въ августѣ, и неудачей этой арміи въ битвѣ при Анафартѣ: въ результатѣ союзникамъ не удалось отрѣзать и взять Майдосъ и дарданелльскіе форты...

А въ это время русскія арміи, достигнувшія со взятіемъ Перемышля крайней точки своего размаха, были оттѣснены сперва на югѣ, потомъ на сѣверѣ. Германцы взяли обратно Львовъ, вступили въ Варшаву и двинулись дальше, чтобы захватить Брестъ-Литовскъ. Русскія линіи покатились назадъ, производя на всѣхъ впечатлѣніе пораженія, а нѣмцы пробирались все впередъ и впередъ на Ригу и Петроградъ, и къ серединѣ сентября достигли Вильны...

День за днемъ м-ръ Бритлингъ, съ нетерпѣніемъ и тревогой слѣдилъ за колеблющимися чашами борьбы, но ни на

секунду не терялъ вѣры въ конечную побѣду Англіи. Все еще грѣло осеннее солнце, и вся загородная Англія кишѣла войсками. Второй осенній сѣнокосъ вознаградилъ за скудность перваго, урожай хлѣба былъ на рѣдкость удачный, и большая смоковница въ саду м-ра Бритлинга дала такое обиліе сочныхъ и прекрасныхъ смоквъ, какъ никогда...

И вотъ въ одинъ прекрасный іюньскій день, когда эти смоквы были еще только въ перспективѣ, въ Дауэръ-Хаузъ пришелъ вмѣстѣ съ Летти Тэдди проститься передъ отъѣздомъ на фронтъ. Онъ отправлялся съ маршевой командой на пополненіе убыли въ какомъ-то полку; но въ какой полкъ и куда, онъ не зналъ. Миссисъ Бритлингъ велѣла подать чай подъ синій кедръ на газонѣ, а м-ръ Бритлингъ чувствовалъ, что онъ не можетъ подыскать подходящихъ темъ и словъ для разговора, и смущенно говорилъ такъ, точно отъѣздъ Тэдди не составлялъ никакого происшествія. Его все еще преслѣдовало страшное чувство отвѣтственности за Тэдди. Послѣдній былъ далеко не такой веселый и живой, какъ въ дни до вступленія въ армію: въ его настроеніи было скорѣе какое-то тихое возбужденіе, чѣмъ жизнерадостное волненіе. Онъ теперь зналъ, на что идетъ. Онъ зналъ, что война не шутка, и что для него она будетъ самымъ серьезнымъ испытаніемъ, какое когда-либо выпадало или выпадетъ на его долю. Уже не было шутокъ насчетъ пенсіи, которую получитъ Летти, и всѣ старательно избѣгали касаться такихъ темъ, какъ взрывчатыя вещества или удушливые газы.

М-ръ и миссисъ Бритлингъ проводили молодую парочку до воротъ.

— Счастливаго возвращенія! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ удаляющемуся Тэдди.

Тэдди махнулъ ему рукой въ отвѣтъ.

М-ръ Бритлингъ простоялъ нѣсколько минутъ, глядя имъ вслѣдъ; они шли по направленію къ маленькому коттеджу, гдѣ должно было состояться ихъ частное, интимное прощаніе другъ съ другомъ.

— Мнѣ очень тяжело, что онъ уѣзжаетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Надѣюсь, что вернется невредимымъ... Тэдди сталъ такимъ серьезнымъ... Знаю, что это нехорошо... но я счастливъ, что Гю не придется ѣхать на фронтъ...

Онъ подумалъ и прибавилъ:

— Или по крайней мѣрѣ не раньше, чѣмъ черезъ годъ и три мѣсяца, даже если его отправятъ въ самый день его рожденія... А къ тому времени, навѣрное, все уже окончится...

VI.

Но въ своихъ расчетахъ онъ не принялъ во вниманіе самого Гю.

Не прошло и мѣсяца, какъ Гю тоже пришелъ проститься.

— Но какъ же? — запротестовалъ м-ръ Бритлингъ, хотя самъ предугадывалъ отвѣтъ, — вѣдь тебѣ еще нѣтъ девятнадцати лѣтъ?

— Когда я записывался въ добровольцы, я заявилъ, что мнѣ девятнадцать.

М-ръ Бритлингъ ничего не говорилъ нѣсколько времени. Потомъ онъ сказалъ, какъ-то странно заикаясь:

— Я не виню тебя... ты... хорошо поступилъ...

Серьезная муштровка и отвѣтственность, налагаемая его новымъ чиномъ, придавали отпечатокъ новой мужественности фигурѣ и тону унтеръ-офицера Бритлинга.

— Я вѣдь еще въ университетѣ записывалъ себя немного старше своего настоящаго возраста, — сказалъ онъ, какъ-будто это исчерпывало вопросъ.

Онъ сталъ внимательно разсматривать розовый кустъ.

— Я думалъ, — сказалъ онъ, — что ужъ если идти на войну, то надо сдѣлать все по настоящему. А то выходитъ какъ-то... наполовину... изъ-за какого-то года оказаться непригоднымъ для окоповъ... Я, пожалуй, долженъ былъ тебя предупредить...

— Да, — рѣшилъ м-ръ Бритлингъ.

— Но вначалѣ я не рѣшался... Я думалъ, что война, можетъ-быть, кончится прежде, чѣмъ придется объ этомъ толковать... Мнѣ вообще не хотѣлось воевать.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, какъ-будто это объясненіе вполнѣ его удовлетворило.

— Въ этомъ году розы очень хороши, — сказалъ Гю.

VII.

Гю пришлось переночевать дома. Вечеръ тянулся для него, какъ и для остальныхъ, какъ-то особенно длинно и вяло, лишенный всякой выразительности. Только мальчики были по настоящему естественны и оживленны. На нихъ производилъ большое впечатлѣніе предстоящій отъѣздъ Гю, и они задавали ему сотни вопросовъ о жизни въ окопахъ. На многіе изъ нихъ онъ не могъ отвѣтить и долженъ былъ обѣщать, что напишетъ съ фронта. Тамъ онъ все точно и подробно разузнаетъ.

Миссисъ Бритлингъ была очень ласкова, даже матерински-нѣжна, и заботилась о его вещахъ.

— Тебѣ понадобятся зимнія вещи? — спросила она.

И только, когда всѣ ушли спать, и онъ остался наединѣ съ отцомъ, они были въ состояніи, наконецъ, какъ слѣдуетъ, поговорить другъ съ другомъ.

— Для насъ это куда болѣе крупное событіе, чѣмъ для французской семьи, — замѣтилъ Гю, стоя на коврикѣ у камина.

— Да, — согласился м-ръ Бритлингъ, — они къ этому подготовлены. Они знаютъ, что говорить въ такихъ случаяхъ... Вѣдь они воспитаны на обязательной воинской повинности и традиціяхъ 1871-го года.

Потомъ онъ прибавилъ, почти злобно:

— Прежде, чѣмъ отправлять васъ, мальчиковъ, слѣдовало бы послать людей постарше. Кто будетъ продолжать нашу жизнь, если вы всѣ будете убиты?

Гю задумался.

— Даже въ самой ожесточенной битвѣ все же больше шансовъ за то, чтобы уцѣлѣть, — сказалъ онъ.

— Надо полагать...

— Да, въ самыхъ жаркихъ бояхъ бываетъ убитъ одинъ изъ трехъ или четырехъ, не больше.

М-ръ Бритлингъ ничего не отвѣтилъ.

— Въ наши дни всѣ такъ или иначе переживаютъ то же, что мы съ тобой...

— Да! Всѣ порядочные люди, по крайней мѣрѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— А для меня это будетъ необычайнымъ переживаніемъ. Мнѣ какъ-то все это кажется несоразмѣримымъ...

— Съ чѣмъ?

— Съ жизнью вообще. Съ той жизнью, какой мы ее знали до сихъ поръ.

— Да, съ такой жизнью это, дѣйствительно, не сравнимо, — согласился м-ръ Бритлингъ.

— Совершенно несоизмѣримыя величины, — сказалъ Гю.

Онъ какъ бы сталъ обдумывать свое опредѣленіе.

— Мы не то что вступаемъ, — сказалъ онъ, — въ какую-то другую область нашего міра, или просто вывертываемъ на изнанку ту часть міра, къ которой привыкли. Ощущеніе получается совсѣмъ другое — точно человѣкъ прожилъ цѣлую жизнь въ одной комнатѣ, и вдругъ его попросили выйти изъ нея... Это напоминаетъ мнѣ любопытный случай, который

приключился со мной прошлой зимой, въ Лондонѣ. Однажды я попалъ тамъ въ довольно таки странную компанію. Кажется, я тебѣ объ этомъ не разсказывалъ. Я поѣхалъ ужинать къ знакомымъ студентамъ въ Чельси. Раньше я у нихъ никогда не бывалъ; они казались совсѣмъ обыкновенными людьми... въ родѣ тебя или меня... Ничего въ нихъ не было особеннаго. Послѣ ужина они захватили меня съ собой, и мы отправились всѣ вмѣстѣ къ какимъ-то ихъ знакомымъ... не очень близкимъ знакомымъ, къ людямъ, которые имѣли отношеніе къ какой-то школѣ драматическаго искусства. Тамъ было двѣ или три молоденькихъ актрисы, пѣвецъ и еще нѣсколько человѣкъ въ этомъ родѣ. Мы сидѣли, курили папиросы, говорили о театрѣ, о книгахъ, выставкахъ и т. д. И вдругъ раздался стукъ въ парадную дверь. Кто-то вышелъ и увидѣлъ на площадкѣ лѣстницы полисмена съ предписаніемъ объ обыскѣ и арестѣ... И полиція забрала сына нашего хозяина... Его обвиняли въ убійствѣ...

Гю остановился на минутку.

— Дѣло шло о таинственномъ убійствѣ на Бедфордъ-стритѣ. Ты, вѣроятно, забылъ или вовсе не читалъ объ этомъ. Оказывается, сынъ нашего хозяина былъ убійцей... Не стоитъ припоминать подробности... важно только впечатлѣніе, которое это произвело. Понимаешь: уютная, ярко освѣщенная, тихая, спокойная комната, группа мирно бесѣдующихъ, безвредныхъ людей — и вдругъ открывается дверь, сквознякъ и полисменъ. Убійство!.. Одна изъ присутствующихъ барышенъ шопотомъ объяснила мнѣ, въ чемъ дѣло. Впечатлѣніе было такое, точно открылась потаенная дверь, ведущая въ какое-то подземелье, про существованіе котораго хотя и знали, но никогда какъ-то въ него не вѣрили.

— Я знаю это, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Знаю!

— Вотъ такое у меня теперь ощущеніе и отъ этой войны. Настоящей смерти вотъ здѣсь, у насъ, нѣтъ. Она вся заранѣе обезврежена, и у ней связаны руки. И несчастные случаи тоже „обезврежены", доведены до минимума. Если тебя здѣсь вдругъ сброситъ лошадь, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то черезъ полчаса уже будешь лежать въ уютной постели, тебя забинтуютъ, осмотрятъ и т. д... А тамъ... Тамъ, какъ-будто на другой планетѣ. Это внѣ всего прежняго... по ту сторону чего-то... И я ѣду... по ту сторону чего-то... Тамъ — смерть повсюду. Мы будемъ прилагать всѣ старанія, чтобы убивать другъ друга. Тамъ какъ-будто нашъ здѣшній міръ, вывернутый на изнанку.

М-ръ Бритлингъ кивнулъ головой.

— Я еще ни разу въ жизни не видалъ мертваго тѣла. Здѣсь, въ странѣ Дауэръ-Хаузовъ, труповъ не бываетъ.

— Да, мы всегда старались скрывать отъ васъ такія страшныя вещи.

— Я на это не жалуюсь, — сказалъ Гю, — но тотъ молодой Гю... отъ котораго вы такъ тщательно скрывали всякіе ужасы... никогда не вернется назадъ.

Онъ быстро продолжалъ, замѣтивъ отблескъ отчаянія въ глазахъ отца.

— Я хочу сказать, что ... тотъ Гю никогда не вернется... если вернется, такъ уже другой Гю, который побывалъ по ту сторону... и онъ уже будетъ другимъ.

Онъ умолкъ. Никогда въ жизни м-ръ Бритлингъ не испытывалъ такъ мало желанія вести бесѣду.

— Да, это такое же ощущеніе, — сказалъ онъ, подыскивая образъ и ограничиваясь повтореніемъ того же, который приводилъ сынъ, — какъ-будто человѣкъ выходитъ изъ людной, освѣщенной комнаты черезъ маленькую дверь въ метель, чтобы починить крышу.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ отецъ и сынъ молчали. У нихъ обоихъ было странное чувство непреодолимой скованности. Ни тотъ, ни другой не говорили того, что хотѣли сказать, и въ то же время имъ не было ясно, что̀ именно они хотѣли сказать другъ другу.

— Странно все это! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

Гю же могъ только придумать:

— Міръ какъ-то весь перевернулся...

— Но дѣло затѣяно — и его нужно выполнить до конца, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Очевидно! — подтвердилъ Гю.

Пауза сдѣлалась еще продолжительнѣе.

— Тебѣ придется рано встать завтра, — сказалъ м-ръ Бритлингъ...

VIII.

Когда м-ръ Бритлингъ остался одинъ въ своей комнатѣ, всѣ чувства и мысли, которыя куда-то попрятались пока онъ былъ внизу, теперь начали все быстрѣе и быстрѣе проноситься въ его мозгу.

У него было такое чувство, точно онъ теперь только начиналъ понимать своего Гю. Это вѣчное „открытіе“ своихъ

дѣтей — чувство, свойственное всѣмъ наблюдательнымъ родителямъ. Онъ до сихъ поръ всегда смотрѣлъ на Гю какъ на мальчика, и вдругъ передъ нимъ предсталъ взрослый человѣкъ и говорилъ съ нимъ, какъ съ равнымъ. И этотъ новый взрослый человѣкъ, такой свѣжеиспеченный, чистый, ясный, наполнилъ м-ра Бритлинга удивленіемъ и восхищеніемъ.

Онъ точно впервые замѣтилъ юношескую красоту стройной одѣтой въ хаки фигуры Гю. Была какая-то безконечная утонченность въ его чистомъ лицѣ, ясныхъ глазахъ, въ тонко очерченныхъ бровяхъ, напоминающихъ брови его матери. И это свѣтлое, благородное существо говорило серьезно и мудро, какъ старикъ, потрепанный жизнью...

Мальчикъ былъ несомнѣнно уменъ.

Гю умѣлъ думать самостоятельно; онъ прекрасно разбирался въ своемъ положеніи и не съ эгоистической точки зрѣнія, а съ сознаніемъ своей отвѣтственности. Онъ не поклонялся какому-нибудь идолу героизма, не подражалъ кому-нибудь или чему-нибудь, не создавалъ вокругъ себя никакой романтической иллюзіи. И если онъ типичный образчикъ своего поколѣнія, то это поколѣніе куда лучше, чѣмъ то, къ которому принадлежалъ м-ръ Бритлингъ.

И тутъ мысли м-ра Бритлинга сразу перескочили на его личную обиду — за себя, какъ отвергнутаго добровольца. Ему было стыдно до боли, что всѣ эти отважные юноши отправляются на смерть и раны въ то время, какъ мужчины сорока лѣтъ и выше спокойно остаются сидѣть дома, въ полной безопасности. Какъ все это глупо придумано! Всѣмъ этимъ безчисленнымъ отцамъ, которые, въ сущности, уже прожили свою жизнь, сдѣлали свое дѣло, вернули странѣ часть капитала потраченнаго на ихъ воспитаніе, — этимъ людямъ никакъ не удается получить военную подготовку; отъ ихъ услугъ отказываются, они сидятъ въ позорной безопасности, играютъ въ какихъ-то полисменовъ. А молодые, невинные, неискушенные жизнью мальчики, будущее и надежда Англіи, отправляются на смерть, въ окопы. Послѣ войны земля превратится въ сборище калѣкъ и стариковъ. И онъ представлялся себѣ трусливымъ, жирнымъ, дряблымъ животнымъ, прячущимся за этотъ единственный отпрыскъ умершей Мэри.

Онъ содрогнулся отъ безсильнаго униженія.

Какъ глупо устроенъ міръ!

Онъ началъ злиться и нервничать. Онъ не могъ спокойно лежать въ постели, всталъ и началъ бродить по комнатѣ, наскакивая въ темнотѣ на стулья и столы...

— Мы слишкомъ глупы, чтобы сдѣлать самое необходимое; мы посылаемъ всѣхъ этихъ мальчиковъ на безпощадныя опасности и всякія трудности; посылаемъ ихъ плохо подготовленными, съ недостаточными средствами обороны только потому, что англичане, въ сущности, народъ халатныхъ, сытыхъ, псевдо-добродушныхъ стариковъ и пожилыхъ людей. (Такъ онъ распредѣлилъ на своихъ соотечественниковъ невыносимое бремя самообвиненія). Почему онъ самъ ничего не дѣлаетъ, чтобы измѣнить такой порядокъ вещей, улучшить его? Къ чему напускать на себя скромность и проявлять такую терпимость и довѣріе по отношенію ко всѣмъ этимъ болтливымъ старымъ адвокатамъ, этимъ пустозвоннымъ митинговымъ ораторамъ, тупымъ офицерамъ и толстокожимъ чиновникамъ? Они посылаютъ на бойню молодежь, цвѣтъ Англіи. А старики сидятъ спокойно дома, внѣ опасности, и придумываютъ для мальчиковъ смерть. Вотъ какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности!

— Сынъ мой! — рѣзко крикнулъ онъ въ темнотѣ. И его пониманіе національныхъ англійскихъ недостатковъ стало мучительно, чудовищно острымъ. Словно всѣ его излюбленныя иллюзіи сразу куда-то канули въ пропасть...

Къ чему уговаривать себя, что тамъ „наверху" готовятъ какой-то потрясающій отпоръ, который неминуемо долженъ завершиться побѣдой? Ясно было, какъ Божій день, что „наверху" у нихъ нѣтъ ни достаточной силы воображенія, ни коллективнаго разума для того, чтобы помышлять объ отпорѣ. Всякая тупая масса можетъ обороняться, но лишь воображеніе можетъ перейти въ наступленіе. Воображеніе! Мы до самаго конца такъ и не будемъ нападать! А мы могли бы „ударить" въ воздухѣ нашими воздушными силами! И на морѣ! Мы могли бы сильно ударить, въ Галлиполи, вмѣсто того, чтобы отправлять туда подкрѣпленія по капелькѣ, „черезъ часъ по столовой ложкѣ", какъ говорится...

Но нѣтъ, старики упорно сидятъ за своими столами, сонные и сытые, и качаютъ своими хитрыми старыми головами. Газеты продолжаютъ болтать, трещать, издавать странные, двусмысленные звуки, точь-въ-точь, какъ въ бурю пароходъ, нагруженный обезьянами. Политическія клячи будутъ добиваться назначенія самыхъ ненужныхъ людей и будутъ съ пѣной у рта набрасываться на всякаго болѣе или менѣе крупнаго общественнаго вождя, обливая его помоями сплетенъ, ушатами грязи и лжи.

Изъ этой войны безслѣдно исчезли всякая одухотворенность, всякое благородство.

Единственная наша надежда — истощеніе врага. Единственная наша стратегія — мѣнять кровь на кровь, въ надеждѣ, что нашъ чанъ крови будетъ глубже ихъ чана...

И въ этотъ чанъ вступалъ Гю, сіяя юностью, улыбаясь...

Война становилась настоящимъ кошмаромъ...

IX.

На слѣдующее утро м-ръ Бритлингъ былъ блѣденъ отъ безсонной ночи и мучительныхъ мыслей, а Гю былъ свѣжъ и бодръ послѣ здороваго сна. Они походили вдвоемъ по газону, и м-ръ Бритлингъ говорилъ въ оптимистическомъ тонѣ о положеніи вещей и о будущемъ, пока не наступило время ѣхать на станцію.

Маленькій, старенькій начальникъ станціи сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и принялъ участіе въ ихъ прощаніи.

— Счастливаго возвращенія, Гю! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ.

— Счастливаго возвращенія! — крикнулъ старичокъ, начальникъ станціи.

— Да, нелегко-то прощаться, — сказалъ онъ м-ру Бритлингу, когда поѣздъ тронулся. — Много такихъ прощаній было на этомъ самомъ мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ началась война! Много. И много изъ тѣхъ, что уѣхали, никогда не вернутся...

X.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней м-ръ Бритлингъ ни о чемъ другомъ, кромѣ Гю, не могъ думать, и о немъ онъ думалъ съ тупой болью въ сердцѣ. Онъ испытывалъ то же чувство, что и много лѣтъ тому назадъ, когда ходилъ взадъ и впередъ внизу, пока наверху Гю дѣлали операцію.

Но на этотъ разъ операція все длилась — и кончилась.

— Въ худшемъ случаѣ, — разсуждалъ онъ, — у Гю одинъ шансъ изъ пяти быть убитымъ или раненымъ.

И долго онъ ни о чемъ не могъ думать, кромѣ какъ объ этомъ одномъ шансѣ изъ пяти.

Онъ чувствовалъ, что это невыносимо давитъ на его мысли...

Но вмѣсто того, чтобы капитулировать подъ этимъ давленіемъ, онъ вдругъ освободился отъ него съ помощью своего сангвиническаго темперамента.

Огромнымъ усиліемъ воли онъ сразу остановилъ свои мысли на оставшихся четырехъ шансахъ изъ пяти, и — какъ будто какой-то вывихнутый суставъ вскочилъ назадъ на свое

мѣсто,—онъ приспособился къ мысли о томъ, что Гю въ смертельной опасности.

Эта мысль стала чѣмъ-то обычнымъ, вполнѣ терпимой, выносимой, и онъ снова могъ заняться своими дѣлами.

Онъ поѣхалъ въ Лондонъ, встрѣтилъ тамъ въ клубѣ другихъ отцовъ, переживавшихъ тѣ же чувства, понялъ вдругъ, что нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни исключительно трагичнаго въ томъ фактѣ, что его сынъ на фронтѣ.

— Мой сынъ въ Галлиполи, — сказалъ одинъ такой отецъ. — Имъ тамъ тяжеленько приходится...

— А мой во Фландріи, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Онъ во что бы то ни стало захотѣлъ отправиться на фронтъ. Ему еще нѣтъ полныхъ восемнадцати лѣтъ. И чтобы поѣхать, ему пришлось сказать, что онъ старше.

Они стали обсуждать послѣднія газетныя извѣстія, какъ-будто міръ былъ такимъ, какъ всегда.

Но пока не пришла первая открытка отъ Гю, м-ръ Бритлингъ каждое утро ожидалъ прихода почтальона, какъ влюбленная дѣвушка ждетъ письма отъ милаго.

Гю писалъ чаще, чѣмъ даже смѣлъ надѣяться его отецъ. Письма его большей частью были написаны карандашомъ. Казалось, что онъ ощущалъ унаслѣдованную потребность дѣлиться своими мыслями, и у него не было подходящаго собесѣдника. Паркъ, его школьный товарищъ, который записался вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ же полкъ, очевидно, не любилъ разсуждать и дѣлать выводы. „Паркъ сталъ страшнымъ педантомъ, настоящимъ военнымъ, — писалъ Гю. — А, кромѣ того, онъ недавно произведенъ въ фельдфебели, и это какъ-то раздѣлило насъ“.

М-ру Бритлингу было очень трудно отвѣчать на письма сына. Ему хотѣлось сказать много серьезнаго и глубокомысленнаго, но онъ почему-то воздерживался отъ разсужденій. Вмѣсто этого онъ подробно описывалъ разныя мелочи изъ жизни Дауэръ-Хауза. Разъ или два въ безсознательномъ подражаніи стилю писемъ сына, онъ попытался было затронуть философскія и теологическія темы. Но тѣ „Образцовыя письма отца къ сыну въ окопахъ“, которыя онъ сочинялъ въ постели въ безсонныя ночи, никогда не были написаны. Можетъ-быть, это и къ лучшему, много существуетъ вещей, о которыхъ лучше думать, чѣмъ говорить или писать о нихъ.

Гю довольно туманно писалъ о своемъ положеніи и своихъ обязанностяхъ. Его письма должны были проходить черезъ цензуру, и всякаго рода подробности могли бы повести къ задержкѣ или уничтоженію письма. М-ръ Бритлингъ представлялъ

себѣ Гю въ какомъ-нибудь большомъ лагерѣ, гдѣ-нибудь въ тылу, въ плоской безлюдной мѣстности, куда ясно доносится громъ крупныхъ орудій. Въ этомъ его воображенію помогали иллюстрированные журналы. Иногда же онъ переводилъ Гю еще глубже въ тылъ, въ милые старинные городки, въ родѣ Бовэ, и представлялъ себѣ веселыя, праздныя группы людей, сидящихъ на тротуарахъ передъ кафэ... А иногда его воображенію рисовалась поляна, покрытая спутанными лошадями, палатками, сѣрыми возами, и на первомъ планѣ — Гю, съ засученными рукавами, съ ведромъ въ рукѣ.

Содержаніе писемъ Гю дѣлилось въ болѣе или менѣе равной мѣрѣ между двумя главными темами; первой изъ нихъ былъ его интересъ къ искусству войны; второй — протестъ противъ войны.

„Послѣ того, какъ прошло первое возбужденіе, — писалъ онъ, — и когда мысль приняла и забыла (какъ она всегда забываетъ) ужасы и напрасныя жертвы войны, я начинаю убѣждаться, что война, въ сущности, наиболѣе интересная изъ всѣхъ игръ въ мірѣ. Это, по моему, и есть настоящая сила войны. А не то, что ты утверждалъ въ первой своей брошюрѣ, помнишь? — „тщеславіе, жестокость“ и т. д. Такого рода побужденія находятъ оправданіе для войны, вовлекаютъ въ нее робкихъ и мелочныхъ людей, — но главное, конечно, въ той силѣ, съ которой война сама захватываетъ всякое воображеніе. Это просто огромнѣйшихъ размѣровъ игра. Вмѣсто того, чтобы быть ограниченной какой-нибудь отгороженной площадкой или однимъ комплектомъ спеціальныхъ приспособленій, какъ во всякой другой игрѣ — въ твоемъ распоряженіи весь міръ, и ты можешь пользоваться для игры всѣмъ, чѣмъ хочешь. Можешь пользоваться всякой крупицей воображенія и изобрѣтательности, которая въ тебѣ живетъ... И получается чудесная игра... Настоящіе солдаты вовсе не жестоки. И война тоже не жестока въ своей сущности, — а только своими послѣдствіями. Здѣсь, на фронтѣ, сплошь и рядомъ слышишь обрывки разговоровъ, которые многое освѣщаютъ. Большая часть жестокостей, про которыя мы читали дома, была совершена, — это точно установлено, — возбужденной толпой „штатскихъ“ по духу людей, людей въ состояніи какой-то горячки. Большая часть германской арміи въ первыхъ стадіяхъ войны была, въ сущности, арміей обезумѣвшихъ штатскихъ. Это были все аккуратные, чистенькіе, послушные закону, любящіе порядокъ люди, внезапно сорванные съ корнями со своихъ насиженныхъ мѣстъ и брошенные въ совершенно невыносимыя условія. Они чувствовали, что мчатся къ смерти, и что наступилъ конецъ всякой

порядочности. Они думали, что у каждаго бельгійца припрятано за спиной ружье, а за сапогомъ — ножъ. Они видѣли горящія села и деревни, трупы убитыхъ людей, разорванныхъ на куски. Они жили въ состояніи какого-то кошмара. Они не сознавали, что дѣлаютъ. И они совершали ужасные поступки, какъ совершаешь ихъ иногда во снѣ...“

И вдругъ онъ пришелъ къ неожиданному выводу:

„Арміи, созданныя на началахъ всеобщей воинской повинности — гибель войны... Половина всѣхъ нѣмцевъ и большая часть французовъ никогда не должны были быть допущенными ближе, чѣмъ на десять верстъ къ любому полю битвы.

„Это становится совершенно яснымъ изъ тѣхъ дневниковъ, которые французы и англичане находили на убитыхъ. Ты вѣдь знаешь, что въ самомъ началѣ войны каждому нѣмецкому солдату полагалось вести дневникъ. Имъ это вмѣнялось въ обязанность. Цѣль этой мѣры — поддерживать въ солдатахъ интересъ къ войнѣ; поэтому въ наши руки попались тысячи такихъ дневниковъ съ мертвыхъ и раненыхъ... И по нимъ легко убѣдиться, что нѣмцы, въ сущности, не солдаты по духу. Не въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мы, англичане. Они послушны, повинуются безропотно всякимъ законамъ и правиламъ; и въ общемъ, умный народъ, котораго втолкнули въ эту войну. Имъ нужно представить войну въ мелодрамаческомъ или романтическомъ свѣтѣ, какъ явленіе нравственнаго порядка съ непремѣннымъ участіемъ рока или судьбы. Необходимо, чтобы они орали пѣсни про „Deutschland“, или ни къ селу ни къ городу приплетали Бога. Они не втягиваются въ „игру“, какъ втягиваются наши солдаты.

„Признаюсь, что я самъ втягиваюсь въ игру. Временами я начинаю жалѣть, что не поступилъ въ офицерскую школу вмѣстѣ съ Тэдди и не изучилъ точнѣе теорію и пріемы игры. Я относился слишкомъ свысока къ войнѣ. А теперь я мечтаю о производствѣ въ офицеры.

„Эта стратегія охоты за дневниками — придаетъ войнѣ большой интеллектуальный интересъ. Все, что можетъ такъ или иначе привести къ побѣдѣ, у нѣмцевъ тщательно обдумано и испробовано. Нѣмцы придаютъ гораздо больше значенія психологіи, чѣмъ мы, такъ же какъ они вообще всегда больше занимались войной, чѣмъ мы; но въ общемъ, мнѣ кажется, что они не многаго достигли. Они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы заставить своихъ солдатъ „понять“ войну, въ то время, какъ наши цѣлыми днями поютъ „Типерери“. Но

нѣмцы записываютъ въ свои дневники не тѣ высокія настроенія, которыя они должны были бы записывать. Большинство изъ нихъ перечисляютъ, что они пили и ѣли; многіе изъ этихъ дневниковъ производятъ впечатлѣніе какихъ-то прейскурантовъ или меню; а многіе записали самыя откровенныя подробности своихъ грабежей и насилій. И теперь французы переводятъ эти дневники и издаютъ ихъ. Нѣмцы дорого бы дали, чтобы получить назадъ эти глупые дневники. Недавно они отдали приказъ не брать съ собой въ походъ никакихъ писемъ, бумагъ или записныхъ книжекъ... Наше начальство такъ увлекалось собираніемъ всякихъ документовъ и случайныхъ записей, писемъ и т. д., что одно изъ нашихъ главныхъ занятій послѣ всякой неудачной германской атаки — было обыскивать мертвыхъ въ надеждѣ, не найдется ли на нихъ интересныхъ „документовъ".

„...Курьезный спортъ эта охота за трупами! У ловца имѣется тройной крюкъ на веревкѣ; онъ бросаетъ его, зацѣпляетъ какое-нибудь тѣло и тянетъ его къ себѣ въ окопъ. И нѣмцы дѣлаютъ то же самое. Третьяго дня у насъ былъ такой случай: одно и то же тѣло было „поймано" и нашей и ихней удочкой, и обѣ стороны тянули его къ себѣ изо всѣхъ силъ. А какъ только надъ гребнемъ окоповъ показывалась у насъ или у нихъ голова кого-нибудь изъ тянущихъ, сейчасъ начиналась стрѣльба. Нѣсколько человѣкъ было такимъ образомъ убито. Ирландцы — это былъ ирландскій полкъ — въ концѣ-концовъ перетянули трупъ къ себѣ, т. е. вѣрнѣе большую часть его...

„Теперь, послѣ того, какъ меня произвели въ фельдфебели, Паркъ снова разговариваетъ со мной на эти темы; нашъ старшій офицеръ тоже очень интересуется всякими техническими подробностями. Такъ какъ, вообще говоря, все это лишь техническія подробности. Къ нимъ иначе нельзя относиться. О трупѣ, въ такихъ случаяхъ, уже не думаешь, какъ о мертвомъ человѣкѣ, у котораго еще недавно была жена и дѣти, и знакомые, и слабость къ устрицамъ или коньяку. Не думаешь о немъ, какъ о чемъ-то, что смѣялось и плакало, и боялось боли. Это бы все испортило. Просто думаешь о немъ, какъ о чемъ-то въ форменной курткѣ съ значками, которые намъ что-нибудь разъяснятъ, съ бумагами, которыя дадутъ намъ указанія, до какой степени ему и его сородичамъ начала надоѣдать война. Жизнь здѣсь, въ окопахъ, закаляетъ не только тѣло, но и мысль. Живешь на совершенно иномъ уровнѣ, чѣмъ прежде.

„Помнишь, — передъ моимъ отъѣздомъ, — мы говорили о странѣ Дауэръ-Хаузовъ... и о томъ, что „внѣ" ея?... Такъ

вотъ это и есть то самое „внѣ“. Тутъ все другое. Наши солдаты все еще добры къ цѣлому ряду мелкихъ тварей — къ котятамъ, птицамъ или цвѣтамъ. Всюду въ тылу наши „Томми“ разбили себѣ сады. И нѣкоторые изъ нихъ очень красивы. Но нелѣпо даже предполагать, что мы здѣсь относимся съ нѣжностью къ раненымъ. Что касается врага, то для него не осталось ни капли жалости. Ни капли. Ни малѣйшаго слѣда на жалость. Въ началѣ войны, правда, относились болѣе или менѣе нѣжно къ раненымъ — мнѣ это разсказывали наши солдаты — и съ уваженіемъ къ мертвымъ. Но теперь это кануло въ вѣчность. Съ тѣхъ поръ были всякіе ужасы, газы, было такое, чего нельзя забыть. Все стало жесточе. Теперь наши солдаты склонны посмѣяться надъ легко раненымъ, и злятся на стоны тяжело раненыхъ. Мнѣ разсказывали третьяго дня, что какъ разъ передъ окопами эссекскаго полка лежалъ трупъ огромнаго нѣмецкаго солдата. Онъ началъ разлагаться и скверно пахнуть; наши втащили его въ окопы и похоронили позади линій. Послѣ того, какъ его закопали, какая-то сердобольная душа вздумала поставить надъ его могилой крестъ съ надписью: „Чей-нибудь Фрицъ“. И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ водружалъ этотъ крестъ, рядомъ разорвался снарядъ. Человѣка съ крестомъ откинуло ярдовъ на двѣнадцать въ сторону, ранило его, а Фрица снова выбросило на открытый воздухъ. Трупъ подскочилъ въ воздухѣ и упалъ гдѣ-то недалеко отъ могилы. Среди нашихъ поднялся невообразимый хохотъ, и всѣ долго издѣвались надъ тѣми, кто взялъ на себя трудъ похоронить Фрица; послѣ того никто не хотѣлъ касаться труповъ изъ боязни издѣвательствъ. Бѣдный Фрицъ продолжалъ лежать и разлагаться. Но когда запахъ отъ него сталъ совершенно невыносимымъ, его опять какіе-то добрые самаритяне похоронили, и снова надпись на крестѣ гласила: „Чей-нибудь Фрицъ. Миръ его душѣ“. И нужно же было снова упасть на томъ же мѣстѣ другому снаряду и снова выкинуть его изъ могилы. На этотъ разъ полуразложившійся трупъ разнесло на куски. Весь окопъ корчился отъ смѣха и кричалъ: „Ну, что, здорово, старый Фрицъ?“ „Это тебѣ не воскресеніе изъ мертвыхъ, Фрицъ!“

„Юмора и шутокъ у насъ въ окопахъ — хоть отбавляй. Вотъ, напримѣръ, продѣлываютъ такого рода шутки. У насъ имѣется два типа бикфордова шнура: одинъ, „медленный“, который примѣняется для ручныхъ бомбъ и гранатъ, — это такой, который горитъ со скоростью, скажемъ, ярда въ минуту, и другой шнуръ, „скорый“, сто ярдовъ въ секунду, для взрыванія

минъ и т. д. Шнуръ послѣдняго типа сразу можно отличить по ярко-красной нити, которая его украшаетъ. Какъ ты, навѣрное, знаешь, и у насъ, и у нѣмцевъ завелась теперь привычка, когда окопы находятся достаточно близко другъ къ другу, развлекаться киданіемъ другъ въ друга ручныхъ гранатъ. Гранаты эти домашняго издѣлія, но тѣмъ не менѣе довольно эффектныя, хотя и приготовлены изъ старыхъ жестянокъ. Когда такая граната падаетъ въ англійскій окопъ, кто-нибудь сразу хватаетъ ее и бросаетъ обратно къ нѣмцамъ. Взорвать нѣмцевъ ихъ собственной петардой — это высшее наслажденіе. А когда англійская граната падаетъ въ германскій окопъ, всѣ разбѣгаются. (Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня солдаты изъ нашихъ окоповъ; хотя, разумѣется, вполнѣ возможно, что и на нашей, и на той сторонѣ бываютъ исключенія). Если бомба взрывается, то все ясно. Если же нѣтъ, то Гансъ или Фрицъ медленно приползаютъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Иногда шнуръ не загорѣлся какъ слѣдуетъ, если гранату, напримѣръ, бросилъ человѣкъ нервный; или шнуръ просто плохо разгорѣлся, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Тогда Гансъ или Фрицъ или вставляютъ въ гранату новый шнуръ, или снова поджигаютъ старый и швыряютъ ее обратно къ намъ. Взорвать англичанъ ихъ же собственной петардой для нѣмцевъ тоже — высшее наслажденіе... Но вотъ тутъ-то и начинаетъ проявляться военный геній. Какой-то талантливый юноша у насъ досталъ (попросту укралъ, навѣрное), нѣсколько ярдовъ „быстраго“ шнура и потратилъ цѣлый день на то, чтобы, вытащивъ изъ него красную нитку, сдѣлать его похожимъ на своего „медленнаго“ брата. Приготовленный такимъ образомъ шнуръ былъ разрѣзанъ на куски, которые, въ свою очередь, были придѣланы къ самодѣльнымъ гранатамъ, а эти брошены были — съ незажженнымъ шнуромъ, конечно — въ нѣмецкіе окопы. Наступила длинная, но радостная пауза. Я представляю себѣ, какъ наши сидѣли съ затаеннымъ дыханіемъ, въ ожиданіи, что будетъ. Вотъ Гансъ и Фрицъ осторожно ползутъ назадъ, осматриваютъ незажженный шнуръ, зажигаютъ его, чтобы вернутъ гранату, согласно установившейся традиціи, ея первоначальному владѣльцу. Громкій взрывъ въ нѣмецкомъ окопѣ означалъ моментъ зажиганія шнура и отправленія Ганса и Фрица къ праотцамъ. Геній, сидящій въ англійскомъ окопѣ, прилежно готовилъ вторую такую же гранату, — и къ праотцамъ отправились Куртъ и Карлъ. Гансъ, Фрицъ, Куртъ, Карлъ, Михель, Вильгельмъ... такъ продолжалось довольно долго, пока они не открыли, въ чемъ дѣло...

„Ты какъ-то писалъ, что всякая настоящая война въ наши дни должна вестись металлическими солдатами... Я теперь убѣждаюсь, дорогой папочка, что настоящая война такъ и ведется“...

XI.

Не всѣ письма Гю наполнены были такими жуткими „техническими“ подробностями. Ему не всегда доводилось слышать новости и послѣднія сплетни окоповъ; мало доходило до него газетъ, и еще меньше было картъ. Скоро война почти такъ же наскучила Гю на фронтѣ, какъ она ему наскучила въ Англіи. Но его критическое отношеніе къ военнымъ методамъ и пріемамъ скоро совершенно исчезло.

„Здѣсь все дѣлается и ведется гораздо лучше, — писалъ онъ, — и мы здѣсь ближе къ дѣйствительности“.

Затѣмъ онъ опять начиналъ жаловаться на скуку.

„Дѣлать рѣшительно нечего; остается или сидѣть и смотрѣть, какъ мимо тебя проходятъ обозы, или играть въ футболъ, или валяться на постели, или, наконецъ, итти въ ближайшій кабачекъ и тамъ ждать въ „хвостѣ“, пока не получишь свободнаго билліарда. И въ результатѣ ты получаешь мои несправедливыя письма“.

— Несправедливыя, — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Ничего, это скоро у него пройдетъ!.. И когда-нибудь онъ тоже будетъ писать. Да, изъ него выйдетъ писатель.

И онъ вернулся къ чтенію письма.

„Мы, конечно, читаемъ. Но сколько бы намъ ни посылали книгъ, все равно ихъ не хватило бы. Мы глотаемъ всякаго рода книги, но мнѣ кажется, что прежній „сенсаціонный“ романъ не пользуется той популярностью, какъ во времена довоенныя. Чувствуется какой-то неожиданный и иногда странный уклонъ въ сторону болѣе серьезныхъ книгъ. Вотъ, напримѣръ, мой пріятель Паркъ говоритъ, что ему хочется книгъ, которыя можно „жевать“. Сейчасъ онъ читаетъ дешевое изданіе „Происхожденіе видовъ“. А раньше для него идеаломъ были похожденія Шерлока Холмса и „детективные“ романы Флоренсъ Уарденъ и Уилліама Ле-Кью. Ты бы послалъ ему „Природу человѣка“ Мечникова или „Этику Свободомыслія“ Персона. Это ему доставило бы большое удовольствіе. Только мнѣ такихъ вещей не присылай! Мнѣ это не годится! Здѣсь какъ-то странно все перепуталось, и измѣнились вкусы. То, что мнѣ нужно, — это какой-нибудь литературный наркотикъ,

литературный опій. Что-нибудь про фавновъ и нимфъ въ тѣнистыхъ чистыхъ рощахъ. Мнѣ хотѣлось бы прочесть „Царицу Фей“ Спенсера. Кажется, я не читалъ этой книги, а тѣмъ не менѣе у меня осталось какое-то смутное воспоминаніе о рыцаряхъ и драконахъ, волшебникахъ и злыхъ волшебницахъ, двигающихся на какомъ-то фонѣ, напоминающемъ гобеленъ въ стилѣ прерафаэлитовъ... только болѣе ярко освѣщенный. Хотѣлось бы еще что-нибудь изъ Хьюлита, въ духѣ его „Влюбленныхъ въ лѣсу“. Или что-нибудь Джозефа Конрада, изъ его восточныхъ скитаній. И есть еще одна книга — я какъ-то видѣлъ ее у пріятеля въ Лондонѣ; не помню названія, но авторъ ея — Ричардъ Гарнеттъ; она про какихъ-то обѣднѣвшихъ боговъ, живущихъ въ солнечной, живописной обстановкѣ. Чтобы были описанія природы, но безъ стали, проволоки или коловъ. Что-нибудь въ родѣ „Флорентійскихъ ночей“ Гейне. Любая книга о греческихъ богахъ доставила бы мнѣ наслажденіе. Что-нибудь о каменныхъ храмахъ цвѣта слоновой кости, о пурпурныхъ моряхъ, алыхъ шапкахъ, ларяхъ съ драгоцѣнностями, ящерицахъ на солнцѣ... Ахъ, если бы можно было прочитать вторую „Таисъ“... Нѣчто въ этомъ родѣ присылаютъ нашимъ солдатамъ: это выдержки изъ различныхъ литературныхъ произведеній, — издается это „Таймсомъ“. Это просто вырѣзки, но изъ хорошихъ вещей. Вырѣзки очень не большія и только возбуждаютъ аппетитъ, а не утоляютъ его... Это средство раздражающее, а намъ раздражающихъ средствъ не надо... Я прежде думалъ, что чтеніе — возбуждающее средство. А здѣсь намъ нужно что-нибудь успокоительное.

„Война очень волнующая игра, въ которую мнѣ никогда не хотѣлось играть. Она возбуждаетъ разъ въ два мѣсяца. А остальное время — грязь, невѣроятная каша, скука, и разрушенные дома, испорченныя дороги, грязный ландшафтъ, и опять скука, и медленное громыханіе грузовиковъ, ѣдущихъ на фронтъ со снарядами и припасами, и медленное громыханіе назадъ тѣхъ же грузовиковъ съ ранеными и ѣдущими на отдыхъ частями... и снова скучныя, вѣчныя догадки о томъ чѣмъ все это кончится... и скука... скука... скука...; и мысли о той работѣ, которую хотѣлъ начать, о тѣхъ путешествіяхъ, которыя хотѣлъ предпринять, и о томъ, какъ напрасно сейчасъ теряется время, и какъ напрасно гибнутъ жизни и дни... и снова скука; и сломанные, разодранные тополя, и вонь всюду, вонь и грязь... и все та же скука. И все это изъ-за того, что проклятые пруссаки были слишкомъ

глупы, чтобы понять, какую скуку они готовили міру, когда они безъ устали маршировали и выпячивали грудь и заслуживали похвалы м-ра Томаса Карлайля... Got strafe Deutschland... Пришли же мнѣ книги; книги о снахъ, книги о Китаѣ и золотомъ винѣ и о сказочныхъ странахъ. Пришли ихъ поскорѣй и потщательнѣй упакуй ихъ и поточнѣй выпиши адресъ".

XII.

Несчастіе съ Тэдди случилось, когда еще зрѣли смоквы на смоковницѣ м-ра Бритлинга. М-ру Бритлингу принесла извѣстіе Сисси. Она прибѣжала въ Дауэръ-Хаузъ вся блѣдная, съ испуганнымъ лицомъ.

— Я пришла за письмами, — сказала она. — Мы получили дурныя вѣсти о Тэдди, и Летти ужасно разстроена...

— Онъ не...? — м-ръ Бритлингъ не досказалъ слова.

— Онъ раненъ и пропалъ безъ вѣсти, — отвѣтила Сисси.

— Попалъ въ плѣнъ! — сказалъ м-ръ Бритлинъ.

— И раненъ. Но какъ, легко или серьезно, мы не знаемъ.

И добавила:

— Летти пошла на телеграфъ дать телеграмму.

— Кому?

— Въ военное министерство, чтобы узнать, какъ онъ раненъ. Они ничего не сообщаютъ. Это возмутительно!

— Но тамъ не написано „тяжело раненъ"?

— Тамъ ничего не написано. Просто сказано: „раненъ, пропалъ безъ вѣсти". Вѣдь они обязаны намъ сообщить подробности.

М-ръ Бритлингъ задумался. Первая его мысль была о томъ, что теперь въ любую минуту могло придти извѣстіе и о томъ, что Гю раненъ и тоже пропалъ безъ вѣсти. Затѣмъ онъ началъ было убѣждать Сисси, что отсутствіе слова „тяжело" означаетъ, что онъ раненъ легко, а разъ онъ „пропалъ безъ вѣсти", то трудно будетъ военному министерству сразу выяснить всѣ тѣ подробности, которыя она требуетъ. Но Сисси просто сказала, что „Летти въ ужасномъ состояніи", и м-ръ Бритлингъ направился къ нимъ въ коттеджъ, чтобы повторить свои доводы Летти и этимъ успокоить ее. Она была еще блѣднѣе сестры и въ состояніи холоднаго бѣшенства противъ военнаго министерства. Она считала, что это учрежденіе должно было позаботиться о Тэдди. Ей казалось, что отъ нея что-то скрываютъ. Ясно было также, что она считаетъ м-ра Бритлинга предубѣжденнымъ въ пользу властей.

— Во всякомъ случаѣ, — заявила она, — они могли бы отвѣтить поскорѣе на мою телеграмму. Я ее отправила въ восемь. И уже цѣлыхъ два часа презрительнаго молчанія.

Эта озлобленная, взвинченная, нелогичная Летти была новостью для м-ра Бритлинга. А ея отношеніе къ попыткамъ утѣшить и успокоить ее нѣсколько обидѣло его.

— И только подумайте, — сказала она, — они даже не позаботились узнать, добрался ли онъ благополучно до нѣмецкихъ линій. Какъ же они знаютъ, что онъ взятъ въ плѣнъ, если они этого не знаютъ?

— Но тамъ не сказано, что онъ попалъ въ плѣнъ; сказано только, что онъ — „пропалъ безъ вѣсти".

— Это и означаетъ „попалъ въ плѣнъ", — рѣзко отвѣтила Летти.

XIII.

М-ръ Бритлингъ вернулся въ Дауэръ-Хаузъ озадаченный и глубоко разстроенный. Онъ очень тревожился за судьбу Тэдди; слова „раненъ и пропалъ безъ вѣсти" можно было истолковать въ самомъ зловѣщемъ смыслѣ. Онъ боялся за Тэдди и еще больше за миссисъ Тэдди, каждое слово и движеніе которой выдавали предположенія еще болѣе мрачныя, чѣмъ его собственныя. И это нелѣпое чувство отвѣтственности — вѣдь это онъ помогъ Тэдди попасть сразу въ офицеры — теперь стало тяжелѣе давить его, чѣмъ когда-либо. Онъ былъ даже удивленъ, что Летти не набросилась на него съ упреками и обвиненіями.

Этотъ случай какъ-то разомъ смелъ весь наростъ привычки, который было затянулъ рану, причиненную отъѣздомъ Гю. М-ръ Бритлингъ снова всталъ лицомъ къ лицу съ однимъ шансомъ смерти изъ пяти...

Въ передней лежало письмо отъ Гю, пришедшее со второй почтой. Отъ одного вида его м-ру Бритлингу стало легче.

Гю, оказывается, уже побывалъ въ окопахъ.

Передъ отъѣздомъ онъ обѣщалъ младшимъ Бритлингамъ подробно и обстоятельно написать, что, въ дѣйствительности, представляютъ изъ себя окопы. И вотъ онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Письмо это было написано ясно, въ разсчетѣ, что оно будетъ передано дѣтямъ.

„Поздравляю братишекъ съ поступленіемъ въ школу въ Бринсмидѣ. Потомъ они, вѣрно, перейдутъ въ Стэтминстеръ. Въ такое тревожное время тебѣ, вѣроятно, не хочется усылать ихъ такъ далеко.

„А теперь, какъ обѣщалъ, напишу про окопы. Главное, что нужно понять, — это что они узкіе. Они полная противоположность стѣнъ и скорѣе похожи на гигантскія трещины въ землѣ... Но лучше я начну съ того, какъ мы туда попали.

„Мы вышли около часа пополуночи, навьюченные всѣмъ, что можно себѣ представить въ солдатѣ. Кромѣ того, я еще несъ чайникъ, наполненный водой, другіе тащили охапки дровъ; нѣсколько человѣкъ захватили запасы хлѣба. Выйдя изъ мѣста нашего постоя, мы шли около мили по дорогѣ, потомъ пошли по полямъ, пришли къ гребню и спустились оттуда въ лабиринтъ извивающихся окоповъ, которые вели къ передовымъ окопамъ. Эти окопы выше человѣческаго роста, и въ нихъ совершенно темно. Ходишь точно по коридору со стѣнами, сложенными изъ грязи. Идти приходится гуськомъ. Временами падаешь въ сточную яму для дождевой воды или проваливаешься во что-то топкое, или же наталкиваешься на кого-нибудь впереди. Кажется, что идешь такимъ образомъ цѣлыми часами. На самомъ дѣлѣ мы шли около часа, пройдя вѣроятно двѣ-три мили по сплошной линіи окоповъ. Въ одномъ мѣстѣ мы перешли черезъ канаву; окопъ былъ подведенъ къ канавѣ посредствомъ мѣшковъ съ пескомъ, а черезъ канаву перекинута была доска. Надъ головой видны были звѣзды, и отъ времени до времени путь озаряли ракетами, освѣщавшими края окопа; тогда можно было различить на минуту верхушку дерева или какую-нибудь фабричную трубу вдали. Потомъ еще труднѣе идти впередъ, потому что на минуту совершенно слѣпнешь. Наконецъ, когда уже казалось, что мы будемъ тамъ ходить до скончанія вѣковъ, мы очутились вдругъ въ запасныхъ окопахъ за линіей огня; тамъ мы застали солдатъ, которыхъ пришли смѣнить; они уже собрались въ обратный путь.

„Что такое самая линія огня? Такая же канава съ барьеромъ изъ мѣшковъ съ пескомъ, но въ ней устроены блиндажи, — страннаго вида большія ямы съ приспособленіями для спанья; блиндажи эти сзади выходятъ въ окопъ. Блиндажи бываютъ очень разные. Нѣкоторые похожи на шалашъ, который мы устроили прошлымъ лѣтомъ въ концѣ фруктоваго сада; только стѣны достаточно толстыя, чтобы устоять противъ большихъ снарядовъ. Лучшій блиндажъ на нашемъ кусочкѣ фронта былъ очень затѣйливый, мѣстами съ деревянной обшивкой, съ дверью, добытой изъ развалинъ дома въ двадцати-тридцати ярдахъ позади насъ. Въ немъ была печка и чаны для воды. Это былъ лучшій блиндажъ на цѣлыя мили

крутомъ. При домѣ былъ колодезь, и къ нему велъ отдѣльный окопъ, по которому весь день ходили за водой. Была и водокачка, но ее разрушилъ снарядъ.

„Вы, конечно, ждете разсказовъ о нѣмцахъ, о бояхъ, обстрѣлахъ и всякой такой штукѣ. Я не видѣлъ ни одного живого нѣмца, не былъ ближе чѣмъ на двѣсти ярдовъ отъ мѣстъ, гдѣ разрывались снаряды. Я не участвовалъ ни въ одной атакѣ и не получилъ пока V. C.[1]). Я выпачкался въ грязи до невообразимости, — все время былъ въ работѣ, но ни разу не сражался и не выпустилъ ни одной пули изъ винтовки. Дѣла все время было много: чинили барьеръ, что нужно было дѣлать очень осмотрительно, чтобы не подстрѣлили караулившіе стрѣлки, подвозили обозъ съ ѣдой изъ тыла, ходили за водой, отодвигали окопъ, высунувшійся клиномъ впередъ. Приготовленіе къ ѣдѣ и потомъ уборка отнимаетъ очень много времени. Мы кипятимъ воду къ чаю въ котлахъ въ большомъ блиндажѣ; тамъ готовятъ пищу на цѣлыхъ двѣ роты и потомъ разносятъ ее въ котлахъ по взводамъ. Мы моемъ посуду, моемся сами и брѣемся. Приготовленіе къ обѣду и самый обѣдъ занимаетъ два-три часа. На чай тоже уходитъ много времени. Все это похоже на пикникъ въ лѣсу. Съ нами послали на первый разъ (и въ слѣдующій разъ тоже пошлютъ) нѣсколько солдатъ изъ Эссекса. Они были здѣсь дольше нашего и знаютъ, какъ, что дѣлать... Въ результатѣ, они взваливаютъ на насъ всю тяжелую работу.

„Потомъ мы будемъ ходить въ окопы безъ постороннихъ и заведемъ свои собственные порядки...

„Все время, конечно, думаешь о нѣмцахъ. Они отсюда на разстояніи около четверти мили. Если выглянуть изъ окопа, видишь передъ собой точно низкую выкрашенную въ два цвѣта каменную стѣну — но камни эти на самомъ дѣлѣ мѣшки съ пескомъ. Они у нѣмцевъ бѣлые и черные, и отверстія для стрѣльбы сливаются съ черными мѣшками. Наше начальство до этого не додумалось; военное министерство дѣлаетъ все по одному шаблону, и у насъ поэтому одни только бѣлые мѣшки. Это придаетъ окопамъ болѣе аккуратный видъ, но выдаетъ наши окошки для стрѣльбы. Нѣмцы пострѣливали въ насъ, но не очень. Только одинъ изъ нашихъ былъ легко раненъ въ шею залетѣвшей въ окопъ пулей. Нѣмцы обстрѣливали изъ орудій окопы въ полумилѣ отъ

---

[1]) Victoria Cross (Крестъ Королевы Викторіи) — высшая военная награда за отличіе въ бою.

насъ налѣво, и, кажется, довольно упорно. Мѣшки разлетались во всѣ стороны. Но солдаты лежатъ на днѣ окопа, и это на видъ страшнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Погода была хорошая и пріятная, какъ всегда говоритъ генералъ Френчъ. Послѣ трехъ дней и трехъ ночей, проведенныхъ въ скрюченномъ положеніи, а потомъ еще двухъ дней въ запасномъ окопѣ, мы вернулись на квартиры и ждемъ теперь слѣдующаго назначенія въ окопы.

„Ночи проходятъ въ нѣсколько болѣе нервномъ напряженіи, чѣмъ дневные часы. Когда поднимешь голову и оглянешься вокругъ себя, то видишь плоскую, тускло обрисовывающуюся мѣстность съ разрушенными домами и кучками матерьяловъ, похожими на трупы, длинныя линіи мѣшковъ съ пескомъ, лучи прожекторовъ, которые кружатся, какъ крылья мельницы, и вспыхивающій временами свѣтъ ракетъ. Трудно тогда отдѣлаться отъ жуткаго чувства, точно какіе-то люди крадутся всю ночь между окопами.

„Я пошелъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами укрѣплять край окопа толщиной только въ одинъ мѣшокъ; тамъ днемъ непріятельская пуля попала въ одного изъ нашихъ. Мы выложили это мѣсто въ четыре ряда мѣшковъ до самаго верха. Во время работы все боишься попасть въ поле ослѣпительнаго свѣта прожекторовъ; и все время кажется, точно что-то тебя сейчасъ ударитъ сзади. Я твердо рѣшилъ ни разу не повернуть головы назадъ — а то бы я все время оглядывался... И наши тоже, не переставая, стрѣляли черезъ насъ, почти надъ самыми нашими головами — чтобы скрыть отъ нѣмцевъ, что мы вышли изъ окопа.

„Все сошло благополучно, и мы вернулись невредимыми. Глупо было выложить край окопа однимъ только рядомъ мѣшковъ... Вотъ все, что я могу сказать про мои первыя впечатлѣнія отъ окоповъ.

„А теперь послушайте, какой у васъ хорошій братъ. На самомъ дѣлѣ я видѣлъ битву, настоящую жаркую битву и, чтобы сдѣлать вамъ сюрпризъ, приберегъ разсказъ о ней подъ самый конецъ. Это была битва въ воздухѣ, и побѣдили въ ней англичане... Сначала показался нѣмецкій аэропланъ. Онъ летѣлъ очень высоко и казался совсѣмъ маленькимъ. Нашъ офицеръ разглядѣлъ его въ полевой бинокль и опредѣлилъ, что аэропланъ нѣмецкій — по черному желѣзному кресту на крыльяхъ и хвостѣ... Вдругъ за нимъ, а потомъ впереди — пафъ, пафъ, пафъ — взвился рядъ облачковъ дыма: наши орудія взяли его на прицѣлъ. Аэропланъ внезапно остановился, и

мы увидѣли, какъ англійская машина прожужжала на перерѣзъ нѣмцу. Точно двѣ птицы закружились въ воздухѣ. Или двѣ осы. Раздался легкій трескъ — какъ если расчесывать волосы въ морозъ. Они стали стрѣлять другъ въ друга. „Попали въ него!“ — крикнулъ офицеръ, передалъ на минуту бинокль Парку, потомъ сейчасъ же потребовалъ его обратно. Онъ сказалъ, что видитъ, какъ отлетали кусочки отъ поврежденнаго аэроплана и падали внизъ.

„Послѣ его словъ и намъ казалось, что мы видимъ эти осколки на фонѣ синяго неба.

„Аэропланъ накренился, сталъ на голову... потомъ упалъ внизъ, какъ ножъ. Трудно было удержаться отъ крика ужаса, когда онъ нырнулъ внизъ головой. Онъ на секунду остановился въ своемъ паденіи — казалось, что моторъ вотъ-вотъ опять заработаетъ. Но онъ тутъ же нырнулъ вторично, и ревъ мотора раздавался все громче по мѣрѣ его приближенія къ землѣ. Я въ жизни не видѣлъ такого стремительнаго паденія. Онъ стукнулся объ землю среди ряда разрушенныхъ строеній на гребнѣ позади насъ. Перелетѣвъ черезъ нихъ, онъ разбился въ дребезги. Его ударъ объ землю отозвался во мнѣ физической болью.

„Я съ ужасомъ думалъ о разбившихся летчикахъ. Я пытался представить себѣ, что они перечувствовали, когда поняли, что летятъ внизъ. Какъ вообразить себѣ ихъ чувство?

„Наши привѣтствовали паденіе аэроплана бурными криками восторга... Нашъ аэропланъ спокойно висѣлъ въ воздухѣ. Хотѣлось подняться къ нему, погладить его по спинѣ. Машина была англійская, въ чемъ мы, однако, не были увѣрены въ первую минуту. Наши аэропланы такіе же трехцвѣтные, какъ французскіе. Но всѣ говорятъ, что это былъ англійскій аэропланъ, одинъ изъ нашихъ лучшихъ боевиковъ; онъ уже спустилъ семь нѣмецкихъ машинъ...

„Вотъ единственная битва, которую я видѣлъ на этотъ разъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ тутъ шли бои; около дюжины убитыхъ нѣмцевъ все еще лежатъ впереди фронта — маленькія скрюченныя фигуры, точно сбитыя чучелы, ярдахъ въ ста отсюда. Это все.

„Окопы разочаровали меня. Скучная домашняя работа — ничѣмъ не лучше, чѣмъ въ тылу. У меня не было предлога выстрѣлить хоть разъ въ непріятеля. Думаю, что такъ никогда не приведется выпустить ни одной пули.

„Вы, надѣюсь, читали о новомъ назначеніи Рандеву? Офицерская молодежь у насъ очень его цѣнитъ и вѣритъ въ него. Помните, какъ Маннингъ прятался отъ него?“

XIV.

М-ръ Бритлингъ прочиталъ письмо до конца, и мысли его снова вернулись къ исчезновенію Тэдди, а потомъ опять назадъ — къ Гю. Юноша былъ теперь въ самой линіи огня; нужно готовиться и крѣпиться въ ожиданіи всякихъ возможностей. Почему-то м-ръ Бритлингъ не ожидалъ, что Гю такъ скоро попадетъ на передовыя позиціи, хотя если бъ спросить его, онъ затруднился бы отвѣтить, почему, собственно, это не должно было случиться. Но какъ бы то ни было, онъ теперь почувствовалъ, что ему снова необходимо пріучить себя къ стоицизму.

Онъ перечиталъ письмо дважды...

Дня черезъ четыре онъ получилъ второе письмо, въ которомъ Гю разсказывалъ о второй побывкѣ въ окопахъ. На этотъ разъ письмо было оживленнѣе. Ихъ очень сильно обстрѣляли, и нѣмцы даже бросались на нихъ въ атаку. Кончалось письмо такъ:

„... Когда я вернулся изъ окопа въ свою базу, я проспалъ тридцать часовъ, не просыпаясь. И теперь я медленно какъ бы перевариваю свои впечатлѣнія и переживанія. Большинство нашихъ дѣлаетъ то же самое. Мои мысли и нервы немного помяты и потрясены всѣми этими выстрѣлами и снарядами, но не настолько, какъ ты, вѣрно, предполагаешь. Я думаю, что я скоро къ этому привыкну. На нѣкоторыхъ изъ нашихъ первыя впечатлѣнія отозвались гораздо сильнѣе, — въ особенности на тѣхъ, кто постарше. Всѣ такъ говорятъ. Солдаты старше тридцати пяти лѣтъ не могутъ оправиться отъ обстрѣла цѣлыми недѣлями. Они ходятъ какіе-то вялые, и не могутъ ни за что взяться.

„Жизнь здѣсь весьма примитивная, но это не значитъ, что мы опускаемся до какого-то первобытнаго состоянія; нѣтъ, мы только возвращаемся къ непосредственнымъ и простымъ задачамъ существованія. Все сводится къ тому, чтобы приносить, относить, доставать воду, доставать ѣду, отправляться въ линію огня, въ окопы, и снова возвращаться сюда. Такъ продолжается цѣлыми недѣлями. Зачѣмъ все это? Когда это кончится? Предо мною, до начала войны, было какое-то будущее, что-то меня ожидало: окончаніе образованія, наука, работа, открытія, всякаго рода вещи; а тутъ очень трудно представить себѣ, что тебя что-то ждетъ впереди...

„Мое послѣднее пребываніе въ первой линіи окоповъ здорово встряхнуло мои мысли. Я началъ было уже привыкать

къ войнѣ, а теперь снова вернулся къ прежнему состоянію удивленія. Я началъ ловить себя на мысли: чего мы хотимъ, что мы дѣлаемъ, изъ-за чего и какъ началась война? Какъ насъ втянули въ такую дикую рутину? На видъ все кажется вполнѣ логичнымъ, методичнымъ, цѣлесообразнымъ. Офицеры даютъ намъ приказанія, сами тоже получаютъ ихъ свыше, и тѣ, что тамъ наверху, тоже получаютъ откуда-то приказанія. Всѣ получаютъ приказанія! Всѣ, сплошь до самого лорда Китченера. Такъ продолжается недѣлями, и впечатлѣніе такое, какъ-будто все очень здраво и обдумано, и вдругъ въ голову внезапно врывается мысль: „Но вѣдь это... это чистѣйшее безуміе". Это хожденіе взадъ и впередъ, взадъ впередъ, взадъ впередъ; это однообразіе, которое, отъ времени до времени, прерывается буйствомъ — ни къ чему не ведущимъ... да вѣдь это жизнь сумасшедшаго... Какая-то всеобщая, коллективная одержимость... войной. Міръ сошелъ съ ума. Вотъ сейчасъ у меня на нѣсколько минутъ — проблескъ сознанія; но онъ кончится вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Должно-быть, когда отдѣльный человѣкъ сходитъ съ ума и вылѣзаетъ въ окно, воображая, что почему-то нельзя выйти въ дверь, и начинаетъ плясать на улицѣ безъ штановъ и бросаться на прохожихъ — онъ испытываетъ то же гнетущее ощущеніе неизбѣжной обязательности, которое испытываемъ всѣ мы, когда отправляемся, навьюченные, въ наши окопы.

„Только огромнымъ усиліемъ воли я могу заставить себя вспомнить, какой была жизнь весной 1914 г.! Помнишь Гейнриха и его попытку составить списокъ нашихъ розъ такъ, чтобы мы могли, сидя въ сараѣ, читать названія всѣхъ розъ въ саду? Какъ это все кажется далекимъ и невѣроятнымъ! Почемъ я знаю, можетъ-быть, я прошлой ночью застрѣлилъ Гейнриха? Почемъ я знаю, можетъ-быть, онъ былъ въ одной изъ тѣхъ человѣческихъ кучъ, которыя мы считали послѣ того, какъ отразили нѣмецкую атаку!..

„Странное дѣло, папочка, но писать такія вещи доставляетъ какое-то извращенное наслажденіе. Начинаешь какъ-то чувствовать, что думать, мыслить — нехорошо, преступленіе. Это — результатъ дисциплины. Результатъ того, что тебя превращаютъ въ часть машины. И все же я сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли мнѣ разсуждать, мыслить. Если дѣйствительно начнешь вдумываться въ происходящее кругомъ, то невольно приходишь къ выводу: куда мы идемъ? до чего все это насъ доведетъ? Вотъ у Ортериса, — настоящее его имя Артуръ Джувель, — этихъ сомнѣній нѣтъ. Для него все просто: Эти

мерзавцы нѣмцы ворвались въ Бельгію, — говоритъ онъ, — и мы должны ихъ вышибить оттуда. Вотъ и весь сказъ. По крайней мѣрѣ, это все, что я знаю и понимаю въ этомъ дѣлѣ... Я ничего не знаю и не понимаю про Сербію. Я знаю только одно: нужно, чтобъ у нѣмцевъ разъ навсегда пропалъ вкусъ къ такимъ штукамъ. Аминь"...

„И временами мнѣ кажется, что онъ болѣе правъ, чѣмъ я. А временами мнѣ кажется, что онъ еще безумнѣе меня..."

XV.

Эти письма сильно безпокоили м-ръ Бритлинга. Онъ чувствовалъ, что этотъ не по лѣтамъ развитый, умный, чуткій мальчикъ теперь находится совсѣмъ близко отъ линіи огня и смерти, то направляясь къ ней, то удаляясь отъ нея, но — въ вѣчной опасности. И въ любую минуту дня или ночи съ нимъ теперь можетъ приключиться несчастіе. Если м-ръ Бритлингъ умѣлъ бы молиться, онъ помолился бы за Гю. И нѣсколько разъ онъ начиналъ, но не кончалъ какую-то неясную, неумѣлую молитву.

Онъ старался проникнуться римскимъ стоицизмомъ, убѣдить себя, что онъ былъ бы сурово-гордъ, сурово-доволенъ, если бъ отъ него потребовалась эта послѣдняя жертва для родины. Но онъ скоро убѣдился, что просто-на-просто старается себя обмануть... Война утратила ту простую величавость, которая дѣлала бы возможнымъ такое суровое счастье.

Несчастіе, постигшее Тэдди, и горе миссисъ Тэдди произвели на него огромное впечатлѣніе. Онъ морщился при воспоминаніи о блѣдномъ лицѣ миссисъ Тэдди и о невысказанныхъ упрекахъ въ ея глазахъ. Онъ чувствовалъ, что никогда не будетъ въ силахъ сказать ей единственныя слова, которыя онъ могъ привести въ свое оправданіе:

— Я не удерживалъ своего Гю! Если бъ я это сдѣлалъ, тогда вы были бы въ правѣ упрекать и винить меня.

Если ему и удалось пересилить всякое другое препятствіе на пути къ героической позѣ, все же оставалась непобѣдимая ясность вывода Гю: война — безуміе.

Но что было сдѣлать? Развѣ оставался какой-нибудь выборъ? Не могли же мы сложить оружіе передъ Германіей? Если начинаетъ буянить сумасшедшій человѣкъ, невольно и здоровые должны принять участіе въ борьбѣ.

М-ръ Бритлингъ пересталъ писать о войнѣ, всѣ его послѣднія писанія о ней были брошены неоконченными. Онъ не

могъ себѣ представить, чтобы они могли имѣть какое-нибудь значеніе, повліять на кого-нибудь. Онъ вообще сталъ мало писать. Въ „Таймсѣ" статьи его попадались все рѣже и рѣже. Онъ все время думалъ о войнѣ, о жизни и смерти, о религіозныхъ проблемахъ, казавшихся столь далекими во дни до войны; но изъ этихъ думъ и мыслей ничто не выливалось въ достаточно ясную и опредѣленную форму. И вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его профессіональныхъ доходовъ вслѣдствіе его умственной смуты и писательскаго безсилія, доходы отъ собственныхъ капиталовъ его и жены сдѣлались тоже весьма шаткими. Всѣ ихъ деньги были вложены въ цѣлый рядъ бумагъ и предпріятій иностраннаго происхожденія, прекратившихъ платежи съ начала войны. А тѣ англійскія бумаги, которыя у нихъ были, стали приносить крайне маленькіе дивиденды. И казалось, что не будетъ предѣла паденію какъ самыхъ капиталовъ, такъ и доходовъ съ нихъ. Подоходный же налогъ поднялся до невѣроятныхъ размѣровъ, значительно вздорожала жизнь, и общая запутанность осложнялась къ тому же необходимостью экономіи и сокращеній расходовъ. М-ръ Бритлингъ рѣшилъ, что „Глэдисъ" — его знаменитый автомобиль — излишняя роскошь, и продалъ его за двѣсти фунтовъ. Онъ лишился также садовника, который поступалъ на мельницу, гдѣ ему платили гораздо больше жалованія; м-ръ Бритлингъ съ трудомъ нашелъ ему замѣстителя, и садъ его имѣлъ очень запущенный видъ. Пришлось также отказаться и отъ частыхъ поѣздокъ въ Лондонъ. На каждомъ шагу м-ру Бритлингу приходилось наталкиваться на давно забытыя заботы о деньгахъ. Онъ уже много лѣтъ жилъ въ достаткѣ, даже до нѣкоторой степени въ избыткѣ. И теперь его раздражало то, что болѣе серьезныя тревоги о родинѣ, о сынѣ и мысли о разбитыхъ идейныхъ устояхъ ежеминутно перебивались и усложнялись мелочными заботами о каждой лишней копѣйкѣ.

Болѣе всего однако его мучило его собственное постепенное расхожденіе съ самой сущностью войны. Вначалѣ милитаризмъ и агрессивность Германіи казались ему столь чудовищными, что поведеніе Великобританіи и ея союзницъ представлялось безусловно справедливымъ. Онъ ясно и просто охватилъ всю войну въ фразѣ: „Нужно покончить съ милитаризмомъ". Германія была для него системой имперіализма и юнкерства, зловредно-матеріалистической агрессивностью, духомъ военщины; союзники же были протестомъ человѣчества противъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Но безсознательно, вопреки его волѣ, это первое представленіе о войнѣ постепенно уступало мѣсто другому. Театрально-бутафорскій, риторичный германскій кайзеръ, послѣдній

оплотъ цезаризма, помазанникъ Божій съ отсохшей рукой, который былъ вначалѣ дѣйствующимъ лицомъ, удалился съ перваго плана картины, и на мѣсто его стала выдвигаться болѣе подлинная Германія: Германія организованной мысли и системы, воли къ достиженію, Германія Оствальда и когда-то осмѣяннаго Гинденбурга. Эта Германія не извинялась за ошибки и преступленія, которыя были ей навязаны Гогенцоллернами, а воевала, чтобы спасти себя отъ уничтоженія и раздѣленія, которыя выпали бы на ея долю, если бы она слишкомъ легко сдалась; она дралась, чтобы „выдержать до конца", дралась съ поразительной дисциплиной, умѣніемъ и терпѣніемъ, а, главное, съ твердой волей. Она воевала научно, экономно, примѣняя машины и человѣческую мысль противъ слишкомъ человѣчныхъ. противниковъ. Она вызывала къ себѣ непримиримую враждебность, но и уваженіе. Противъ нея сражались три великихъ народа съ такой же сильной волей, какъ и у нея; но у нихъ не было ни единства, ни привычной дисциплины, ни такой передовой науки, какъ въ Германіи, и послѣдній недостатокъ больше всего приводилъ въ отчаяніе м-ра Бритлинга. Франція послѣ ея первыхъ переживаній, послѣ опыта перваго ужаснаго мѣсяца, воспряла почти на краю пораженія и поднялась на высоту желѣзной рѣшимости; но Англія и Россія, эти два медлительныхъ близнеца-исполина, все еще растрачивали зря свои силы, все еще были безпечны и нерѣшительны. Во всемъ, начиная съ глупаго капитана, о которомъ писалъ Гю, и кончая общимъ планомъ и направленіемъ войны, — возбужденный и раздраженный умъ м-ра Бритлинга находилъ тѣ же недостатки, за которыя такъ часто бичевалъ своихъ соотечественниковъ въ дни мира: нетерпѣливость, безпечность, расточительность, непослѣдовательность, неумѣніе предвидѣть возможные результаты и нежеланіе дѣлать безспорно и ясно необходимое. Та же халатность и распущенность, которыя чуть не довели Англію до полной безсмыслицы мятежа въ Ирландіи въ іюлѣ 1914 г., теперь усложняли и удлиняли войну и отдаляли, быть-можетъ, на вѣчныя времена, побѣду, которая казалась столь несомнѣнной еще годъ тому назадъ. Политиканы все еще занимались интригами, и всѣмъ управляли безмозглые люди. Для нихъ война сводилась просто къ тому, чтобы безсмысленно выбрасывать на поле битвы людей за людьми и еще людей, людей безъ конца, плохо обученныхъ, плохо вооруженныхъ, руководимыхъ дураками. Поднятый въ прессѣ шумъ съ требованіемъ поощренія изобрѣтеній и научной инициативы былъ тотчасъ же заглушенъ комиссіей

изъ престарѣлыхъ знаменитостей и выдающихся болвановъ. Съ самаго начала „министерство снаряженій“ попало, какъ-будто, окончательно подъ вліяніе „дѣльцовъ“.

Нужно, конечно, чтобы справедливость одержала верхъ надъ тираномъ и разбойникомъ, но имѣютъ ли право халатность и невѣжество восторжествовать надъ предусмотрительностью и знаніемъ дѣла?

Теперь человѣчество подходило къ рѣшенію этой задачи. И дѣйствительно ли справедливость и правда исключительно на нашей сторонѣ?.. Страшный вопросъ для человѣка, сынъ котораго стоялъ лицомъ къ лицу передъ смертью.

Дѣйствительно ли мы боролись противъ тираніи за свободу?

До м-ра Бритлинга стали доходить смутные толки о реакціи, о козняхъ промышленниковъ и крупныхъ работодателей съ цѣлью обмануть трэдъ-юніоны, о жадныхъ судовладѣльцахъ и жадныхъ домо-и землевладѣльцахъ, собирающихъ свою жатву, о расточительности и предательствѣ въ домахъ самихъ министровъ, о религіозномъ ханжествѣ и нетерпимости, саморекламѣ буквами, начертанными чужой кровью, о скупщикахъ, спекулянтахъ, о безразсудныхъ, ничѣмъ неоправдываемыхъ насиліяхъ и расправахъ въ Индіи и Египтѣ... И, въ довершеніе всего, неожиданнымъ ударомъ явился для м-ра Бритлинга тотъ фактъ, что Гю не видитъ въ этой войнѣ почти ничего, кромѣ безумія, и безжалостно убѣждается въ ея конечной безцѣльности. Мальчикъ подтверждалъ то, что становилось все болѣе очевиднымъ для самого м-ра Бритлинга. Война, даже съ точки зрѣнія завоевательной, давно уже стала чудовищной нелѣпостью. Долженъ же быть какой-нибудь выходъ изъ этой кровавой путаницы, которая не даетъ побѣды ни одной изъ сторонъ и ничего не приноситъ, кромѣ смерти и разрушенія, превзошедшихъ всякіе доселѣ извѣстные предѣлы. Огромное большинство народа во всѣхъ странахъ несомнѣнно желаетъ мира, готова купить миръ за любую пріемлемую цѣну, и все же во всемъ мірѣ нѣтъ силы, которая положила бы конецъ этой бойнѣ и водворила бы желанный для всѣхъ миръ, такой, который не былъ бы только передышкой передъ новой войной... Каждый день газеты приносили извѣстія о битвахъ, потеряхъ, разрушеніяхъ, потопленныхъ судахъ, сожженныхъ городахъ. И ни намека на какое-нибудь рѣшеніе, на какой-нибудь исходъ...

Какъ-то въ субботу днемъ м-ръ и миссисъ Бритлингъ зашли въ Клаверингсъ. Лэди Хомартинъ была въ траурѣ: два ея племянника были убиты — одинъ въ Фландріи, другой въ

Галлиполи. Среди присутствующихъ былъ Рэбернъ, подавленный и усталый на видъ. Было еще трое молодыхъ людей въ формѣ; одинъ съ красными нашивками офицера генеральнаго штаба; были двѣ или три дамы, незнакомыя м-ру Бритлингу, и миссъ Шарсперъ, писательница, только-что вернувшаяся изъ Франціи, гдѣ она пробыла нѣкоторое время сестрой милосердія. Но къ его крайнему неудовольствію, онъ увидалъ, что опять надъ всѣмъ собраніемъ властвуетъ его старый врагъ — лэди Фрэншамъ, все такая же заносчивая, несдержанная, самоувѣренная, дерзкая, вызывающая. Она была въ трaурѣ; на ней былъ чудеснѣйшій черный мѣхъ, и изъ него высовывался ея крупный величавый профиль, какъ голова ястреба. Старшій братъ ея былъ раненъ и въ плѣну въ Германіи, второй братъ былъ убитъ, и можно было подумать, что она одна изъ всѣхъ людей принесла жертвы въ этой войнѣ. Она говорила такъ, какъ-будто эта утрата давала ей одной исключительное право критиковать войну или требовать за нее компенсацію.

Ея неизмѣнная наклонность раздѣлять страну на враждебные лагери, возводить зловредныя обвиненія на цѣлые классы, округа и государственныхъ дѣятелей, теперь не знала удержу. Она изо всѣхъ силъ старалась вызвать м-ра Бритлинга на споръ, и даже заподозрила было его „патріотизмъ“ за то, что онъ отличается отъ ея шумливой и крайне нетерпимой „лойяльности“.

Она попробовала было задѣть его вопросомъ объ обязательной воинской повинности, стала осыпать бранью „увиливающихъ“ отъ военной службы, и начала пространно говорить о „трусливыхъ классахъ“. Всѣ люди среднихъ классовъ, увѣряла она, крѣпко держатся за свои дѣлишки и всячески стараются уклониться отъ поступленія въ армію.

М-ра Бритлинга это задѣло, и онъ выступилъ въ защиту обвиняемыхъ.

— Коммерческое дѣло, — сказалъ онъ не безъ ѣдкости, — не то, что земельная собственность, которая сама собой обогащаетъ своего хозяина. Всѣ эти мелкіе торговцы не въ состояніи нанять управляющихъ, которые бы присматривали за ихъ дѣлами, пока они будутъ воевать. Десятки тысячъ людей среднихъ классовъ сознательно пошли на раззореніе, бросили дѣла, заработки, семьи и пошли воевать...

— А сотни тысячъ этого не сдѣлали и остались дома, — сказала лэди Фрэншамъ. — О нихъ-то я и говорю...

М-ръ Бритлингъ перечислилъ представителей аристократіи, которые тоже предпочли „остаться дома“, и началъ съ извѣстнаго герцога.

— Ну, что же, поэтому-то всѣ съ нимъ прекратили знакомство и никто съ нимъ не разговариваетъ, — сказала она.

Она перешла къ нападкамъ на трудовые классы. Они, по ея словамъ, скорѣе предпочтутъ гибель и пораженіе страны, чѣмъ согласятся подчинить себя дисциплинѣ.

— Потому что они не питаютъ никакой вѣры къ палатѣ адвокатовъ и къ палатѣ лэндлордовъ-собственниковъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Развѣ можно ихъ за это винить?

Затѣмъ она стала говорить о томъ, какъ бы она расправилась съ забастовщиками. У нея съ ними былъ бы „недолгій сказъ“. Она дала бы имъ попробовать „прусскаго леченія“ — по гомеопатической системѣ. „Но, конечно, старикъ Асквитъ, трепещущій передъ избирателями, не посмѣетъ... не посмѣетъ“.

М-ръ Бритлингъ раскрылъ было ротъ, чтобы отвѣтить, но ничего не сказалъ; онъ онѣмѣлъ.

Молодые люди въ формѣ слушали почтительно, но не высказывали свои взгляды. Одна изъ дамъ помоложе, очевидно, сочувствовала лэди Фрэншамъ, и всячески желала это показать. А сама лэди Фрэншамъ, добравшись теперь до кабинета, стала усердно расправляться со всѣми двадцатью двумя его членами.

Уинстонъ Черчилль взялъ верхъ надъ лордомъ Фишеромъ въ вопросѣ о Галлиполи и испортилъ все дѣло. Лордъ Холдэнъ убѣжденный предатель. „Онъ нѣмецъ до мозга костей“. То, что въ немъ нѣтъ ни капли нѣмецкой крови, ничего не мѣняетъ. Онъ нѣмецъ по убѣжденіямъ, а это еще хуже.

— Онъ, по моему, обладаетъ нѣкоторымъ организаціоннымъ талантомъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Намъ не нужны его таланты, и онъ самъ не нуженъ, — воскликнула лэди Фрэншамъ.

М-ръ Бритлингъ попросилъ ее сообщить какіе-нибудь факты о послѣднихъ предательствахъ бывшаго лордъ-канцлера. Никакихъ фактовъ не было. Мысль о предательствѣ лорда Холдэна просто взбрела въ голову лэди Фрэншамъ, также и въ другія столь же легковѣрныя головы.

— Есть лишь одинъ твердый, сильный человѣкъ во всей Англіи, — настаивала лэди Фрэншамъ. — И этотъ человѣкъ сэръ Эдуардъ Карсонъ.

М-ръ Бритлингъ подскочилъ на стулѣ.

— Развѣ онъ когда-нибудь, что-нибудь сдѣлалъ? — спросилъ онъ. — Кромѣ вотъ того, что озлобилъ Ирландію?

Лэди Фрэншамъ этого вопроса не слышала. Она продолжала разносить министровъ. Ллойдъ-Джорджъ, который когда-то

былъ, по ея мнѣнію, кандидатомъ на висѣлицу, теперь оказывался единственнымъ министромъ, котораго она соглашалась поставить рядомъ съ ея героями. Это единственный министръ, который не боится говорить правду рабочимъ; онъ открыто говоритъ, что они — пьяницы, что они бездѣльничаютъ, увиливаютъ отъ работы, что если Англія будетъ разбита, то вина падетъ исключительно на нихъ.

— Нѣтъ! — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ.

— Да! — отвѣтила лэди Фрэншамъ. — На нихъ и на тѣхъ, которые только льстили имъ и обманывали ихъ...

И такъ далѣе...

Лэди Хомартинъ постаралась, наконецъ, спасти м-ра Бритлинга отъ патріотическаго напора знаменитой лэди. Онъ очутился въ саду, надѣвшемъ уже свой осенній уборъ — даліи еще никогда не были такъ красивы — въ обществѣ Рэберна, штабнаго офицера и маленькой дамы, которая, какъ оказалось, была весьма хорошо освѣдомлена. Всѣ они были въ подавленномъ настроеніи.

— Мнѣ кажется, что такое огульное обвиненіе всѣхъ — самое худшее, самое зловѣщее изъ всего, что сейчасъ творится, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, послѣ краткой, спокойной паузы, которая наступила вслѣдъ за ихъ освобожденіемъ отъ общества лэди Фрэншамъ.

— Повсюду теперь происходитъ то же самое, — сказалъ штабный офицеръ.

— А какъ вы думаете, это искренно? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

Рэбернъ, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ отвѣтить.

— Поскольку это глупо, постолько оно, пожалуй, и искренно. Видите ли, всѣхъ насъ когда-нибудь будутъ обвинять. День расплаты и отвѣта долженъ неминуемо наступить, и у всѣхъ у насъ, очевидно, есть инстинктивная потребность найти козла отпущенія для нашихъ общихъ грѣховъ. Консервативная пресса ведетъ себя хуже всего — и въ ней сказываются въ немалой степени личные счеты — въ особенности, напримѣръ, въ ея нападкахъ на Черчилля. Возможно, что тутъ играетъ роль и личная зависть. Наши „древніе роды“ какъ-будто незамѣтно „опростились“ на протяженіи всего одного поколѣнія. Они сердятся и сваливаютъ вину другъ на друга, точь-въ-точь, какъ это дѣлаетъ плохо вышколенная прислуга... а все, въ большей или меньшей мѣрѣ, въ ихъ рукахъ. Все начинаетъ какъ-то путаться; наступила общая разруха, — въ этомъ не можетъ

быть ни малѣйшаго сомнѣнія — но по счастію, не безнадежная, хотя довольно серьезная.

— А правительство — оно и до войны имѣло всѣ человѣческія слабости, а съ тѣхъ поръ въ него не вступили безгрѣшные ангелы. Оно дѣлаетъ много ошибокъ. Многое тормозится также вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. Никогда нельзя знать заранѣе, съ какой газетой сойдется Ллойдъ-Джорджъ въ каждый данный моментъ. Онъ честный и энергичный патріотъ, но смертельно боится старыхъ женщинъ и классовыхъ интригъ. Онъ не знаетъ, гдѣ искать поддержки, и, какъ всѣ депутаты трудовой партіи, боится удара ножомъ въ спину. Кромѣ того, у насъ не достаточно энергично отдѣлываются отъ военныхъ, занимающихъ отвѣтственныя мѣста, если у нихъ есть вліятельные друзья.

Штабный офицеръ кивнулъ головой, подтверждая это мнѣніе.

— По моему, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — напрасно всѣ такъ ругаютъ Нордклифа. Въ его оправданіе можно сказать очень многое.

— Я бы оставилъ „Таймсъ", — сказалъ Рэбернъ, — но „Дэли Мэль" пріостановилъ бы самымъ рѣшительнымъ образомъ — за одни его плакаты. Они идутъ дальше самого Нордклифа — и переводятъ его на языкъ уличнаго рева черни. Фактически дѣло сводится къ тому, что Нордклифъ обезумѣлъ отъ страха передъ силой Германіи. А въ военное время обезумѣвшаго человѣка — все равно искренно ли онъ поступаетъ или притворяется — нужно усмирить, накинувъ ему мѣшокъ на голову или пригрозивъ ему револьверомъ... Какой смыслъ кричать о необходимости перемѣнить правительство? Намъ не на кого его мѣнять. Это все равно что сказать нищему, чтобы онъ надѣлъ новую смѣну бѣлья. Всѣ наши общественные дѣятели люди очень средніе, съ адвокатскими замашками. У нихъ нѣтъ полета и мощи. Да и что другого могъ создать нашъ строй? Но они дѣлаютъ что могутъ, и ихъ некѣмъ замѣнить. Таково истинное положеніе дѣлъ.

— А тѣмъ временемъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — нашихъ сыновей посылаютъ на смерть.

— Ихъ бы посылали точно такъ же на смерть, если бы составился „кабинетъ силы и молчанія" изъ, скажемъ, Карсона и Ллойдъ-Джорджа, Нордклифа и лэди Фрэншамъ, да еще въ придачу, вѣроятно, съ Остэномъ Хэрисономъ и Гораціемъ Ботомли [1])... Я бы предпочелъ такому кабинету Нордклифа

---

[1]) Извѣстный журналистъ, редакторъ „Джонъ-Буль" — шовинистскаго уличнаго листка.

въ качествѣ единоличнаго диктатора... Не можемъ же мы вдругъ пойти вспять и измѣнить выработавшійся у насъ типъ политическихъ дѣятелей! Мы не желали слушать въ свое время Мэтью Арнольда. Мы не думали о томъ, чтобы очистить и преобразовать нашу высшую школу. Мы противились развитію общаго образованія, предпочитая поддерживать такую роскошь въ національной жизни какъ партійную политику, обязательное изученіе греческаго языка и университетскій снобизмъ... и лэди Фрэншамъ, и все другое въ этомъ же родѣ. Вотъ теперь мы и пожинаемъ плоды собственнаго безразсудства... Ну, да что говорить! Теперь пришла война, такъ ужъ нужно справиться съ нею — тѣми средствами, которыя у насъ имѣются.

Молодой штабный офицеръ одобрительно кивнулъ головой. По его мнѣнію, все это было „болѣе или менѣе вѣрно“.

— Вамъ хорошо, — сказалъ м-ръ Бритлингъ Рэберну. — У васъ нѣтъ сыновей.

— Я даже не женатъ, — прибавилъ Рэбернъ такимъ тономъ, точно былъ благодаренъ за это судьбѣ.

Маленькая, хорошо освѣдомленная дама отрывисто заявила, что у нея два сына; одинъ изъ нихъ вернулся домой раненый изъ Галлиполи и привелъ ее въ ужасъ своими разсказами. Оказывается, что въ Англіи имѣютъ лишь очень смутное представленіе о битвѣ при Анафартѣ. Тамъ творилось нѣчто неслыханное, и насъ сильно разбили. Въ штабѣ царила полная растерянность. Ничто не доставлялось своевременно. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, была недостача въ водѣ для питья, и солдаты обезумѣли отъ жажды. Одинъ полкъ, названіе котораго она точно привела, не получилъ подкрѣпленія въ назначенное время. Не было ни опытныхъ офицеровъ, ни согласованности дѣйствій, ни общаго плана. Часть орудій, по ея словамъ, оставили въ Египтѣ; часть артиллерійскаго обоза гдѣ-то застряла — и не розыскана до сихъ поръ. Она осталась въ Левантѣ. Сэра Яна Хамильтона даже еще не было въ Галлиполи къ началу операцій. Онъ запоздалъ пріѣздомъ. Такимъ образомъ загубили цѣлую армію — и такую великолѣпную армію. По словамъ ея сына, Дарданельская кампанія должна кончиться полнымъ проваломъ.

— А когда слышишь, до чего мы были близки къ побѣдѣ!.. — воскликнула она.

— Мы уже три раза въ этомъ году упустили близкія побѣды по винѣ новаго штаба, — сказалъ Рэбернъ. — Совершенно безсмысленно взваливать вину на отдѣльныхъ лицъ. Все дѣло

въ національныхъ привычкахъ — въ томъ, что люди, которые выходятъ изъ нашихъ воспитательныхъ заведеній, не способны попасть во время на поѣздъ, аккуратно являться въ опредѣленный часъ на мѣсто службы, уложить все какъ слѣдуетъ въ ранецъ, вообще сдѣлать что-нибудь аккуратно и быстро. Нельзя требовать отъ людей, привыкшихъ дѣлать все какъ попало, чтобы они точно исполняли свои обязанности. Ихъ воспитаніе не подготовило ихъ къ этому. Всѣ ихъ традиціи этому противорѣчатъ. Они ненавидятъ педантизмъ. Всякій англичанинъ предпочитаетъ глупѣйшимъ образомъ провалить дѣло, чѣмъ прослыть педантомъ. Вотъ почему мы проиграли три битвы, когда по всѣмъ даннымъ должны были одержать побѣду, и потеряли тысячи людей, огромное количество матерьяла и упустили самое главное время. Мы потеряли цѣлый годъ и охладили пылъ нашего народа.

— Мой сынъ пишетъ изъ Фландріи приблизительно то же самое, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Онъ говоритъ, что офицеры не умѣютъ считать больше десяти и пугаются вида карты...

— А война продолжается, — сказала маленькая дама.

— О Господи, до которыхъ поръ она будетъ продолжаться? — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ.

— Если пройдетъ годъ, и война будетъ вестись какъ теперь, — сказалъ штабный офицеръ, — то что-нибудь непремѣнно должно сорваться. Не хватитъ денегъ. Не хватитъ людей... А затѣмъ...

Онъ остановился и, помолчавъ, спросилъ, обращаясь къ Рэберну:

— Какъ вы полагаете, сэръ, будетъ у насъ революція?

Наступило краткое молчаніе, прежде чѣмъ кто-либо рѣшился отвѣтить на столь неожиданный вопросъ.

— Послѣ войны, конечно, — пояснилъ офицеръ.

— Тогда, конечно, наступитъ расплата за все, — сказалъ Рэбернъ.

— Всѣ прежнія понятія вырваны у насъ съ корнемъ, — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— У насъ до сихъ поръ не было плана войны — и едва ли будетъ обдуманный планъ для мирнаго времени, — сказалъ Рэбернъ и прибавилъ: — а кампанія лэди Фрэншамъ и ея друзей постараются держать закрытымъ предохранительный клапанъ. Они съ самаго начала разбередятъ вопросъ объ Ирландіи и Ульстерѣ. Но я не думаю, что Ульстеръ ихъ спасетъ. Опять начнется грызня... Мы всегда только этимъ и занимались.

Никому не приходили въ голову какія-нибудь другія перспективы. Молчаніе окутало группу бесѣдующихъ.

— Что жъ, поблагодаримъ небо хоть за эти цвѣты, — сказалъ Рэбернъ, впадая въ философскій тонъ.

Молодой офицеръ генеральнаго штаба взглянулъ на георгины безъ особеннаго восторга.

XVI.

Въ ясный сентябрьскій день, послѣ завтрака, м-ръ Бритлингъ сидѣлъ съ капитаномъ Лоренсомъ Карминомъ на солнцѣ, на площадкѣ передъ амбаромъ, курилъ съ нимъ и говорилъ:

— Когда начиналась эта война, я не вѣрилъ, что она будетъ похожа на другія войны. Мнѣ это и не снилось даже. Мнѣ это казалось зарей какого-то огромнаго очищенія, проясненія. Я думалъ, что здоровый смыслъ человѣчества вспыхнетъ пламенемъ, негодующимъ пламенемъ, и истребитъ всѣ эти устарѣлыя нелѣпости имперій, милитаризма, какъ только они посягнутъ на человѣческое счастіе. Я ждалъ, что, вполнѣ естественно, произойдетъ цѣлый рядъ явленій, которыхъ, какъ я убѣждаюсь теперь, было смѣшно ждать. Я думалъ, что Америка выразитъ протестъ противъ насилія надъ Бельгіей; что она не потерпитъ разгрома своей великой сестры-республики... хотя бы изъ уваженія къ памяти Лафайетта. И что же? Я теперь убѣдился, что Америка теперь больше всего взволнована тѣмъ, что мы объявили хлопокъ — контрабандой. Я думалъ, что балканскія государства способны на разумныя взаимныя уступки; что они способны совмѣстно позаботиться объ общей свободѣ. А теперь я вижу, что три германскихъ правителя торгуютъ своими крестьянами, и никто въ ихъ странахъ противъ этого не возстаетъ. Я представлялъ себѣ эту войну, какъ ее представляли себѣ французы, — какъ нѣчто, способное вызвать великій взрывъ благороднаго негодованія. И все это оказалось сномъ благоденствующаго человѣка, который никогда не подходилъ къ острію жизни. Повсюду коварство, хитрость, мелкія распри и ненависть, недовѣріе, подлости, трусость, безволіе, мелочность цѣлей, лилипутскія воображенія брали верхъ надъ великими и простыми возможностями... Оказалось, что это такая же война, какъ и всѣ прочія.

Онъ остановился, и на короткое время воцарилось молчаніе.

Капитанъ Карминъ бросилъ потухшій окурокъ своей сигары въ кадку съ цвѣтами.

— Три тысячи лѣтъ тому назадъ, въ Китаѣ, — сказалъ онъ, — жили люди, которые скорбѣли точно такъ же, какъ и мы сейчасъ, и по такой же причинѣ.

— И, быть-можетъ, еще черезъ три тысячи лѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — будутъ все еще жить люди съ той же самой скорбью... И все же... все же... Нѣтъ, теперь у меня нѣтъ прежней гибкости. Не въ моей натурѣ отчаиваться, но я подавленъ всѣмъ этимъ. Я не могу такъ встряхиваться и успокаиваться, какъ прежде. Я все еще убѣждаю себя, что хотя путь длиненъ и труденъ, но духъ творчества, благородство и великодушіе, неизмѣнно живущіе въ сердцѣ человѣка, непремѣнно должны побѣдить. Но я повторяю это себѣ, какъ люди повторяютъ истрепавшіяся слова молитвы. Для меня свѣтъ на небѣ погасъ. И временами я сомнѣваюсь, вернется ли онъ когда-нибудь. Пусть люди, болѣе юные, закаляютъ свои сердца и продолжаютъ дѣло мира. Если бы я могъ теперь умереть за правое дѣло — вмѣсто того, чтобы длить жизнь въ этомъ мірѣ безысходной борьбы — клянусь вамъ, Карминъ, что я съ радостью бы умеръ хоть сейчасъ.

XVII.

Въ эти дни м-ръ Дирекъ былъ тоже очень несчастенъ.

Сисси не запуталась въ своихъ мнѣніяхъ относительно причинъ и цѣлей войны. Для нея было ясно, какъ и вначалѣ, что война вызвана германскимъ милитаризмомъ и нападеніемъ Германіи на Бельгію и Францію. Она отказывалась принимать во вниманіе всякія побочныя соображенія. Она продолжала спрашивать, почему не воюетъ Америка.

— Мы воюемъ за Бельгію! Неужели вы не хотите заступиться за голландскія и норвежскія суда, которыя потоплены нѣмцами? Неужели вы не заступитесь даже за свои собственныя суда?

М-ръ Дирекъ пытался давать объясненія, но она ихъ не принимала.

— Да, вы вотъ готовы были объявить войну Испаніи, когда она потопила „Мейнъ“! А теперь вы позволяете нѣмцамъ безнаказанно топить „Лузитанію“! Это, какъ вы выражаетесь, — совсѣмъ другое дѣло.

У него въ головѣ мелькнуло вдругъ странное подозрѣніе: должно-быть, она считаетъ, что „Лузитанія“ была американскимъ пароходомъ. Но м-ръ Дирекъ теперь лучше зналъ Сисси и не осмѣлился задать ей этого вопроса.

— Вы еще никакъ не можете понять нашей американской точки зрѣнія, — сказалъ онъ. — Мы заглядываемъ дальше въ будущее; мы по ту сторону всякихъ войнъ...

— Мы тоже старались стать на такую точку зрѣнія, — возразила Сисси. — Неужели вы думаете, что мы воюемъ просто изъ любви къ искусству?

— Развѣ я вамъ всячески не старался доказывать, насколько я сочувствую вамъ и Англіи?

— Сочувствуете... подумаешь, какъ это много!

Ему не повезло и у м-ра Бритлинга. М-ръ Бритлингъ говорилъ намеками, но ясно было, что онъ имѣетъ въ виду именно Америку.

— Бываетъ два сорта либерализма, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и оба они дѣлаютъ видъ, что это одно и то же; бываетъ либерализмъ великихъ возвышенныхъ цѣлей и либерализмъ недостаточной нравственной энергіи.

XVIII.

Только спустя три недѣли послѣ исчезновенія Тэдди пришло письмо Гю о немъ. Ихъ два эссекскихъ батальона во Фландріи находились, повидимому, на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого, и Гю узналъ о томъ, что случилось, только изъ писемъ родныхъ.

„Ты не представляешь себѣ, — писалъ онъ отцу, — до чего все съужается, когда находишься въ непосредственной близости отъ событій. Не знаешь, что произошло въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія, пока объ этомъ не прочитаешь въ газетахъ. И тогда только, читая между строкъ и дѣлая смѣлыя догадки, можно привести свои маленькія наблюденія въ связь съ общимъ ходомъ событій. Конечно, я отъ времени до времени думалъ о томъ, гдѣ Тэдди. Но страннымъ образомъ я никогда не представлялъ себѣ, что онъ здѣсь, на нашемъ фронтѣ. Я самъ не понимаю, почему мнѣ это не приходило въ голову.

„Я не знаю въ точности, что значитъ „пропалъ безъ вѣсти“. У насъ здѣсь не происходило ничего, что могло бы привести къ этому. Всѣ наши солдаты налицо. Но обстоятельства мѣняются на каждыхъ нѣсколькихъ миляхъ фронта. Можетъ-быть, его батальонъ былъ ближе къ непріятелю; можетъ-быть, была атака съ одной или другой стороны и битва за какую нибудь часть окоповъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣмецкіе окопы отстоятъ не болѣе, чѣмъ на тридцать ярдовъ, и тамъ

подводятъ мины, бросаютъ ручныя гранаты, подкрадываются другъ къ другу, забираютъ и отнимаютъ окопы. Мы здѣсь продвинулись немножко впередъ, я тебѣ объ этомъ разскажу. Но, во всякомъ случаѣ, я не знаю, какъ отнестись къ „пропажѣ безъ вѣсти". Теперь здѣсь почти не берутъ въ плѣнъ... Не говори этого Летти. Я стараюсь думать, что бѣдный Тэдди все же въ плѣну...

„Нѣтъ хуже, чѣмъ когда человѣкъ пропадаетъ безъ вѣсти. Это не трагично, не вызываетъ остраго горя — но не даетъ того утѣшенія, которое связано съ представленіемъ о плѣнѣ, и заставляетъ непрерывно думать и дѣлать предположенія о дѣйствительной судьбѣ пропавшаго. Весь ужасъ въ неизвѣстности. Я не нахожу никого, кто бы зналъ, гдѣ находится 14-й эссекскій батальонъ. Тутъ передвиженіе свершается такъ таинственно, что я бы не удивился, если бы вдругъ засталъ ихъ въ окопѣ въ ближайшій разъ, когда насъ туда пошлютъ. Все же есть шансъ за то, что Тэдди живъ. Поддерживай надежду въ Летти, насколько это возможно. Но, конечно, гораздо больше вѣроятности, что онъ погибъ. Вотъ мой ясный и трезвый взглядъ на это. Я больше всего думаю о Летти. Хорошо, что Сисси при ней, и какое счастье, что у нея есть ея сынокъ. Займи ее чѣмъ нибудь. Она вѣдь его безконечно любила. Я видѣлъ многое, что происходило между ними, и знаю, до чего она его любила... Я ей скоро напишу и постараюсь ободрить ее.

„А теперь у меня есть что тебѣ разсказать. Я былъ въ бою, въ настоящемъ большомъ бою и вернулся безъ единой царапины. Я взялъ въ плѣнъ двухъ нѣмцевъ моей собственной лилейной ручкой. Рядомъ со мной было убито нѣсколько человѣкъ, и я на это не обратилъ вниманія. Я былъ возбужденъ, какъ во время нашей борьбы за ворота, когда мы играли въ хоккей. Въ то время, когда все это происходило, я ничего не чувствовалъ и только потомъ смогъ разобраться въ своихъ переживаніяхъ. Уже вечеромъ я наступилъ въ окопѣ на что-то скользкое — брр! А когда все было кончено, одинъ изъ моихъ товарищей былъ убитъ — совсѣмъ зря. Эти два обстоятельства поглощаютъ всѣ мои мысли, и все, что произошло вначалѣ, мнѣ представляется точно это было во снѣ, или точно я прочиталъ объ этомъ въ книгѣ, или видѣлъ изображеннымъ въ иллюстрированномъ журналѣ, а не пережилъ самъ въ дѣйствительности.

„Такъ часто загадываешь впередъ о томъ, какъ все будетъ происходить, что будешь чувствовать, какъ будешь вести себя

что, когда наступаетъ дѣйствительность опа, кажется сѣрой и обыденной.

„Говорятъ, что весной было недостаточно орудій и снарядовъ. Теперь во всякомъ случаѣ всего вдоволь. Наши стали жарить изъ орудій въ нѣмцевъ съ вечера и не останавливались до зари. Я никогда не слыхалъ такого грохота; ихъ окопы — мы высовывались и смотрѣли, и ни разу въ насъ не дали ни одного залпа — разлетались, какъ брызги изъ кратера. Мы не сидѣли въ передовомъ окопѣ, а отошли въ новые окопы въ тылу, кажется, для того, чтобы не попасть подъ отвѣтный огонь. Но въ то утро нѣмцы почти молчали. На этотъ разъ наши орудія работали лучше ихнихъ. У насъ было особое выжидательное возбужденіе — какъ на экзаменѣ, когда ждешь объявленія темы для сочиненія. Мы знали, что сейчасъ „начнется“... Когда выскакиваешь изъ окопа, чтобы броситься въ атаку, является странное чувство — точно ты только что вылупился изъ яйца. Міръ вдругъ кажется огромнымъ. Я не помню, какъ прекратился огонь нашихъ орудій. Вдругъ куда-то бѣжишь. Раздается команда. „Впередъ! Впередъ“! Всѣ кричатъ и бѣгутъ. Когда рядомъ съ тобой кто-нибудь падаетъ, бѣжишь еще быстрѣй. Единственное что останавливаетъ бѣгъ, это накрюченная всюду проволока. На нее боязно наткнуться. Самое страшное — это сознаніе, что бѣжишь по открытому мѣсту. Послѣ долгаго сидѣнія въ окопахъ, чувствуешь себя голымъ на открытомъ мѣстѣ и бѣжишь, какъ испуганный ребенокъ, прямо на германскіе окопы впереди. Я не понимаю желѣзнаго мужества человѣка, который рѣшается бѣжать и повернуть спину къ огню. Кромѣ того, штыкъ въ рукѣ порождаетъ особую жажду. Но нѣмцы не ждали, пока мы добѣжимъ до нихъ. Они побросали ружья и обратились въ бѣгство. Мы однако такъ быстро погнались за ними, что поймали нѣсколько человѣкъ во второмъ окопѣ. Я вскочилъ въ него, услышалъ за собой голосъ, и засталъ моихъ двухъ плѣнныхъ притаившимися въ землянкѣ. Они подняли руки вверхъ, когда я обернулся на голосъ. Но если бы они и не подняли рукъ, я едва ли что-либо имъ сдѣлалъ. Не такое у меня было чувство. Я не питалъ къ нимъ никакой злобы.

„Не всѣ нѣмцы бѣжали. Три-четыре человѣка не отходили отъ пулеметовъ, пока ихъ не закололи штыками. Оба окопа были страшно разворочены снарядами, и въ первомъ лежали кучками убитые. Мы сейчасъ же стали перебрасывать мѣшки съ пескомъ со стараго фронта окопа, чтобы переверну окопъ въ противоположную сторону. Наши орудія все время не

прекращали пальбу. Они обстрѣливали теперь третью линію окоповъ. И почти въ ту же минуту къ намъ стали попадать нѣмецкіе снаряды. Они взяли насъ на прицѣлъ съ абсолютной точностью. Не было времени ни думать, ни чувствовать. Вся энергія была направлена на то, чтобы защитить мѣшками взятый окопъ.

„Я не помню, помогалъ ли я раненымъ или вообще думалъ ли о комъ-нибудь изъ раненыхъ или убитыхъ, — только старался переступать черезъ нихъ, а не наступать на нихъ. Я зналъ одно: что нужно сдѣлать прикрытіе для окопа, прежде чѣмъ нѣмцы начнутъ контръ-атаку. А потомъ нужно отстоять окопъ. Я занятъ былъ исключительно желаніемъ одержать побѣду и ни о чемъ другомъ не думалъ... Они сдѣлали попытку отбить окопъ, но очень слабую.

„Только когда было очевидно что мы прочно завладѣли взятымъ нами окопомъ, я началъ сознавать, до чего я усталъ, и какъ высоко солнце поднялось на небо. Я оглянулся и увидѣлъ, что всѣ другіе работаютъ такъ же усердно, какъ и я.— „Наша взяла!“ —сказалъ я. Это были первыя слова, которыя я произнесъ съ тѣхъ поръ, какъ вывелъ моихъ двухъ нѣмцевъ изъ ихъ окопа и отдалъ ихъ подъ стражу солдату, раненому въ ногу. „Славно сработали!“ — сказалъ Ортерисъ, тоже бросая работу. Онъ закурилъ наполовину выкуренную папиросу, которая торчала у него за ухомъ, кажется, съ самаго начала атаки. Я въ эту минуту только сообразилъ, что онъ все время не отходилъ отъ меня. А потомъ къ намъ подошелъ Паркъ, очень веселый, — съ легкимъ штыковымъ пораненіемъ въ предплечье, и попросилъ меня перемѣнить ему повязку. Такъ пріятно было, что онъ отдѣлался пустяками. „Я взялъ въ плѣнъ двухъ нѣмцевъ“ — сказалъ я ему и разсказывалъ объ этомъ всѣмъ, съ кѣмъ заговаривалъ. Я страшно гордился свомъ успѣхомъ. Мнѣ казалось, что если мнѣ удалось взять двухъ плѣнныхъ въ первомъ дѣлѣ, значитъ, изъ меня можетъ выйти хорошій солдатъ.

„Я очень стойко все выдержалъ и не чувствовалъ себя разбитымъ — ни физически, ни нравственно. Я былъ совершенно спокоенъ. Я видѣлъ смерть, видѣлъ, какъ вокругъ меня убивали — а чувство оставалось такое, точно все это игра въ хоккей.

„И нужно же было, чтобы какъ разъ въ это время, когда уже все кончилось, этотъ чортовъ Ортерисъ отошелъ отъ меня и былъ убитъ снарядомъ.

„Снарядъ опрокинулъ и меня, но не причинилъ мнѣ ни малѣйшаго вреда. Я былъ нѣсколько оглушенъ, и на меня

посыпалась земля и грязь; но когда я поднялся на колѣни, я увидѣлъ Джувэля-Ортериса ярдахъ въ шести отъ меня — ноги его были раздроблены... и превратились въ какую-то мякоть... Онъ имѣлъ страшно пораженный видъ. „Разорвало!“ — проговорилъ онъ, потомъ уставился на меня и вдругъ оскалилъ зубы съ гримасой смѣха. Ты помнишь, папа, я писалъ тебѣ о его пристрастіи къ грубымъ „словечкамъ“; мы съ нимъ изъ-за этого два раза серьезнѣйшимъ образомъ дрались. Онъ былъ плохъ въ боксѣ, и я его оба раза позорно побилъ. Но онъ велъ себя доблестно, какъ настоящій бритъ — и теперь въ немъ сказался его природный юморъ: ему было забавно, что я ошеломленъ и не протестую противъ его манеры выражаться. — „Ишь ты — сколько крови! Попался, чтобъ... Точно зарѣзанный поросенокъ. Я и не зналъ, что во мнѣ столько крови“.

„Онъ взглянулъ на меня и улыбнулся съ слабымъ удовлетвореніемъ, что до конца выдержалъ свою роль весельчака Ортериса. Я стоялъ передъ нимъ совершенно безпомощно, оглушенный почти до потери сознанія.

„Я думаю, что онъ не чувствовалъ боли. Онъ бы больше мучился, если бы остался въ живыхъ.

„Въ то время какъ я возился съ фляжкой для воды, онъ совсѣмъ ослабѣлъ. Онъ пересталъ разыгрывать Ортериса и вдругъ такъ заговорилъ, что у меня разрывалось сердце отъ жалости. Онъ надулъ губы какъ капризный ребенокъ, который отказывается идти спать. „Мнѣ не хочется выбыть изъ строя, — сказалъ онъ. — А вотъ приходится...“ У него сдѣлалось недовольное и несчастное лицо — и онъ умеръ. Сразу. Только отвернулъ голову, точно ему что-то не понравилось. Потерялъ сознаніе — и умеръ... Я долго еще пытался влить ему воды въ ротъ. Я не могъ повѣрить, что все кончено...

„Потомъ вдругъ я понялъ — и разрыдался какъ ребенокъ. Я все еще подносилъ ему воду ко рту, хотя зналъ, что онъ мертвый. Я не хотѣлъ, чтобы онъ „выбылъ изъ строя“... Мнѣ было такъ жалко моего славнаго лондонскаго весельчака. Не могу тебѣ сказать, до чего жалко...

„Я сталъ его трясти. Я велъ себя какъ перепуганный ребенокъ, ревѣлъ и говорилъ какія-то безсвязныя слова... Все измѣнилось для меня съ его смертью.

„Ахъ, дорогой отецъ, — мнѣ такъ тяжело — хотя я знаю, что это глупо. Все еще смѣшалось также у меня въ душѣ съ воспоминаніемъ о той страшной слизи, на которую я наступилъ. Я не могу успокоиться. Я какъ-то ничего не чувствую — даже относительно Тэдди... Это была послѣдняя соломинка всей этой нелѣпицы.

„Если есть на свѣтѣ величайшая ложь, папа, дорогой, то это та, что человѣкъ разумное существо... Война — нелѣпость, бредъ безумца, измышленіе ада...

„Но во всякомъ случаѣ твой сынъ здравъ и невредимъ — только опечаленъ и золъ. Насъ смѣнили сегодня вечеромъ, и говорятъ, что скоро отправятъ на отдыхъ и формироваться. У насъ большія потери. Насъ похвалили — эссекскій батальонъ вообще отличается. Я еще не смѣю надѣяться, что пріѣду на побывку, но, можетъ-быть, дадутъ отпускъ на два дня... Я былъ бы очень этому радъ. Я усталъ... страшно усталъ.

„Я хотѣлъ написать про Джувэля его матери или невѣстѣ, или кому-нибудь изъ его родныхъ, хотѣлъ прославить его, сказать все, что я теперь дѣйствительно думаю о его рѣдкихъ качествахъ. Но этого утѣшенія у меня не будетъ. Оказалось, что онъ сирота и воспитывался въ пріютѣ для бѣдныхъ дѣтей. А каковы у него были любовныя приключенія, я тебѣ писалъ. Киплинговскіе „Три солдата“ были его Библіей. Онъ постоянно распѣвалъ „Типерари“, но не могъ вѣрно спѣть мелодію и заучить больше трехъ первыхъ стиховъ пѣсни. Вся его радость была въ томъ, чтобы прибавлять „словечки“ къ каждому слову. Но онъ былъ беззаботенъ и веселъ, какъ чижикъ или бѣлка. Я никогда не видѣлъ, чтобы онъ чего-нибудь испугался или пріунылъ. Когда онъ попадалъ въ бѣду или терпѣлъ униженія, онъ со всѣми дѣлился своими чувствами. И до чего онъ былъ щедрый: онъ готовъ былъ самъ голодать, чтобы отдать другому, что у него есть.

„Да, папа, вотъ какова война. Да накажетъ Господь кайзера — и всѣхъ дураковъ... Передай мой привѣтъ мамѣ и братишкамъ и всѣмъ остальнымъ“...

XIX.

Черезъ нѣсколько недѣль м-ръ Дирекъ снова появился въ Матчингсъ-Изи. Онъ успѣлъ за это время опять съѣздить въ Голландію — отчасти, чтобы избѣжать упреки Сисси, отчасти для того, чтобы тамъ навести всякаго рода справки. Онъ намѣревался, было, проѣхать въ Бельгію, но сумятица, въ которой находились всѣ его помыслы и чувства, остановили его, и онъ вернулся въ Англію.

Разумъ м-ра Дирека былъ озадаченъ. Онъ запутался въ парадоксѣ. Подобно большинству американцевъ, симпатіи его были опредѣленно на сторонѣ союзниковъ, но подобно очень многимъ изъ этого большинства, у него сложилось вполнѣ ясное

убѣжденіе, что нехорошо и невозможно для Соединенныхъ Штатовъ принять участіе въ войнѣ. Его симпатіи было всецѣло съ Дауэръ-Хаузомъ, и онъ расплакался бы отъ благороднаго волненія, если бы увидѣлъ „звѣзды и полосы" сплетенными съ тремя другими великими сине-бѣло-красными знаменами, которыя повели міръ противъ германскаго имперіализма и милитаризма; но, несмотря на это, разумъ его все еще не принялъ войны для Америки.

Противъ всѣхъ этихъ чисто-эмоціональныхъ импульсовъ боролось нѣчто очень основное въ существѣ самого м-ра Дирека, какое-то предвзятое представленіе объ Америкѣ, какъ о политической единицѣ, стоящей совершенно въ сторонѣ отъ европейской системы, — объ Америкѣ, какъ новой исходной точкѣ для человѣчества. Америка должна послужить началомъ объединенія человѣчества въ одно нераздѣльное цѣлое, но отнюдь ни германское, ни британское, ни французское, ни вообще національное цѣлое. Америка должна стать торжествомъ мира и здравомыслія. И задача ея въ томъ, чтобы удержать цивилизацію и соціальный порядокъ отъ окончательной гибели въ этой свалкѣ, чтобы явиться убѣжищемъ для всѣхъ болѣе высокихъ и благородныхъ чувствъ и явленій, которыя умираютъ въ атмосферѣ напряженія и волненій; ей предстояло поддерживать высокія мѣрила жизни и гуманитарныя права въ завоеванныхъ областяхъ и въ лагеряхъ плѣнныхъ; на долю Америки должна выпасть задача исцѣлителя и арбитра, а не карающей руки. Вѣдь и такъ уже довольно карающихъ рукъ!

Но это представленіе объ Америкѣ, разсудительной, стоящей въ сторонѣ, привело Дирека къ выводу, который вселилъ ужасъ въ его сердце.

— Если Америка не желаетъ и не намѣрена примѣнять силу въ цѣляхъ правосудія, — разсуждалъ онъ, — то, въ такомъ случаѣ, Америка не имѣетъ права выдѣлывать и вывозить военные припасы, орудія, снаряды! Она не должна торговать тѣмъ, что она принципіально отвергаетъ.

У него было весьма преувеличенное представленіе о количествѣ снарядовъ и военныхъ припасовъ, которые Америка присылаетъ союзникамъ, и онъ былъ даже склоненъ вѣрить, что державы согласія всецѣло зависятъ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ вопросахъ снабженія; онъ поэтому думалъ, что побѣда союзниковъ и честь Америки несовмѣстимы. Все же несмотря на свою этическую „нейтральность", всѣ симпатіи его были на сторонѣ союзниковъ. Ему хотѣлось, чтобы выиграли

союзники, и въ то же время хотѣлось, чтобы Америка не оказывала имъ ту помощь, которая, какъ онъ вѣрилъ, была существенно необходима для ихъ побѣды. Это была своего рода интеллектуальная дилемма. И онъ скрывалъ это само-противорѣчіе отъ Матчингсъ-Изи съ тѣмъ же приблизительно чувствомъ, съ которымъ, скажемъ, молодой пасторъ пряталъ бы у себя въ рукавѣ кинжалъ, сидя за чайнымъ столомъ у кого-нибудь изъ своихъ прихожанъ...

Вообще, не въ его привычкахъ было что-нибудь скрывать, — тѣмъ болѣе такое принципіальное противорѣчіе; но онъ ясно сознавалъ, что въ настоящую минуту ни Сисси, ни м-ръ Бритлингъ не въ состояніи спокойно выслушать то, что при болѣе нормальныхъ условіяхъ было бы просто любопытнымъ моральнымъ казусомъ.

А тутъ еще Сисели все осложняла и затрудняла. Она была безжалостна съ нимъ и держала его на почтительномъ разстояніи.

— Какъ я могу принимать ваши ухаживанія, — говорила она, — когда всѣ наши англійскіе мужчины отправляются на войну, когда Тэдди въ плѣну, а Гю въ окопахъ. Если бъ я была мужчиной...

И ее никакъ нельзя было заставить войти въ положеніе Америки. Англія воевала за свою свободу, и Америка должна быть бокъ-о-бокъ съ ней.

— Весь міръ долженъ объединиться противъ этого германскаго преступленія, — говорила Сисси.

— Но я дѣлаю все, что могу, чтобы помочь Бельгіи,— протестовалъ онъ. — Развѣ я не работаю? Мы прокормили свыше четырехъ милліоновъ бельгійцевъ.

Упреки Сисели становились невыносимыми. И онъ чувствовалъ, что его начинаетъ что-то удалять отъ нея.

...Не можетъ же онъ заставить воевать Америку?!

Въ тишинѣ своего лондонскаго отеля онъ обдумалъ свои взгляды до конца. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, записывая приходящія въ голову мысли, подготовляя совершенно ясное, опредѣленное изложеніе взглядовъ здравомыслящей, уравновѣшенной, либеральной Америки. Но инстинктивное чувство осторожности заставило его сперва испробовать, какое впечатлѣніе его защитительная рѣчь произведетъ на м-ра Бритлинга.

М-ръ Бритлингъ подтвердилъ его худшія ожиданія. Онъ былъ не въ состояніи слушать что бы то ни было.

— Я не имѣю извѣстій отъ сына вотъ ужъ больше трехъ недѣль, — сказалъ м-ръ Бритлингъ вмѣсто привѣта. — Сегодня ровно двадцать третій день безъ письма.

М-ру Диреку показалось, что м-ръ Бритлингъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Лицо его было все изрыто морщинами; цвѣтъ кожи сталъ совершенно сѣрымъ. Онъ весь былъ какой-то неспокойный, непосѣдливый; было ясно, что нервы его крайне взвинчены, натянуты.

— Это состояніе ожиданія и неизвѣстности совершенно невыносимо, — сказалъ онъ. — Мальчикъ находится всего въ какихъ нибудь трехстахъ миляхъ отсюда...

Они поговорили о Гю, но м-ръ Бритлингъ былъ раздражителенъ, рѣзокъ и явно готовъ былъ считать м-ра Дирека отвѣтственнымъ за всѣ промахи англійскаго военнаго министерства, за предательство Болгаріи, двусмысленную политику Румыніи и за всякую другую неудачу, которая такъ или иначе дѣйствовала ему на нервы. Они наскоро позавтракали. Потомъ перешли курить въ кабинетъ м-ра Бритлинга.

Тамъ м-ръ Дирекъ имѣлъ несчастіе замѣтить на столѣ номеръ невиннаго американскаго журнальчика „The New Republic", лежавшаго рядомъ съ двумя-тремя экземплярами „The Fatherland", — германофильскаго журнала, который въ то время разсылали безплатно всѣмъ англійскимъ писателямъ.

М-ръ Дирекъ замѣтилъ было, что „The Mew Republic" — интересная попытка американской молодежи сгруппироваться и высказаться. М-ръ Бритлингъ взглянулъ на „интересную попытку" усталымъ, недоброжелательнымъ окомъ.

— Вы, американцы, — сказалъ онъ, — самый странный народъ во всемъ мірѣ.

— Наши условія — исключительныя, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Вы думаете? — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ, и началъ изливать съ наростающей страстностью накопившееся у него въ душѣ озлобленіе противъ Америки. Вначалѣ онъ разсуждалъ и пояснялъ, но по мѣрѣ того, какъ говорилъ, онъ начиналъ терять самообладаніе. Онъ сталъ догматиченъ, началъ обличать, бранить. Онъ все больше и больше отождествлялъ м-ра Дирека съ Америкой; онъ все болѣе и болѣе подчеркнуто швырялъ прямо ему въ лицо слово „вы". У него потухла сигара, и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ швырнулъ ее въ каминъ. Какъ-будто Америка была виновата въ томъ, что у него потухла сигара.

Подобно многимъ британцамъ, въ м-рѣ Бритлингѣ жилъ тотъ оттѣнокъ патріотическаго чувства къ Америкѣ, которое сплошь и рядомъ принимаетъ форму нетерпѣливой критики. Никто въ Великобританіи никогда не называетъ американца иностранцемъ. Ошибки и недостатки Германіи или Испаніи

вызываютъ иногда снисходительное отношеніе, какъ нѣчто чужое. Но ошибки и недостатки Америки задѣваютъ за живое британскую совѣсть такъ же точно, какъ и ошибки Англіи... М-ръ Бритлингъ могъ объяснить и оправдать ошибки Англіи; для этого ему стоило указать на англійскую „ганноверскую“ династію, на господствующую церковь и ея притупляющее вліяніе, на „обязанности“, налагаемыя великобританскими „имперскими“ соображеніями и высасывающія всѣ запасы административнаго таланта страны, и т. д. Но въ Америкѣ дѣло обстояло иначе — это осколокъ древней англійской расы, но уже безъ династіи, безъ церкви, безъ всякихъ международныхъ осложненій, и все же Америка не оправдывала себя. Его рѣчь, обращенная къ м-ру Диреку, отдавала злобностью домашней ссоры.

— Вы думаете, что вы навсегда избавились отъ всякихъ осложненій и будущихъ войнъ? Такъ думали и мы! Мы чувствовали себя такъ же спокойно и безпечно въ 1871 г., когда случился крахъ съ Франціей... Вы думаете, что ваша высокомѣрная обособленность является въ нѣкоторомъ родѣ моральнымъ превосходствомъ? Такъ думали и мы; да! Такъ думали и мы...

— ...Но если мы погибнемъ сейчасъ, если мы будемъ разбиты, то вы и десяти лѣтъ не проживете спокойно...

— ...Неужели вы думаете, что если мы будемъ разбиты, Атлантическій океанъ достанется вамъ? Неужели вы думаете, что возможна какая-нибудь свобода морей внѣ той свободы, которую мы сейчасъ отстаиваемъ? Въ теченіе сорока лѣтъ британскій флотъ охраняетъ Америку отъ всякихъ посягательствъ со стороны Европы. А теперь вы за крѣпкой защитой нашего флота начинаете развивать свою пресловутую доктрину Монроэ...

— ...Меня тошнитъ отъ всѣхъ этихъ вашихъ высокомѣрныхъ, пустыхъ разговоровъ о войнѣ... Вы — народъ эгоистичныхъ зрителей, спокойно наблюдающихъ, насъ ли задушатъ, или мы задушимъ враговъ. Вы играете на нашихъ шансахъ: побѣдимъ ли мы или нѣтъ. И мы побѣдимъ; да! Мы побѣдимъ! И вы выиграете. А когда мы, наконецъ, добьемся побѣды, которая будетъ чуть-чуть менѣе ужасна, чѣмъ пораженіе, тогда вы вмѣшаетесь и будете вырабатывать условія нашего мира. Ну, что жъ, высасывайте изъ насъ еще немного крови, чтобы доставить удовольствіе вашимъ германофиламъ.

Онъ пустилъ послѣднюю стрѣлу:

— Вы говорите о вашихъ новыхъ идеалахъ мира. Вы говорите, что вы слишкомъ горды, чтобы воевать. Но ваши

нью-iоркскiе дѣльцы выдаютъ васъ съ головой. Почти во всѣхъ конторахъ Нью-Iорка виситъ на стѣнѣ маленькое объявленiе, которое болѣе, чѣмъ краснорѣчиво, говоритъ объ истинномъ миролюбiи Америки. Всѣ въ Америкѣ сейчасъ страшно заняты. Дѣла идутъ блестяще. И поэтому, чтобы имъ не мѣшали, вы и повѣсили объявленiе „Просятъ не говорить о войнѣ!"... Только подумайте!... „Не говорить о войнѣ"! На карту поставлена судьба всего человѣчества, а Америка только чуть-чуть брюзжитъ, когда нѣмцы топятъ „Лузитанiю", и безъ конца ворчитъ, когда мы задерживаемъ какой-нибудь американскiй пароходъ или что-нибудь въ этомъ родѣ... Что же касается остального, то „Просятъ о войнѣ не говорить"!

— Что жъ, не будемъ говорить о войнѣ... Ни слова о войнѣ! Но и вы не говорите со мной о войнѣ. Вы, искавшiй годъ тому назадъ въ приходскихъ книгахъ своихъ эссекскихъ родственниковъ. Не нужны мнѣ ваши объясненiя! И не надо мнѣ... — онъ передразнилъ акцентъ и стиль своего гостя, — вашихъ „трудныхъ задачъ"

Онъ всталъ и остановился въ нерѣшительности. Онъ зналъ, что былъ чудовищно несправедливъ къ Америкѣ и непростительно невѣжливъ съ довѣрчиво пришедшимъ къ нему гостемъ; онъ зналъ, что нельзя было такъ рѣзко и грубо обрывать разговоръ. Но все же, на душѣ у него отлегло... А чтобы исправить... Нѣтъ, онъ радъ, что все это наговорилъ!

Онъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

М-ръ Дирекъ былъ глубоко взволнованъ этимъ трагическимъ взрывомъ негодованiя и мучительными нотами, прозвучавшими въ голосѣ м-ра Бритлинга. Онъ тоже всталъ, но не послѣдовалъ за хозяиномъ дома.

— Его мучитъ тревога о сынѣ, — конфиденцiально пояснилъ наконецъ м-ръ Дирекъ письменному столу. — И какъ можно спорить съ нимъ! Вѣдь онъ въ ужасномъ состоянiи...

XX.

М-ръ Дирекъ простился съ миссисъ Бритлингъ и медленно направился къ маленькому коттеджу. Но онъ такъ и не дошелъ до коттеджа. Онъ зналъ, что тамъ тоже увидитъ другую томящуюся душу.

— Къ чему говорить пустыя слова? — спросилъ себя м-ръ Дирекъ.

Онъ остановился у изгороди, усѣлся на камни и глубоко задумался.

— Только одно убѣдитъ ее, — сказалъ онъ.

Онъ сперва потянулъ одинъ палецъ, потомъ другой.

— Сперва это, — шепнулъ онъ, — и затѣмъ то! Да!

Онъ дошелъ до поворота, откуда издали виденъ былъ коттеджъ, и постоялъ нѣкоторое время, глядя на него.

Затѣмъ, придя въ еще болѣе грустное настроеніе, онъ вернулся на станцію, и съ каждымъ шагомъ ему казалось, что лучше было бы претерпѣть гнѣвъ и негодованіе Сисси, чѣмъ не повидаться съ нею.

У почтовой конторы онъ остановился, вошелъ, купилъ открытку и сталъ писать:

„Дорогая Сисси! — писалъ онъ. — Я пріѣхалъ сегодня васъ повидать, но потомъ передумалъ. Я уѣзжаю во Францію навести справки о Тэдди. Авось, добьюсь чего-нибудь. Я не оставлю камня на камнѣ, все сдѣлаю, хотя бы для этого пришлось поѣхать на германскій фронтъ, но я узнаю. И когда я покончу съ этимъ вопросомъ, то у меня имѣется еще другой планъ въ головѣ... который разсѣетъ маленькое недоразумѣніе между нами относительно нейтралитета. Я крѣпко люблю васъ, Сисси...“

Больше на открыткѣ не помѣщалось.

XXI.

Затѣмъ, какъ-будто это было нѣчто, чего всѣ ждали въ Дауэръ-Хаузѣ, — пришло извѣстіе о томъ, что Гю убитъ.

Телеграмму привезла на велосипедѣ дѣвочка въ передникѣ; мальчики теперь исполняли работу юношей, а юноши — работу мужчинъ, ушедшихъ на войну.

М-ръ Бритлингъ стоялъ у парадного подъѣзда. Онъ смотрѣлъ на пожелтѣвшія октябрьскія деревья, освѣщенныя теплыми лучами заходящаго солнца, когда появилась маленькая телеграфистка. Онъ распечаталъ телеграмму, надѣясь, какъ онъ надѣялся все время послѣ отъѣзда Гю на фронтъ, что она не будетъ содержать именно тѣ слова, какія онъ сейчасъ читалъ; онъ надѣялся, что будетъ или „раненъ“, или, въ худшемъ случаѣ, „пропалъ безъ вѣсти“, или что, можетъ-быть, въ ней какой-нибудь пріятный сюрпризъ, въ родѣ извѣстія о полученномъ кратковременномъ отпускѣ, на который была слабая надежда въ послѣднемъ письмѣ Гю. Онъ прочиталъ окончательное, безапелляціонное сообщеніе, выраженія сочувствія... Онъ съ минуту простоялъ совершенно неподвижно, не поднимая глазъ съ написанныхъ карандашомъ строчекъ...

Отъ почтово-телеграфной конторы до Дауэръ-Хауза было около мили съ четвертью, и м-ръ Бритлингъ имѣлъ привычку давать всѣмъ мальчикамъ или дѣвочкамъ, привозящимъ ему телеграммы, два пенса. Ему очень хотѣлось отдѣлаться отъ телеграфистки, стоявшей передъ нимъ въ выжидающей позѣ, держа за руль свой красный велосипедъ. Ему было нехорошо, въ глазахъ помутнѣло; онъ чувствовалъ, что если не сдѣлаетъ надъ собой колоссальнаго усилія, не заберетъ себя какъ-нибудь въ руки, то громко закричитъ. Онъ началъ шарить по карманамъ, ища денегъ. Нашелъ нѣсколько мѣдяковъ и шиллингъ. Вынулъ ихъ, положилъ на ладонь и уставился на нихъ въ упоръ.

У него мелькнула нелѣпая мысль, что за эту телеграмму онъ непремѣнно долженъ датъ дѣвочкѣ шесть пенсовъ. И это его страшно мучило. Ему хотѣлось дать дѣвочкѣ 6 пенсовъ, а у него были только три монеты по одному пенсу и серебряный шиллингъ, и онъ не зналъ, что дѣлать; мысль его отказывалась работать. Было бы какъ-то нехорошо дать ей шиллингъ, а съ другой стороны не могъ же онъ дать ей три мѣдяка за такое важное извѣстіе, какъ смерть Гю! И затѣмъ эта дилемма куда-то исчезла, и онъ протянулъ дѣвочкѣ шиллингъ. Она выпучила на него глаза, вопросительно, словно не вѣря...

— Будетъ отвѣтъ, сэръ?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ. — Шиллингъ тебѣ! Весь!.. Это особая телеграмма... Очень важная...

И пока онъ это говорилъ, онъ встрѣтился глазами съ ея глазами, и у него мелькнуло внезапное убѣжденіе, что она въ точности знаетъ, что стоитъ въ телеграммѣ, и что она возмущена такимъ „праздничнымъ“ его отношеніемъ къ такому ужасному извѣстію. Онъ стоялъ въ нерѣшительности, чувствуя, что ему надо ей еще что-то сказать, а главное, — ему необходимо было отвернуться отъ ея уставленныхъ на него глазъ. Она стояла неподвижно, не отводя съ него взора, какъ-будто всѣмъ своимъ существомъ жадно всматривалась въ него, старалась что-то запомнить, запечатлѣть въ своей памяти.

Онъ прошелъ мимо нея въ садъ и тотчасъ же забылъ о ея существованіи.

XXII.

Уже нѣсколько недѣль, какъ, не переставая, онъ думалъ объ этой возможности, и вотъ теперь, когда она пришла, у него было такое чувство, какъ-будто никогда раньше онъ о ней не думалъ... Ему захотѣлось куда-нибудь уйти и остаться

одному, чтобы, никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаясь, разобраться въ этомъ ужасномъ, чудовищномъ фактѣ...

Онъ увидалъ жену; она шла навстрѣчу ему по дорожкѣ среди розовыхъ кустовъ. У него было такое же чувство, какъ въ дѣтствѣ, когда ему предстояло сознаться родителямъ въ чемъ-нибудь непріятномъ. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи вынести встрѣчу съ женой, не въ силахъ разсказать ей все и чувствовать на себѣ ея взглядъ. И онъ круто повернулъ налѣво, прошелъ, какъ-будто не замѣтивъ ея, черезъ газонъ къ маленькой бесѣдочкѣ, стоявшей на холмикѣ, откуда видна была дорога. Она окликнула его, но онъ не отвѣтилъ...

Онъ рѣшилъ не оборачиваться, но въ теченіе нѣсколькихъ секундъ напрягалъ всѣ чувства и все вниманіе, чтобы услыхать, послѣдовала ли она за нимъ или нѣтъ.

Слава Богу. Она вошла въ домъ.

Онъ украдкой, почти съ виноватымъ видомъ, досталъ изъ кармана телеграмму и перечиталъ ее снова.

Убитъ.

И только теперь голосъ его глухой, хриплый, чужой его слуху, произнесъ его мысль.

— Боже мой! Какъ нелѣпо!.. Зачѣмъ я пустилъ его? Зачѣмъ я пустилъ его?

XXIII.

Миссисъ Бритлингъ узнала о постигшемъ ихъ ударѣ только вечеромъ, послѣ обѣда. Она такъ привыкла не обращать вниманія на непонятныя перемѣны настроенія своего мужа, что, пока они не усѣлись за столъ, не замѣтила ничего трагичнаго въ его обликѣ. Онъ какъ-будто былъ разстроенъ, раздраженъ, склоненъ избѣгать разговоровъ съ ней, но такого рода состояніе было для нея не новостью. Она уже воспитала въ себѣ манеру не обращать никакого вниманія на его припадки мрачной насупленности. Но въ этотъ день, когда она сѣла за столъ и взглянула на него, сердце у нея невольно вздрогнуло при видѣ его блѣднаго, измученнаго лица и глазъ, съ глубокимъ отчаяніемъ смотрѣвшихъ на нее.

— Гю! — сказала она. — Ты получилъ извѣщеніе?

Они взглянули другъ на друга. Его лицо смягчилось, и его немного передернуло.

— Мой Гю, — шепнулъ онъ, и ни тотъ, ни другой нѣсколько секундъ не произнесли ни слова.

— Убитъ! — сказалъ онъ и вдругъ всталъ, расплакался и сталъ шарить по карманамъ.

Онъ никакъ не могъ найти то, чего искалъ. Наконецъ онъ нашелъ измятую телеграмму. Онъ бросилъ ее на столъ передъ женой, неуклюже отодвинулъ стулъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Она услышала, какъ онъ зарыдалъ, но не посмѣла поднять на него вторично глазъ.

— Боже! — воскликнула она, сообразивъ, какая непосильная задача была возложена на нее.

— Что я могу ему сказать? — спросила она себя, держа телеграмму въ рукѣ.

Въ комнату вошла горничная.

— Убирайте со стола, — сказала миссисъ Бритлингъ, стоя у своего стула.

— Молодой баринъ убитъ...

И затѣмъ сама зарыдала:

— Что я могу ему сказать? Боже! Что я могу сдѣлать?

XXIV.

Въ ту ночь миссисъ Бритлингъ сдѣлала надъ собой величайшее усиліе, чтобы разрушить тюрьму замкнутости, въ которую она заключила себя. Никогда за всю жизнь ей такъ не хотѣлось быть непосредственной, открытой, какъ теперь; никогда еще она не чувствовала себя такой стѣсненной своей робостью, самокритикой, глубоко вкоренившейся привычкой сдерживать себя. Она терзалась отраженнымъ горемъ. Ей казалось, что она готова сейчасъ отдать жизнь и весь міръ, чтобы быть въ состояніи утѣшить мужа. И она не могла придумать ни слова, ни жеста утѣшенія. Вышла изъ столовой въ переднюю и стала прислушиваться. Тихо поднялась наверхъ и подошла къ дверямъ комнаты мужа и остановилась, тоже прислушиваясь. Ничего не было слышно. Она протянула руку и, чуть-чуть повернувъ ручку двери, испугалась звука и своей смѣлости. И отняла руку; затѣмъ, съ жестомъ отчаянія, съ лицомъ блѣднымъ отъ мученій, проскользнула по коридору къ своей комнатѣ.

Она была совершенно подавлена этой катастрофой, о которой до этого момента даже не позволяла себѣ думать. Образъ мужа, который, словно раненый, истекающій кровью затравленный звѣрь, мучился тамъ въ своей комнатѣ, заполнилъ всѣ ея мысли. Объ убитомъ Гю она почти не думала.

— О! что я могу сдѣлать для него? — спрашивала она себя, садясь въ спальнѣ передъ нетопленнымъ каминомъ. — Что могу я сдѣлать или сказать?

И ломала себѣ голову надъ этой мыслью, пока отъ холода не начала дрожать, и тогда затопила каминъ...

Поздно ночью, послѣ безконечнаго ряда сомнѣній и колебаній, миссисъ Бритлингъ пошла къ мужу. Онъ сидѣлъ у самаго камина, подперевъ подбородокъ руками, ожидая ее; онъ чувствовалъ, что она придетъ къ нему, а пока думалъ медленными, тихо двигающимися мыслями о Гю. Движеніемъ онъ показалъ, что слышалъ, какъ она вошла въ комнату, но не обернулся къ ней. Онъ только немного съежился при ея приближеніи.

Она подошла и стала рядомъ съ нимъ. Затѣмъ рѣшилась и мягко прикоснулась къ нему, погладила его по головѣ.

— Дорогой мой!.. — сказала она, — милый, бѣдный мой!..

— Для тебя это такъ ужасно, — сказала она, — я знаю! Это такъ ужасно! Вѣдь ты такъ любилъ его...

Онъ закрылъ лицо руками и какъ-то весь застылъ.

— Бѣдный мой, дорогой! — говорила она, все гладя его волосы, — бѣдный мой, милый!..

И продолжала говорить: „бѣдный мой, милый", повторя это безъ конца, такъ какъ ничего другого придумать не могла. Ей страшно хотѣлось какъ-нибудь утѣшить его, и вскорѣ она убѣдилась, что это ей не удается, и что она безсильна. И это только усиливало ея безпомощность и увеличивало парализующее сознаніе безсилія...

И вдругъ ея рука, гладившая его, остановилась. Вдругъ въ ней заговорила настоящая женщина.

— Я не могу добраться до тебя! — крикнула она громко. — Не могу достать тебя! Я все бы сдѣлала для тебя... Для тебя и твоего разбитаго сердца...

Она повернулась къ двери. Пошла неувѣренно, неуклюже, ослѣпленная слезами...

М-ръ Бритлингъ отнялъ руки отъ лица. Онъ всталъ, пораженный, и затѣмъ жалость и подсказанное жалостью пониманіе покрыли собой его собственное горе. Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и заключилъ ее въ объятія.

— Дорогая моя! — сказалъ онъ, — не уходи отъ меня!..

Она повернулась къ нему и, рыдая, обняла его за шею; онъ тоже рыдалъ.

— Бѣдная жена моя! — сказалъ онъ, — милая моя жена! Если бъ не ты... Мнѣ кажется, я покончилъ бы съ собой сегодня. Не плачь, милая, не плачь! Ты не знаешь, до чего мнѣ легче съ тобой! Ты не знаешь, какъ ты помогаешь мнѣ!

Онъ притянулъ ее къ себѣ; прижалъ щеку ея къ своей.

Сердце его такъ было истерзано и изранено, что ему невыносимы были страданія другого существа. Онъ сѣлъ въ кресло, притянулъ ее къ себѣ на колѣни и началъ ей говорить все то, что ему приходило въ голову, и что могло бы утѣшить, успокоить и заставить ее почувствовать, какъ онъ цѣнитъ ее. Онъ только не упомянулъ ни разу о миломъ блѣдномъ юношѣ, который теперь ждалъ... Ну, что жъ, онъ можетъ подождать еще немного...

И, наконецъ, она ушла отъ него.

— Покойной ночи, — сказалъ м-ръ Бритлингъ и провелъ ее до дверей. — Было очень, очень трогательно съ твоей стороны, что ты пришла и утѣшила меня, — сказалъ онъ.

XXV.

Тихо закрылъ за ней дверь.

И едва закрылась дверь, какъ онъ совсѣмъ забылъ о женѣ; онъ былъ снова одинъ въ огромномъ пустомъ мірѣ.

Одиночество ударило его глухимъ, тяжкимъ ударомъ. У него были люди, зависящіе отъ него, были заботы, но не было ни души, которой онъ могъ бы выплакать свое горе.

Онъ простоялъ нѣкоторое время у открытаго окна. Взглянулъ было на постель — но, нѣтъ, онъ зналъ, сонъ въ эту ночь не придетъ — пока не настанетъ истощеніе. Онъ взглянулъ на письменный столъ, за которымъ столько разъ писалъ. Но все написанное тамъ — съежилось, поблекло.

Комната сдѣлалась невыносимой. Онъ непремѣнно долженъ выйти. Онъ повернулся къ окну; за нимъ тревожно шумѣли ночныя птицы, и гдѣ-то вдалекѣ ревѣли самцы-олени, темнѣли черныя деревья, мглистыя пятна; зіяло ясное и далекое небо, усѣянное множествомъ звѣздъ... Звѣзды какъ-будто насторожились. Онѣ мерцали, но все же были неподвижны, словно глаза какихъ-то вѣчно-бдящихъ наблюдателей... Онъ выйдетъ къ нимъ.

Онъ тихо прокрался къ двери въ коридоръ и еще тише нащупалъ путь къ лѣстницѣ и спустился по ней. Разъ или два онъ остановился, прислушиваясь...

Стараясь какъ можно меньше шумѣть, онъ вышелъ въ садъ...

И пошелъ въ темноту...

И повсюду, сзади, сбоку, рядомъ, былъ его мальчикъ, играя, лазя по деревьямъ, мчась сложными извивами на велосипедѣ по газону, серьезно обсуждая будущее, лежа на травѣ, тяжело

дыша, рисуя смѣшныя карикатуры. Разъ или два они ходили, рядомъ, по саду... какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ... бесѣдуя серьезно, но какъ-то нерѣшительно...

А вотъ тутъ они стояли, оба немного смущенные... тогда... передъ тѣмъ, какъ мальчикъ вошелъ въ домъ проститься съ мачехой и уѣхать съ отцомъ на станцію...

— Завтра я опять сяду за работу, — шепнулъ м-ръ Бритл нгъ, — но сегодняшняя ночь... сегодняшняя ночь — твоя... Слышишь ты меня?.. Слышишь?.. Это твой отецъ, возложившій на тебя столько надеждъ!..

XXVI.

Онъ ушелъ въ дальній уголъ полянки для хоккея, и тамъ нѣкоторое время ходилъ взадъ и впередъ, затѣмъ долго стоялъ, держась за заборъ обѣими руками, тупо всматриваясь въ темноту. Наконецъ, онъ повернулся и, спотыкаясь и путаясь во тьмѣ, пошелъ къ розамъ. Какая-то колючая вѣтка задѣла его лицо, оцарапала, и это его озлило. Онъ раздраженно отмахнулъ вѣтку, и она оцарапала ему руку. Добравшись до скамейки въ бесѣдкѣ, онъ сѣлъ и началъ что-то тихо нашептывать и затѣмъ сразу умолкъ, застылъ неподвижно, положивъ руку на спинку скамьи и голову на руку...

ГЛАВА V.

Миссисъ Тэдди отправляется гулять.

I.

Во всей Англіи, гдѣ раньше траурныя одежды были рѣдкостью, теперь повсюду въ блѣдныхъ лучахъ октябрьскаго солнца женщины и дѣти ходили въ новенькихъ черныхъ платьяхъ. Повсюду можно было встрѣтить эти свѣжія, еще непоблекшія печали матерей, потерявшихъ своихъ сыновей, женъ, потерявшихъ мужей, разбитыя жизни, разрушенныя надежды. Красильщики изъ силъ выбивались, перекрашивая цвѣтныя платья въ черныя. Быстро возрастало количество калѣкъ и увѣчныхъ. Такъ было въ Англіи; въ еще большей мѣрѣ наблюдалось это во всѣхъ союзныхъ странахъ, и въ Германіи,

и въ Австріи, и даже далеко въ Малую Азію и Египетъ, въ Индію, и Японію, и Италію проникъ трауръ; міръ наполнился утратами и скорбью, нуждой и отчаяніемъ.

Тѣмъ не менѣе таинственныя силы, потребовавшія эти жертвы отъ человѣчества, все еще не насытились, каждый новый день дополнялъ списки раздирающихъ сердце извѣстій, требовалъ новыхъ траурныхъ одеждъ и присылалъ домой новые эшелоны разбитыхъ и истерзанныхъ людей.

Нѣкоторые цѣплялись за надежды, но надежды оказывались часто болѣе ужасными, чѣмъ самыя черныя опредѣленности...

Миссисъ Тэдди ходила по селу, спокойная, увѣренная, въ цвѣтномъ платьѣ. Въ спискѣ потерь про Тэдди было сказано: „Пропалъ безъ вѣсти, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ — убитъ“. Кромѣ того, она получила два письма отъ его товарищей. Они писали, что Тэдди былъ оставленъ въ развалинахъ какой-то фермы, вмѣстѣ съ двумя-тремя другими ранеными, и когда канадцы отбили назадъ у нѣмцевъ ферму, всѣ эти раненые были найдены мертвыми въ изуродованномъ видѣ. Ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Затѣмъ канадцамъ пришлось снова отступить.

М-ръ Дирекъ употребилъ массу усилій на розыски въ эвакуаціонныхъ госпиталяхъ Франціи и Лондона раненыхъ товарищей Тэдди по ротѣ, а также канадцевъ изъ того полка, который бралъ ферму, чтобы почерпнуть отъ нихъ какія-либо свѣдѣнія. Дѣлалъ онъ это, конечно, главнымъ образомъ, для Сисси. Только одинъ изъ „очевидцевъ“ далъ кой-какія опредѣленныя указанія относительно Тэдди, но и онъ, увы, сообщилъ мало утѣшительнаго. Среди раненыхъ, оставленныхъ на фермѣ, былъ всего одинъ лейтенантъ, сообщилъ онъ, и, очевидно, это былъ Тэдди.

— Онъ былъ проткнутъ насквозь штыкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Голова его была почти совсѣмъ отрублена отъ туловища.

М-ръ Дирекъ тотчасъ пріѣхалъ въ Матчингсъ-Изи и разсказалъ объ этомъ Сисси.

— Какъ вы думаете, слѣдуетъ ли ей это сказать? — спросилъ онъ.

Сисси подумала.

— Пока не стоитъ, — рѣшила она.

Лицо Летти сильно измѣнилось въ теченіе этихъ тяжелыхъ недѣль, когда она упорно отрицала смерть мужа. Она вся поблѣднѣла, пожелтѣла; ротъ ея сталъ жесткимъ, злымъ; въ

глазахъ появился жесткій блескъ. Она никогда не плакала; не подавала никакого знака печали или скорби и упорно говорила о Тэдди сухимъ, спокойнымъ голосомъ. Она постоянно упоминала о его возвращеніи.

— Тэдди, — часто говорила она, — очень удивится этому.

— Тэдди страшно разозлится, когда онъ замѣтитъ, что я это переставила.

— Мы скоро найдемъ его имя въ спискѣ плѣнныхъ, — говорила она. — Онъ раненъ и въ плѣну въ Германіи.

Она упорно держалась за эту версію. Данныхъ для этого у нея не было никакихъ, но она и слушать не хотѣла о какихъ-либо сомнѣніяхъ. Вскорѣ она начала готовить посылки, чтобы отправить ихъ мужу.

— Вы знаете, они тамъ страшно нуждаются во всемъ, — говорила она. — Съ ними тамъ ужасно обращаются. Онъ еще не имѣлъ, очевидно, возможности написать мнѣ; но, по-моему, я не должна дожидаться его письма, и слѣдуетъ отправить ему что-нибудь немедленно.

Спустя нѣкоторое время, Летти уже невтерпежъ стало дожидаться адреса. и она отнесла свою первую посылку на почту.

— Мы не можемъ отправить ея, если вы не знаете, въ какой лагерь онъ заключенъ, — сказала ей начальница почтоваго отдѣленія.

— Жаль, — отвѣтила спокойно Летти. — Я лагеря не знаю. Неужели безъ этого нельзя послать? Я думала, нѣмцы такъ аккуратны, что имъ такихъ подробностей и не надо...

Почтмейстерша начала долго и скучно что-то объяснять, но Летти какъ-будто не слушала. Она глядѣла прямо передъ собой, въ пространство. Потомъ, когда почтмейстерша кончила свои объясненія, она взяла свою посылку.

— Досадно, что ему придется ждать, — сказала она, — но это дастъ намъ время выписать хорошія лепешки отъ кашля, которыхъ нѣтъ въ потребительской лавкѣ.

И она положила посылку на видное мѣсто на буфетѣ въ кухнѣ и принялась вязать фуфайку для Тэдди, къ зимѣ.

Но однажды вечеромъ бѣлая маска на мгновеніе спала съ ея лица.

Сисси и она сидѣли молча передъ каминомъ. Летти вязала — и вязала она плохо, — а Сисси дѣлала видъ, что читаетъ, слѣдя украдкой все время за сестрой. Сисси рѣшилась, наконецъ, заговорить.

— Милая, бѣдная Летти, — сказала она очень мягко и нѣжно. — А что, если онъ дѣйствительно убитъ?

Летти посмотрѣла на нее въ упоръ безжалостнымъ взоромъ.

— Онъ въ плѣну, — сказала она. — Развѣ тебѣ этого мало? Зачѣмъ ты еще издѣваешься надо мной? Раненъ и въ плѣну. Развѣ этимъ Богъ не достаточно наказалъ Тэдди... нашего Тэдди? До самой послѣдней минуты онъ не будетъ мертвымъ! Понимаешь? До конца войны! До истеченія шести мѣсяцевъ послѣ конца войны!.. И я скажу тебѣ почему, Сисси...

Она нагнулась черезъ столъ и подчеркивала свои слова вязальными спицами, говоря убѣждающимъ тономъ.

— Видишь ли, — сказала она, — если бы такихъ людей, какъ Тэдди, убивали, тогда всѣ наши взгляды и принципы: что жизнь должна быть честной, что она создана для счастія и добра — ломанаго гроша не стоятъ; тогда этотъ міръ, наша земля — бѣсовское мѣсто, отвратительный, жестокій адъ. Рождаться на свѣтъ значило бы просто быть проклятымъ. И поэтому нельзя поддаваться этой мысли, хотя бы всѣ вѣроятности говорили за то, что онъ убитъ.... Видишь ли, если онъ убитъ, тогда жестокость есть законъ, и кто-нибудь долженъ заплатить мнѣ за его смерть... кто-нибудь долженъ заплатить мнѣ!.. Я буду ждать шесть мѣсяцевъ послѣ окончанія войны, милая, и тогда я отправлюсь въ Германію. И убью какого-нибудь нѣмца. Не обыкновеннаго, простого нѣмца, а кого-нибудь изъ разряда виновныхъ. Это будетъ искупительная жертва. Сравнительно легко будетъ, навѣрное, убить, напримѣръ, кого-нибудь изъ дѣтей кронпринца или одного изъ баварскихъ принцевъ. Выберу именно нѣмецкихъ дѣтей и принесу ихъ въ жертву Тэдди. Не трудно будетъ найти людей, непосредственно отвѣтственныхъ, тѣхъ, напримѣръ, которые изобрѣли ядовитые газы, и убить ихъ, или же убить людей имъ близкихъ, дорогихъ, необходимыхъ... Женщины могутъ сдѣлать это куда легче, чѣмъ мужчины... Можетъ-быть, это единственное средство, какимъ возможно будетъ прекратить такого рода войны. Тѣмъ, что женщины будутъ упорно убивать тѣхъ, кто вызываетъ эти войны... Будутъ искоренять ихъ. Кампанія преслѣдованій и убійствъ, которая будетъ продолжаться много, много лѣтъ послѣ окончанія войны... Вѣдь убійство такое маленькое, легкое наказаніе за преступленіе войны... Это будетъ врядъ ли больше, чѣмъ упрекъ. Будетъ падать, какъ снѣгъ. Смерть за смертью... Снѣжинка за снѣжинкой... То властелина, или короля, или императора... То государственнаго дѣятеля... Графа, который такъ страстно стоитъ за продолженіе войны... Вотъ, что я сдѣлаю!.. Если Тэдди, дѣйствительно, умеръ... Годъ или два тому назадъ, мы, женщины, готовы были голодать и

умереть за право голоса, а право голоса было ничто въ сравненіи съ этой войной... Понимаешь, что я хочу сказать? Вѣдь это такъ просто и логично, Сисси. Когда человѣкъ будетъ сидѣть и думать, затѣять ему войну или нѣтъ, — онъ подумаетъ также о женщинахъ съ кинжалами, бомбами, о женщинахъ, воодушевленныхъ местью, не знающей устали или отдыха; отдавшихъ себя, терпѣливыхъ женщинахъ, готовыхъ въ любую минуту пойти на подвигъ, неминуемо влекущій за собой смерть. Нѣтъ, я не мучила бы этихъ творцовъ войны, я бы не причиняла имъ боли. Нѣтъ, не взирая на ядовитые газы, несмотря на ужасы окоповъ, на людей, которыхъ ослѣпляли, не взирая на раненыхъ, пролежавшихъ цѣлые дни, медленно истекая кровью въ грязи. Женщины не должны причинять боль! Но я убивала бы, какъ убиваютъ опасныхъ насѣкомыхъ. И такъ — изъ года въ годъ. Балканскіе короли, германскіе принцы, канцлеры — они бы строили разные планы и кончали бы неизмѣнно однимъ и тѣмъ же предсмертнымъ хрипомъ... А если бъ вскорѣ другіе императоры и короли начали скакать на коняхъ и дѣлать смотры арміямъ, и ихъ бы тоже постигла эта участь... Пока весь міръ не понялъ и не сознал бы, что женщины не намѣрены никогда больше допускать войны... Я, навѣрное, сдѣлаю что-нибудь въ этомъ родѣ. Мнѣ ничего другого не остается...

Глаза Летти сверкали и были серьезны, но голосъ ея мягокъ и сдержанъ. И она послѣ паузы продолжала тѣмъ же обыкновеннымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Такъ видишь, Сисси, почему я такъ хватаюсь за мысль, что Тэдди еще живъ? Если Тэдди живъ, если онъ только раненъ, то мнѣ остается какой-то кусокъ счастья — и все это будетъ не такъ ужасно, не такъ нелѣпо. А если онъ умеръ, то все отчаянно глупо и жестоко, съ начала до конца...

Она блѣдно улыбнулась, сказавъ это.

— Но, Летти, — сказала Сисси, — у тебя вѣдь мальчикъ.

— Мальчика я оставлю тебѣ. Въ сравненіи съ Тэдди, я вотъ и столечко не люблю мальчика. И никогда не любила его больше Тэдди. Къ чему притворяться? Нѣкоторыя женщины такъ устроены, какъ я, вотъ и все.

Она стала разглядывать свое вязанье.

— Бѣдныя петли, — сказала она... — Я человѣкъ рѣшительный, Сисси. Я похожа больше на маму, чѣмъ на папу. Тэдди — вся моя любовь. Вся нѣжность моей жизни въ Тэдди. Вмѣстѣ съ нимъ у меня будетъ отнята и жизнь... Я не буду ползать по міру, какъ всѣ эти всхлипывающія вдовы. Если

они убили моего мужа, я тоже буду убивать. Кровь за кровь, потеря за потерю. Я доберусь какъ можно ближе до тѣхъ отдѣльныхъ нѣмцевъ, которые затѣяли эту войну, и убью ихъ и ихъ близкихъ... „Женскій союзъ для истребленія виновниковъ войны...“ И если я причиню кому-нибудь боль, не все ли равно?

Она взглянула на испуганное лицо сестры и снова улыбнулась.

— Ты думаешь, я вотъ хожу и смотрю куда-то въ пространство, въ пустоту, — замѣтила она. — Ничуть. Я разрабатываю планы... Я думаю о томъ, какъ мнѣ пробраться въ Германію... А то, быть - можетъ, удастся изловить ихъ въ Швейцаріи... У меня много разныхъ плановъ... Вѣдь не будутъ же они вѣчно окружать себя стражей?

— ... О! Я начинаю презирать человѣчество, когда вижу, какъ много въ мірѣ солдатъ и какъ мало убійцъ... И это послѣ всѣхъ ужасовъ, которыхъ мы насмотрѣлись!.. Если бы люди какъ слѣдуетъ пользовались кинжалами, — не осталось бы на землѣ милитаристовъ!.. Ни одного!.. Кайзеръ и сыновья его и внуки жили бы въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь... Страхъ переставалъ бы ихъ преслѣдовать только въ ту минуту, когда гробъ опустился бы въ могилу. Страхъ на морѣ, страхъ на сушѣ, опасенія за пароходъ, на которомъ каждый изъ нихъ плыветъ, за поѣздъ, въ которомъ онъ ѣдетъ, страхъ во снѣ передъ смертью, страхъ на яву въ каждой тѣни; страхъ въ каждой толпѣ; страхъ, когда онъ остается одинъ!.. Страхъ преслѣдовалъ бы каждаго изъ нихъ въ лѣсу, прятался бы въ уголъ подъ лѣстницей; страхъ придавалъ бы странный вкусъ его ѣдѣ, такъ что онъ выплевывалъ бы ее.

Она сидѣла нѣсколько минутъ очень тихо, какъ бы обдумывая эту мысль, потомъ встала.

— Господи, какія иногда болтаешь глупости! — воскликнула она и зѣвнула. — Странно, почему бѣдный Тэдди не посылаетъ мнѣ до сихъ поръ открытки или не сообщаетъ своего адреса. Но знаешь, Сисси, чего я, дѣйствительно боюсь, какъ бы не случилось съ нимъ?

— Чего? — спросила Сисси?

— Боюсь, какъ бы онъ не лишился дара памяти. Что, если онъ былъ контуженъ въ голову снарядомъ?.. Мнѣ онъ недавно приснился: у него было странное выраженіе глазъ, и онъ какъ - будто не могъ узнать меня. Вотъ что-нибудь въ такомъ родѣ дѣйствительно могло съ нимъ случиться... И это было бы ужасно...

Глаза Сисси выражали сомнѣніе, но она ничего не сказала.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія.

— Пора спать! — сказала Летти. — Хотя я буду просто лежать и придумывать новые планы мести.

II.

Всю ту ночь Сисси тоже не спала, лежала и думала о сестрѣ, словно до этого никогда о ней не думала.

Она взвѣшивала впечатлѣнія, тысячи воспоминаній. Разница въ лѣтахъ ея и сестры была небольшая; онѣ были очень близки другъ къ другу, очень дружны, и все же въ эту ночь Сисси казалось, какъ-будто она не знала своей сестры до этихъ поръ. Годъ тому назадъ она была бы увѣрена, что знаетъ Летти насквозь. Но прежняя знакомая Летти, съ яркимъ цвѣтомъ лица и шаловливыми глазами, съ ея открытой, восторженной страстью къ Тэдди, съ ея любовью къ шутливымъ мистификаціямъ и спорту, и солнцу, и смѣху жизни, эта сестра Летти, которая была такъ положительна и уравновѣшена — теперь была отброшена въ сторону, словно маска. Сисси не узнавала глазъ сестры. Руки Летти стали худыми и незнакомыми и уже немного сморщенными; черты лица заострились, губы стали тоньше; ея поступки, которые раньше всегда можно было съ точностью предсказать, теперь стали непонятными, и Сисси стала недоумѣвать. Въ школьные годы на Летти находили полосы крайней чувствительности: ее легко, напримѣръ, можно было растрогать до слезъ. Но она ни разу не заплакала и не проявила признаковъ слезъ съ тѣхъ поръ, какъ имя Тэдди появилось въ „спискѣ потерь“. Въ чемъ же была сила этой трагической напряженности? Насколько у нея хватитъ этой силы, и до чего ее доведетъ это напряженіе? Неужели Летти дѣйствительно способна стать второй Шарлоттой Кордэ? Неужели она способна выработать сложный планъ сознательной мести, выносить и выполнить его? Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ и лѣтъ готовиться и подходить все ближе и ближе къ цѣли?

Неужели такая сознательная, преднамѣренная месть возможна?

Неужели, дѣйствительно, люди скоро начнутъ убивать виновниковъ Великой Войны? Какъ это странно будетъ, особенно потомъ, въ исторіи, если такимъ образомъ люди начнутъ наказывать творцовъ безумствъ за ихъ безумства.

Еще совсѣмъ недавно воображеніе Сисси могло бы увлечься такой романтической мечтой. Вѣдь всего годъ-два, какъ она,

вышла изъ періода романтической восторженности. Но она, дѣйствительно, выросла изъ нея, и начала относиться ко всему глубже и мудрѣе, начала сознавать, что теперь уже больше не бываетъ великой, священной мести, а возможенъ только рядъ мелкихъ мстительныхъ поступковъ; нѣтъ карающей мести на всю жизнь, кромѣ развѣ неумолимой мести закона. Нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ той настоящей концентраціи человѣческой энергіи, какая требуется романтикой. Вездѣ, во всемъ— распыленіе. Даже и трагическую исторію съ Тэдди смягчитъ и сгладитъ время. Даже для преступленія германскихъ принцевъ будутъ придуманы смягчающія обстоятельства. Неужели же Летти будетъ въ состояніи въ теченіе ряда лѣтъ поддерживать въ себѣ такую жестокую и ужасную рѣшимость? Она, навѣрное, сдастся, смягчится; другіе интересы поглотятъ ее.

На Сисси нахлынулъ рядъ воспоминаній о Летти въ школьные годы, о разныхъ ея приключеніяхъ, когда она выходила побѣдительницей, или когда она терпѣла неудачу; о Летти испуганной, Летти озлобленной, Летти, пускавшейся на большія дѣла, упорно преуспѣвающей нѣкоторое время и затѣмъ терпящей неудачу. Она видѣла Летти подавленной, плачущей, пристыженной и униженной. Она знала свою Летти до глубины души. Бѣдная Летти! Бѣдная, милая Летти! Сисси вдругъ ясно поняла, что происходитъ въ мысляхъ сестры. Вся эта сложная схема мести была лишь игрой воображенія, съ помощью которой Летти отгораживалась отъ мрачной альтернативы своей послѣдней надежды. Это не сила, а слабость. Она была не въ состояніи смотрѣть въ лицо факту. Это было ей не по силамъ. И вотъ она создавала мечту о мести, готовясь къ тому дню, когда уже нельзя будетъ отрицать факты. Она, въ сущности, была убѣждена въ смерти мужа, но только не сознается въ этомъ, пока мечта не приметъ окончательной формы. И если это состояніе напряженія будетъ длиться, то мечта ея укрѣпится и окончательно возьметъ власть надъ ея мыслями.

Она будетъ тогда ходить, воображая, что она готовится къ чудовищной задачѣ, которую никогда, въ сущности, не выполнитъ; она будетъ изучать карты Германіи, — будетъ читать все, что попадется ей подъ руку про германскихъ политическихъ дѣятелей и правителей; можетъ-быть, она даже сдѣлаетъ нѣсколько слабыхъ попытокъ получить какое-нибудь мѣсто въ Швейцаріи или Германіи. Можетъ быть, она даже купитъ кинжалъ или револьверъ. Можетъ-быть, она будетъ бродить по Виндзору или Сандрингаму послѣ заключенія мира, когда снова будутъ пріѣзжать въ гости кузены изъ Англіи...

И въ мысляхъ Сисси выросъ образъ существа, въ которое, быть-можетъ, обратится Летти, вся обносившаяся, неряшливая, съ поблекшей красотой, мечтающая объ убійствѣ, все еще служащая у м-ра Бритлинга, но исполняющая свои обязанности плохо, разсѣянно, неаккуратно.

Ее необходимо образумить, убѣдить ее, что такъ нельзя; иначе она обратится въ полусумасшедшую.

III.

Сисси яснѣе разбиралась въ душевныхъ переживаніяхъ Летти, чѣмъ въ своихъ собственныхъ.

Она сама тоже запуталась. Она очень привязалась къ м-ру Диреку, начала питать большое довѣріе къ нему, а между тѣмъ ея чувство къ нему проявлялось только въ томъ, что она постоянно упрекала его и Америку за неучастіе въ войнѣ. Она влюбилась въ него еще тогда, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ у Бритлинговъ въ своемъ маскарадномъ костюмѣ; въ ней было больше влеченія къ физической красотѣ и яркимъ краскамъ, чѣмъ она предполагала; она въ сущности сердилась на Дирека — хотя этого не знала, — за то, что онъ не вносилъ духъ своего тогдашняго маскараднаго костюма въ повседневную жизнь. Вначалѣ онъ произвелъ впечатлѣніе на ея воображеніе и чувства, и ей хотѣлось, чтобы это продолжалось. А вмѣсто того онъ все повторялъ свои увѣренія въ преданности ей и ограничивался честнымъ исполненіемъ гуманитарныхъ обязанностей. Теперь онъ все время убѣждалъ ее, что то, что онъ дѣлаетъ, именно — то, что слѣдуетъ дѣлать. И онъ не понималъ, — она тоже, — какъ ее раздражали его вѣчная правота, и добродѣтель, и разсудительность. Когда онъ замѣчалъ, что раздражаетъ ее, онъ старался быть еще добродѣтельнѣе, справедливѣе и разсудительнѣе.

Все же она чувствовала и сознавала, что онъ — славный, добрый, довѣрчивый; на него можно положиться! Онъ такъ безпомощенъ въ ея рукахъ. Она мучитъ его своими попреками, — но все же не можетъ потрясти его медленно сложившіяся убѣжденія.

Когда Сисси мечтала въ прежніе романтическіе дни о возлюбленномъ, котораго ей уготовитъ судьба, онъ рисовался ей совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она никогда не представляла себѣ, что можетъ привязаться къ человѣку, съ которымъ расходится въ нѣкоторыхъ вопросахъ, и который поступаетъ несогласно съ ея взглядами.

И поэтому она дразнила м-ра Дирека, пилила его и не хотѣла слушать его оправданій. А ему страшно хотѣлось обсудить съ ней свое положеніе. Ему казалось, что его угрызенія совѣсти по поводу того, что Америка снабжаетъ союзниковъ снарядами и пушками, были явленіемъ чрезвычайно сложнымъ и благороднымъ. Ея мысль, что онъ долженъ тоже воевать, заставляла его чувствовать себя въ нѣкоторомъ смыслѣ ренегатомъ; а ея утвержденіе, что онъ до нѣкоторой степени тоже англичанинъ, вліяло на него, хотя онъ и зналъ, что это неправда. И вотъ среди такихъ сложностей онъ радъ былъ найти себѣ какую-нибудь нейтральную задачу, при исполненіи которой онъ былъ бы цѣликомъ съ Сисси и за нее...

Онъ выкопалъ съ преданной настойчивостью всѣ свѣдѣнія, какія можно было собрать объ участи Тэдди.

А тѣмъ временемъ другая загадка разрѣшилась сама собой. У него нѣкоторое время бродила въ головѣ одна мысль. Въ одинъ прекрасный день онъ открылъ, что это — откровеніе, вдохновеніе. Онъ могъ остаться при убѣжденіи, что Америка не должна принимать участія въ войнѣ, и въ то же время самъ онъ можетъ вести себя такъ, что это удовлетворитъ Сисси. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Когда онъ пріѣхалъ по ея зову въ Матчингсъ-Изи, чтобы убѣдить Летти въ безспорности участи, постигшей Тэдди, онъ явился въ необычайномъ костюмѣ. Самый этотъ костюмъ казался м-ру Диреку международнымъ событіемъ, ему представлялось, что онъ виденъ до самаго Берлина. А между тѣмъ его костюмъ былъ такой распространенный въ эти дни, что Сисси, встрѣтившая его на станціи, и занятая всецѣло горемъ сестры, не обратила на него никакого вниманія; она только скорѣе почувствовала, чѣмъ замѣтила, что онъ выглядитъ какъ-то здоровѣе и крѣпче, чѣмъ когда-либо. И Летти тоже страннымъ образомъ не удивилась его костюму.

Онъ изложилъ Летти всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія. Это было странное, немного безсвязное повѣствованіе, разсказъ, составленный изъ отдѣльныхъ кусочковъ.

— По всей вѣроятности, — заявила Летти, — если я вамъ теперь скажу: я не вѣрю въ то, что тотъ раненый офицеръ былъ Тэдди, — вы всѣ сочтете меня сумасшедшей... Но я не вѣрю...

И она нѣкоторое время сидѣла, глядя прямо передъ собой въ пространство. Затѣмъ вдругъ вскочила и начала доставать съ вѣшалки кофточку и шляпу. Ремешекъ на кофточкѣ запутался, она стала раздраженно дергать его, пока не порвала.

— Куда ты идешь? — спросила Сисси.

Летти отвѣтила черезъ плечо жесткимъ голосомъ сварливой женщины.

— Иду, куда хочу!..

Она обернулась, держа кофточку въ рукѣ.

— Неужели я не могу выйти, если мнѣ хочется? — спросила она. — День прекрасный... погода великолѣпная... Неужели я должна сидѣть дома?.. Очевидно, вы думаете, что я должна сразу проглотить и переварить то, что вы мнѣ сейчасъ сказали... Улыбнуться и сказать „Неужели"?.. „Онъ былъ брошенъ... въ то время, какъ его рота отступала?"... „Ахъ, какъ занятно"... Да? Такъ?.. И перестать объ этомъ думать?.. Кромѣ того, я должна выйти... Вамъ обоимъ хочется остаться вдвоемъ... Вамъ хочется понѣжничать... Ну, что жъ, нѣжничайте, пока не поздно...

И она надѣла шляпу и кофточку, надвинула шляпу почти на глаза, и сказала нѣчто, чего Сисси сразу не поняла.

— Ему тоже придется скоро познакомиться съ окопами. Теперь, когда онъ, наконецъ, рѣшился... Жаль только, что онъ не могъ рѣшиться раньше...

Она повернулась къ нимъ спиной, постояла минуту, какъ-будто у нея ноги стали деревянными... затѣмъ пошла медленными, широкими, неувѣренными шагами. Она вышла въ лучи осенняго солнца, похожая на смертельно раненаго человѣка, который все еще въ состояніи держаться на ногахъ и ходить. И оставила за собою дверь широко раскрытой.

IV.

Только тогда Сисси, глазами полными отчаянія и боли за сестру, разглядѣла, что м-ръ Дирекъ одѣтъ въ форму одного изъ канадскихъ полковъ.

Онъ стоялъ рядомъ съ ней, и ему было какъ-то стыдно, что въ такую минуту его форма и то, что на его форму никто не обращаетъ вниманія, такъ занимаютъ его мысли.

V.

Сисси правильно опредѣлила психологію сестры. Мечта о мести еще недостаточно крѣпко завладѣла мыслями Летти, чтобы дать ей силу справиться съ несомнѣнностью смерти Тэдди. Она вышла въ освѣщенный солнцемъ міръ, почти окончательно убѣжденная въ смерти Тэдди и въ то же время сознавая, что ея

мечта о драматической и страшной мести — покинула ее навсегда. Она знала, что въ дѣйствительности она никогда ни на что подобное не рѣшится...

Она шла съ застывшимъ лицомъ и глазами, какъ-будто ничего не видящими, но въ то же время у нея было чувство, точно тяжелое бремя спало съ ея плечъ. Кончилось! Не на что больше надѣяться! Нечего больше бояться! Она пришла бы въ ужасъ, если бъ это сознавала, но, въ дѣйствительности, она почувствовала нѣкоторое облегченіе.

Ей хотѣлось быть одной. Хотѣлось уйти отъ всѣхъ людей. Она была похожа на существо, которое послѣ кошмарной инкубаціи родилось, наконецъ, на свѣтъ яснаго, холоднаго дня. Ей надо было почувствовать себя самой собою; надо было освоитьсясъ этими холодными, солнечными лучами, въ новомъ мірѣ, гдѣ ужъ не будетъ Тэдди, гдѣ Тэдди сталъ прошлымъ!..

Она прошла черезъ деревню, потомъ черезъ поле на склонъ холма, откуда виденъ былъ Мертенсомъ и его церковная колокольня. Тамъ, гдѣ склонъ холма начинаетъ сливаться съ равниной, она бросилась на траву у изгороди, отдѣлявшей дорогу, и тихо лежала... Она не столько думала, сколько наплыва ощущеній ожидала.

Она не знала, прошло ли пять минутъ или полчаса, когда вдругъ замѣтила, что кто-то смотритъ на нее. Вздрогнувъ, она обернулась и увидала, что у изгороди стоитъ пасторъ Димпль съ выраженіемъ озабоченности на здоровомъ, толстощекомъ лицѣ.

И вдругъ она поняла. Уже раза четыре послѣ исчезновенія Тэдди она замѣчала, какъ этотъ добрый человѣкъ пытался подойти къ ней, всегда съ той же опредѣленной рѣшительностью и съ тѣми же нерѣшительными колебаніями, какъ теперь... Она знала, что онъ считаетъ себя обязаннымъ, по своему призванію, изъ уваженія къ традиціямъ, подойти и предложить ей свои утѣшенія и „духовную поддержку"; что онъ обязанъ сказать ей рядъ плоскихъ, избитыхъ любезностей и добродушно-нѣжно погладить ее рукой. И знала также, что онъ боится ея, знала, что этотъ милый обманщикъ понимаетъ въ глубинѣ души, что онъ обманщикъ, и что ей это извѣстно. Въ глубинѣ души онъ былъ слишкомъ честенъ и порядоченъ, чтобы навязывать свои пустыя, избитыя банальности тому, кому онѣ не нужны. Если бы онъ предполагалъ, что она охотно приметъ его трафаретныя утѣшенія, онъ бы не колебался. Онъ былъ человѣкъ съ раздвоенной натурой. Благодаря своей нерѣшительности, неувѣренности, онъ всегда останавливался на полпути, въ смущеніи.

Онъ совершалъ свою ежедневную прогулку „для моціона“ и наткнулся на нее, подлѣ изгороди, — она смотрѣла на него въ упоръ холодными, ничего не выражающими глазами.

Онъ тоже смотрѣлъ на нее въ упоръ, пока его круглое, розовое лицо не превратилось въ маску сплошного смущенія. Онъ былъ необычайно растерянъ. Какъ-будто они обмѣнялись тысячью невысказанныхъ словъ.

— Простите... — буркнулъ онъ, — извиняюсь... не хотѣлъ помѣшать...

Ахъ, если бъ у него, дѣйствительно, была сила утѣшить, успокоить, — съ какой радостью онъ сдѣлалъ бы это!

Онъ прервалъ неловкость тѣмъ, что отступилъ назадъ на дорогу, сдѣлалъ жестъ, какъ-будто собирался заломить руки, и быстро удалился по дорогѣ, почти побѣжалъ.

— Бѣдная женщина!.. — воскликнулъ онъ. — Бѣдная женщина!

Она долго глядѣла вслѣдъ ему и затѣмъ расхохоталась.

Вотъ занятно! Она разскажетъ все Тэдди, когда онъ вернется, и онъ тоже будетъ смѣяться!.. И вдругъ она снова начала сознавать: нѣтъ больше Тэдди, никогда она ему ничего не разскажетъ... И неожиданно для нея самой, она зарыдала...

— О, Тэдди! Тэдди!.. — кричала она сквозь потоки слезъ. — Какъ ты могъ бросить меня? Какъ я это вынесу?..

Она не пролила ни одной слезы съ той минуты, когда пришло первое извѣстіе объ исчезновеніи Тэдди. А теперь она могла плакать, могла выплакать свое горе... И она отдалась цѣликомъ, невоздержанно, этому единственному облегченію.

VI.

Но и слезамъ приходитъ конецъ. Потомъ Летти лежала неподвижно въ красныхъ лучахъ заходящаго солнца.

Она лежала такъ тихо, что маленькая плистовочка опустилась на траву рядомъ съ ней, съ любопытствомъ посмотрѣла на нее и сдѣлала еще прыжокъ-другой ближе къ ней.

Летти лежала въ состояніи полнаго пассивнаго забвенія, съ широко раскрытыми, мокрыми, вспухшими глазами, ничего не замѣчая. Но эти быстрые, норовистые прыжки вернули ее къ дѣйствительности. Она начала наблюдать плистовочку, замѣчая, какъ она искоса посматриваетъ на нее и собирается подпрыгнуть еще ближе. Летти сдѣлала едва замѣтное движеніе, и птичка очутилась уже далеко наверху, на вѣткѣ надъ ея головой.

VII.

Вскорѣ она услышала чьи-то шаги, приближавшіеся къ ней по травѣ, — черезъ плечо Летти увидѣла м-ра Бритлинга; онъ шелъ по тропинкѣ, пересѣкающей поле, очень блѣдный, видъ у него усталый, разсѣянный, и даже его щетинистые волосы и подстриженные усы говорили объ охватившемъ его отчаяніи. Онъ одѣтъ въ старенькій спортивный костюмчикъ, съ брюками до колѣнъ, и въ рукахъ у него огромный атласъ и какія-то бумаги. Чувствовалась какая-то нерѣшительность въ его движеніяхъ. Какъ-будто онъ хотѣлъ подойти къ ней и не былъ увѣренъ, какъ она его встрѣтитъ.

Онъ заговорилъ прямо, безъ всякихъ предисловій.

— Вамъ Дирекъ разсказалъ? — спросилъ онъ, подойдя и останавливаясь надъ ней.

Она отвѣтила всхлипываніемъ.

— Я боялся, что это такъ и есть, и все же мнѣ не хотѣлось вѣрить, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — не хотѣлъ вѣрить... до сихъ поръ.

Онъ какъ-будто не зналъ, оставаться ли ему или идти дальше, затѣмъ опустился на траву недалеко отъ нея; сперва на колѣни, потомъ усѣлся. Наступило молчаніе.

— Вначалѣ страшно больно, страшно... — сказалъ онъ, наконецъ, глядя вдаль на мертенсомскую колокольню, и говоря какъ-будто въ пространство. — И болитъ... и продолжаетъ болѣть... и никому ничего нельзя сказать...

Онъ опять замолчалъ. Но оба они другъ друга утѣшали своимъ присутствіемъ и знали, что утѣшаютъ. Вѣдь ихъ обоихъ постигло одно и то же горе; они понимали, что это значитъ.

Она взяла какую-то вѣточку и начала рыть ею ямочки въ землѣ.

— Странно, — сказала она, — но я рада, что теперь знаю навѣрняка...

— Я это понимаю! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Конецъ кошмарамъ!.. У меня вѣдь было не столько надеждъ, сколько страховъ и опасеній... Я не хотѣла допустить, что онъ раненъ или убитъ... Потому что... это казалось такимъ ужаснымъ... А теперь...

— Теперь кончено! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Теперь все стало опредѣленнымъ, — сказала она послѣ паузы. — Думаешь, что онъ спитъ, уснулъ... навсегда...

Но это ея не удовлетворило. Она думала еще о чемъ-то:

— Знаете, теперь конецъ этой... неопредѣленности...— сказала она. — Онъ или умеръ или живъ...

Она взглянула на м-ра Бритлинга, словно хотѣла измѣрить его способность понимать ее.

— Вы еще сомнѣваетесь? — спросилъ онъ.

— Мысленно я теперь удовлетворена... до нѣкоторой степени. Онъ не былъ тамъ... или же онъ убитъ... Но если бы я сейчасъ увидала Тэдди вотъ тутъ, за изгородью, направляющагося ко мнѣ... это было бы совершенно естественно... Нѣтъ, не пугайтесь, не смотрите на меня такъ... Я знаю, что онъ дѣйствительно умеръ. И это — утѣшеніе. Это — покой, успокоеніе... Всѣ мысли о томъ, что онъ гдѣ-то лежитъ изуродованный... весь истерзанный... лежитъ и кричитъ, и все другое въ этомъ родѣ... эти мысли исчезли... Онъ снова мой цѣлый, нетронутый Тэдди... Только я его не вижу... нетронутый... Спитъ...

Она продолжала рыть ямочки вѣточкой, а слезы ручьями текли по щекамъ.

Тогда заговорилъ м-ръ Бритлингъ.

— Для меня это пришло совершенно неожиданно, безъ сомнѣній или надеждъ. До послѣдней минуты я надѣялся, что Гю останется нетронутымъ. А потомъ сразу... мгновенно... какъ-будто бы опустилась черная штора...

Онъ задумался.

— И мнѣ иногда тоже кажется... временами, какъ-будто Гю гдѣ-то тутъ поблизости, за угломъ... а временами все... пустота.

— Временами, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, — я ничего не чувствую, кромѣ удивленія. Все становится такъ невѣроятно. Точно такъ же, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ начала войны, я не вѣрилъ, чтобы современный, огромный народъ могъ дѣйствительно отдаться войнѣ... серьезно... всѣмъ сердцемъ... И они убили Тэдди и Гю...

— ...Они убили милліоны... милліоны... у которыхъ имѣются и отцы, и матери, и жены, и невѣсты...

VIII.

— Я не могу говорить объ этомъ съ женой. Знаю, это нелѣпо. Но какъ-то не могу... И это нечестно по отношенію къ ней... Уже вскорѣ послѣ того, какъ мы женились, я пересталъ съ ней говорить, т. е. говорить по-настоящему, просто...

какъ я говорю съ вами... И съ тѣхъ поръ я никогда не могъ... не знаю почему... И я въ особенности не могу говорить съ ней о Гю... Какіе-то пустяки... какіе-то намеки на критическое отношеніе... но этого достаточно, чтобы я не могъ говорить... И я хожу и думаю о Гю и о томъ, что съ нимъ случилось... и иногда... начинаю задыхаться...

Летти мысленно сравнила его состояніе съ своимъ...

— Мнѣ не хочется говорить о Тэдди... ни слова.

— Странно. Но, можетъ-быть, сынъ — это другое дѣло. Я теперь вспоминаю, что никогда не говорилъ о Мэри... Ни съ кѣмъ, никогда... Я объ этомъ какъ-то раньше не думалъ. Но я дѣйствительно никогда не говорилъ о ней! И не могъ бы говорить! Смерть возлюбленнаго... это свое, личное горе. Я это пережилъ и понимаю... А сынъ какъ-то болѣе „внѣ“ своего, личнаго... Совсѣмъ „внѣ“ твоего „я“... Онъ въ большей мѣрѣ твое созданіе. Теряя сына, не теряешь чего-то, что было въ тебѣ; но теряешь какую-то надежду и гордость... Давно, когда я былъ очень маленькимъ, помню, я очень тщательно и долго работалъ надъ какимъ-то рисункомъ. Потратилъ на него много времени. Но пришелъ другой мальчикъ, постарше, отнялъ у меня рисунокъ и порвалъ его. Такъ, безъ всякаго повода... изъ жестокости. Вотъ это было то же самое что теперь потеря Гю...

Летти задумалась.

— Нѣтъ, — созналась она. — Я болѣе эгоистична!

— Это не эгоизмъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Это просто явленіе совершенно иного порядка... Это менѣе интимно, и въ то же время гораздо значительнѣе лично для себя.

— Я сейчасъ только что подумала: „Онъ ушелъ. Онъ ушелъ“. И знаете, временами я какъ-будто сержусь на него: зачѣмъ онъ ушелъ... такъ скоро?

М-ръ Бритлингъ кивнулъ головой, понимая...

— Я не сержусь, я даже не подавленъ. Мнѣ только больно, что кончилось нѣчто, за ростомъ и развитіемъ чего хотѣлось слѣдить непрерывно... всю жизнь, — сказалъ онъ. — Я не знаю, какія отношенія существуютъ между большинствомъ отцовъ и сыновей... но я восхищался Гю! Я находилъ въ немъ всякія удивительныя и рѣдкостныя качества. Сомнѣваюсь, видѣли ли ихъ въ немъ другіе. Онъ былъ тихій, спокойный юноша. Онъ казался неуклюжимъ. Но въ немъ была какая-то удивительная утонченность, какое-то поразительное благородство. Это было существо, одаренное нѣжнѣйшей и поразительнѣйшей чуткостью... Это не пристрастныя иллюзіи отца... а дѣйствительно правда... Знаете, когда ему было всего нѣсколько дней отъ

роду, онъ неожиданно вздрагивалъ отъ всякаго незнакомаго звука. Онъ съ самаго рожденія былъ похожъ на эолову арфу... И волосы... когда онъ родился, у него было необычайно много волосъ... и они были похожи на пушокъ на груди молоденькой птицы. Я теперь это ярко помню. Какъ я любилъ гладить рукой его волосы! Они были какъ шелкъ. Ему еще не было двухъ лѣтъ, какъ онъ уже говорилъ... цѣлыя фразы. У него былъ необычайно чутко развитъ слухъ. Онъ особенно любилъ длинныя слова... И вотъ, — слезы задрожали въ голосѣ м-ра Бритлинга, — и вотъ теперь это прекрасное юное созданіе, этотъ умъ, эта молодая жизнь, быстрая, какъ вода, гибкая, какъ стальная пружинка, — уничтожена...

— ... Я не хочу сказать, что онъ былъ ангелъ. Я очень часто сердился на него; мнѣ въ немъ многое не нравилось. У него было много недостатковъ. И мы всѣ ихъ знали. И не обращали вниманія. Даже ещё больше любили за его странную, какую-то нелѣпую даровитость... и глубокую мудрость. И вотъ это нѣжное и благородное созданіе, всѣ эти ясныя воспоминанія въ его миломъ мозгу, всѣ его капризы, его внезапныя выдумки... Знаете? Я получилъ письмо отъ его пріятеля Парка. Вѣдь пуля попала въ Гю черезъ бойницу. Она пронзила ему глазъ и бровь... Только подумайте!.. Минута удивленія... ударъ... брызги... крови... клочья разодраннаго мяса, кожи и мозги... Въ одно мгновеніе... уничтожено... то, на что ушло восемнадцать лѣтъ любви и заботы...

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, въ раздумьѣ, затѣмъ продолжалъ:

— Научить его читать и писать... сколько на это одно ушло заботъ... Я самъ научилъ его читать, такъ какъ его первая бонна была глупая. Она была славное, методичное существо, но абсолютно лишенное всякаго вдохновенія, всякой одухотворенности. Поэтому я придумывалъ всякаго рода способы пріохотить его къ чтенію. Но это было даже лишнее. Онъ словно перескакивалъ черезъ всякія трудности. Онъ сразу схватывалъ все, что ему старались объяснить, и все понималъ...

— ... Онъ пришелъ въ жизнь такимъ же яснымъ, проворнымъ, какъ вотъ эта плистовка, ищущая чего бы съѣсть...

— ... И онъ сломанъ, уничтоженъ и выброшенъ, какъ пустая гильза отъ охотничьяго ружья, въ лѣсу послѣ охоты...

М-ръ Бритлингъ запнулся и умолкъ. Онъ уперся локтями о колѣни, положилъ лицо на руки, задрожалъ и затѣмъ застылъ. Волосы его были всклокочены. Изъ-подъ одной руки торчалъ кончикъ его подстриженныхъ усовъ и кусочекъ щеки;

отъ этого онъ казался еще болѣе жалкимъ. Его огромный атласъ, изъ котораго торчали какія-то бумаги, лежалъ совсѣмъ забытый, рядомъ на травѣ. Такъ они долго сидѣли — ни онъ, ни Летти не проронивъ ни слова. Но оба чувствуя близость и находя утѣшеніе другъ въ другѣ. Они никогда еще не чувствовали себя столь утѣшенными съ той минуты, когда горе утраты вошло въ ихъ жизнь.

IX.

Первымъ нарушилъ молчаніе м-ръ Бритлингъ. Когда онъ отнялъ руки отъ лица и заговорилъ, онъ вдругъ сказалъ нѣчто, что показалось Летти одной изъ самыхъ поразительныхъ и неожиданныхъ вещей, какія она слыхала когда-либо въ жизни.

— Единственный возможный способъ правленія въ Албаніи, — сказалъ онъ, глядя упорно передъ собой на спускающійся склонъ холма, — это группа республиканскихъ кантоновъ на подобіе Швейцаріи. Я не могу представить другого рѣшенія вопроса, которое могло быть угоднымъ Богу. Совершенно не важно, чѣмъ мы обязаны Сербіи или Италіи. Нужно измѣнить строй міра, укрѣпить его на началахъ справедливости и разумности...

Затѣмъ, послѣ паузы:

— Бухарестскій трактатъ былъ несправедливымъ трактатомъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ. Что бы ни сдѣлалъ намъ болгарскій король, этотъ трактатъ долженъ быть уничтоженъ, и болгары снова должны быть объединены въ одинъ народъ, въ одно цѣлое. Они должны получить свое, какое бы наказаніе они ни заслуживали, они не должны получить ничего больше, какую бы награду они себѣ ни завоевали...

Она не вѣрила своимъ ушамъ.

— Послѣ всей этой пролитой крови, драгоцѣнной крови, если мы оставимъ хоть одно пятнышко зла или жестокости, или несправедливости на землѣ...

И онъ началъ читать Летти лекцію о значеніи международной политики для каждаго гражданина.

— Ни одна жизнь не будетъ въ безопасности, ни одно счастіе не будетъ обезпечено, не будетъ возможности улучшить жизнь до тѣхъ поръ, пока мы не уничтожимъ все то, что вызываетъ и создаетъ войны...

— ... Мы должны положить конецъ безумію и тщеславію, не должны допустить, чтобы одинъ какой-либо народъ управлялъ

какимъ-нибудь другимъ народомъ. Поймите! Вѣдь несправедливо, и въ концѣ-концовъ даже неудобно, чтобы одинъ народъ управлялъ чужими ему другими народами. Управленіе людьми, которые исповѣдуютъ другую религію, говорятъ на другомъ языкѣ, придерживаются другихъ предразсудковъ и невѣжествъ — вотъ основное безуміе, убившее и Тэдди, и Гю... и всѣ эти милліоны. Положить конецъ этому безумію такой же нашъ долгъ и наша обязанность, какъ говорить правду и зарабатывать себѣ средства къ жизни...

— Но какъ же это измѣнить?

— Люди могутъ измѣнить все, что угодно, лишь бы у нихъ на это было достаточно основаній и крѣпкая вѣра.

Онъ показалъ на атласъ, лежащій рядомъ съ нимъ.

— Вотъ тутъ я черчу новую, настоящую карту міра, — сказалъ онъ. — Каждой области, каждому округу, имѣющему свой собственный, ему одному свойственный характеръ, должно быть предоставлено самоуправленіе; великая республика Соединенныхъ Штатовъ міра должна будетъ поддерживать между всѣми федеративный миръ. Вотъ здравый смыслъ жизни: федеративная міровая республика. Къ чему заботиться о лойальности другому какому-либо правительству, кромѣ этого? Если бы достаточное количество людей захотѣло этого, эта республика уже существовала бы. Почему мы такъ долго медлили... пока не навлекли на себя эти ужасные, трагичные бичи? Необходимо раскроить карту міра на отдѣльные штаты, выработать міровое правительство и статуты его терпимостей.

— И вы думаете, что это когда-нибудь осуществится?

— Да, это будетъ осуществлено!

— И вы вѣрите, что люди станутъ внимать подобнымъ проектамъ? — спросила Летти.

М-ръ Бритлингъ, унесшись взоромъ куда-то далеко за холмы, какъ-будто задумался.

— Да, — сказалъ онъ. — Можетъ-быть, не сразу, не сегодня... но постепенно... Вѣдь короли и имперіи умираютъ и вымираютъ; великія же идеи, разъ родившіяся, никогда не умрутъ. И эта міровая республика, это здравое управленіе міромъ, въ концѣ-концовъ, такъ же неизбѣжно, такъ же обезпечено, какъ и закатъ. Но...

Онъ вздохнулъ и сталъ машинально перелистывать листы альбома.

— Но она намъ нужна какъ можно скорѣе. Міръ усталъ отъ кровопролитія, отъ слезъ и рыданій, отъ растраты матеріи и энергіи, отъ убиванія сыновей и возлюбленныхъ. Намъ

необходимъ новый, перестроенный міръ, какъ можно скорѣе, а для этого мы должны напрячь всѣ усилія, чтобы добиться его. И мы должны отдать этому дѣлу нашу жизнь... Все, что осталось отъ нашей жизни...

— ...Вотъ, что мы должны сдѣлать, Летти, вы и я. Другого намъ ничего не осталось. Я ни о чемъ другомъ теперь не буду писать, ни о чемъ другомъ не буду думать, кромѣ какъ о порядкѣ и безопасности человѣчества. Мы будемъ тогда знать, что наши дорогіе мертвые... всѣ до одного не погибли даромъ; каждый изъ нихъ способствовалъ приближенію великихъ дней мира и возрожденія человѣчества; всѣ эти жестокости, заставляющія людей плакать, какъ дѣтей, въ то же время разбивая свѣтлыя жизни, наводя отчаяніе, убивая юность въ то мгновеніе, когда она протягиваетъ свои чистыя руки, чтобы взяться за жизнь... эти жестокости, эти ужасы безумія навсегда должны быть стерты съ лица земли...

X.

Летти смотрѣла на него, сморщивъ брови.

— Неужели вы дѣйствительно вѣрите, — сказала она, — что жизнь можетъ стать лучшей, чѣмъ теперь?

— Конечно! — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— А я не вѣрю! — сказала Летти. — Міръ — жестокъ! Просто-на-просто жестокъ! И такимъ будетъ всегда!

— Въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Да вѣдь міръ просто собраніе жестокостей. Онъ весь какъ бы уставленъ ножами. Полонъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Что касается Бога, то или его нѣтъ, или онъ...

— Нѣтъ, это неправда! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Нѣтъ никакого прогресса! Ничего не улучшается въ жизни! И какъ можете вы вѣрить въ Бога, послѣ Гю? Неужели вы вѣрите въ Бога?

— Да, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, послѣ долгой паузы. — Я вѣрю въ Бога!

— Который допускаетъ подобныя вещи, подобные ужасы? Она приподнялась на одну руку, а другой стала какъ бы подчеркивать свой доводъ.

— Вы вѣрите въ Бога, который убиваетъ моего Тэдди и вашего Гю... и милліоны?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Но вѣдь долженъ же онъ допускать такія вещи. Иначе, какъ же по-вашему онѣ случаются?

— Нѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ вамъ богословы. Они утверждаютъ, — какъ абсолютную идею, — что онъ всемогущъ, всевластенъ и вообще какое-то сплошное „все“. Но человѣческій здравый смыслъ прозорливѣе богослововъ. Каждая истинная, религіозная мысль отрицаетъ это. Въ концѣ-концовъ, истинный Богъ христіанъ — Христосъ; не Богъ Всемогущій, а несчастный, осмѣянный, израненный Богъ, пригвожденный къ фактическому, „матеріальному“ кресту... И вотъ когда-нибудь этотъ Богъ восторжествуетъ... Но несправедливо думать, что это Онъ создаетъ все, что происходитъ теперь. Несправедливо обвинять Его. Вы просто введены были въ заблужденіе. Это ошибка богослововъ. Богъ — не абсолютенъ. Богъ — конеченъ, финаленъ. Финальный, конечный Богъ, идущій своимъ великимъ и разумнымъ путемъ такъ же, какъ мы идемъ нашимъ труднымъ и глупымъ путемъ, Богъ, который съ нами — вотъ сущность истинной религіи... Я съ вами согласенъ... Если бъ я думалъ, что существуетъ Всемогущій, Всесильный Богъ, Который спокойно смотритъ на всѣ битвы, и смерти, и разрушенія, и ужасы этой войны — и могъ бы все остановить или предотвратить — и не дѣлалъ бы этого, желая развлечься, — я бы возсталъ противъ него... И всякій бы это сдѣлалъ!

— Но васъ вооружили противъ Бога ваши учителя и катехизисы... Они хотятъ доказать, что онъ владѣетъ всей природой. Какъ средневѣковые герольды, которые настаивали на томъ, что Христосъ, несомнѣнно, былъ великимъ рыцаремъ и имѣлъ право носить оружіе. Въ дѣйствительности же Богъ — въ природѣ и неизбѣжности. Неизбѣжность — это нѣчто, лежащее внѣ Бога, внѣ добра и зла, внѣ пространства и времени, вѣчно длящаяся и непроницаемая тайна. Неизбѣжность — крайнее, послѣднее, а Богъ — самое сокровенное и глубокое. Онъ ближе намъ, чѣмъ наше дыханіе, ближе, чѣмъ ноги и руки. Онъ — Другое, Противоположное этому міру. Онъ выше, больше природы или неизбѣжности, ибо Онъ — духъ, а онѣ слѣпы, но Онъ ими не управляетъ... пока еще...

— Мнѣ всегда говорили, что Онъ Творецъ неба и земли...

— Это — іудейскій Богъ, Котораго переняли христіане. Это Богъ — панацея. Но это не мой Богъ!

Летти стала мысленно взвѣшивать новые для нея взгляды.

— Я никогда о Немъ такъ не думала, — сказала она, наконецъ. — И сейчасъ мнѣ все кажется совершенно инымъ.

— И я тоже прежде не думалъ такъ. Но теперь думаю... Я какъ-то сразу это нашелъ и ясно все увидалъ; я вижу это такъ ясно, что удивляюсь, какъ до сихъ поръ не видѣлъ... Видите ли, такъ легко понять, что есть Богъ, и какъ Онъ сложенъ, и чудесенъ, и какъ Онъ братски близокъ, когда подумаешь о всѣхъ тѣхъ милыхъ мальчикахъ, что тысячами, сотнями тысячъ отдали свои жизни... Да, были и нѣмецкіе юноши, которые дѣлаютъ и дѣлали то же самое.

— ...Жестокости, несправедливость, грубыя насилія... они видѣли ихъ иначе, эти нѣмецкіе юноши. Они отдавали свои жизни... отдавали свои жизни... Эти милыя, дорогія жизни, жизни, полныя надеждъ и солнца.

— ...Развѣ вы не видите, что такъ должно быть, Летти? Развѣ вы не видите, что иначе быть не можетъ?

— Нѣтъ, — сказала она. — Я смотрѣла на вещи совершенно иначе.

— Но для меня это ясно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Если бы во всемъ мірѣ не было ничего, кромѣ нашихъ добрыхъ отношеній другъ къ другу, или той любви, которая заставила васъ рыдать вотъ тутъ, въ этихъ ласковыхъ лучахъ октябрьскаго солнца, или той любви, которой я питалъ къ Гю — если бы не было ничего другого... если бы все остальное было жестокостью и издѣвательствомъ, грязью и страданіями, то все равно ясно и несомнѣнно было бы, что существуетъ Богъ любви и справедливости. Если бы не было во всемъ мірѣ никакихъ другихъ признаковъ, никакихъ другихъ указаній на Бога, кромѣ свѣтлыхъ божескихъ началъ, которыя мы видѣли въ этихъ двухъ нашихъ юношахъ; если бъ у насъ не было другого свѣта, кромѣ любви, живущей между нами... Вы ничего не имѣете противъ того, что я такъ говорю? — вдругъ спросилъ м-ръ Бритлингъ. — Я только объ этомъ сейчасъ могу и думать... объ этомъ Богѣ... этомъ Богѣ, который борется, который жилъ въ Гю и Тэдди, ясно и открыто, и о томъ, какъ Онъ долженъ сдѣлаться Правителемъ Міра...

— Этотъ Богъ, Который борется? — повторила она. — Я о Немъ такъ никогда не думала!

— Конечно, Онъ такой, долженъ быть такимъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Какъ же Богъ можетъ быть существомъ, какъ Онъ можетъ быть чѣмъ нибудь, имѣющимъ значеніе для человѣка, если онъ не будетъ такъ же ограниченъ и опредѣленъ и... человѣченъ, какъ мы сами... съ явленіями и обстоятельствами, лежащими внѣ Его и за Нимъ?..

XI.

Летти медленно пошла скошенными полями къ своему коттеджу.

Она проговорила съ м-ромъ Бритлингомъ больше часа, и голова ея была всецѣло занята мыслями объ этомъ измѣнившемся и упростившемся человѣкѣ, который говорилъ о Богѣ, какъ говорилъ бы о птицѣ, которую онъ видѣлъ, или о деревѣ, подъ которымъ укрывался отъ дождя. И какъ-то связаннымъ, сплетеннымъ съ этими мыслями о м-рѣ Бритлингѣ было странное представленіе о Богѣ, какъ о существѣ, которое можетъ подойти такъ же близко, какъ Тэдди, шепча ласковыя слова въ темнотѣ. У нея явилось нелѣпое убѣжденіе, что Богъ борется, какъ и м-ръ Бритлингъ; и что м-ръ Бритлингъ, лишь съ нѣкоторой неопредѣленно большей ограниченностью взглядовъ, любилъ такъ же, какъ и Богъ. Она любила м-ра Бритлинга за его карты, мечты, за полное самообнаженіе въ его разговорѣ съ ней. Странно, что подавляющая мысль о мертвомъ Тэдди какъ-то совсѣмъ ушла сейчасъ у нея изъ головы. Она была охвачена какимъ-то чувствомъ начала и конца, какъ-будто въ жизни ея перевернулась страница, и все стало новымъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ сознаніе ея отвергало религію, какъ схему непростительныхъ ограниченій и стѣсненій, нѣчто, полное противорѣчій, вызванныхъ собственной нелѣпостью. Летти никогда не думала о религіи иначе, какъ съ презрѣньемъ. Она была до сихъ поръ счастливой атеисткой. Она играла и жила въ лучахъ солнца съ полной непосредственностью и увѣренностью, что въ основѣ міра, въ которомъ она находится, лежитъ лишь одно добро. Она отказывалась думать о всякихъ непріятныхъ и тяжелыхъ вещахъ, пока кровавая лапа войны не уничтожила ея увѣренности. Тэдди, ея товарищъ по играмъ — ушелъ отъ нея, игра любви кончилась навсегда; насталъ конецъ юному, счастливому утвержденію жизни, какъ жизни; вмѣсто Тэдди явилась горечь жизни, скорбь жизни, и это выступленіе Бога изъ невѣдомой дали въ новую, осязательную связь съ ея собственнымъ существованіемъ.

Она оставила м-ра Бритлинга съ его атласомъ. Онъ лежалъ, вытянувшись на травѣ, подъ изгородью, развернувъ его передъ собой. Это занятіе показалось бы ей еще недавно чѣмъ-то невообразимо нелѣпымъ. Онъ тщательно чертилъ на своихъ картахъ самопишущимъ перомъ, красными чернилами, новыя границы міровыхъ штатовъ. Но теперь ей это было понятно.

Она знала, что эти проведенныя красными чернилами границы м-ра Бритлинга могли, въ концѣ-концовъ, оказаться гораздо мудрѣе и крѣпче, чѣмъ всѣ договоры дипломатовъ.

Въ этотъ послѣднiй часъ онъ сталъ ей очень близкимъ. Она вдругъ убѣдилась въ томъ, что преисполнена необычайной нѣжности къ нему. До сихъ поръ она никогда не думала о своемъ отношенiи къ кому-либо, кромѣ Тэдди... Теперь она какъ бы пошла навстрѣчу всему мiру въ жаждѣ ласки и доброты. Эта новая мысль о дружественномъ Богѣ, у Котораго тоже была своя борьба, о Которомъ можно было думать, какъ о Богѣ, родственномъ м-ру Бритлингу, родственномъ Тэдди — захватила ея воображенiе. Онъ былъ за этимъ осеннимъ солнцемъ; въ маленькой птичкѣ, казавшейся столь довѣрчивой и доброй. И во всемъ, гдѣ была доброта, гдѣ была ласка и нѣжность — былъ Богъ. Тысячи старыхъ фразъ, которыя она слыхала и читала и на которыя обращала мало вниманiя, лежавшiя до сихъ поръ сухими скелетами въ ея памяти, теперь вдругъ облеклись въ плоть, кровь и ожили. Этотъ Богъ, — если это, дѣйствительно, Богъ... Значитъ, тогда не глупость говорить, что Богъ есть любовь, что Онъ другъ и товарищъ?.. И съ Нимъ, быть-можетъ, она будетъ теперь въ состоянiи встрѣтиться лицомъ къ лицу съ мiромъ, по которому ужъ она никогда больше не пойдетъ рядомъ съ Тэдди и въ которомъ она не будетъ больше съ Тэдди строить мечту о счастьѣ... Въ концѣ-концовъ, она была одно время очень счастлива; знала поразительное счастье! Она знала больше счастья, больше любви въ этотъ короткiй годъ-другой послѣ ихъ свадьбы, чѣмъ многiе другiе за всю свою жизнь... Такъ, подъ влiянiемъ новыхъ мыслей, Летти, вышедшая изъ дому съ мечтами о мести и убiйствахъ, возвращалась на закатѣ, думая о жалости, о нѣжности Тэдди, которая, въ концѣ-концовъ, была лишь знакомъ безграничной доброты и нѣжности Бога... Какое право имѣла она на злобную скорбь, сосредоточенную и мстительную, когда тутъ рядомъ старый Бритлингъ все еще мечтаетъ о новой эпохѣ милосердiя на землѣ, и красно-золотые лучи солнца, теплые, какъ улыбка Тэдди, ложатся на землю?..

Нужно скорѣе вернуться домой, поцѣловать Сисси и спрятать куда-нибудь подальше ту посылку, которую она приготовила для Тэдди, пока она не узнаетъ про какого-нибудь бѣднаго солдата въ плѣну, чтобы послать ее ему. Да, она была безжалостна къ Сисси въ своемъ горѣ. Въ эгоизмѣ своей скорби она обращалась съ Сисси, какъ со стуломъ или столомъ, не думая о томъ, что Сисси, быть-можетъ, устала, что она, быть-можетъ,

мечтаетъ о своемъ грядущемъ счастьѣ. Вѣдь любовь для Сисси еще впереди, а ея избранникъ уже въ хаки. У нея не будетъ такого свѣтлаго года, какой былъ у Летти передъ тѣмъ, какъ война омрачила весь міръ. Вѣдь прежде, чѣмъ Сисси сможетъ выйти замужъ, долженъ прійти миръ, а миръ еще далекъ. И кто знаетъ, какая участь ждетъ Дирека?..

Летти прошла черезъ рощицу и калитку въ изгороди, и вышла на поляну, откуда былъ виденъ ея домъ. Окна коттеджа подъ широкими вѣтвями каштана горѣли пламенемъ въ лучахъ заходящаго солнца. Дверь въ коттеджъ была открыта, и кто-то, какіе-то люди двигались подъ портикомъ у входа...

Кто-то выходилъ изъ коттеджа, кто-то чужой въ необычномъ костюмѣ, а позади него былъ человѣкъ въ костюмѣ защитнаго цвѣта... это былъ м-ръ Дирекъ. А за нимъ стояла Сисси.

Но кто же этотъ чужой?

Онъ вышелъ изъ-подъ рамы портика и направился къ садовой калиткѣ.

Кто же... кто же этотъ чужой человѣкъ?

Онъ одѣтъ въ какое-то странное на видъ платье, въ мѣшковатыя брюки изъ мягкой синей матеріи и въ блузу; лѣвая его рука забинтована чѣмъ-то бѣлымъ... На головѣ его шляпа, и онъ съ бородой...

Онъ совсѣмъ чужой, какой-то иностранецъ... Неужели она сходитъ съ ума?

... Конечно, это какой-то иностранецъ.

И вдругъ онъ сдѣлалъ какое-то движеніе, какой-то шагъ въ сторону, запрыгалъ по дорожкѣ, и сразу пересталъ быть чужимъ. Онъ сдѣлался невѣроятно, поразительно знакомымъ, близкимъ, благодаря именно этому шагу.

Нѣтъ!

У нея отнялось дыханіе. Все существо Летти какъ-будто застыло. Этотъ незнакомецъ сталъ вдругъ невѣроятно знакомымъ; поглядѣвъ въ упоръ минуту, другую на ея неподвижную фигуру... онъ замахалъ ей шляпой, жестомъ... жестомъ, окончательно утвердившимъ это чувство близости и знакомства. Но она не подала никакого знака въ отвѣтъ.

Нѣтъ, это кажущееся знакомое было лишь игрой воображенія, игрой случайности.

Этотъ чужой человѣкъ, очевидно, прибылъ изъ Бельгіи, чтобы разсказать что-нибудь о Тэдди.

И вдругъ она удивила себя тѣмъ, что стала издавать какой-то стонущій звукъ, какой-то нелѣпый, глупый звукъ, въ родѣ

того, который издаетъ ребенокъ, когда онъ подражаетъ мычанію коровы. Она замычала:

— Муу-у-у!..

И побѣжала впередъ, неувѣренными, словно чужими ногами, размахивая руками, и пока бѣжала, она убѣждалась все яснѣе и яснѣе, что этотъ раненый человѣкъ въ странномъ костюмѣ—Тэдди. Она бѣжала все скорѣе и скорѣе, спотыкаясь, почти падая... Если она сейчасъ же не добѣжитъ до него, то весь міръ лопнетъ, разорвется...

Держать его, прижаться близко, близко къ нему.

— Летти! Летти! Только одна рука!

Она прижималась къ нему, и онъ обнималъ ее...

Все обошлось! Она всегда знала, что все это обойдется. (Только прижаться покрѣпче къ нему). Что пройдетъ нѣкоторое время, и все будетъ хорошо. Но вѣдь все это были глупости! Развѣ она не знала все время, что онъ живъ? И вотъ онъ тутъ съ ней, живой. (Прижаться крѣпко, крѣпко къ нему). Даже какъ-то не вѣрится, такъ все хорошо!.. послѣ всѣхъ ея мученій!.. Держать его въ объятіяхъ!.. виснуть на немъ!.. чувствовать, какъ онъ, живой, цѣлуетъ, ее, тоже плачетъ, плачетъ вмѣстѣ съ нею!..

— Тэдди! Милый! Любимый!

XII.

Летти была уже въ коттеджѣ, пытаясь слушать и понять то, что было слишкомъ сложнымъ для ея затуманенныхъ мыслей. Вотъ м-ръ Дирекъ пытается что-то объяснить относительно запоздавшей телеграммы, которая пришла вскорѣ послѣ того, какъ она вышла изъ дому. Вообще много кое-чего пытается объяснить м-ръ Дирекъ. Но къ чему объясненія, когда есть Тэдди, настоящій, прежній Тэдди, вотъ только съ бородой и забинтованной рукой? Вначалѣ у нея была нелѣпая увѣренность, что и эти двѣ странности скоро отпадутъ, такъ что Тэдди снова сдѣлается точь-въ-точь тѣмъ же Тэдди, какимъ всегда былъ.

У Тэдди была прострѣлена рука выше локтя.

— У меня нѣтъ одной руки, Летти, милая! По счастію — лѣвая. Придется замѣнить ее какимъ-нибудь крючкомъ, наподобіе старинныхъ пиратовъ.

Потомъ были какіе-то разговоры, о томъ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ.

— Другой офицеръ — т. е. офицеръ про котораго пріѣхалъ и разсказалъ м-ръ Дирекъ — лежалъ тамъ нѣсколько дней.

Тэдди прострѣлили лѣвую руку выше локтя, и отъ удара падающаго бревна онъ лишился чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ былъ уже безоруженъ, и надъ нимъ стоялъ нѣмецкій солдатъ...

Потомъ ему удалось бѣжать. Онъ былъ на какой-то желѣзнодорожной станціи въ Бельгіи запертъ въ залѣ третьяго класса съ тремя или четырьмя французскими плѣнными. Въ это время на станцію совершили налетъ французскіе и англійскіе аэропланы и стали бросать бомбы. Стража и двое изъ плѣнныхъ были убиты. Во время охватившей всѣхъ суматохи, остальные убѣжали и добрались до города. Горѣли вагоны съ сѣномъ, и взорвался бакъ съ керосиномъ.

— При такихъ условіяхъ нельзя было не убѣжать. Такъ какъ все равно, если бы нашли меня бродящимъ около развалинъ станціи, непремѣнно пристрѣлили бы.

При взрывѣ въ кисть Тэдди попали осколки стекла и ржаваго желѣза; рана вначалѣ казалась маленькой; нѣсколько недѣль она его не безпокоила, потомъ въ нее, очевидно, попала грязь.

На узкой, мощенной булыжникомъ улицѣ за вокзаломъ онъ наткнулся на женщину, которая не говорила по-англійски, но повела его къ мѣстному священнику, а тотъ спряталъ его у себя.

Летти вначалѣ ничего не соображала. Да ей какъ-то не хотѣлось слушать разсказа о томъ, какъ онъ спасся. Ей хотѣлось узнать про его руку.

Да, были странныя подробности въ этомъ разсказѣ. Былъ старый крестьянинъ, который заставлялъ Тэдди работать у себя на полѣ, несмотря на его раненую руку, и указывалъ на проходящаго нѣмца, когда Тэдди протестовалъ; были люди, именуемые „они", которые организовали переходъ бѣглыхъ черезъ границу въ Голландію; были ночныя бдѣнія, длинныя ночи одна за другой передъ свободой... Но Летти интересовалась только рукой. Подъ повязкой было нѣчто, что озадачивало воображеніе, нѣчто забинтованное, какой-то обрубокъ. Она не могла объ этомъ думать. И все же не могла отдѣлаться отъ мысли о немъ.

— Но какъ ты лишился руки?

— Вначалѣ была только маленькая ранка, а потомъ она стала болѣть. Но я не пошелъ въ госпиталь, такъ какъ боялся, что меня интернируютъ въ Голландіи до конца войны, и я буду лишенъ возможности вернуться домой. А мнѣ безумно хотѣлось домой. Я... истосковался по дому: никто никогда такъ не то-

сковалъ по дому, какъ я. Я тысячу разъ вспоминалъ о нашемъ домѣ и о садѣ, и о томъ, какъ мы изъ окна глядѣли на прохожихъ... И какъ-будто я все время ихъ видѣлъ... И стараго толстощекаго пастора съ его добродушной улыбкой, и миссисъ Уокеръ съ крайняго коттеджа, и какъ она ходила за пивомъ и подмигивала намъ, когда увидитъ, бывало, что мы ее замѣтили, и маленькаго Чарли, пасущаго своихъ свиней, и всѣхъ... И тебя, Летти... Въ особенности тебя, Летти. И какъ мы бывало стояли одни у окна, облокотившись на подоконникъ, прижимаясь другъ къ другу плечами, съ твоей щекой передъ самыми моими глазами... И какъ у меня ничего не болѣло...

— ...Какъ я объ этомъ вспоминалъ и тосковалъ!

— ...И вотъ, поэтому, я не пошелъ въ госпиталь. Я надѣялся попасть сперва въ Англію. Ну, и запустилъ...

— Съ тобой вернулась ко мнѣ жизнь, Тэдди! — сказала Летти. — До сегодняшняго дня я твердо вѣрила, что ты вернешься! А сегодня меня вдругъ взяло сомнѣніе... Я думала, что все кончено... кончена настоящая жизнь, любовь, радость веселья, и что у меня впереди ничего не оставалось, только какъ-нибудь тянуть лямку... и хранить память о тебѣ... Бѣдная рука... бѣдная рука... и быть доброй къ людямъ... И притворяться, что ты живъ... гдѣ-то... Я не буду думать о рукѣ... скоро... не сразу... Я рада, что ты пошелъ на войну, но еще болѣе рада, что ты вернулся и уже больше не будешь въ состояніи пойти... И я буду твоей правой рукой, дорогой, и твоей лѣвой, всѣми твоими руками... Отдаю тебѣ обѣ мои руки за твою потерянную... У тебя будутъ три руки, вмѣсто двухъ.

XIII.

Летти стояла у окна, прижавшись какъ можно ближе къ Тэдди, въ мірѣ, который казался сплошь созданнымъ изъ неожиданностей. Она не обращала вниманія на остальныхъ, и только когда Тэдди съ ними говорилъ, или они обращались къ нему, они начинали существовать и для нея.

Такъ, напримѣръ, Тэдди говорилъ въ эту минуту съ м-ромъ Дирекомъ.

Рѣчь шла о канадцахъ, которые поспѣли на смѣну эссекскому полку послѣ битвы, во время которой Тэдди попалъ въ плѣнъ. И тогда стало ей ясно, что м-ръ Дирекъ говоритъ про свой полкъ.

— Я не первый американецъ, сдѣлавшійся канадцемъ... на время этой войны.

Наконецъ, онъ получилъ возможность объясниться.

— Я сказалъ завѣдомую ложь, — заявилъ онъ съ торжествомъ. — И на шестьсотъ миль отодвинулъ на сѣверъ мѣсто моего рожденія...

— ... Только предупреждаю васъ, я ни на секунду не согласенъ и не допускаю ни слова изъ того, что Сисели когда-либо говорила объ Америкѣ, ни слова... Вы не понимаете, въ какомъ трудномъ положеніи находится Америка. Америка — это новый міръ, гдѣ нѣтъ больше никакихъ расъ и народовъ. Она тотъ плавильный тигель, изъ котораго мы будемъ лить будущее, лучшее государство. Я всегда въ это вѣрилъ... не взирая на тысячу разныхъ мелочей... я и теперь въ это вѣрю. Я ни отъ чего не отказываюсь. Я сейчасъ воюю не въ качествѣ американца... а просто въ качествѣ самого себя... И я воюю не за Англію, не думайте. Ни капельки! Я далеко не влюбленъ въ вашу имперію съ ея мертво-живымъ дворомъ, ея хитроумными, коварными политиками, ея лордами и лэди и снобами, ея отношеніемъ къ Ирландіи и Индіи, и общимъ сваливаніемъ отвѣтственности съ однихъ плечъ на другія, и повальной клеветой на ваше простонародье. Я не иду воевать за Англію. Я иду воевать за Сисси, — и за справедливость, и за Бельгію, и за все такое — но въ особенности за Сисси... И я больше не могу смотрѣть въ лицо старику Бритлингу... И мнѣ хочется, кромѣ того, повидать эти окопы... поближе... Мнѣ, кажется, будетъ потомъ, когда-нибудь, интересно о нихъ разсказывать... Поэтому я и иду воевать... Но, главнымъ образомъ, ради Сисси! Понимаете?

Сисси подошла и встала рядомъ съ нимъ.

Она смотрѣла то на разбитаго, искалѣченнаго Тэдди, то на м-ра Дирека...

— До сихъ поръ мнѣ хотѣлось, чтобы вы шли на войну! — сказала она.

Слезы хлынули ей въ глаза.

— И теперь, я, конечно, должна отпустить васъ! — сказала она. — Мнѣ было бы ужасно больно, если бы вы не пошли.

XIV.

— Боже, какъ постарѣлъ м-ръ Бритлингъ! — воскликнулъ внезапно Тэдди.

Онъ стоялъ у окна, и когда на его замѣчаніе подошелъ м-ръ Дирекъ, онъ указалъ на фигуру м-ра Бритлинга, проходившаго по дорогѣ къ Дауэръ-Хаузу.

— Да, постарѣлъ бѣдняга! Я какъ-то до сихъ поръ не замѣчалъ этого, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Вѣдь онъ посѣдѣлъ! — воскликнулъ Тэдди. — Онъ не былъ сѣдымъ, когда я уѣхалъ.

И они стали слѣдить за удаляющейся вверхъ по холму фигурой м-ра Бритлинга, въ короткихъ до колѣнъ панталонахъ, съ атласомъ и бумагами подъ мышкой.

— Я пойду къ нему, — сказалъ Тэдди, освобождаясь изъ объятій Летти.

— Нѣтъ! — сказала она, останавливая его рукой.

— Онъ такъ обрадуется...

Она преградила мужу дорогу. Ей представилось, какъ м-ръ Бритлингъ вдругъ отрывается отъ своихъ мечтаній о Богѣ, правящемъ Соединенными Штатами міра, — чтобы радоваться возрожденію Тэдди.

— Нѣтъ, — сказала она, — это пробудитъ въ немъ воспоминаніе о Гю и о его смерти. Не ходи къ нему, Тэдди! Не сейчасъ! Какое ему до тебя дѣло?.. Дай ему отдохнуть отъ всего этого... Дай ему помечтать надъ своимъ атласомъ... Онъ не такъ одинокъ... Если бы ты зналъ... Я тебѣ разскажу какъ-нибудь, Тэдди... когда буду въ состояніи... Но теперь... Нѣтъ! Онъ начнетъ опять думать о Гю... Пусть идетъ... У него тамъ есть Богъ и его атласъ... Это больше, чѣмъ ты думаешь...

ГЛАВА VI.

М-ръ Бритлингъ пишетъ до разсвѣта.

I.

Прошло нѣсколько недѣль. Была середина ноября; м-ръ Бритлингъ, тщательно закутанный въ свой теплый халатъ, въ плотныхъ шерстяныхъ „пиджамахъ“, сидѣлъ ночью за своимъ письменнымъ столомъ и все работалъ надъ новымъ сочиненіемъ, преисполненнымъ нелѣпыхъ мечтаній, такъ какъ оно носило заглавіе: „Лучшее Управленіе Міромъ“.

Въ послѣднее время онъ провелъ много безсонныхъ мучительныхъ ночей. Днемъ еще жизнь была какъ-то сносна, но по ночамъ, если онъ только не отгораживался работой, всѣ ужасы и жестокости войны приходили и корчили ему рожи, — это было нестерпимо. То его преслѣдовали призраки длинныхъ верениць бѣженцевъ, то въ воображеніи его вставали картины полей, усѣянныхъ убитыми и ранеными, въ самыхъ ужасныхъ позахъ. Или же его вдругъ начинали подавлять предвидѣнія страшнаго экономическаго и соціальнаго развала, который, несомнѣнно, наступитъ послѣ войны... Временами же онъ думалъ о ранахъ, производимыхъ въ тѣлѣ и душѣ человѣка войною. А иногда его мучили мысли о торжествѣ зла. По міру, опустошенному глупостью, бродятъ торжествующіе глупцы, съ хвастливыми жестами, съ сознаніемъ своего раздутаго значенія, съ пренебрежительной ненавистью ко всему умѣренному, сдержанному и хорошему. И, сливаясь съ землей, по которой они ступали, лежало мертвое тѣло Гю, обращенное лицомъ внизъ. На затылкѣ юноши, окаймленная слипшимися отъ крови волосами, которые когда-то были „мягки какъ пухъ", зіяла большая, красная дыра. Эту дыру онъ всегда видѣлъ безжалостно-ясно и отчетливо. И они ступали по Гю... словно не замѣчая его. Огромными, тяжелыми, тупыми каблуками вдавливали въ глину разбросанные клочья его дивнаго мозга...

Единственное, въ чемъ находилъ спасеніе м-ръ Бритлингъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и кошмаровъ — былъ кружокъ свѣта отъ его рабочей лампы. Работая, онъ могъ вызывать и другія видѣнія, образы міропорядка и справедливости. Среди мрака мірового банкротства, онъ хватался за свой проектъ смѣлаго новаго предпріятія, не заботясь о томъ, согласится ли кто-нибудь принять его или нѣтъ...

II.

Но въ эту ночь кружокъ свѣта отъ лампы не хотѣлъ или не могъ приковать къ себѣ его мысли. Даже въ эту послѣднюю твердыню забралось сомнѣніе. Онъ притянулъ къ себѣ бумаги и сталъ перелистывать уже набросанную часть книги.

Цѣль книги, которую онъ началъ писать, заключалась въ томъ, чтобы доказать и обсудить возможные методы управленія, обезпечивающіе міру болѣе здоровую и прочную власть. Онъ вѣрилъ въ демократію, но все болѣе приходилъ къ сознанію, что демократіи предстоитъ найти свой методъ. Она должна завладѣть человѣческимъ сознаніемъ, обзавестись еще не

оформленными организаціями. Безконечные годы терпѣливаго обдумыванія, производства всякихъ опытовъ, обсужденія предстояли человѣчеству прежде, чѣмъ эта великая идея могла бы стать дѣйствительностью, и правда, испытанная, доказанная правда будетъ править землей.

А тѣмъ временемъ міръ долженъ оставаться ареной кровавой мелодрамы, оглушающаго шума, заразныхъ безумій, огромныхъ, безразсудныхъ разрушеній. А тѣмъ временемъ одна прекрасная жизнь за другой покидаютъ рабочіе кабинеты, университеты или лабораторіи, чтобы идти на поле битвы, на смерть и молчаніе...

Есть ли какая-нибудь надежда, что обезумѣвшее чудовище человѣчества будетъ когда-нибудь поймано и накрѣпко связано въ тонкосплетенной паутинѣ мысли?

Есть ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, что какой-то человѣкъ разрабатываетъ проектъ лучшаго управленія міромъ? Или это только безуміе и пустая претензія?

Изъ безпросвѣтнаго мрака Времени, которое вскорѣ снова раздавитъ и проглотитъ его, явился человѣкъ, барахтаясь, причиняя раны и боль другимъ, страдая самъ. Почему не барахтаться вмѣстѣ съ другими? Почему нельзя только ѣсть, пить, драться, кричать, рыдать и молиться, забыть Гю, почему не перестать предаваться скорби о Гю, не отбросить отъ себя всѣ эти ненужныя мечты о „Лучшемъ Управленіи Міромъ“ и не обратиться къ менѣе мрачнымъ сторонамъ войны — къ веселымъ, забавнымъ приключеніямъ, къ анекдотическимъ сторонамъ войны? Неужели вы полагаете, что оттого, что убиты ваши сыновья, больше не будетъ веселья и радости на землѣ? Пусть человѣчество само какъ хочетъ выкарабкивается изъ грязи и крови.

Давайте, сохранимъ, по крайней мѣрѣ, наше драгоцѣнное чувство юмора.

Онъ притянулъ къ себѣ рукопись. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ и занимался тѣмъ, что украшалъ изображеніями скалящихъ зубы гномовъ и разными хвостами буквы предполагаемаго заглавія книги: „Лучшее Управленіе Міромъ“.

III.

На письменномъ столѣ м-ра Бритлинга, около часовъ, лежало письмо, написанное на неправильномъ, неуклюжемъ англійскомъ языкѣ, и съ конвертомъ, разрѣзаннымъ и снова запечатаннымъ бумажной наклейкой, удостовѣряющей, что письмо было „вскрыто военной цензурой“.

Любезный посредникъ въ Норвегіи написалъ м-ру Бритлингу письмо, въ которомъ собщалось, что Herr Heinrich также умеръ. Онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Россіи, куда, раненый, попалъ въ плѣнъ. Онъ былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ послѣ того, какъ перенесъ большія трудности и лишенія во время великаго русскаго наступленія на Карпатскіе переходы ранней весной, и рана его, въ концѣ-концовъ, оказалась смертельной. Вначалѣ онъ было поправился, но потомъ попалъ въ свалку между плѣнными германцами и хорватами, въ которой былъ избитъ и, наконецъ, умеръ. Передъ смертью онъ написалъ своимъ родителямъ и снова попросилъ, чтобы скрипка, которую онъ оставилъ на храненіе м-ру Бритлингу, если возможно, была возвращена имъ. Явно было, что для него и для нихъ эта скрипка стала символомъ, связаннымъ со многими воспоминаніями.

И вотъ сущность этого письма вторглась въ оранжевый кругъ лампы. На письмо надо было отвѣтить, и возможныя формы этого отвѣта пробѣгали по мыслямъ м-ра Бритлинга, исключая всякія другія соображенія. Онъ думалъ о старикахъ родителяхъ Гейнриха, гдѣ-то въ Помераніи, кажется, хотя онъ не былъ совсѣмъ въ этомъ увѣренъ, что Гейнрихъ единственный ихъ сынъ, — и о миломъ юношѣ въ неизмѣнныхъ очкахъ, превратившемся теперь въ разбитый, разлагающійся трупъ въ одинокой могилѣ, на чужбинѣ...

Еще одинъ сынъ погибъ!.. Весь міръ теряетъ своихъ сыновей!

И онъ поймалъ себя на томъ, что думаетъ о молодомъ Гейнрихѣ совсѣмъ такъ же, хотя и съ меньшей напряженностью, какъ думалъ о собственномъ сынѣ. Его мысли совершенно не считались съ фактомъ, что Гейнрихъ былъ „врагомъ", что по закону „Око за Око" смерть Гейнриха должна была явиться компенсаціей и возмездіемъ за смерть Гю. Онъ подошелъ прямо къ коренному факту, что оба они были славныя, благородныя, добрыя существа, и одно и то же убило ихъ обоихъ.

Никакими усиліями ума онъ не могъ заставить себя думать о нихъ, какъ о противникахъ, о врагахъ. Между ними не было никакого спора или даже повода къ несогласію. Оба они были одарены приблизительно одинаковыми наклонностями къ наукѣ; развѣ вотъ у Гю было больше смѣлости и вдохновенности, а у Гейнриха больше методичности. Война ударила и разбила ихъ обоихъ...

Онъ вспомнилъ, какъ увидѣлъ впервые Гейнриха на желѣзнодорожной станціи, куда выѣхалъ встрѣтить его, и какъ онъ

размѣялся при видѣ его подчеркнутаго, чрезмѣрнаго „тевтонизма“. Коротко остриженная, свѣтлая голова, увѣнчанная пестро-бѣлой „корпораціонной“ шапочкой, показалась въ толпѣ, металась по платформѣ, очевидно, задавая всѣмъ вопросы. Лицо его отъ усилій, вызванныхъ непривычнымъ языкомъ, сдѣлалось совершенно розовымъ. Юноша былъ одѣтъ въ бѣлый фланелевый костюмъ съ тонкими лиловыми полосками; башмаки его были изъ той желто-зеленой кожи, которую только нѣмецкій студентъ могъ считать „шикарной“. На спинѣ у него былъ дорожный мѣшокъ, въ одной рукѣ онъ очень бережно несъ скрипку въ футлярѣ; эту самую, мертвую теперь скрипку; въ другой рукѣ держалъ трость съ рѣзнымъ набалдашникомъ и острымъ концомъ. Онъ былъ болѣе „типичнымъ“ нѣмцемъ, чѣмъ могло рисовать смѣлое воображеніе.

— Herr Heinrich? — сказалъ ему м-ръ Бритлингъ, и тотчасъ же стукнули каблуки, и юноша отвѣсилъ церемонный поклонъ, которому какая-то неосторожная старая дама, нагруженная овощами, значительно помѣшала своимъ несвоевременнымъ появленіемъ. И съ самаго начала до конца, среди болѣе простыхъ англійскихъ отношеній, онъ сохранилъ этотъ церемонный поклонъ... и неизбѣжно кто-нибудь, что-нибудь непремѣнно мѣшало этому поклону...

Онъ былъ весь такой; немного церемонный, немного нелѣпый, но всегда чистый и розовый, методичный и аккуратный. Мальчики очень полюбили его.

Миссисъ Бритлингъ тоже почувствовала къ нему симпатію, да вообще всѣ поголовно любили его и относились къ нему хорошо. Онъ ни на что никогда не жаловался, кромѣ какъ на пикники, которыхъ онъ терпѣть не могъ; онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этимъ неожиданнымъ сборамъ, внезапному отъѣзду всей семьи въ какую-то глушь, въ дикія мѣста, для того, чтобы ѣсть холодную пищу, безъ вилокъ и ножей, въ тотъ часъ среди дня, когда слѣдуетъ плотно поѣсть дома.

Онъ заявилъ свой протестъ м-ру Бритлингу — почтительный, но энергичный. Въ ихъ договорѣ, — сказалъ онъ, — было ясно и отчетливо обусловлено, что онъ долженъ получать горячую пищу одинъ разъ среди дня. Иначе его желудокъ приходитъ въ разстройство. Вечеромъ же онъ не можетъ ѣсть плотно и съ пользой для здоровья.

Склонность къ недоѣданію и нѣкоторое отсутствіе благородной чувствительности были единственные недостатки, которые признавалъ Herr Heinrich въ англійскомъ образѣ жизни. Да, онъ, несомнѣнно, находилъ англичанъ холодными, непривѣтливыми,

Сердце его было еще менѣе удовлетворено, чѣмъ его желудокъ. Онъ былъ человѣкомъ экспансивныхъ привязанностей; ему нужны были закадычныя дружбы, таинственная близость, любовь. Онъ пытался уважать и понимать м-ра Бритлинга и надѣялся, что и его поймутъ, онъ любилъ длинныя прогулки и глубокія бесѣды съ Гю и маленькими мальчиками; онъ пытался наполнить свое сердце образомъ Сисси; и, въ концѣ-концовъ, нашелъ чудеса наивности и очарованія въ дочери трактирщика. Когда онъ съ ней познакомился, она носила волосы туго сплетенной косой, и это дѣлало ее въ его глазахъ почти Маргаритой. Юноша громко взывалъ о любви, теплѣ и ласкѣ, которыя, какъ и обѣдъ среди дня, были совершенно ясно обусловлены въ ихъ договорѣ. Но эссекскіе жители не могли удовлетворить его; они были молчаливы, слишкомъ сложны и въ то же время слишкомъ тонки, они проскальзывали сквозь жирные, но все-таки жадные пальцы его сердца, и онъ долженъ былъ ограничиться самимъ собой, своими нѣмецкими корреспондентами, идеализаціей дочери трактирщика, Модъ Хиксонъ, и воспитаніемъ Билли. Билли! Воспоминанія м-ра Бритлинга снова вернулись къ фигурѣ молодого Гейнриха съ бѣлкой на плечѣ, къ этому образу, который такъ часто становился поперекъ его пути къ окончательному и полному осужденію Германіи. Вотъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, каковъ былъ основной духовный обликъ одного изъ этихъ жестокихъ пруссаковъ. Что сдѣлалъ онъ намъ, какая у насъ съ нимъ ссора?

Другія воспоминанія о Гейнрихѣ стали мелькать въ мысляхъ м-ра Бритлинга. Гейнрихъ, играющій въ хоккей, бѣгущій съ чрезвычайной быстротой, но малой ловкостью, обойденный и сбитый съ толку Летти, выбитый изъ позиціи Гю, Гейнрихъ, бѣгущій, сломя голову, впередъ и, сломя голову, назадъ и затѣмъ съ крикомъ бросающійся на траву, совершенно задыхаясь... Или опять тотъ же Гейнрихъ, очень серьезный и очень розовый, глядящій пристально сквозь очки на свои карты во время игры въ „дурачки"... Гейнрихъ на лодкѣ, на большомъ пруду; Гейнрихъ плавающій, или прячущійся отъ мальчиковъ очень искусно, по собственной сложной теоріи, въ саду при игрѣ въ прятки. Или, наконецъ, Гейнрихъ, въ странныхъ позахъ гоняющій оленей въ паркѣ Клаверингса. Одно время онъ мечталъ о томъ, чтобы подкрасться совершенно незамѣтно къ какому-нибудь оленю и погладить его... Или, наконецъ, Гейнрихъ, занятый составленіемъ какого-нибудь каталога или указателя... У него была страсть составлять списки, каталоги всякимъ

книгамъ, нотамъ, всему, что было разбросано и что могло такъ или иначе быть приведено въ систему. Его любимымъ развлеченіемъ было придумываніе способа такъ отмѣчать страницы словаря, чтобы можно было сразу находить нужное слово. Онъ купилъ и изрѣзалъ поля трехъ словарей; и каждый былъ усовершенствованіемъ предыдущаго; онъ возлагалъ большія надежды на свое усовершенствованіе, на патенты, которые онъ получитъ, и благодаря которымъ разбогатѣетъ... Комната его была всегда источникомъ странныхъ звуковъ — это были его музыкальные опыты на скрипкѣ. Онъ надѣялся, когда пріѣхалъ въ Матчингсъ-Изи, „примкнуть къ какому-нибудь струнному квартету". Но въ Матчингсъ-Изи не оказалось никакого струннаго квартета. Ему пришлось ограничиться піанолой и пытаться играть дуэты съ ней. Бѣда была въ томъ, что піанола самолично играла всѣ дуэты, а въ рукахъ маленькаго Бритлинга была склонна иногда проявлять легкомысленное своенравіе, позволяя себѣ внезапные скачки отъ крайней быстроты темпа къ крайней медлительности...

Затѣмъ было воспоминаніе о Гейнрихѣ, который говоритъ очень серьезно, въ очкахъ, увеличивающихъ его круглые голубые глаза, о Гейнрихѣ, какъ онъ излагаетъ свои взгляды на жизнь, свои вѣрованія и невѣрія, свои стремленія, помыслы и виды на будущее.

У него было два основныхъ стремленія, двѣ основныхъ цѣли въ жизни. Можетъ-быть, онѣ немного различались въ своихъ пропорціяхъ, но обѣ играли одинаково значительную роль въ его мысляхъ. Первой изъ этихъ „жизненныхъ цѣлей" было намѣреніе его, какъ только онъ сдастъ докторскій экзаменъ по филологіи, посвятить себя цѣликомъ усовершенствованію международнаго языка, который долженъ былъ заключать въ себѣ всѣ преимущества Эсперанто и Идо.

— И тогда, — говорилъ онъ бывало,— мнѣ кажется, больше не будетъ никакихъ войнъ... никогда!

Вторая его мечта была для него важнѣе; она заключалась въ усовершенствованіи его системы особыхъ отмѣтокъ на поляхъ словарей и распредѣленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ справочниковъ. Эта система должна была быть такъ совершенна, что стоило взять въ руки данную книгу или словарь, пробѣжать рукой и глазами по краямъ ея—и раскрыть ее „на той именно странице, какая нужна". Онъ намѣревался осуществить это предпріятіе съ чисто-нѣмецкой послѣдовательностью и педантичностью.

— Мнѣ придется скоро, — сказалъ онъ, — изучить подробно механизмъ, съ помощью котораго обрѣзаются поля книгъ.

Возможно, что и въ этой области мнѣ придется изобрѣсти какое-нибудь усовершенствованіе.

Въ этомъ заключалась для Гейнриха двойная схема его будущаго. Оно должно было развиваться, развертываться и параллельно развить его большое, еще ему самому неясное сердце, которое въ настоящее время было такъ явно неудовлетворено окружающимъ.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, вся жизнь Гейнриха.

И эта жизнь теперь кончилась, какъ кончилась и повѣсть жизни Гю. За первымъ томомъ уже не послѣдуетъ ни второго, ни третьяго. Она кончилась въ спѣшно вырытой могилѣ, гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. Никогда не будетъ заявленъ патентъ на великій проектъ усовершенствованныхъ указателей, и больше не будетъ дуэтовъ скрипки съ піанолой.

Воображеніе рисовало м-ру Бритлингу маленькую фигурку, мужественно шагающую по снѣгу и полузамерзшей грязи Карпатовъ; оно видѣло его ахающимъ подъ первымъ впечатлѣніемъ шрапнельнаго огня; видѣло его среди атакъ и спѣшныхъ отступленій, среди усталости, голода, и, быть-можетъ, паническаго бѣгства въ темнотѣ. И затѣмъ началось жалостное паломничество плѣнныхъ въ изгнаніи, плѣнъ въ опустошенной, обѣднѣвшей, озлобленной странѣ. Затѣмъ раны, забинтованныя грязными тряпками, мучительныя боли, вынужденное бездѣліе и маленькій, сгорбленный, разбитый Гейнрихъ, сидящій отдѣльно, въ сторонѣ, въ биткомъ набиткомъ баракѣ для военноплѣнныхъ, ухаживающій за своей мучительной, не дающей покоя раной...

У него было обыкновеніе сидѣть какъ-то по особенному, скрестивъ руки на скрещенныхъ ногахъ, глядя искоса на всѣхъ сквозь очки.

Такъ, навѣрное, сидѣлъ онъ и въ плѣну, а потомъ, должно-быть, лежалъ на грубыхъ, жесткихъ нарахъ и страдалъ, никѣмъ не утѣшаемый, въ безконечно тяжелыхъ условіяхъ; лежалъ неподвижно и временами, быть-можетъ, вспоминалъ о Матчингсъ-Изи, думалъ о томъ, что дѣлаютъ Тэдди и Гю. Потомъ, вѣроятно, у него сталъ жаръ, и весь міръ становился для него ярко окрашеннымъ, фантастичнымъ и безобразнымъ. Пока, наконецъ, въ одинъ сѣрый, мрачный день не охватила его безконечная слабость, не отупѣла боль, и тогда всѣ его мысли и воспоминанія стали гаснуть и гаснуть, и... сливаться... и таять...

Скрипку принесли въ комнату м-ра Бритлинга еще днемъ, и она лежала на подоконникѣ. Бѣдный маленькій, разбитый

черепокъ, бѣдный осколочекъ разбитой жизни! Въ своемъ футлярѣ она напоминала ребенка въ гробу.

„Нужно написать старикамъ — отцу и матери, — подумалъ м-ръ Бритлингъ. — Не могу же я имъ просто послать скрипку, безъ слова отъ себя. Во всей этой безжалостной бурѣ безсмысленной ненависти... пусть придетъ хоть одинъ привѣтъ... безъ ненависти...“

— Изъ моей черной тьмы — въ вашу! — сказалъ вдругъ м-ръ Бритлингъ громко.

Ему придется писать по-англійски. Если они не понимаютъ по-англійски, то, навѣрное, найдутъ кого-нибудь, кто переведетъ имъ письмо. Придется писать очень разборчиво и ясно.

IV.

Онъ отложилъ рукопись „Лучшаго Управленія Міромъ“ и началъ писать довольно медленно, отчетливо и ясно выписывая буквы.

„Милостивый государь!

Пишу вамъ, чтобы сообщить, что посылаю тѣ немногія вещи вашего сына, которыя я оставилъ у себя на храненіе, по его просьбѣ, когда вспыхнула война. Посылаю ихъ...“

Тутъ м-ръ Бритлингъ оставилъ пустое мѣсто, чтобы потомъ, когда онъ спишется съ норвежскимъ посредникомъ, вписать, какимъ путемъ онъ ихъ высылаетъ.

„Мнѣ главнымъ образомъ хочется вернуть вамъ его скрипку, которую онъ трижды просилъ послать меня вамъ. Это, должно-быть, или вашъ подарокъ ему, или она была для него символомъ многаго такого, что связывало его съ домомъ и съ вами. Я распоряжусь, чтобы ее особенно тщательно уложили, и приму всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобы она въ цѣлости дошла до васъ.

„Мнѣ хочется сказать вамъ, что всѣ печали и страсти этой войны не стерли въ нашей памяти, здѣсь въ Матчингсъ-Изи, воспоминанія о нашемъ другѣ и вашемъ сынѣ. Онъ сдѣлался членомъ нашей семьи, пользовался нашей любовью, имѣлъ здѣсь друзей, которые и по сей день остаются его друзьями. Мы высоко чтимъ его честность, благородство и привѣтливость, и мы всѣ раздѣляемъ вашу скорбь. Я собралъ для васъ нѣсколько случайно имѣющихся у меня любительскихъ снимковъ, въ которыхъ вы увидите его, освѣщеннымъ солнечными лучами; они, быть-можетъ, помогутъ вамъ яснѣе, чѣмъ по разсказамъ, представить себѣ жизнь, которую онъ

здѣсь велъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ я отмѣтилъ особеннымъ знакомъ. Тамъ снята наша семья за завтракомъ въ саду, и вы увидите, что рядомъ съ вашимъ сыномъ сидитъ юноша, на годъ или два моложе его, чокающійся съ нимъ стаканами. Я поставилъ крестикъ надъ его головой. Это — мой старшій сынъ, онъ былъ мнѣ очень дорогъ; онъ тоже убитъ въ этой войнѣ. Какъ видите, они мило и привѣтливо улыбаются другъ другу...“

Закончивъ эти строки, м-ръ Бритлингъ вспомнилъ о снимкахъ и досталъ ихъ изъ ящика письменнаго стола. Онъ выбралъ тѣ, гдѣ былъ снятъ молодой нѣмецъ, но были и другіе, ясные и четкіе, которые теперь имѣли какую-то особенную значительность; особенно два, изображающіе Тэдди, Гю, Летти, Сисси и дѣтей, марширующими „гусинымъ“ шагомъ; былъ еще одинъ, изображающій Ванъ-деръ-Панта, стоящаго у входной двери, улыбающагося во весь ротъ, въ забытыхъ ночныхъ туфляхъ Гейнриха. Было также безконечное число изображеній Тэдди. У кодака есть одно цѣнное качество — онъ отказывается запечатлѣвать пасмурные, сумрачные дни, и фотографическая запись жизни неизмѣнно — цѣпь свѣтлыхъ, яркихъ мгновеній. Въ ящикѣ надъ тѣмъ, гдѣ лежали снимки, хранились письма Гю и рядъ другихъ разнообразныхъ, случайныхъ документовъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ его жизни.

М-ръ Бритлингъ бросилъ писать и началъ перебирать эти бумаги и вспоминать... Среди нихъ затесались письма и открытки Гейнриха и одно-два письма Тэдди.

Письма какъ бы подтверждали снимки напоминаніемъ о томъ, какимъ пріятнымъ и добрымъ можетъ быть человѣческій родъ. До тѣхъ поръ, конечно, пока не явились дикіе ослы націонализма и не подняли драки и рѣзни, пока подозрѣнія, неудержная жадность и злоба не отравили человѣческіе умы, пока безумцы съ сильнодѣйствующими взрывчатыми веществами не взорвали эту стихійную человѣческую доброту, превративъ жизнь въ крики ненависти и брызги крови... Какъ люди добры... До момента совершенія ими жестокости. Его мысли вдругъ заполнились анекдотами и разсказами о людскомъ добродушіи, прорывающемся сквозь злобу войны, взаимной помощи другъ другу тяжело ранеными нѣмцами и англичанами, лежавшими рядомъ въ грязи и тьмѣ окоповъ, о простыхъ, товарищескихъ отношеніяхъ взявшихъ и взятыхъ въ плѣнъ, о германцахъ, братавшихся въ день Рождества съ англичанами... Онъ видѣлъ снимокъ съ изображеніемъ этого братанія въ одной изъ газетъ...

Но вскорѣ его мысли вернулись отъ этихъ уклоненій къ задачѣ, лежавшей передъ нимъ.

Онъ старался представить себѣ родителей Гейнриха. Онъ представлялъ себѣ ихъ милыми, добрыми, вполнѣ культурными людьми. Ясно было, что юноша происходилъ изъ хорошо воспитанной, добродушной семьи. Но онъ представлялъ себѣ ихъ — самъ не зная почему — людьми болѣе старыми, чѣмъ онъ самъ. У него, кромѣ того, было странное желаніе написать имъ выраженія соболѣзнованія, какъ-будто ихъ утрата была гораздо тяжелѣе, чѣмъ его собственная. Онъ не зналъ, имѣютъ ли они, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе его сангвиническаго темперамента, могутъ ли они такъ же легко, какъ и онъ, искать и находить поддержку въ своей вѣрѣ; была ли въ Помераніи та же утѣшающая возможность статьи о „Лучшемъ Управленіи Міромъ"? Правда, все это весьма неясно формулировалось въ его мысляхъ, но это чувство несомнѣнно сидѣло гдѣ-то въ его мозгу. И онъ снова взялся за письмо.

„Если вы тоже думаете, что оба эти юноши погибли не за какое-то общее благородное дѣло, но погибли, воюя другъ противъ друга въ борьбѣ династій, границъ, торговыхъ договоровъ и тираннческихъ стремленій, тогда, мнѣ кажется, вы должны испытывать то же чувство, что и я: что эта война самое трагическое и ужасное бѣдствіе, какое когда-либо выпало на долю человѣчества".

Написавъ эти строки, онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній, раздумывая, и когда онъ вскорѣ снова началъ писать, какое-то новое теченіе мысли уже сквозило въ первой фразѣ.

„Если вы подсчитаете убитыхъ и раненыхъ, то убѣдитесь, что это самая ужасная война въ исторіи человѣчества; для васъ же и для меня она была почти предѣломъ личной трагедіи... Черной скорбью...

„Но развѣ это на самомъ дѣлѣ самая ужасная война?

„Не думаю, что это такъ. Могу написать вамъ, и серьезно въ это вѣрю, что наши сыновья погибли не безцѣльно. Можетъ-быть, наши страданія, наше горе не напрасны... можетъ-быть даже — они необходимы. Да, можетъ-быть, они даже необходимы. Вотъ, напримѣръ, я, — опечаленный, истерзанный... а все же я надѣюсь. Никогда основная ткань войны не была такъ черна. Съ этимъ я согласенъ. Но никогда черная ткань войны не была такъ истерта, такъ прозрачна. Въ тысячѣ мѣстахъ сквозь нее просачивается свѣтъ".

Перо м-ра Бритлинга остановилось.

Въ комнатѣ царила абсолютная тишина.

— Барабанный стиль, — сказалъ, наконецъ, м-ръ Бритлингъ крайне огорченнымъ голосомъ.

И онъ вступилъ въ необычайный споръ съ собственнымъ стилемъ. Онъ забылъ о старикахъ въ Помераніи, въ своемъ безсиліи выразить то, что ему хочется; и началъ раздражаться оттого, что не вполнѣ владѣетъ всѣми этими словами и фразами, каждая изъ которыхъ влекла за собой цѣлый рядъ ассоціацій и отвлеченій, страшно осложняя и запутывая его основную мысль. Онъ перечиталъ фразу, которая ему не понравилась.

— Но дѣло вѣдь въ томъ, что это совершенная правда, — шепнулъ онъ. — Я именно это и хотѣлъ сказать!

Именно ли это?

Мысль его застряла на „именно это"... Когда хочешь многое сказать, стиль всегда стѣсняетъ, сковываетъ. Это то же самое, какъ если бы офицеръ передъ боемъ началъ возиться съ своей формой... Но какъ разъ именно это и надо дѣлать передъ боемъ... Все должно быть въ полной исправности и порядкѣ...

Онъ взялъ чистый листъ бумаги и сдѣлалъ три пробныхъ начала.

„Война похожа на черную ткань"...

„Война — завѣса изъ черной ткани, протянутая поперекъ пути"...

„Война — завѣса изъ густой черной ткани, протянутая поперекъ всѣхъ надеждъ и добрыхъ намѣреній человѣчества. И все же она всегда пропускала кое-гдѣ лучи свѣта, и теперь — я не праздно мечтаю — завѣса эта становится все жиже и тоньше, и прозрачнѣе; то тутъ, то тамъ, въ тысячѣ мѣстъ, сквозь нее прорывается свѣтъ. И этимъ мы всецѣло обязаны всѣмъ нашимъ милымъ юношамъ..."

Его перо снова остановилось.

— Придется сперва набросать все начерно, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

V.

Три часа спустя м-ръ Бритлингъ уже работалъ при дневномъ свѣтѣ, хотя лампа его еще горѣла, и письмо къ отцу Гейнриха все еще оставалось лишь матеріаломъ для письма. Но матеріалъ этотъ понемногу начиналъ слагаться въ опредѣленную форму, и намѣренія м-ра Бритлинга начинали опредѣляться. Теперь ему было ясно, что онъ не пишетъ въ качествѣ отдѣльной личности, какого-то ограниченнаго „я" двумъ

другимъ отдѣльнымъ „я“, скорбящимъ въ большомъ, старомъ домѣ съ вѣковыми стѣнами и острой крышей, среди сосноваго лѣса, снимокъ котораго ему какъ-то показывалъ Гейнрихъ. Онъ слишкомъ мало зналъ ихъ для такого личнаго обращенія. Онъ писалъ, какъ теперь убѣдился, не въ качествѣ м-ра Бритлинга, а въ качествѣ англичанина вообще — онъ только вѣдь этимъ могъ быть для нихъ, — и писалъ имъ, какъ германцамъ, ибо самъ никакъ иначе не могъ воспринимать ихъ. Это было письмо скорбящей Англіи къ скорбящей Германіи.

Онъ писалъ не отдѣльнымъ родителямъ отдѣльнаго юноши, а всей той массѣ страданія, скорби, озлобленія и усталости, которая лежала тамъ, за черной завѣсой „фронта“.

Медленно, упорно стиралось съ лица земли мужское населеніе Германіи. И пока онъ сидѣлъ тутъ въ тишинѣ, онъ думалъ о томъ, что у центральныхъ державъ убито уже почти два милліона солдатъ, и почти такое же количество искалѣчено и приведено въ негодность. Рядомъ съ этимъ британскія потери, какъ бы онѣ ни были огромны по сравненію съ цифрами предыдущихъ войнъ, все же ничтожны. Британскимъ большимъ арміямъ еще только въ будущемъ придется страдать, а пока Англія потеряла безвозвратно не больше четверти милліона человѣкъ. Но трагедія сгущалась и вокругъ Англіи. Въ Англіи уже достаточно знали горя, чтобы понимать, что въ дѣйствительности переживаютъ германскія семьи, въ которыя эти милліоны мертвыхъ больше не вернутся.

Если Англіи еще только предстоитъ въ будущемъ платить по этому счету, то французы уже заплатили сполна, почти до предѣловъ возможности. Франція, навѣрное, потеряла уже больше милліона своихъ сыновъ, и она все еще продолжала истекать кровью. Россія тоже заплатила больше, чѣмъ по жизни за жизнь, въ этомъ безграничномъ обмѣнѣ жизнями. И скоро никакая цензура не сдержитъ голосовъ народовъ. Уже не будетъ никакихъ разговоровъ о національной чести и аннексіяхъ, гегемоніяхъ и торговыхъ договорахъ, а останется лишь одна Европа, оплакивающая своихъ мертвыхъ.

И Германія, которой онъ теперь пишетъ, будетъ народомъ вдовъ и дѣтей, народомъ худосочныхъ, изможденныхъ недоѣданіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, калѣкъ, стариковъ, людей, лишившихся всего, людей, потерявшихъ братьевъ и родственниковъ, друзей и мечты. И никакая побѣда ни на сушѣ, ни на морѣ не можетъ спасти отъ этого Германію. И Франція тоже станетъ такой, и Россія, и, наконецъ, Англія, каждая въ соотвѣтствующей мѣрѣ. До войны не было Германіи, къ которой

могъ бы обратиться съ такимъ призывомъ англичанинъ. Германія была лишь угрозой, жупеломъ, страшнымъ топотомъ вооруженныхъ людей. Въ то время было такъ же немыслимо думать о томъ, чтобы говорить съ Германіей, какъ немыслимо было остановить кайзера, когда онъ мчался на полномъ ходу Unter den Linden въ своемъ гудящемъ автомобилѣ,—остановить его и потребовать отъ него краткой бесѣды. Но Германія, которая смотрѣла когда-то съ неувѣренной гордостью на этого мчащагося кайзера, у этой Германіи теперь глаза залиты слезами и кровью. Она повѣрила, она послушалась, но истинная побѣда не пришла. И все же она продолжаетъ воевать, истекая кровью, мучась, тратя свои лучшія силы и лучшія силы всего міра, безъ иной видимой цѣли, кромѣ истощенія; такъ она упорна, преданна, горда и безнадежно безумна. И мысль Германіи, какова бы она ни была до войны, теперь сдѣлается чѣмъ-то остаточнымъ, чѣмъ-то забытымъ, и будетъ сидѣть за лампой, какъ онъ сидитъ теперь, думая, скорбя, подсчитывая стоимость войны, убытки, вглядываясь въ темное будущее...

И вотъ этой Германіи онъ и писалъ, обращаясь къ ея смутно-вырисовывавшейся фигурѣ, сидящей въ такомъ же кругу свѣта, какъ и онъ... Къ этой фигурѣ, которая была отцомъ Гейнриха, великой Германіей, жившей еще до взмахивающихъ крыльями орловъ, и къ той, которой суждено ихъ пережить...

„Наши мальчики — писалъ м-ръ Бритлингъ — умерли, воюя одинъ противъ другого. Они воевали изъ-за цѣлей и поводовъ столь темныхъ и неясныхъ, что даже ваша нѣмецкая печать все еще обсуждаетъ эти поводы и цѣли. Для насъ поводомъ войны послужилъ тотъ фактъ, что вы вторглись въ Бельгію, и Франція оказалась въ опасности быть уничтоженной и раздавленной. Ничто другое не заставило бы Англію воевать съ вами. Но почему вы вторглись въ Бельгію и Францію, и можно ли было этого избѣжать, — мы до сего дня не знаемъ. Война все еще продолжается, и каждый день умираетъ еще много юношей, а люди, которые не воюютъ, эти люди, въ редакціяхъ газетъ и министерствахъ, все еще составляютъ планы новыхъ кампаній, ударовъ и контръ-ударовъ, которые въ сущности не входятъ ни въ какой планъ.

„Изъ-за чего же мы воевали? Изъ-за чего мы воюемъ? Вы знаете? Кто-нибудь знаетъ? Зачѣмъ я трачу, что осталось изъ моего достатка, и вы тратите, что осталось изъ вашихъ средствъ, для продолженія этой войны другъ противъ друга?

„Что мы выиграемъ, продолжая наносить вредъ другъ другу? Зачѣмъ продолжать быть маріонетками въ рукахъ вѣнчанныхъ

дураковъ и безмозглыхъ дипломатовъ? Если мы молчали и мирились до сихъ поръ, то кровь нашихъ сыновей взываетъ теперь къ намъ и требуетъ прекратить этотъ обманъ. Мы дали этимъ людямъ угнать нашихъ дѣтей на смерть.

„Избіеніе юношей. Вотъ въ чемъ сущность современной войны. Это — уничтоженіе человѣческаго наслѣдія, растрата всей жизни и матеріала будущаго на жадность и ненависть нынѣшняго дня. Безумцы и негодяи, политиканы, обманщики, плуты, и тѣ, что торгуютъ подозрѣніями и безразсуднымъ, благороднымъ гнѣвомъ людей, — вотъ кто создаетъ, вызываетъ войны; а халатность, инертность и скромность человѣческихъ массъ позволяютъ имъ это дѣлать.

„Такъ неужели вы и я должны терпѣть такого рода явленія, пока вся основа нашей цивилизаціи, которая такъ медленно и такъ кропотливо создавалась поколѣніями, будетъ окончательно разрушена?

„Когда я сѣлъ вамъ писать, я намѣревался только написать вамъ о вашемъ сынѣ и о моемъ. Но я чувствую, что то личное, отдѣльное, что можно сказать о нашей утратѣ, не нуждается въ высказываніи: это можетъ быть понятно безъ словъ.

„То, что нужно писать и говорить — это, что войну нужно кончить, и что только вы и я, и всѣ мы можемъ это сдѣлать. Мы должны сдѣлать это изъ любви къ нашимъ сыновьямъ и къ человѣчеству. Война перестала быть человѣческой; химія и металлургія отняли у нея человѣческій характеръ.

„Мой сынъ былъ прострѣленъ въ глазъ; его мозгъ разнесенъ на клочья какимъ-то человѣкомъ, который не зналъ и никогда не узнаетъ, что онъ сдѣлалъ. Только подумайте, что это значитъ!.. Мнѣ совершенно ясно, какъ это, навѣрное, ясно вамъ и всему міру, что война теперь превратилась просто-напросто въ поджиганіе пылающими факелами тѣхъ взрывчатыхъ веществъ, которыя воспламеняютъ міръ всеобщимъ разрушеніемъ. И ни одинъ здравый, не потерявшій еще сознанія, человѣкъ не можетъ въ эти дни ни о чемъ другомъ писать другому такому же человѣку, какъ только о спасеніи человѣчества.

„И вотъ поэтому я хочу, чтобы вы меня терпѣливо выслушали до конца. Въ самомъ началѣ этой войны, трудно было быть терпѣливымъ; надъ всѣми нами нависалъ ужасъ страха передъ утратами и несчастіями. Теперь уже нечего бояться. То, чего мы больше всего опасались и страшились — свершилось. Сидя душою у искалѣченныхъ труповъ нашихъ дорогихъ мертвыхъ, мы съ вами можемъ быть терпѣливыми, какъ скалы...

„Я хочу сказать вамъ совершенно ясно и просто, что я считаю Германію, занимающую главное и центральное мѣсто въ этой войнѣ, главной виновницей ея; я, пишущій вамъ, какъ англичанинъ нѣмцу, во время войны, хотѣлъ бы, чтобы на этотъ счетъ у насъ не было никакихъ недоразумѣній. Я убѣжденъ, что въ десятилѣтіе, завершившееся вашей побѣдой надъ Франціей въ 1871 году, Германія обратила свое лицо ко злу, и что ея отказъ поступить великодушно съ Франціей и по-настоящему, искренно подружиться съ какой-либо другой великой міровой державой — и есть основная причина, вызвавшая эту войну. Германія побѣдила... и затоптала подъ своими ногами побѣжденную Францію. Она подвергла Францію нестерпимымъ униженіямъ и стала готовить новыя наступательныя войны. Еще задолго до начала теперешней міровой рѣзни, она создавала войну на сушѣ и на морѣ, спуская броненосцы и дредноуты, строя стратегическія дороги, накопляя огромные запасы военныхъ припасовъ, угрожая, заставляя весь остальной міръ напрягаться до крайнихъ предѣловъ, чтобы не отставать отъ ея угрозъ... И, наконецъ, передъ каждой европейской державой вставала единственная дилемма: или подчиняться волѣ Германіи, или воевать. А ни одинъ справедливый человѣкъ не могъ подчинить себя волѣ Германіи. Это была воля жестокая, насильствующая, грубая. Это была воля Цаберна. Вѣдь не въ томъ было дѣло, что вы рѣшили сдѣлаться имперіей, объединяющей и сливающей въ одно единое цѣлое весь міръ. Вы не желали объединить міра. Вы хотѣли возвеличить націоналистическую Германію, Германію сентиментальную и не признающую основныхъ свободъ человѣка, Германію, молящуюся на портреты вашего смѣшного, нелѣпаго кайзера и его сыновей, Германію, разодѣтую въ пышныя военныя формы, читающую лишь то, что написано готическимъ шрифтомъ, презирающей всякую культуру, кромѣ своей — вы хотѣли сдѣлать эту Германію властительницей разрозненнаго и униженнаго человѣчества. Это было бы невыносимо для человѣчества. И я лично предпочелъ бы, чтобы вся земля вымерла, чѣмъ согласился бы подчиниться этому.

„Простите, что я пишу „вы“. Вы лично такъ же не отвѣтственны за Германію, какъ я — за сэра Эдуарда Грея. Но это случилось на вашихъ глазахъ; и вы не напрягли всѣхъ вашихъ силъ, чтобы предотвратить это, точно такъ же, какъ по отношенію и къ Англіи, я тоже это допустилъ...“

— Очень ужъ все это сухо... общія мѣста... — шепнулъ м-ръ Бритлингъ. — Однако... это-то именно... и убило нашихъ сыновей.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно, затѣмъ снова принялся за чтеніе своей рукописи.

„Когда я возвожу эти обвиненія на Германію, я не претендую ни въ малѣйшей степени на признаніе за Англіей какихъ-либо правъ на особую праведность, непогрѣшимость. Эта война принесла мало славы Германіи, Англіи, или Россіи. Мы трое случайно оказались самыми крупными и сильными изъ воюющихъ державъ; но слава вся выпала на долю непобѣдимой Франціи. Франція, а съ ней Бельгія и Сербія, вотъ кто покрылъ себя неугасаемымъ сіяніемъ героизма! Эти три страны вели оборонительную войну, и дрались доблестнѣе, чѣмъ кто-либо могъ ожидать, за родную землю и свободу. Эта война была для нихъ войной простыхъ, опредѣленныхъ цѣлей, на которую они пошли, какъ одинъ человѣкъ, благородно, беззавѣтно. И англичане, и нѣмцы могутъ одинаково завидовать ихъ простотѣ. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ честному человѣку, прошедшему школу жестокихъ уроковъ этой войны, съ просьбой присоединиться ко мнѣ въ моемъ страстномъ желаніи увидать Францію, Бельгію и Сербію возстановленными въ полной мѣрѣ, вышедшими изъ потоковъ крови, огня и борьбы не только въ прежнемъ своемъ видѣ, но увеличенными до предѣловъ, обнимающихъ всѣ ихъ національныя права, отомщенными и внѣ опасности на будущія времена. О Россіи я здѣсь писать не буду; позвольте мнѣ сразу перейти къ своей родинѣ, отмѣчая, что между Англіей и Россіей можно провести безконечныя паралелли. У насъ съ ней одинаково сложныя задачи и родственныя трудности.

„У насъ, какъ и въ Россіи, чужеземная династія, у насъ, какъ и въ Россіи, есть разрушающая души государственная церковь, которая сушитъ и отравляетъ воспитаніе правящаго класса, у насъ, какъ и въ Россіи, народъ живетъ въ глубокой розни съ правительствомъ, и мы одинаково страдаемъ отъ презрѣнія къ наукѣ. У насъ одинаково имѣются наши Ирландія и Польша.

„Политически Великобританская Имперія — нелѣпое, неуклюжее скопленіе всякихъ случайностей. Это нѣчто, чѣмъ можно такъ же мало гордиться, какъ контурами булыжника или формой картофелины. Для широкой массы англійскаго народа — Индія и Египетъ и вся эта сторона нашей государственной системы меньше, чѣмъ ничего; наша торговая политика нѣчто въ высшей степени для нихъ непонятное, въ нашемъ имперскомъ богатствѣ англійскій народъ не участвуетъ. Великобританія была до сихъ поръ группой четырехъ демократій,

захваченныхъ въ сѣть огромнаго, но случайнаго имперіализма; средній простолюдинъ у насъ, въ Англіи, вѣчно находится въ состояніи политической озабоченности, начиная съ колыбели и кончая могилой. Тѣмъ не менѣе въ Англіи живетъ великій народъ, какъ такой же великій народъ живетъ въ Россіи; народъ съ собственными, ему одному свойственными, душой и характеромъ, народъ непобѣдимой доброты и съ особымъ высокимъ духомъ; и оба эти качества, доброта и духъ, все еще борются въ поискахъ выявленія и проявленія своей воли. Мы начинаемъ переживать тотъ же великій опытъ, который уже осуществили и Франція, и Америка, и Швейцарія, и Китай — опытъ демократизаціи. Это — новѣйшая форма человѣческихъ взаимоотношеній, и мы, здѣсь, только наполовину пробудились къ ея нуждамъ и необходимымъ условіямъ. Напрасно увѣрять, что маленькія городовыя демократіи древности могутъ быть сравниваемы съ великими опытами въ области практическаго республиканства, которые производитъ человѣчество въ наше время. Эта эра демократическихъ республикъ, заря которой занимается,—совершенно новая эра. Она еще не числитъ за собой и ста лѣтъ... И всѣ эти новыя явленія — еще очень слабыя; крыса легко можетъ убить новорожденнаго человѣка: и чѣмъ величавѣе и значительнѣе судьба, тѣмъ слабѣе иногда бываютъ отпущенныя силы для самосохраненія. Мнѣ же кажется, что вашъ совершенный и законченный имперіализмъ, управляемый германцами для германцевъ, является въ своихъ цѣляхъ и видахъ на будущее чѣмъ-то куда болѣе устарѣлымъ, мелкимъ и менѣе благороднымъ, чѣмъ эти барахтающіяся зарождающіяся исполинскія демократіи Запада, которыя такъ еще неувѣренно, несогласованно борются съ нимъ.

„Но тотъ фактъ, что мы боремся такъ несогласованно, такъ спутанно, съ жалкими вождями и безконечной растратой силъ и безконечнымъ опозданіемъ, то, что длительность этой войны можно приписать нашей недисциплинированности, нашимъ несчастіямъ и случайностямъ нашей неподготовленности, нецѣльности — я это охотно готовъ признать. Когда вспыхнула эта война, я надѣялся, что меньше чѣмъ черезъ годъ милитаризмъ будетъ разбитъ, уничтоженъ“...

VI.

Съ этого мѣста письмо м-ра Бритлинга стало превращаться въ рядъ случайныхъ, отрывочныхъ замѣтокъ. Въ нихъ была послѣдовательность, но не было опредѣленной связи. Его

мысль перескакивала черезъ провалы, пропуски, которые не успѣвало заполнять его перо. И онъ началъ приходить къ сознанію, что его письмо къ старикамъ въ Помераніи становилось невозможнымъ. Оно опредѣленно уклонилось въ сторону какой-то диссертаціи.

— Такія диссертаціи однако нужны! — сказалъ онъ. — Если такіе люди, какъ мы, не заберемъ въ свои руки дѣло, то нами всегда будутъ управлять какіе-то слѣпцы или бездарности, и всегда будутъ умирать наши сыновья...

VII.

„Мнѣ кажется, вы, нѣмцы, не отдаете себѣ отчета въ томъ, какъ вы упорно и прочно завоевали міръ до того, какъ вспыхнула эта война. Если бы вы посвятили половину ума и энергіи, затраченную вами на эту войну, мирному завоеванію человѣческой мысли и духа, я убѣжденъ, что вамъ удалось бы спокойно, незамѣтно взять въ свои руки руководство всѣмъ міромъ, и ни одинъ человѣкъ не сталъ бы протестовать. Ваша наука была на пять лѣтъ впереди нашей, ваша соціальная и экономическая организація — на цѣлыхъ четверть вѣка... Никогда ни у одного народа не было такихъ возможностей повести и направить человѣчество къ міровой республикѣ и всеобщему миру. Нужно было имѣть только нѣкоторую широту и великодушіе воображенія...

„Но ваши юнкеры, вашъ императорскій дворъ, ваши глупые, развратные принцы — что имъ до такихъ мечтаній?.. И съ завистливымъ чувствомъ удовлетворенія они швырнули всѣ достиженія Германіи въ костеръ войны...“

VIII.

„Вашъ сынъ, какъ вы несомнѣнно знаете, постоянно мечталъ о такомъ міровомъ мирѣ, какой я предсказываю человѣчеству; и вашъ сынъ былъ великодушнѣе своей родины. Онъ смотрѣлъ на войну и вражду, какъ на недоразумѣнія. Онъ думалъ, что человѣчество, которое будетъ въ состояніи понимать другъ друга и объясняться другъ съ другомъ на общемъ, всѣмъ вразумительномъ, языкѣ, — навѣрное будетъ жить въ мирѣ. И поэтому онъ все время работалъ надъ своей идеей усовершенствованія и распространенія Эсперанто или Идо, или другого такого всеобщаго звена между народами земли. Мой сынъ тоже весь отдался родственной и еще болѣе обширной

мечтѣ — мечтѣ о человѣческой наукѣ, не знающей ни королей, ни родины, ни расы...

„И этихъ юношей, эти надежды убила война...“

Такъ кончался отрывокъ. М-ръ Бритлингъ на нѣкоторое время пересталъ читать.

— Но развѣ это ихъ убило? — шепнулъ онъ.

— Если бъ ты остался жить, дорогой, ненаглядный мой, ты и твоя новая Англія говорили бы съ молодой Германіей... куда лучше, чѣмъ я когда-либо буду въ состояніи говорить...

Онъ снова сталъ перелистывать страницы, читая то одинъ отрывокъ, то другой со все возрастающимъ неудовольствіемъ...

IX.

— Диссертація. Сплошная диссертація! — сказалъ онъ.

Никогда еще м-ру Бритлингу не было такъ ясно, что онъ — слабый, плохо освѣдомленный, невѣжественный, поверхностный писатель, и никогда онъ не чувствовалъ въ себѣ, какъ теперь, несокрушимое убѣжденіе, что въ немъ сидитъ духъ Божій, и что ему, м-ру Бритлингу, надлежитъ принять участіе въ установленіи новаго порядка жизни на землѣ; можетъ-быть, самое послѣднее, незначительное участіе, но для него это должно стать величайшей задачей его жизни. И величайшимъ, почти невыносимымъ горемъ было для него то, что услуги его, несмотря на все его желаніе, будутъ столь незначительными, столь бѣдными по качеству, столь слабыми по концепціи. И вотъ всегда это такъ; всегда онъ какъ-будто на порогѣ чего-то яркаго, красиваго; и всегда онъ въ такую минуту приходитъ къ убѣжденію, что писанія его — безпомощны, не отвѣчаютъ его требованіямъ, какъ бы измѣняютъ импульсу его сердца: вѣчно онъ находилъ свои попытки слабыми и безуспѣшными. Вотъ въ данномъ случаѣ: сначала онъ какъ-будто ясно видѣлъ этотъ призывъ къ братству, къ всепрощенію, къ объединенію во имя одной цѣли. Къ кому могъ лучше быть обращенъ такой призывъ, какъ не къ этимъ скорбящимъ родителямъ; отъ кого этотъ призывъ могъ исходить съ большей надеждой на положительный результатъ, какъ не отъ него? А теперь онъ перечитывалъ то, во что превратилъ этотъ призывъ. Его утомленному уму все это показалось жалкой, безцвѣтной попыткой, было похоже на докладъ, написанный для студенческаго литературно-философскаго кружка.

Его окончательно разстроилъ воображаемый образъ пошлой нѣмецкой супружеской четы, въ очкахъ, которая, уставившись

недоумѣвающими глазами на переводчика, совершенно озадаченная, слушаетъ его письмо. Можетъ-быть, они будутъ даже безсознательно обижены его запутанными обобщеніями. Чего это вздумалось этому англичанину читать имъ лекціи? Съ какой стати?

И онъ устало откинулся на спинку стула, опустивъ подбородокъ на грудь. Нѣкоторое время онъ даже не думалъ; затѣмъ взялъ и перечиталъ фразу, стоявшую передъ его глазами:

„И этихъ юношей, эти надежды убила война...“

Слова эти на нѣсколько минутъ застряли въ его мозгу.

— Нѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ увѣренно, — они живутъ!

И внезапно его осѣнила мысль, что онъ не одинъ. Есть тысячи и десятки тысячъ такихъ же мужчинъ и женщинъ, какъ онъ, желающихъ, стремящихся отъ всей души произнести, какъ и онъ, это слово примиренія. Не одна только его рука возставала противъ всѣхъ этихъ препятствій... Французы и русскіе сидятъ въ такой же тишинѣ, лицомъ къ лицу передъ тѣми же недоумѣніями; есть нѣмцы, которые тоже ищутъ къ нему какіе-то пути... Даже сейчасъ, вотъ, когда онъ тутъ сидитъ и пишетъ. И онъ впервые ясно почувствовалъ близость какого-то Духа, о которомъ онъ такъ часто и много думалъ въ послѣднее время, Духа, столь близкаго, что онъ гдѣ-то за его глазами, въ его мозгу и рукахъ... Это не обманъ зрѣнія; это сознаніе непосредственной дѣйствительности. И это Гю, Гю, котораго онъ считалъ мертвымъ, это молодой Гейнрихъ, тоже живой, это онъ самъ и всѣ тѣ другіе, ищущіе, всѣ они и болѣе того, — это Господинъ, Вождь человѣчества... Богъ... тутъ съ нимъ и въ немъ; м-ръ Бритлингъ зналъ, что это — Богъ... У него явилось такое ощущеніе, какъ-будто онъ все время шарилъ въ темнотѣ, считая себя одинокимъ среди скалъ и проваловъ и всякихъ безжалостныхъ явленій, и внезапно откуда-то протянулась рука, увѣренная, сильная, и коснулась его собственной руки. Голосъ внутри него самого повелѣвалъ ему бодрствовать и не падать духомъ. И тутъ нѣтъ никакого чудодѣйственнаго фокуса; онъ все еще — слабый и усталый, отчаявшійся болтунъ. Но онъ уже не одинокъ и несчастенъ, уже не во власти отчаянія. Богъ рядомъ съ нимъ, въ немъ и вокругъ него... Это былъ рѣшающій моментъ въ жизни м-ра Бритлинга — нѣчто столь же легкое, какъ проносящееся яснымъ апрѣльскимъ утромъ облачко; нѣчто столь же великое и значительное, какъ первый день творенія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ м-ръ Бритлингъ продолжалъ сидѣть, откинувшись

креслѣ, съ подбородкомъ на груди и руками, спущенными съ ручекъ кресла. Потомъ онъ выпрямился и глубоко вздохнулъ...

Это пришло такъ незамѣтно... какъ-будто въ порядкѣ вещей.

Вотъ уже нѣсколько недѣль голова его была занята этой мыслью. Онъ недавно еще говорилъ съ Летти объ этомъ „конечномъ" Богѣ, Царѣ исканій человѣка во времени и пространствѣ. Но до сихъ поръ Богъ для него былъ чѣмъ-то отъ разума, теоріей, слухомъ, чѣмъ-то, о чемъ говорилось, но что не сознавалось... Все то, что до сихъ поръ думалъ о Богѣ м-ръ Бритлингъ, было похоже на то, какъ если бы кто-нибудь вдругъ нашелъ пустой домъ, очень красивый и пріятный; и въ то время, какъ открывшій этотъ домъ продолжаетъ свое одинокое, любопытствующее изслѣдованіе его, онъ слышитъ внизу дорогой и близкій голосъ хозяина, входящаго въ домъ...

Теперь ужъ нечего было отчаиваться, что онъ самъ одинъ изъ слабыхъ міра сего. Богъ воистину съ нимъ; и онъ съ Богомъ. Царь приближался въ царствіе свое. Среди тьмы и разоренія, кошмарныхъ жестокостей и отвратительныхъ безумій великой войны, Богъ, Предводитель Міровой Республики, боролся, пробивая себѣ дорогу къ царствію своему. И до тѣхъ поръ, пока каждый напрягаетъ всѣ свои усилія, отдавая всего себя на служеніе столь великому дѣлу, имѣетъ ли какое-нибудь значеніе то, что дѣлаетъ каждый такъ убого и ничтожно?

— Я слишкомъ много думалъ о себѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и о томъ, что я сдѣлалъ самъ. Я забылъ о томъ, что было во мнѣ.

X.

Вскорѣ послѣ этого онъ началъ перелистывать остальную часть того, что написалъ за ночь, и перечитывалъ написанное, какъ-будто это было сочиненіе какого-то другого человѣка.

Болѣе позднія замѣтки были еще отрывочнѣе первыхъ и написаны неувѣреннымъ, размашистымъ почеркомъ.

„Сдѣлаемъ себя охранителями и сторожами порядка міра"...

„Хотя бы изъ любви къ нашимъ мертвымъ"...

„Дадимъ обѣтъ служенія. Отдадимъ себя цѣликомъ, всѣми помыслами и сердцами нашими усовершенствованію и развитію методовъ демократіи и уничтоженію навсегда шаекъ авантюристовъ, торговцевъ, купцовъ, хозяевъ, владѣльцевъ и предсказателей, ввергнувшихъ человѣчество въ тину ненависти и крови... въ которой погибли наши сыновья... и въ которой все еще барахтаемся мы сами..."

Какъ безсиленъ былъ этотъ пискъ увѣщеванія, кончающійся такой крикливой позой!

— Ввергнувшихъ, — перечиталъ м-ръ Бритлингъ и сталъ критиковать фразу...

— Павшихъ вмѣстѣ съ нами, — поправилъ онъ.

— Очевидно, потому такъ озлобляешься и негодуешь, — что чувствуешь себя одинокимъ, чувствуешь, что для нихъ твой разумъ — не разумъ. Озлобляешься отъ сознанія молчаливаго и равнодушнаго противорѣчія, и забываешь Силу, часть которой ты составляешь...

Страница, гдѣ стояла фраза, которую онъ такъ критиковалъ, была въ сущности пустая, если не считать того, что поперекъ ея, по діагонали, были весьма тщательнымъ почеркомъ выписаны слова:

„Гю“ и „Гю Филиппъ Бритлингъ“.

На слѣдующемъ листѣ было написано:

„Построимъ миръ Міровой Республики среди этихъ развалинъ. Пусть это будетъ нашей религіей, нашимъ призваніемъ“.

На этой страницѣ онъ остановилъ письмо.

Послѣдняя страница рукописи м-ра Бритлинга содержала лишь слѣдующій наборъ словъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по листу:

„Гю... Гю... дорогой мой Гю...

...Адвокаты... Властелины...

...Торговцы, распрями и спорами...

...Честность...

...Кровь... кровь...

...И покончите съ ними всѣми...“

XI.

Онъ вздохнулъ.

Взглянулъ на разбросанныя бумаги и вспомнилъ о письмѣ, которое онъ долженъ былъ составить.

Но первой заговорила его усталость.

— Можетъ-быть, въ концѣ-концовъ, лучше просто послать скрипку...

Онъ подперъ щеки руками и такъ сидѣлъ нѣкоторое время. Его глаза глядѣли въ пространство, ничего не видя. Его мысли разбрелись, разсѣялись и поблекли. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и вернулся къ послѣдней мысли.

— Послать просто скрипку... безъ всякаго письма.

...Нѣтъ, я долженъ имъ просто и ясно написать...

...О Богѣ, какимъ я Его нашелъ...

...И какимъ Онъ нашелъ меня...

И на нѣкоторое время онъ снова забылъ о старикахъ въ Помераніи. Онъ что-то сталъ себѣ нашептывать. Перебиралъ мысленно то убѣжденіе, которое теперь стало такимъ яснымъ и неоспоримымъ въ его мозгу.

— Религія — первое и послѣднее, и до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не нашелъ Бога, и Богъ не нашелъ его, онъ начинаетъ безъ начала, работаетъ безъ цѣли, безъ конца. У него могутъ быть дружбы, преданность, осколки чести. Но всѣ эти вещи находятъ свое мѣсто, и вся жизнь находитъ свое мѣсто только съ Богомъ. Только съ Богомъ! Богъ, — борющійся въ человѣкѣ, и посредствомъ человѣка противъ Слѣпой Силы Ночи и Небытія, есть конецъ и цѣль, и смыслъ. Онъ — Царь единственный... И конечно, я долженъ писать о Немъ. Я долженъ сказать всему моему Міру о Немъ. И до прихода истиннаго Царя, неизбѣжнаго Царя, Царя, неизмѣнно присутствующаго тамъ, гдѣ собираются нѣсколько праведниковъ — эти окровавленныя развалины древняго міра, эти ничтожные мелкіе властелины, эти коварные политиканы и хитрые адвокаты, люди, требующіе и хвастающіе, обманывающіе и принуждающіе, это созидатели войнъ и насильники — скоро съежатся и исчезнутъ... какъ комокъ бумаги, брошенный въ огонь...

Нѣкоторое время спустя онъ прибавилъ:

— Наши сыновья, показавшіе и открывшіе намъ Бога...

XII.

Онъ провелъ ладонями по глазамъ и лбу.

Эта ночь неимовѣрныхъ усилій утомила его мозгъ, и онъ уже не въ состояніи былъ думать легко и свободно. И сидя за столомъ, прижавъ руки къ глазамъ, онъ погрузился въ какую-то пустоту...

Потомъ онъ всталъ и стоялъ, совершенно неподвижно, у окна, глядя въ садъ...

Лампа все еще горѣла, но уже давно онъ писалъ не при ея свѣтѣ. Незамѣтно подкрался день и уничтожилъ потребность въ этомъ обособленномъ кружкѣ желтаго свѣта. Въ міръ вернулись краски, чистыя жемчужныя краски, чистыя и опредѣленныя, какъ взглядъ ребенка или дѣвичій голосъ, и золотая прядь какого-то облачка висѣла на небѣ подъ церковнымъ шпилемъ. Надъ прудомъ нависъ туманъ, мягкій сѣрый туманъ, вышиной не больше аршина. На мокрой отъ росы травѣ за

рѣшеткой его сада пробѣжалъ выводокъ куропатокъ, остановился и снова побѣжалъ. Въ этомъ году куропатокъ расплодилось необычайное множество, такъ какъ на нихъ почти никто не охотился. А тамъ дальше, на лугу сидѣлъ на заднихъ лапахъ заяцъ, неподвижный, какъ камень. Заржала лошадь... И волна за волной свѣта и тепла заливали міръ, окружающій Матчингсъ-Изи, въ ожиданіи восхода солнца.

Казалось, какъ-будто въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого утра и солнечнаго восхода...

Издалека, изъ-за церкви, донеслись какіе-то звуки... то ранній работникъ точилъ косу...

ОГЛАВЛЕНІЕ.